

Дх
4906
№6

А. СОРЕЛЬ.

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA REVOLUTION FRANÇAISE)

СОЧИНЕНІЕ, УДОСТОВЕРЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ ГОБЕРТ А.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ПЕРЕМИРІЕ. ЛЮНЕВИЛЬСКІЙ И АМЬЕНСКІЙ
ДОГОВОРЫ.

1800—1805.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣева

1906.

9/4) + 9/44/4
С 65. m

А. СОРЕЛЬ.

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

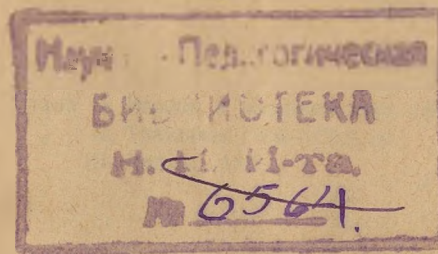
СОЧИНЕНІЕ. УДОСТОЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ GOBERT'A.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ПЕРЕМИРІЕ. ЛЮНЕВИЛЬСКІЙ И АМЬЕНСКІЙ
ДОГОВОРЫ.

1800—1805.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1906.

к.

DX
4906
нб

А. СОФЬЯ

Свердлов
1991 г.

289 ³/₉₀

КНИГ. СО. АН. СССР
Гос. Публ. б-н. гели
бл. листка

КНИГ. СО. АН. СССР
Гос. Публ. б-н. гели
бл. листка

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ VI ТОМА.

Перемирие.—Люневильскій и Амьенскій договоры.

КНИГА I.

Люневильскій договоръ.

	стр.
Глава I. Консульская республика 1799—1800.	1
„ II. Маренго. 1800 г.	33
„ III. Миръ съ Австріей 1800—1801.	59
„ IV. Русскій союзъ. 1801	88

КНИГА II.

Амьенскій миръ.

Глава I. Лондонскія прелиминарныя статьи 1801 г.	118
„ II. Амьенскій миръ. 1801—1802	149
„ III. Соперничество среди мира. 1803	174
„ IV. Разрывъ 1802—1803	216

КНИГА III.

Коалиція.

Глава I. Европа и разрывъ мира 1803—1804.	245
„ II. Трактаты 1804—1805 гг.	304
„ III. Война.—1805 г.	357

КНИГА ПЕРВАЯ.

Люневильскій договоръ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Консульская республика 1799—1800.

Съ 1792 года французскіе революціонеры признавали политическимъ принципомъ, что только государственный переворотъ, *день*, обращеніе къ силѣ, насильственные дѣйствія надъ королемъ и собраніями могли спасти отечество, разрушить коалицію, довести до конца дѣло революціи, гарантировать ея принципы. Всѣ фракціи обращались къ этимъ средствамъ, благодаря имъ возникали всѣ правительства и пользовались ими для того, чтобы оставаться у власти. Изъ всѣхъ этихъ знаменательныхъ *дней* ни одинъ не казался болѣе необходимымъ, чѣмъ 19 брюмера, и онъ былъ менѣе всего днемъ кровавымъ. Во всякомъ случаѣ онъ не вызвалъ энтузіазма. Директорія была слишкомъ ничтожна, чтобы ея паденіе, подобно паденію Робеспьера, казалось общественнымъ благомъ. Она оказалась совершенно несостоятельной и пала, сопровождаемая презрѣніемъ. Она убила свободу, сдѣлавъ ее смѣшною, болтливою и безсильною, синонимомъ анархіи, невыносимою для современниковъ, подозрительною для преемниковъ. Она сдѣлала *нѣчто худшее*: довела народъ почти до отчаянія, разрушивъ его иллюзіи, вызвавъ въ немъ чувство, что онъ былъ игрушкой своихъ принциповъ,—столь привлекательныхъ, что любилъ ихъ довѣрчивою, можно сказать слѣпою любовью, столь простыхъ, что казалась невѣроятной возможность оспаривать ихъ, столь сильныхъ, что народъ вѣрилъ въ добродѣтель всякаго, кто провозглашалъ ихъ. Народъ увидѣлъ, что это правительство злоупотребило имъ самымъ ужаснымъ образомъ. злоупотребило его энтузіазмомъ, его сердцемъ, его кровью.

Это настроеніе умовъ скоро измѣнилось въ направленіи благопріятномъ для консуловъ. Тогда какъ другіе *дни* теряли всякое подобіе своей

необходимости и по мѣрѣ проявленія своихъ результатовъ вызывали разочарованіе и отвращеніе,—брюмеръ съ каждой проходившей недѣлей казался болѣе полезнымъ, болѣе благотворнымъ, т. е. становился болѣе законнымъ въ глазахъ современниковъ. Надежда росла по мѣрѣ того, какъ дѣйствія правительства давали возможность лучше узнать его. Въ революціи это было отличительной чертой брюмера и прочной основой консульства. Другіе дни вели только къ перемѣщенію лицъ въ верхахъ, въ правительствѣ, брюмеръ же со своими вліяніями медленно, но вѣрно проникалъ до самыхъ нижнихъ слоевъ націи. Здѣсь впервые мы видимъ тотъ фактъ, что государственный переворотъ направленъ не къ захвату высшей власти фракціей и нѣсколькими отдѣльными лицами, а къ благу рядового гражданина, къ благу француза, котораго не знаютъ ни его соотечественники, ни правительство,—словомъ—къ благу всѣхъ.

Такимъ-то путемъ, консульство пускало свои подземные корни. Оно шло къ цѣли осторожными шагами ¹⁾. Не слѣдуетъ думать, что эти перемѣны первыхъ недѣль совершались быстро, какъ поднятіе занавѣси на сценѣ передъ вторымъ актомъ послѣ финала перваго акта. Атмосфера вдругъ консуловъ измѣнилась быстрѣе, чѣмъ это могло сдѣлать само правительство. Бонапартъ забиралъ власть лишь мало по малу. Роже-Дюко исчезъ. Затѣмъ удалился Сійэсъ: недовольный, фрондирующий, непримиримый противникъ, но въ то же время жаждавшій богатства и чиновъ. Съ Роже-Дюко исчезъ послѣдній элементъ безсилія директоріи—безсиліе суетливое; съ Сійэсомъ исчезъ послѣдній слѣдъ абстракціи и утопіи—безиліе спекулятивное. Въ свое уединеніе, обставленное со всевозможною пышностью онъ унесъ всѣ выкладки и приемы политическаго алхимика. Люди реальные, позитивные стали завѣдывать дѣломъ, и, казалось, вернулись времена Ришелье. Въ лицѣ Наполеона въ правительствѣ стало брать перевѣсъ само государство, дѣйствующее, живое, оживляющее, національное. Принимая мѣры къ удовлетворенію необходимыхъ потребностей государства, онъ научился искусству управлять. «Поэтъ, осуществляющій свои мечты и громадный военный геній» какимъ онъ заявилъ себя въ Италіи и Египтѣ, Наполеонъ показалъ собою французамъ нѣчто высшее—государственного человѣка, «тотъ неутомимый, искусный, умный духъ администратора, того трудолюбиваго и разумнаго

¹⁾ AULARD. *Histoire politique de la Révolution française*. Часть 4-я: Республика, основанная на плебисцитѣ. Гл. I. Временное консульство; гл. II. Десятилѣтнее консульство. Подробности см. въ яркой картинѣ мѣропріятій: THIERS, t. I. Civ. 1 и 11.—Albert VANDAL, *l'Avènement Bonaparte*: Конституція VIII года.—René STOURM, *les Finances du Consulat*.

законодателя», которые больше побѣдъ приготовили ему и укрѣпили его царствованіе ²⁾.

Управляя Франціей, онъ въ то же время открывалъ эту Францію, всегда живущую своею вѣковою жизнью, всегда вѣрную самой себѣ во всемъ до своей революціи включительно, и даже главнымъ образомъ въ своей революціи, жаждущую примиренія съ самой собою, стремящуюся найти свое равновѣсіе, свой естественный ходъ развитія на своей землѣ, ставшей свободною. Послѣдній крестьянинъ, собственникъ самаго незначительнаго клочка французской земли, владѣлецъ самой незначительной доли національнаго богатства чувствовалъ эту неясную, но сильную потребность—примѣнить революцію къ правамъ французовъ. Французы хотѣли «воспользоваться всѣми выгодами, какія можно было извлечь изъ революціи». Бонапартъ же хотѣлъ, чтобъ его личность была славой революціи. Такимъ образомъ его крайнее честолюбіе совпадало съ общимъ желаніемъ французовъ, удовлетворяя которому онъ упрочивалъ свою власть. Въ этомъ весь секретъ его популярности и самымъ поразительнымъ гениальнымъ его поступкомъ служить та простота, съ какою онъ рѣшилъ вопросъ о тождествѣ своей славы и условій своей власти съ одной стороны и потребностей французовъ съ другой. — «Моя политика состоитъ въ томъ, чтобы управлять людьми такъ, какъ этого желаетъ большинство. Я думаю, что въ этомъ заключается признаніе верховной власти народа». Такимъ образомъ онъ убѣдилъ себя, что онъ есть воплощеніе революціи. Онъ сказалъ это, Франція повѣрила этому и, во всемъ послушная ему нація вообразила, что она продолжаетъ командовать и собою и міромъ.

Франція оставалась на прежнемъ мѣстѣ, не измѣнились ни ея составъ, ни внѣшнія очертанія, ни ея характеръ, ни темпераментъ, и въ виду быстроты и прочности дѣла нужно было воспользоваться новыми принципами правленія—равенствомъ и гражданской свободой,—орудіями, назначенными служить дѣлу государства. Нужно было старымъ плугомъ и по направленію прежнихъ бороздъ обрабатывать землю, представлявшую безпорядочныя глыбы и распаханную только на поверхности. Такъ королевскія дороги шли по дорогамъ римскимъ, такъ королевская мостовая покрывала шоссейную дорогу Цезаря. Точно такъ же въ наше время желѣзныя дороги идутъ вдоль національныхъ путей. Такая концепція привела Бонапарта не къ простой передѣлкѣ на свой ладъ того или иного королев-

²⁾ CHATEAUBRIAND, *Mémoires d'outre-tombe*: Jugement sur Bonaparte.

³⁾ Séance du Conseil d'État, 16 cont 1800.—KOEDERER, t. III p. 334.—Cf. id. p. 459. Conversation du 29 décembre 1801: «Моя политика требуетъ дѣлать то, что пріятно массѣ народа».

скаго указа путем сочетанія его съ тѣмъ или инымъ декретомъ конвента,—она привела его къ тому, что онъ сливалъ себя съ духомъ этихъ указовъ, съ очень реалистическимъ гениемъ древней монархіи; она заставила его предпринять постройку новаго зданія въ томъ же духѣ государственности, сообразно съ тѣми же методами приспособленія къ обстоятельствамъ, которымъ слѣдовали эмпирики высшего полета, отъ законовѣдовъ Филиппа Красиваго до интендантовъ Людовика XIV, отъ Кольбера до Тюрго ⁴⁾. Говорять, что онъ открылъ Римъ, скрытый подъ обломками стараго порядка: онъ пришелъ въ Римъ, пройдя черезъ этотъ древній порядокъ, и если онъ отыскалъ Цезаря, Августа и Діоклетіана, то лишь пройдя черезъ канцеляріи королей ⁵⁾.

Не слѣдуетъ искать какой бы то ни было системы въ конституціи VIII года. Она представляетъ государственную машину, построенную на половину изъ прежде употреблявшихся механизмовъ, на половину изъ механизмовъ, на-скоро придуманныхъ конвентомъ, по формѣ болѣе всего приспособленной для выполненія предстоящихъ ей задачъ. Всю силу, всю душу конституціи составляетъ консульство: оно составляетъ, приказываетъ, исполняетъ. Оно состоитъ изъ перваго консула и двухъ ассессоровъ, все назначеніе которыхъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать постепеннымъ переходъ комитета общественнаго спасенія, съ составомъ отъ 9 до 16 членовъ, директоріи изъ пяти членовъ и консульства изъ трехъ — въ имперію, представляемую однимъ человѣкомъ. Дѣйствительно Бонапартъ если и не царствуетъ, то правитъ самодержавно. Главную пружину правительственнаго механизма составляетъ *Государственный Совѣтъ*, учрежденіе новое, совмѣщающее въ себѣ функціи прежнихъ королевскихъ совѣтниковъ, т. е. — законодательную, судебную, административную — и функціи комитетовъ конвента, облеченныхъ верховнымъ собраніемъ властію фискальную, законодательную, высшею полицейскою; онъ окажется главною лабораторіей; посредствомъ своихъ комиссаровъ, въ свою очередь дополняемыхъ временными представителями ихъ, онъ даетъ всеобъемлющее орудіе работы. Законодательный корпусъ вотируетъ, но не обсуждаетъ, слушаетъ, но не говоритъ. Такое собраніе есть идеалъ по Робеспьеру: оно принимаетъ изреченія жреца и санкціонируетъ ихъ, оно также есть идеалъ законодательнаго корпуса въ духѣ директоріи, испытавшей на себѣ сильное, но неопредѣленное вліяніе фрюктидора. Трибунатъ, обсуждающій законы, но не вотирующий, остается въ этой реалистической конституціи единственнымъ пережиткомъ увлекательныхъ утопій свободы

⁴⁾ Ср. т. I, стр. 221 и слѣд.

⁵⁾ См. т. I, кн. II, гл. 1.

онъ послужить переходною ступенью отъ безплодныхъ преній къ полному молчанію. Сенатъ есть главное учрежденіе республики, священное, щедро вознагражденное, съ разнообразными и туманными атрибутами. Въ своихъ щедро оплачиваемыхъ досугахъ онъ поглощаетъ тѣхъ, кого консулъ хочетъ держать въ рукахъ, въ то же время устраняя ихъ отъ участія въ управленіи, т. е. людей либо неудобныхъ, либо уже израсходовавшихъ въ работѣ свои силы. Учрежденія имѣютъ значеніе въ зависимости отъ людей, которые прилагаютъ ихъ къ жизни. Учрежденія, о которыхъ идетъ рѣчь, были искусно составлены, подборъ лицъ былъ сдѣланъ умѣло. Ассессорами въ консульство Бонапартъ выбралъ двухъ человѣкъ, воснившихъ на дѣлахъ прежняго образа правленія, стало быть, людей способныхъ поставить революцію въ прежнія государственныя рамки и установить преемственность власти во Франціи: Лебрена, который съ Мону подготовилъ парламентскую реформу и имѣлъ репутацію великаго финансиста ⁶⁾ и Камбасереса, бывшаго парламентскаго совѣтника, въ III году предсѣдательствовавшего въ комитетѣ общественнаго спасенія, человѣка умнаго и хитраго, съ громкимъ именемъ, величественной наружности, съ манерами парламентскаго президента, виѣшностью напоминавшего сановное духовное лицо, всегда считавшагося въ своей провинціи лицомъ важнымъ и вліятельнымъ, въ революціи сыгравшаго роль «очень полезнаго человѣка», получившаго ре-номе человѣка «умѣреннаго и осторожнаго», послѣ того какъ онъ обезопасилъ свою жизнь создавъ революціонный трибуналъ. Короче, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ всѣхъ временъ, это былъ «человѣкъ съ большимъ вѣсомъ». Ядро сената составляли люди порядка, таланта, даже науки, которые пристали къ республикѣ, жили при террорѣ, гнушались вспоминать о немъ и боялись его повторенія; брюмерьянцы по обстоятельствамъ и расчету, монархисты по темпераменту, признающіе впрочемъ лишь ту монархію, которую они сами устроили бы изъ революціи, и по-видимому, съ іюля 1789 года постоянно мечтавшіе о томъ, что стало фактомъ въ іюлѣ 1830 года ⁷⁾; въ то время большіе скептики въ вопросахъ политической свободы, люди съ очень твердыми убѣжденіями въ вопросѣ о свободѣ гражданской, особенно о свободѣ мысли; антиклерикалы въ душѣ, не христіане, а нѣкоторые изъ нихъ даже профессиональные атеисты, возставшіе противъ ига католическаго Рима, но все покорив-

⁶⁾ Cf. t. I, p. 206.

⁷⁾ «Намъ нуженъ настоящій король, ибо я собственникъ, нужно, чтобы онъ имѣлъ корону, ибо я занимаю это мѣсто; стало быть нужно покончить съ революціей. Король вышедшій изъ нея, выводящій свои права изъ нашихъ...» Разговоръ между Шампаньи и д'Антрэнемъ у аббата Мэдье, въ Вьнѣ 21 Августа 1801 года. Ringaud, *Un Agent secret*.

шесся Цезарю, это были: Лапласъ, Лагранжъ, Бертоле, Монжъ, Траси, Вольней, Кабанисъ, Ласпедъ, д'Арсе, д'Обентонъ; затѣмъ, рядомъ съ ними славныя военныя имена, Келлерманъ; администраторы, банкиры, Перрего. Подпавшие нѣкоторому вліянію фрюктидора и фрюктидорьянцы, въ государственномъ совѣтѣ стали брюмерьянцами. Пять президентовъ: два военныхъ, Брюнь и Гантомъ; три гражданскихъ: Дефермонъ, Буляй, Редереръ. Три послѣдніе, образованные, трудолюбивые, послушные, составляли душу учрежденія. Въ трибунатѣ блестящія имена, неспокойные умы, ферментъ ораторствующей республики, готовый перейти къ возмущенію: Шенъе, Андрію, Шовеленъ, Жирарденъ, Дону, Жингъене, Ларомигьеръ. Жакмонъ; Бепжаменъ Констанъ — глава цѣлой группы лицъ, человѣкъ ума блестящаго, но представляющій политическую несостоятельность учрежденія, литераторъ, философъ, романистъ и романтикъ, влюбчивый, человѣкъ, умъ въ высшей степени разносторонній, но измѣнчивый, всегда неуловимый и для самого себя и для другихъ, карьера котораго представляла рядъ поразительныхъ уклоненій въ сторону; резонирующій о свободѣ въ то время, когда на это прошла мода, и когда въ свободу никто болѣе не вѣрилъ; незамѣнимый собесѣдникъ въ сферѣ политики, пережившій революцію словъ, человѣкъ безъ почвы въ революціи организованной; меньше всего на свѣтѣ человѣкъ дѣла и государственныхъ принциповъ, когда все становилось дѣломъ и государствомъ.

24 фримера VIII года—15 декабря 1799 года—объявляя конституцію французамъ, Бонапартъ опредѣлилъ ея духъ⁸⁾: «Конституція основана на истинныхъ принципахъ представительнаго правленія; на священныхъ правахъ собственности, равенства, свободы. Ея власть сильна и прочна, какою и должна быть, чтобы обезпечить права гражданъ и интересы государства. Граждане, революція поставлена въ прочную связь съ принципами, послужившими ея началомъ. Она окончена».

И 25 декабря резюмировалъ свою политическую программу: «сдѣлать республику дорогою для гражданъ, вызывающею уваженіе въ иностранцахъ, страшною врагамъ».

Законъ объ организаціи округовъ довершалъ дѣло. Префекты—званіе заимствованное у римской республики 1798 года—заняли мѣсто королевскихъ интендантовъ. Это были консулы въ миниатюрѣ, и число ихъ равнялось числу крупныхъ центровъ.

Но еще оставались непокорные элементы. Это были роялисты. 19 брюмера застало ихъ готовыми къ бою. Такими же они были и наканунѣ фрюктидора. Они вѣрили, что настала часть, что страна созрѣла для во-

⁸⁾ Объ редакціи этого манифеста, ROEDERER, t. III, p. 328—329

енной диктатуры, которая, по ихъ расчетамъ, должна бы составить авангардъ королевской арміи и возстановить королевскую власть. Это были непоколебимые защитники права, которое они ставили выше чело-вѣческой воли, ссылались на его божественность, хотя вѣрили, что только сила—сила революціонная—можетъ привести къ побѣдѣ этотъ вѣчный божескій законъ. Имъ нуженъ былъ республиканскій генералъ и республиканскіе солдаты. Измѣна, или по меньшей мѣрѣ вѣроломство должно было служить неперемѣннымъ предисловіемъ къ возстановленію монархіи. Они не считались съ совѣстью, какъ сторонники самодержавія народа не считались съ *днемъ* и съ насиліемъ возставшей городской черни надъ представителями націи.

Бонапартъ казался имъ человѣкомъ въ родѣ Пишегрю, только болѣе ловкимъ и удачливымъ. Они предназначали его для роли Монка, котораго предсказывали все пророки эмиграціи, и который долженъ былъ своею ишагою рѣшить трагическій вопросъ. Какъ мало они знали его!

Онъ предупредилъ ихъ, захвативъ въ свои руки власть, и права обманулъ ихъ надежды. Онъ отправилъ ихъ туда, гдѣ они даже имѣли силу—въ возставшую страну. По отношенію къ нимъ онъ просто повторилъ политику Гоша, съ тѣмъ различіемъ, что практиковалъ ее въ большихъ размѣрахъ, не встрѣчая, какъ это было съ Гошемъ, препятствій ни въ сопротивленіи мѣстныхъ властей ни въ непостоянствѣ директоріи. Онъ обѣщалъ амністію всемъ подчиняющимся и безпощадную расправу съ непокорными. Въ своихъ угрозахъ и преслѣдованіяхъ онъ соединялъ въ одно—шайки роялистовъ, шуановъ, *chauffeurs* овъ⁹⁾, разбойниковъ, католиковъ. Но онъ обращался съ ними совершенно различно. Онъ шелъ на встрѣчу католикамъ, ободрялъ ихъ, находившихся въ тюрьмахъ священниковъ отпускалъ на свободу, возвращалъ находившихся въ изгнаніи, какъ напр. въ Италіи, обнаруживалъ намѣреніе уважать религіозныя вѣрованія, обезпечить свободу богослуженія подъ тѣмъ условіемъ, чтобы священники подчинились и проповѣдывали подчиненіе законамъ республики. Онъ распорядился совершить торжественный погребальный обрядъ надъ Піемъ VI, умершимъ въ Валенціи за шесть мѣсяцевъ до того и остававшимся безъ совершенія этого обряда. Наконецъ, чтобы возвратить этихъ французовъ Франціи, онъ обращался съ ними какъ съ гражданами, говорилъ имъ о правахъ, которыя имъ давала революція, взывалъ къ ихъ патриотизму. Въ одной и той же прокламаціи 28 декабря 1799 г., въ которой была фраза: «Никто не можетъ сказать кому бы то ни было:

⁹⁾ *Chauffeurs* (истопники, кочегары) разбойники, которые во время революціонныхъ смутъ жгли ноги своихъ жертвъ, съ цѣлью добиться отъ нихъ признанія, гдѣ спрятаны ихъ деньги.

Прим. переводчика.

ты будешь совершать такую то церковную службу, и непременно въ такой-то день»,—онъ называетъ виновниковъ междоусобной войны измѣнниками, продавшимися Англіи, причиной ея ярости ¹⁰⁾).

Его дѣйствія согласовались со словами, и страна незамѣтно успокаивалась.

Вожаки, покинутые своими войсками, раздѣлились. Одни изъ нихъ—непримиримые—продолжали борьбу. Эта группа состояла изъ фанатиковъ, признающихъ всякія военныя хитрости, лохищенія, секвестрацію, разнаго рода снаряды, до адскихъ машинъ включительно. Гражданскія и религіозныя войны дали превосходныя иллюстраціи такого рода, независимо отъ вопроса, къ какой партіи, къ какой вѣрѣ принадлежитъ неудобный человѣкъ: будетъ ли это герцогъ Гизъ, или адмиралъ Колиньи. Заговоръ, разстроенный въ 1804 году, заговоръ Жоржа — такіе заговоры существуютъ съ первыхъ дней консульства. Но эти роялисты имѣли также своихъ дипломатовъ: въ то время когда люди дѣла собирали свои войска и приготавливали свои машины, тѣ, кто искалъ Монка и надѣялся найти его въ Бонапартѣ, тѣ старались подойти къ Бонапарту, позондировать его. Они отправили къ нему делегатами д'Андины, самаго доблестнаго человека изъ своей среды, и Гидъ де-Нёвилля, самаго хитраго изъ нихъ—воина и заговорщика.

Талейранъ устроилъ свиданіе и 27 декабря привелъ Гида къ Бонапарту, который жилъ еще въ то время въ маломъ люксембургскомъ дворцѣ. Погруженный въ размышленія, Гидъ ждалъ нѣкоторое время, какъ вдругъ онъ увидѣлъ, что вошелъ человѣкъ «малаго роста, худощавый, съ перфши-тельной поступью, съ волосами, приглаженными на вискахъ», «во фракѣ оливковаго цвѣта, съ выраженіемъ на лицѣ крайней небрежности», съ лицомъ, которое ничего не говоритъ. Мое заблужденіе еще увеличилось, когда онъ перешелъ черезъ комнату, не бросивъ на меня ни одного взгляда. Онъ прислонился спиной къ камину и поднималъ голову, смотря на меня съ такимъ выраженіемъ, съ такою проницательностью, что я совершенно растерялся подъ его огненнымъ пытливымъ взоромъ. Человѣкъ этотъ въ моихъ глазахъ выросъ сразу на сто локтей. 29 декабря такая же театральная сцена повторяется съ Андиной. «Обстоятельства измѣнились»,—сказалъ онъ имъ,—и ничто не должно мѣшать вамъ вступить со мною въ переговоры... Если вы желаете, мы покончимъ въ пять минутъ... Д'Андины не были на это уполномочены, но они стали обсуждать статьи договора и дошли до религіи. — Я возстановлю ее, — ска-

залъ Бонапартъ, — не для васъ, а для себя. Потомъ онъ сказалъ одну изъ фразъ въ духѣ Фридриха: «Мы,—знать,—не очень религіозны, но религія необходима для народа».

Обрывая рѣчь, дѣлая экскурсіи въ сторону, своеобразно сплетая идеи при помощи неопредѣленныхъ и рѣзкихъ остротъ, но никогда не выходя изъ границъ вѣжливости, Бонапартъ то слушалъ съ заложенными за спину руками, то нервно расхаживалъ большими шагами по комнатѣ, вдругъ останавливался передъ собесѣдникомъ, продолжалъ свою рѣчь, рѣзко жестикулируя, энергично произнося слова, казавшіяся даже жесткими вслѣдствіе еще очень замѣтнаго у него корсиканскаго акцента. Д'Андины старался привлечь его вниманіе къ вопросу о претендентѣ, ибо въ этомъ состояла цѣль его миссіи...

«Вы мнѣ все говорите о королѣ, стало быть, вы роялисты? — Уже десять лѣтъ какъ я борюсь за возстановленіе французской монархіи.— Но я не роялистъ.—Я желалъ бы, чтобы вы имъ были». Бонапартъ пришелъ въ волненіе, но скоро овладѣлъ собою. Онъ говоритъ о принципахъ какъ солдатъ, который испыталъ много приключеній, выигравшій партію, подвергаясь большому риску, ведя большую игру. «Они ничего не сдѣлали для славы. Они забыты. Почему они не были въ Вандеѣ? Ихъ мѣсто было тамъ. Вотъ еще слабый пунктъ рѣчи д'Андины. Изъ чувства простого приличія онъ дѣластъ замѣчаніе о зложелательствѣ англичанъ.—«Нужно было броситься въ рыбацье судно!» За отсутствіемъ барки Цезаря это судно доставило его изъ Египта! «Вы не можете себя представить, какъ мало интересуется этимъ Европа».

Затѣмъ Бонапартъ, стараясь соблазнить д'Андины, говоритъ ему: «Чѣмъ вы желаете быть? Генераломъ, префектомъ? Вы и ваши получите, чего желаете.—Мы все ничего не желаемъ для себя.—Стало быть, вы находите униженнымъ для себя служить Бонапарту?—Нисколько.—Но мы не можемъ завтра идти противъ государствъ, съ которыми были въ союзѣ.—Значитъ, вы союзники иностранныхъ государствъ?» Англичане только что мѣшали принципамъ явиться въ Вандею, теперь англичане мѣшаютъ вандейцамъ служить Франціи. Чувствуется неловкость, и Бонапартъ выражаетъ нетерпѣніе и агрессивность, а д'Андины нервно защищается. —«Заклучивъ миръ, я найду средство покорить васъ.—Это будетъ вамъ трудно, генералъ. Вы не знаете ни нашихъ средствъ, ни нашей системы бороться.—Я все знаю, и я подчиню васъ силою. Я поступлю такъ, какъ поступилъ въ Италіи — предамъ огню три-четыре департамента, и вы должны будете сдаться.—Вамъ далеко еще до мира.—Благодаря императору, я заключу его, когда захочу. Императоръ еще помнитъ, что онъ обязанъ мнѣ своею короною. Въ Кампо-Форміо отъ меня зависѣло лишить

¹⁰⁾ Mémoires de Hyde de Neuville, d'Andigne, Tercier. — Conversation de Bourmont *Revue des documents historiques*, t. I, p. 97. — La SICOTIÈRE, *Frotte*, Cf. t. V, p. 16.

его трона. Я не сдѣлалъ этого. Онъ вспомнить объ этомъ и вступить со мною въ переговоры».

Они ушли съ убѣжденіемъ, что «никогда онъ не будетъ ихнимъ», и что его противники имѣли противъ него въ своемъ распоряженіи лишь заговоръ внутри и коалиція извнѣ. Ибо если въ республикѣ и зависѣло отъ него все, то сама его жизнь была не въ его рукахъ, и, устранивъ его, можно было бы найти генераловъ болѣе угодливыхъ. «Какова ваша цѣль? говорилъ онъ немного спустя Бурбону. Возстановить Бурбоновъ, не такъ-ли? Пока я буду во главѣ правительства, вы никогда этого не достигнете. Послѣ моей смерти вы сдѣлаете, что вамъ угодно, для меня это безразлично». Онъ присовокупилъ: «Вы не можете служить Бурбонамъ, если вы ничего не представляете собой. Напротивъ, вы можете быть имъ полезны, если будете занимать мѣста. Во всякомъ дѣлѣ правительству нужны люди, которые ему служатъ. Если вы отказываетесь отъ мѣста, то я вынужденъ дать ихъ якобинцамъ, и вы подвергнетесь преслѣдованіямъ».

Онъ писалъ генералу Сентъ-Плэру, 4 января 1800 года: «Вразумите массу. Дайте понять всѣмъ гражданамъ, что время партій и раздоровъ прошло. Скажите, что революція окончена, что если есть нѣсколько честолюбцевъ, чувствующихъ потребность въ ненависти, если есть лица, желающія разорвать соціальныя договоры, пусть они знаютъ, что бразды правленія находятся въ рукахъ твердыхъ и привыкшихъ продолжать все пренятствія». Потомъ онъ сталъ наносить удары страшные и повторяющіеся. Но та же рука, которая подписываетъ приказъ разстрѣлять Фротэ, уничтожить Жоржа, та же рука кладетъ конецъ страшному списку проскрипцій, подписываетъ свободные пропуски, возвращаетъ секвестрованные имуществы. Бонапартъ полукрываетъ дверь эмигрантамъ, возвращаетъ имъ ихъ жилища, правда, безъ всего, опустошенныя, но все таки это—очаги, вокругъ которыхъ собираются члены семьи, уже восемь лѣтъ жившіе въ разсѣяніи. Онъ привлекаетъ ихъ, дѣйствуя на сердце, и удерживаетъ ихъ при помощи выгодъ. Ихъ лишь терпятъ, но ихъ страстное желаніе остаться, страстное желаніе дышать роднымъ воздухомъ приковываютъ ихъ окончательно. За отсутствіемъ привилегій, потерянныхъ навсегда, они требуютъ благъ новаго государственнаго порядка,—равенства, которое раньше презиралось, а теперь стало желательнымъ и полезнымъ. Вступить вновь въ свои общія права значитъ начать возстановлять свое общественное положеніе, и именно путемъ самымъ естественнымъ, традиционнымъ, черезъ который прошли и которыми возвысились предки т. е. путемъ военной службы.

Тутъ нѣтъ мѣста сомнѣніямъ, потому что люди расплачиваются своею

кровью, потому что они доблестны и бьются за Францію. Одни бросаются сюда подъ вліяніемъ страшныхъ ударовъ, прельщаемые виѣшнимъ блескомъ, ослѣпленные воинственнымъ энтузіазмомъ, который бродитъ въ ихъ крови и вспыхиваетъ при видѣ величественнаго церемоніальнаго марша военной Франціи. Таковы Филиппъ Сегюръ въ дни брюмера. Многие другіе, нашедшіе въ эмиграціи только разочарованіе, скуку и всевозможные невзгоды; провинціальныя дворяне, рожденные и выросшіе въ зависти къ придворной знати, составлявшіе эмигрантскій штабъ, недовольные своими принцами, которыхъ они даже не знали,—все они вступаютъ въ республиканскую армію, побуждаемые тѣмъ же задорнымъ духомъ, который заставилъ ихъ эмигрировать, и они рады сражаться уже не противъ французовъ, которымъ они удивлялись, а противъ иностранцевъ, къ которымъ, подъ вліяніемъ изгнанія, стали относиться болѣе враждебно и съ большимъ отвращеніемъ.

Бонапартъ поставилъ дворянъ на прежнее ихъ мѣсто, открывая имъ доступъ въ армію; онъ, такъ сказать, перенесъ ихъ на родную почву; но онъ дѣлалъ ихъ конкурентами и соперниками офицерамъ, вышедшимъ изъ революціи; чтобы привлечь роялистовъ, онъ не оставляетъ въ покоѣ республиканцевъ, особенно же военныхъ, ревниво относящихся къ своимъ прерогативамъ въ республикѣ, постоянно тревожащихся о своихъ повышеніяхъ въ чинахъ, волнующихся изъ-за конкуренціи упомянутыхъ роялистовъ.

Въ арміи Моро, офицеры, и самая блестящая, самая богатая и славная молодежь, говорили на своихъ роскошныхъ обѣдахъ въ монастыряхъ и дворцахъ Германіи, гдѣ побѣдителямъ служили побѣжденные—«Что мы стали бы дѣлать съ этимъ миромъ, который былъ бы полезенъ только диктатору?» Такимъ образомъ все арміи сражались бы ради его одного! Но какому праву его колоновожатые, его гвардія, его египетскія арміи... поднимаютъ его все выше и выше на своихъ щитахъ, до насъ и выше насъ? Допустятъ ли, чтобы побѣдители при Неаполѣ, Цюрихѣ..., чтобы Макдональдъ, Массена и даже самъ Моро сдѣлались подчиненными Бонапарта, орудіями для его возвышенія? ¹²⁾

Во всякой республикѣ правительственные мѣста обезпечены отъ опасности, и тогда, на другой день послѣ революціи, какъ прежде на другой день послѣ Нантскаго эдикта, предстояло рѣшить вопросъ, кто могъ бы занять эти мѣста. Собралось достаточное число якобинцевъ съ цѣлью вступить во власть. Бонапартъ успѣлъ лучше и быстрѣе ихъ, и это показываетъ, что они и по темпераменту, и по убѣжденіямъ были люди авто-

¹¹⁾ LECTURES DE SOLDAT. *Mémoires de soldat*.

¹²⁾ SÉGUR, t. II, liv. XIV, chap. III et VI.

ритета, любили власть и способны были пользоваться ею, находясь под руководством властелина. Суды старого порядка приучили их к работѣ, конвентъ къ повинновенію, Робеспьеръ, къ молчанію. Между ними есть несправимые, говорилъ Бонапартъ Камбасаресу, а относительно одного изъ нихъ прибавилъ: «Онъ будетъ дурно служить мнѣ, ожидая новой революціи, которая должна будетъ принести ему выгоды». Эти двѣ строчки резюмируютъ всю политическую карьеру Фуше, отъ террора до реставраціи, отъ Робеспьера до Людовика VIII, захватывая всю имперію. Тѣмъ не менѣе Бонапартъ держалъ его на службѣ, предпочитая держать его въ государствѣ, чѣмъ имѣть противъ себя. Но впоследствии онъ говорилъ Берлье, бывшему члену комитета III года: «Между якобинцами были люди хорошіе, и одно время всякій человѣкъ со сколько-нибудь благородной душой обязательно былъ якобинцемъ, и самъ былъ якобинцемъ, какъ были вы, какъ были все эти тысячи добродѣтельныхъ людей». Во всякомъ случаѣ между ними было больше людей, годившихся въ префекты, государственные совѣтники, генеральные прокуроры, чѣмъ въ министры, въ государственные дѣятели. «Мерленъ былъ членомъ директоріи, говорилъ консулъ. Тамъ онъ убѣдился въ своей неспособности управлять. Его честолюбіе было унижено. Онъ охотно перешелъ на менѣе важное, соотвѣтствующее его способностямъ мѣсто и добросовѣстно выполнялъ свои обязанности». Такихъ какъ Мерленъ, былъ цѣлый легіонъ, и легіонъ этотъ, занимавшій главныя служебныя мѣста въ правительствѣ консуловъ, составлялъ его дѣятельную силу. Благодаря этимъ людямъ консульство, а потомъ даже имперія, оставались тѣсно связанными съ революціей. Служа Бонапарту, они думали, что меньше служатъ своему господину, чѣмъ революціи, изъ которой вышелъ онъ, какъ и они, и которую они, какъ и онъ, отождествляли съ самими собою.

Остается родня консула, постоянный очагъ критики, козней, почти заговоры, опасность котораго Бонапартъ понималъ, потушить который онъ никогда не имѣлъ энергіи, который онъ даже разжигалъ, который усиливался вмѣстѣ съ возвышеніемъ консула и вслѣдствіе его благодѣяній. Едва онъ сѣлъ въ консульское кресло, какъ кланъ сталъ предвидѣть тронъ и началъ спорить о наслѣдствѣ. Происходитъ спекуляція на счетъ смерти брата, оканчивающаяся лишь съ его царствованіемъ. Онъ видитъ это, это его оскорбляетъ, приводитъ въ раздраженіе, и все-таки онъ сдается: спорить, дѣлать, но не власть, а выгоды и чины. Въ своихъ братьяхъ онъ любитъ себя, гордится собою: такъ какъ они одной крови съ нимъ, то онъ думаетъ, что они способны къ самымъ высокимъ дѣламъ, что они призваны къ самому высокому удѣлу. Въ Люсьенѣ онъ видитъ глубокаго политика, вожака собраній; въ Жозефѣ—человѣка вдум-

чиваго, умничающаго и дѣйствительно умнаго, онъ сдѣлаетъ его важнымъ посредникомъ, важнымъ довѣреннымъ лицомъ республики; Луи онъ желалъ бы сдѣлать генераломъ; Жерома, еще юношу, — адмираломъ будущаго флота. Про себя они думаютъ, что все это принадлежитъ имъ, что братья удовлетворяя ихъ, лишь возвращаетъ имъ то, на что они имѣютъ право. Онъ расплачивается за похищенный у нихъ геній. Для этихъ корсиканцевъ Франція является колоніей, которую можно эксплуатировать; исторіей Франціи они пользуются для созданія себѣ карьеры¹³⁾.

Смерть Вашингтона послужила Бонапарту поводомъ для звучной деклараціи, для одной изъ тѣхъ пышныхъ театралныхъ сценъ, которыя онъ устраивалъ съ такимъ очарованіемъ, и которыя Парижъ такъ любилъ, ибо любовался въ нихъ самимъ собою. 7 февраля 1800 года онъ обратился къ солдатамъ республики съ слѣдующимъ приказомъ по войскамъ:

«Вашингтонъ умеръ. Этотъ великій человѣкъ сражался противъ тирани. Онъ утвердилъ свободу. Память о немъ всегда будетъ дорога французскому народу, какъ всемъ свободнымъ людямъ обоихъ полушарій, и въ частности французскимъ солдатамъ, которые, какъ и онъ и американскіе солдаты, сражаются за равенство и свободу».

Оказавъ эти торжественныя почести мѣстнымъ богамъ, онъ могъ, не вызывая ни малѣйшаго недовольства, поселиться въ Тюильри. Онъ отправился туда 19 февраля въ роскошномъ экипажѣ. Парижъ, сдѣлавшій 10 августа и видѣвшій 21 января, одобрилъ это. Въ этотъ вечеръ самъ народъ легъ въ постель французскаго короля и спалъ въ ней.

Популярность росла прогрессивно росту общественнаго благосостоянія, хорошей администраціи, хорошихъ законовъ. Франція почувствовала жизнь, стала вѣрить въ свою свободу, въ совершенно классическомъ и римскомъ смыслѣ слова, а также въ собственномъ и прямомъ смыслѣ, въ какомъ французы понимали слово—свобода²⁾: свобода, равенство, собственность, суверенитетъ народа, эти слова смѣшивались въ умахъ.

Гражданская свобода, земельная собственность; подчиненіе только законамъ, одинаковымъ для всехъ; платежъ только государственныхъ налоговъ; вотированіе основныхъ законовъ путемъ плебисцита; вотированіе депутатами закона о налогахъ; гарантіи въ пользованіи жилищами, дорогами, трудомъ, сбереженіями; разумная и дѣятельная администрація; просвѣщенное правосудіе, одинаковое для всехъ,—вотъ тѣ реальности, которыя подразумевались подъ этими блестящими абстракціями, такъ часто

¹³⁾ *Études de littérature et d'histoire: «Napoléon et sa famille».*—FRÉDÉRIC MASSON. *Napoléon et sa famille*, t. I. Chap. VI: les débuts du Consulat.

¹⁴⁾ См. I. кр. 205, 216 и сл.

служившими покрываломъ для ажи, а также часто дававшими поводъ къ притѣненію. Такимъ образомъ, Бонапартъ въ своихъ прокламаціяхъ употреблялъ эти самыя слова. Такъ какъ онъ употреблялъ ихъ въ обыкновенномъ, популярномъ значеніи, то никто не обвинялъ его въ извращеніи смысла этихъ словъ, въ неуваженіи къ нимъ. Его понималъ послѣдній крестьянинъ; чѣмъ онъ тщеславился—онъ былъ понятенъ арміи, до послѣдняго барабанщика. «Бонапартъ ставилъ насъ, говоритъ одинъ современникъ, въ условія болѣе или менѣе свободной жизни... Радостными криками привѣтствовали того, кто приносилъ славу и безопасность, эти два двигателя благополучія Франціи». — Другой говоритъ: «Я съ наслажденіемъ пользовался этимъ моментомъ свободы, о которой всѣ партіи, всѣ люди думали, что владѣютъ ею, и которою почти всѣ пользовались». — Вотъ еще одно свидѣтельство: «Трудно себя представить, въ какомъ состояніи облегченія и благополучія скоро оказалась Франція». Наконецъ, ученый химикъ, революціонеръ въ 1790 году, горячій сотрудникъ комитета общественнаго спасенія въ дѣлѣ національной защиты, членъ Института въ 1798, государственный совѣтникъ въ 1800 году, говоритъ: «Трудно придумать конституцію съ болѣшими гарантіями народныхъ правъ»¹⁵⁾.

То, что онъ доставилъ и обезпечилъ всѣмъ то, что каждый сильнѣе всего желалъ и чего съ наибольшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ, это составляетъ государственную тайну всѣхъ могущественныхъ и популярныхъ правительствъ. «Они не ставили передъ собой вопроса, писать одинъ изслѣдователь римской цивилизаціи, хорошъ или дуренъ былъ этотъ образъ правленія съ нравственной точки зрѣнія, согласовался ли онъ съ разумными требованіями, или противорѣчилъ имъ. Для нихъ было достаточно, чтобы онъ находился въ гармоніи со всей совокупностью ихъ интересовъ... Люди рѣшили, что власть одного меньше угнетаетъ, чѣмъ власть нѣсколькихъ, и что права личности лучше обезпечивала бы монархія, чѣмъ это сдѣлало республиканское правительство». Тѣ же тенденціи, тѣ же необходимости вызвали въ средніе вѣка французскую монархію, то же теченіе вознесло Гюго Капета на вершину власти, «перваго по энергіи,

¹⁵⁾ *Mémorial de Norvins, Lettres de Joubert, Mémoires de Barante, Souvenirs de Chaptal*. Справ. Augustin THIERRY, *Considérations*, chap. IV; QUINET, liv. I, chap. XI, liv. II, chap. IV, liv. XXIII. TOCQUEVILLE, *Correspondance*, t. I, p. 200—206, 271—272.—PROUDHON, *Napoléon I-er* p. 27, 36, 76, 205: «Такимъ образомъ, всѣ восторгались Наполеономъ, какъ вождемъ революціи, какъ ея первымъ лицомъ въ ея правительствѣ. Въ концѣ концовъ ему приписываютъ славу за все, что дѣлается».

знатности и могуществу, въ которомъ находили защитника не только общественныхъ, но также и частныхъ интересовъ»¹⁶⁾.

Прибавьте любовь къ славѣ и желаніе мира, которыя были не менѣе сильны и не менѣе широко распространены. «Желаніе національной славы царствовало повсюду», говоритъ Барантъ. Тоже говоритъ и г-жа Сталь: «Война революціи экзальтировала національную гордость... энтузіазмъ всѣхъ былъ направленъ въ сторону славы». Прусскій агентъ Сандозъ писалъ 24 ноября 1799 года: «Здѣсь очень желаютъ мира, и его можно достигнуть съ безопасностью, потому что освободились отъ зависимости отъ арміи и отъ якобинцевъ». Но подъ миромъ подразумѣвался миръ республиканскій, прекрасный въ *естественныхъ границахъ*, въ границахъ Галліи, защищенныхъ и обозначенныхъ поясомъ народовъ, «свободныхъ отъ рабства», начиная Батавіей и кончая Гельвеціей и предальпійской Галліей. Это слово—*миръ*—принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя нужно принимать въ томъ смыслѣ, какой имъ придавался въ то время; въ противномъ случаѣ есть опасность не вѣрно понять весь этотъ историческій вопросъ и исказить его, какъ это сдѣлали бы съ словомъ свобода, принимая это слово, обозначающее политическую свободу,—въ духѣ хартій 1814 года, 1830 и особенно въ духѣ конституціи 1848 года. Это есть другая сторона брюмера и Консульства, и въ этомъ отношеніи Бонапартъ представлялъ революцію и могъ называться консуломъ въ двоякомъ римскомъ смыслѣ слова: какъ гражданскій чиновникъ и какъ предводитель арміи, словомъ, какъ человѣкъ государственный. 25 декабря 1799 года, въ тотъ же день, въ который онъ говорилъ французскому народу въ знаменитой прокламаціи: «Сдѣлать республику дорогою для гражданъ, вызывающе уваженіе въ иностранцахъ, страшною для враговъ», въ тотъ же день онъ писалъ англійскому королю и германскому императору, выражая имъ свое желаніе заключить окончательный миръ.

II.

Дѣла человѣческія уловимы только въ ихъ началѣ, въ ихъ первыхъ вышнихъ обнаруженіяхъ, какъ только что вырвавшіяся струи бьющаго ключа. По мѣрѣ того, какъ эти струи удаляются отъ источника, вода смѣшивается, несется по наклонной плоскости, и рѣка представляетъ не что иное, какъ страшную падающую массу, направленіе кото-

¹⁶⁾ FUSTEL DE COULANGES, *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*, t. I, liv. II, chap. II: какъ населеніе смотрѣло на императорскій образъ правленія, t. VI, liv. IV, chap. X: паденіе династіи Каролинговъ.—Ср. т. I, кн. II, гл. I.

рой можно видѣть, но вода которой уже потеряла свою прозрачность. Первые часы консульства, его дѣйствія и слова, такъ сказать, чреваты грядущими событіями. На нихъ слѣдуетъ остановиться, чтобы понять результаты этого историческаго момента, чтобы уловить ихъ связь и удерживать нити, которыми будемъ руководиться, раскрывая громадную картину историческихъ событій, къ чему мы сейчасъ и приступаемъ.

Организація Франціи и ея расширеніе въ Европѣ, все совершается одинаковымъ образомъ, съ одинаковою скоростію. Но въ то время какъ внутри страны усталая революція будетъ все болѣе и болѣе отливаться въ прежнія формы, из-внѣ—она разбиваетъ старыя формы и широко распространяется: здѣсь ея отпечатокъ остается наиболѣе устойчивымъ, и ея толчки долѣе всего будутъ двигать Францію. Бонапартъ удивлялся, комитету общественнаго спасенія, возобновившему политику Ришелье и Людовика XIV. Директорія только продолжала эту политику, доводя ее до крайности и искажая; Бонапартъ слѣдовалъ ей по обдуманному плану, внесъ въ нее методичность, соотношеніе частей, непрерывность работы и гармонию ея въ цѣломъ. Составились цѣлыя массы текущихъ дѣлъ—тѣхъ, которыя велъ Комитетъ, тѣхъ, руководство которыми всегда сохраняла за собою директорія, особенно дѣло съ Пруссіей и Испаніей¹⁾. Ихъ постоянно надо имѣть въ виду.

Въ 1792 году временный исполнительный совѣтъ указалъ на Рейнъ какъ на границу республики. Комитетъ общественнаго спасенія 31 года велъ переговоры объ уступкѣ Франціи этой границы, и, чтобы добиться этого, чтобы вознаградить нѣмецкихъ государей за ихъ потери на лѣвомъ берегу, онъ предложилъ секуляризацию правобережныхъ духовныхъ княжествъ, т. е. территориальную концентрацію Германіи въ пользу свѣтскихъ государей, союзниковъ республики. Онъ предвидѣлъ необходимость составить коалицію изъ континентальныхъ государствъ противъ Англіи, чтобы заставить ее признать за Франціей границы Галліи, и чтобы достигнуть этого онъ предложилъ Испаніи завоеваніе Португаліи, Пруссіи—главенство въ Сѣверной Германіи, Австріи—вознагражденія въ Баваріи и Италіи. Директорія преслѣдовала эту цѣль на Раштатскомъ конгрессѣ, убѣдила нѣмецкихъ князей согласиться на секуляризацию, договорилась съ Пруссіей относительно ея вознагражденія; Фридриху-Вильгельму, въ награду за его союзъ, предложила императорскую корону и присоединеніе Ганновера; связала Испанію, подчинила Португалію; окружила Францію республиками—Батавіей, Гельвеціей и Цизальпиніей, съ которыхъ брала

¹⁾ Эти документы, сохраненные государственной канцеляріей, находятся въ національномъ архивѣ. Ср. т. IV, гл. III, гл. VI, т. X, кн. I, гл. I.

дань и которымъ покровительствовала; заняла Пьемонтъ, раздѣлила на части напсское государство, сдѣлала республиками Римъ и Неаполь, подчинила Тоскану, старалась сдѣлать изъ нихъ всѣхъ одинъ громадный корпусъ, чтобы обложить, блокировать Англію, Средиземное море подъ господствомъ Франціи,—*Средиземное море, французское озеро*—было дополненіемъ этого блестящаго плана расширенія республики.

Бонапартъ делалъ этотъ планъ. Вотъ почему въ моментъ рѣшительнаго успѣха, во время итальянскаго похода и заключенія мира въ Кампо-Формію, онъ сдѣлался самымъ популярнымъ генераломъ и первымъ лицомъ въ республикѣ; вотъ почему для окончанія дѣла, такъ скомпрометированнаго въ 1798 году, онъ возвратился изъ Египта и сдѣлался консуломъ. Франція ждетъ отъ него исполненія плана, который для нея составляетъ условіе и обезпеченіе мира, предѣлъ революціи, торжество и блескъ республики. Его царствованіе возможно только подъ этимъ условіемъ. Это составляетъ главную мысль, постоянный предметъ его политики. Его превосходство заключается въ томъ, что онъ знаетъ средства, ведущія къ этой цѣли, постоянно желаетъ ихъ и умѣетъ приводить ихъ въ согласіе.

Вѣдь, недостаточно, чтобы побѣды Массены, Лекурба, Моро, Брюна освободили республику—этимъ онъ возвращалъ ей положеніе 1795 года: а ее нужно было снова поставить въ условія 1798 года, когда Европа начинала войну, и въ этихъ условіяхъ нужно было ее упрочить окончательно. Что касается отказа Франціи хотя бы отъ одного изъ своихъ завоеваній, объ этомъ онъ никогда не помышлялъ и не помышляетъ: мотивы, побудившіе Францію вступить въ эти страны,—ради завоеваній границы, требуютъ ихъ оккупации, чтобы имѣть возможность сохранить ихъ. Со стороны республики по отношенію къ Европѣ это есть захватъ, и посредствомъ его республика заставитъ Европу сначала подписать миръ, а потомъ соблюдать его. Такимъ образомъ англичане были отражены въ Голландіи, такъ австрійцы подчинились и еще должны будутъ сдѣлать это въ Италіи. Нужна Голландія, если желаютъ держать Бельгію; нуженъ Пьемонтъ, если желаютъ обезпечить сообщеніе съ Цизальпиніей; если не подчинить, то надо сдѣлать союзниками Геную, Миланъ, Римъ, Неаполь, чтобы отбросить австрійцевъ на сѣверъ Италіи и исправить недостатки договора, заключеннаго въ Кампо-Формію, т. е. ошибки относительно Венеціи и части ея владѣній на материкѣ, отданныхъ Австріи. Сверхъ того обладаніе Италіей необходимо для господства надъ Средиземнымъ моремъ, что стало любимой мыслью Бонапарта со времени Египетской экспедиціи.

Мерленъ де-Дузъ говорилъ въ III году отъ имени комитета общественнаго спасенія: «Мы выдержали эту ожесточенную войну не для того,

чтобы съ позоромъ войти въ наши прежнія границы». Республиканскія арміи одерживали побѣды въ 1799 году не для того, чтобы отступить передъ Австріей и отдать ей Италію, возстановить маленькое Пьемонтское королевство и отдать ему ключи Прованса; не для того, чтобы стереться передъ англичанами на сушѣ и на морѣ, чтобы предоставить имъ Голландію, Бельгію, Средиземное море. Франція этого не простила бы, увидѣла бы въ этомъ измѣну освобожденнымъ народамъ, — пожертвованіе дѣломъ, которымъ французы гордятся больше всего, т. е. восторженными крестовыми походами 1792 года и блескомъ итальянскихъ экспедицій.

Франція считаетъ эти народы свободными уже по одному тому, что допускаетъ ихъ къ участию въ почестяхъ республики, что даетъ имъ свои законы и дѣлаетъ ихъ своими согражданами. Сужденіе Бонапарта объ этомъ предметѣ есть ни что иное, какъ народное предубѣжденіе, обставленное доказательствами государственнымъ человѣкомъ. Онъ смотритъ на народы съ сознаніемъ своего превосходства, свойственнымъ «просвѣщенному» французу XVIII столѣтія, который принимаетъ свое «просвѣщеніе» за самую истину, и свою политику по отношенію къ другимъ націямъ онъ опредѣляетъ подобно римлянину, смѣшивавшему свое господство и свою юриспруденцію съ царствомъ права. Его кодексомъ чловѣческихъ правъ будетъ *декретъ 15 декабря 1792 года*, составленный и приведенный въ должную форму юрисконсультомъ *Соединенныхъ Палатъ*. Этотъ государственный актъ, который въ глазахъ членовъ конвента былъ дѣломъ справедливости, въ его глазахъ, остается дѣломъ высшей и справедливой политики. Французъ, поборникъ правъ чловѣчества, истолкователь всеобщаго разума, былъ призванъ своей революціей къ тому, чтобы повелѣвать міромъ. И нельзя, чтобы міръ въ этомъ противился ему; кто противится, тотъ бунтовщикъ. Членамъ конвента казалось, что самая высокая награда для освобожденнаго народа есть допущеніе въ республику, и чтобы быть достойнымъ ея нужна продолжительная подготовительная служба и значительные налоги; Наполеону скоро покажется, какъ это казалось римлянамъ, что быть принятымъ въ имперію есть участь народовъ избранныхъ и посвященныхъ²⁾.

Слѣдовательно республика не можетъ и не должна отступать. Это составляетъ духъ прокламаціи, съ которой Бонапартъ обращается къ войскамъ 25 декабря 1799 года, возвѣщая въ то же время программу консульства: прежде всего обезпечить Франціи «наслѣдство галловъ», и чтобы обезпечить его — перенести войну за предѣлы Франціи:

«Вы тѣ, которые завоевали Голландію, Рейнъ и Италію и даровали

²⁾ См. кн. V, стр. 22.

миръ подъ стѣнами удивленной Вѣны. Солдаты! Вы должны уже не границы ваши защищать, а должны вступить въ непріятельскія государства»³⁾.

«Все есть защита, говоритъ онъ въ государственномъ совѣтѣ Бернадоту; все есть защита даже завоеваніе, оказывающееся вынужденнымъ результатомъ войны». И все эти громадныя круги, все эти рикошеты, выходящіе за предѣлы поля зрѣнія, имѣютъ цѣлью Англію. Въ декабрѣ 1800 года онъ скажетъ Радереру: Англія не должна желать мира, потому что мы господа — всего свѣта. Испанія принадлежитъ намъ. Мы стоимъ въ Италіи. Въ Египтѣ мы грозимъ ихъ тылу. Швейцарія, Голландія, Бельгія... Есть какое-то безповоротное рѣшеніе, изъ-за котораго было объявлено Пруссіи, Россіи, императору, что въ случаѣ нужды мы одни воевали бы противъ всѣхъ, что не будетъ штабс-капитана въ Голландіи, что мы удержимъ Бельгію и лѣвый берегъ Рейна. «Итакъ, нужно сдѣлать море бесполезнымъ и гибельнымъ для англичанъ, нужно блокировать ихъ островъ, ввести ихъ въ расходы, разорить ихъ, ворваться въ ихъ владѣнія, подчинить ихъ; ихъ островное положеніе, дѣлающее ихъ грубыми, богатыми и господствующими, — нужно употребить на то, чтобы привести ихъ въ замѣшательство, въ подчиненіе, чтобы изолировать ихъ отъ всего свѣта. «Въ настоящемъ положеніи Европы, пишетъ онъ испанскому адмиралу Мацаредо, блокированному въ Брестѣ, я придаю самое важное значеніе выступленію двухъ эскадръ, если бы они въ 24 часа прогнали англійскую эскадру и возвратились назадъ, не сдѣлавъ ничего другого», т. е. доказали бы, что можно плавать въ открытомъ морѣ, силою проложить себѣ проходъ, выиграть время, какое нѣкогда нужно было Цезарю и Вильгельму Нормандскому. Люсьену онъ писалъ: «Не будемъ надѣяться на миръ, пока Питтъ будетъ оставаться министромъ. Этотъ чловѣкъ не откажется ни отъ одного атома владычицы морей, если онъ не будетъ принужденъ къ этому войной, и пока я буду въ состояніи владѣть шпагой, я ни за что не признаю этого несправедливаго господства нашихъ соперниковъ... Намъ нужны новыя побѣды на континентѣ... Только господствуя надъ всѣмъ побережьемъ Европы мы сможемъ принудить Питта къ почетному миру... Если мы теряемъ моря, то нѣтъ ни одного порта, ни одного устья рѣки, которые были бы недоступны нашему завоеванію»⁴⁾.

Внѣшнюю политику онъ отнесъ въ курсъ занятій перваго консула и пригласилъ къ себѣ Талейрана, который сдѣлался его правою рукою въ

³⁾ Ср. *Oeuvres*, t. XXIX, p. 361.

⁴⁾ Письмо отъ Мазарредо 17 Mars 1800. — *Mémoires de Lucien*, t. I, p. 377.

политикѣ, тѣмъ чѣмъ Вертье былъ въ военномъ дѣлѣ. Талейранъ, когда-то послушно повторявшій слова Ребея и писавшій подъ диктовку Ла Ревельера,—поднялся во весь ростъ и нашелъ свою прежнюю самоувѣренность. Онъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ большой политикъ, чтобы желать участвовать во власти, хотя бы даже интимнымъ образомъ. Его высшее искусство, самое тонкое средство его вліянія заключается въ томъ, что онъ предугадываетъ намѣренія Бонапарта, даетъ ему мотивы для выполненія своихъ желаній, помогаетъ ему осуществлять ихъ; его рѣшительные приказы передаетъ изысканнымъ и корректнымъ языкомъ классической дипломатіи; предупреждаетъ эти приказы, когда находитъ ихъ неизбежными и непреодолимыми, не торопится съ ними, когда видитъ, что его повелитель колеблется, когда, какъ говорятъ моряки, «le temps au conseil»; тогда онъ бываетъ по истинѣ не только его сознаніемъ, но размышленіемъ, здравымъ смысломъ; впрочемъ, при малѣйшемъ признакѣ неудовольствія онъ дѣлаетъ почтительный поклонъ придворнаго человѣка и искусно отказывается отъ своихъ возраженій, такъ что слабая оппозиція обращается въ лесть и минутное несогласіе въ покорность. Бонапартъ оставался благодарнымъ Талейрану за его услуги, оказанныя въ трудныя времена фрюктидора и Кампо-Форміо. Онъ съ тонкостью знатока наслаждался этими барскими услугами бывшего дворянина, придворнаго прелата, человѣка высшего свѣтскаго общества, обладавшаго съ нимъ съ чѣмъ несравнимымъ тактомъ, неистощимыми умственными ресурсами, утонченнаго развратника. Талейранъ былъ мастеръ своего дѣла: искусно комбинируя свои ресурсы, онъ сначала окружилъ Бонапарта гирляндами лести и всегда держалъ его подъ своими чарами. Онъ соглашался съ безконечной угодливостью, но никогда не сдавался. У него были свои убѣжища, свои окопы, свои кельи и тайники, свои довѣренныя и «агенты», и особенно свои затаенныя мысли, слишкомъ различныя съ мыслями повелителя и республики: ибо Талейранъ, показывая видъ, что держится пословицы «съ волками жить, по волчьи выть», и захватывая себѣ львиныя доли, при раздѣлѣ добычи, онъ оставался въ душѣ сторонникомъ «старыхъ границъ», въ которыхъ, по его мнѣнію, миръ былъ непродолжителенъ и даже невозможенъ. Чтобы обрисовать свою карьеру онъ долженъ былъ пройти черезъ длинный лабиринтъ и всѣ подземелья директоріи, консульства и имперіи, отъ памятной записки Лебрену въ 1792 году до вѣнскаго конгресса и до лондонской конференціи въ 1830 году⁵⁾. Будучи съ виду министромъ съ завоевательной политикой, онъ всегда, съ безконечной

⁵⁾ См. т. III, стр. 221 и мои *Essais et Lectures historiques*: Talleyrand au congrès de Vienne; les Mémoires de Talleyrand.

гибкостью, съ удивительнымъ коварнымъ упорствомъ, приготовлялъ условія для смягченія, для умиротворенія, и берегъ эту роль для себя, не объясняя еще по отношенію къ кому и въ какой формѣ онъ сыграетъ ее въ должное время, критикуя своего повелителя, жалуясь на его чрезмѣрное самолюбіе, на невозможность бороться съ нимъ. При этомъ онъ обезпечиваетъ для себя и входъ и выходъ — дверь направо и дверь налево отъ парадной лѣстницы.

Параграфъ конституціи, освобождавшій министровъ отъ отвѣтственности передъ народомъ, онъ принялъ въ буквальный смыслъ слова и создалъ себѣ совѣсть наизнанку. Какъ Фуше имѣлъ свою полицію, такъ онъ имѣлъ свою дипломатію и такъ устроился, что могъ сказать относительно всѣхъ мѣропріятій Бонапарта, даже предложенныхъ и присовѣтованныхъ имъ самимъ, тоже, что онъ сказалъ относительно Пьемонта: «Я дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы отклонить его отъ этого. Онъ находилъ, что это въ его личномъ интересѣ, ему казалось, что оно требуется его самолюбіемъ, и онъ взялъ верхъ надъ всѣми требованіями благоразумія»⁶⁾. Талейранъ всегда больше былъ занятъ мыслями о будущемъ, чѣмъ точнымъ исполненіемъ службы. Но въ этой службѣ съ моментами намѣреннаго молчанія, какую тогда несли многіе министры и генералы, онъ обнаружилъ истиннѣ замѣчательное знаніе и пониманіе Европы. Приводя въ исполненіе планы, въ тайнѣ неодобряемые, онъ старался по крайней мѣрѣ свести ихъ къ возможному, къ соразмѣрному; ограничить ихъ необходимыми и непосредственно сообразными. Онъ велъ дѣла съ большимъ искусствомъ, и, если онъ искалъ въ нихъ своей выгоды, то и первый консулъ часто находилъ въ нихъ свои выгоды.

Конечно въ началѣ, на другой день, послѣ брюмера онъ еще не мечтаетъ о возстановленіи Бурбоновъ и о конгрессѣ монархической Европы, онъ еще очень далекъ отъ этого вслѣдствіе своего святотатственнаго епископства, своего скандальнаго отреченія, своего брака, своего министерскаго званія во время директоріи, наканунѣ фрюктидора. Подобно всѣмъ, связаннымъ съ консуломъ, онъ совершенно естественно думаетъ о возможной смерти консула и о наступательномъ возвращеніи революціи; какъ всѣ брюмерьянцы онъ съ тревогой думаетъ о возвращеніи эмигрантовъ, о начинающей проявляться тенденціи Бонапарта — возстановить старыя учрежденія и главнымъ образомъ католическую церковь, принаособляя ихъ къ своему правленію. Бонапартъ держитъ его при помощи секуляризаціи, какъ убійцу короля онъ держитъ при помощи ихъ подачи го-

⁶⁾ *Mémoires*, t. I, p. 290.—Сравни эту статью о Пьемонтѣ, съ PALLAIN: *le Ministère de Talleyrand*; письмо къ Бонапарту, 15 сент. 1797 г., стр. 144. Записки; Мемуары о директоріи, 10 мая 1798 г., стр. 327.

лововъ; но ни Талейрантъ, ни убійцы короля не держатъ въ своихъ рукахъ Бонапарта, онъ можетъ ускользнуть отъ нихъ, найти себѣ поддержку помимо ихъ, быть можетъ, даже противъ нихъ. Это страшило ихъ больше всего, и самымъ хитрымъ намѣреніемъ консула было поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы они оказались, если не явными противниками, но крайней мѣрѣ, упрямыми и противорѣчащими: возстановленіе церковнаго богослуженія, религіозный миръ, возстановленіе во Франціи католической церкви—вотъ что дѣлало какъ Фуше, такъ и Талейрана людьми, потерявшими свое социальное положеніе и самозванными при новомъ порядкѣ, и ставило ихъ по меньшей мѣрѣ въ полную зависимость отъ ихъ повелителя.

Въ этомъ дѣлѣ, относившемся къ числу главныхъ во время консульства ⁷⁾, Бонапартъ оказался безконечно дальновиднѣе своихъ министровъ.

Возвратное стремленіе къ католицизму, обнаружившееся еще во время директоріи, не смотря на отсутствіе дѣйствительной свободы и обезпеченія со стороны закона, постоянно усиливалось. Римско-католическое богослуженіе возстановлялось само собою вездѣ, гдѣ общественная власть уже не запрещала, не стѣсняла его. Но это были небольшіе, разбросанные то здѣсь, то тамъ, очаги, — тайные и неспокойные, гдѣ молились такъ, какъ въ другомъ случаѣ устраиваютъ заговоры, гдѣ вѣра грозила немедленно перейти въ возмущеніе. Въ этомъ случаѣ Бонапартъ усматривалъ революцію, которую слѣдовало упорядочить, революцію моральную, столь же глубоко національную, какъ и революція гражданская: въ этой важной области, какъ и въ остальныхъ, онъ считалъ себя способнымъ управлять людьми такъ, какъ они этого желали бы. Въ этомъ онъ видитъ исполненіе долга, насколько это касается его власти; лично же для себя онъ находитъ въ этомъ приобрѣтеніе орудія царствовать. Какъ только онъ приблизился къ власти, онъ задумалъ и построилъ планъ—связать совѣсть съ работой умиротворенія націи, духовенство связать съ высшимъ наблюденіемъ за настроеніемъ умовъ и нравами, епископа поставить рядомъ съ префектомъ и предѣдателемъ апелляціоннаго суда, чтобы въ то же время приобрѣсти себѣ симпатіи и окончательно покорить страну; чтобы удовлетворить религіозныя потребности, послѣ того какъ удовлетворены интересы жизни гражданской ⁸⁾.

На согласіе съ Римомъ онъ смотрѣлъ какъ на дополненіе и освященіе своего консульства. Его вкусъ, его пониманіе государственности, его

⁷⁾ BOULAY DE LA MEUTHRE, *Documents sur la négociation du Concordat*, 5 томовъ.—См. сочиненія: d'Haussonville, Edmond de Pressensé, Aulard, Leon Seché, Sazier, le cardinal Mathieu, l'abbé Sicard.

⁸⁾ См. т. V.

инстинкты, также какъ и его здравый смыслъ склоняли его къ римскому единству. Гражданская конституція духовенства казалась ему самой большою ошибкой революціи, чѣмъ-то въ родѣ конституціи 1791 г. и министерства жирондистовъ въ области религіи. Не было ничего столь противоположнаго его взглядамъ какъ свобода культовъ, отдѣльная и слѣдовательно, независимая отъ государства церковь. Одно изъ двухъ: или это была бы свобода шуточная, подаренная, стѣсненная и связанная декретами, примѣняемая въ жизни не въ виду желаній и потребностей вѣрующихъ, а въ зависимости отъ страстей и расчетовъ невѣрующихъ—и въ такомъ случаѣ большинство христіанъ было бы недовольно, оставаясь въ состояніи протеста и возмущенія; или же католики — они одни между французами — пользовались бы свободой организоваться и управляться сообразно со своимъ желаніямъ, и очень скоро они сдѣлались бы очень богатыми, очень могущественными, образовали бы отдѣльное общество, почти націю, сначала партію, а потомъ государство въ государствѣ, напоминали бы собою гугенотовъ послѣ нантскаго эдикта, съ тѣмъ различіемъ что тутъ дѣло шло бы не о нѣсколькихъ тысячахъ французовъ, а о громадномъ большинствѣ народа, который потребовалъ бы новаго эдикта и подѣ влияніемъ своихъ епископовъ,—почти поголовно преданныхъ старому порядку,—вступилъ бы въ борьбу противъ республики и революціи. Бонапартъ желалъ церкви народной, и такую церковь могла быть только католическая, ибо она одна въ глазахъ большинства французовъ была церковью истинною, съ ея прежними священниками, которые, казалось, одни имѣли право совершать таинства, крестить, вѣнчать, отпущать грѣхи. Бонапартъ желалъ, чтобы эта церковь была подчиненною. Онъ считалъ себя въ силѣ править оставшимся въ живыхъ конституціоннымъ духовенствомъ. Но только Римъ, возстановивъ ихъ въ ихъ санѣ, могъ возвратитъ имъ довѣріе паствы. Что касается тѣхъ, которые не хотѣли присягать, то опять одинъ только Римъ могъ подчинить ихъ республиканскому государству. Они могли бы воздать цезарево цезарю лишь тогда, когда Римъ призналъ бы цезаря. Бонапартъ рассчитывалъ, что Римъ окажется стоворчивымъ ради того, чтобы избѣжать раскола, возстановить алтари во Франціи, чтобы завоевать Церкви эту великую націю, чтобы въ то же время спасти свою свѣтскую власть въ Италіи.

Папскій престолъ былъ не занятъ. Конклавъ собрался въ Венеціи. 18 февраля 1800 года былъ избранъ новый папа подѣ именемъ Пія VII. Бонапартъ принялъ мѣры, чтобы можно было его признать или непризнать, смотря по его намѣреніямъ, и поручилъ Талейрану подготовить почву для сближенія, при посредничествѣ Испаніи ⁹⁾.

⁹⁾ Письмо Талейрана Музизу 18 февр. 1800.

Въ то же время онъ употреблялъ усилія, чтобы потѣнѣе сблизиться съ этою монархіею и привлечь ее къ важному предпріятію противъ Англіи: снабжать провіантомъ египетскую армію, поддерживать Мальту, затѣмъ высадить армію на берегахъ Ламанша и идти на Лондонъ. Для этого онъ требуетъ отъ испанцевъ недостающихъ ему средствъ—кораблей. Португальскія провинціи вотъ приманка, которой онъ играетъ передъ Карломъ IV, онъ даже думаетъ заручиться обязательствомъ и послать армію въ Португалію¹⁰⁾. Ему недостаетъ денегъ, онъ вытянетъ восемь-десять милліоновъ изъ этого королевства. Гамбургъ онъ облагаетъ податю въ четыре или шесть милліоновъ, которые онъ занимаетъ у этихъ гражданъ, подъ предлогомъ гарантировать отъ притязаній Пруссіи. «Эти милліоны, пишетъ онъ, могли бы составить для насъ выигрышъ какой-нибудь кампаніи»¹¹⁾.

Онъ успокаиваетъ Карла Теодора Баварскаго, страстно желающаго нейтралитета¹²⁾. Еще разъ онъ пытается заключить союзъ съ Пруссіею, къ которому онъ постоянно стремился, начиная съ попытки въ Базелѣ въ 1795 г., и который постоянно ускользалъ отъ него. Онъ льститъ имъ, старается быть имъ пріятнымъ: онъ заключить миръ лишь на условіяхъ, благопріятныхъ для нихъ. «Время Фридриха II слишкомъ близко отъ насъ, чтобы можно было его забыть и чтобы въ царствующемъ теперь королѣ не видѣть его преемника». Затѣмъ, такъ какъ они снова ускользаютъ, Бонапартъ начинаетъ толковать объ услугахъ, не говоря болѣе о союзѣ. «Мы не требуемъ отъ прусскаго короля ни арміи, ни союза, мы просимъ его оказать лишь одну услугу—примирить насъ съ Россіею и спасти Италію... но время не терпитъ...» Въ противномъ случаѣ Франція можетъ быстро заключить миръ съ Австріею, «въ два часа»;—«мы имѣемъ средства удовлетворить ея жадность...» Онъ торопится отправить въ Берлинъ своего довѣреннаго адъютанта Дюрюка, чтобы сообщить о своемъ консульствѣ. Посланникомъ онъ выбираетъ знатнаго человека, и чтобы польстить военнымъ склонностямъ, которыя онъ предполагалъ въ королѣ, онъ беретъ посланника изъ военной среды, бывшаго генерала и военнаго министра Бёрнвилля. Главной задачей этого посольства будетъ—доставить республикѣ миръ съ Россіею, и первую главу, которую Бонапарту особенно хочется написать, составила бы эвакуація Жерсея и Гернесея русскими войсками, которыя нашли тамъ убѣжище послѣ отступленія изъ Голландіи¹³⁾.

¹⁰⁾ Письмо Талейрану 23 апрѣля, Брюи, Мацпоредо, Талейрану 22, 28 февр., 4, 12, 17 марта 1800.—Geoffroy de GRANDMAISON, BAUMGARTEN.

¹¹⁾ Письмо его Талейрану 13 янв. 1800.

¹²⁾ ЕСКАРТ, *Montgelos*.—FOURNIER, *Skizzen*.—ONEKEN, т. II.

¹³⁾ Доклады Сандоза съ января по мартъ. 1800.

Но Бонапартъ смотритъ гораздо дальше въ будущее, и именно здѣсь набрасывался планъ, который очень занималъ его въ продолженіе цѣлаго года, который былъ разрушенъ случайно, который шесть лѣтъ послѣ былъ восстановленъ и одно время занималъ очень важное мѣсто въ политикѣ Бонапарта: это союзъ съ Россіею противъ господства англичанъ на моряхъ и въ Индіи. Въ бумагахъ директоріи онъ нашелъ записку, адресованную директорамъ 25 октября 1799 г. французскимъ агентомъ Гюттенемъ, проживавшимъ въ Россіи. За этою замѣткой послѣдовала другая 25 ноября¹⁴⁾. Въ нихъ замѣтны въ зародышѣ великіе проекты и великія мечты въ періодъ времени отъ 1801 по 1808 годъ. Онѣ составляютъ основаніе и даже развитіе плана союза съ Россіею съ его реальными причинами и химерическимъ фономъ: «Мы не можемъ надѣяться на искреннее и продолжительное примиреніе съ нашими сосѣдями. Итакъ отправимся дальше и поищемъ союза съ великой державою, которая считала бы себя, и дѣйствительно была бы внѣ опасности отъ нашей арміи и нашихъ принциповъ». Внѣ опасности отъ нашихъ принциповъ! Странное признаніе, удивительное условіе республиканской политики. Вотъ что представляла осенью 1799 г. мечта о Соединенныхъ Штатахъ Европы. Республика пожелала заниматься политикою французскою, политикою государственною, и отъ космополитической пропаганды 1792 г. она снизошла до союза съ московскимъ самодержцемъ. Гюттенъ не останавливался, чтобы разобраться въ этомъ значеніи явленій, онъ продолжалъ: «Только Россія можетъ дать намъ миръ выгодный и прочный».—«Двѣ державы соединившись могли бы диктовать законы всей Европѣ. Основаніемъ системы служило бы изгнаніе турокъ въ Азію и захватъ ихъ владѣній въ Европѣ. Россія забрала бы эти владѣнія до Дарданеллъ съ Константинополемъ включительно и нѣкоторые острова въ Средиземномъ морѣ. Франція получила бы свои естественныя границы въ Европѣ, Ионическіе острова, Кандію, Кипръ, Сицилію, Египетъ. Система, скрѣпленная такимъ образомъ, охватывала бы всю континентальную Европу и включала бы въ себя на конфедеративныхъ началахъ республики батавскую и итальянскія: Пруссію, увеличенную Австрійскою Силезіею, Мекленбургомъ, Ганноверомъ, Гамбургомъ, Бременомъ и Любекомъ; Германію, превращенную изъ духовной въ свѣтскую; наконецъ Австрію, но только съ урѣзанными границами, безъ итальянскихъ провинцій, низведенную на второй планъ, получившую нѣкоторыя вознагражденія на нижнемъ Дунаѣ. Эта континен-

¹⁴⁾ Archives des Affaires étrangères.—Société d'Histoire de Russie, t. XLII. Переписка между Россіею и Франціею, изд. Трачевскимъ.—ВУСННОЕ *Die napoleonische Weltpolitik*. Preussische Jahrbücher, Jun. 1894.

тальная конфедерация навсегда положила бы конец владычеству англичанъ надъ морями. Возстановивъ всю Польшу, въ ея границахъ до 1772 года, поставивъ ее подъ покровительство Россіи, назначивъ ей королемъ Константина, сына императора Павла,—этимъ исправили бы большую несправедливость. Приведя Европу въ это состояніе равновѣсія, союзники двинулись бы потомъ въ Азію и на Индію. Русскіе направились бы въ Персію. «Россія изъ своихъ владѣній въ Азіи и на Каспійскомъ морѣ могла бы подать руку арміи, посланной въ Египетъ, и, дѣйствуя заодно съ Франціей, внести войну въ Бенгалию».

И такимъ образомъ окончилось бы англійское могущество! Но прежде чѣмъ даже замыслить эту удивительную диверсію, слѣдовало пройти первый этапъ—разбить австрійцевъ и упредить коалицію, которая могла бы образоваться. Воспользоваться неизбежной медленностью переговоровъ зимою между Вѣной, Лондономъ, Петербургомъ, Берлиномъ; воспользоваться трудностью слѣдить издали за этой очень тонкой шахматной игрою, за выигрышемъ—слѣдующимъ послѣ потери, за помощью,—это было единственнымъ средствомъ разстроить планы врага, и поэтому Бонапартъ придавалъ такую большую цѣну возстановленію мира съ Россіей.

III.

Если Бонапартъ по отношенію къ Европѣ продолжалъ захваты Людовика XIV и Конвента, то Европа продолжала противъ Бонапарта войну за испанское наслѣдство и коалиціи съ 1792 по 1798 годъ. Ни въ Лондонѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ событіе брюмера не казалось дѣломъ такой важности, какимъ послѣ выставила его исторія. Еще въ началѣ революціи предвидѣли, что какой нибудь боевой генералъ узурпируетъ республиканскую власть. Бонапартъ еще не имѣлъ того обаянія, которое ему дало консульство. Политики не угадывали въ немъ государственнаго чловека, и военные въ завоевателя Италіи видѣли лишь похитителя побѣдъ, авантюриста, счастливаго тѣмъ, что онъ имѣлъ передъ собою только кривоногихъ австрійцевъ, что ему не пришлось встрѣтиться ни съ арміей Фридриха, ни съ арміей Суворова. Парижскіе агенты упорно продолжали описывать Францію, находящуюся въ анархіи, готовую броситься къ ногамъ «короля», вернуться въ прежнія границы, чтобы получить миръ. Новое правительство они описывали какъ разбойниковъ, смѣшанныхъ съ шарлатанами, которые могутъ очень скоро, подобно своимъ предшественникамъ, потонуть въ общественномъ презрѣніи. Они рассказывали много скандальныхъ и смѣшныхъ анекдотовъ про консула, про его семью, его голодныхъ корсиканцевъ. Вездѣ продажность, измѣна, точно также какъ

во время директоріи: все оставалось непрочнымъ, зависѣло отъ какого нибудь заговора или неудачи ¹⁾.

Пруссійскій король встрѣтилъ Дюрока съ необыкновенною вѣжливостью. Дюрока, какъ чловека военнаго, можно было принять, не унижаясь. Но все, что ему говорится, говорится лишь для того, чтобы ему ничего не сказать. Король удивлялся Бонапарту, видя въ немъ «самаго великаго изъ извѣстныхъ ему людей!» За столомъ, въ салонѣ только и было разговоровъ, что объ египетской экспедиціи. «Ея желалъ весь свѣтъ ²⁾!» «Тоже самое было съ Бернонвиллемъ. Этотъ Бернадотъ второй степени отличался манерами, самоуверенностью, тщеславными рѣчами, хитростью и безпринципностью счастливаго офицера стараго порядка. Онъ обращался очень развязно съ людьми одной съ нимъ профессіи, почти товарищами по оружію, ибо они сражались вмѣстѣ. Таковы были старые нравы и его не стѣсняли. «Король, извѣщалъ онъ, чловекъ очень добрый, въ высшей степени скромный. Нашъ шампанскій походъ, моя искренность и лояльность въ обращеніи съ ними установили между королемъ и мною тѣ отношенія, благодаря которымъ я приобрѣту его уваженіе и довѣріе». Онъ любитъ перваго Консула, онъ удивляется ему. «Онъ по истинѣ нашъ другъ» ³⁾. Вся эта дружба ограничилась тѣмъ, что русскому представителю Крюднеру были сдѣланы предложенія относительно сближенія.

Въ Павлѣ коалиція все еще возбуждала досаду. Онъ советамъ ушелъ изъ нея и отозвалъ Суворова. Но разочарованіе, гнѣвъ, напряженіе ума—привели его здоровье въ опасное состояніе. «Императоръ потерялъ рассудокъ», писалъ англійскій посолъ Уитвортъ; «Русскій императоръ сошелъ съ ума» ⁴⁾, писалъ сардинецъ Бальбо. Но отъ отвращенія къ Австріи, отъ раздраженія противъ Англіи до мира и союза съ Франціей было еще очень далеко. Но этотъ своенравный императоръ, дѣйствовавшій въ политикѣ—особенно внѣшней—съ быстротою молніи, могъ вовсе не считаться съ этимъ разстояніемъ. Его министръ Панинъ сдержалъ и удержалъ его. «Что касается сближенія съ Франціей, писалъ Павелъ Крюднеру, 28 января 1800 года, то я ничего не желаю болѣе того, чтобы Франція была со мною, особенно въ противовѣсъ Австріи». Панинъ прибавилъ: «Я не могъ бы привести это въ исполненіе, не дѣйствуя противъ моей совѣсти»; и немного спустя: «Никогда моя рука не подпишетъ мира съ Франціей, пока не будутъ возстановлены всѣ троны». Панинъ одержалъ верхъ, и Павелъ сообщилъ 12 февраля Крюднеру, чтобы онъ отклонилъ предложеніе Пруссіи

¹⁾ См. REMACLE, *Correspondance Royaliste*.—PINEAUD: d'Antraigues.

²⁾ Доклады Дюрока въ дек. 1799.

³⁾ *Histoire anecdotique de Paul I-er*, BENCKENDORF по Шильдеру.

⁴⁾ Готтвигу 1 февр. 1800.

о посредничествѣ, и «слышать не хотѣлъ никакихъ предложеній корсиканскаго узурпатора».

«Мнѣ кажется, писалъ Ростопчинъ, что Бонапартъ, если только онъ еще не убитъ, сдѣлается соперникомъ Оливера Кромвеля или же пожелаетъ собственными руками дать Франціи короля». Вотъ какъ размышляли въ Петербургѣ, и вотъ почему тамъ держались выжидательной политики. Во всякомъ случаѣ, изъ уваженія къ прусскому королю, царь согласился отозвать свои войска съ Джернсея и Гернсея ⁵⁾).

Англичане держались на этотъ предметъ почти такого же взгляда, какъ и русскіе. Конецъ директоріи былъ имъ благопріятенъ: въ Индіи завоеваніе имперіи Типпо, Мартиника, Табаго, Тринидада, Капская земля, Цейлонъ, завоеванные у Франціи и ея союзниковъ; французская армія, блокированная въ Египтѣ. Мальта, доведенная до капитуляціи; французскій и испанскій флоты, запертые на Бресткомъ рейдѣ. Было чѣмъ возгордиться, и послѣ столькихъ страшныхъ потерь, послѣ столь тяжелыхъ испытаній, можно было себя поздравить за свою твердость и за отказъ отъ мира.

Внутри торжествуютъ министры, поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, высокомерные, безжалостные къ побѣжденнымъ, къ несчастнымъ, особенно къ искателямъ идеаловъ.

Побѣдоносная реакція распространяется на общество и церковь. Это настоящій режимъ подозрѣнія: суды заставили прессу умолкнуть; къ методистамъ относились какъ къ якобинцамъ; всякій митингъ признавался возмущеніемъ и въ обществѣ, фонъ котораго составляли грязные развратники, люди глубоко испорченные и чрезвычайные лицомъ, царилъ *cant*, обратившій Байрона въ революціонера, своего рода Мирабо изъ высшихъ сферъ жизни. Питтъ пытается воспользоваться этимъ промежуткомъ, чтобы исполнить свой важный государственный планъ, отъ котораго его отвлекла французская революція—примирить Ирландію послѣ покоренія ея. Въ это время онъ вырабатываетъ свой знаменитый *билль* о парламентскомъ соединеніи обоихъ королевствъ, какъ средство дать Ирландіи британскія права, а ирландскимъ католикамъ права общія. Билль этотъ, думалъ Питтъ, долженъ былъ для его министерства быть тѣмъ же, чѣмъ въ свое время будутъ для консульства Бонапарта примиреніе съ Вандеей и конкордатъ. Онъ уже приготовилъ высокіе посты для ирландцевъ, ставшихъ на его сторону: Кастельри, Каннинга, Веллестей. Только бы ему успѣть, и умиротворенная Англія, полная дѣятельности, вполне довольная своей торговлей и своей промышленностью, будетъ пользоваться своимъ морскимъ владычествомъ.

⁵⁾ MARTENS. *Traité de la Russie*, t. VI, p. 263. et suiv.—Ср. II, III, стр. 372.

Но для окончательной побѣды остается ввести Францію въ ея старыя границы, потушить въ ней революцію: разорить и унижить эту гордую, безбожную и анархическую націю и принудить ее къ миру, окружить ее барьерами, сковать ее, какъ въ 1713 г., и даже еще крѣпче. Питтъ и его товарищи замышляютъ повернуть противъ египетской арміи планъ Бонапарта,—напасть на нее съ тыла, отправивъ экспедиціонный отрядъ изъ Индіи. Они блокируютъ Мальту, лорду Кейту, блокирующему Египетъ, они приказываютъ не принимать никакихъ условій капитуляціи, которыя позволяли бы французамъ свободно возвратиться во Францію. Въ то же время флотъ поведетъ атаку противъ береговъ Бретани, поддержанный диверсіей роялистовъ, которые поднимутъ весь западъ. Фротте уже высадился, призвалъ нижнихъ нормандцевъ и бретонцевъ къ оружію, собралъ шуановъ. Жоржъ готовится опять переѣхать на материкъ съ 20,000 фунтовъ стерлинговъ, доставленныхъ ему Гренвиллемъ. Его агенты, или его «офицеры», какъ онъ ихъ называетъ, имѣютъ порученіе нанести «главный ударъ» въ Парижѣ самому консулу, что доведетъ замѣшательство до крайней степени ⁶⁾).

Въ это время приходитъ въ Лондонъ письмо Бонапарта къ королю Георгу, помѣченное 25 декабря. Питтъ находитъ его «очень вѣжливымъ по формѣ», но, пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей ⁸⁾, «настоящее положеніе Франціи еще не даетъ намъ достаточно твердой почвы, могущей сколько нибудь служить порукою для переговоровъ... Я думаю, что это можно выразить такъ, чтобы дать понять французскому народу, что кратчайшей дорогой къ миру было бы возстановленіе королевской власти, и что это увеличило бы шансы получить этотъ божье всего желательный результатъ войны, къ какому она можетъ привести». Таковъ былъ смыслъ отвѣта, отправленнаго Гренвиллемъ 4 января 1800 года Талейрану. Это были постоянныя условія мира съ Англіей: Англія выставила ихъ въ 1793 году, она привела ихъ къ побѣдѣ только въ 1814 г., и они были таковы, что ни французская нація, ни первый консулъ, ни министръ не находили возможнымъ согласиться съ ними,—съ возвращеніемъ къ старымъ границамъ, съ монархіей въ качествѣ залога. Это значило бы разрушить революцію, отказаться отъ завоеваній, оставить планъ о главенствѣ надъ Европой, что французы того времени, точно такъ же какъ и сами англичане, смѣшивали съ Республикой.

⁶⁾ TAINE, *Littérature anglaise*.—CHEVRILLON, *Sydney Smith*.

⁷⁾ Comte de MARTEL *la Pacification de l'Ouest, la Machine infernale*, p. 212.—DE BRAU. *Denkwürdigkeiten: Rapport d'un émissaire anglais en France Mars 1800*.

⁸⁾ Письмо его Дундаку 31 дек. 1799 г.

Англичане мечтають о болышей войнѣ послѣ маленькихъ экспедицій, состоящихъ въ томъ, чтобы «грабить, вносить смуты, развлекать войска»:— «рискнуть болышой арміей, если это окажется возможнымъ по нашимъ силамъ, или въ Бретани съ цѣлью взять Брестъ при помощи роялистовъ, или между Сеной и Соммой съ цѣлью завладѣть по крайней мѣрѣ пространствомъ между этими двумя рѣками и привести столицу въ ужасъ, даже не доходя до нея»⁹⁾. Въ это время приходитъ посланіе отъ Талейрана, снова заявляющее о мирныхъ намѣреніяхъ Франціи. На это Гренвилль отвѣчаетъ 20 января отказомъ продолжать переписку. На слѣдующій день собирается парламентъ. Въ нижней палатѣ Питтъ излагаетъ свою политику войны. Сильными и густыми красками рисуетъ онъ Францію какъ общество дезорганизованное, безъ ресурсовъ, безъ денегъ, раздираемое борьбою партій, сдѣлавшееся добычей военной диктатуры и желающее одного—возвращенія своихъ королей. Въ заключеніе онъ приводитъ одну цитату изъ *Philippicus* Цицерона: «Я слишкомъ искренній другъ мира, чтобы приносить его въ жертву, и хвататься за его тѣнь, тогда какъ реальный миръ по истинѣ мнѣ недоступенъ. *Cum igitur pacem nolo? Quia infida est, quia periculosa, quia esse non potest*»¹⁰⁾. Въ палатѣ лордовъ Гренвилль сказалъ еще болыше, если можно было сказать болыше: «Нужно энергично поддерживать войну противъ государства, которое желаетъ покорить міръ, чтобы разорять его. «Питтъ еще разъ возвращается къ атакѣ 12 февраля: «Съ какого времени стало извѣстно, что якобинство Ребесьера, Барра, пяти директоровъ, триумвирата исчезло, тогда какъ оно цѣлкомъ остается въ человѣкѣ, который (воспитанъ и вскормленъ въ нѣдрахъ якобинства, который въ одно и то же время есть и сынъ и защитникъ всѣхъ этихъ жестокостей?»

Министерство рассчитывало на Австрію и тайно поощряло ея притязанія на Пьемонтъ, какъ для того, чтобы воодушевить Австрію для войны, такъ и для того, чтобы натравить ее на Францію и создать преграду между Франціей и Италіей¹¹⁾. Австрія забрала бы Александрію и территорію до Бормиды и Ганаро. Король сардинскій получилъ бы остальное съ Ниццей и Савойей. Тѣмъ же ударомъ Австрія раздробила бы Баварію и черезъ Тироль и Триентъ обезпечила бы себя сообщеніе съ Италіей. Тутутъ думалъ, что эти пути въ его рукахъ. Онъ не желалъ признать Пія VII старался привлечь этого папу въ Вѣну, чтобы онъ принялъ тамъ инвентитуру отъ императора. Легатства заплатили бы за возстановленіе свя-

⁹⁾ Питтъ Дундасу 11 янв. 1800, Станноре.

¹⁰⁾ *Typis*, въ подлинникѣ Цицерона: [Почему же я не хочу мира? Потому что онъ ненадеженъ, опасенъ, потому что онъ не можетъ существовать].

¹¹⁾ Martens, t. XI. p. 3.—Віаксн, t. III, p. 299.

того престола въ Римѣ. Пія VII отказался и заявилъ, что онъ намѣренъ возвратиться въ свою столицу. Война должна была рѣшить участь этой монархіи, и Австрія готовилась къ этой войнѣ съ вѣрой въ свои силы. Англичане оказали бы денежную поддержку¹²⁾. Меласъ со 100.000 человекъ держалъ бы въ своихъ рукахъ Итацію: такую же численность представляла бы нѣмецкая армія, изъ которой 20,000 находилась бы въ Граубюнденѣ, а 80,000 въ Шварцвальдѣ. По плану, установленному 24 февраля, Меласъ долженъ былъ взять силою Геную, гдѣ Массена, обезсиленный, изголодавшійся, повидимому былъ въ отчаянномъ положеніи. Послѣ онъ отдѣлилъ бы одинъ изъ своихъ корпусовъ для того, чтобы проникнуть во Францію, пройдя южной Швейцаріей; тогда какъ на сѣверѣ генералъ Край атаковалъ бы Моро, а остатокъ арміи занялъ бы Эльзасъ при содѣйствіи роялистовъ. Нападеніе на Брестъ, возстаніе въ Бретани, высадка англичанъ между Сеной и Соммой были бы поставлены въ связь съ этими движеніями. Тутутъ торопить съ приготовленіями, опасаясь, что Бонапартъ разстроитъ ихъ «какимъ-нибудь двойнымъ ударомъ».

Съ 6 декабря Бонапартъ въ большой тайнѣ приготовлялъ тотъ «двойной ударъ», который предчувствовалъ Тутутъ, не зная, откуда онъ будетъ нанесенъ. Въ то время какъ самая болышая изъ тогдашнихъ армій—находившаяся въ Германіи—подъ начальствомъ Моро поведетъ войну, о которой будутъ много толковать, съ явными приготовленіями, по правиламъ стратегическихъ методовъ, онъ собираетъ въ Ліонѣ и Дижонѣ другую армію, менѣе многочисленную, извѣстную подъ именемъ резервной. Она организуется подъ этимъ скромнымъ названіемъ. Когда наступитъ время, Бонапартъ станетъ во главѣ этой арміи, перейдетъ Альпы и обрушится на Меласа. Но сначала нужно обезпечить порядокъ внутри и разстроить козни, устраиваемыя и поддерживаемыя англичанами на Западѣ. Страшныя и сильныя мѣры были приняты въ Вандеѣ, Бретани, въ Нижней-Нормандіи. «Поспѣшите внести ужасъ и смерть въ ряды этихъ разбойниковъ».—«Бурмонъ обманываетъ насъ... Не переставайте наносить ему удары, пока не уничтожите его... Англичане рассчитываютъ на Фротте и Жоржа, враги надѣются на эту военную диверсію шуановъ, чтобы открыть слѣдующую кампанію». За головы вожаковъ были назначены цѣны¹³⁾. Бурмонъ устроилъ свое примиреніе съ Фүше; Фротте былъ преданъ смерти; Жоржъ ускользнулъ—человѣкъ жестокій и хитрый, олицетвореніе заго-

¹²⁾ Договоръ былъ подписанъ лишь 20 іюня 1800 г.

¹³⁾ Письма его Бертье 25 января, Массенѣ, Моро, Брюну 5. 22, 25 марта 1800.

¹⁴⁾ Письма его Гарданну, въ Казнѣ 18 января, 4 февраля, Гедонвиллю 1 февр., см. La Sicotier. *Frotté*.—De Martel, *la Pacification de l'Ouest, la Machine infernale*.

воровъ, поклявшійся въ вѣчной ненависти къ консулу, желая ему самой худшей участи, какая только возможна для героя—быть похищеннымъ и жить плѣнникомъ въ Англіи, или быть убитымъ въ западнѣ.

Между тѣмъ принцы, которымъ эти несчастные французы думали служить за англійскія деньги, ожидали въ Англіи, чтобы Питтъ и Гренвиль дали имъ позволеніе и средства официально отправиться во Францію. Они ждали, чтобы какой нибудь новый *Черный Принцъ* завоевалъ для нихъ, противъ воли ихъ собственныхъ подданныхъ, ихъ королевство, находящееся въ состояніи возстанія. Они не понимали, что, требуя повиному возвращенія своихъ правъ, они на самомъ дѣлѣ упрочивали тѣ права, которыя сами же уничтожали; что, ссылаясь на традиціи, они искажали ихъ, и что всю исторію французской монархіи они понимали не такъ, какъ ее слѣдуетъ понимать. Кампанія, которую Бонапартъ велъ на Западъ противъ англичанъ и ихъ союзниковъ, была то же что кампанія Карла V и кампанія Дюгесклена, онъ завоевывалъ тронъ тѣми же средствами, которыми держались Валуа и Бурбоны.

Но все зависѣло отъ побѣды, и онъ понимать это. Если бы онъ былъ побѣжденъ, это было бы концомъ его обаянія и его консульства. Если бы онъ былъ убитъ, снова началась бы революція, и сейчасъ же междоусобная война, нашествіе. Онъ сказалъ это своему брату Іосифу: «Мнѣ уже нужно нѣкоторое умѣнье, чтобы сдерживать эту толпу беспокойныхъ и надменныхъ генераловъ. Гдѣ тотъ человѣкъ, который послѣ меня могъ бы управлять всѣми этими страстями? Говорю вамъ: «Если я не проживу двухъ лѣтъ, въ которыя существующій теперь порядокъ могъ бы окрѣпнуть, то съ моей смертью вы будете имѣть новый Конвентъ».

Пруссаки избрали этотъ моментъ, чтобы открыть свою игру и наметнуть французамъ о слѣдующихъ условіяхъ мира: «Возвратить имперіи лѣвый берегъ, и отозвавъ свои войска, дать такимъ образомъ дѣйствительную независимость Голландіи и Швейцаріи»¹⁵⁾. Слѣдовательно, условія, въ которыхъ начинается кампанія 1800 года, тѣ же, въ какихъ начинались кампаніи 1796 и 1799 года. Несмотря на Базельскій миръ, несмотря на Берлинскій миръ, обеспечивающій Пруссіи компенсаціи, она настоятельно требуетъ восстановленія своихъ лѣвобережныхъ владѣній. Въ случаѣ пораженія Франціи, Пруссія перейдетъ отъ нейтралитета къ войнѣ и силою возьметъ то, что она совѣтуетъ уступить безъ всякой борьбы. Тоже самое мы увидимъ въ 1805 году и до конца ¹⁶⁾. Напрасно Наполеонъ будетъ дѣлать кампанію за кампаніей: условія мира, къ которымъ

¹⁵⁾ Денеша короли Сандозу 1 мая 1800.—Ср. т. V.

¹⁶⁾ Сравни. дальше, кн. III, гл. III.

союзники постараются принудить его, будутъ тѣ-же, и пока Пруссія будетъ держаться на готовѣ, до тѣхъ поръ будетъ оставаться та же угроза, что Пруссія нападетъ на него съ тыла въ случаѣ неудачи и приметъ участіе при дѣлѣ добычи. Поэтому въ началѣ каждой войны Бонапартъ говорилъ одно и то же: «Молодые французы, если вы стремитесь принять участіе въ борьбѣ, которая должна окончательно уничтожить внутреннихъ злоумышленниковъ и коварную политику сень-джемского кабинета; если вы стремитесь составить армію, которой суждено окончить войну революціи, обеспечивая независимость и свободу великой націи—къ оружію!»

Такъ говорилъ онъ, 21 апрѣля 1800 года, въ моментъ отправления на С. Бернаръ, такъ говорилъ онъ во всѣхъ воззваніяхъ къ націи, передъ Аустерлицомъ, Іеной, Фридландомъ, Ваграмомъ, Бородинымъ! Слюмишь еще эту—уже послѣднюю коалицію, и сдѣлавъ послѣднее успіе, наконецъ покончить съ революціей! Такъ онъ говорилъ на послѣдней недѣлѣ, такъ онъ говорилъ въ послѣдней рѣчи, сказанной 14 іюня 1815 г., за четыре дня до Ватерлоо ¹⁷⁾.

ГЛАВА II.

Маренго. 1800 г.

I.

За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Парижа, Бонапартъ узналъ, что Клеберъ, истощивъ свои ресурсы, потерявъ надежду на помощь, капитулировалъ на условіяхъ, чтобы французская армія очистила Египетъ и возвратилась во Францію. Деза уѣхалъ моремъ, пока еще велись переговоры. Онъ стоялъ арміи. Бонапартъ, извѣщенный о его прибытіи, писалъ ему изъ Лозанны, 14 мая: «Хорошее извѣстіе для всей республики, но въ особенности для меня; ибо я чувствую къ вамъ все уваженіе, какого заслуживаютъ люди вашего таланта, и такую пріязнь, какой мое сердце, теперь очень холодное и очень глубоко понимающее людей, не имѣетъ ни къ кому».—«Постарайтесь догнать меня, какъ можно скорѣе гдѣ придется. Я спускаюсь въ Италію съ 20.000 человѣкъ, чтобы освободить Массену, прогнать Меласа, послѣ чего я возвращусь въ Парижъ».

¹⁷⁾ «Составивъ противъ насъ коалицію, они посягаютъ на независимость и на самыя священныя права Франціи. Они первые напали самымъ несправедливымъ образомъ. Пойдемъ же противъ нихъ!.. права, честь и благо отечества будутъ восстановлены».

Онъ всегда думалъ о Парижѣ. Его покорность всегда оставалось сомнительной. Возмущенія, заговоры составляли постоянный предметъ его размышленій. Въ продолженіе всей его жизни его тревожила боязнь народнаго возмущенія въ улицахъ Парижа. Прибывъ въ Женеву онъ писалъ консуламъ: «Еще разъ напоминаю вамъ: крѣпко разите всякаго, кто бы онъ ни былъ, если уклонится съ должнаго пути.²⁾ Онъ опасается того, какъ повліяетъ на общественное мнѣніе капитуляція Египта. Онъ будетъ говорить объ этой арміи, которую онъ оставилъ. 15 мая онъ писалъ Талейрану: «Дайте имъ понять, что если бы я остался въ Египтѣ, эта прекрасная колонія еще была бы наша; какъ не была бы потеряна нами Италия, если бы я остался во Франціи». Но единственнымъ возможнымъ отвѣтомъ была ссылка на престижъ: это могло все исправить, все предать забвенію. Какъ всегда, Бонапартъ чувствовалъ, до какой степени предпріятіе было рискованное, до какой степени успѣхъ былъ сомнителенъ. «Я не болѣе, какъ слуга республики, говорилъ онъ Вольнею, я дѣйствую только по планамъ націи, когда ихъ у меня не будетъ, я потеряю всякое значеніе, меня замѣнитъ кто нибудь другой».

Его кампанія была столько-же политическая, сколько военная. 16 мая онъ писалъ Талейрану: «Я думаю, гражданинъ-министръ, что нужно, чтобы ускорить миръ, одновременно вести и войну и переговоры... Сообщите Тугуту, что гражданинъ Лаваллетъ, повѣренный въ дѣлахъ республики въ Дрезденѣ, есть лицо уполномоченное правительствомъ...»

22 мая онъ вступаетъ въ Ломбардію. 2 іюня находится у Милана. Онъ торжественно вступаетъ въ городъ и возстанавливаетъ цизальпинскую республику. Онъ говоритъ рѣчи итальянцамъ, арміи; но обращается къ французамъ, и, на примѣръ Италиі, показываетъ имъ, какова была бы реакція, которая послѣдовала бы за его смертью или послѣ паденія его власти. «Ужасы, допущенные агентами императора въ Миланѣ,—безпримѣрны. Не щадили ни пола, ни возраста, ни талантовъ. Знаменитый математикъ Фонтана стоналъ подъ тяжестью цѣпей. Единственнымъ его преступленіемъ было то, что онъ служилъ въ Республикѣ... Казалось, что всѣ привилегированныя лица въ продолженіе этого года, когда власть возвратилась въ ихъ руки, хотѣли вознаградить себя за всѣ виды притѣсненій и оскорбленій, которыя они испытали въ эти три года равенства... Нужно, чтобы французскій народъ зналъ, какую судьбу готовятъ ему государи Европы, въ случаѣ удачи контръ-революціи»³⁾. Прибавьте

¹⁾ Соглашеніе съ Сидней-Смитомъ въ Эль-Аришѣ 24 января 1800.—Письма Бонапарта Клеберу 19 апр. 1800.

²⁾ СНАРТАЛ, 291.—Письмо консуламъ 9 мая 1800.

³⁾ *Bulletins* des 3 et 4 juin 1800.—Bulletin du 18 janvier.

примѣръ Неаполя, еще болѣе кровавый и до такой степени постыдный, что въ лондонскомъ парламентѣ Нельсонъ долженъ былъ объясняться относительно своего соучастія въ актахъ мести, совершенныхъ Бурбонами⁴⁾.

Въ то же время Бонапартъ предлагаетъ религіозный миръ и объявляетъ его условія. 5 іюня онъ обращается съ рѣчью къ итальянскимъ патриотамъ: «Не стѣсняйте вашихъ священниковъ въ совершеніи литургіи; народу принадлежитъ верховная власть; если онъ желаетъ имѣть свою религію, уважайте его волю». Священникамъ онъ говоритъ: «Естественные друзья Италиі—это французы. Чего вы можете ожидать отъ протестантовъ, грековъ и мусульманъ, которыхъ вамъ прислали? Совсѣмъ другое дѣло французы, они ваши единовѣрцы. Мы имѣли нѣсколько спорныхъ пунктовъ; но все это устранивается, все идетъ къ миру». Эти слова, передѣланные и дополненные другими, превратились въ настоящій манифестъ, который былъ опубликованъ въ Генуѣ. Въ немъ Бонапартъ обѣщаетъ возстановить католическую религію «въ ея цѣломъ», употребить для этого всѣ средства, какими онъ располагаетъ въ силу данной ему «полной власти». Онъ излагаетъ мотивы этого: необходимость какой нибудь религіи, превосходство католической религіи, «которая приспособляется ко всѣмъ формамъ правленія, «которая въ частности особенно благоприятна демократическому республиканскому правленію». Франція признала это: церкви вновь открыты. Онъ надѣется, что, какъ только ему удастся повидаться съ новымъ папой, онъ доведетъ до конца примиреніе Франціи съ вождемъ церкви.

Массена, доведенный до крайности, капитулируетъ, но онъ дѣлаетъ это съ рѣдкимъ искусствомъ. 5 іюня онъ выступаетъ изъ Генуи съ арміей и обозомъ и отступаетъ къ Ниццѣ.

Моро заставляетъ австрійцевъ отступить за Дунай. Бонапартъ подвигается впередъ. Дурно освѣдомленный, онъ разбрасывается «по австрійски». Меласъ, наоборотъ, сосредоточиваетъ свои силы. 14 іюня онъ атакуетъ Ланна и Виктора и прогоняетъ ихъ назадъ. Бонапартъ идетъ къ нимъ на помощь и призываетъ Дезэ. Французы отступаютъ. Бонапартъ видитъ проходящую передъ нимъ свою разбитую армію. Сраженіе проиграно, дѣло принимаетъ совсѣмъ дурной оборотъ, когда является Дезэ и начинается новая битва. Захваченные врасплохъ австрійцы слабѣютъ, теперь ихъ охватываетъ паника, французы приходятъ въ себя и тѣснятъ австрійцевъ. Дезэ убитъ, но сраженіе выиграно. Это Маренго. «Я участвовалъ только на половину въ выигранныхъ мною сраженіяхъ, говоритъ Бонапартъ на островѣ св. Елены; для генерала много значить

⁴⁾ Ср., т. V, стр.

уже и то, если названо его имя, ибо установлено, что сраженіе выигрываетъ армія» ⁵⁾).

Но если самъ передъ собой онъ не допускалъ никакихъ иллюзій, передъ другими онъ умѣлъ извлечь всю пользу изъ успѣха. Деза былъ мертвъ. Его смертные останки Бонапартъ окружилъ почестями, и всю побѣду приписалъ себѣ. Его знаменитый планъ, который безъ Деза былъ бы «посмѣшищемъ Европы» ⁶⁾, становится предметомъ удивленія и изумленія. Тогда какъ въ 1799 году, за отсутствіемъ хвалебныхъ бюллетеней, дѣйствія Лекурба и Массены—не простой переходъ, а цѣлая война съ пропастями, потоками, скалами въ Готардѣ и Энгадинѣ, затерялись въ необъятности событій, и, такъ сказать, исчезли въ массѣ, переходъ черезъ С. Бернаръ совершался какъ въ театрѣ и производилъ впечатлѣніе, единственно, благодаря обаянію, созданному литературой, и удивительной сценической обстановкѣ, въ которой находился генералъ, бывший въ то же время неподражаемымъ журналистомъ. То же самое слѣдуетъ сказать относительно сраженія при Маренго.

Бонапартъ называлъ этотъ день священнымъ, говорилъ, что онъ принесъ счастье, что въ этотъ день судьба была его союзницей. Получилась мгновенная и всеобщая иллюзія, и австрійцы первые испытали это на себѣ ⁷⁾.

15 іюня, Меласъ, утомленный, приведенный въ замѣшательство, подписалъ перемиріе, позволившее ему отступить за Минціо. Всѣ побѣды русскихъ и австрійцевъ, одержанныя въ 1799 г., были уничтожены. Въ то же время при Гѣхштедтѣ цѣлымъ рядомъ битвъ, окончившихся 19 іюня, Моро отбросилъ австрійцевъ на другую сторону Инна и 9 іюля подписалъ перемиріе въслѣдствіе инструкцій, полученныхъ изъ Италіи. Бонапартъ приказалъ ему собрать сорокъ милліоновъ контрибуціи, чтобы такимъ образомъ заинтересовать нѣмцевъ въ мирѣ. Казалось, наступила пора подписать миръ, и Бонапартъ хотѣлъ это сдѣлать сейчасъ же. Онъ не злоупотреблялъ ни размѣрами своей побѣды, ни тѣмъ, что австрійцы дѣйствительно ослабѣли. Дѣло шло о томъ, чтобы, такъ сказать, взять миръ съ бою, подобно тому, какъ кавалерія беретъ войска въ плѣнъ у непріятели, обращеннаго въ бѣгство.

Австрійскій генералъ, графъ С.-Жюльенъ, получилъ отъ Меласа порученіе доложить о битвѣ императору Францу. Бонапартъ далъ ему письмо для врученія этому государю. «Оно отличается отъ обыкновенныхъ пи-

⁵⁾ *Journal de Gourgand.*

⁶⁾ SYBEL, t. VI, p. 332.

⁷⁾ HÜFFER, *Quellen zur Geschichte des Zeitalters der französischen Revolution.*—Marenego: *Apersu militaire sur la bataille de Marengo et l'armistice qui en fut la suite*, par le comte Neipperg.

сень своимъ стилемъ и своею формою», сообщалъ Талейранъ. Это былъ манифестъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ обращался къ гуманности, ссылаясь на политику. «Если Ваше Величество, желаете мира,—онъ легко достижимъ ⁸⁾: пусть обѣ стороны исполняютъ кампоформійскій договоръ, и пусть добавочными условіями будетъ упрочена гарантія, касающаяся маленькихъ государствъ, изъ-за которой, кажется, главнымъ образомъ и былъ нарушенъ миръ». Кромѣ того пусть императоръ подумаетъ о слѣдующемъ: «Заставляя французскій народъ воевать, онъ заставитъ его думать только о войнѣ, жить только для войны...»

Въ ожиданіи отвѣта, онъ занялся Цизальпиніей и римскими дѣлами. Миланцы приняли его съ энтузіазмомъ, думая, что Маренго спасло независимость Италіи, какъ парижане думали, что 18 брюмера спасло свободу республики. Независимость Цизальпиніи состояла въ томъ, что ее отдѣлили отъ Австріи, а ея свобода—въ жизни подъ покровительствомъ Франціи. Бонапартъ потребовалъ военную контрибуцію по два милліона рублей въ мѣсяцъ, открылъ въ Павіи университетъ, упраздненный Тугутомъ, и собралъ государственный совѣтъ, чтобы организовать республику. 18 Іюня, по соображеніямъ своей политики, онъ сдѣлалъ рѣшительный актъ. Онъ присутствовалъ въ соборѣ на торжественномъ Молебнѣ. Впервые видятъ военнаго въ республиканскомъ мундирѣ на католическомъ богослуженіи. Онъ громко извѣщаетъ объ этомъ Францію и Европу. «Первый консулъ, говоритъ военный бюллетень, былъ встрѣченъ у дверей всѣмъ духовенствомъ, проводившимъ его на клирость на приготовленную для него эстраду, на которой, обыкновенно, принимали консуловъ и главныхъ должностныхъ лицъ *Западной Имперіи*... Это уваженіе къ алтарю составляетъ замѣчательную эпоху, оно произведетъ впечатлѣніе на народы Италіи и увеличитъ число друзей республики.

26 іюня, онъ бесѣдовалъ въ Верчелли съ архіепископомъ-кардиналомъ Мартиніаной ⁹⁾. Онъ говорилъ ему съ уваженіемъ о Піѣ VII, о восстановленіи папства въ Римѣ. Онъ намекнулъ, что онъ согласился бы на возвращеніе святому престолу легатства, но что это не въ его власти. Во всякомъ случаѣ приманка была брошена, была оставлена возможность надѣяться. Затѣмъ онъ сталъ распространяться о своемъ желаніи столковаться съ папой, чтобы положить конецъ религіознымъ смутамъ во Франціи. Средства для достиженія этого уже были опредѣлены въ его умѣ. Онъ поручилъ кардиналу передать Пію VII слѣдующія многозначительныя слова: «Что нужно, чтобы умиротворить французскую церковь?

⁸⁾ Письма Бонапарта Францу II 16 іюня, Талейрану 20 іюня 1800.

⁹⁾ BOULAY DE LA MEURTHE, *Document sur la négociation du Concordat.*

Нужна рѣшительная мѣра—отставка всѣхъ епископовъ. Нужно, чтобы всѣ епископскія мѣста были объявлены вакантными, чтобы вмѣсто этихъ эмигрировавшихъ прелатовъ, не перестающихъ интриговать въ своихъ епархіяхъ въ пользу королевской власти, я назначилъ епископовъ, которые были бы преданы новому порядку вещей, чтобы я далъ имъ папскія буллы. Я очень желаю, чтобы католическая религія была *господствующей*, какъ выражаются въ Римѣ, но я не потеряю, чтобы она служила для потрясенія моей власти». Весь будущій конкордат резюмируется въ этихъ нѣсколькихъ фразахъ, и весь духъ его содержится въ этомъ первомъ предложеніи. Исключеніе составляетъ слово *господствующая*, употребленное имъ въ общепринятомъ смыслѣ, то есть которая господствуетъ, къ которой принадлежитъ большинство, тогда какъ кардиналъ понималъ это слово въ смыслѣ теологическомъ: *господствующая*, то есть пользующаяся властью государственною,—что повело къ продолжительнымъ недоразумѣніямъ и щекотливымъ спорамъ.

Однако онъ получилъ дурныя вѣсти съ той стороны, откуда онъ никогда и не долженъ былъ получать хорошія извѣстія: съ моря и относительно англичанъ.

Британское министерство отказалось утвердить соглашеніе въ Эль-Аришѣ, и шли приготовленія. сдѣлать высадку въ Киберонъ ¹⁰⁾. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ написалъ свой бюллетень отъ 18 іюня, весь наполненный восхваленіемъ Деза, и оканчивающійся горячимъ призывомъ къ оружію. Точно такъ писалъ онъ въ 1797 г. на другой день послѣ Кампо-Форміо ¹¹⁾:

«Французской націи очень кетати быть побѣдительницей. Не было такихъ крайностей, къ которымъ не обратились бы ея враги, если бы ее постигли неудачи...

Но что бы ни дѣлалъ лондонскій дворъ, во Франціи не будетъ междоусобной войны. Бельгія составитъ часть территоріи великаго народа. Баварія и Испанія, объединенныя интересами и страданіями, удвоятъ усилія противъ морскихъ тирановъ, и англичане, изолированные на своемъ островѣ въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году, чтобы получать вѣсти съ континента, должны будутъ ждать, пока Эльба очистится отъ льдовъ. Французы такъ же какъ австрійцы и русскіе будутъ оскорблять и презирать Англію за ея надменность, продажность и испорченность».

Эти яростныя и жестокія слова напоминаютъ бранныя рѣчи Керсэна, Дантона въ 1793 году, Барера въ II году, директоріи въ VI, и слова

¹⁰⁾ Письма его консуламъ. Карно 18 и 19 іюня 1800.—CHASSIN, *Les Pacifications de l'Ouest*, t. III, p. 635—648.

¹¹⁾ Ср. т. V, стр.

эти, вѣскія тѣмъ, что за ними было вѣское прошлое, полны предсказаній. Это—слова, внушаемыя гнѣвомъ, но онѣ выражаютъ нѣчто реальное, объявляютъ невозможность мира и безпощадную войну. Бонапартъ не убоялся ея: онъ пытался остановить роковой ходъ вещей. Если эта война и превышала его геній, то все таки онъ съ самаго начала ясно понималъ неизбѣжныя условія этого предпріятія.

Онъ оставилъ Миланъ 25 іюня, 2 іюля прибылъ въ Парижъ, поспѣшилъ взять въ свои руки бразды правленія, и, какъ можно больше извлечь выгоды изъ своей побѣды, со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями. Онъ подозрѣвалъ, что въ его отсутствіе авторитетъ его долженъ былъ пережить нѣкоторый кризисъ. Кризисъ этотъ былъ гораздо серьезнѣе и глубже, чѣмъ онъ воображалъ.

II

Этотъ первый годъ консульства представляетъ, какъ на сценѣ, вкратцѣ весь періодъ имперіи. Въ продолженіе двухмѣсячнаго отсутствія Бонапарта, въ Парижѣ замѣтно глухое броженіе, интриги, которыя, даже во время всемогущества Бонапарта, будутъ слѣдовать за императоромъ во всѣхъ походахъ. Такъ было въ 1805 году, въ 1808 г. во время испанской войны, въ 1809 г. во время Вальхернскаго дѣла; затѣмъ въ 1812 г. дѣло Мале—сумасбродное и злобѣщее, неожиданное, какъ взрывъ мины, открывающій пропасть.

Талейранъ и Фуше ¹⁾—вотъ коноводы, два человека, которые вплоть до самой катастрофы, такъ сказать, дѣлаютъ основу и сучатъ нитки для ткани: одинъ, завѣдуя иностранными дѣлами, находится въ сношеніи со всѣми интригами Европы, съ агентами, корреспондентами, со всевозможными соглядатаями и доносителями, на примѣръ съ «друзьями» д'Антрэга и съ друзьями Англіи ²⁾; другой, завѣдуя полиціей, находится въ сношеніи со всѣми заговорщиками внутри страны, начиная послѣдователями Бабефа и кончая эмигрантами и шуанами, начиная Ареной и кончая Бурмономъ,—оба самые извѣстные своею опытностью въ заговорщическихкихъ дѣлахъ, держащіе въ своихъ рукахъ всѣ пружины механизма. Впрочемъ, они завидуютъ другъ другу, ненавидятъ и публично наперерывъ роняютъ другъ друга. Связанные на всю жизнь, несмотря на невыносимую взаимную антипатію, запряженные въ одну повозку, въ одну упряжь, они тянутъ врозь и стараются столкнуть другъ друга въ выбоину. Оба раз-

¹⁾ Louis MADELIN, *Fouché*, ch. X et XI.

²⁾ Ср. т. V, стр.

стриги. они даже въ своемъ новомъ положеніи сохраняютъ отвращеніе, которое имѣли другъ къ другу раньше. Отвращеніе Фуше—это отвращеніе семинариста изъ средняго сословія, — провинціальнаго церковнаго сторожа — къ вельможѣ, главному духовному чиновнику; — проходивца къ человѣку, выброшенному изъ своей социальной среды: отвращеніе женатаго бывшаго священника, но женатаго, какъ слѣдуетъ, ставшаго семейнымъ человѣкомъ, — къ епископу-ренегату — свѣтскому развратнику; отвращеніе вороватаго эконома-скряги къ игроку, моту, пахальному должнику; — отвращеніе худенькаго человѣка невзрачной наружности, блѣднаго съ мордочкой лисцы, съ пронзительными глазами надзирающаго за каторжниками, сбросившаго съ себя и другую, еще болѣе мрачную, личину атенета и террориста и надѣвшаго на себя маску добряка и весельчака, но всегда небрежнаго въ одеждѣ и отличающагося дурными манерами — къ революціонеру дворянину, человѣку изящному, безпечному, обворожительному, дерзкому, сохраняющему даже на республиканской службѣ важныя манеры придворнаго; наконецъ, отвращеніе полицейскаго къ дипломату, то есть отвращеніе разночинца къ человѣку привилегированному, занять положеніе котораго будетъ его постоянной мечтой, въ надеждѣ вступитъ такимъ образомъ въ большой свѣтъ, прелестей котораго ему никогда не узнать. Чтобы ихъ обоихъ, опирающихся одинъ на другого, одного хромого, другого шатающагося — привести въ кабинетъ Людовика XVIII, для этого нужно будетъ больше лѣтъ, чѣмъ сколько, по ихъ мнѣнію, долженъ прожить Бонапартъ, больше приключеній и притомъ болѣе странныхъ, чѣмъ тѣ, которыя имъ были извѣстны, больше метаморфозъ, чѣмъ они воображали, и болѣе катастрофъ, чѣмъ сколько могла ихъ принести одна кампанія. Тѣмъ не менѣе, они пришли туда, переходя изъ коридора въ коридоръ, съ потайной лѣстницы въ секретную дверь; потому что они всегда держались на сторожѣ, всегда были въ выжидательномъ положеніи; оба эти хитреца оканчивали тѣмъ, что одинъ перебрасывалъ другому веревку, на которой собирался его повѣсить.

Бонапартъ держалъ въ рукахъ свой разбросанный персоналъ правительственнаго механизма. Съ его отъѣздомъ не стало больше сдерживающей узды, все спуталось. Впрочемъ, интересъ, если и не объединялъ правящихъ, то, соединялъ ихъ въ группы. Ихъ связывалъ даже просто страхъ, что потеря выгодъ поведетъ къ потерѣ всего.

Этотъ страхъ внушилъ имъ мысль упрочить власть Бонапарта, если онъ возвратится, чтобы, такимъ образомъ, поставить себя въ безопасное положеніе. Шли разговоры о пожизненномъ консульствѣ, и въ этомъ случаѣ дѣло шло бы о жизни лишь одного человѣка, болѣе другихъ подверженнаго опасностямъ. Шопотомъ говорили о наслѣдственномъ консуль-

ствѣ³⁾. «Братья» тотчасъ вмѣшиваются въ дѣло, инстинктивно смѣшивая наслѣдство власти съ фамильнымъ наслѣдствомъ. Иосифъ, который говорилъ Бонапарту объ этомъ передъ его отъѣздомъ, 5 мая, пишетъ ему о томъ же 24 мая; затѣмъ, охваченный мыслью о тронѣ, онъ отправляется въ Итацію. Тайныя собранія у Сійеса, Талейрана, Фуше и ихъ сообщника, сенатора Климента де-Ри происходятъ все чаще и чаще. Всѣ единодушно согласны поддерживать конституцію, то есть оставаться у власти. Но кто займетъ мѣсто перваго консула, въ случаѣ смерти Бонапарта? Моро? Но онъ человѣкъ военный и вовсе не государственный. Его соучастіе съ Пийегрю въ 1796 году дѣлаетъ его подозрительнымъ; роль Монка могла соблазнить этотъ нетвердый характеръ; онъ не подавалъ голоса за смерть короля, онъ не далъ никакой гарантіи паревѣбѣцамъ. Брюнъ представлялъ нѣкоторыя преимущества, ибо онъ былъ скомпрометированъ излишней ненавистью къ умѣреннымъ. Фуше подсказываетъ имя Бернадотта, котораго онъ всегда держитъ въ запасѣ, который и самъ держится выжидательнаго положенія. Такимъ онъ былъ сначала во время революціи и наконецъ въ коалиціи. Карно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ: онъ обладаетъ военными талантами, онъ *вотировалъ*, былъ товарищемъ Робеспьера, что составляетъ гарантію въ глазахъ якобинцевъ; якобинцы же сдѣлали его причастнымъ фрюктидору, такъ сказать, *фрюктидоризировали* его, что составляетъ гарантію съ точки зрѣнія умѣренныхъ. Имя его дѣйствуетъ на всѣхъ успокаивающимъ образомъ и никого не пугаетъ⁴⁾.

Благодаря этому волненію, могущему очень быстро перейти въ анархію, англичане болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, мечтаютъ о «большой экспедиціи» въ Врестъ, поддержанной общимъ возстаніемъ на Западѣ. Они имѣютъ въ Парижѣ довѣренныхъ людей, подстерегающихъ Бонапарта, съ цѣлью похитить его или употребить противъ него адскую машину. Жоржъ высаживается въ Бретани. Ему сообщаютъ о поспѣшномъ возвращеніи Бонапарта. 19 Іюня, онъ пишетъ Гренвиллю⁵⁾: «Роялисты Мэна и Цуату, поддержанные диверсіями, которыя будутъ сдѣланы въ Нормандіи, на Югѣ и въ другихъ мѣстахъ, могутъ надѣяться на громаднѣйшій успѣхъ, особенно, если устроено важное парижское дѣло... Первый консулъ придетъ въ Парижъ на дняхъ. Его спѣшное возвращеніе, повидимому, говоритъ о томъ, что онъ имѣлъ нѣкоторыя новыя данныя относительно экспедиціи. Чрезвычайно важно овладѣть, какъ можно

³⁾ Мю отмѣчаетъ съ 13 мая размѣры о наслѣдованіи, Miot, t. I, p. 273.

⁴⁾ См. BALZAC. *Une ténébreuse affaire*, рассказъ де Марсэ въ 1831 г. у княгини де Кадиньянъ. Изумительное изложеніе и пониманіе іюньскаго кризиса 1800 г.

⁵⁾ Comte de MARTEL, *l'Attentat de nivose, la Conspiration de Georges*.

скорѣе, этой личностью. Я отправляю челоѣка въ Парижъ, чтобы узнать, въ какомъ состояніи находятся тѣ, которые взяли на себя это дѣло. У меня есть челоѣкъ шестьдесятъ, которыхъ я предложу имъ въ помощники. Такъ что, если они съ своей стороны приняли мѣры, и если они энергичны, я убѣжденъ, что дѣло ихъ удастся, и тогда успѣхъ *большой экспедиціи* обеспеченъ».

20 іюня является къ Карно съ извѣстіемъ о неудачѣ курьеръ, отправившійся послѣ первой битвы при Маренго. Онъ приводитъ Парижъ въ ужасъ, политиковъ въ замѣшательство, они страшатся своего рѣшенія относительно выбора кого-нибудь изъ своей среды, страшатся перейти отъ слова къ дѣлу. Второй курьеръ освобождаетъ простяковъ отъ ихъ тревоги и людей хитрыхъ отъ ихъ колебаній. Парижъ опасался худшаго, надежда превзошла сама себя. Казалось, что это смѣлое дѣло, переходъ черезъ С. Бернаръ, совершенное словно въ театрѣ, устроило дѣло мира и довело, такъ сказать, до апотеоза войны республики. Битва при Маренго представляется народному воображенію въ очень драматической обстановкѣ: С. Бернаръ покрытъ скалами и льдами. Мятель. Армія взбирается на кручи. Пѣхотинцы тащатъ пушки вдоль пропастей. Потомъ эта армія спускается въ Ломбардію, покрытую цвѣтами, залитую солнцемъ, и въ одинъ день—перемѣны котораго утверждаютъ судьбу Бонапарта—эта армія исправляетъ неудачи цѣлаго года, вновь завоевываетъ Италію. «Народная гордость никогда не была польщена въ большей степени... Никогда нація не обнаруживала большей готовности быть благодарной челоѣку, которому она была обязана столь великой славой, и отъ котораго она тогда ожидала, какъ величайшаго блага,—мира, прочнаго мира».—«Городъ былъ добровольно иллюминированъ. Привычка вѣрить, блескъ, прекрасная погода сдѣлали остальное ⁶⁾».

Философъ Люсьенъ распорядился открыть и украсить флагами соборъ Notre-Dame. «По моему предложенію позавчера былъ совершенъ благодарственный молебенъ—*Te Deum*», писалъ онъ консулу 24 іюня. Онъ оговариваетъ Сійеса, Карно и Лафайета. «Если бы побѣда ознаменовалась смертью перваго консула при Маренго, то въ это время—когда я пишу вамъ—мы все были бы изгнаны». Талейранъ предупредилъ его: съ неподражаемой развязностью смѣлаго челоѣка, пережившаго революцію, о дѣловитости котораго Вольтеръ говорилъ съ восхищеніемъ Фридриху, Талейранъ писалъ 21 іюня: «Какое начало и какая развязка! Будутъ ли въ состояніи потомки повѣрить въ чудо этой кампаніи? Каковы предзнаменованія, обещающія намъ ваше возвращеніе! Не было ни одной имперіи.

⁶⁾ MIOT, NORVINS.

которая не была бы основана на элементѣ чудеснаго. Здѣсь же чудесное есть истинное».

Маренго заставило замолчать оппозицію, и за исключеніемъ претендентовъ—Моро, Бернадотта и ихъ единомышленниковъ, привлекло армію, до сихъ поръ упрямившуюся. Съ этого времени консульство казалось окончательно установленнымъ. Бонапартъ уклонился отъ триумфальнаго вступленія. «Я признаю, писалъ онъ Люсьену, только одинъ триумфъ,—чтобы все были довольны». Пользуется ли онъ такимъ триумфомъ? Ни лествъ высшихъ государственныхъ учреждений, ни радостные крики толпы не вводили его въ обманъ. Онъ шелъ надъ пропастью: при Маренго поражение, въ Парижѣ измѣна, заговоръ. Возвратясь изъ Египта, онъ нашелъ измѣну въ семьѣ. Онъ простилъ Жозефину, но лишилъ ее своего довѣрія. Возвратившись изъ Италіи, онъ понялъ проѣздки своихъ министровъ, понялъ, какъ мало значила его личность, какъ не прочна нить, на которой висѣла его власть, какъ обонились бы и безъ него. Онъ закрывалъ глаза, молчалъ. Тотъ же государственный интересъ требовалъ, чтобы онъ не замѣчалъ того, что онъ могъ знать только со скандаломъ, что онъ могъ подавлять съ опасностью. Но довѣріе исчезло. Онъ испытывалъ страшное одиночество абсолютной власти. Въ его рукахъ все становилось орудіемъ, въ то же время все дѣлалось сухимъ, холоднымъ, превращаясь въ сталь, въ составныя части механизма.

Находили, что онъ очень измѣнился. Жаловались на непостоянство его настроенія, на его капризы и деспотизмъ, на то, что онъ не вѣрилъ въ людей и требовалъ отъ нихъ лишь повиновенія. Его тонъ становился повелительнымъ, рѣчь—солдатскою, надменною, нетерпѣливою, заносчивою. «Первый консулъ, пишетъ одинъ дипломатъ спустя мѣсяць послѣ его возвращенія изъ Италіи ⁷⁾, ведетъ политическія дѣла такъ, какъ онъ ведетъ дѣла военныя. Онъ хочетъ, чтобы все останавливалось и уступало передъ его нетерпѣніемъ и волей... Если онъ не колеблется въ своихъ рѣшеніяхъ, то онъ очень непостояненъ въ объектахъ своего довѣрія». Тотъ гражданскій обликъ, который онъ усвоилъ себѣ по симпатіи къ нему, ступшевался. Въ государственномъ совѣтѣ Бонапартъ председательствуетъ одѣтый въ военную форму. Въ его отсутствіе брюмерьянцы не оправдали его ожиданій. Онъ нашелъ нужнымъ устрашить ихъ той силой, къ которой они уже обращались во время Жерминаля, Преріала, Вандембера, Фрюктидора. Но тѣмъ не менѣе онъ обращался къ этому, чтобы своею шпатою поддержать штатскія прерогативы и дѣлалъ это особенно съ тою цѣлью, чтобы внушить страхъ военнымъ,

⁷⁾ Письмо Сандоза 31 іюля 1880.—BAILLET.

которые, признавая лишь управленіе мечомъ, всё считали себя способными управлять. «Если я умру черезъ четыре-пять лѣтъ, дѣло будетъ налажено, оно пойдетъ. Если же я умру раньше,—я не знаю, что будетъ...» Кто-то смѣло сказалъ: «Мы имѣли бы какого-нибудь генерала на мѣсто перваго консула, но другіе генералы объявили бы ему войну». На это Бонапартъ замѣтилъ: «Вамъ не нуженъ генералъ на этомъ мѣстѣ; нуженъ штатскій человѣкъ. Армія скорѣе будетъ повиноваться штатскому, чѣмъ военному... Если бы черезъ три-четыре года мнѣ пришлось въ лихорадкѣ умирать въ постели и дѣлать завѣщаніе, я посовѣтовалъ бы націи — остерегаться военного правительства; я сказалъ бы ей что слѣдуетъ назначить гражданское правительство. Моро говоритъ только о военномъ управленіи, онъ не понимаетъ ничего другого».

Съ этого времени, не заботясь даже о внѣшнемъ приличіи, онъ забираетъ въ свои руки, сосредоточиваетъ въ своей личности все государство. Даже фізіономія его мѣняется. Нѣтъ болѣе очаровательнаго, величественнаго и въ то же время трогательнаго молодого героя Лоді: передъ нами глава,—это уже повелитель, хотя еще не застывшій въ величество, еще не высѣченный изъ мрамора, не отлитый изъ бронзы. «Его улыбка, говоритъ Шатобрианъ, видѣвшій его нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, была ласкова и красива, его глаза какъ-то особенно расположенные и обрамленные бровями—восхитительны. Въ его взорѣ еще не было ничего шарлатанскаго, ничего театральнаго и аффектированнаго. Удивительное воображеніе оживляло этого холоднаго политика. Разсудокъ приводилъ въ исполненіе идеи поэта».

III.

Это соображеніе больше всего и прежде всего побуждаетъ его дать Франціи миръ. Талейранъ, съ картой Европы въ рукахъ, постепенно день за днемъ объясняетъ Бонапарту результаты побѣды: въ Швейцаріи возстановленъ его авторитетъ; Голландія идетъ своимъ ходомъ, но она желаетъ нейтралитета; Пруссія опять впадетъ въ свою коеность, въ свое «желаніе избавиться отъ всякаго обязательства»; Россія все болѣе и болѣе раздражается противъ Вѣны и Лондона; Испанія относится съ предупредительностью, особенно желаетъ мира. Бонапартъ отправляетъ Бертье въ Мадридъ, чтобы возбудить аппетитъ этого апатичнаго двора, побудить его обезпечить себя какими-нибудь гарантіями въ Португаліи, пока не заключенъ миръ. Онъ требуетъ, чтобы Франціи была возвращена Луизиана, предвидя, что эта колонія послужитъ точкой отправленія новыхъ предприятий, необходимымъ выходомъ для силъ не израсходованныхъ поелѣ мира. Въ обмѣнъ онъ предлагаетъ дать въ Италіи территорію инфанту

Пармскому, внуку Филиппа V и Елисаветы Фарнезской, женатому на Маріи-Луизѣ Испанской, дочери Карла IV.

Онъ начинаетъ тонко лобезничать съ Россіей. Онъ разгадалъ Павла I, понялъ его чувствительныя мѣста, тѣ стороны души императора, которыя проеѣчиваютъ то здѣсь, то тамъ, когда тучи разбѣяны: чрезвычайное тщеславіе, владѣвшее этой натурой, полной негнѣныхъ противорѣчій, расходящейся на болѣзненные мелочи, но моментами поднимающейся до государственныхъ точекъ зрѣнія, покушающейся на важныя политическія дѣла. Бонапартъ старается вліять на его воображеніе, говорить о его славѣ, высказываетъ ему свое уваженіе, отводитъ ему особое мѣсто среди другихъ враговъ Франціи, за его безкорыстіе; предлагаетъ ему взять Мальту, подъ свое покровительство, что льститъ его маніи рыцарства и что доведетъ Павла I до ссоры съ англичанами. Онъ преподноситъ ему въ знакъ уваженія шпагу, которую когда-то папа Левъ X подарилъ одному изъ гроемейстеровъ ордена ¹⁾. Наконецъ, онъ предлагаетъ возвратитъ «безъ обмѣна, со всеми воинскими почестями, заново одѣтыхъ и перевооруженныхъ», съ ихъ знаменами, шесть тысячъ русскихъ плѣнныхъ, находящихся во Франціи. «Первый консулъ, писалъ Талейранъ Панину, знаетъ, что англичане и австрійцы всѣми своими успѣхами обязаны русскимъ войскамъ ²⁾».

Потомъ онъ обращается къ Австріи: угрожаетъ ей. «Пусть она сдастся, говоритъ онъ прусскому агенту, Сандозу;—въ противномъ случаѣ, я иду на Вѣну ³⁾; тогда Венеція потеряна Австріей». Онъ шадитъ южныхъ германцевъ. Эмиссары намекаютъ населенію на идею федеративной республики, по образцу *Mutter Gallia*, на уничтоженіе привилегій, гражданскую свободу, на управленіе по образцу французскаго. Эти добродушные нѣмцы говорили: «что за бѣда, если они идутъ на Вѣну; только бы они не шли черезъ нашу землю». Французскіе генералы вынуждены уменьшить свое усердіе въ стремленіи избавиться отъ барскихъ оброковъ. Въ то же время Бонапартъ успокаиваетъ князей: ихъ подчиненіе Франціи спасетъ ихъ отъ революціи и обогатитъ ихъ военной добычей. Бонапартъ съѣстъ сѣмена, которыя дадутъ жатву во время Рейнской конфедераціи ⁴⁾.

Перипетіи при Маренго отражаются въ Вѣнѣ какъ противоположность парижскому кризису: сначала побѣда и радость, потомъ неудача, разочарованіе и слѣдующіе за ними раздоры. 20 іюня подписанъ былъ договоръ

¹⁾ Талейранъ Панину 20 іюля, 26 августа. 1880.

²⁾ MARTENS, *Traité de la Russie*, t. XIII, *France*, p. 250 и слѣд.

³⁾ Письмо Сандоза 6 іюля, 1880, BAILLEU.

⁴⁾ FOURNIER, *Skizzen*.—Ескарт, *Montgelos*.

ставить письмо первому консулу, стараться, никогда не придавая дѣлу характера публичности, позондировать его мнѣнія относительно путей къ примиренію, словомъ стараться выиграть время, чтобы какъ можно дольше протянуть перемиріе».

Его самолюбіе было страннымъ образомъ озадачено. Его положеніе пока-залось ему критическимъ, и путь, на которомъ онъ находился—опаснымъ. Онъ подвергался опасности стать смѣшнымъ, если бы велъ себя откровенно, въ случаѣ же притворства онъ далъ бы «основаніе для того, чтобы посредника въ дѣлахъ приняли за шпиона. За отсутствіемъ лучшаго, убѣжденный, что его выбрали за красивую наружность, онъ бралъ ея. «Графъ Сень-Жюльенъ, говоритъ Нейппергъ, имѣетъ военную осанку, представляющую его въ очень выгодномъ свѣтѣ, пріятное обращеніе, привлекательныя манеры, много серьезности, талантъ собесѣдника: позволяя себѣ иногда очень увлекаться, чтобы показать блескъ этого своего по-сѣбдяго качества, серьезное и реальное приносить въ такихъ случаяхъ въ жертву наслажденію рѣчью, красивому слову. Онъ начитанъ и обладаетъ хорошею памятью и даже знаніемъ, природнымъ изяществомъ, чистотою и мягкостью языка, которыя въ соединеніи съ тонкостью ума и его силою такъ необходимы въ переговорахъ, чтобы составить противовѣсъ французскому *вѣтроломству* и нахальству. Для переговоровъ съ военной Франціей нуженъ былъ человѣкъ военный. Человѣкъ богатый и щеголеватый произвелъ бы обратное впечатлѣніе и въ это время сдѣлался бы предметомъ смѣха». Вотъ какъ графъ Сень-Жюльенъ держалъ себя передъ своимъ зеркаломъ, т. е. передъ самимъ собою, и какъ онъ позировалъ передъ своимъ портретистомъ.

На Бонапарта онъ просто производилъ впечатлѣніе штабнаго вѣтрого-на, котораго легко завлечь въ ловушку; Талейрану же онъ послужилъ канвой простака, на которой Талейранъ и вырисовывалъ свои хитросплетенія. Сень-Жюльенъ желалъ имѣть свѣдѣнія о намѣреніяхъ консула. Указать ихъ въ формѣ предварительныхъ статей—развѣ это не самое вѣрное средство достигнуть цѣли? Сень-Жюльенъ желалъ продолжать перемиріе,—самый гениальный пріемъ для достиженія этого—это спутать въ одно переговоры о перемиріи съ переговорами о мирѣ и, такимъ образомъ, продолжать перемиріе до бесконечности. Сень-Жюльенъ ежедневно получалъ анонимныя письма: одни «отговаривали его вести переговоры съ правительствомъ столь неустойчивымъ», другія «умоляли его положить конецъ при помощи скорого мира, тѣмъ бѣдствіямъ, которыя уже такъ долго изнуряли Францію». Все это привело его къ заключенію, что «искусный дипломатъ, обладающій всѣми полномочіями, могъ бы извлечь большую пользу изъ этого замѣшательства и непрочности фран-

цузскаго правительства въ этотъ моментъ». Отъ этого оставался одинъ шагъ до того, чтобы выслушивать, говорить, писать, чтобы, наконецъ, вступать въ условія, какъ будто онъ былъ уполномоченъ на все это. Правда, шагъ этотъ былъ довольно «опасенъ», но Талейранъ, превосходя его въ хитрости, заставилъ его сдѣлать этотъ шагъ.

Конечно, Талейранъ и Бонапартъ меньше всѣхъ на свѣтѣ могли обмануться на счетъ значенія «бумаги», полученной хитростью и измѣненной соответствующимъ образомъ. Тутутъ не поддавался бы на удочку и скоро открылъ-бы обманъ, но пока С. Жюльенъ доѣхалъ бы до Вѣны пока курьеры отпразднелись бы въ Англію и прибыли въ Лондонъ,—игра была бы сыграна. Ссылка на письмо императора къ Бонапарту, хитрое толкованіе его, замѣна двухъ словъ двумя другими, замѣна фразы: «Онъ *получилъ* мои инструкции, чтобы обратить ваше вниманіе на то, какъ важно не доводить дѣло до открытыхъ переговоровъ... другой фразой, а именно: «Онъ *знаетъ* мои намѣренія и ему *поручено* обратить ваше вниманіе на то, что раньше...⁷⁾»—позволили бы легкомысленнымъ парижанамъ подумать, что первый консулъ и его министръ могли повѣрить въ широкія полномочія С. Жюльена. «Если бы, писалъ одинъ англійскій агентъ, получилось извѣстіе, что австрійскій дворъ одобряетъ перемиріе и соглашается на переговоры, то Бонапартъ *могъ-бы сдѣлать все, что пожелалъ бы*». Это былъ бы рѣшительный ударъ, и если бы предпріятіе не удалось, Австрія одна была бы въ отвѣтственности. Пока что, Англія была бы предупреждена, что Австрія начала тайные переговоры съ цѣлью заключить миръ отдѣльно, и въ случаѣ нужды, при нѣкоторой нескромности это можно было бы подтвердить письменными данными. Наконецъ, Австрія относилась отрицательно къ С. Жюльену лишь для виду, могла желать продолжать дѣло, и тогда вопросъ о мирѣ могъ принять направленіе, желательное для С. Жюльена. Такъ Бонапартъ и Талейранъ—съ одной стороны, С. Жюльенъ и Нейппергъ—съ другой, играли комедію съ очень интересной завязкой, похожую на ту, которая происходила въ 1813 году во Франкфуртѣ, гдѣ Меттернихъ спуталъ роли, введя въ игру барона Сень-Эннына.

22 іюля, т. е. съ первой бесѣды, которую Нейппергъ, впрочемъ, называетъ конференціей, Талейранъ съ беззаботнымъ видомъ, словно игрокъ тасующій карты и болтающій, прежде чѣмъ снять карты и сдать игру, спрашивается у Сень-Жюльена, не имѣетъ ли онъ другихъ полномочій, кромѣ указанныхъ въ письмѣ императора. Талейранъ прекрасно знаетъ, что въ этомъ письмѣ ничего не говорится о какихъ бы то ни было полномочіяхъ.

⁷⁾ THIERS, t. II, p. 63.

Но Сент-Жюльенъ, польщенный тѣмъ, что за нимъ предполагаютъ полномочія, вовсе не желаетъ отрицать ихъ, ибо этимъ онъ поставилъ бы себя въ неловкое положеніе. Онъ запутывается въ фразѣхъ. — «Неожиданно перемѣщенный на новое для него житейское поприще и пробывъ въ Вѣнѣ лишь нѣсколько дней, онъ не позаботился запастись тѣмъ, что въ дипломатической средѣ считается необходимымъ, чтобы имѣть право подписывать конвенціи—предварительныя и окончательныя, и что поэтому онъ не знаетъ, можетъ ли онъ это дѣлать». Такое чистосердечіе и такая готовность служить трогаютъ Талейрана, который успокаиваетъ Сент-Жюльена. На его взглядъ, говоритъ онъ, Сент-Жюльенъ оказывается въ достаточной степени признаннымъ и уполномоченнымъ, благодаря письму императора. — Это мнѣніе, высказанное человѣкомъ, пользовавшимся большою репутаціей въ вопросахъ общественнаго права, придало смѣлости австрійцу, который, пользуясь любезностью Талейрана, спросилъ: «Какъ вы поступили бы на моемъ мѣстѣ?» Талейранъ отвѣчаетъ: — «Зная намѣренія своего правительства, какъ знаетъ г-нъ Сент-Жюльенъ, пользуясь такимъ довѣріемъ перваго консула, какимъ не можетъ не пользоваться г-нъ Сент-Жюльенъ у е. в. императора, получивъ частныя инструкціи, получивъ письмо, служащее достаточнымъ кредитивомъ, онъ не колебался бы подписать то, что было бы признано способнымъ служить къ восстановленію мира. — Прекрасно, я подпишу!» сказалъ Сент-Жюльенъ.

И дѣйствительно онъ подписалъ. Сначала протоколы, которые сформулировалъ Талейранъ, и которые Сент-Жюльенъ внимательно пересмотрѣлъ самъ лично. Нейппергъ и Море, приглашенные на *конференцію*, были письмоводителями. Такимъ образомъ, Сент-Жюльенъ получилъ нѣкоторый видъ уполномоченнаго и не имѣлъ осторожности сдѣлать на этотъ счетъ какое нибудь возраженіе. Его рука попала въ шестерню, и вотъ ремень за ремнемъ, рукоятка за рукояткой, и онъ весь попалъ въ машину, простоудушно разсуждая, что если Талейранъ признаетъ за нимъ какія-то полномочія, то не ему же разубѣждать въ этомъ Талейрана: напротивъ, онъ долженъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы заставить французовъ раскрыть свою игру и продолжить перемиріе. Онъ думалъ, говоритъ онъ, «что будетъ въ состояніи повліять на него, чтобы исполнить намѣренія своего государя, чтобы, такимъ образомъ, насколько возможно, ускорить заключеніе мира», прибавляя къ этимъ словамъ: «и подписать на время, безъ ратификаціи своего двора, безъ которой никакое соглашеніе не могло быть дѣйствительнымъ». Такимъ образомъ они вели переговоры 23 и 24 іюля. 26, Талейранъ, считая, что Сент-Жюльенъ уже достаточно ознакомился съ дѣломъ, повелъ его къ первому консулу. Бонапартъ

изложилъ «принципы, отъ которыхъ онъ не можетъ отказаться». «Онъ показалъ, докладываетъ Нейппергъ, большое упрямство характера, сквозь которое было замѣтно чрезмѣрное желаніе и, я думаю, даже потребность мира, что графъ Сент-Жюльенъ подмѣтилъ со свойственною ему проницательностью, и чему онъ противопоставилъ много твердости и достоинства».

Эта «проницательность» привела его къ выработкѣ, 27 іюля, десяти параграфовъ, названныхъ *предварительными условіями*. Когда наступилъ моментъ подписывать, Сент-Жюльена охватило безпокойство: по его словамъ, онъ не имѣлъ на это полномочія, лучше ему отправиться въ Вѣну и изложить устно взгляды перваго консула. Но это вовсе не входило въ расчеты Талейрана, который желалъ непремѣнно имѣть въ рукахъ канцелярскую бумагу. Онъ объявилъ, что если Сент-Жюльенъ уѣдетъ, не доведя дѣло до конца, то «первый консулъ окажется вынужденнымъ вновь открыть враждебныя дѣйствія, чтобы не потерять тѣхъ выгодъ, въ которыхъ находится французская армія». — «Это заявленіе было сдѣлано устно и произвело свое дѣйствіе», говоритъ Талейранъ. Это значитъ, что существенною миссіей Сент-Жюльена было—добиться продолженія перемирія. Ради облегченія дѣла Талейранъ предложилъ такую редакцію рѣшенія, которая двусмысленными выраженіями обходила трудности, вытекавшія изъ отсутствія дѣйствительныхъ полномочій: «Е. В. императоръ заявилъ, что онъ не находилъ никакихъ препятствій для заключенія мира... и что онъ отправилъ Сент-Жюльена къ первому консулу, предпочитая этотъ прямой путь назначенію полномочныхъ министровъ».

Параграфы были подписаны 28 іюля: договоръ заключенный въ Кампо-Форміо долженъ былъ служить основаніемъ мира. Говорилось, что императоръ не станетъ противиться приобрѣтенію Франціей границы по Рейнѣ, отъ его истоковъ въ Швейцаріи и до устья въ Голландіи. Говорилось, что императоръ все расходы выпишетъ съ Италіи и ничего не возьметъ съ Германіи.

Бонапартъ утвердилъ договоръ и поручилъ Дюроку передать свои ратификаціи императору. Дюрокъ отправился въ путь съ письмомъ этого государя, помѣченнымъ 29 іюля. Ему была дана инструкція оставаться нѣмымъ, пока конвенція не будетъ ратификована, послѣ чего онъ долженъ былъ предложить заключеніе окончательнаго мира въ Парижѣ въ восемь—десять дней, или въ какомъ-нибудь итальянскомъ городѣ, если въ Парижѣ это окажется невозможнымъ. Вознагражденіемъ императору послужатъ земли по Минціо; Пескьера и Мантуя будутъ срыты; три легатства перейдутъ къ великому герцогу Тосканскому. Какъ бы тамъ ни было, если придется, Дюрокъ скажетъ, «что первый консулъ считаетъ, что вознагражденія со стороны Италіи должны быть тяжелѣе, чѣмъ тѣ,

которые указаны въ Кампо-Формейскомъ договорѣ. На вопросъ объ *английскихъ* газетныхъ оскорбленіяхъ Дюрокъ скажетъ, что первый консулъ не понимаетъ по-английски; на вопросъ объ Египтѣ отвѣтитъ, что эта страна принадлежитъ намъ. Относительно якобинцевъ, шуановъ, роялистовъ,—скажетъ, что это старыя наименованія въ родѣ Гвельфовъ, Гибелиновъ;—что Франція есть страна Европы, въ которой обстоятельства позволили правительству доставить населенію наибольшее количество благъ. Если спросятъ объ эмигрантахъ, онъ отвѣтитъ, что во Франціи нѣтъ болѣе никакихъ предубѣжденій относительно тѣхъ, кто не воевалъ противъ отечества, и чье поведеніе не представляетъ ничего подозрительнаго».

Дюрокъ удивительно подготовился къ своей задачѣ, но ему не пришлось осуществить ее. Полиція задержала его въ Браунау, гдѣ онъ долженъ былъ дожидаться своихъ паспортовъ. Сень-Жюльенъ приѣхалъ въ Вѣну, 5 августа, около полуночи. Тутъ, выслушивая его и просматривая привезенныя имъ бумаги, пришелъ въ ярость. «Графъ Сень-Жюльенъ ужасно запуталъ дѣло... Въ продолженіе ночи я не сомкнулъ глазъ... Во всей исторіи нѣтъ примѣра безумія, подобнаго поведенію Сень-Жюльена, который безъ малѣйшаго права позволилъ себѣ подписать своего рода предварительныя условія, которыя неизбѣжно ставятъ насъ въ несприятное положеніе относительно всѣхъ странъ»⁸⁾. Тутъ, быть мастеръ своего дѣла, онъ мигомъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и взвѣшивалъ тѣ затрудненія, которыя создастъ въ Лондонѣ раскрытіе этого мнимаго договора. «Въ высшей степени важно, пишетъ онъ, какъ можно скорѣе, сообщить въ Лондонъ рѣшеніе Его Величества, какое бы оно ни было, какъ для того, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, видъ искренности», такъ и для того, чтобы предупредить махинаціи французовъ.

Но императоръ желалъ вести переговоры и, не признавая того что написано Сень-Жюльеномъ, онъ предложилъ собраться уполномоченнымъ министрамъ въ Люневиль, пригласивъ Англію тоже прислать туда своего представителя. Что же касается неразсудительнаго дипломатическаго агента, то императоръ отправилъ его въ крѣпость для размышленій о неудобствахъ неопытности и опасностяхъ дурного общества. Нейппергъ получилъ свою долю—три мѣсяца крѣпости. Тамъ въ немъ выросла ненависть къ Франціи и въ частности къ Наполеону. Этотъ дворянинъ съ тѣхъ поръ сталъ смотрѣть на это дѣло съ личной точки зрѣнія. Онъ долго ждалъ возможности отомстить за себя. Мщеніе пришло удивительными рикошетами, но за то оно вполне удовлетворило чувство самолюбія. Эта маленькая закулисная дипломатическая неудача была оплачена большимъ истори-

ческимъ скандаломъ. Въ самомъ дѣлѣ, Нейппергъ—это Нейппергъ Пармскій. Онъ недолго оставался въ немилости. Онъ былъ назначенъ генераломъ, и императоръ Францъ въ 1814 году показалъ ему свое довѣріе, поручивъ ему охранять свое самое драгоценное сокровище—личность и честь своей дочери, сдѣлавъ его ея рыцаремъ. Въ благодарность за это Нейппергъ далъ нѣсколько дѣтей женѣ Наполеона. «Это онъ забрался въ гнѣздо орла», сказалъ о немъ Шатобрианъ, а Наполеонъ на островѣ Св. Елены выразился болѣе просто: «Этотъ негодяй Нейппергъ!»

Осужденіе Сень-Жюльена, предложеніе вести переговоры сообща вмѣстѣ съ Англіей разстроили расчеты Бонапарта. Тѣмъ не менѣе онъ согласился, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ выставилъ бы себя въ дурномъ свѣтѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Но онъ намекнулъ на мысль о перемиріи съ Англіей на морѣ. «Если континентальныя державы, говорили Талейранъ, положить оружіе только тогда, когда это будетъ удобно Англіи, то это можно назвать гибелью настоящаго поколѣнія¹⁰⁾.

Морское перемиріе означало снабженіе припасами Мальты, отправку подкрѣпленій въ Египетъ. Англичане ничего и слышать не хотѣли. Отто, который въ Лондонѣ велъ переговоры о размѣнѣ плѣнниками, ничего не могъ добиться. Англичане тѣмъ крѣпче держались за свои преимущества на морѣ, что Маренго разрушило ихъ планы внутри Франціи—и «большую экспедицію» въ Брестъ, и «главный ударъ» въ Парижъ. 2 іюля Гренвиль писалъ Жоржу: «Все было приготовлено для осуществленія мѣръ, которыя хотѣло принять королевское правительство, какъ въ это время здѣсь узнали новость о перемиріи, заключенномъ въ Италіи. Такимъ образомъ мѣры, о которыхъ идетъ рѣчь, подверглись множеству случайностей и по всей вѣроятности, повредили бы множеству храбрыхъ людей, которыми вы имѣете честь командовать, и не принесли бы никакой пользы дѣлу. Поэтому мнѣ остается просить васъ объ одномъ: уговорите вашихъ людей остаться теперь спокойными»¹¹⁾. Они обратились на Бель-Иль, которымъ они надѣялись овладѣть, и на Копенгагенъ, гдѣ 20 августа заставили датчанъ отказаться конвоировать свои коммерческія суда.

Раздраженный Бонапартъ рѣзко говорилъ противъ «этого морскаго деспотизма, самаго узурпаторскаго изъ всѣхъ», и единственное средство, которымъ онъ располагалъ противъ англичанъ, было быстрое заключеніе мира съ Австріей. Онъ согласился на продолженіе перемирія и 25 сентября объявилъ переговоры открытыми. Если англичане, говоритъ онъ,

¹⁰⁾ Талейранъ Тугуту 24 августа 1800.

¹¹⁾ De Marten, *op. cit.*, p. 239.

⁸⁾ Письма его Коллоредо 5 и 7 августа 1800 г.

сумбуют отклонить императора, то «войска Республики не остановятся ни передъ сибгами, ни передъ суровостью времени года, и зимою будутъ продолжать войну до крайности, не давая врагу времени сформировать новыя арміи». Принципы правительства слѣдующіе: крайняя умѣренность въ условіяхъ, но твердая рѣшимость быстро умиротворить континентъ.

IV.

Въ этомъ былъ его интересъ, въ этомъ заключалось его желаніе. Война больше ничего не могла ему дать. Онъ не хотѣлъ участвовать въ ней лично, находя свое отсутствіе изъ Парижа опаснымъ для своей власти. Только миръ могъ упрочить его популярность и позволить ему довести до конца великое дѣло социального переустройства, окончить *Кодексъ*, какъ основаніе гражданской свободы, *Конкордатъ*, какъ орудіе религіознаго мира. Онъ льстилъ себя тогда надеждою объявить миръ на континентѣ одновременно съ восстановленіемъ мира религіознаго. Съ этого времени тѣ и другіе переговоры ведутся параллельно ¹⁾.

Едва лишь папа Пій VII вступилъ въ Римъ, 3 іюля 1800 г., привѣтствуемый кликами народа, какъ сейчасъ же узналъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Бонапартомъ кардиналу Мартиніани. Онъ обсудилъ вопросъ съ конгрегаціей, занимающейся дѣлами церкви, и съ этого момента между Римомъ и Парижемъ начинаются большія затрудненія, которыя до конца, т. е. въ продолженіе цѣлаго года, тормазили дѣло. Бонапартъ имѣлъ своею цѣлю полное обновленіе состава епископовъ, цѣлю же папы было признаніе католической религіи *господствующею* религіей въ Франціи, то есть религіей государственной. Еще до начала переговоровъ на сцену выступили интриги. Никто не боялся въ такой степени, какъ претендентъ Людовикъ XVIII и французскіе эмигранты, восстановленія римско-католической церкви во Франціи. На религію, церковь, духовенство они смотрѣли какъ на орудія междоусобной войны, которыя лишь въ будущемъ послужатъ орудіями контръ-революціи и власти. Религіозный миръ, который примирилъ бы большинство французскаго народа съ Республикой, былъ для нихъ такъ же страшенъ, какъ европейскій миръ, который обезоружилъ бы коалицію государей. Кардиналъ Мори, епископъ Монтефіасконскій, былъ представителемъ въ Римѣ Людовика XVIII. Это былъ человекъ, котораго только терпѣли, не признавали, но человекъ съ широкимъ кругомъ знакомствъ, шумливый, задира и большой интриганъ. Онъ и его

¹⁾ BOULAY DE LA MEURTHE.—Краткій очеркъ этихъ переговоровъ данъ мною въ *Journal des Savants*, октябрь, ноябрь, декабрь 1896.

друзья постоянно тревожили папу и его совѣтниковъ своими коварными возраженіями, постоянно сѣяли тревогу относительно прочности консульскаго правительства, словомъ—не переставали толкать этихъ римлянъ на тѣ изворотливыя пути, къ которымъ они были очень склонны по своему природному малодушію и по своему классическому макиавелизму. Присоединимъ къ этому тревожную среду, окружающую Бонапарта — его двухъ главныхъ министровъ, Талейрана и Фуше, явныхъ нечестивцевъ и враговъ церкви по своему прошлому и даже по своей профессіи. Рядомъ съ этимъ вліяли причины совершенно временнаго характера, но вполне безотлагательныя: Австрійцы еще занимали Анкону, замокъ св. Ангела находился въ рукахъ неаполитанцевъ,—какъ можетъ окончиться война? Кто въ концѣ концовъ будетъ владѣть легатствами? Будутъ ли они восстановлены, если Бонапартъ одержитъ верхъ? Чтобы пріобрѣсти расположеніе правительства революціоннаго и очень мало устойчиваго, Пій VII рисковалъ потерять католическія монархіи въ Европѣ и даже въ самой Франціи рисковалъ потерять настоящихъ вождей католической арміи, епископовъ, правовѣрныхъ, своихъ самыхъ надежныхъ сторонниковъ.

Можно было считать, что конституціонная ересь кончилась. Она уничтожилась сама собою отъ изолированности и равнодушія. Эта церковь никогда не имѣла правовѣрныхъ, ея духовенство разсѣялось. Французскіе католики поворачивали къ Риму, все говорило о возрожденіи вѣры и одновременно съ этимъ о капитуляціи галликанской церкви. Если монархія была восстановлена во Франціи, то это потому, что многіе политическіе люди въ Англіи, въ Америкѣ, въ Италіи считали возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что результатомъ этого будетъ восстановленіе католической церкви, и Римъ могъ надѣяться, что галликанизмъ — ошибка стараго порядка — исчезнетъ, унесенный вмѣстѣ съ ошибками революціи обратнымъ теченіемъ.

Эти размышленія, эти выкладки заставляли въ Римѣ выжидать событій, наблюдать обстоятельства, щадить всѣхъ и прежде всего опаснаго и неспокойнаго консула; но ни мало не компрометировать себя прежде времени и извлекать изъ переговоровъ всѣ возможныя выгоды — прямыя въ дѣлахъ религіозныхъ, косвенныя въ восстановленіи учреждений временныхъ, т. е. легатствъ.

Именно въ виду этого былъ посланъ въ Римъ Монсиньеръ Сиино, архіепископъ Коринѣскій, и были редактированы данныя ему инструкціи 15 сентября 1800 года: онъ долженъ былъ все выслушивать, обо всемъ спорить, все наблюдать, не дѣлать никакихъ заключеній. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ 8 октября. Обѣ стороны условились хранить все въ строжайшей тайнѣ. Если Римъ долженъ былъ относиться съ вниманіемъ къ австрій-

цамъ и французскимъ эмигрантамъ, то Бонапартъ долженъ былъ относиться съ немалымъ вниманіемъ ко мнѣнію Парижа и въ частности ко мнѣнію своихъ сотрудниковъ и своей среды.

Начавшіеся переговоры ставили Бонапарта и Ііа VII въ исключительныя условія. Каждый изъ нихъ долженъ былъ дѣлать уступки своимъ противникамъ и требовать жертвъ отъ своихъ друзей. Бонапартъ желалъ воспользоваться религіознымъ миромъ для укрѣпленія и расширенія своей власти. Нужно было не больше не меньше:—привлечь на свою сторону католическихъ вождей, вчерашнихъ мятежниковъ, а также население едва подчинявшееся, еще не вышедшее изъ состоянія изступленія, чтобы примирить духовенство, которое республика отталкивала отъ себя всеми средствами. Рискаю, притомъ, вызвать новые раздоры среди республиканцевъ и возбудить страшную оппозицію въ той самой партіи, которая выдвинула его въ брюмеръ, и которая продолжала его поддерживать.

Возстановленіе богослуженія и духовенства было бы сдѣлано для простого французскаго народа, для громаднаго большинства французовъ, но для большинства нѣмого и темнаго, которымъ революціонные вожди имѣли обыкновеніе править, не выслушивая его. Въ правящихъ классахъ, прежнихъ якобинцахъ и прежнихъ конституціоналистахъ, въ трибунатъ, въ салоны, посѣщавшихся «просвѣщенными» людьми, царилъ безвѣріе, наслѣдіе прежняго французскаго общества, или, если можно такъ сказать,—догматъ вѣры, полной нетерпимости. Особенно офицеры проявили это, не стѣняясь.

Самые умѣренныя совѣтники Бонапарта все были философы, и тѣ изъ нихъ, которые, какъ Готтривъ, были изопреены въ церковныхъ спорахъ, приносили собой высокоумный духъ парламентаризма и галликанской независимости. Этотъ духъ господствовалъ въ государственномъ совѣтѣ. Такимъ образомъ нѣтъ преувеличенія въ словахъ Шапталя, что переговоры съ Римомъ «были самымъ смѣлымъ изъ всехъ дѣлъ совершенныхъ Бонапартомъ». Этимъ объясняется та таинственность, которою онъ покрывалъ суть дѣла, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, нѣсколькихъ удачно сказанныхъ фразъ, имѣвшихъ цѣлью подготовить публику. Таковы: «итакъ вы атеисты?» — слова, сказанныя мимоходомъ Лапласу въ Мальмезонѣ. Таковы слова, сказанныя въ государственномъ совѣтѣ, который послѣ заговора роялистовъ предложилъ вновь ввести въ силу законы противъ священниковъ: «я никогда не признаю, что нужно преслѣдовать людей зато, что они вѣруютъ во Всемогущее Существо, въ религію, которая, быть можетъ, есть истина. Я никогда не повѣрю, что можно управлять народомъ безъ религіи». — «Только, говорилъ онъ Редереру, сдѣлавшись католикомъ, я положилъ конецъ войнѣ въ Вандеѣ, только сдѣлавшись му-

сульманиномъ, я утвердился въ Египтѣ, только сдѣлавшись ультрамонтаномъ я завоевалъ сердца итальянцевъ». — «Я не могу, сказалъ онъ другой разъ въ заключеніе своей рѣчи,—достигнуть той степени власти, на которой находится русскій императоръ, но во всякомъ случаѣ я не могу оставаться чуждымъ ихъ вѣрованіямъ... Итакъ я долженъ возвратить народу во всей полнотѣ его права въ дѣлѣ религіи. Философы будутъ смѣяться надъ этимъ, но нація будетъ благославлять меня».

Въ этомъ-то и заключалось превосходство Бонапарта, что факціямъ и котеріямъ какъ якобинцевъ, такъ и эмигрантовъ, какъ идеологовъ, такъ и военныхъ, онъ противопоставлялъ французскую націю въ ея совокупности и большинство французовъ интересовалъ въ продолжительности своей жизни и въ успѣхѣхъ своей власти. Въ продолженіе этого церемира, глѣтомъ 1800 года, онъ весь отдается нуждамъ государства и ведетъ это дѣло въ совершенствѣ. Государственный совѣтъ становится главнымъ механизмомъ машины. Въ этомъ совѣтѣ работа идетъ такъ, какъ се пытались дѣлать въ комитетахъ конвента, только не лихорадочно, безъ тревоги *дней*, безъ боязни проскрипцій. Въ немъ обсуждаются дѣла въ безопасности, на досугъ, въ порядкѣ и методично, въ присутствіи распорядителя и еще болѣе механика, равнаго которому не знаютъ. Бонапарту предстояло изучить многое, онъ желалъ знать все. Заставляя совѣтниковъ излагать, объяснять, доказывать ему ихъ предположенія, поднимая ихъ до уровня своего ума, удивительно точнаго и въ то же время широкаго, свободнаго отъ предразсудковъ профессиональных и доктрины, отъ рутинны и химерическихъ плановъ, заставляя совѣтниковъ выходить изъ рамокъ условности, абстракціи, системы, — принимать факты такими, какими они существуютъ, онъ доводилъ ихъ до *реализаціи* ихъ идей, до приведенія въ систему конкретныхъ опредѣленій существенныхъ сторонъ революціи. Онъ говорилъ имъ: Мы довели до конца романъ революціи. Слѣдуетъ приступить къ ея исторіи и посмотрѣть, на то, что есть въ ней реальнаго и возможнаго въ дѣлѣ примѣненія принциповъ, не обращая вниманія на ея элементы спекулятивные и гипотетическіе. Пойти теперь по другому пути, это значило-бы философствовать, а не управлять ²⁾. Онъ писалъ префектамъ: «Консулы требуютъ одного—точныхъ фактовъ и самого правдиваго изложенія дѣйствительности. Когда, такимъ образомъ, были опредѣлены факты, онъ овладѣвалъ ими, группировалъ, классифицировалъ ихъ. Недостатки, слабость его сотрудниковъ состояли въ томъ, что они желали составлять законы для отвлеченнаго чловѣка, въ отвлеченномъ государствѣ. Бонапартъ зналъ только француз-

²⁾ Мют, t. I. p. 323.—Письмо министру внутреннихъ дѣлъ 26 окт. 1800 г.

ское государство, — VIII года, какимъ оно вышло изъ революціи, и какимъ его слѣдовало организовать сообразно съ нуждами новаго общества и потребностями французской политики въ Европѣ. Шло ли дѣло о налогахъ или о гражданскихъ законахъ, онъ разсматривалъ не плательщика вообще, не абстрактный принципъ налоговъ, онъ представлялъ себѣ какого-нибудь буржуа, крестьянина, собственника, какого-нибудь ремесленника, какихъ онъ встрѣчалъ на своемъ пути, и онъ видѣлъ этихъ людей получающими, испытывающими на дѣлѣ; чувствующими на себѣ законы или декреты, видѣлъ ихъ стѣсненными или удовлетворенными. Къ этой способности чувствовать реальнаго человѣка—т. е. личность въ полномъ смыслѣ слова, присоедините постоянное пониманіе совокупности и людей и дѣлъ, привычку и искусство комбинировать составляя части механизма, направлять ихъ къ общему движенію, присоединить къ этому наконецъ, «нѣкоторую непрерывную послѣдовательность», что составляло предметъ удивленія въ Петрѣ Великомъ, и что, поистинѣ, служить признакомъ политическаго гения³⁾. Такимъ образомъ, все было приспособлено внизу, во всѣхъ деталяхъ выполненія, сообразно съ простыми интересами простого народа, сообразно съ простою сельскою и городскою жизнью,—содержаніе государства, казна и армія, которую слѣдовало удовлетворять, чтобы она служила и вознаграждала за себя; все было приспособлено вверху, именно для управленія взятаго въ его плѣтомъ, сообразно съ интересами общими, которымъ подчинены прочіе интересы. Только благодаря этому замѣчательному приспособленію, могли долго существовать эти учрежденія, и машина могла такъ долго работать, даже и тогда, когда неискусный и неумѣлый рабочій замѣнилъ собою превосходнаго машиниста, придумавшаго эту машину. Здѣсь начинается великая эпоха его гражданскаго управленія. Благодаря этому онъ сдѣлался общественнымъ, точно также благодаря этому онъ выковалъ себѣ орудіе, давшее ему перевѣсъ надъ Европою. «Вотъ когда научился я, говорить одинъ изъ его сотрудниковъ, понимать великаго человѣка»⁴⁾. Но эта законодательная работа требовала мира, который въ глазахъ Бонапарта составлялъ основное условіе, который всѣмъ казался окончательнымъ объектомъ власти.

³⁾ SAINT-SIMON, t. IX, p. 229.

⁴⁾ CHAPTOL, Souvenirs.—ROEDERER, *La Première Année du Consulat*, t. III, p. 387.

ГЛАВА III.

Миръ съ Австріей 1800—1801.

26 сентября Талейранъ отправилъ Тугуту паспорта для австрійскаго уполномоченнаго и пригласилъ этого дипломата быть 7 октября въ Люневиль. Черезъ нѣсколько дней въ Парижѣ стало извѣстно, что Мальта сдалась: ея господами были англичане. Ясно было, что они никогда не выпустятъ ее изъ своихъ рукъ. Исчезла всякая надежда привлечь ихъ къ участію въ переговорахъ съ Австріей и такимъ образомъ снасти Египетъ. Переговоры, начатыя въ виду морского перемирія, прервались. У Бонапарта оставалось лишь одно средство—заключить миръ съ Австріей и изолировать Англію. Эти главные переговоры—съ Австріей въ виду мира на континентѣ,—съ Англіей въ виду мира на морѣ, представляли собой, такъ сказать, стволы или вѣтки дерева, а дополнительные переговоры съ Пруссіей, Россіей, Испаніей, Германіей, Неаполемъ,—были какъ бы прививки. Извѣстно, какъ съ начала революціи они монотонно слѣдовали одинъ за другимъ,—какъ республиканская дипломатія вела ихъ не столько успешно, сколько настойчиво. Бонапарту этотъ путь оказался болѣе легкимъ, чѣмъ его предшественникамъ: Бонапартъ, не вызывая большаго довѣрія, внушалъ болѣе сомнѣній. Являлось сомнѣніе относительно продолжительности его власти, зависѣвшей отъ продолжительности его жизни. Но, пока онъ стоялъ прочно, это правительство, благодаря своему личному характеру, давало европейскимъ дворамъ болѣе облегченій и можно сказать, гарантій, чѣмъ сколько ихъ находили въ Комитетѣ общественного спасенія или въ Директоріи. Прибавьте къ этому превосходство Бонапарта, котораго они не сознавали, лишь едва подозревая его, и которое онъ давалъ имъ тѣмъ сильнѣе чувствовать. Своихъ политическихъ соперниковъ онъ превосходилъ еще въ болѣе степени, чѣмъ своихъ противниковъ на поляхъ битвы. «Что же такое представляла собою тогдашняя Европа? пишетъ одинъ современникъ. Ее составляли нѣсколько министровъ, изъ которыхъ ни одинъ не обладалъ такимъ умомъ, какой имѣло большинство людей, взятыхъ на удачу въ странахъ, управлявшихся этими министрами»¹⁾. Бонапартъ зналъ ихъ слабыя стороны: жадность, гордость, зависть. Австрія очень помогла ему единственно своимъ честолюбивымъ желаніемъ господствовать надъ Италіей, а Англія своимъ надменнымъ стремленіемъ господствовать на моряхъ.

¹⁾ M-me de STAEL, *Dix années d'exil*.

Упорство, съ какимъ Англія желала овладѣть Мальтой, довершило раздраженіе противъ нея Павла I. Вѣлость Пруссіи въ защитѣ собственныхъ интересовъ, ея отказъ вновь возстановить *нейтральную лигу*, удалили его отъ державы, которая, по тогдашнему выраженію, ничего не могла дать ему кромѣ безвреднаго союза ²⁾. Его отвращеніе къ своимъ союзникамъ замѣнилось своего рода обязательностью къ врагу. Предупредительность и любезность Бонапарта пришили ктати. Шпага папы Льва X совершила чудо. Предложеніе возратить семь тысячъ русскихъ плѣнныхъ съ ихъ знаменами, одѣтъ ихъ на счетъ республики, показало царю верховъ военной любезности и представило ему «коренянца Бонапарта» съ самой выгодной стороны. Но опыненный и экзальтированный умъ Павла не сразу пришелъ въ ясность. Навель не вдругъ почувствовалъ симпатію къ Франціи. Идея союза не явилась въ немъ неожиданно, какъ ударъ молніи, которая своимъ блескомъ освѣтила бы все происшедшее во Франціи между 10 августа и 19 брѹмера. Къ французамъ и ихъ революціи онъ питалъ почти такія же чувства, какъ къ полякамъ и прежней польской республикѣ. Страсть къ рыцарскимъ орденамъ онъ смѣшивалъ съ рыцарскими чувствами. Свое честолюбивое желаніе возстановить мальтійскій орденъ, стать его покровителемъ и въ слѣдствіе такого званія присвоить себѣ заботу о благоустройствѣ на Средиземномъ морѣ онъ разсматривалъ какъ дѣло безкорыстное и гордился имъ такъ же какъ *нейтральной лигой*, поручившей ему заботу о Балтійскомъ морѣ. Его постоянной мечтой было повелѣвать Европой, возстановить законныхъ государей, раздавить Революціи и, такимъ образомъ, возвысить мировое значеніе Россіи и свою собственную личность. Новымъ элементомъ была здѣсь пріятная надежда добиться этого путемъ соглашенія съ Бонапартомъ. Въ первомъ консулѣ онъ нашелъ второго Фридриха, но только безконечно болѣе пріятнаго, чѣмъ Фридрихъ Берлинскій, Фридриха, который льстилъ ему, заискивалъ въ немъ, и, казалось, желалъ покровительства Россіи. Вчера онъ помышлялъ о возстановленіи Людовика XVIII на тронѣ, о дарованіи французамъ короля. Отъ законнаго короля онъ перепрыгнулъ прямо къ узурпатору. Идея покончить съ революціей и взять на себя отвѣтственность за протекторатъ консульской Франціи вкралась въ его мысли: можно было бы измѣнить орудіе, политика осталась бы прежняя. Именно это надо помнить, чтобы послѣдовательно разбираться въ этой русской политикѣ: какъ въ рѣзкихъ и экстремантскихъ поворотахъ Павла, такъ и въ водообразной политикѣ Александра.

²⁾ Выраженіе относилось къ договору 28 іюля 1800 г., между Россіей и Пруссіей.

Навель заявилъ черезъ своего берлинскаго посланника, Крюденера, что онъ съ удовольствіемъ получить своихъ плѣнныхъ солдатъ и отпразднуетъ за ними генерала Шпрейгпортена. Этотъ офицеръ имѣлъ бумагу, помѣченную 10-мъ октября, въ которой говорилось: «Императоръ вступилъ въ коалицію съ цѣлью защищать спокойствіе всей Европы. Онъ вышелъ изъ нея, какъ только замѣтилъ, что державы стремятся къ расширеніямъ, согласиться съ чѣмъ ему не позволяли его лояльность и безкорыстіе, а такъ какъ оба государства—Франція и Русская имперія,—раздѣленные большимъ разстояніемъ, никогда не окажутся въ условіяхъ, побуждающихъ ихъ вредить другъ другу: то поэтому, объединившись и постоянно поддерживая полное согласіе между собою, они будутъ въ состояніи мѣшать тому, чтобы ихъ интересамъ вредили другія державы, побуждаемые желаніемъ господствовать и расширять свои владѣнія. «Взгляды императора на миръ изложены въ нотѣ отъ 8 октября: возвращеніе Мальты ордену св. Іоанна, въ которомъ императоръ состоитъ гротмейстеромъ;»—возстановленіе Пьемонтскаго короля въ его владѣніяхъ; нераздѣльность королевства Двухъ-Сицилій, Баваріи и Вюртемберга. По мысли Павла, Пруссія должна была образовать промежуточную державу между Франціей и Россіей, подчиненную имъ и находящуюся подъ покровительствомъ двухъ другихъ державъ ³⁾.

Не совсѣмъ такъ смотрѣлъ на дѣло прусскій король когда выражалъ желаніе Берновиллю, чтобы «Пруссія, Франція и Россія шли рука объ руку». Во всякомъ случаѣ, послѣ Маренго, возвращеніе лѣваго берега, составлявшее предметъ постоянныхъ желаній и столь долгихъ надеждъ, сдѣлалось болѣе чѣмъ сомнительнымъ, и нужно было принять мѣры предосторожности на тотъ случай, когда Австрія пожелала бы возобновить Кампо-Форміо. Было рѣшено отправить въ Парижъ достойнаго посла. Сандозъ годился для переднихъ: онъ умѣлъ слушать, а тутъ нужно было вести переговоры, и выборъ палъ на маркиза Луккезини, тосканца по происхожденію, прошедшаго школу Фридриха II и имѣвшаго репутацію человѣка искуснаго. Въ его инструкціяхъ, отъ 14 и 16 октября, ему предписывалось наблюдать за Бонапартомъ и Австріей, провести систему вознагражденій путемъ секуляризаціи. «Достаточно, чтобы Бонапартъ, движимый умѣренностью, успокоилъ континентъ отъ всевозможныхъ разрушительныхъ идей соціальнаго характера, которыми раньше руководствовались правители Франціи,—и Пруссія искренно станетъ на его дорогу и употребитъ все усилія, чтобы внушить такія же чувства Россіи». Лук-

³⁾ Эти данныя и цитируемые дальше—безъ выносокъ—заимствованы изъ сборника, изданнаго Трачевскимъ, *Сб. Рос. ист. общества*, LXX, LXXII и LXXXII—*Martens*, т. XII, стр. 251 и сл.

кезине предлагалось употребить свое искусство, чтобы въ умѣ консула зародилась идея «о средствахъ установить систему неразрывныхъ отношеній между двумя государствами». Базой *системы* предполагалось расширение, исключительное преобладание Пруссіи въ Сѣверной Германіи и пріобрѣтеніе Пруссіей Франконіи и епископствъ Бамберга и Вюрцбурга или другихъ подходящихъ ей странъ ⁴⁾ въ томъ случаѣ, если бы Австрія сдѣлала территоріальныя расширения на югѣ. Но это слѣдовало сдѣлать такъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ оно не казалось дѣломъ берлинскаго кабинета». Здѣсь впервые высказалось Пруссіей нѣкоторое желаніе того союза и тѣхъ выгодъ, которыя съ 1792 по 1795 годъ парижское правительство постоянно предлагало Пруссіи, и которыя она всякій разъ отклоняла.

Страстное желаніе земельныхъ пріобрѣтеній, мучившее пруссаковъ, охватило испанцевъ. Карлъ IV рѣшился вести переговоры съ цѣлью сохранить для своей династіи земли въ Италіи. Прелиминарныя условія были подписаны въ Сентъ-Ильдефонсѣ 1 октября: Испанія уступила Республикѣ Луизиану и шесть военныхъ кораблей. Бонапартъ обѣщалъ дать Пармскому инфанту Лигатства или Тоскану, образовать изъ нихъ для него королевство. Въ условіяхъ ничего не было постановлено относительно Португаліи, хотя въ нихъ упоминалось о ней. Бонапартъ постоянно думалъ о ней, склонный къ раздѣлу этого королевства, чтобы выгнать изъ него англичанъ. Испанская королева соглашалась лишиться своего зятя тропа, чтобы своего любовника сдѣлать обладателемъ какой-нибудь территоріи: Годой грезилъ сдѣлаться настоящимъ княземъ, не княземъ *мира*, не на пергаментѣ, а на землѣ, заселенной живыми людьми! Испанскіе министры не столковались на счетъ цѣны, и еще разъ дѣло было отложено.

Въ планахъ Бонапарта Луизиана служила компенсаціей за Египетъ въ томъ случаѣ, если бы Франція должна была окончательно отказаться отъ него. При неудачѣ на Средиземномъ морѣ, онъ обратилъ свое вниманіе на Мексиканскій заливъ. Онъ мечталъ уже снова обладать Санъ-Доминго. Конвенція, подписанная въ Парижѣ 30 сентября, возстановила отношенія между Французской Республикой и Соединенными Штатами: двѣ республики признавали главные морскіе принципы, оспариваемые Англіей: флагъ покрываетъ товаръ, торговые суда, конвоируемые военными судами, освобождаются отъ всякаго освидѣтельствованія.

Это были подступы къ миру, но миръ не приближался. Австрія молчала. Бонапартъ зналъ со времени Кампо-Форміо, что единственный вопросъ между Австріей и Республикой это былъ вопросъ о цѣнѣ мира, о

⁴⁾ Письмо Луккезеи 27 окт. 1800. BALLEU.

цѣнѣ, правду говоря, тройной, ибо Австрія претендовала на уплату и за уступку Нидерландовъ и Ломбардіи, и за свою неудачу въ дѣлѣ Имперіи и за свою неудачу съ англійскимъ союзомъ. Онъ имѣлъ одно, и только одно, средство привлечь ее немедленно къ сдѣлкѣ,—это средство—отдача Италіи. Но онъ ни за что не хотѣлъ воспользоваться этимъ средствомъ, и не могъ употребить его, не поколебавъ своего могущества. Это составляетъ капитальный историческій фактъ того времени, и чтобы о немъ судить вполнѣ, какъ слѣдуетъ, для этого нужно всмотрѣться въ французскую эпоху 1815 г., 1870 г., во время отступленія или остановокъ на всѣхъ континентальныхъ границахъ, доведеннаго до необходимости защищаться, отказавшагося отъ великихъ приключеній, разочаровавшагося въ разныхъ величіяхъ; нужно воскресить въ своемъ воображеніи французъ 1800 г., послѣ страшныхъ наступательныхъ движеній революціи,—завоеваніе Голландіи и естественныхъ границъ, нашествіе на Италію, энтузіазмъ свободы, уступившій тогда мѣсто увлеченію славой; прозелитизмъ, смѣшиваемый съ главенствомъ; побѣдоносныя и гордыя арміи; презрѣніе къ королямъ; нужно представить себѣ все это, чтобы понять тридцатилѣтняго консула, котораго военный престижъ сдѣлалъ господиномъ Республики, чтобы понять Республику, думающую, что имеемъ великой націи онъ дастъ законы королямъ и располагаетъ судьбами европейскихъ народовъ.

Какой французъ того времени—не принадлежавшій къ «факціи старыхъ границъ» и къ котеріи «друзей Англіи» согласился бы возвратитъ хоть малѣйшую часть завоеваній Республики? Никто не обращалъ вниманія на торгъ территоріями Имперіи и на нѣмецкія души: эти люди не были покорены, они не были «освобожденными»; они только перемѣнили господа; а когда прежніе господа епископы замѣнялись свѣтскими владѣльцами, то это считалось прогрессомъ,—соблюдалась, по крайней мѣрѣ, видимость *правъ человека*. Не то Италія, изъ которой республиканскія войска изгнали королей, великихъ герцоговъ, папу, олигарховъ. Возвратить ихъ или продать значило нарушить долгъ. Французы всегда смотрѣли на себя и притомъ очень искренно, какъ на освободителей и реформаторовъ стараго міра. Они тщеславились этимъ. Бонапартъ не забылъ критики по поводу Кампо-Форміо. Это значило терифтъ папу въ Римѣ, Бурбоновъ въ Неаполѣ, австрійцевъ въ Венеціи, откуда они могли постоянно угрожать Цизальпиніи. Дать имъ еще больше—Миланъ, Лигатства,—это значило дать имъ главенство надъ Италіей и вмѣстѣ съ этимъ надъ морями Адриатическимъ и Средиземнымъ; это значило, въ случаѣ новаго союза Австріи съ Англіей, заранѣе отдать эти моря англичанамъ; это значило отказаться отъ великой мечты 1797 г., отъ всякаго реванша

за неудачи 1799 г., отъ всякой надежды возвратить Мальту и Египетъ. Наконецъ, это значило пойти назадъ, такъ какъ директорія, одно время дошла было до Неаполя и господствовала надъ полуостровомъ. Комитетъ общественнаго спасенія 11 г. думать объ умѣренности только въ дни неудачъ, а такъ какъ неудачи продолжались недолго, то умѣренность не преобладала. Конвентъ искалъ и нашелъ основу своего могущества въ «блескѣ Республики». Директорія не имѣла другого взгляда на власть, и ея паденіе было результатомъ неудачъ ея армій. Потеря Италіи вмѣстѣ съ потерей Рейна должна была привести къ гибели самой Республики. Бонапартъ снова принялся за дѣло. Его миссіей было окончить начатое, и онъ меньше всѣхъ способенъ былъ къ отступленію, особенно, когда онъ видѣлъ, что его популярностъ, его слава, его главенство въ Республикѣ не отдѣлимы отъ главенства Республики на континентѣ и Средиземномъ морѣ.

Ни на одно мгновеніе не допускалъ онъ возможности пожертвовать Италіей. Если Талейранъ и давалъ ему очень благоразумные совѣты, какъ и раньше, во время Директоріи, давалъ совѣты очень осторожные, то Бонапартъ слушалъ его не особенно внимательно. Онъ думать лишь о томъ, какъ свести до минимума компенсаціи и сбить цѣну. Уполномоченный, которого онъ отправилъ въ Люневиль, былъ, собственно говоря, развѣдчикъ, своего рода парламентаръ авангарда. Для этой миссіи, обставленной вѣнскимъ блескомъ, онъ назначилъ своего брата Жозефа, чтобы обратить на него вниманіе всѣхъ и чтобы въ то же время испытать его ⁵⁾ Жозефъ долженъ былъ сначала узнать, расположена ли Австрія вступить въ переговоры съ Англіей. Въ случаѣ отказа, онъ долженъ дожидаться распоряженій, если же она согласна на переговоры, то онъ приметъ прелиминарные условія, сходныя съ тѣми, которыя были подписаны въ Парижѣ, каковы: приморская Фландрія, бельгійскія провинціи, всѣ нѣмецкія территоріи на лѣвой сторонѣ Рейна, Базель, Савойя Ницца, и вообще всѣ страны въ законодательномъ отношеніи объединяются съ Республикой. Императоръ получить вознагражденія въ Италіи, но они не перейдутъ за Олью и По. Мантуя будетъ скрыта. Это былъ Кампо-Форміо, только улучшенный, исправленный, распространявшій свое вліяніе на всю лѣвую сторону Рейна. Это былъ договоръ о компенсаціяхъ и Республика не требовала себѣ никакихъ вознагражденій ни за Раштатское покушеніе, ни за нападеніе на Цизальпинію въ 1799 г., ни за тѣ большія потери людьми, которыя были его результатомъ, въ Италіи, въ Швейцаріи и въ

⁵⁾ *Instructions préliminaires*, 20 octobre. Письмо Талейрана Тазефу 25 окт. 1800.—DUCASSE. *Histoire [des négociations relatives aux traités de Lunerville et d'Amiens]*.

Германіи. Однако Бонапартъ еще далеко не считался съ Австріей: она запрашивала больше, чтобы уступить меньше чѣмъ въ Кампо-Форміо.

II.

Вѣнскій дворъ переживалъ своего рода кризисъ политической атакіи и въ главномъ штабѣ, въ канцеляріи, все тамъ было въ безпорядкѣ. Эрцгерцогъ Карлъ впалъ въ немилость, потому что совѣтовалъ миръ. Его мѣсто занялъ его младшій братъ эрцгерцогъ Іоаннъ, юноша, едва умѣвшій сидѣть на лошади, и который въ сущности былъ не больше, какъ эрцъ-знаменосецъ генерала Лауера, роль котораго сводилась на то, что онъ завѣдывалъ часовыми. Въ то же время Тугутъ, находя императора слишкомъ миролюбивымъ, требовалъ отставки, вслѣдствіе горячаго спора по поводу перемирія съ Франціей. Императоръ уволилъ его 25 сентября и на его мѣсто назначилъ сначала Лербаха, а затѣмъ Людвигъ Кобенцля, автора Кампо-Формійскаго договора. Людвигъ Кобенцль скоро былъ назначенъ въ Люневиль, и такъ какъ кто-нибудь долженъ былъ завѣдывать иностранными дѣлами, и такъ какъ графъ Коллоредо, назначенный въ помощники Кобенцлю, представлялъ собою только имя, то Тугутъ, какъ официальное лицо, взялъ въ свое вѣдѣніе иностранные дѣла и за кулисами давалъ вышнее направленіе политикѣ. Онъ оставался въ этомъ званіи, пока продолжались переговоры.

Кобенцль заявилъ Лорду Милто, англійскому посланнику въ Вѣнѣ, что императоръ ни въ какомъ случаѣ не вступитъ въ переговоры безъ Англіи. Затѣмъ онъ занялся платой, которую могла бы опредѣлить себѣ Австрія. Это были Легатства. Въ это время является папскій пунцій и проситъ поддержки императора для возвращенія этихъ провинцій. Кобенцль «сильно и искренно» отстаивалъ участіе, съ которымъ его повелитель относился къ возстановленію Святого Престола: для этого государя это было «священнымъ долгомъ». Но Кобенцль избѣгалъ всякихъ точныхъ указаній. «Я сдѣлалъ это, сообщаетъ онъ императору, въ общихъ выраженіяхъ, заботливо избѣгая объясненій, относящихся къ Легатствамъ», Императоръ одобрилъ его, «рѣшеніемъ главнаго Имперскаго Совѣта» 9 октября.

Когда, такимъ образомъ, почва была подготовлена, Кобенцль составилъ свои совѣстные инструкции для Моневиля ¹⁾. Онъ начинается слѣдующей характеристической фразой:

«Настоящій моментъ представляетъ мало надежды на возможность мира, который далъ бы австрійской монархіи достаточную увѣренность

¹⁾ Кобенцль Тугуту 25 окт. 1800.

относительно будущаго». Кобенцль потребуетъ отъ Моро продолженія перемирія, по крайней мѣрѣ на двадцать дней. Если Моро откажетъ, то миссія будетъ окончена. если же Моро согласится, то Кобенцль можетъ тогда отправиться въ Люневиль, но съ тѣмъ только чтобы дожидаться прибытія англійскаго уполномоченнаго Томаса Гренвиля. Если этотъ уполномоченный будетъ допущенъ, то переговоры откроются въ согласіи съ нимъ. Договоръ будетъ заключенъ не съ первымъ Консуломъ, а съ французской республикой. Договоръ Кампо-формійскій, состоявшійся какъ «неотложная необходимость и потребность дать арміи время укрѣпиться», настолько невыгоденъ, что не можетъ быть принятъ за основаніе. Конвенція, подписанная въ Парижѣ (Сенъ-Жюльеномъ), «почти во всѣхъ своихъ пунктахъ противорѣчитъ интересамъ Его Величества». Императоръ уступить только Нидерланды. Онъ не дастъ никакихъ рѣшеній отъ лица Имперіи, а лишь скажетъ, что онъ «не будетъ противиться рѣшеніямъ, которыя признаетъ Сеймъ», во время заключенія мира съ Имперіей. Свѣтскіе князья лѣваго берега не получаютъ никакого вознагражденія, что устраняетъ Пруссію и осуждаетъ ее на политику безъ результатовъ. Духовные князья лѣваго берега могутъ быть вознаграждены, что сохранить ихъ Австріи и въ такой же мѣрѣ ослабитъ Пруссію и протестантскую партію. Эти комбинаціи, очень коварныя, приведутъ къ полному разрыву между Франціей и Пруссіей и сразу покончатъ съ памфреніями республики относительно Имперіи: не будетъ больше секуляризація, а слѣдовательно не будетъ больше посредничества и французскаго главенства.—Въ Италіи императоръ требуетъ возстановленія владѣній Моденскихъ. Онъ не будетъ противиться возстановленію Цизальпиніи, но отъ этой республики будетъ отнята присоединенная къ ней въ 1797 г. часть материковыхъ владѣній Венеціи. Эти земли перейдутъ къ Австріи, которая съ этого времени будетъ простираться до Адды, охвативъ всѣ материковыя владѣнія Венеціи. Кромѣ того Австрія потребуетъ три Легатства. Въ крайнемъ случаѣ она согласится на передачу этихъ провинцій Святому-Престолу, но ни въ какомъ случаѣ онѣ не могутъ быть присоединены къ Цизальпиніи. Она ничѣмъ не пожертвуетъ ради возстановленія Сардинскаго короля въ Туринѣ. «Если Пьемонтъ былъ бы республиканизированъ, добавляетъ дальновидный Кобенцль, то въ будущемъ отъ этого могутъ получиться болѣе благоприятныя шансы... Въ удобный моментъ, получилась бы возможность увеличить владѣнія австрійскаго дома въ Италіи», то есть было-бы положено начало новымъ компенсаціямъ.

Здѣсь Австрія выдаетъ свой секретъ. Становится ясною вся ея политика до 1814 года. Инструкціи заканчиваются параграфомъ, послѣ котораго становится бесполезнымъ всякій споръ объ истинныхъ причинахъ

нарушенія мира въ 1805 г., о роли Австріи въ послѣдовавшихъ затѣмъ коалиціяхъ и о сущности ея дипломатіи въ 1813 г. Если бы удалось добиться отъ Франціи «лучшихъ условій, чѣмъ данныя, и если бы въ то же время миръ съ Англіей встрѣтилъ непреодолимые препятствія», то Кобенцль вмѣстѣ съ своимъ англійскимъ товарищемъ долженъ былъ обсудить вопросъ: «что полезнѣе для общаго дѣла, — подвергнуть ли Австрію риску продолжать войну, или же, при помощи отдѣльнаго мира, дать ей время нужное для того, чтобы она оправилась и продолжала быть полезнымъ союзникомъ Англіи». Время, и прибавимъ, — средства; ибо договоръ оставилъ бы Австрію почти такою же сильною, какъ и до войны. Ясно, что весь планъ состоялъ въ томъ, чтобы получить, какъ можно больше компенсацій, чтобы, такимъ образомъ, располагать ресурсами, которые въслѣдствіе позволятъ ей взять обратно территоріи. Такимъ образомъ она получитъ свою контрибуцію, сохранивъ при томъ, само собою понятно, и земли, полученные ею для выплаты вознагражденій.

Ведя переговоры, Кобенцль постарается узнать, правда ли, какъ пишутъ корреспонденты, что резервная армія будто бы ничтожна; что «Бонапарта всѣ ненавидятъ», что дѣйствительно опасаются «взрыва въ арміи Моро, что легко взбунтовать эту армію, доказавъ солдатамъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, что Бонапартъ приноситъ ихъ въ жертву своему неограниченному честолюбію».

23 октября Кобенцль прибылъ въ Страсбургъ. Его встрѣтили нумерными залами и съ конвоемъ проводили въ Люневиль. Тамъ онъ пошелъ коменданта Кларка, который предупредилъ его, что первый консулъ желаетъ лично поговорить съ нимъ, раньше открытія конгресса. «Я пошелъ туда не съ большой охотой, чѣмъ сюда, въ Удино, въ Раштадтъ, писалъ Кобенцль Тугуту. Вы знаете съ какимъ лицомъ я это дѣлаю»... Прежде чѣмъ сѣсть въ коляску онъ сообщилъ о своемъ прибытіи Томасу Гренвилю и успокоилъ его на счетъ вѣрности своего повелителя. Это было и на этотъ разъ притворство, и его нужно было продолжать до тѣхъ поръ, пока «серьезныя выгоды, хорошо и надлежащимъ образомъ обезпеченныя», заставили бы Австрію перевернуть свои карты и, обманувъ англичанъ, играть съ Бонапартомъ. Это будетъ трудно, заключаетъ Кобенцль, «мы сидимъ между двухъ стульевъ»²⁾.

Военныя власти и префекты, всѣ вновь назначенные и одѣтые въ новое съ иголки, являлись къ нему въ пути и привѣтствовали его. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ, 28 октября, въ восемь часовъ вечера. Бонапартъ

²⁾ Vivenot, *Thugut*, correspondences de septembre et octobre 1880.—SIBEL, t. VI, p. 340 et suiv.—FOURNIER, *Napoleon I*, trad. t. I, p. 233 et suiv.—Instructions de Cobenzl, approuvées par l'Empereur, 14 octobre 1800.

не далъ ему ни минуты отдыха съ дороги ни возможности побывать у кого-либо въ городѣ. Онъ ожидалъ его въ Тюильри. Въ девять часовъ Талейранъ ввелъ его туда. Сценичность обстановки была тонко обдуманна. Въ Пассаріано пріемъ былъ не только любезенъ, но даже простъ и фамильяренъ. Кобенцль тщеславился тѣмъ, что онъ, будучи прерванъ, возобновилъ разговоръ въ прежнемъ тонѣ. Теперь не то. Салонъ, въ которомъ Бонапартъ принялъ Кобенцля, былъ слабо освѣщенъ: на маленькомъ столикѣ, за которымъ находился Бонапартъ, стояла одна лампа. Но близости ни одного кресла, всѣ стулья были вынесены, вдали—на разстояніи,—находились канapé. Кобенцль вошелъ, тараща глаза, боясь споткнуться; раскланялся съ нѣкоторою неловкостію, и лица взоромъ гдѣ-бы сѣсть, оказался въ необходимости отойти далеко назадъ къ канapé³⁾. Бонапартъ продержалъ его до четырехъ часовъ утра, обращаясь съ нимъ то ласково, то рѣзко, то вкрадчиво, съ тѣми же приемами, съ тѣми же подходами какъ въ 1797 году. Мимоходомъ онъ сообщилъ, что онъ завладѣлъ Тосканой. Кобенцль принялъ новость въ дурную сторону, но въ отвѣтъ онъ могъ говорить только въясливости. Бонапартъ настаивалъ на необходимости вести переговоры безъ Англіи. «Объ этомъ мы можемъ говорить только тогда, сказалъ Кобенцль, когда будутъ хорошо установлены условія этого мира».

Онъ говорилъ объ этомъ всю ночь, и слѣдующіе дни съ Жозефомъ и Талейраномъ. Талейранъ предлагать линію Кіезы и Лечатство Феррару. Два другія легатства—Болонья и Анкона—должны были перейти къ герцогу Тосканскому, а Тоскана къ герцогу Пармскому; Парма же и Модена были бы соединены съ Цизальпиніей. 2 ноября, послѣ обѣда въ Мальмезонѣ, Бонапартъ оказывалъ особенное вниманіе Кобенцлю, пытался обворожить его, и такъ какъ Кобенцль все таки не поддавался, то консулъ, рѣзко перемѣнивъ тонъ, сказалъ крикомъ: «Вы люди вѣроломные, нечестивые, вы ничто иное какъ орудіе Англіи. Она хочетъ безконечной войны. Если вы продолжаете быть съ ней заодно, я прикажу моимъ войскамъ выступить въ походъ». Кобенцль удалился. Бонапартъ задержалъ его у дверей: «Теперь вы могли бы имѣть Кіезу. Потомъ вы не получите даже Эча. Четыре года тому назадъ я пощадилъ Вѣну, потому что я не могъ сдѣлать ее республикой. Слѣдующій разъ я не пощажу ничего. Если вы не желаете отдѣльнаго мира, то вы получите общій конгрессъ, въ которомъ примутъ участіе Россія и Пруссія, съ которыми я вступаю въ сношенія. Вотъ когда ваши требованія будутъ удовлетворены, какъ слѣдуетъ!»

³⁾ TALLEYRAND, *Mémoires* t. I, p. 281.—Донесенія Кобенцля у Зибеля.

На другой день Талейранъ предложилъ линію Охлю съ Ферарою. «Я ничего не уступилъ, несмотря на серьезные атаки, которыя я долженъ былъ выдерживать», доносилъ Кобенцль 4 ноября. Это была не лояльность а чистое торгашество: чѣмъ больше давалъ Талейранъ, тѣмъ еще больше надѣялся получить Кобенцль. Онъ дѣйствовалъ хитростію, а Бонапартъ угрозами. Последнее слово должно было принадлежать силѣ: Бонапартъ примирился съ необходимостью обратиться къ ней, не смотря на все свое нежеланіе содѣйствовать большимъ успѣхамъ Моро. Нобылъ необходимъ поступокъ, который бы надѣлалъ много шума, и Бонапартъ не желалъ ни оставить Парижъ въ этотъ моментъ, ни рисковать своей репутаціей на этой германской почвѣ, которой онъ еще не зналъ. 5 ноября онъ приказалъ объявить австрійцамъ, что 22 числа возобновятся враждебныя дѣйствія.

Жозефъ и Кобенцль отправились въ Люневиль, гдѣ они проводили время въ томъ, что обмѣнивались принципиальными нотами о допущеніи англійскаго уполномоченнаго⁴⁾. Но чѣмъ больше Кобенцль выигрывалъ во времени, тѣмъ больше терялъ онъ подъ собою почву. Жозефъ торопилъ его заключить договоръ, пугая его происшедшимъ сближеніемъ между Франціей и Россіей, «связями, которыя уже образовались или готовы образоваться.—«Пруссія, прибавлялъ онъ, слѣдуетъ внушеніямъ Россіи»⁵⁾.

Въ дѣйствительности дѣло вовсе не ушло такъ далеко впередъ. Бонапартъ не склонилъ прусаковъ на свою сторону, но онъ зналъ, что они готовы на сдѣлку, и, какъ комитетъ общественнаго спасенія, какъ директорія онъ рѣшился предложить имъ цѣну. Луккесини пріѣхалъ въ Парижъ 28 октября⁶⁾. «Я хочу, сказалъ ему Бонапартъ, 9 ноября, во время первой аудіенціи, границы по Рейнъ, полного прекращенія штатгалтерства въ Голландіи. Штатгалтерскій домъ мнѣ такъ же страшенъ, какъ Бурбоны въ предмѣстьяхъ Парижа и если бы непредвидѣнное несчастье могло заставить Францію уступить въ этихъ двухъ пунктахъ, то я предпочелъ бы скорѣе отказаться отъ моего званія, чѣмъ подписать сдѣлку по этимъ двумъ статьямъ». Есть, сказалъ ему Талейранъ, 10 ноября, только одно средство избѣжать «чудовищныхъ расширеній Австріи»: пусть Пруссія гарантируетъ Франціи границу по Рейнъ. Она

⁴⁾ См. эти ноты и корреспонденцію Жозефа у Ducasse, t. II, p. 67 et suiv.—О Кобенцлѣ: VIVENOT, *Corr. de Tugut*; SYBEL, t. VI, liv. VIII, chap. V: Luneville.

⁵⁾ Донесенія Жозефа и Кобенцля 5—12 дек. 1800.

⁶⁾ BAILLEN, *Rapports de Lucchesini*, t. II.—HUTTFER, *Lombard*, p. 109 et. suiv.—RANKE, *Hardenberg*, t. I, p. 428 et. suiv.

будетъ вознаграждена. Но пусть она поспѣшитъ съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, въ противномъ случаѣ ей придется пожалѣть, но сдѣланнаго не воротишь»... Первый консулъ не былъ способенъ «долго мучиться нерѣшительностью», и разъ онъ склонился къ чему нибудь, то ради этого онъ могъ пожертвовать всѣми удобствами, всѣми прежними обязательствами. Пруссія еще разъ ускользнула отъ прелестей союза, держась за августовскія рѣшенія 1796 г. «Хотя перо отказывается отъ роковой подписи, долженствующей подтвердить громадную потерю», писалъ Гаугвицъ 19 ноября, тѣмъ не менѣе они согласились на это за большое вознагражденіе, за секуляризацию въ большихъ размѣрахъ и за нарушеніе равновѣсія Имперіи въ пользу Пруссіи, то есть за игру, направленную противъ австрійскихъ намѣреній.

Во всѣхъ этихъ разговорахъ съ Луккезини Бонапартъ увѣрялъ, что онъ хорошо относится къ Баваріи. Монжела казался ему человѣкомъ способнымъ вводить новыя условія въ управленіи народами при помощи престижа, интереса, а также смѣтливости. Курфюрсту и его министру онъ позволилъ надѣяться получить долю изъ наслѣдства нѣмецкаго духовенства. Онъ уже надѣялся сдѣлать изъ Баваріи Южную Пруссію, только болѣе послушную, надѣялся сдѣлать изъ нея авангардъ Франціи противъ Австріи. Моро, своими вкусами, характеромъ, духомъ справедливости, республиканской политикой, служилъ его планамъ: баварскій народъ скорѣе мирился съ проходящими французами—официальными врагами—чѣмъ съ присутствіемъ австрійцевъ-союзниковъ. Съ другой стороны всѣ нѣмецкіе князья желали мира и поворачивались къ Бонапарту, будущему распредѣлителю земель. Гессенъ, Вюртембергъ, Баденъ, подобно Баваріи, имѣли своихъ эмиссаровъ въ Парижѣ, доказывавшихъ, что они враждебны Австріи, выпрашивавшихъ епископства, аббатства и стада нѣмцевъ.

Всѣ дѣла тѣсно связаны одно съ другимъ, всѣ переговоры перепутываются: конкордатъ нельзя отдѣлить отъ мира съ Италіей, который связанъ съ миромъ Имперіи. И здѣсь и тамъ легатства, отсюда у всѣхъ заднія мысли: императоръ желаетъ отнять легатства у папы, папа желаетъ вернуть ихъ Святому-Престолу, Бонапартъ присоединить ихъ къ Цизальпиніи. Ради ихъ Святой-Престолъ согласится на отставку французскихъ епископовъ, а императоръ на конфискацію нѣмецкихъ епископствъ. Кардиналъ Спина находился въ Парижѣ съ 5 ноября ⁷⁾. Бонапартъ свелъ его для переговоровъ съ аббатомъ Бернье, которымъ онъ былъ доволенъ за его

⁷⁾ BOUJAY DE LA MEURTHE, предисловіе. Correspondences de novembre et décembre 1800.—Tome III, supplément à cette correspondance.

участіе въ умиротвореніи Вандеи. Это былъ человѣкъ честолюбивый, притворявшійся галликанцемъ, человѣкъ неспокойный, но послушный своему господину и изворотливый, какъ всѣ духовныя лица. Уже съ начала было видно, что не будетъ согласія въ существенномъ для Рима вопросѣ,—о господствующей религіи. Настроенный Талейраномъ и Готтифомъ Бонапартъ возвращается къ своей деклараціи Мартиніанъ: стали объяснять слово и начались пренія: это былъ споръ юристовъ и теологовъ, споръ тонкій, полный трудностей, какъ всѣ споры о границахъ, съ умолчаніями, съ двусмысленностями, съ постоянными перерывами и уклоненіями въ сторону. За согласіе признать новое распредѣленіе епархіальныхъ округовъ, новый составъ епископовъ, назначеніе епископовъ государствомъ, Спина требовалъ, чтобы предварительно католическая религія была признана государственной, чтобы она была «сохранена во всей чистотѣ своихъ догматовъ и неприкосновенности своей дисциплины; чтобы всѣ законы, постановленія и рѣшенія, несогласныя съ ея функциями или свободой ея служителей и возвращеніемъ ихъ въ республику, были признаны революціонными и цѣлкомъ отмѣнены». Это значило говорить языкомъ властнымъ и сразу уйти дальше того, что было при Людовикѣ XIV:—значило уничтожить однимъ почеркомъ пера не только законы революціонные, законы объ эмиграціи и гражданской конституціи, но также декларацію правъ человѣка о свободѣ совѣсти и декларацію духовенства во Франціи, въ 1682 г., о привилегіяхъ галликанской церкви и правахъ короля.

Спина изворачивался, укрывался, подвигалъ впередъ свои подкопы и батареи искусно, умѣло, какъ настоящій римлянинъ. Онъ ожидалъ рѣшенія проблемы отъ будущаго, отъ счастливыхъ обстоятельствъ, представивъ дѣло провидѣнію, случаю, интригамъ и войнѣ. Пусть только имперскія войска одержатъ одну побѣду въ Германіи, пусть случится правительственный кризисъ въ Парижѣ, и все перемѣнится. Бонапартъ понималъ игру и съ своей стороны не торопился, убѣжденный, что ему не овладѣть Римомъ помимо тѣхъ средствъ которыя сдѣлали его господиномъ имперіи, и онъ ожидалъ того дня, когда онъ сможетъ неожиданно напасть на нихъ и принудить ихъ сдаться. Эта продолжительная процедура окончилась согласно съ его желаніями: конкордатъ 1801 г. отличается только деталями отъ первоначальнаго проекта конвенціи переданнаго Бернье Спинѣ 22 ноября 1800 г. Такимъ образомъ, не конкордатъ способствовалъ миру на континентѣ, а континентальный миръ, путемъ естественныхъ слѣдствій, привелъ къ конкордату, причемъ изъ за этого континентального мира одновременно состязались и перомъ и мечомъ. Какъ, обыкновенно бываетъ, мечъ побѣдилъ.

3 декабря, Моро разбил австрийцев при Гогенлинден и открылъ себѣ путь къ Вѣнѣ. Въ то же время Макдональдъ и Брюнъ вновь перешли въ наступленіе въ Италиі: 26 декабря австрийцы были отброшены за Эчъ. Наканунѣ они подписали перемиріе въ Германіи. Бонапартъ держалъ въ своихъ рукахъ дѣла въ Италиі и въ Имперіи. Россія должна была обратиться къ нему, если бы пожелала принять участіе въ третейскомъ судѣ. Всѣ государства, заинтересованныя въ компенсаціи, могли обращаться только къ нему. Напа былъ въ его власти. Первый консулъ распоряжался легатствами. Теперь уже нечего было ему торговаться о религіозномъ мирѣ: дѣло шло о томъ—быть ему или не быть главой католиковъ во Франціи и въ Италиі, государемъ Рима. Но если побѣда Моро произвела такіа быстрыя и громадныя послѣдствія, то это потому что ему были открыты всѣ пути и потому, что политика Бонапарта все приготовила, чтобы облегчить побѣду, изолировавъ врага.

III.

Австрія, доведенная до безсилія, Пруссія, господствующая въ Сѣверной Германіи, Бонапартъ—одинъ распоряжающийся имперіей—одинаково не входили въ интересы Россіи и служили для Павла мотивами вмѣшательства въ вопросъ о мирѣ и облегченія его. Захватъ англичанами Мальты казался ему вѣроломствомъ. Его симпатіи къ первому консулу увеличились настолько, насколько возрасло его отвращеніе къ Англіи. Онъ довелъ до конца вопросъ о морскомъ нейтралитетѣ, столь близкій его сердцу: 16 декабря былъ подписанъ въ Петербургѣ трактатъ съ Даніей и Швеціей, а 18 декабря съ Пруссіей¹⁾. Заключеніе этихъ трактатовъ было гарантировано за нѣсколько недѣль раньше, и генералъ Шпренгпортенъ, прибывшій 18 декабря въ Парижъ, могъ сообщить объ этомъ Бонапарту. Первый консулъ уже показалъ, насколько онъ цѣнилъ «патріотическое усердіе русскаго императора къ общему дѣлу всѣхъ континентальныхъ государствъ»: онъ вступилъ бы въ переговоры съ Англіей лишь въ томъ случаѣ, если бы она признала, «что море принадлежитъ всему свѣту». Онъ повторилъ Шпренгпортену свои увѣренія и очень восхвалялъ намѣренія царя²⁾. Онъ предупредилъ желаніе Павла и попросилъ его назначить уполномоченнаго, «чтобы содѣйствовать окончательному устроению дѣлъ, какъ въ Имперіи, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта».—«Вашъ повелитель и я, сказалъ онъ Шпренгпортену, мы призваны измѣнить лицо земли».

¹⁾ MARTENS, t. VI, p. 286 et suiv. LEFEBVRE, t. I, p. 123 et suiv.

²⁾ Талейрану 16 дек.; Талейпартъ Жозефу 19 дек. 1800 г. — *Rapport de Sprengporten*, TRATCHEWSKY.

Русскій посланецъ уѣхалъ изъ Парижа съ письмомъ Бонапарта къ царю, помѣченнымъ 21 декабря³⁾. «Черезъ двадцать четыре часа послѣ того какъ ваше величество назначите кого нибудь, облеченнаго вашимъ довѣріемъ, специальными и полными правами, — континентъ и моря будутъ спокойны. Ибо когда Англія, германскій императоръ и всѣ другія державы убѣдятся, что воля и мышцы двухъ великихъ націй направлены къ одной цѣли, то оружіе выпадетъ изъ ихъ рукъ, и теперешнее поколѣніе будетъ благословлять ваше величество за освобожденіе отъ ужасовъ войны и раздоровъ факцій». Тогда Бонапартъ льстилъ себя надеждою, какъ онъ обманывалъ себя послѣ въ Тильзитѣ, что слава посредничества въ Германіи, расширеніе нейтральной лиги, безконечный союзъ въ соединеніи съ широкими комбинаціями въ Азіи вовлекутъ Россію въ борьбу противъ Англіи; что при содѣйствіи Россіи онъ достигнетъ двойной цѣли честолюбивыхъ французскихъ притязаній: признанія Англіей естественныхъ границъ и господства въ Средиземномъ морѣ.

Впрочемъ, чтобы бросить затравку для этого большого дѣла, Талейранъ писалъ Жозефу⁴⁾: «Правительство республики не хотѣло злоупотребить выгодами своего положенія». Во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ, чтобы Вѣнскій дворъ, вновь подвергнувшій насъ риску войны, понесъ наказаніе за свое упрямство. Республика не дастъ ему земель дальше линіи Минчіо. Болонья останется за Цизальпиніей. Романья и Ферара пойдутъ въ вознагражденіе герцогу Тосканскому. Въ крайнемъ случаѣ можно бы уступить часть Болоньи, но не столицу.

Тѣ, кто не желалъ ни умиротворенной республики, ни славнаго мира, тѣ не могли болѣе терять время, и имъ оставалось только попытаться прекратить жизнь Бонапарта. Кобенцль, Луккезини, Спина, Шпренгпортенъ, со времени прибытія своего въ Парижъ только и слышатъ о заговорахъ: о шуанахъ, якобинцахъ, о неспокойныхъ элементахъ въ арміи. Похищеніе сенатора Климента де-Ри возбудило недовѣріе къ правительству, поставило его въ смѣшное положеніе. Говорили, будто Нишегрю увлекъ Моро, Ожеро, Бёрновилля. Бретанская армія нищая и недовольная была полна заговорщиковъ. Даже парижскій гарнизонъ, не превышавшій 3,000 человекъ, считался ненадежнымъ, во всякомъ случаѣ очень неспокойнымъ. «Мы имѣемъ здѣсь, писалъ Гидъ де-Невиль графу д'Артуа, — средства дезорганизовать въ Парижѣ новое правительство, вся сила котораго заключается въ одномъ человѣкѣ... Наши средства вѣрны, наше выполненіе будетъ быстро...» Трое вліятельныхъ шуаповъ—друзья и довѣренныя Жоржа—Лимосянъ,

³⁾ См. ноту Талейрана Ростопчину 21 дек. 1800 г.

⁴⁾ 9 декабря 1800 г.

Сень-Режанъ, Карбонъ—заложили. 3 нивоза—24 декабря, адскую машину на пути, по которому консулъ отправлялся въ Оперу. Машину взорвало сзади кареты, было убито нѣсколько любопытныхъ и прохожихъ. Бонапарту хочется обвинять якобинцевъ, и онъ обвиняетъ ихъ языкомъ наминающимъ время Робеспьера: «Нужна кровь, говоритъ онъ въ государственномъ совѣтѣ, нужно разстрѣлять столько виновныхъ, сколько было жертвъ, пятнадцать или двадцать, двѣсти надо отправить въ ссылку, нужно воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы почистить республику... Франція и Европа посмѣялись бы надъ правительствомъ, позволившимъ безнаказанно минировать кварталъ въ Парижѣ».

Нивозское покушеніе равнялось для него выигранной битвѣ, и онъ сумѣлъ воспользоваться до конца всѣми его послѣдствіями. Мятѣжники внутри страны, враги извнѣ почувствовали на себѣ силу его руки. Они разсчитывали на его смерть, онъ имъ показалъ, какъ онъ силенъ живымъ. 2 Января 1801 г. онъ отправилъ посланіе законодательному корпусу:

«Лѣвый берегъ Рейна будетъ границей французской республики; она не имѣетъ никакихъ притязаній на правый берегъ. Интересы Европы требуютъ, чтобы владѣнія императора не простирались за Эчъ. Республики Гельветическая и Батавская будутъ признаны независимыми. Дать Германіи и Италіи спокойствіе—составитъ благо Франціи, а ея славой будетъ освобожденіе континента отъ злоторнаго вліянія англійскаго духа. Если наше прямотушіе обманутъ еще разъ, то мы будемъ въ Прагѣ. Въиѣ, въ Венеціи».

Посланіе было отправлено черезъ государственныхъ совѣтниковъ. Они возвратились въ Тюильри, чтобы дать отчетъ въ своей миссіи. Тогда Бонапартъ сказалъ имъ, раскрывъ свои планы ⁵⁾:

«Франція можетъ имѣть союзницей только Россію... Въ рукахъ этой державы ключъ къ Азіи. Императоръ такой націи по истинѣ великій государь. Германскій императоръ ребенокъ, которымъ управляютъ его министры, въ свою очередь находящіеся въ распоряженіи Англій. Если Павелъ одианъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, съ волей... Я придаю меньше значенія Германіи, чѣмъ сохраненію Италіи. Вотъ что составляетъ настоящий предметъ переговоровъ и истинный залогъ мира».

Съ этого времени онъ былъ увѣренъ, что получить со стороны Германіи то, чего желаетъ: Рейнъ съ его передними бастионами, Голландіей и Швейцаріей. Италія — это были Средиземное море, Мальта, Египетъ, вторая глава завоеваній, содержаніе которой составляли величіе и грандіозныя мечты. Первая глава говорила о мирѣ, вторая раскрывала его

⁵⁾ *Mémoires de Thibaudeau.*

выгоды. Инструкціи были отправлены Жозефу 9 января 1801 года. Посланіе 2-е должно было быть разсматриваемо какъ *ultimatum*. Мѣсяцемъ раньше Бонапартъ уступалъ Минчіо, теперь онъ отодвигалъ Австрію за Эчъ. Вотъ что выиграла Австрія дожидаясь заговоровъ, и что принесло ей нивозское покушеніе. «Больше нѣтъ мѣста ни для какихъ дальнѣйшихъ разсужденій». Перемиріе не будетъ продолжено ни на одинъ день, «Пусть Австрія поспѣшитъ стать умѣренной, потому что если начнутся враждебныя дѣйствія, границами ея легко могутъ оказаться Альпы-Юліанскіе и Изонцо». Въ самомъ дѣлѣ, это было то, что случилось, когда Австрія, въ 1805 г., вновь вступивъ въ союзъ съ Англійей, искала реванша и пыталась завоевать обратно Ломбардію. «Если Мантуя не возвращена французской арміи, писалъ консулъ своему брату, то генераль Брюнъ черезъ нѣсколько дней будетъ у Венеціи, а австрійцы за Теолья-менто. Дайте понять Кобенцію, что, въ этомъ случаѣ, какъ и тогда, каждый день мѣняетъ положеніе». И заигрывая съ венеціанцами, какъ это онъ дѣлалъ съ ними въ 1797 году, какъ позже дѣлалъ съ поляками, онъ пишетъ Брюну: «Дайте нѣкоторую надежду, что ничего нѣтъ невозможнаго, если продолжится война, что Венеція возродится изъ своего праха, но что тогда это произойдетъ въ согласіи съ русскимъ императоромъ... Все это можетъ быть сказано лишь тогда, когда вы будете въ Венеціи... ⁶⁾

IV.

Кобенцль спорилъ, становясь требовательнѣе съ каждымъ днемъ, жалуюсь въ своихъ письмахъ въ Вѣну, придираясь въ своихъ нотахъ къ Жозефу. Жозефу онъ говорилъ о безпощадной войнѣ, о большихъ военныхъ силахъ, о томъ что эрцгерцогъ Карлъ снова приступитъ къ военнымъ дѣйствіямъ: «Я думаю, что лучше рисковать чѣмъ угодно, чѣмъ подчиниться условіямъ, способнымъ лишить мою монархію всякой возможности подняться въ будущемъ. Коллоредо онъ писалъ: «Невозможно выразить какъ я страдаю, и однако я еще не измѣнилъ тона по отношенію къ французамъ, которые иногда говорятъ мнѣ:—Но что же вы стали бы дѣлать, если бы вы насъ побѣдили?» ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, они отказались отъ специальной уплаты имъ за отпаденіе отъ Англій. Послѣ Гогенлиндена это отпаденіе стало необходимымъ, но не имѣло никакой дѣйствительной цѣны. За то они продолжали требовать, въ видѣ компенсаціи, три легатства, линію Адды,

⁶⁾ Жозефу; Брюну 13 янв. 1801 г.

¹⁾ Донесеніе Жозефа 26 декабря; Кобенцль Коллоредо 27 дек. 1800 г.

Вальтелину. Въ Германіи они отдавали лѣвый берегъ, но подобно Пруссіи, въ качествѣ особаго государства и обратились къ сейму за соглашеніемъ на окончательную уступку. Послѣ новаго Кампо-Форміо для Австріи было выгодно открыть другой Рапштадтъ со всѣми его процедурами, фикціями и случайностями ²⁾.

Когда Кобенцль, 30 декабря, сообщилъ свои предложенія, Жозефъ не согласился на нихъ. Тогда онъ долженъ былъ побавить силъ и пойти на слѣдующую унижительную сдѣлку: Кобенцль «предложилъ подписать прелиминаріи Сенъ-Жюльена!..» Но Жозефъ объявилъ ихъ лишенными смысла «при настоящемъ положеніи дѣлъ». Во всякомъ случаѣ предложеніе Кобенцля подписать говорило о его полномочіи подписывать безъ Англіи. Онъ призналъ это. Тогда начались официальные конференціи, и протоколъ открытія состоялся 2 января 1801 года. 12-го Кобенцль совершенно отчаялся получить что-нибудь дальше Эча: «Чего могъ бы добиться даже самый искусный дѣлецъ отъ столь высокоумныхъ людей, которые торжествуютъ вездѣ, и которые, имѣвъ прежде противъ себя всю Европу, теперь имѣютъ друзей на сѣверѣ и югѣ? Кромѣ того они знаютъ насъ очень хорошо: знаютъ, какъ армія и общество желаютъ мира» ³⁾.

Тогда онъ началъ отступать, но шагъ за шагомъ, каждый разъ отказываясь лишь отъ безвозвратно потерянныхъ позицій, всегда думая о возвращеніи нѣкоторой части эвакуированной мѣстности. Бонапартъ же по мѣрѣ движенія впередъ требовалъ еще большаго. Нужно было поймать его на словѣ, если желали остановить его, но Кобенцль не смѣлъ и не желалъ этого, убѣжденный, что для такого давленія на него у Бонапарта есть сильные мотивы, какія то тайныя затрудненія, которыя позволяютъ ему въ послѣдній моментъ вырвать у него нѣкоторыя уступки. Жозефъ болѣе или менѣе сознательно соглашался съ этимъ пріемомъ. Видѣлъ ли онъ въ этомъ верхъ дипломатическаго искусства и желая показать себя на его высотѣ, усовершенствоваться въ процедурѣ, взять верхъ въ хитрости? Особенно онъ старался хорошо выставить себя передъ Кобенцлемъ, который представляя Европу, могъ бы говорить о немъ Европѣ. Жозефъ уже воображалъ себя, какъ Европа видитъ его оппозицію брату, прославляетъ его умѣренность, благоразуміе, сговорчивость. На вопли Кобенцля онъ отвѣчалъ жалобой на ненасытное честолюбіе консула. Кобенцль указывалъ на Европу, безкорыстную, мирную Европу, на ея общественное право, договоры, гарантіи. Онъ внушалъ Жозефу желаніе заслужить сея одобреніе, раздувать въ немъ тщеславное чувство «добиться

²⁾ Императорскій рескриптъ 23 дек. 1800.

³⁾ Жозефъ Талейрану 31 дек. 1800 г.; протоколы и донесенія о совѣщаніяхъ 2-го января и слѣдующихъ дней; Кобенцль Коллоредо 6 янв. 1801 г.

этого», занять свое мѣсто. Онъ его отдѣлялъ отъ другихъ—якобинцевъ, членовъ учредительнаго собранія, директоровъ, консула! Опутывая его такимъ образомъ, онъ добивается отъ него двухъ уступокъ, капитальныхъ въ глазахъ вѣнскаго двора.

15 Января принявъ курьера отъ Тугута, обезкураженный, пристыженный партіей міра, къ которой тогда принадлежалъ весь дворъ; видя провинціи «поѣдаемыми, разоряемыми», находящимися подъ угрозой революціи, онъ предложилъ согласіе на линію Рейна за линію Эча и Тоскану. Но окончательная уступка могла быть сдѣлана только сеймомъ и притомъ безъ всякаго возраженія свѣтскихъ князей, лишенныхъ своихъ владѣній: вознагражденіе должны были получить только духовные князья на счетъ бенефіцій на правомъ берегу. Такимъ образомъ нѣтъ мѣста секуляризаціямъ. Его инструкціи предписывали ему этотъ хитрый ударъ противъ Пруссіи, этотъ своего рода Кампо-Форміо. Австрія ослабляла, дискредитировала свою соперницу, сокращала число свѣтскихъ князей, сохраняя, наоборотъ, подъ своимъ покровительствомъ князей церковныхъ. Жозефъ соблазненный неожиданными легкостями, предложеннымъ Кобенцлемъ и жаждущій славы подписать миръ, согласился, и былъ составленъ протоколъ. Но, какъ только было дано согласіе, онъ почувствовалъ замѣшательство, и въ письмѣ къ первому консулу; онъ указываетъ лишь случайно, на эту важную уступку: «Вы увидите, что послѣдняя статья протокола постановляетъ, чтобы миръ съ Имперіей былъ заключенъ въ Люневилѣ. Кобенцль не могъ взять на себя обязательство договариваться отъ имени Имперіи, не имѣя на это полномочія. Я настоялъ на томъ, чтобы этотъ миръ могъ быть обсуждаемъ здѣсь въ тоже время какъ миръ съ Австріей; достаточно будетъ подписать его послѣ этого послѣдняго».

Тогда настала очередь Кобенцля торопить дѣло и требовать заключенія. «Гражданинъ-министръ, писалъ Жозефъ Талейрану, 20, 21 и 22 января были для меня особенно непріятны. Трудно вамъ выразить, до какой степени Кобенцль показалъ себя торопящимъ, подозрительнымъ, допрашивающимъ, нетерпѣливымъ... Онъ сдѣлалъ все, чтобы вывести меня изъ осторожности, къ которой обязывало меня отсутствіе инструкцій ⁴⁾.

Трудно было поступать болѣе неудачно, чѣмъ Жозефъ и болѣе повредить политикѣ перваго консула въ тотъ моментъ, когда эта политика достигла успѣха, утвердившаго всѣ другіе успѣхи, и который, въ воображеніи Бонапарта, расширялъ ихъ до безконечности. 20 Января Бонапартъ получилъ отъ Павла I «въ высшей степени дружеское» письмо. «Я пред-

⁴⁾ Жозефъ Талейрану 25 января 1801 г.

лагаю вамъ сговориться относительно средствъ покончить и заставить покончить со всѣми несчастіями, которыя вотъ уже одинадцать лѣтъ терзаютъ всю Европу. Я не говорю и не хочу разсуждать ни о правахъ человека, ни о принципахъ различныхъ управленій, принимаемыхъ каждой страной. Постараемся возратить свѣту тишину и спокойствіе... Я готовъ слушать васъ и бесѣдовать съ вами»⁵⁾. Русскій уполномоченный Колычевъ былъ въ пути въ Парижъ, куда онъ могъ пріѣхать отъ 23 до 26 января. Это былъ миръ, подписанный въ нѣсколько часовъ, почти вѣрный союзъ, заключенный въ нѣсколько педѣль. Миръ съ Австріей, теперь не подлежащій сомнѣнію, казался Бонапарту лишь второстепеннымъ дѣломъ въ громадномъ переворотѣ Европы, который рисовался передъ его глазами. Къ чему спѣшить съ заключеніемъ? Австрійцы были истощены, и союзъ съ Павломъ «поставилъ бы ихъ въ безвыходное положеніе».

Талейранъ писалъ Жозефу, 20 января, взявъ назадъ уступку Тосканы: «Противъ Австрій нѣтъ другаго вѣрнаго обезпеченія, кромѣ всего праваго берега Эча и части Апеннинъ, чтобы такимъ образомъ война могла быть возобновлена въ выгодныхъ условіяхъ, если бы императоръ или неаполитанскій король подпали подъ вліяніе Англіи.. Старайтесь всегда напоминать договоръ въ Кампо-Форміо... ссылайтесь на то, что было условлено въ Раштадтѣ». Имперія должна нести расходы войны, которая была ея войной, но духовные князья одни понесутъ убытки, заплатятъ вознагражденіе; здѣсь есть одна фраза, естественно вытекающая изъ множества подобныхъ другихъ, писавшихся съ 1795 г., но которая съ замѣчательной ироніей выдаетъ глубокое противорѣчіе тогдашней политики: «Французская республика не можетъ обойти молчаніемъ вопросъ о вознагражденіи наслѣдственныхъ князей, лишенныхъ владѣній!» Нужно, наконецъ, чтобы императоръ подумалъ объ Имперіи.

Съ этого времени Бонапартъ относится недовѣрчиво къ стараніямъ Жозефа. Онъ боится его усердія на изнанку. 21 января онъ писалъ ему «Черезъ четыре-пять дней я жду русскаго уполномоченнаго. Россія очень враждебно настроена противъ Англіи. Вамъ легко понять, что мы не имѣемъ никакого интереса спѣшить... Продолжайте протоколъ, основательно обсуждайте вопросы, даже редакцію окончательнаго договора, но ничего не подписывайте раньше десяти дней, — время, въ которое мы войдемъ въ соглашеніе съ Павломъ I». Онъ прибавляетъ: «Мы не имѣемъ ни малѣйшаго довѣрія къ Тугуту и не можемъ вступать ни въ какое

⁵⁾ MARTENS, t. XIII, p. 251 FETASTEWski.

обязательство съ императоромъ, пока этотъ министръ будетъ совѣтникомъ» Изъ страха, чтобы Жозефъ не надѣлалъ ошибокъ, когда придется формулировать протоколъ по статьямъ, Талейранъ отправляетъ ему, 24 января проектъ окончательнаго договора. Въ то же время перемиріе, о которомъ много спорили, было заключено въ Италіи, совершенно въ пользу республики⁶⁾. Талейранъ приказываетъ Жозефу 27 января: «Пока будетъ продолжаться перемиріе, вы можете подписывать, но, съ первымъ выстрѣломъ пушки, всякое прежнее разсужденіе, все, запесенное въ протоколъ, не могутъ помѣшать новому измѣненію предложенныхъ условій. Пусть г. Кобенцль взвѣситъ возможные послѣдствія».

Ночью съ 25 на 26 Кобенцль узналъ объ окончательной отставкѣ Тугута. Ему оставалось только прикрывать отступленіе. Только статья о мирѣ Имперіи составляла предметъ его заботы. Жозефъ затягивалъ дѣло, ожидая увѣдомленія о договорѣ съ Россіей. Но, такъ какъ Колычевъ не являлся, Бонапартъ не считалъ болѣе нужнымъ медлить: перемиріе въ Италіи и онала Тугута вполне обезпечивали ему власть надъ Австріей. Талейранъ написалъ Жозефу, чтобы онъ покончилъ дѣло⁷⁾, и 9 февраля, въ пять часовъ вечера, былъ подписанъ договоръ такой, какого желалъ первый консулъ. «Вотъ, писалъ Кобенцль⁸⁾, тотъ злосчастный договоръ, который я былъ вынужденъ подписать. Онъ ужасенъ и по формѣ и по существу».

Послѣ второй коалиціи, скопрометировавшей завоеванія республики и сдѣлавшей необходимой вторую кампанію на Дунаѣ и вторую кампанію въ Италіи—Маренго и Гогенлинденъ, Люневильскій трактатъ исполнялъ договоры кампо-формійскій и раштадтскій, которые были нарушены почти непосредственно послѣ того, какъ были подписаны.

Императоръ, путемъ избобрѣтательнаго канцелярскаго пріема, получаетъ извѣстіе о согласіи, данномъ въ Раштадтѣ, сеймовой депутаціей на уступку лѣваго берега Рейна, 9 марта и 4 апрѣля 1808 года⁹⁾. Изъ этого факта онъ дѣлаетъ выводъ, что согласіе Сейма достигнуто. Съ этого времени, условливаясь отъ своего имени и имени имперіи, онъ сразу отдаетъ республикѣ Бельгію, Люксембургъ, Люттихъ, нѣмецкія государства на лѣвомъ берегу Рейна. Онъ признавалъ *естественныя границы*, съ ихъ бастіонами и прибавленіями: республики Батавскую, Гельветическую Цизальпинскую и Лигурійскую. Франція сразу взяла себѣ то, о чемъ съ 1792 г. не переставали мечтать временный исполнительный Совѣтъ,

⁶⁾ 26 янв. 1801. DUCASSE.

⁷⁾ 4 февраля 1801 г.

⁸⁾ Письмо его Коллородо, 9 февр. 1801 г.

⁹⁾ См. т. V, стр.

комитетъ общественнаго спасенія, директорія:—передѣлку и арбитражъ св. имперіи, уничтоженіе церковныхъ государствъ, увеличеніе свѣтскихъ государствъ путемъ секуляризацій. Въ Италіи: занятіе Пьемонта, протекторатъ надъ Цизальпиніей и Лигуріей, Тоскана подъ угрозой захвата, Римъ всегда готовый подчиниться, Неаполь живущій подъ угрозой—дѣлали Францію властительницей полуострова и позволяли ей сдѣлать грозный шагъ на Средиземномъ морѣ: «Король, господинъ Средиземнаго моря,—«Средиземное море—французское озеро», что составляло другую мечту французскихъ королей и республики, какъ Кольбера, такъ и Сійеса, и которую этотъ договоръ позволилъ бы осуществить. Никогда, даже въ самые славные дни Людовика XIV, Франція не заключала столь блистательнаго мира и по размѣрамъ пріобрѣтеній и по тому вліянію, которое открылось для нея надъ Европой.

Впрочемъ, Люневильскій договоръ, хотя и болѣе славный, не былъ болѣе окончательнымъ чѣмъ договоръ Пиренейскій и Нимвегенскій. Хотя онъ положилъ конецъ второй коалиціи, но онъ не уничтожилъ причины ея, которая именно заключалась въ желаніи лишить Францію первенства и отодвинуть ее въ старыя границы, если не урѣзать ихъ. Австрія временно признала себя побѣжденною: она не разрушена; она вступать въ мирную сдѣлку, но не капитулируетъ; она подписываетъ взаимный договоръ, правда, менѣе выгодный, чѣмъ кампо-формійскій, но послѣ столькихъ неудачъ онъ еще очень щадитъ ее и вознаграждаетъ ея потери; она сохраняетъ за собою Венецію и ея материковыя владѣнія по Эчѣ, адриатическія провинціи, Истрію, Далмацію, Иллирію, Зальцбургское епископство для эригерцога, изгнаннаго изъ Тосканы. Она не совсѣмъ изгнана изъ Италіи, сохраняетъ свои входы въ нее; не отказалась отъ своихъ покушеній на нее.

Бонапартъ достигъ теперь мира лишь потому, что на всѣхъ пунктахъ перешелъ въ наступленіе. Австрія вступила въ переговоры потому, что не было возможности прогнать французовъ съ этихъ пунктовъ въ 1800 году, какъ они то сдѣлали въ 1799 г. Для сохраненія этого мира Бонапартъ долженъ былъ удерживать за собою тѣ позиціи, которыя позволили ему заключить миръ. Если бы онъ ушелъ съ этихъ позицій, то, какъ при директоріи въ 1799 году, не только были бы скомпрометированы «естественныя границы», но находились бы подъ угрозой и сами «старыя границы». Изъ этого вытекала необходимость быть господиномъ дѣлъ въ Голландіи, Швейцаріи, Имперіи, Италіи. Первенство, вытекающее изъ договора, будетъ существеннымъ условіемъ его продолжительности. Наконецъ, не было ни во вкусахъ французской націи ни въ характерѣ перваго консула отказываться отъ того, что давалъ трактатъ. Наоборотъ,

Бонапартъ только и думалъ о томъ, какъ бы расширить его и какъ бы извлечь изъ него для Франціи всѣ выгоды и всю славу.

Наконецъ, какъ въ 1797 году, послѣ Кампо-форміо, миръ будетъ только перемиріемъ на континентѣ, пока онъ не будетъ ратификованъ Англіей.

V.

Англія была такою же побѣдительницей на моряхъ, на островахъ Антильскихъ, въ Индіи, какъ Франція на континентѣ. Но несмотря на первенство благодаря своему флоту, несмотря на завоеванія французскихъ и голландскихъ колоній, на уничтоженіе всякой конкуренціи этихъ двухъ націй, на монополію торговли, на широкое развитіе контрабанды въ Американскихъ владѣніяхъ Испаніи; несмотря на успѣхи Воллесея въ Индіи и открывшюся въ ней громадную имперію, несмотря на занятіе Мальты; на предстоявшій захватъ Египта,—Англія чувствовала себя униженною, потому что Франція была покрыта славой. — несчастной, потому что Франція не была разорена, — побѣжденною, потому что она не прогнала французовъ изъ Нидерландовъ и Италіи, и потому что она не одна господствовала на Средиземномъ морѣ.

Но Австрія шла на полюбовную сдѣлку, и въ Россіи Павелъ I склонился къ миру, къ соглашенію, быть можетъ, къ союзу съ Франціей. Не вернется ли Франція, чтобы довести дѣло до конца, къ плану высадки, устрашающей Англію? Достаточно трехъ дней восточнаго вѣтра, чтобы повторить походы Вильгельма-Завоевателя. Бонапартъ, ибѣтъ сомнѣнія, могъ исчезнуть. Онъ былъ человекъ, человекъ же можетъ умереть, и въ Лондонѣ не было недостатка въ рѣшительныхъ шуанахъ, чтобы попытать счастья и предупредить природу. Но Бонапартъ жилъ.

Слѣдовало ли давать ему возможность упрочить при помощи рѣшительной побѣды свое правленіе? Благоразумно ли было сосредоточить на себѣ всѣ страсти французскаго народа, еще горячаго гражданскими войнами, еще пылающаго своею революціей? Объединить французовъ въ ихъ общей ненависти къ наслѣдственному врагу? Благоразуміе говорило противное, требовало получить свои выгоды, эксплуатировать свои завоеванія, уплатить свои долги, наполнить свою казну; оставить республику, за пораженіемъ вѣнскихъ враговъ, врагамъ внутреннимъ: факціямъ, непостоянству настроенія, національному безпокойству; ожидать неизбежнаго недовольства Европы, снова завязать союзы и воспользоваться промышленною слабостью континента и превосходствомъ англійскаго машиннаго производства, чтобы пріобрѣсти себѣ громадныя рынки.

Англія нуждалась въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, это время есть эпоха широкихъ и глубокихъ экономическихъ и социальныхъ переменъ въ королевствѣ. Правящій классъ, джентри, еще сто лѣтъ передъ тѣмъ, измѣнилъ организацію собственности: раздробленная въ семнадцатомъ вѣкѣ, собственность была въ восемнадцатомъ вѣкѣ сосредоточена въ имѣнія, парки, громадныя пространства для охоты. Крупные собственники вытѣснили мелкихъ, и въ одно и то же время исчезало земледѣліе и безработные земледѣльцы принуждены были уходить изъ деревень въ города. Весь этотъ людъ, не находившій себѣ работы на землѣ, стремится на фабрики, потому что Англія, переставая быть земледѣльческою, въ то же самое время становится промышленною и развиваетъ поразительную дѣятельность. Паровыя машины удешевляютъ мощь мануфактуры, и, черпая свою силу въ копяхъ, удешевляютъ цѣнность копей. Подземная Англія открываетъ богатство, превосходящее все богатства луговъ и пахотныхъ земель. Лежащіе въ глубинѣ черные лѣса оказываются продуктивнѣе зеленыхъ лѣсовъ. Окрестности городовъ застраиваются заводами. Часть горожанъ, напомиравшихъ римскихъ плебеевъ, становится элементомъ благосостоянія. Капиталы, пущенные въ оборотъ банкирами, замѣняютъ земельную собственность.

Ожидаютъ, что миръ скоро откроетъ на континентѣ колоссальный резервуаръ для этого потока произведеній промышленности, и что, слѣдовательно, миръ будетъ охранять растущую дѣятельность этой гигантской машины фабрикующей и экспортирующей. Въ особенности Франція, стремящаяся къ пользованію жизнью, благосостоянію, роскоши, можетъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ богатыхъ такихъ рынковъ. Миръ, искусно эксплуатируемый, будетъ самой выгодной спекуляціей. Мирный договоръ могъ бы сопровождаться договоромъ торговымъ, и барышни отъ войны нашли бы выгодное помѣщеніе, приписали бы высокіе проценты.

Банкиры, негоціанты, фабриканты вдругъ увидѣли въ мирѣ источникъ большихъ выгодъ, чѣмъ тѣ, которыя они извлекали изъ войны. Тогда они стали требовать мира. Простой народъ громко требовать его, побуждаемый нуждой, голодомъ, будучи расположенъ, подобно всѣмъ несчастнымъ принимать всякую переменъ за благо и всякій случай поворачиваться съ боку на бокъ на своихъ лохмотьяхъ за общественный праздникъ.

Требовать мира значило желать отставки Питта. Питтъ держался съ прежней силой: упорный, поддерживающій эмигрантовъ, разжигающій междоусобную войну, подготовляющій высадку въ Брестъ; вооружающій сильный флотъ, чтобы раздавить нейтральныхъ въ Балтійскомъ морѣ, и другой флотъ, чтобы доставить оккупационный корпусъ въ Египетъ; движимый «страстною ненавистью къ Франціи», разсудочною ненавистью къ

Бонапарту, который былъ ему ненавистнѣе Террора, и котораго онъ считалъ болѣе гибельнымъ, чѣмъ вся революція, взятая вмѣстѣ. Но король Георгъ, въ свои свѣтлые промежутки, испытывалъ силу этого великаго министра лишь для того, чтобы раздражаться этимъ игромъ. Этотъ нѣмецъ кичливый и грубый, изъ зависти къ Питту сдѣлался простымъ и доступнымъ. Питтъ видитъ себя покинутымъ. Онъ ни за что не хотѣлъ подписать мира. Впрочемъ миръ былъ бы его реваншемъ. Болѣзненный, завязшій въ долгахъ, онъ тоже чувствовалъ потребность уйти, оправиться, выждать.

Парламентъ собрался 2 февраля 1801 года. Лордъ Фицъ-Джеральдъ потребовалъ слѣдствія «о причинахъ полной неудачи англійской политики». Питтъ произнесъ одну изъ самыхъ сильныхъ своихъ рѣчей, которая не столько защищала его прошлую политику, сколько говорила о программѣ завтрашняго дня послѣ мира, о главномъ предметѣ будущей борьбы: «Передъ нами вопросъ: должны ли мы позволять, чтобы флотъ нашихъ враговъ снабжался и людьми и провіантомъ; должны ли позволять, чтобы въ блокируемые порты доставлялись боевые припасы и продовольственные продукты; должны ли мы позволять, чтобы нейтральныя націи подъ своимъ флагомъ на шлюпкахъ и рыболовныхъ судахъ доставляли южно-американскія ткани въ испанскіе порты или матеріалы для морскихъ сооружений въ Брестъ и Тулонъ... Говорятъ о разрушеніи морского могущества Франціи, но можно ли серьезно думать, что флотъ пострадалъ такъ, какъ это было бы, если бы съ начала войны не дѣйствовали по тому же принципу? При разореніи континента, при разрушеніи нашихъ надеждъ на этотъ счетъ, что стало бы съ безопасностью нашей страны не имѣй она преобладанія на морѣ? Если бы это преобладаніе какъ нибудь исчезло, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ бы и общественный духъ».

Питтъ подалъ въ отставку. Его замѣстилъ Аддингтонъ вмѣстѣ съ Гюк-ебюри въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ — онъ былъ неизвѣстенъ въ Европѣ и Европа также была ему неизвѣстна. Это министерство единственный *raison d'être* своего существованія видѣло въ своемъ подчиненіи страстямъ общества и капризамъ короля. Но какъ ни были ограничены эти министры, съ какимъ почтеніемъ ни относились они къ новому большинству Палаты, въ глазахъ континента это были рѣшительные и прямые англичане. Они хотѣли выгоднаго мира и чтобы достигнуть этого они смѣло шли впередъ и, подобно Бонапарту, занимали позиціи для наступленія, разстраивая планы противника.

Послѣ высадки, самымъ страшнымъ изъ этихъ плановъ — была нейтральная лига ¹⁾ — предисловіе къ коалиціи цѣлаго материка, къ блокадѣ

¹⁾ См. раньше стр. 28. *Fraîtes des 16 et 18 décembre 1800. Pétersbourg.*

Англии, запертой на своемъ островѣ, парализованной въ своемъ существованіи, и которой грозило разореніе отъ той же торговли и промышленности, которыя составляли объектъ какъ войны такъ и мира. Нужно было ужаснымъ ударомъ убить эту лигу въ ея зародышѣ. Питтъ приготовилъ флотъ. Какъ только море освободилось отъ льдовъ, Аддингтонъ отправилъ этотъ флотъ въ Балтійское море. Англія показала, какъ она понимала заключеніе мира и пользованіе имъ. Это означало ея господство надъ морями при помощи кораблей и монополію европейской торговли для ея промышленности. Ей нужны были: подчиненіе нейтральныхъ, открытіе ихъ портовъ, привилегія плаванія по большимъ рѣкамъ. Она достигла этого благодаря своей стихіи—морю, благодаря своей живой силѣ, своимъ флотамъ. Однако, лордъ Гюксбюри сообщилъ французскому дипломату Отто, посланному въ Лондонъ для переговоровъ объ обмѣнѣ плѣнниковъ, что англійское правительство было бы расположено, если бы Франція питала тѣ же намѣренія,—пачать мировые переговоры.

VI.

Въ возмѣщеніе, интересы Франціи, лишенной флота, требовали, чтобы нейтральная торговля была свободна, чтобы море было открыто. чтобы устья большихъ рѣкъ были закрыты для англичанъ. Франція достигала этого единственнымъ путемъ, какимъ располагала тогда,—землею, и при посредствѣ своей реальной силы,—армій. Чтобы заключить миръ, какого желала и чтобы эксплуатировать его въ интересахъ Франціи, Бонапартъ старается заранѣе разорвать и, по меньшей мѣрѣ, сдѣлать неэффективной всякую коалицію, которую Англія попыталась бы устроить.

Политическіе ресурсы далеко не безграничны, и тѣ, которыми располагалъ Бонапартъ, въ 1801 году, были тѣ же, которые были замѣчены въ 1793 году, зачинщиками войны, которые были обязательны для директоріи, 1797 г., послѣ Кампо-Форміо: высадка въ Англію, или же континентальная коалиція противъ англичанъ.

Скоро увидимъ, что Бонапартъ, въ этой второй попыткѣ привести англичанъ къ континентальному миру Франціи, намѣтитъ и испробуетъ всѣ комбинаціи, долженствующіе напомнить первыя двѣнадцать лѣтъ вѣка: Германія уже подчинилась, и этими комбинаціями будутъ—занятіе Неаполя, обладаніе Испаніей, завоеваніе Португаліи и Русскій союзъ. 1801 годъ представляетъ первый Тильзитъ, возникшій изъ тѣхъ же необходимостей какъ и второй, и который уже обнаруживаетъ его химерическій характеръ и слабыя стороны.

Безспорно ясно до очевидности, что было въ интересахъ Бонапарта заключить миръ, миръ славный, съ естественными границами», и

эксплуатировать его для первенства и благосостоянія Франціи. Въ этомъ былъ *raison d'être* его власти, гарантія его правленія. Миръ вездѣ: въ обществѣ, благодаря гражданскому кодексу; въ душахъ, благодаря конкордату. Реорганизация труда, промышленности, торговли, кредита Франціи,—вотъ программа консульства и будущность консула. Франція потеряла свой флотъ и свои колоніи. Только миръ можетъ позволить ей возстановить свой флотъ и доставить въ колоніи тотъ воинственный и завоевательный излишекъ, который съ тѣхъ поръ сталъ бесполезенъ въ Европѣ. Но даже въ самой этой идеѣ мира, Бонапартъ съ самаго начала оказывается болѣе удаленнымъ отъ Англіи благодаря излишку соперничества, зависти и непоправимымъ конфликтамъ, чѣмъ даже благодаря этой войнѣ, которую хотятъ прекратить, т.-е. войны изъ за обладанія Нидерландами. Въ существѣ дѣла, борьба будетъ продолжаться. Англія защищала въ Нидерландахъ свои рынки для сбыта. Потерявъ Нидерланды, она хочетъ добыть новые рынки въ самой Франціи, и конкурируя своими продуктами, раздавить рынокъ, убить въ ея зародышѣ возрождающуюся французскую промышленность. Франція желала получить Нидерланды, чтобы расширить свое побережье, развить свой флотъ, устремиться на моря; она желаетъ мира, чтобы работать, чтобы поправить свое положеніе. Для Англіи условіемъ мира будетъ торговый договоръ, а для Франціи — запретительный тарифъ; для Англіи—Индія и Африка закрытыя для Франціи; сжатіе этой послѣдней въ ея новыхъ границахъ въ ожиданіи, что она будетъ отброшена въ старыя границы; для Франціи же—усиліе выйти изъ своихъ границъ и направиться въ колоніи. Наконецъ, Средиземное море. Вотъ что на многіе годы дѣлало борьбу неизбежной и миръ призрачнымъ.

Большой химерой у Бонапарта была его вѣра въ возможность этого мира, вѣра, сохранившаяся до послѣднихъ катастрофъ. Эта химера, обнаруживающая въ великомъ реалистѣ извѣстную особенность мышленія, извѣстную математическую и идеологическую основу и метафизическую спекуляцію—безъ чего онъ, впрочемъ, не былъ бы человекомъ своего вѣка и не овладѣлъ бы имъ—эта химера есть идея *à priori*, что существуетъ извѣстный предѣлъ, извѣстный логическій конецъ, извѣстная гармоничная и окончательная система человѣческихъ явленій; что разумъ человѣка можетъ понять эту систему, а человѣческая рука устроить ее;—это *постулатъ*, что всѣ вопросы выдвинутые въ Европѣ могутъ быть разрѣшены, что всѣ споры, раздирающіе Европу, могутъ окончиться къ выгодѣ Франціи, къ ея большей славѣ и къ ея большому благополучію. Дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать ее властительницей Европы и сохранить за ней арбитражъ. Нужно приобрести достаточно реальной силы, имѣть большой престижъ, чтобы привести въ порядокъ хаосъ, чтобы выравнять

и венахъ безпорядочныя глыбы земли, чтобы распределить эту землю въ известномъ естественномъ порядкѣ, чтобы объединить или раздѣлить народы сообразно ихъ естественному тяготѣнію и ихъ совокупному интересу.

Нужно приобщить эти народы къ общей судьбѣ, управлять ими въ одномъ и томъ же направленіи: типъ государства—французская республика; общій интересъ, коммерческая, промышленная, морская независимость континента; руководство, политика французскіе: *par romana*. Это составляло мечту королей, это было предметомъ революціонныхъ агитацій. Части зданія, конечно, не связаны, разъединены; нужно только собрать ихъ, и дѣло сводится къ тому, чтобы устроить въ Европѣ то, что во Франціи было выполнено конститудою VIII года. Окончить войну, въ глазахъ Бонапарта, тоже что окончить революцію. Для этого не нужно ни больше генія, и, быть можетъ, не больше времени, чѣмъ для того, чтобы реорганизовать французскую администрацію, департаменты, пути сообщенія, финансы, юстицію, и чтобы довести до конца редакцію гражданскаго кодекса. Во всякомъ случаѣ, для могущественнаго рычага, находящагося въ его рукахъ нужна точка опоры. Онъ думалъ, что найдетъ эту точку, что ею будетъ Россія.

Онъ уже давно ищетъ эту точку, и вотъ она здѣсь, сама дается въ руки. Не сегодня — завтра русскій уполномоченный будетъ въ Парижѣ. Бонапартъ считаетъ себя господиномъ дѣлъ, и все кажется ему устроеннымъ. Онъ представляетъ себѣ, что Англія блокирована, что континентъ въ коалиціи противъ нея, что Европа раздѣлена между нимъ и царемъ, безумствующимъ великолѣпнымъ царемъ, котораго онъ ведетъ какъ бѣдоваго ребенка, развлекая пѣснями, забавляя туманными картинами, занимая игрушками и усыпляя сказками. Онъ высчитываетъ выгоды мира, только что подписаннаго съ Австріей; усчитываетъ этотъ союзъ съ Россіей, который еще не заключенъ. Онъ видитъ французскую республику первымъ государствомъ міра; «великой націей», представляющей античный Римъ, и въ этомъ «французскомъ мирѣ» Европы видитъ себя творцомъ и регуляторомъ громаднѣйшей машины, которая должна управлять міромъ, видитъ себя первымъ гражданиномъ свѣта!

Въ его мысли ¹⁾, все приходитъ въ потрясеніе, освѣщается, располагается, кристаллизуется словно подъ дѣйствіемъ электричества. «Миръ съ императоромъ ничто въ сравненіи съ союзомъ, который обуздастъ Англію и сохранитъ за нами Египетъ». — «Они пытаются высадиться въ Египтъ! Интересы всѣхъ государствъ Средиземнаго, равно какъ и

¹⁾ Lettres Talleyrand, 20 janvier; à Joseph, 21 janvier. — Cf. à Menon, 15 janvier; à Forfait, 13 janvier; arrêté du 20 janvier 1801.

Чернаго моря, требуютъ, чтобы Египетъ оставался за Франціей. Уже намѣченъ Суэцкій каналъ, долженствующій соединить моря Индіи съ Средиземнымъ. Эта работа не трудная и не продолжительная». «Внезапно оживаетъ египетская армія и черезъ укрѣпленія Сентъ-Жанъ-д'Акра продолжаетъ прерванный походъ: подъ стѣнами Праги, Вѣны и Венеціи республиканскія арміи доказываютъ Европѣ то самое что онъ уже доказали ей раньше. Восточная армія, расположившаяся у Краснаго моря, въ Сиріи и Африкѣ возбуждаетъ всеобщія надежды, любопытство и тревогу. Англія трепещетъ, дрожитъ. Оставленная Европой, находясь въ открытой войнѣ съ Россіей, нашимъ теперешнимъ лучшимъ другомъ, она окружена опасностями». Открывается путь въ Индію. Русскіе обходятъ англичанъ со стороны Персіи; Франція атакуетъ ихъ съ фронта—со стороны Краснаго моря, обойдетъ ихъ путемъ мимо Мыса Доброй Надежды, займетъ Мадагаскаръ и укрѣпится тамъ. Въ другомъ полушаріи онъ видитъ возвращенную Луизиану, сверкающую надъ Мексикой, Антильскими островами, Гвианой. И въ то самое время когда Питтъ выдвигаетъ принципы морского деспотизма Англіи, онъ противопоставляетъ имъ права нейтральныхъ. Впрочемъ вотъ пароль войны до 1813 года: «Настало время, когда морскія державы должны высказаться; тутъ больше нѣтъ мѣста срединѣ: или онъ должны закрыть для англичанъ свои гавани, или навлечь на себя всю немилость французскаго правительства».

Это какъ бы первое сверканіе молніи пресловутаго письма къ Александру 2 февраля 1808 года; а вотъ и первый ударъ того, что произойдетъ въ 1808 году,—переворотъ, потомъ испанская война. Нужно, чтобы испанцы начали кампанію, чтобы прогнали англичанъ изъ Португаліи: «Нужно же, чтобы республика лишила ихъ послѣдняго союзника, который остается у нихъ на континентѣ» ²⁾! Бонапартъ требуетъ отъ португальцевъ, чтобы они закрыли свои гавани для англичанъ, требуетъ отъ нихъ 15 или 20 милліоновъ и Гвиану. Они откажутся. Испанія заставитъ ихъ сдѣлать это. Горе Испаніи, если она откажется! Онъ будетъ дѣйствовать самъ и энергично. Если же она будетъ послушной, то онъ поступитъ благородно: Инфантъ Пармскій получитъ герцогство Тосканское съ титуломъ короля Этрурии; или, если нужно будетъ, королевство неаполитанское. Но пусть же они вооружаются, пусть доставляютъ корабли! «Я нахожу постыднымъ для испанской монархіи, что передъ Кадиксомъ два корабля блокируютъ семь. Это уже не тѣ гордые кастильяны, которые покорили новый свѣтъ». «Безусловно нужно, во что бы то ни стало, чтобы мы стали господами Средиземнаго

²⁾ A. Talleyrand, 7, 27, janvier; 4, 13, février 1801; à Lucien, février 1801.

моря. Между тѣмъ Россія увлечетъ за собою Пруссію. Франція сформируетъ бережные арміи, въ Голландіи, Бретани, Корсикѣ. Тогда Англія останется безъ сообщеній съ континентомъ. Три державы союзниковъ. Франція, Испанія и Голландія должны воспользоваться обстоятельствами, чтобы нанести какой-нибудь ударъ, который измѣнилъ бы видъ войны»³⁾.

Испанцы покоряются. 29 января 1801 года, они обязываются вторгнуться въ Португалію. Бонапартъ ведетъ серьезныя дѣйствія противъ Неаполя: онъ считаетъ себя въ правѣ занять это королевство 10,000 солдатъ, «чтобы обуздать Англію въ ея морскихъ захватахъ». Французы будутъ въ Тарентѣ и Бриндизи, «чтобы явиться въ Египетъ». Мюратъ, находящійся во главѣ своей арміи, рѣшаетъ дѣло. Онъ прерываетъ перемиріе и заявляетъ, что выступаетъ въ походъ. Фердинандъ пришелъ въ такой ужасъ отъ его воинственного вида и въ то же время былъ такъ очарованъ шуриномъ консула, что выразилъ желаніе видѣть его уполномоченнымъ для переговоровъ. Онъ нашелъ бы въ этомъ, писалъ Мюратъ, такъ же мало прозрѣвавшій будущее какъ и этотъ Бурбонъ, «вѣрное доказательство того, что вы намѣрены поддержать его въ неаполитанскомъ королевствѣ!».

ГЛАВА IV.

Русскій союзъ. 1801.

I.

Оставалось настроить Россію противъ Англіи. Колычевъ заставилъ долго ждать себя. Наконецъ онъ пріѣхалъ 6 марта, какъ разъ во время, чтобы задержать «полное горечи» письмо, которое нетерпѣливый Бонапартъ написалъ Павлу I⁴⁾. Едва начавшіеся переговоры сейчасъ же были испорчены. Съ самаго начала переговоровъ объ этомъ химерическомъ союзѣ Бонапартъ почувствовалъ, какъ онъ ошибался въ своемъ расчетѣ от-

³⁾ Союзъ съ Голландіей представляетъ одинъ результатъ, можетъ быть, самый интересный изъ всѣхъ, — это исключеніе англичанъ изъ континента... Англія оказывается въ большомъ затрудненіи отъ своихъ товаровъ... и англичане оказываются побѣжденными изобиліемъ, какъ они хотѣли побѣдить французовъ голодомъ... Мы очень желаемъ, чтобы (Испанія) подобно намъ поняла важность трактата, который, будучи скоро принятъ Португаліей, могъ бы закрыть нашему общему врагу гавани европейскаго континента, отъ Гибралтара до Текселя, загнать англичанъ изъ Средиземнаго моря». Le Comité de salut public: Instructions de Noël à la Haye, août 1795; Instructions à Barthelemy, 27 août; 4 septembre 1795, minute Sieyès et minute revue par Sieyès.

⁴⁾ Rapport de Loucheval, 2 mars 1801: Baillet.

носительно русскихъ. Всѣ разочарованія, причиненныя ему въслѣдствіи Александромъ, сказываются въ этихъ предварительныхъ бесѣдахъ съ посланникомъ Павла I. Впрочемъ, языкъ царя по отношенію къ Англіи почти тождественъ съ языкомъ перваго консула. «Я хочу, писалъ онъ Колычеву, заставить эту деспотическую на моряхъ державу образумиться и выполнить мои требованія...» Онъ предлагаетъ Бонапарту «предпринять... кое что на берегахъ Англіи, могущее произвести эффектъ въ тотъ моментъ, когда Англія видитъ себя изолированной, — заставить ее раскаяться въ своемъ деспотизмѣ и въ своемъ высокомеріи». 23 февраля, онъ совѣтуетъ пруссакамъ занять Ганноверъ, закрыть Эльбу и Везеръ. Бонапартъ угрожалъ царю, возвращая русскихъ плѣнниковъ. Впрочемъ, Павелъ не оставался въ долгу, что касается вѣжливости и любезности: онъ изгоняетъ изъ Митавы претендента—Людвика XVIII²⁾.

Караманъ, посланный принца, вдругъ получилъ приглашеніе остановиться въ Петербургѣ черезъ три часа. Претендентъ протестуетъ и царь говоритъ съ раздраженіемъ: «Хозяинъ я у себя или нѣтъ?» Онъ велитъ сказать претенденту: «Императоръ огорченъ тѣмъ, что ему приходится напомнить королю, что гостепріимство есть добродѣтель, но не обязанность». Онъ дѣлаетъ это не безъ изысканности, если имѣть въ виду странности семейной жизни графа Прованскаго. 14 января 1801 года, Ферсенъ, военный комендантъ Митавы, заявилъ принцу, что императоръ совѣтуетъ ему «присоединиться къ своей супругѣ въ Килъ». 22-го января маленькій эмигрантскій дворъ пускается въ путь по снѣгу, чтобы добравшись до земель прусскаго короля, блуждать вдоль границы до тѣхъ поръ, пока Фридрихъ-Вильгельмъ не увѣрился въ согласіи перваго консула. Наконецъ, 22 февраля, они получили возможность поселиться въ Варшавѣ.

Таково было на дѣлѣ «рыцарство» Павла I и его уваженіе къ правамъ законныхъ государей. Слѣдовательно, съ его стороны не было дѣломъ «принципа» его участіе къ интересамъ короля сардинскаго и короля обѣихъ Сицилій,—оно было дѣломъ престижа и политическаго расчета. Онъ видитъ свою личную славу и интересъ своей короны въ томъ, чтобы русскій флагъ высоко развивался на Средиземномъ морѣ, и въ томъ, чтобы на берегахъ и островахъ этого моря заявлять себя покровителемъ королей древнихъ династій.

Инструкціи Колычева говорили: о гарантіяхъ Мальты, послѣ возвращенія ея великому магистру, которымъ предполагался царь; о возвращеніи Египта Портѣ; о признаніи Рейна границей, чтобы «унизить Австрію».

²⁾ Ernest Daudet, *les Bourbons et la Russie*, chap. XIII et XV. —Guilhermy, *Papiers d'un émigré*.

Колычевъ долженъ былъ склонять Бонапарта къ высадкѣ на берега Англіи, внушить ему идею принять титулъ короля и сдѣлать тронъ наследственнымъ въ своей семьѣ. Наконецъ, Бонапартъ приглашался открыть революціонные клубы, въ особенности клубъ польскій ³⁾.

Колычевъ, получившій миссію заключить миръ и позондировать почву для союза, весь отдался миру и въ глубинѣ души былъ враждебенъ союзу. Онъ принесъ съ собою въ Парижъ то настроеніе, которое съ болѣею или менѣею степеню снѣи, грубости и свѣтскости приносили всѣ русскіе посланники, перебивавшіе одинъ за другимъ въ Парижѣ до 1812 года.

У невѣрныхъ и у варваровъ онъ былъ бы татарскимъ ханомъ или турецкимъ султаномъ! Это былъ человѣкъ свѣтскаго общества, брошенный въ дурную компанію, въ среду грубыхъ солдатъ, проходивцевъ, разстригъ, санкюлотовъ. Предупрежденный д'Антренемъ, съ которымъ онъ былъ въ сношеніяхъ, онъ постигалъ «официальный міръ» только по обязанностямъ службы, хорошо чувствовалъ себя только въ «обществѣ», т. е. у людей оппозиціи, гдѣ встрѣчалъ своихъ коллегъ—дипломатовъ, дѣльцовъ, новыхъ богачей, толпу болтливыхъ интригановъ съ ихъ свитой любовниковъ, занимающихся сплетнями ⁴⁾. Ни мало не пораженный консуломъ, котораго онъ считаетъ въ военномъ дѣлѣ авантюристомъ, съ раздутою славой, а въ политикѣ говорливымъ южаниномъ, онъ смотритъ на Республику какъ на чудовищную анархію, на консулатъ какъ на эфемерную власть. Королевскія почести, которыя ему оказываютъ, торжественныя пиры—многочисленныя до утомленія, не производятъ на него никакого впечатлѣнія. Онъ ведетъ дѣло въ сторонѣ, свысока, недовѣряя, убѣжденный, что Россіи нѣчего опасаться Франціи, въ видѣ «собственной гигантской силы, что она можетъ только потерять, доверившись этимъ революціонерамъ».

Онъ только что пріѣхалъ, а его корреспонденція принимаетъ тонъ корреспонденціи Спины, Луккезини, Луи Кобенца, прибывшихъ изъ Люневилля, чтобы слѣдить за выполненіемъ трактата ⁵⁾. Правительство, писавъ онъ, имѣетъ только кажущуюся прочность. «Сомнительно, противо-

³⁾ 20 décembre 1800. 12 janvier 1801.—Martens t. XIII, p. 251—253.

⁴⁾ См. у Pingaud, les lettres de l'amie de Paris.

⁵⁾ Письма Колычева, начиная съ 9 марта 1801 года, у Трачевскаго. Сравните эти письма съ письмами Кобенца и Спины у Boulay de la Meurthe, съ письмами Lucchesini у Baillet, затѣмъ срав. ихъ съ письмами des amis d'Ant-gaignes у Pingaud, съ письмами королевскихъ агентовъ у Remacle, и съ письмами англійскаго агента Sakson'a у Martel'a, conséguration de Georges. Идентичность источниковъ очевидна.—Martens, t. XIII, p. 253 et suiv.

стоитъ ли оно злоумышленникамъ и нѣсколькимъ генераламъ, завидующимъ первому консулу. Все основано только на одной личности. Какъ гарантировать его жизнь? И въ чемъ гарантія его обязательствъ?»

«Здѣсь разыгралось немощное честолюбіе, со времени униженія Австріи и нашего разрыва съ Англіей; къ чему надо присоединить желаніе продолжать войну гдѣ бы то ни было, лишь бы дать работу части войскъ и содержать офицеровъ и генераловъ, изъ которыхъ послѣдній питаетъ надежду замѣстить, въ одинъ прекрасный день, перваго консула и начнетъ интриговать, когда останется безъ занятій». Шпрентпортенъ очень льститъ Бонапарту. Бонапартъ воображаетъ себя, что Россія нуждается въ немъ и онъ старается эксплуатировать ее. «Несмотря на почести и увѣренія, которыя передо мною расточаютъ здѣсь, мнѣ кажется, что нѣтъ ни малѣйшей искренности въ сближеніи Франціи съ Россіей... Правительство ясно вѣдаетъ свое желаніе втянуть Россію въ громадную войну, не только съ Англіей, но еще и съ Портой». «Льстя намъ они имѣютъ цѣлю господствовать повсюду. Мы имъ желательны только какъ орудіе... Ихъ намѣреніе—поработить Европу». «Я очень сомнѣваюсь, чтобы мы могли ожидать чего нибудь хорошаго отъ Франціи; она желаетъ поссорить насъ со всѣмъ свѣтомъ». Онъ приходитъ къ заключенію не уступать ни въ чемъ, и пишетъ своему другу Растопчину: «Я сомнѣваюсь вообще относительно моей миссіи... Я все вижу въ черномъ цвѣтѣ... Я никогда не привыкну къ людямъ, которые здѣсь правятъ... Никогда не довѣрюсь имъ. Я требую, чтобы меня отозвали отсюда, чтобы меня вытащили отсюда!»

Конференція съ Талейраномъ началась 12 марта. Онъ касался двухъ предметовъ: заключенія отдѣльнаго мира между Франціей и Россіей и приглашенія между ними по поводу мира общаго. Вопросъ объ отдѣльномъ мирѣ подвигался быстро. Его продолжали съ того пункта, на которомъ его прервала директорія ⁶⁾. Параграфъ уравнивавшій польскихъ рефюжѣ съ французскими эмигрантами нисколько не стѣснялъ Бонапарта и слова «обоюдные подданные» ничуть не оскорбляли его также какъ и отреченіе отъ всякой пропаганды. Вопросъ о мирѣ, вообще, обнаружилъ всѣ несогласія; пришлось убѣдиться, что при малѣйшемъ столкновеніи интересовъ, согласіе будетъ нарушено, а столкновеніе неизбежно въ Средиземномъ морѣ, ибо Бонапартъ искалъ русскихъ единственно для того, чтобы прогнать англичанъ изъ Средиземнаго моря, а Павелъ искалъ Бонапарта только для того, чтобы на этомъ морѣ Россія заняла мѣсто Англіи.

⁶⁾ Voir tome V, p. 216

Бонапартъ требовалъ оккупацию Тарента французскимъ корпусомъ до тѣхъ поръ, пока Египетъ не будетъ освобожденъ отъ англичанъ. Колычевъ объявилъ эту статью «педоустимой», противорѣчащей «независимости, цѣлости, правамъ королевства неаполитанскаго», и восстановленію мира съ Портою. Онъ предлагаетъ для восстановленія мира на Востокѣ посредничество царя, но ставить начальнымъ пунктомъ посредничества немедленную эвакуацію Египта французами. Бонапартъ, наоборотъ, ждетъ, что царь вмѣшается «для утвержденія французовъ въ Египтѣ», и что онъ поможетъ Франціи утвердиться тамъ окончательно. Павелъ хочетъ быть великимъ магистромъ мальтійскаго ордена и удержатъ для себя островъ; Бонапартъ же уступаетъ великое магистерство, но предпочитаетъ, чтобы, по изгнаніи англичанъ съ острова, тамъ утвердились не русскіе, а чтобы былъ восстановленъ порядокъ, и онъ говоритъ это Колычеву. Колычевъ требуетъ гарантіи для Обѣихъ Сицилій, Баваріи, Вюртемберга, Пьемонта. Бонапартъ ставитъ, какъ предварительное условіе всякаго соглашенія относительно Пьемонта, требованіе, чтобы король закрылъ Сардинію для англичанъ.

Такимъ образомъ, главное ускользаетъ отъ него: лига противъ Англіи и окончательное занятіе Египта. Отказываясь убѣдить Колычева, онъ оставляетъ его въ сторонѣ и дѣйствуетъ такимъ образомъ, чтобы онъ оказался лицомъ къ лицу съ совершившимися фактами. Вмѣсто того, чтобы помочь Франціи принять ея миръ, Россія должна будетъ подчиниться и признать этотъ миръ. То, что онъ проектировалъ дѣлать съ нею, онъ совершить безъ нея, если нужно будетъ,—противъ нея и противъ тѣхъ, кому онъ покровительствуетъ. Пришедшіе въ ужасъ неаполитанцы обратились къ русскому посланнику, который слѣшилъ къ Мюрату ⁷⁾, но ничего не добивается и уходитъ очень недовольный. Помимо его вмѣшательства, Галло и Алькьеръ ⁸⁾ подписали миръ, во Флоренціи, 28 марта. Неаполь уступаетъ по всѣмъ пунктамъ, отдаетъ Франціи свои права на островъ Эльбу и на княжество Піомбино, обѣщаетъ закрыть свои порты для англичанъ, разрѣшаетъ проходъ и оккупацию на годъ провинціи Отранте 10,000 французовъ, назначенныхъ въ Египетъ, безсрочную оккупацию Піаченцы 3000 человекъ; обеспечиваетъ содѣйствіе общему миру тремя фрегатами въ 40 пушекъ каждый. Оккупационныя войска, ввѣренныя Султу, сейчасъ же выступаютъ въ походъ, раньше всякой ратификаціи, что составляло тайную статью и гарантію договора.

Въ то же время Бонапартъ оканчиваетъ переговоры съ испанцами.

⁷⁾ Voir ci-dessus, p. 107.

⁸⁾ De Clercq, t. I, p. 432.

21 марта подписанъ договоръ въ Арангуецѣ, на этотъ разъ открытый и окончательный: Инфантъ Пармскій переходитъ въ Тоскану съ титуломъ короля Этруріи, и, кромѣ того, онъ получаетъ Піомбино въ обмѣнъ за островъ Эльбу. Испанія уступаетъ Франціи Луизиану; она обѣщаетъ собрать войско противъ Португаліи и оккупировать это королевство до заключенія общаго мира. Парма и Піаченца были присоединены къ французской республикѣ ⁹⁾.

Такова дѣйствительность союза съ Россіей въ мѣсяцъ мартъ 1801 года. Было ли въ немъ что нибудь другое кромѣ плана, существовавшаго въ воображеніи, кромѣ взрыва первой ракеты большого фейерверка 1808 года? Слѣдуетъ ли предполагать, что рядомъ съ конференціями между Таллейраномъ и Колычевымъ, рядомъ съ официальнымъ разладомъ существовала секретнѣйшая переписка между Бонапартомъ и Павломъ I? ¹⁰⁾ Внесъ-ли Бонапартъ свое удивительное искусство комбинировать фиктивные данныя и реальныя частности, которое онъ недавно примѣнилъ къ дѣлу въ Египтѣ,—въ свой планъ индійскаго похода ¹¹⁾? Открылъ ли онъ это кому нибудь изъ довѣренныхъ? Распускалъ ли онъ объ этомъ слухи, дасть ли возможность получить объ этомъ какія нибудь свѣдѣнія? Несомнѣнно, что въ мартъ того года это было таинственнымъ паролемъ въ канцеляріяхъ и въ лабораторіяхъ новостей. Заработало воображеніе людей, любящихъ строить планы, политическихъ машинистовъ, людей устраивающихъ Европу и Азію! Говорятъ—и точно опредѣляютъ—что 35,000 французовъ подъ командой Массены отправятся въ Ульмъ, на судахъ спустятся по Дунаю, проплывутъ Чернымъ моремъ и подвинутся до Астрахани, гдѣ они найдутъ 35,000 русскихъ: 16,000 пѣхотинцевъ, 10,000 кавалеріи, 10,000 казаковъ. Оттуда два соединенные корпуса въ

⁹⁾ De Clercq, t. I, p. 431.—Voir Fournier, ch. VI; Sybel, t. VI, p. 400; Lefebvre, t. I p. 121.

¹⁰⁾ До сихъ поръ не найдено никакого слѣда такой корреспонденціи. Источникомъ появленія подобной легенды могла быть выдержка изъ отчета о мотивахъ закона, одобряющаго договоръ 8 октября 1801 года между Франціей и Россіей. Тамъ говорится: «Онъ—первый Консулъ—рѣшилъ установить между собою и Его Величествомъ непосредственную корреспонденцію, которая давъ мѣсто самымъ искреннимъ и широкимъ сношеніямъ, скоро слагала въ затрудненія и привела къ самымъ важнымъ результатамъ... *Moniteur. Documents publiés par Tratchevsky. Lettres de Rostopchine. Archives Woronzot t. VIII*—О планахъ приписываемыхъ Павлу I: Tatistcheff, *Revue d'histoire diplomatique*, 1889; Baccholz, *Die Napoleonische Weltpolitik. Preussische Jahrbücher*, 1896.—Fournier, Lefebvre, Bernhardt.—Rambaud, *Histoire de Russie*; Marcey Dubois et et Terrier, *les colonies françaises: notes du Baron de Stedingk. Срави. съ les plans de Gutin, en 1799, ci-dessus, p. 29.*

¹¹⁾ Voir t. V, p. 444.

пятьдесят дней придуть, через Гератъ и Кандагаръ, на Индъ. Были определены переходы и составлены воззванія къ народамъ. Увѣряютъ, что воздухоплаватели и ученые примутъ участіе въ этой кампаніи, какъ въ египетской. Эта экспедиція—повтореніе экспедиціи Александра Великаго—предсказанная покойнымъ царемъ Петромъ, должна была двинуться весною.

Несомнѣнно только то, что Павелъ I приказалъ принять мѣры. Онъ писалъ генералу Орлову, 12 января 1801 года ¹²⁾: «Англичане приготовляются атаковать флотомъ и арміей меня и моихъ союзниковъ, шведовъ и датчанъ. Я готовъ встрѣтить ихъ, но нужно намъ ихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ можетъ быть самымъ страшнымъ и гдѣ они ждутъ его меньше всего. Отъ Оренбурга до Индіи три мѣсяца... Эту экспедицію я повѣрю вамъ и вашей арміи... Вы пойдете съ артиллеріей прямо черезъ Бухару и Хиву на Индъ и на англійскія колоніи, тамъ расположенныя». Дѣло шло о томъ, чтобы, англійскую гегемонію надъ индусскими принцами замѣнить русской. Орловъ долженъ былъ отправиться только съ своими казаками.

Рядомъ съ этими комбинаціями, рассчитанными не на близкое будущее указывали на болѣе близкія и, естественно, на раздѣлъ турецкой имперіи. Кобенцль писалъ объ этомъ въ Вѣну. «Все то, что вы сообщаете, можетъ стать предметомъ большой важности, отвѣчалъ императоръ Францъ. Но чему тутъ можно вѣрить? На первый взглядъ, Россія не должна бы устанавливать точку соприкосновенія съ этой страшной Франціей. Она должна быть счастлива, что находится отъ нея такъ далеко... Павелъ I вовсе не такъ расположенъ атаковать турокъ, какъ это говоритъ первый Консулъ. Онъ скорѣе заботится о нихъ и не допускаетъ, чтобы Египетъ былъ принесенъ въ жертву». Бонапартъ съѣлъ эти слухи, чтобы запугать турокъ, принудить ихъ уступить Египетъ, перессорить всѣ государства Европы, обезпечить свое преобладаніе, чтобы «устранить всѣ препятствія, могущія помѣшать республикѣ осуществить свои проекты господства надъ всѣмъ свѣтомъ, которыхъ она, быть можетъ, еще не оставила». «Бонапартъ, сообщаетъ Кобенцль 24 марта, хочетъ во что бы то ни стало сохранить дружбу Павла I... Ради этого онъ готовъ пожертвовать всѣмъ» ¹³⁾...

Пруссакіи рѣшили, что пришло время взять себѣ что нибудь въ обезпеченіе. Въ послѣднихъ числахъ марта они заняли Ганноверъ. Этотъ актъ довелъ до высшей степени тревогу англичанъ.

¹²⁾ Documents publiés par Marcel Dubois, d'après la Société d'histoire de Russie.

¹³⁾ Voir Fournier, *Gentz und Kobenzl*.—Beer, *Orientalische Politik Oesterreichs*.

Кабинетъ пустилъ въ ходъ всѣхъ своихъ агентовъ. Тѣмъ временемъ одинъ изъ «довѣренныхъ» Таллейрана, Лабори, усердно посѣщавшій салоны, которые онъ проходилъ съ озабоченнымъ видомъ, напругая слухъ, законическій, неуловимый, — исчезъ изъ Парижа. Его обвиняли въ похищеніи у Таллейрана договора между Бонапартомъ и Павломъ и въ продажѣ его англичанамъ. Въѣздъ этого Бертенъ старшій, директоръ *Journal des Débats*, былъ заключенъ въ Temple.

Новое англійское министерство было согласно на миръ. Оно открыло Франціи дорогу къ миру, адресовавъ, 21 марта, ноту Отто. Но въ то же время мѣры предпринятыя Питтомъ приводились въ исполненіе на Югѣ и Сѣверѣ, въ моряхъ Средиземномъ и Балтійскомъ, показывая, что хотя Англія и была готова прекратить борьбу, но не разоружилась бы и не отказалась бы отъ своихъ правъ на моряхъ. Армія назначенная въ Египетъ прибыла туда 8 марта. 20-го она разбила французовъ. Египетъ казался окончательно потеряннымъ, и капитуляція являлась лишь вопросомъ педѣль. 30 марта, какъ только тронулся ледъ, Нельсонъ прошелъ черезъ Зундъ. 2 апрѣля онъ разрушилъ датскій флотъ и приготовился подвергнуть той же участи русскій флотъ. Это были страшные удары, какіе, обыкновенно, наносилъ Нельсонъ, — отъ Абукира до Неаполя и Трафальгара. Было чѣмъ привести нейтральныхъ въ раздумье и показать имъ, что коалиція противъ Англіи, съ шумомъ возвышенная Бонапартомъ, далеко еще не была реальной, и что союзъ Парижа съ Петербургомъ, если онъ дѣйствительно заключенъ, далеко не былъ способнымъ заставить Англію капитулировать.

Но и союзъ не назрѣлъ и даже миръ не былъ заключенъ. Писанныя статьи, которыя тогда составляли, клонились къ тому, сказалъ позже Таллейранъ, «чтобы употребить все вліяніе Россіи на возстановленіе свободы морей, на подавленіе могущественнаго англійскаго колосса». Эти статьи оставались въ видѣ проекта, когда 28 марта Бонапартъ пригласилъ Колычева на обѣдъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о переговорахъ. Онъ заявлялъ о своемъ «глубокомъ уваженіи къ царю», заявлялъ готовность гарантировать королевство Обѣихъ Сипилій, вознаградить Баварію и Вюртембергъ за ихъ потери на лѣвомъ берегу, признать за Павломъ великое магистерство, возвратитъ Мальту ордену, принять посредничество Россіи въ вопросѣ о мирѣ съ королемъ сардинскимъ; но, прибавлялъ онъ: «Что касается Египта, то этотъ предметъ составляетъ совершенно особую статью. Добровольно я не откажусь отъ него. Эта колонія стоитъ самой

¹⁴⁾ Masson. *Affaires étrangères*.—Norvins. t. II, p. 267.—Boulay de la Meurthe, t. II, p. 350, note.

чистой французской крови. Это единственное владѣніе, благодаря которому Франція могла бы, когда наступитъ время, уравнивать чрезмѣрное морское могущество англичанъ въ Индіи. Мало въ чемъ имѣю я отказать вашему императору; но пусть же и онъ удостоитъ принять въ расчетъ эти важные интересы, и, я думаю, онъ увидитъ, что его интересы въ этомъ пунктѣ связаны съ нашими. Турки, въ ихъ настоящемъ истощеніи, что могутъ они намъ противопоставить? Мы слѣдаемъ съ ними, что пожелаемъ... При помощи демонстрацій, которыя я прикажу произвести у береговъ Ирландіи, я могу отвести глаза отъ моихъ настоящихъ силъ въ Бельгій, которыя въ соединеніи съ голландскими... какъ упавшая бомба появятся среди англичанъ... Пусть вашъ государь подумаетъ обо всемъ этомъ... Если бы я могъ переговорить съ нимъ, то мы скоро согласились бы относительно нашихъ мѣропріятій...

Но Колычевъ, переписывая эти слова, сопровождаетъ ихъ самыми обезкураживающими комментаріями. «Современное состояніе Франціи, заявляетъ онъ своему другу Растопчину, большому противнику французскаго союза, не удовлетворительно со всѣхъ точекъ зрѣнія... Правительство находится въ очень большомъ затрудненіи, вслѣдствіе возвращенія войскъ... Италія еще долго будетъ нести это бремя... Все держится на головѣ Бонапарта. Громадное большинство за него; но есть враги, особенно, между генералами, которые вчера были его товарищами, а сегодня принуждены повиноваться его приказаніямъ... Армія не должна оставаться безъ занятія... Правительство не можетъ склоняться къ общему и скорому миру, ибо оно еще не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы возвратить свои арміи... оно по необходимости должно затягивать итальянскія дѣла...» И Растопчинъ дѣлаетъ изъ этого выводъ: «Какъ только этотъ великій авантюристъ умретъ, кто можетъ предвидѣть, какія произтекутъ изъ этого послѣдствія? И въ настоящій моментъ кто можетъ гарантировать жизнь существа одареннаго слабымъ здоровьемъ, заваленнаго работой, снѣдаемаго честолюбіемъ и окруженнаго убійцами?»

Такъ разсуждали эти русскіе, противники союза съ Франціей. И тѣ, кто боялся этого союза въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ, утѣшали себя подобными же разсужденіями. Императоръ Францъ-Иосифъ писалъ Робеспьеру: «Размышленіе, которое само собою напрашивается и которое, конечно, не безынтересно для насъ, есть то, что всѣ эти планы могли найти опору только въ головахъ Павла I и Бонапарта, которые съ какой угодно точки зрѣнія могутъ подвергаться массѣ случайностей». Когда благочестивый императоръ предавался этимъ мрачнымъ размышленіямъ, имѣя, быть можетъ, тайную надежду на возвращеніе милости providѣнія, — случай, котораго столько разъ желали въ Лондонѣ и Парижѣ, сдѣлалъ

свое дѣло въ другомъ мѣстѣ: «серьезный ударъ», о которомъ Жоржъ недавно переговаривался съ Гренвилемъ, разразился въ Петербургѣ и царь Павелъ былъ убитъ уже восемь дней тому назадъ.

II.

Подобно Робеспьеру, Павелъ погибъ отъ террора ¹⁾, при помощи котораго правилъ Россіей: раздражительная мелочная тиранія, простиравшаяся даже до регламентація одежды, преслѣдовала людей до ихъ семейнаго очага включительно. Ужасъ режима, недававшего покоя ни днемъ ни ночью; не гарантировавшего ни жизни, ни имущества; режима, при которомъ кнутъ, ссылка, тюрьма, эшафотъ, конфискація неожиданно слѣдовали за подарками и милостями, при которомъ расположеніе становилось самою худшею изъ опасностей, ибо оно отдавало фаворитовъ во власть господина, который былъ сильнѣе находившихся подъ рукою. Ничто не ускользало отъ его ферулы: онъ сажалъ императрицу подъ арестъ, приказывалъ сбѣжать придворныхъ дамъ. Мучительное беспокойство становилось невыносимымъ. Прибавьте къ этому, у самыхъ лучшихъ и самыхъ просвѣщенныхъ, убѣжденіе, что этотъ необычайный режимъ губитъ русское государство, лишая службу всякаго достоинства, превращая, говорилъ одинъ помѣщикъ, «русскихъ подданныхъ въ негровъ-рабовъ», подкапывая основы имперіи, прямо грозя анархическимъ возстаніемъ вродѣ пугачевщины. «Это ужасное царствованіе изгнало почти всю знать изъ военной службы», сдѣлало «полки безпорядочными и униженными, благодаря самому гнусному составу офицеровъ, какой только можно себѣ представить».

Самые разумные поступки Павла, его проблески государственнаго ума и человечности, порождали ему еще больше враговъ, и болѣе непримиримыхъ, чѣмъ его безуміе и сумасбродство. Таковъ, въ началѣ его царствованія, указъ восстанавливающій престолонаслѣдіе по первородству, въ прямой мужской линіи, и уничтожающій наслѣдованіе женщинъ при помощи казарменныхъ революцій или алькова, регентство фаворитовъ и режимъ живущихъ на содержаніи любовниковъ; таковъ, совсѣмъ недавній, другой указъ, который для смягченія участи рабовъ, регу-

¹⁾ Записки Ланжерона по разсказамъ лично слышаннымъ отъ Палена и Бенгисена; разсказы собранные княз. Адамомъ Чарторыскимъ, разсказы собранные Т. Шиманномъ, *Die Ermordung Pauls*. Berlin. 1902. Бумаги Панина, воспоминанія кн. Ливень, извлеченія изъ разсказовъ Бенгисена и Платона Зубова, замѣтка кн. Лобанова. Письма императр. Елисаветы, Бернгарди, по воспоминаніямъ Бенгисена; Гилерми, по разсказамъ Бирена; письмо Растопчина и Симеона Воронцова; воспоминанія графа Брай, *Journal de Malmesbury*; мемуары Баранта, Норвенса, Морюля; Rambaud, *Histoire de Russie*. См. т. V, p. 134, 352.

лировалъ крѣпостное состояніе и ограничилъ барщину тремя днями въ недѣлю. Эти мѣры, стѣснявшія, въ ихъ злоупотребленіяхъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, недавно получившихъ въ даръ польскія души, располагали къ нему мелкое дворянство, жившее около крестьянъ, подобно имъ привязанное къ землѣ и не имѣвшее никакихъ выгодъ отъ придворныхъ интригъ. Его любили мужики и солдаты, потому что онъ заботился о нихъ и свирѣпствовалъ, главнымъ образомъ, противъ знати. Въ Петербургѣ его одинаково и проклинали и боялись.

Знатные, больше всѣхъ страдавшіе въ царствованіе Павла, были всѣ англоманы своими вкусами, модой, инстинктами; анти-французы вслѣдствіе отвращенія къ революціоннымъ принципамъ, противоположности интересовъ и зависти, они ненавидѣли Францію Бонапарта, какъ ненавидѣли Пруссію Фридриха. Этихъ бояръ, только что вышедшихъ изъ невѣжества, ничто такъ не удивляло какъ англійскій лордъ, критерій элегантности, образецъ жизни высшаго общества, высшее выраженіе хорошаго тона, тонкой роскоши, дворянской гордости. Рядомъ съ нимъ, бывшая французская знать, нуждающаяся, попрошайничающая, доведенная до необходимости нахлѣбничать, «каучуковые» фигурки, прыгуны, постоянно державшіеся то на носкахъ, какъ учителя таяцевъ, то хорохорящіеся какъ учителя фехтованія, представляли жалкую фигуру дворянина, и, лучше всѣхъ философовъ на свѣтѣ, давали живое объясненіе паденія ихъ монархіи. Что касается республиканцевъ, выскочекъ, на нихъ смотрѣли какъ на людей дурнаго общества, а между тѣмъ пзъ среды этихъ-то ничтожныхъ людей выбиралъ Павелъ I своихъ любимцевъ, приближая ихъ ко двору и наполняя ими генеральные штабы, въ ущербъ знати.

Тѣ пзъ дворянъ, которые были нѣсколько знакомы съ Монтескье и Вольтеромъ, завидовали англійскимъ лордамъ, ихъ политическимъ привилегіямъ, ихъ важной государственной роли. Въ палатѣ общинъ они удивлялись богатому и могущественному англійскому купцу, который покупалъ дорого, хорошо платилъ и въ кассахъ стараго города держалъ настоящее богатство русскаго дворянства, — цѣну главныхъ русскихъ продуктовъ: пшеницы, лѣса, конопли, и въ обмѣнъ посылалъ красивыя и теплыя шерстяныя ткани, чай, сахаръ, все что относится къ достатку, къ комфорту жизни. Пресловутая нейтральная лига, заключенная съ Даніей и Швеціей противъ Англіи, соглашеніе съ Франціей, которое было установлено; союзъ, о которомъ говорили вездѣ и который, казалось, былъ близокъ къ заключенію; закрытіе портовъ для англичанъ—какъ первое слѣдствіе союза—производили общія затрудненія и лишенія. Прибавьте къ этому циркулировавшіе слухи о безсмысленныхъ далекихъ экспедиціяхъ авантюристическаго характера; о походахъ на Индѣ и Гангъ,

гдѣ потонули бы красивые, дорого оплачиваемые полки, содержимые съ такими расходами для того, чтобы сражаться противъ турокъ, поляковъ, яковинцевъ, чтобы вести православныя войны, приносящія много почестей и выгодъ. Эти грозящія слѣдствія французскаго союза дѣлали его ненавистнымъ при Павлѣ, когда онъ былъ предметомъ переговоровъ,—и невыносимымъ при Александрѣ, когда этотъ союзъ былъ заключенъ.

Въ Петербургѣ была партія «друзей Англіи», такъ же корыстолюбивыхъ и такъ же опасныхъ, какъ и въ Парижѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Россіи эта факція состояла изъ крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ.

Заговоръ тлѣлъ со вступленія на престолъ. Одинъ агентъ пишетъ въ 1800 году: «Недовольство въ Россіи достигло высшей степени... Новый дворъ Павла I составленъ теперь изъ заграничныхъ интригановъ, продавшихся англійской факціи. Государь страдаетъ маніей своего отца—желаетъ ввести въ своихъ владѣніяхъ нѣмецкіе нравы и обычаи—что составляетъ капитальное преступленіе—поэтому *его ждетъ участь его отца*. Другой агентъ, де-Брай писалъ: «стоитъ, чтобы всеобщій любимецъ великій князь Александръ сказалъ одно слово, далъ знакъ, и его отецъ погибъ ¹⁾». Ростопчинъ, одинъ изъ оставшихся ему вѣрными, хотя и опальный: «Императоръ не говоритъ ни съ кѣмъ ни о себѣ ни о своихъ дѣлахъ. Онъ не терпитъ, чтобы ему говорили о нихъ. Онъ даетъ приказанія и требуетъ, чтобы они исполнялись безъ возраженій. Онъ не можетъ не сознавать, что онъ далекъ отъ того, чтобы быть любимымъ, его боятся въ его семьѣ, онъ обманутъ въ чувствахъ своего сердца, и я или очень ошибаюсь, или *онъ боится самъ себя* и не желаетъ обсудить самъ свое положеніе ²⁾».

Надежда на низложеніе, желаніе его сами собою возникали повсюду. Другаго средства рѣшительно не видѣли. Заговоръ велся среди приближенныхъ самого императора, среди егѣ министровъ, среди его довѣренныхъ, которые повидимому пользовались благами режима, въ дѣйствительности же больше другихъ боялись переменъ въ настроеніи своего господина. Такъ въ 1724 году самые страшные террористы замыслили паденіе первосвященника террора, чтобы спасти собственные головы; такъ въ 1814 году, маршалы имперіи конспирировали противъ Наполеона, чтобы спасти свои жалованные доходы, свои титулы, выгоды своей жизни, которою они столько разъ рисковали на поляхъ битвы и которою они желали пользоваться съ этихъ поръ спокойно.

²⁾ Notes de Guttin dans Tratchewsky.—Rostopchine à Woronzof, mars 1800—Rapport de Bray, Avril 1800.

Очень правдоподобно, что первые узлы заговора завязывались въ концѣ 1799 года, въ англійскомъ посольствѣ. Лордъ Уайтвортъ вель интриги, конечно, съ «друзьями Англіи». Онъ принималъ у себя высшее русское общество, былъ близокъ съ самыми сильными врагами Павла, благодаря своей любовницѣ Ольгѣ Шеребровой, сестрѣ Зубова. Для своихъ махинацій онъ нашелъ въ обществѣ пониже человѣка на всѣ руки, адмирала Рибаса недавно бывшаго орудіемъ въ рукахъ Алексѣя Толстаго въ Италіи и о которомъ существовалъ цѣлый рядъ легендъ о похищеніяхъ и секвестраціяхъ. Головой этого перваго заговора былъ Никита Панинъ, недавній посланникъ въ Берлинъ, призванный на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, произведенный въ вице-канцлеры Имперіи, 30 л. отъ роду, находящійся въ родствѣ съ самыми блестящими государственными людьми, талантливый, честолюбивый, изысканный, умный, прекрасно говорящій по французски, по гордый, сухой, недостаточно гибкій, «съ холоднымъ безстрастнымъ лицомъ, на прямомъ словно столбѣ корпусѣ». Въ салонѣ его голова доминировала надъ всѣми другими, и никто не смѣлъ подойти къ нему. Онъ владелъ секретомъ авторитета, который приводить въ замѣшательство и внушаетъ почтеніе, — тонкою способностію а также и смѣлостію дѣлать первые, и самые трудные подступы, и умѣлъ придать этому тонъ превосходства, такъ что довѣряясь людямъ онъ ихъ опутывалъ, связывалъ, въ то же время приводя ихъ въ ужасъ. Онъ сдѣлалъ первую основу тѣани: онъ располагалъ исключительными средствами, пользуясь довѣріемъ у императора и великихъ князей, безъ которыхъ все было невозможно, которые не могли согласиться на что бы то ни было, которыхъ должно было заинтересовать въ дѣлѣ такъ, чтобы они, не принимая участія въ заговорѣ, по окончаніи его оказались безсознательными соучастниками въ немъ, въ то же время получивъ его выгоды. Планъ Панина и его «друзей» Англіи состоялъ въ томъ, чтобы объявить Павла помѣшаннымъ, заключить его въ вѣрное мѣсто, и ввѣрить регентство великому князю Александру до выздоровленія императора, подобно тому какъ это практиковалось въ Лондонѣ съ королемъ Георгомъ III и принцемъ Валлійскимъ.

27 мая 1800 года Уайтвортъ оставилъ Петербургъ, отозванный по требованію Павла. Панинъ продолжалъ сноситься съ нимъ и искалъ соучастниковъ, людей отважныхъ; самъ онъ не отличался отвагой. Онъ имѣлъ репутацию одного изъ двухъ самыхъ умныхъ людей въ Имперіи. Паленъ былъ вторымъ, будучи въ придачу человѣкомъ дѣла. Они сговорились. Панинъ смотрѣлъ за всѣми подходами, занималъ улицы. Паленъ установился въ самомъ центрѣ. Павелъ довѣрялъ ему двери, объединивъ въ его рукахъ полицію и военное управленіе Петербургомъ. Уроженецъ балтійскихъ провинцій, мелкопомѣстный дворянинъ, произведенный царемъ

въ графы и обогащенный на счетъ польскихъ конфискацій, Паленъ мѣтилъ высоко и вѣрно. Представительной наружности; льстецъ; хитрый и лукавый подъ видомъ «солдатской прямоты»; острякъ въ обществѣ, даже проказникъ; «образецъ прямоты, веселья и беззаботности» — онъ скрывалъ въ себѣ глубокую расчетливость, смѣлость, невозмутимое хладнокровіе, рѣдкую изворотливость въ борьбѣ, никогда не терялся, никому не довѣрялся; настоящій вожакъ заговорщиковъ. «Никто изъ насъ, говорилъ онъ два года спустя, не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Я былъ одинъ изъ тѣхъ, которымъ ударъ грозилъ больше другихъ, и я столько же желалъ избавиться отъ этого удара какъ и попытаться спасти Россію, а можетъ быть и Европу отъ ужаса кроваваго и непреодолимаго смятенія».

Черезъ посредничество Палена, Панинъ имѣлъ тайное свиданіе съ цесаревичемъ, великимъ княземъ Александромъ, въ баняхъ, приблизительно въ октябрѣ 1800 года. Онъ нарисовалъ ему опасность, быть можетъ позоръ, къ которымъ вело Россію усиливающееся помѣшательство Павла. Имперія скомпрометирована, царской семьѣ угрожаетъ опасность. Необходимость, интересы царя, его славы, его династіи требуютъ предупредить худшія бѣдствія. Онъ напомнилъ, что исторія Россіи, исторія царской семьи, еще недавно, находили благоприятныя средства. Стоило только «низложить императора» и обезпечить ему «болѣе спокойную жизнь со всѣми ея наслажденіями». Спасеніе Россіи находилось въ рукахъ великаго князя; отъ него зависѣло побудить и поддержать спасителей и династіи и имперіи.

Зналъ ли Александръ истину о «низложеніи» своего дѣда, Петра III, о кончинѣ своего кузена, Ивана VI; о воцѣствованіи на престолѣ Елисаветы, а также своей бабки, Екатерины Великой? Что касается опасности, то онъ зналъ ее очень хорошо по ежедневнымъ и угрозамъ и лишеніямъ. Онъ позволилъ говорить, выслушалъ, и не высказался, ничего не отвѣтилъ.

Нервный какъ молодая женщина, съ чисто женскимъ инстинктомъ извлекать для себя пользу и славу даже изъ сердечныхъ порывовъ и моментовъ великодушія; поверхностный идеалистъ на фонѣ безсознательнаго политика; мечтатель, впрочемъ неспособный дойти въ своихъ мечтаніяхъ до конца какъ пересмотрѣть книжку до послѣдней страницы; представляющій въ себѣ странную смѣсь крови, сложность и многочисленныя проблески двухъ расъ, славянскую лукавость и постоянную измѣнчивость, и сантиментальную, мистическую, нѣмецкую двойственность; очень чуткій къ угрызеніямъ совѣсти, чтобы его жалѣли и утѣшали, но никогда недоходящій до забвенія себя самого; надѣленный замѣчательною

способностію обманывать себя въ той комедіи, которую онъ давалъ свѣту, внося столько же искренности въ свою игру, сколько хитрости въ самого себя; человекъ который имѣлъ наиболѣе очарованія въ хитрости и наиболѣе сентиментальности въ реальныхъ дѣлахъ,—Александръ былъ весь нерѣшительность по отношенію къ себѣ, по отношенію къ жизни. Улыбающійся и задумчивый подвигался онъ впередъ къ образу, окруженному ореоломъ, какъ онъ себѣ представлялъ себя, ожидая въ какомъ-то экстазѣ, чтобы providence прославило его. Онъ долженъ былъ идти къ заговору, стать участникомъ государственнаго переворота, и пойдя по этому пути совершить почти отцеубійство. Такъ философствовавшіе политики 1789 года, гуманные, благородные и сентиментальные пришли къ царевубійству, террору, Робеспьеру и въ заключеніе къ Бонапарту.

Панинъ прочиталъ ему такую хорошую лекцію, что вырвалъ у него согласіе. «Я желалъ, заявлялъ онъ впослѣдствіи, спасти имперію отъ вѣрной гибели... Въ моихъ рукахъ находится автографъ, могущій съ очевидностію доказать, что все, что я придумывалъ и предлагалъ для спасенія государства, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императора Павла, было одобрено его сыномъ³⁾». Но едва давъ согласіе, Александръ снова впадаетъ въ задумчивость и сомнѣнія, откладывая исполненіе со дня на день.

Между тѣмъ вожаки готовили средства. Народъ, войско были на сторонѣ царя. Они не знали человека: почитали царя—икону, символъ всякой красоты и справедливости, зеркало, въ которомъ отражались безъ конца иллюзіи и надежды простодушныхъ бѣдняковъ. Такимъ образомъ могло идти дѣло только о заговорѣ дворянъ, съ офицерами—исполнителями. Паленъ не обманывалъ себя на счетъ средствъ. «Я вполне понималъ, что нужно доводить до конца революцію или не начинать ее, и что, если бы Павелъ I не пересталъ жить, то двери его тюрьмы скоро открылись бы, произошла бы самая страшная реакція».

Онъ обошелъ царя со всѣхъ сторонъ. Онъ обезпечилъ за собою доступъ въ Михайловскій дворецъ, своего рода замокъ, построенный себѣ Павломъ, въ которомъ онъ уединялся за тройными стѣнами и тройной стражей. Паленъ подкупилъ ключника. Онъ привлекъ къ себѣ близкихъ императора, ех-цирюльника Кутайсова, платя его любовницѣ, пѣвицѣ изъ французскаго театра, М-те Шевалье, и увѣряя ее, что Платонъ Zubovъ просить руки ея дочери. Онъ добивается отъ государя *отдаленія* братьевъ Zubovыхъ, людей умныхъ и со средствами, которые считая Александра достойнымъ его бабки, льстили себя надеждой приобрести его

³⁾ Lettre à l'impératrice—mère Schieman.

расположеніе, оказавъ ему услугу, какую незабвенные братья Орловы оказали Екатеринѣ; думая впрочемъ остаться, такимъ образомъ, вѣрными своей императрицѣ и послѣ ея смерти; такъ какъ императрица назначила Александра для трона, а Павла къ лишенію его⁴⁾.

Платонъ Zubovъ, былъ назначенъ начальникомъ перваго кадетскаго корпуса; Валеріанъ начальникомъ втораго корпуса; Николай, болѣе сухой, вошелъ въ сенатъ, который въ Россіи есть высшій судъ и завѣдывалъ дѣлами о важныхъ преступленіяхъ. Затѣмъ, по мѣрѣ того какъ заговорщики, такимъ образомъ, повышались, одни друзья Павла уходили въ опалу. Паленъ боялся проникательнаго и умнаго Ростопчина. Онъ указалъ на него какъ на противника французскаго союза и сдѣлалъ его подозрительнымъ. Павелъ отправилъ его въ его помѣстье и лишилъ его портфеля министра иностранныхъ дѣлъ, чтобы вручить его Палену, который сосредоточилъ въ себѣ еще одно вѣдомство: сколько силы въ его рукахъ столько и престижа. Вообразите себѣ, въ Парижѣ въ 1801 году, Таллейрана, Фушэ и Бернадотта объединенныхъ въ одномъ лицѣ, замышляющемъ ниспроверженіе Наполеона.

Между тѣмъ, Павелъ возымѣлъ отвращеніе къ Панину и отправилъ его въ ссылку въ Москву (15—23 ноября); немного послѣ, въ декабрѣ, умеръ Рибасъ. Паленъ остался одинъ настраивать дѣло.

Тогда онъ принялся за императрицу, униженную въ своемъ супружествѣ, уединенно жившую съ своимъ маленькимъ дворомъ, гдѣ ея наперсники поддерживали въ ней недовольство и тревогу, а политическіе романы, которыми она развлекала свою скуку, часто напоминали ей о ея сходствѣ съ Екатериной, тоже нѣмкой и вступившей на тронъ путемъ «низложенія» своего мужа, Петра III. Русскіе, твердили ей куртизаны, и въ числѣ ихъ Куракинъ, любятъ правительство женщинъ; Александръ не проявлялъ должной энергіи, народъ ждетъ ея отъ императрицы. Слушая какъ ей повторяли, что она рождена для трона, она пожелала царствовать. Съ тѣхъ поръ она была готова для подходовъ Палена. Одна экстравагантность Павла дала этому министру рѣшающій аргументъ, чтобы получить согласіе Александра, по крайней мѣрѣ молчаливое.

Павелъ былъ въ восхищеніи отъ мальчика—нѣмца, своего племянника по женѣ, Евгенія Вюртембергскаго. Девятилѣтняго мальчика онъ сдѣлалъ генераломъ русской арміи и призвалъ его къ себѣ въ Петербургъ черезъ своего воспитателя Дибича. Среди подозрѣній, въ которыхъ онъ жилъ, въ одиночествѣ, въ которое онъ поставилъ себя, этотъ ребенокъ сталъ его радостію, его местию женѣ и сыновьямъ, а также его гордостію, такъ

⁴⁾ Le rappel de Zouboff est du 12 novembre 1800.

какъ лишивъ великихъ князей права наслѣдовать, чтобы на ихъ мѣсто поставить этого самозванца, онъ показалъ свое всемогущество. Онъ обращался съ нимъ какъ съ предполагаемымъ наслѣдникомъ, оказывалъ ему почести на парадахъ, дефилировалъ передъ нимъ во главѣ войскъ, привѣтствовалъ его по нѣмецки, величая «всемилоостивѣйшимъ государемъ». Разъ въ припадкѣ подозрѣнія онъ зашелъ къ Александру, куда никогда не входилъ. Онъ хотѣлъ застать его врасплохъ. На столѣ онъ увидѣлъ: *Смерть цезаря*. Это было нужное доказательство. Онъ поднялся къ себѣ, взявъ исторію Петра Великаго, нашелъ страницу о смерти цесаревича Алексѣя и приказалъ Кутайсову, чтобы Александръ прочиталъ ее ⁵⁾. Потомъ онъ произнесъ угрожающія слова: «Скоро я увижу необходимость снести головы, которыя когда то были мнѣ дороги». Онъ призвалъ людей вѣрныхъ, сторонниковъ насилія, попавшихъ въ немилость по его капризу, и которыхъ ему не доставало, — Линдерера, Аракчеева, грубаго солдата, назначеннаго замѣнить Палена въ качествѣ военного коменданта Петербурга. Онъ началъ подозрѣвать слишкомъ могущественнаго однажды, Палена. «Я получилъ, — сказалъ онъ ему, — донесеніе, что противъ меня ведется заговоръ. — Это рѣшительно, невозможно, государь! отвѣтилъ Паленъ съ тѣмъ военнымъ примодушiemъ, которое составляло главный ресурсъ его хитрости; — значить я долженъ бы участвовать въ заговорѣ!» И даже будто-бы прибавилъ: «Я въ числѣ заговорщиковъ, — это единственное средство предупредить ихъ». Какъ для того, чтобы успокоить Павла, такъ и для того, чтобы имѣть у себя убѣдительный документъ, онъ даетъ для подписи указъ, предписывающій арестовать императрицу, двухъ великихъ княгинь, Александра и Константина.

Фактъ, что объ этомъ много говорили, даже въ интимномъ кругу в. кн. Александра: «я превозносила революціи потерявъ голову, писала послѣ событія великая княгиня Елисавета, жена цесаревича ⁶⁾... Чрезмѣрный деспотизмъ, окружавшій меня, лишалъ меня всякой способности разсуждать безпристрастно. Я желала только одного: видѣть, что эта несчастная Россія чувствуетъ себя свободною, какъ бы дорого ни пришлось заплатить за это». Всѣ желали революціи, на другой день послѣ нея, всѣ готовы были хвастаться ею. «Друзья Англіи» очень кричали о сдѣлкахъ съ Франціей, о проектѣ трактата, похищенномъ Лавори у Таллейрана и отправленномъ въ Лондонъ. Навелъ губилъ, разорялъ Имперію, отдавалъ ее въ распоряженіе корсиканца и революціонеровъ! Дѣло дошло до

⁵⁾ *Souvenirs de la princesse de Lieven Schieman.*

⁶⁾ *at sa mère. Schieman.*

крайности. Нельзя было ждать, чтобы прибылъ Аракчеевъ. Страхъ, дѣлавшій всѣхъ соучастниками, повернулся бы тогда противъ заговорщиковъ.

Паленъ увидѣлъ императрицу и открылъ ей секретъ царя, будто бы довѣренный ему Павломъ: усыновленіе мальчика-вюртембергца. Императрица и ея сыновья должны быть схвачены и посажены въ тюрьму, или по меньшей мѣрѣ отправлены въ ссылку: она въ Холмогоры, на сѣверъ, гдѣ регентша Россіи Анна Леопольдовна томила въ одиночествѣ пять лѣтъ, прежде чѣмъ умереть. Александра предполагали заключить въ Шлиссельбургъ, а Константина въ Петербургъ, въ крѣпости. Императрица отдалась своимъ честолюбивымъ мечтамъ. Александръ еще колебался. Тогда Паленъ потребовалъ отъ него еще большаго: чтобы онъ далъ приказъ, т. е. закрывая глаза: «Александръ слушалъ меня, вздыхалъ и ничего не отвѣчалъ». Онъ убѣдилъ его только силою лести и также страха относительно его собственной судьбы: «представляя ему альтернативу трона или тюрьмы, или, можетъ быть, смерти». Тогда будто бы онъ показалъ ему указъ. Александръ соглашался, если Паленъ дастъ присягу, что жизнь Павла будетъ пощажена. Паленъ присягнулъ, но эта присяга налагала обязательство только на него. Его авторитетный видъ, его красивый жестъ лояльнаго солдата были-ли достаточны, чтобы убѣдить Александра? Казалось онъ удовольствовался честнымъ словомъ и не стѣснялъ Палена деталями выполненія и вопросомъ, что произошло бы, если бы вспыльчивый деспотъ, какимъ былъ Павелъ, вздумалъ сопротивляться. Въ его скрытномъ, лукавомъ и мистическомъ характерѣ было никогда не давать точныхъ указаній и еще меньше свойственно было ему останавливать ходъ событій. Въ интересахъ Палена было дать эту присягу и сдержать ее, то-есть не дѣлать дѣла собственными руками. Въ послѣдній моментъ онъ оставался за кулисами. Если бы дѣло не удалось, онъ явился бы какъ разъ во время, чтобы спасти Павла. Въ случаѣ удачи, онъ первый прибѣжалъ бы къ Александру. Этотъ князь могъ бы принять корону изъ рукъ не запачканныхъ кровью: «Императоръ погибъ и долженъ былъ погибнуть. Я не былъ, сказалъ онъ послѣ, ни свидѣтелемъ ни виновникомъ его смерти. Я предвидѣлъ ее, но не хотѣлъ принимать участія въ дѣлѣ; я обѣщалъ это великому князю!»

«Свидѣтеля» и «виновника», которыми онъ не желалъ быть, онъ держалъ въ резервѣ. Это былъ гановецъ, находившійся тридцать лѣтъ на русской службѣ, Бенигсенъ, нѣмецъ съ тяжелой рукой, черетвой и метительной душой, обогащенный Екатериною, совсѣмъ недавно потерявшій расположеніе Павла и сосланный. Паленъ вмѣсто того, чтобы выслать, задержалъ его. Онъ увидѣлъ его 22 марта 1802. «Онъ открылъ мнѣ свои проекты, рассказываетъ Бенигсенъ; я согласился на всѣ сдѣ-

ланнымъ имъ мнѣ предложенія». Списокъ заговорщиковъ былъ готовъ, онъ состоялъ изъ всѣхъ офицеровъ, болѣе или менѣе обиженныхъ Павломъ, и изъ той породы людей, которыми онъ «унижалъ» русскую армію, по выраженію Воронцова, изъ «безпринципныхъ прощальгъ!»

Паленъ выбралъ ночь съ 23 на 24 марта, соображаясь съ полками, которые должны были занимать караулы днемъ 23-го. Павелъ въ порывѣ гнѣва противъ англичанъ и расположенія къ Франціи, приказалъ написать грозную депешу Крюденеру, своему посланнику въ Берлинъ: онъ требовалъ, чтобы Пруссія открыла враждебныя дѣйствія противъ Англии, въ противномъ же случаѣ 80,000 русскихъ перейдутъ прусскую границу и, чего царь не говорилъ, завладѣютъ восточной Пруссіей. Паленъ отправляя депешу, прибавилъ *post-scriptum*: «Его Величество сегодня нездоровъ. Это можетъ имѣть послѣдствія». Крюденеръ долженъ былъ понять съ полуслова и ничего не предпринимать.

23-го вечеромъ, Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, жившій недалеко отъ Михайловскаго дворца, собралъ у себя за столомъ Палена, Бенигсена, братьевъ Зубовыхъ и группу довѣренныхъ, на которыхъ вполне полагался. Онъ напоилъ ихъ. Каждый вспоминалъ несправедливость императора, распространялся въ напыщенныхъ рѣчахъ à la Брутъ: уничтожить тирановъ, спасти отечество. Словарь былъ одинъ и тотъ же и у петербургскихъ офицеровъ и у парижскихъ якобинцевъ, наканунѣ 21 января, вечеромъ 8 термидора, или на тайныхъ собраніяхъ «послѣднихъ римлянъ» IX года. Они приходили въ экзальтацію отъ литературы предмета и отъ шампанскаго. смѣшаннаго со спиртомъ. Видя, что они уже напились, Платонъ Зубовъ изложилъ имъ «плачевное состояніе имперіи, безумный разрывъ съ Англіей», разореніе страны, душевное разстройство императора, висящее постоянной угрозой надъ всѣми гражданами, необходимость перейти отъ слова къ дѣйствію, чего ждетъ отъ нихъ отечество, и даже въ эту ночь—это: заставить императора подписать актъ отреченія и провозгласить императоромъ великаго князя Александра, который согласился на все, одобрилъ то, что могло бы произойти, чтобы «помѣшать его отцу погибнуть самому и довершить паденіе имперіи». Сенаторъ Троицкій составилъ манифестъ къ народу, въ которомъ объяснялось, что императоръ, по причинѣ болязни, назначаетъ великаго князя соправителемъ. Пусть только подпишетъ императоръ этотъ манифестъ и Россія спасена, императоръ же былъ бы только интернированъ въ Шлиссельбургъ. Среди шума, короткихъ язвительныхъ замѣчаній, горячо перебивающихъ другъ друга голосовъ, одинъ молодой человѣкъ спросилъ Палена: «а если императоръ станетъ сопротивляться?» Паленъ отвѣтилъ по-французски: «Quand on veut faire une omelette, il faut casser des oeufs». Заговорщики продолжали декламировать и пить.

Около полуночи пришло извѣстіе, что 1-й батальонъ Семеновскаго полка, 2 и 4 батальоны Преображенскаго заняли позиціи около Михайловскаго дворца, въ Лѣтнемъ саду. Тогда Платонъ Зубовъ и Бенигсенъ заявили, что пора идти къ императору и покончить дѣло прямо съ нимъ. Они отправились, сопровождаемые товарищами, приблизительно шестидесятью офицерами, болѣею частью пьяными. Паленъ оставилъ ихъ, чтобы принять командованіе войсками, которые держали внѣшніе караулы. Онъ сдержалъ свое слово и это былъ единственный «честный» поступокъ его въ этомъ злосчастномъ дѣлѣ. Валеріанъ Зубовъ, лишенный одной ноги и поэтому неспособный къ нападенію, сослался на эту причину, чтобы отдѣлаться отъ толпы.

Стража отъ воротъ была ввѣрена адъютанту крѣпости, который одинъ только имѣлъ право входить во дворецъ ночью и выходить изъ него. Это былъ старый преображенскій офицеръ. Участникъ заговора, онъ опустил мостъ, пропустилъ ихъ и съ дозорнымъ фонаремъ въ рукѣ повелъ заговорщиковъ ко входу въ уборную, прилегающую къ комнатѣ императора. Въ ней спалъ молодой камердинеръ. Онъ побѣжалъ къ нападающимъ съ крикомъ: «Караулъ!» Его схватили, опрокинули и заставили замолчать. Павелъ спалъ. Михайловскій дворецъ былъ единственное мѣсто въ свѣтѣ, гдѣ онъ считалъ себя въ безопасности. Разбуженный шумомъ, онъ вскочилъ съ постели, съ босыми ногами, въ рубашкѣ и въ ночномъ колпакѣ и побѣжалъ къ двери, ведущей въappartementъ императрицы. Но не довѣряя своей женѣ онъ задѣлалъ этотъ проходъ. Онъ спрятался передъ каминомъ, за стоявшимъ экраномъ.

Крики камердинера озадачили заговорщиковъ. Это подобіе сопротивленія смущаетъ ихъ. Они прячутся другъ за друга и задніе уже сбѣгаютъ внизъ по лѣстницѣ. Платонъ Зубовъ бормочетъ и хочетъ уходить, но Бенигсенъ удерживаетъ его за руку: «Вино откупорено, надо пить его. Идемъ!» Наболѣе обозленные противъ Павла и наболѣе пьяные идутъ за нимъ, спотыкаясь. Входя въ комнату, идутъ къ постели, находятъ ее пустою, ищутъ, освѣщая своимъ фонаремъ темные углы. Лучъ луны падаетъ на босыя ноги, видимыя за экраномъ. Павла, покрытаго холоднымъ потомъ, угрюмаго, дрожащаго всѣми членами, вытаскиваютъ изъ его убѣжища.

Заговорщики не смѣютъ говорить. Только Бенигсенъ: «Государь, вы арестованы!» — Арестованъ? Что это значитъ? бормоталъ императоръ. — Успокойтесь, государь, дѣло касается вашей жизни. Павелъ повторялъ: «арестованъ? арестованъ?» — Четыре года тому назадъ, нужно было покончить съ нимъ, кричалъ одинъ офицеръ. — «Почему? Что же я сдѣлалъ?...» Не нужно было разговоровъ. Бенигсенъ тащитъ его къ столу,

толкает стул, заставляет его сѣсть, даетъ бумагу подъ руки, перо между пальцевъ. «Длинный, тонкій, съ блѣднымъ угловатымъ лицомъ, статуя командора изъ *Донъ-Жуана*», съ шляпой на головѣ, со шпагой въ рукѣ, Бенигсенъ приказываетъ подписывать. Павелъ немного приходитъ въ себя. Онъ смотритъ кругомъ, ища помощи, и узнаетъ Платона Зубова, котораго онъ возвратилъ изъ ссылки, и который собирается убить его! Дрожащій Зубовъ читаетъ актъ отреченія. «Ваше Величество не можете больше царствовать надъ двадцатью милліонами людей, кричитъ Бенигсенъ; вы дѣлаете ихъ очень несчастными. Вамъ остается одно — подписать актъ отреченія». Павелъ, выведенный, наконецъ, изъ своей летаргіи, протестуетъ, приходитъ въ гнѣвъ, кричитъ, угрожаетъ. Къ чему это? Эта шайка негодяевъ теперь можетъ спастись отъ смерти только его смертію. Онъ погибъ. Заговорщики наступаютъ, окружаютъ его, возбуждаютъ другъ друга къ нападенію, оскорбляютъ его. Такъ трусливая и свирѣпая толпа, держащая свою жертву подъ ножомъ, вызываетъ жестъ защиты, позоухъ и сигналъ для рѣзни. И однако они еще колеблются. Передъ ними несчастный человѣкъ раздѣтый, съ босыми ногами, съ ослабѣвшимъ тѣломъ, съ блуждающими глазами, съ лицомъ искаженнымъ отъ ужаса, забавная и жалкая фигура человѣческаго ничтожества: уголокъ комнаты въ госпиталѣ для сумасшедшихъ. Но между ними и этимъ призракомъ еще остается завѣса, поднять которую или разорвать они неспособны, завѣса священная. Пока его сердце бьется, это еще императоръ, существо особое, всемогущее и священное величество. Еще моментъ тому назадъ слово написанное этою рукою несло пытку и смерть. Явись помощь и еще можетъ совершиться это чудо слова, сказаннаго или написаннаго. Они рѣшаются. Николай Зубовъ, атлетъ и гигантъ, — Алексѣй Орловъ этой шайки, поднимаетъ руку. Угрожаемый и оскорбляемый Павелъ возмущается. Быть можетъ онъ вспоминаетъ, что онъ императоръ, но впадаетъ въ изступленіе. Онъ сопротивляется, борется. Одинъ офицеръ обхватываетъ его руками. Они катаются по полу. Съ этого момента тайна нарушена. Ниспровергнутый богъ есть только идолъ, который топчутъ ногами. На него все обрушиваются съ саблями въ рукахъ, наносятъ удары по головѣ, по рукамъ. Павелъ обливается кровью, отбивается, кричитъ. Одинъ изъ убійцъ снимаетъ свой шарфъ и набрасываетъ ему на шею. Павлу кажется, что онъ видитъ своего сына Константина. «Ради Бога, ваше высочество, воздуху! воздуху!» Онъ еще споритъ, успѣваетъ продвинуть свои руки между шарфомъ и своей шеей. Руки вытянуты, затягиваютъ веревку, онъ задыхается. Трупъ. И все тѣснится, чтобы видѣть его, чтобы убѣдиться, что онъ умеръ, чтобы ударить ногой, выругаться скверными словами. Это продолжалось три четверти часа.

Бенигсенъ у дверей останавливаетъ своей шпагой толпу сбѣжавшихся людей, желающихъ играть роль, говорить, что они «были при этомъ». Онъ кричитъ имъ по-французски: «Все кончено!» Онъ ставитъ стражу у порога, входитъ въ комнату, удаляетъ убійцъ, водворяетъ молчаніе, выгоняетъ наиболѣе шумящихъ, и при помощи наименѣ пьяныхъ исправляетъ страшный беспорядокъ комнаты, поднимаетъ мебель, кладетъ трупъ на постель. Затѣмъ, сдѣлавъ видъ, что ухаживаетъ за больнымъ, онъ призываетъ прислугу, доктора, констатируетъ смерть, одѣваетъ императора въ его мундиръ, кладетъ на голову колпакъ, закрывающій глаза и налитое кровью, искаженное судорогой лице; наконецъ, устраниваетъ всю обстановку апоплексического удара, который нуженъ, чтобы для всего свѣта Павелъ I умеръ естественною смертію.

Убійцы вышли изъ комнаты, торжествуя побѣду, напуская на себя видъ спасителей отечества, хвалясь своимъ насиліемъ. Они расходятся, кто въ городъ, кто въ дворцовые погреба, гдѣ продолжаютъ пить, напиваясь за смерть тирана. Приходитъ Паленъ, сопровождаемый солдатами. Съ этого момента событія должны вступать въ порядокъ, въ церемоніаль. Опасный моментъ. Какъ солдаты примутъ новость? При подобномъ же случаѣ, во время восшествія на престолъ Елисаветы, а также Екатерины, крики войска освящали фактъ: дворцовая революція совершается при помощи казарменной революціи. Командующій войсками, генералъ Талызинъ объявляетъ смерть Павла, восшествіе на престолъ новаго царя, мягкаго, благожелательнаго, отца народа и отечества. Солдаты остаются нѣмыми. Молчаніе продолжается. Талызинъ слышитъ глухое движеніе, ропотъ. Онъ не хочетъ говорить и убѣждать, и прерывая рѣчь, сразу поднимъ тонъ какъ на маневрахъ, командуетъ: «Полу-оборотъ направо!» Солдаты машинально повинуются и тихо расходятся небольшими группами, неподвижно стоятъ на часахъ во всѣхъ проходахъ дворца. Остальные части полковъ ожидали въ саду. Валеріанъ Зубовъ, который снова появился, находя удобный случай, чтобы показать свой пылъ, очень долго сдерживавшійся; его деревянная нога не мѣшаетъ ораторствовать. Онъ уговариваетъ солдатъ привѣтствовать новаго императора. Поведеніе солдатъ заставляетъ его удалиться.

Казарма не высказывается; нужно, чтобы это взялъ на себя дворецъ. Паленъ отправляется къ Александру. Наканунъ вечеромъ, великій князь попрощался съ своимъ отцомъ по принятой формѣ. Привыкшій не обнаруживать никакихъ чувствъ передъ Павломъ, онъ ничего не обнаружилъ. Удалившись въ свой апартаментъ, зная, что это *будетъ* настоящей ночью, что *это* совершается теперь; думая объ опасности грозящей его матери, его братьямъ, ему самому, если *это* не удастся; думая также

объ успѣхѣ, о возможномъ восшествіи на престолъ, о мгновенномъ переходѣ изъ ничтожества во всемогущество, отъ тюремной двери въ тронную залу; «взволнованный, говоритъ одинъ изъ его наперениковъ, охваченный грустью и тоскою», онъ ожидалъ, растянувшись на своей постели, совершенно одѣтый. Около часу пополуночи постучались въ дверь. Крѣпко радости, ура! Николай Зубовъ, съ взъерошенными волосами, красный, въ поту, въ безпорядочной одеждѣ, врывается, крича хриплымъ голосомъ: «Все сдѣлано!»—Что такое сдѣлано? спрашиваетъ Александръ, боясь услышать отвѣтъ. Зубовъ видитъ, что ошибся, что Александръ не все знаетъ, бормочетъ, ходитъ вокругъ да около факта, но открываетъ его. Александръ, немного глуховатый, больше догадывается, чѣмъ слышитъ: его одурачили злодѣи, онъ орудіе преступниковъ, жертва своей собственной слабости, быть можетъ, несознаннаго снисхожденія! Устрашенный опасностію, привлеченной на себя, можетъ быть даже принятой, соучастіемъ, отъ котораго онъ не достаточно отказывался, онъ видитъ пропасть, на которую онъ закрывалъ глаза. Онъ понимаетъ себя, упрекаетъ и впадаетъ въ отчаяніе. «Онъ чувствуетъ, рассказываетъ князь Адамъ Чарторижскій, мечъ, вонзившійся въ его совѣсть, черное пятно, которое считаетъ неизгладимымъ.—Какъ, вы хотите, чтобы я пересталъ мучиться! говоритъ онъ немного послѣ своему другу. Это не можетъ перемѣниться».

Онъ стонетъ, хочетъ бѣжать на помощь къ своему отцу. Генералъ Уваровъ и нѣсколько вошедшихъ офицеровъ, помѣшали ему въ этомъ. Впрочемъ, онъ болѣе не принадлежалъ себѣ. Слезы, безпокойство, угрызенія совѣсти, съ этого момента, должны подчиняться интересу государства. Является Паленъ, безстрастный, торжественный, съ грязью на колѣнѣ: «Привѣтствую васъ, мой государь. Императоръ Павелъ умеръ отъ апоплексіи». Александръ шатается. «Ваше величество, дѣло идетъ о безопасности вашей и императорской семьи. Успокойтесь, одѣвайтесь поскорѣе, покажитесь солдатамъ, чтобы ихъ успокоить». Должно, чтобы на разсвѣтъ городъ проснулся съ привѣтствуемымъ криками императоромъ, чтобы совершилась передача короны; чтобы прохожіе читали на стѣнахъ, подписанный новымъ ихъ государемъ манифестъ, призывающій ихъ къ надеждамъ; чтобы они благословляли за это небо и чтобы порядокъ царилъ въ Петербургѣ.

Однако, императрица Марія Ѳеодоровна, внезапно разбуженная m-me Ливень, гувернанткой дѣтей, думаетъ о болѣзни великаго князя Михаила, которому нездоровилось наканунѣ. «Вашъ мужъ умеръ!» говоритъ гувернантка. Тогда, слыша необычайный шумъ во дворцѣ, крики, шаги тяжелыхъ сапогъ, императрица догадывается. Что дастъ ей, это: царствованіе Елисаветы или Екатерины? Или ссылку Анны Леопольдовны? Она бро-

сается, какъ помѣшанная: «Пусть они и меня убьютъ! Я хочу его видѣть!» Приходитъ Паленъ и сообщаетъ ей о смерти отъ апоплексіи. Она отказывается вѣрить этому, она хочетъ видѣть собственными глазами, убѣдиться, что императора не убили, если же онъ умерщвленъ, то мститъ за него. Паленъ загоразиваетъ ей дорогу. Она осыпаетъ его бранью и такъ бѣснуется, что онъ уходитъ. Она бѣжитъ по корридорамъ и комнатамъ, кричащая и рыдающая. Она встрѣчаетъ гренадеръ и говоритъ имъ: «Если больше нѣтъ императора, потому что онъ палъ жертвой измѣнниковъ, то я ваша императрица, я одна ваша законная государыня, идите за мной!» Но она не была, какъ Елисавета, кровью Петра Великаго, она не въ заговорѣ, какъ Екатерина. Гренадеры не подготовлены. Они едва знаютъ ее и скрестивъ штыки, загоразиваютъ ей дорогу. Тогда, видя себя одинокою, она убѣгаетъ къ своей невѣсткѣ, женѣ Александра, тоже нѣмкѣ, которая вовсе не потеряла головы, и которая, не мѣтивъ такъ высоко, не видитъ себя обманутою и не приходитъ въ такое отчаяніе⁷⁾. Такъ она идетъ изъ apartments своего мужа въ apartmentъ своей свекрови, ободряя одного, совѣтуя благоразуміе другому. Но Марія Ѳеодоровна ничего не слушаетъ и «безусловно помѣшанная» продолжаетъ кричать по-нѣмецки: «Я хочу царствовать!»

Бенигсенъ проситъ ее отправиться въ Зимній дворецъ, чтобы присутствовать на торжественномъ принесеніи присяги императоромъ. «Кто императоръ? спрашиваетъ она. Кто назначаетъ императоромъ Александра?» Бенигсенъ отвѣчаетъ: «Голосъ націи». Но черезъ кого говорить этотъ голосъ? Гдѣ его слышно? Императрица не признаетъ своего сына императоромъ. Потомъ, видя, что никто ее не поддерживаетъ, она продолжаетъ: «но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не выяснитъ своего поведенія въ этомъ дѣлѣ». И она упорно отказывается идти къ нему. Тогда возвращается Паленъ и, подъ градомъ упрековъ и угрозъ, цинически объясняетъ истину: онъ все знаетъ, все одобрилъ, такъ какъ все было сдѣлано для спасенія имперіи и династіи. Императрица продолжала бушевать; онъ оставилъ ее Бенигсену, который, совершенно закрывъ дверь, наставляетъ ее: онъ не поведетъ ее къ покойнику, пока она не будетъ лучше владѣть собою. «Madame, не играйте комедіи!» Потомъ въ семь часовъ утра, когда по его мнѣнію «сцена» окончилась, онъ ведетъ ее, съ молодой императрицей Елисаветой, къ смертному одру Павла. Тогда она задыхающаяся заливается рыданіями, и издаетъ какія-то «странныя завыванія». Истинными кровавыми слезами были здѣсь слезы досады и разочарованія въ

⁷⁾ Lettre de l'impératrice Élisabeth à sa mère. По словамъ Ливена, ей должны были пустить кровь. Schiemann.

честолюбивых надеждах: повиноваться сыну, послѣ того какъ раньше дрожала передъ отцомъ; быть забытой вдовой, послѣ того какъ была одинокой супругой; терпѣть еще отъ грубой и разношерстной постыдной толпы убійцъ! «Это было, рассказываетъ Бенитсенъ, въ достаточной степени владѣющій собой, чтобы слѣдить за игрой актеровъ, и хотя грубый солдатъ, но тонкій любитель трагедіи,—это было настоящей театральной сценой».

Въ полутемное мартовское утро, въ церкви Зимняго дворца собралась эта терзающаяся семья, этотъ разстроенный дворъ, это скорбящее духовенство: Александръ небрежно одѣтый, съ растрѣпанными волосами, съ красными отъ слезъ глазами, блѣдный, страдающій головокруженіемъ, среди поповъ, которые призывали благословеніе неба на его вступленіе на престолъ, и убійцъ своего отца, которые стояли во кругъ него, какъ-бы напоминая о томъ, какими уловками и какими руками Богъ сдѣлалъ его императоромъ.

Онъ присутствовалъ на богослуженіи, совершавшемся для успокоенія скорбящей души, которая въ продолженіи сорока шести лѣтъ волновала смертное существо царя Павла.

Только въ одиннадцать часовъ императрица-мать позволила своему сыну «предстать передъ ней». Какъ встрѣтились они? Она плачущая, строгая, доносящая, кричащая о мщеніи; онъ истощенный усиліями надъ собою, и уничтоженный угрызениями совѣсти, отчаяніемъ, неспособный произнести слово, думать о чемъ бы то ни было.¹⁾ Ихъ видѣли мелькомъ. Исторія должна предоставить поэтамъ отгадать предметъ ихъ разговора. Одинъ единственный фактъ можетъ намъ открыть его: съ этого дня Марія Теодоровна возымѣла надъ своимъ сыномъ необычайную власть. Александръ боялся ея и благоговѣлъ передъ ней, и о какомъ бы актѣ его жизни, о какой бы государственной мѣрѣ она не потребовала отъ него отчета, онъ всегда по отношенію къ ней такъ держалъ себя, какъ человѣкъ, душевныя тайны котораго заставляютъ его оправдываться. «Очень трогательное чувство искупленія и долга», сказала одна женщина тонкой души, придворная и государственная дама, очень опытная, въ дѣлѣ душевныхъ страстей, графиня Ливень.

Молва о перемѣнѣ царствованія распространилась по городу. Дворъ былъ потрясенъ и вздохнулъ свободнѣе. Публика чувствовала только облегченіе. Это было «всеобщее празднество, не оставлявшее мѣста никакому сожалѣнію, никакому размышленію», на улицахъ нескрываемая радость, радость жизни и пробужденія отъ страшнаго кошмара, радость Парижа

¹⁾ Voir dans Saint-Simon, l'appareil des grands morts.

10 термидора. «Ура! Поздравляю! У насъ новый императоръ! Какъ въ Пасху говорили: «Христосъ воскресъ!»—«Обнимались, какъ въ свѣтлый праздникъ. — Настоящее воскресеніе для Россіи». Толпа бѣжала ко дворцу. Солдаты дефилировали въ парадной формѣ, съ барабанами, съ музыкой, съ развернутыми знаменами, чтобы привѣтствовать императора. Зловѣщая ночь прошла. Величественное солнце встало на небѣ, и западъ поднялся надъ торжественнымъ шествіемъ официальной радости. Александръ показалъ себя здѣсь неподобнымъ артистомъ, какимъ онъ долженъ былъ быть всю жизнь свою, самымъ большимъ фаталистомъ изъ людей, когда фатальность склонялась къ его пользѣ, самымъ гибкимъ и самымъ обворожительнымъ въ своихъ метаморфозахъ. Только что «уничтоженный» передъ обезображенными смертными останками своего отца, теперь онъ сіяетъ радостью передъ окружающимъ его народомъ, потому что чувствуетъ себя «идоломъ всѣхъ этихъ жаждущихъ счастья».

«Случилось то, чего со страхомъ ожидали давно... Я дышу свободно вмѣстѣ съ цѣлою Россіей», писала новая императрица Елисавета. Въ полдень, сенатъ, сановники, дворъ, военные и гражданскіе чины созваны для присяги. «Молодой императоръ — ему было двадцать три года — появился, рассказываетъ одинъ очевидецъ, сопровождаемый молодой императрицей Елисаветой, въ ту пору столь красивой и столь милой, полной въ высшей степени граціознаго достоинства, одѣтой въ простое бѣлое кисейное платье, безъ всякихъ головныхъ украшеній, только дивные, бѣлокурые локоны волновались вокругъ ея шеи... Императоръ тоже былъ хорошъ собою. Онъ блисталъ молодостью и *тою ясностью*, которая составляла отличительную черту его физіономіи и его характера... Въ успѣхъ дефилируютъ и кланяются. Александръ принимаетъ шумно присягающихъ, которые стекаются къ нему безъ различія ранга, безъ церемоніала, въ безпорядкѣ, слѣдующемъ за всѣми революціями, совершающимися во дворцахъ, въ собраніяхъ или на публичныхъ площадяхъ¹⁾.

Марія Теодоровна не забыла. Двадцать четыре года спустя, она отпраивлась на похороны своего сына Александра. Когда она проходила мимо Михайловскаго дворца, то слышали, какъ она сказала своей невесткѣ, Александрѣ Прусской, женѣ новаго императора, Николаю: «Александръ никогда не умѣлъ наказывать убійцъ своего отца; надѣюсь, что Николай сдѣлаетъ это!»²⁾.

¹⁾ Вечеромъ во всемъ городѣ пили шампанское. Одинъ вѣрный торговецъ — и не изъ самыхъ крупныхъ — продалъ вина на 60.000 рублей. Угощеніе шло во всѣхъ ресторанахъ. Донесеніе Вельяминова-Семенова. Schiemann.

²⁾ Notice du Prince Lobanof. — Schiemann.

III.

Убийцы цинично хвастались своимъ злодѣяніемъ; каждый хотѣлъ увѣрить, что именно онъ нанесъ роковой ударъ,—затянулъ шарфъ. И въ публикѣ каждый тщеславился своимъ знакомствомъ съ этимъ героемъ, тѣмъ что пожималъ его благородную руку! И все это пазивалось à la Дидеро, à la Jean-Jacques. «Я раздѣляю, дорогой дядя, и ваше изумленіе и вашу радость, писалъ молодой Воронцовъ посланнику въ Лондонъ... Наконецъ, наше отечество освободилось отъ невыносимаго ига, подъ которымъ оно страдало четыре года... Тюрьмы, пытки, проскрипціи разсыпались какъ призраки... Онъ уступаютъ мѣсто надеждѣ на благосостояніе націи и частную безопасность, благо, о которомъ не позволительно было думать...»

Александръ не зналъ еще и старался не знать, насколько могъ, имена тѣхъ, которые подняли руки на «священное величество». Не чувствуя себя въ силахъ наказать, онъ терпѣлъ ихъ. Паленъ принялъ управленіе дѣлами. Панинъ былъ возвращенъ. Эволюція въ политикѣ казалась неизбежнымъ слѣдствіемъ переменъ царствованія. Паленъ не былъ принципиальнымъ врагомъ Франціи, но Панинъ, но Зубовы показывали себя англичанами. Смерть Павла подкладывала мину подъ лигу нейтральныхъ и разрывала французскій союзъ. Курьеры отправились во всѣ столицы. Отправившійся въ Лондонъ повезъ слѣдующее письмо Палена къ Симоу Воронцову ¹⁾: «Смерть Е. В. Императора Павла I, унесеннаго неожиданной апоплексіей, ночью съ 11 на 12 (23—24 марта), поставила на тронъ надежду и любовь націй, августѣйшаго Александра... Нашъ августѣйшій государь, желая видѣть возстановленіе добрыхъ отношеній между двумя странами, конечно, будетъ содѣйствовать этому всѣми средствами, какія онъ найдетъ совмѣстимыми съ самою строгою справедливостію». Курьеръ, отправленный къ Колычеву въ Парижъ 31 марта везъ слѣдующее письмо: «Его Величество желаетъ, чтобы вы во всѣхъ вашихъ разговорахъ съ первымъ консуломъ соблюдали всю вѣжливость, какая обязательна по отношенію къ первому лицу великой державы, не отступая впрочемъ нисколько отъ принциповъ твердости, которые одни могутъ обезпечить желательный успѣхъ довѣренныхъ вамъ переговоровъ». Императоръ требовалъ пересмотра неапольскаго договора, «вынужденнаго» Мюратомъ. «Въ случаѣ отказа или отиѣтовъ уклончивыхъ и длительныхъ, ваше превосходительство удержитесь отъ переговоровъ о чемъ бы то ни было съ французскимъ правительствомъ, до полученія новаго распоряженія».

¹⁾ Martens t. XI p. 8, 25 mars 1801.

Въ Лондонѣ радость вышла изъ границъ, какъ при извѣстіи о неудачѣ французовъ или счастливомъ покушеніи противъ Бонапарта. Въ Неаполь лигованія перешли за «предѣлы приличія». Оставался маленький русскій отрядъ: генераль Бородинъ далъ большой балъ, который былъ торжествомъ для жены англійскаго консула, красавицы, составлявшей, какъ это было извѣстно всѣмъ, счастье русскаго генерала. Вѣнскій дворъ—дворъ традиціи: Императоръ повторилъ молитвы своей бабушки Маріи-Терезіи, которыми она славилъ персть Божій, сказавшійся въ смерти Петра III, отца Павла, пораженнаго, сорокъ лѣтъ тому назадъ, наслѣдственною болѣзнью.

Въ Парижѣ, въ странѣ цареубійствъ, въ Тюильери, лишенномъ королей, царилъ ужасъ и оцѣпененіе. Нѣтъ больше нейтральной лиги, нѣтъ блокады Англии, нѣтъ Египта, нѣтъ Средиземнаго моря! Было покончено съ русской химерой до 1807, до Тильзитскаго парона, который былъ театральною декорацией, палочками, плывущими по теченію рѣки. «Онъ издалъ крикъ отчаянія, сообщаетъ пруссакъ Луккезини, у него сейчасъ явилась идея, что смерть не была естественна, что ударъ нанесенъ со стороны Англии. Онъ считаетъ, что потерялъ самую сильную поддержку противъ нея, думая пойти въ Павла то, что Фридрихъ II нанесъ въ Петръ III». «Англичане не попали въ меня 3-го ливоза, закричалъ онъ, но они не промахнулись въ меня въ Петербургѣ». *Moniteur* возвѣтилъ новостъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Павелъ I умеръ ночью съ 24 на 25 ²⁾; англійская эскадра прошла черезъ Зундъ 31. История объяснитъ намъ отношеніе, могущее быть между этими двумя событіями». Вѣрилъ ли онъ въ это? Его преслѣдовала идея заговоровъ, которые будто бы задумывались въ Лондонѣ. Онъ чувствовалъ себя окруженнымъ убійцами. Смерть этого самодержца, въ императорскомъ дворцѣ, среди своихъ гвардейцевъ, вызвала въ немъ зловѣщее видѣніе участи, которую ему назначала вся Европа: онъ видѣлъ безсиліе своей полиціи, слабость своей власти. 12 Апрѣля Талейранъ принесъ ему извѣстіе о покушеніи въ Петербургѣ; 16-го онъ узналъ о покушеніи въ Копенгагенѣ ³⁾.

Онъ скоро овладѣлъ собою и измѣнилъ всѣ свои планы. Россія дѣлалась нейтральною между Англіею и Франціей. Ему предстояло всего опасаться, въ Египтѣ, отъ экспедиціи англичанъ. Экспедиція въ Португалію, вяло веденная Годомъ, могла перейти въ маленькую войну. Она оказалась бы совсѣмъ занозавшей и неудачной, безъ серьезнаго вмѣшательства въ нее Франціи. Тогда ему казалось, что въ его интересѣ за-

²⁾ Ошибка: съ 23 на 24.

³⁾ 2 Апрѣля 1801. Уничтоженіе датскаго флота въ Зундѣ.

ключить съ англичанами, какъ можно скорѣе и въ наилучшихъ условіяхъ, перемиріе, которое остановило бы ихъ флоты въ Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ. Онъ воспользовался бы нападеніемъ Пята, желаніемъ мира, которое замѣчалось въ Лондонѣ, далъ бы Франціи иллюзію общаго мира. Не имѣя возможности одолѣть Англію и возмѣстить Франціи паденіе ея соперницы, ему нельзя было бы, безъ вреда для своей популярности, отказаться отъ переговоровъ о мирѣ, котораго желали, требовали на обоихъ берегахъ Ламанша. правда, при условіяхъ довольно трудно примиримыхъ, но противорѣчіе которыхъ народы замѣтили бы только благодаря послѣдствіямъ самого трактата.

Долго ли продолжался бы этотъ миръ? Во всякомъ случаѣ, чтобы имѣть лучший миръ и чтобы сохранить его дольше, онъ считалъ необходимымъ, даже до начала переговоровъ, занять наступательныя позиціи, защищающія проходы; запасться не только тѣмъ, что онъ желалъ сохранить, но также землями, годными для обмѣна во время дипломатическаго торга. Короче: онъ собственными руками добылъ тѣ громадныя средства вліянія, которыхъ онъ ожидалъ отъ русскаго союза. Такъ какъ союзъ уничтоженъ, то слѣдуетъ замѣнить этотъ громадный контрфорсъ болѣе широкими и глубокими учрежденіями французскаго могущества: окружить республику цѣлой системой бастионовъ, мостовъ, баррикадъ и налсадъ, цѣлымъ лѣсомъ сооружений, поддерживающихъ зданіе, чтобы сдѣлать республику грозною и неприступною.

Гарантированная такимъ образомъ отъ возврата наступательной коалиціи, она могла бы вести переговоры на основаніяхъ *uti possidetis* и принудить Англію выбирать между безпощадной войной и признаніемъ совершившагося факта.

13 апрѣля, на другой день послѣ того, какъ онъ узналъ о смерти Павла, онъ рѣшилъ присоединить Пьемонтъ. Онъ взялъ одно постановленіе, помѣтивъ его заднимъ числомъ до 2 апрѣля, чтобы оно не носило на себѣ отпечатка обстоятельствъ, и на немъ изложилъ правила объ управленіи этой страной: онъ раздѣлилъ ее на военныя субъ-дивизіи, изъ которыхъ каждая составляла префектуру; ввелъ законы вантоза IX года объ организаціи гражданской юстиціи во Франціи; послалъ туда генеральныхъ казначеевъ, сборщиковъ податей, агентовъ имущественныхъ и регистратурныхъ. Журданъ, командовавшій оккупационнымъ корпусомъ, былъ назначенъ генеральнымъ администраторомъ. «Сообщите ему, писалъ Бонапартъ Таллейрану 13 апрѣля, что эта организація есть первый шагъ къ объединенію, но не окончательный; что, стало быть, онъ долженъ вести себя въ этомъ случаѣ съ величайшею осторожностію... Пусть онъ пришлетъ мнѣ людей съ титулами пьемонтскихъ нотаблей...

Эти депутаты могли бы дать правительству свѣдѣнія, необходимыя для окончанія полнаго присоединенія страны».

Онъ далъ знать сардинскимъ агентамъ, что онъ не станетъ высказывать никакихъ предложеній, пока порты острова не будутъ закрыты для англичанъ, и ожидалъ, какіе шаги будутъ предписаны Колычеву новымъ царемъ.

Эти мѣры, бывшія прямымъ слѣдствіемъ смерти Павла, бросаютъ свѣтъ на фонъ переговоровъ, которые велись какъ съ Англіей, такъ и съ Россіей. Онъ позволяютъ понять, какъ былъ заключенъ миръ и какъ онъ былъ заключенъ единственно для того, чтобы быть нарушеннымъ.

КНИГА II. Амьенскій миръ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Лондонскія прелиминарныя статьи 1801 г.

I.

Бонапартъ зналъ Александра только издали. (Узнавъ о злодѣянн, онъ былъ склоненъ подозрѣвать въ немъ его участіе, по крайней мѣрѣ молчаливое). Идеологъ, мечтатель, орудіе англичанъ, — вотъ что онъ видѣлъ въ новомъ царѣ. Видя его окруженнымъ людьми 23 марта, онъ чувствовалъ къ нему мало уваженія и еще меньше довѣрія. Онъ попытался позондировать его и отправилъ къ нему Дюрока, котораго считалъ проницательнымъ, и снабдилъ его частнымъ письмомъ. Дюрокъ долженъ былъ проѣхать черезъ Пруссію. «Какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ вы будете такъ говорить о Египтѣ, какъ если бы мы были увѣрены во владѣніи имъ;... объ экспедиціи англичанъ какъ о неудачной, всегда прибавляя, что если бы она удалась, то это было бы большимъ несчастьемъ для континентальной Европы; о Екатеринѣ II, какъ о государынѣ, которая предвидѣла паденіе турецкой имперіи и которая чувствовала, что успѣхъ русской торговли возможенъ только въ томъ случаѣ, если она будетъ идти черезъ Югъ». Дюрокъ будетъ торопить съ заключеніемъ міра; покажетъ себя очень увѣреннымъ въ цѣлости Неаполитанскаго королевства; наоборотъ выскажетъ недовольство королемъ сардинскимъ, который позволяетъ англичанамъ запасаться провіантомъ въ Кагліари: онъ де ведетъ себя очень дурно «и французское правительство не можетъ любить выходцевъ съ того свѣта ¹⁾».

¹⁾ Instructions à Daroc, 24 avril 1801.—Tratchewsky.—Tatistchef, Alexandre I et Napoléon.

Въ то время какъ Дюрокъ ѣхалъ на почтовыхъ по Германіи, въ Парижѣ все ухуждается, отношенія становятся натянутыми. Колычевъ чувствуетъ, что теперь его слушаютъ и поддерживаютъ въ Петербургѣ. Онъ посылаетъ Таллейрану высококомѣрную ноту, въ которой воспроизводитъ выраженія инструкцій 31 марта относительно мира «вынужденнаго» въ Неаполѣ. Это уже тонъ нотъ 1805 года. Бонапартъ горячится, угрожаетъ отослать Колычева. Этотъ дипломатъ, съ своей стороны, приближаетъ дѣло къ разрыву. Онъ писалъ царю, 27 апрѣля: «Вся Европа заинтересована въ томъ, чтобы вырвать у Франціи власть надъ Италіей» ²⁾. Онъ получаетъ подробную инструкцію, 28 апрѣля. Александръ набрасываетъ въ ней роль, которую нарисуетъ себѣ въ 1804 году, и которую сыграетъ въ 1814 году, — роль регулятора европейскаго міра. Никакого прямого, личнаго интереса вести переговоры съ Франціей, — это миръ общій, и онъ пламенно желаетъ быть его посредникомъ. «Для меня въ высшей степени важно, чтобы дальѣйшіе переговоры... вели къ твердымъ принципамъ, и чтобы въ возстановленіи принцевъ, лишенныхъ владѣній, а равно и въ вознагражденіи государей, потерпѣвшихъ ущербъ, мѣры благоразумія и справедливости согласовались такимъ образомъ, чтобы возстановленное равновѣсіе представляло взаимныя гарантіи и обезпечивало спокойствіе Европы». Для своего посредничества въ Германіи онъ ссылается на прецеденты Тешена, для своего посредничества въ Италіи — на гарантіи, данныя имъ королю сардинскому и королю неаполитанскому. Онъ вмѣшается не какъ другъ, еще меньше изъ угодливости, а какъ «уполномоченный отъ Европы», т. е. какъ противникъ. И пусть Бонапартъ не обманывается: «Запятіе французами Египта, упорство, выраженное ими въ желаніи удержаться въ этомъ завоеваніи, показываютъ мнѣ... неисчерпаемый источникъ трудностей и противорѣчій».

По Германіи остается у ногъ Бонапарта. Это значитъ, что приближается часъ большого раздѣла. Все, что жадничаетъ, что надѣется на какую нибудь выгоду, посылаетъ если нужно и въ Парижъ посланцевъ, требуетъ, покупаетъ и «рекомендуется», какъ въ феодальное время. Нѣмцы знаютъ, что Александръ вмѣшается только въ интересахъ имперіи, что ихъ интересуетъ меньше всего, чтобы урѣзывать доли, поддерживать конституцію, и «предупредить», какъ говорилъ онъ, Пруссію въ замыслахъ ея захватахъ ³⁾.

²⁾ Note de Kolytchef à Talleyrand, 26 avril; rapports de Spina et de Cobenzl, 27 avril, 19 mai 1801.

³⁾ Instruction à Kolytchef, 28 avril 1801.

Пруссакъ, не боясь болѣе французско-русскаго союза, возмѣвъ опять надежду на Петербургъ, обнаруживаютъ менѣе готовности «узурпировать» Ганноверъ. Если Бонапартъ и воодушевляетъ ихъ на это, то съ цѣлю не столько же урѣзать ихъ вознагражденія въ Вестфаліи, а также и еще болѣе для того, чтобы поссорить ихъ навсегда съ Англіей и принудить ихъ къ тому французскому союзу, который они отталкиваютъ вотъ уже шесть лѣтъ. Луккезини поддерживаетъ въ нихъ недовѣріе. Онъ изображаетъ имъ Бонапарта какъ сконцентрированную Директорію, онъ знаетъ чего хочетъ, дѣлаетъ это, но всегда желаетъ одного и того же: «Внѣшняя политика ничего не измѣнила въ его честолюбивыхъ планахъ и въ его деспотическихъ отношеніяхъ». Если проектируемая экспедиція противъ Англіи не удастся, то возобновится всеобщая война за главенство надъ Голландіей, Швейцаріей и Италіей. Первый консулъ никого не слушаетъ и всѣхъ приводитъ въ раздраженіе. Таллейранъ, Комбасересъ, Шапталъ, Бертье наперерывъ жалуются, что съ каждымъ днемъ онъ становится нелюдимѣе, подозрительнѣе, недоступнѣе. «Онъ хочетъ быть Карломъ Великимъ», говоритъ Синна. Таллейранъ и его друзья оспариваютъ то мнѣніе перваго консула, что счастье Франціи можетъ быть обезпечено только нападеніемъ на Англію и подчиненіемъ Италіи. Они утверждаютъ, что существуетъ партія мира, очень многочисленная. Въ ней есть «друзья Англіи», а также и «друзья Пруссіи», классическіе партизаны прусскаго союза, который одинъ только, говорятъ они, даетъ «перспективу прочной устоячивости, благодаря почти единодушному чувству націи, которая со всѣхъ сторонъ требуетъ его». Бонапартъ теряетъ популярность. «Онъ сохраняетъ свою власть единственно благодаря силѣ и строгости». И Луккезини дѣлаетъ заключеніе: «Если бы онъ упрочилъ миръ континента сдѣлками, выгодными для всѣхъ заинтересованныхъ государствъ; и если бы отказавшись отъ власти надъ Италіей, отъ протектората надъ Швейцаріей и Голландіей, онъ принудилъ Англію къ морскому миру, то онъ сталъ бы идоломъ своей страны. Жаль, что никто не имѣлъ ни авторитета, ни смѣлости сказать ему это». Но тѣ, кто такъ думаетъ, говорятъ объ этомъ иностранцамъ, и эта идея обѣгаетъ Европу, въ которой вѣрятъ, что только Бонапартъ препятствуетъ такому миру, какого желала бы Европа, тогда какъ рикошетомъ, въ Парижѣ, у недовольныхъ, безпокойныхъ, философовъ съ одной стороны и у дѣльцовъ съ другой укрѣпляется идея, что если бы Бонапартъ исчезъ, то ничего не было бы легче, какъ получить отъ Европы такой миръ, какого они желаютъ для Франціи ⁴⁾.

⁴⁾ Rapports de Lucchesini. mai, juin, juillet 1801, Baillet. Comp. dans Tratchewsky, t. I, les rapports de Kolytchef, notamment p. 151—154—185—

Итакъ, предупрежденные пруссаки не окажутъ довѣрія. Ганноверъ, который Бонапартъ предлагаетъ имъ подъ условіемъ, чтобы Германія была закрыта для англичанъ, они желаютъ получить отъ самихъ же англичанъ, и если они временно оберегаютъ его, то не для того, чтобы ввести его въ коалицію, а чтобы нейтрализовать его. Пока что, они имѣютъ свой договоръ ⁵⁾ и они обезпечатъ себѣ предварительное вознагражденіе епископствами и аббатствами. Они успокаиваютъ на счетъ прусскихъ расширеній въ Германіи и вообще на счетъ секуляризацій. Республика дѣлаетъ ихъ, но имперія воспользуется ими противъ республики. Это заявляетъ Гаугвицъ: «Установленіе нѣсколькихъ большихъ государствъ въ Германіи есть единственный оплотъ, который можно противопоставить главенству Франціи и ея страсти къ разрушенію».

Бонапартъ былъ не такой человекъ, чтобы Гаугвицъ могъ поймать его въ свои сѣти, или чтобы парижскіе партизаны прусскаго мира могли обмануть его своими разсужденіями. Поведеніе Луккезини очень не пришлось ему, и онъ далъ это понять въ Берлигѣ:

«Его сношенія съ англичанами, предполагаемые не безъ основанія, дѣлаютъ его мало пріятнымъ французскому правительству». Рѣчи, которыя онъ приписываетъ министрамъ, Комбасересу, Бертье, появлялись въ лондонской корреспонденціи; Отто слышалъ ихъ изъ устъ Гевкесбюри. Этотъ лордъ вопиющимъ чувствомъ перваго консула противопоставлялъ инсинуаціи, «что окружающія его лица желаютъ мира». Бонапартъ отвѣтилъ, что кабинетъ былъ *одинъ*, что онъ желалъ мира, по основаннаго на морскомъ равновѣсіи. Въ свою очередь онъ инсинуировалъ, что англійское правительство «не должно очень надѣяться на помощь нѣсколькихъ убійцъ, которые могли бы дѣйствовать внутри страны, подстрекаемые Англіей». Онъ требовалъ изгнанія ихъ: «Англичане и французы, хотя и находятся въ войнѣ, но развѣ поэтому стали менѣе цивилизованными, менѣе европейцами» ⁶⁾? Въ заключеніе онъ говоритъ, что готовъ вести переговоры по меньшей мѣрѣ о перемиріи, которое дало бы иллюзію Франціи и позволило бы окончить организацію республики, упрочить правительство, поднять финансы, возстановить индустрію и торговлю.

186.—Rapports de Spina, 3 mai 1801. Boulay de la Meurthe. Voir Pindaud, p. 246. Другъ д'Антрэга очень хвалитъ Луккезини, единственнаго изъ дипломатовъ, который обнаруживаетъ «нѣкоторое искусство и пониманіе вещей». Между всѣми этими корреспонденціями существуетъ нѣкоторое соотношеніе, показывающее, что объясненія шли изъ общихъ источниковъ, и даже отъ однихъ и тѣхъ же знакомыхъ.

⁵⁾ Celui du 5 août 1796. Cf. t. v, 103.

⁶⁾ A Talleyrand, 12 avril, 23, 28 mai, 1 juin 1801.

Россия оспаривает у него главенство надъ Германіей и Италіей, желаетъ удалить его изъ Египта; Пруссія только и мечтаетъ о томъ, чтобы заставить его заплатить ей съ лихвой за очень подозрительный нейтралитетъ; Австрія думаетъ какъ бы обойти и урѣзать Люневильскій трактатъ, подвинуться къ Легатіямъ, взять назадъ Тоскану. Бонапартъ отказывается въ Легатіяхъ. «Я никогда не отдамъ Тосканы, заявляетъ онъ Кобенцию. Это значило бы отдать англичанамъ Ливорно!» — «То есть, вставляетъ Кобенцль, — вы желаете держать Римъ и Неаполь въ полной зависимости? Я спрашиваю васъ, будетъ ли остальная Европа смотрѣть на это индифферентно? ⁷⁾» Бонапартъ спрашиваетъ самъ себя: Не лучше ли столкнуться прямо съ Англіей? Послѣ этого, что для нея значило бы оппозиція континента? Она смотрѣла бы на нее «равнодушно».

Но англичане были мало расположены слушать его. Они получили хорошія извѣстія изъ Египта: Турки перешли Суэцъ въ числѣ 30,000 человекъ; высадилось 6,000 албанцевъ; Мелу блокированъ въ Александріи съ войскомъ, уменьшившимся до 8,000 человекъ, стиснутый, съ неизбежной впереди капитуляціей. Съ другой стороны совершилось примиреніе съ Россіей. Вопреки Палену, вліяніе Панина беретъ перевѣсъ, а Панинъ весь англичанинъ. Александръ находится подъ обаяніемъ Симона Воронцова, своего посланника въ Лондонъ, англоманія котораго доходитъ до враждебности нейтральнымъ. Наученный своими совѣтниками, онъ готовъ отказаться отъ Лиги, если только Англія соблюдетъ формальность. Она не имѣетъ желанія противиться этому. Александръ требуетъ нѣсколько высокомѣрно, удаленія Балтійской экспедиціи, угрожавшей Кронштадту. Нельсонъ останавливается. Александръ тотчасъ приглашаетъ его въ Петербургъ. Запрещеніе на англійскіе корабли снято. Дѣлая это, Александръ повинуется желаніямъ знати, готовый платить за свое радостное вступленіе на престолъ, сдѣлаться популярнымъ. «Что касается нейтралитета, писалъ Панинъ 18 апрѣля, то въ немъ мы заинтересованы меньше всего». Россия отказывается отъ принципа, что флагъ покрываетъ товаръ и признаетъ за англичанами право осматривать русскіе торговые корабли. Англія въ благодарность за это соглашается допустить Швецію и Данію къ участию въ выгодахъ этого новаго морского права. Соглашеніе подписано 17 іюня въ Петербургъ, и немного послѣ, 24 іюня, Александръ приглашаетъ прусскаго короля согласиться на него. *Нейтральная Лига* продолжалась четыре мѣсяца, четыре зимнихъ мѣсяца, въ продолженіи которыхъ она была совершенно бесполезна ⁸⁾.

⁷⁾ Rapport de Cobenzl, 19 mai 1801. Conversations des 12 et 14 mai. Boulay de la Meurthe.

⁸⁾ Martens, Russie, t. XI. Lettres de Woronzof. Bernhardt.

Александръ, еще очень неувѣренный въ себѣ, ошеломленный своимъ вступленіемъ на престолъ, колеблющійся между своими очень туманными мечтами и очень точными совѣтами своихъ министровъ, склоняется въ сторону Англіи больше подъ ихъ вліяніемъ, нежели по собственному влеченію. Ему остается только слѣдовать своимъ внутреннимъ склонностямъ, отдаться своему настроенію и бродящему въ немъ тщеславію, чтобы отдалиться отъ Франціи. Между Бонапартомъ и имъ это личный вопросъ, соперничество молодого человека, инстинктивное отвращеніе къ этому корсиканцу, который заполняетъ собою сцену, беретъ верхъ надъ принципами крови, мѣшаетъ ихъ карьерѣ и узурпируетъ мѣсто, которое Екатерина Великая назначала для своего внука. Что касается Франціи, то если у него отъ первыхъ мечтаній, отъ *приключеній Телламака*, отъ путешествій въ Утопію, куда его водилъ его воспитатель, Лозанскій педагогъ ⁹⁾, «добродѣтельный» и многорѣчивый Ла-Гарпъ, если отъ всего этого и осталась нѣкоторая снисходительность къ республикѣ, то она чисто формальная, литературная и метафорическая; до и относится она къ Франціи идеальной, согласно идеямъ Швейцарскаго философа, къ Франціи благородной, но слабой; великодушной, но заключенной въ свои старыя границы; своими принципами вызывающей удивленіе въ народахъ, а своею умѣренностію дающей безопасность государямъ; Франціи безъ честолюбія, безъ завоеваній, безъ якобинцевъ и безъ консуловъ; которая своими демократическими добродѣтелями и своею республиканскою скромностію до нѣкоторой степени нейтрализуетъ страшную пружину древней монархіи. Въ такой формѣ она ему нравится, онъ готовъ удивляться ей, терпѣть ее, даже покровительствовать ей и гарантировать ея вольности, для общаго мира, для украшенія вѣка, для спокойствія Европы и русскаго главенства надъ старымъ міромъ.

Это тайное желаніе всѣхъ добрыхъ французовъ, утверждаютъ парижскія корреспонденціи дипломатовъ и тайныхъ агентовъ. Избытокъ силъ, приписываемый консулу, есть кажущійся. Франція беспокоится и мучится этимъ. Бонапартъ жестокъ и запальчивъ; онъ хорошій генералъ и очень посредственный администраторъ; нѣтъ въ немъ никакого послѣдовательнаго плана, онъ всегда ожидаетъ событій. «Его честолюбіе такъ же безмѣрно, какъ кажутся безсвязны въ политикѣ его планы». Желаютъ мира, и эта надежда, которая подняла Бонапарта на вершину его величія, будучи обманута, — начинаетъ разрушать его власть: между якобинцами онъ имѣетъ непримиримыхъ враговъ и не можетъ разсчитывать на вѣхъ генераловъ ¹⁰⁾.

⁹⁾ Объ этой личности, которую видятъ во время первыхъ шаговъ Александра и въ его апогее въ 1814 г. см. интересные мемуары de Moriollès.

¹⁰⁾ Донесенія Колычева, май, іюнь 1801.

Такъ рисовались республика и ея консулъ воображенію этого двадцати-трехъ лѣтняго императора, спѣшащаго смыть пятно своего восшествія на престолъ справедливостью своихъ поступковъ, величіемъ своей политики, спѣшащаго вырваться отъ муки совѣсти, становясь тѣмъ, въ чемъ онъ видѣлъ свое предназначеніе,—утѣшеніемъ Европы, очищенной отъ грязи революціи. Вотъ въ какомъ настроеніи принялъ онъ Дюрока и дебютировалъ въ той роли, которая дѣлала изъ него самого очаровательнаго и обаятельнаго политическаго артиста его времени, утонченнаго актера, который придумывалъ свою роль въ экзальтаціи, развивалъ ее мечтая, и игралъ ее съ наслажденіемъ: самодовольный энтузіастъ, кокетничавшій оболетатель, надменный обманщикъ, находившій высшую радость въ томъ, чтобы править людьми, очаровывая ихъ. Комедію, начатую съ Дюрокомъ, онъ будетъ продолжать съ Коленкуркомъ, и все съ большею топкостью до самой развязки, въ Парижѣ въ отелѣ Saint-Florentin и въ Елисейскомъ дворцѣ когда онъ возвратилъ Бурбонамъ ихъ корону, а французамъ свободу! Онъ выказывалъ себя восхищеннымъ по поводу того, что увидѣлъ, наконецъ, француза знаменитой революціи. Онъ разсматривалъ его съ удивленіемъ, съ интересомъ; онъ доставилъ себѣ большое удовольствіе, разговаривая съ нимъ назвавъ его *гражданиномъ*¹¹⁾. Но онъ далъ ему понять, что онъ не послужитъ Бонапарту ни въ Средиземномъ морѣ, ни въ Италіи. Дюрокъ не повѣрилъ ни титулу *гражданина*, ни республиканской риторикѣ Александра. Онъ хорошо распозналъ враждебность, прикрытую гирляндами словъ. «Мой покойный отецъ требовалъ эвакуаціи Египта, сказали императоръ. Конечно, я думаю, что французы не пожелаютъ этого сдѣлать... Моимъ всегдашнимъ желаніемъ было видѣть его въ рукахъ французовъ... Но, прибавилъ онъ, если на бѣду, англичане, потерявъ терпѣніе, овладѣли бы имъ для себя, то я охотно бы присоединился къ европейскимъ державамъ, чтобы заставить англичанъ оставить Египетъ, возвратитъ его туркамъ...» Онъ признавалъ ошибки короля Сардинскаго, необходимость войны съ Неаполемъ, но онъ требовалъ осторожности. «Я всегда желалъ видѣть Францію и Россію друзьями; это двѣ великія и могущественныя націи... которыя должны столковаться, чтобы прекратить маленькія несогласія на континентѣ. — Я говорю вамъ откровенно. Скажите это отъ меня первому консулу; но будьте осторожны. Даже нѣтъ необходимости говорить министру. Не пользуйтесь почтой: ваши письма пройдутъ черезъ множество рукъ. Скажите ему также, что я дорожу его славой, и что не

¹¹⁾ Mémoires de Czartorysky, t. I, chap. IX.—Rapports de Duroc, 26 mai juin 1801.

нужно, чтобы думали о немъ, что онъ памфлетъ нанаситъ... Я не хочу ничего для себя, я только желаю способствовать спокойствію Европы».

Это уже Александръ во весь ростъ, Александръ Тильзита и Эрфурта. Въ то самое время, когда онъ говоритъ эти рѣчи Дюроку, онъ увольняетъ Палена, единственнаго изъ своихъ министровъ, который вовсе не считался враждебнымъ Франціи. Онъ отзываетъ Колычева, который ему кажется не достаточно свободнымъ, и замѣняетъ его Марковымъ, бывшимъ екатерининскимъ министромъ, человѣкомъ раздѣла Польши, который имѣлъ славу самаго коварнаго изъ русскихъ дипломатовъ, считался самымъ умнымъ и не поддающимся вліянію. Данныя имъ¹²⁾ ему инструкціи—ничто иное какъ длинный выговоръ по адресу Бонапарта: онъ говоритъ только о разногласіяхъ, показываютъ непрочность мира, который скоро будетъ заключенъ, въ нихъ сказываются всѣ причины разрыва 1804 года.

Парижскіе переговоры «самые важные» въ свѣтѣ: дѣло касается ускоренія окончательнаго мира Европы. Если первый консулъ будетъ увлеченъ революціоннымъ потокомъ, то возобновится война, и дипломатія должна будетъ говорить всякія нецѣлости, пока не найдутъ болѣе дѣйствительныхъ средствъ. Если первый консулъ, лучше освѣдомленный, «желаетъ закрыть раны революціи», уважать правительства и равновѣсіе Европы, то сближеніе возможно. Въ царствованіе Павла I Бонапартъ старался лишь о томъ, чтобы втянуть Россію въ войну съ Англіей; теперь онъ, быть можетъ, только хочетъ выиграть время. Царь разсматриваетъ какъ «несчастье» вторженіе въ Португалію, потому что «предлагая французскому правительству новыя ресурсы, и давая новую добычу злему генію революціи» оно опять отдаляетъ «исполненіе желаній человечества». Пусть Египетъ возвратитъ туркамъ, эвакуируютъ Неаполитанское королевство, возстановятъ Сардинскаго короля; пусть къ Вюртембергу будутъ благосклонны и императоръ согласенъ вести переговоры о мирѣ, онъ согласенъ даже вступить въ соглашеніе съ Франціей относительно нѣмецкихъ дѣлъ. Итакъ Александръ вовсе не отказывается отъ мира, но онъ понимаетъ его совсѣмъ обратно Бонапарту. Бонапартъ ищетъ мира, чтобы увеселить французское главенство, Александръ,—чтобы обуздать, уменьшить это главенство и замѣнить его русскимъ. «Изъ набросанной мною картины слѣдуетъ, что общій интересъ и интересъ моей имперіи заставляють меня желать твердаго единенія съ дворами Вѣнскимъ, Лондонскимъ и Берлинскимъ. Два первые, идя на встрѣчу моимъ желаніямъ, повидимому, готовы признать полезность такого союза...» Во всякомъ случаѣ Марковъ, долженъ остерегаться что-нибудь выдать, вызвать

¹²⁾ 9 juillet 1801.

малѣйшее подозрѣніе. «Подозрѣніе новой коалиціи, направленной противъ Франціи, могло бы повести ея правительство къ новымъ насиліямъ... и разжечь войну».

Въ Лондонѣ, гдѣ чувствуютъ, себя ободренными, Гаксбери высокомерно отвѣчаютъ слѣдующимъ ультиматумомъ на предложеніе мира:

Эвакуація Египта и Неаполя, восстановление Ниццы и Пьемонта, возстановленіе Тосканы, независимость Италіи, эвакуація Португаліи. Это война 1798 года, грозящая вновь начаться по тѣмъ же причинамъ: изъ-за невозможности принудить Англію «къ французскому миру», изъ-за желанія извлечь изъ этого мира французское главенство въ Германіи, въ Италіи и господство въ Средиземномъ морѣ, приведшихъ директорію къ экаледиціи въ Египетъ и Неаполь; къ вторженію въ Швейцарію, къ переговорамъ о возстановленіи Германіи, и къ тому, что поставило республику на край пропасти. Такъ, раньше общаго мира, который бы былъ подписанъ хоть на одинъ мигъ, дастъ знать о себѣ та страшная борьба, которая закончится только въ 1815 году. Европа согласна на миръ, чтобы опять начать войну. Бонапартъ вторгается, чтобы предупредить коалицію.

Донъ Мануэль Годой велъ португальскую войну сообразно своимъ вкусамъ и талантамъ, какъ балаганный генералъ, силясь копировать Потемкина въ арміи, какъ онъ копировалъ его при дворѣ. Онъ поспѣшилъ окончить дѣло раньше, чѣмъ французскій корпусъ, командуемый Леклеркомъ, могъ явиться и завладѣть Португаліей. 6 Юня, при его посредничествѣ, посланникъ въ Мадридѣ, Люсьенъ Бонапартъ подписалъ въ Бадахосѣ договоръ съ Португаліей: Португальцы должны были закрыть свои порты для англичанъ и заплатить Франціи контрибуцію въ пятнадцать милліоновъ турецкихъ ливровъ, половину деньгами, половину драгоценными камнями. Первымъ движеніемъ Бонапарта былъ гнѣвъ: онъ желалъ гарантіи, три провинціи. Онъ отказывается ратифицировать договоръ, отправляетъ съ войскомъ Леклерка, котораго испанцы встрѣчаютъ какъ врага. Годой пробуетъ гаерствомъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Ставъ соперникомъ Бонапарта, будучи генералиссимусомъ, онъ проситъ его портрета: «Я никогда не пошлю моего портрета челоуѣку, который держитъ въ тюрьмѣ своего предшественника и который прибѣгаетъ къ средствамъ инквизиціи, отвѣчаетъ Бонапартъ. Я могу пользоваться имъ, но я ему ничего не долженъ кромѣ презрѣнія». Люсьенъ пишетъ ему, что королева, чтобы показать ему свою благодарность за королевство Этруріи, данное ея зятю, дошла до того, что одну инфантину положила въ постель консула. «Если бы мнѣ пришлось еще разъ жениться, сказалъ Бонапартъ Вольнею, то уже, конечно, я искалъ бы жену не въ нищей семьѣ».

Потомъ, вслѣдствіе донесеній Леклерка, жалующагося на дурное обращеніе съ его солдатами, вслѣдствіе отказа Годоя разорвать бадахосскій договоръ, онъ приходитъ въ гнѣвъ и слышатся первые громовые раскаты бури 1808 года: «Если этотъ князь, купленный Англіей, склонилъ короля и королеву на мѣры, противныя чести и интересамъ республики, то пробилъ послѣдній часъ испанской монархіи». Экстравангантное и грубое поведеніе князя Мира..., интриги, которыя позволяетъ себѣ этотъ негодяй противъ нашихъ войскъ! Если это будетъ продолжаться, то увидятъ нѣчто неожиданное»¹³⁾. Но у него нѣтъ средствъ добиться своего: нѣтъ Россіи, къ которой онъ пойдетъ въ 1808 году за пропускомъ въ Эрфуртъ. Онъ успокоивается, слушая Таллейрала, который напентываетъ ему: мы можемъ сдѣлать съ Испаніей то же самое, что она сдѣлала съ Португаліей; она пожертвовала интересами своей союзницы; это дастъ намъ право взять себѣ островъ Тринидадъ въ договорныхъ статьяхъ съ Англіей»¹⁴⁾. Бонапарту понравилась мудрость этого совѣта. Кромѣ того, приближеніе Леклерка заставило португальцевъ призадуматься. Они подчинились и подписали въ Мадридѣ договоръ, подтверждавшій закрытіе портовъ для англичанъ, уступившій республикѣ часть Гвинеи и опредѣлявшій военную контрибуцію въ двадцать милліоновъ¹⁵⁾.

Это былъ еще самый вѣрный доходъ французской казны. Одинъ же изъ наиболѣе обильныхъ сборовъ—батавскій—грозилъ изсякнуть. Чтобы помочь расходамъ союза, который разрушилъ ихъ флотъ, погубилъ ихъ колоніи и разорилъ торговлю, батавцы принуждены были сдѣлать обязательный внутренній заемъ на капиталъ. Замѣчалось броженіе въ умахъ. Бонапартъ безсильный уничтожить причины зла, какъ и директорія, былъ принужденъ скрывать его симптомы, и противъ него не было другого средства, кромѣ средства стараго революціоннаго эмпиризма: измѣнить конституцію¹⁶⁾. «Батавія, писалъ изъ Гаги льстивый Семонвиль, приметъ какую угодно конституцію. И дали ей еще одну конституцію съ правительствомъ изъ двѣнадцати членовъ, одного генеральнаго секретаря, четырехъ государственныхъ секретарей, и, для гарантіи политическихъ свободъ, изъ законодательнаго корпуса изъ тридцати пяти членовъ, назначаемыхъ правительствомъ, обновляемаго по третямъ избирателями, вотирующими черезъ да и нѣтъ. Все подчинялось плебисциту, подъ властной заботливостію Ожера. Батавцы показали мало расположенія къ голосованію. Было декретировано, что воздерживающіеся отъ вотума будутъ считаться за

¹³⁾ A Talleyrand, 7, 9 juillet 1801; 15 août 1801.

¹⁴⁾ Talleyrand à Bonapart, 9 juillet 1801.

¹⁵⁾ Traité de Madrid, 29 septembre 1801.

¹⁶⁾ Cf. t. V. 35, 325, 313.

согласныхъ. Утвержденная, такимъ образомъ, конституція была провозглашена 6 октября. Чтобы ободрить батавцевъ и чтобы благопріятствовать новому правительству, Бонапартъ согласился, 29 августа, сократить съ 25000 на 10000 число солдатъ, содержимыхъ Голландіей, впродъ до мира съ Англіей. Въ замѣнъ этого Голландія заплатитъ Франціи 5 милліоновъ флориновъ ¹⁷⁾.

Въ то же время, Бонапартъ довелъ до конца трудное дѣло религіознаго умиротворенія. Конкордаты, подписанный въ Парижѣ 15-го іюля, былъ ратификованъ 10-го сентября ¹⁸⁾, Консалви, завершившій переговоры, не былъ счастливѣе начавшаго ихъ Спины. Святой престолъ ничего не выигралъ, спекулируя на неудачи республики и ожидая ея разгрома, того паденія консулата, которое предсказывали всѣ вѣстовники въ Европѣ и котораго съ нетерпѣніемъ и тоскою ждали всѣ европейскія правительства. Ему пришлось принести большую жертву—обновленіе состава епископата—не добившись крупнаго вознагражденія, т. е. провозглашенія католицизма государственною религіей. Конвенція 15-го іюля констатировала только, что католическая религія «есть вѣроисповѣданіе большинства французскихъ гражданъ» и, что «въ частности и консулы исповѣдываютъ ту-же религію». Этой конвенціей было обусловлено новое распредѣленіе епархій, а также и то, что святой престолъ пригласитъ епископовъ выйти въ отставку и, что въ случаѣ ихъ отказа, приступлено будетъ къ замѣнѣ ихъ другими лицами; новые епископы будутъ назначаться первымъ консуломъ и будутъ получать каноническое утвержденіе отъ папы.

Бонапартъ горѣлъ нетерпѣніемъ обнародовать конкордаты, рассчитывая приобрести, такимъ образомъ, популяриность, чтобы разрушить заговоры ройялистовъ и интриги англичанъ на Западѣ, отнять у англичанъ ихъ главное орудіе дѣйствія во Франціи и ускорить, такимъ образомъ, заключеніе мира. Но онъ встрѣчаетъ препятствія въ самомъ сердцѣ своего правленія, ибо не можетъ объявить конкордаты отдѣльно, а долженъ согласиться внести его въ общій законъ объ организаціи культовъ, гдѣ католическій культъ оказался рядомъ съ культурами протестантскими, впрочемъ и тотъ и другой подчиненные аналогичнымъ регламентамъ и общему наблюденію свѣтской власти. Эти *органическія статьи* ¹⁹⁾, какъ ихъ назовутъ, должны были придать нѣкоторое государственное значеніе сдѣлкѣ заключенной съ Римомъ, чтобы она въ такой формѣ могла быть пред-

¹⁷⁾ De Clercq, t. I, p. 452.—Legrand.

¹⁸⁾ De Clercq, t. I, p. 446.

¹⁹⁾ Loi du 18 germinal an. X.—8 avril 1802.—De Clercq, t. I, p. 533 и слѣдующія страницы.

ставлена собранію, индифферентному къ религіозной свободѣ и всегда относящемуся подозрительно къ папѣ и къ римской церкви. Это была трудная работа и, въ то время,—когда государственный совѣтъ занимался ею, Бонапартъ увидѣлъ необходимость отказаться отъ своихъ плановъ и въ мирѣ съ Англіей искать престижа, который помогъ бы ему потушить въ Парижѣ и въ арміи оппозицію противъ мира съ Римомъ.

Различныя соображенія о дѣлахъ Европы, о внутреннихъ дѣлахъ республики побуждали также торопить англичанъ и очень быстро подписать съ ними перемиріе, непрочное, во всякомъ случаѣ непродолжительное, но которое дало бы достаточное время для окончанія остальнаго: организаціи республики, Германіи и Италіи, главенства консула внутри, главенства Франціи извнѣ.

Отто былъ въ Лондонѣ посредникомъ неофициальнымъ, но онъ имѣлъ необходимыя полномочія для того, чтобы подписать прелиминарныя статьи. 17 сентября Бонапартъ писалъ Таллейрану, что слѣдуетъ заставить англійскихъ министровъ выполнить обязательства. Онъ не соглашался ни на какія уступки. Что касается земель завоеванныхъ Англіей и которыя она пожелало бы сохранить за собою, онъ «не будетъ противиться,—и ничего больше. Такой формулой императоръ уступилъ республикѣ Майницъ, а республика ему Венецію. Было бы абсурдомъ желать, чтобы первый консулъ располагалъ тѣмъ, что ему не принадлежитъ: онъ не поступилъ бы такъ, если бы англійскій флотъ стоялъ у Шалю! «Нужно, писалъ онъ, чтобы прелиминаріи были подписаны въ первую декаду вандеміера—между 23 сентября и 2 октября—или же, чтобы переговоры были прерваны ²⁰⁾».

II.

Англійское министерство соглашалось по аналогичнымъ же мотивамъ и имѣя тѣ же заднія мысли о сдѣлкѣ такого же рода ¹⁾. Бонапартъ принудилъ Португалію закрыть свои порты для англичанъ, но Англія заста-

²⁰⁾ A Talleyrand, 17 septembre 1801.

¹⁾ Correspondances des Affaires étrangères; Correspondance de Napoléon; correspond. publiées par la Société d'histoire de Russie, les Archives Woronzof, m. m. Boulay de la Meurthe, Baillet, Bertrand, Lecastre, Pallen; notes de Malmesbury; recueil de Hansard; Lettres de Whitworth et de Cornwallis; memoires de Thibaudeau. Roederer, Miot, Norvins, Méneval, Gourgand, le roi Joseph, M-me de Staël, Villemain; ouvrages de Lefebvre, Thiers, Michelet, Frédéric Masson, Ducasse, comte de Bray, comte de Martel, Ernouf, Henri Prentout, Léonce Pingaud, Legrand, de Sybel, Oncken, Fournier, de Martens, Brown-Stanhope, Seeley, Green, Mahan, Bernhardt, Roloff, Botta; les études M. M. Philippson, Candrillier, S. Potrel, Buchholz.

вила французскую армию эвакуировать Египет^{*)}. У Булони и на берегах Ла-Манша Бонапарт собрал угрожающий флот, который напрасно старался уничтожить вернувшийся из Балтийского моря Нельсон. Кошмар высадки не разбился. Слѣдовало ли подвергаться риску этой страшной возможности? Затягивая дѣло, Англія давала Бонапарту случай продолжать вездѣ свои вторженія. Она опять сдѣлалась единой владычицей морей, но Франція господствовала на материкѣ: Бонапарт могъ закрыть берега англійской торговли. Война была бы столь же тяжелая какъ и бесполезная. Миръ позволилъ бы возобновить дѣловыя сношенія со всѣмъ свѣтомъ и сейчасъ же завязать политическія сношенія съ континентомъ. Австрія уступила, но соперничала съ Франціей въ Италіи, она жаждала Ломбардіи и Леганій; она трепетала отъ отдачи французамъ важнаго дѣла нѣмецкихъ секуляризацій, которая подорвала бы ея покровительство и вліяніе. Кто знаетъ, не поведетъ ли къ новой неудачѣ, а la Рапштадтъ, этотъ новый Кампо-Форміо? Россія стала явно враждебной: быть можетъ она увлечетъ Пруссію. Наступитъ время, когда Бонапартъ самъ дастъ поводъ для разрыва и для того, чтобы лишить республику ея завоеваній, признанныхъ за нею на короткое время лишь для того, чтобы пайти возможность взять ихъ обратно. Въ ожиданіи событій Англія при помощи нѣкоторыхъ пекунныхъ коммерческихъ конвенцій могла бы заставить Францію отдать нѣкоторую часть военныхъ барышей и поработала бы надъ погашеніемъ громаднаго долга въ двѣнадцать милліардовъ. Такъ разсуждали политики, посвященные въ тайны дѣлъ. Большинство членовъ прежняго министерства, въ числѣ ихъ Виндгамъ, Гренвилъ твердили, что это было бы бесполезно, и что Англія потеряла бы выгоды войны, не получивъ выгодъ мира. Питтъ, напротивъ, одобрялъ, думая, что неудачи мира оправдывали бы возобновленіе войны, дѣлали бы ее популярной, и что, при такихъ условіяхъ, перемиріе, хотя и кратковременное, позволило бы предпринять двѣ громадныя государственныя работы, находящіяся въ застоѣ уже восемь лѣтъ: финансовую реформу и умиротвореніе Ирландіи.

Гаксбюри, благодаря переговорамъ введеннымъ съ Отто и нотамъ, которыми бесполезно обмѣнивались съ іюня, могъ убѣдиться, что ожидать отъ Бонапарта большаго, значить ускорить событія, которыхъ опасались. Оставалось одно средство остановить его, — дать ему тотъ миръ, котораго онъ требовалъ такъ поведительно. Во всякомъ случаѣ, подписывая прелиминаріи, англійскіе министры вовсе не думали признавать новыя учрежденія республики. Они пряталась за двусмысленности и оставались на слѣдующемъ приѣмѣ: свести прелиминаріи только на необхо-

*) 27 juin 1801.

димые параграфы, подобно тому, какъ дѣлается во время перемирія, когда взаимныя позиціи опредѣляются только по линіи фронта обѣихъ армій и въ пунктахъ непосредственнаго соприкосновенія, остальное же, то-есть пространства сзади, съ боковъ, и всѣ движенія тамъ происходящія, остаются неопредѣленными и предоставляются случайностямъ.

Бонапарту тоже было выгодно устранить изъ переговоровъ тѣ статьи, которыя дѣлали бы ратификацію невозможной. Онъ желалъ мира, онъ желалъ также присоединенія Пьемонта—ключа къ Италіи, и онъ зналъ, что Англія никогда не дастъ на это своего яснаго и точнаго согласія. Онъ зналъ, что Англія потребовала бы торговаго договора, и онъ твердо рѣшился отказать въ этомъ. Для него достаточно было отерочки. Онъ воображалъ себѣ, что миръ, какъ бы ни былъ онъ ненадеженъ, покажется народамъ столь пріятнымъ, а потомъ столь необходимымъ, что правительства долго не посмѣютъ нарушить его. Въ промежуточный періодъ, будучи господиномъ на материкѣ и посредникомъ въ Германіи, онъ такъ организуетъ Европу, что всякая коалиція противъ Франціи будетъ химерой.

Больше того: если бы Англія грозила снова начать борьбу, то онъ объединитъ материкъ противъ Англіи. Если же подкупомъ или хитростію Англія втянетъ какую-нибудь державу въ свой споръ, то онъ раздавитъ эту союзницу англичанъ массой всѣхъ другихъ державъ, союзницъ республики.

Такимъ образомъ, для него не представлялъ большой важности тотъ фактъ, что лондонская конвенція признала такіа-то границы республики или такіа-то земли зависящими отъ нея. Разсуждая столь неосновательно о желаніяхъ англійскаго народа и о столь ошибочныхъ объясненіяхъ, какія дѣлали относительно Франціи англійскіе министры, онъ льстилъ себя надеждой, что въ общественномъ мнѣніи, въ либеральной партіи, въ коммерсантахъ, людяхъ узкаго кругозора и узкихъ интересовъ, онъ найдетъ болѣе или менѣе безсознательныхъ союзниковъ своей политики, которые воспротивятся всякому возвращенію Питта къ дѣламъ и всякому возобновленію враждебныхъ дѣйствій.

Такое общее желаніе ничего не рѣшаетъ, не опредѣляетъ, ни во что не вникать замѣчательно упрощало дѣло. Въ дѣйствительности сошлись на одномъ, на недоразумѣніи. Редактировали, такъ сказать, дырявую конвенцію, сквозь отверстія которой уплывалъ миръ, который заключали съ задней мыслію нарушать его, который должно ратификовать только въ невысказанныхъ условіяхъ. Эта конвенція устраняла изъ поверхностнаго соглашенія глубокія причины раздора, приведшія къ войнѣ и поддерживавшія ее. Она обходила молчаніемъ конфликты, которые такъ долго дѣлали миръ невозможнымъ, и которые, продолжая существовать, должны такъ скоро разрушить его.

Эти живые предварительны были подписаны въ Лондонѣ 1 октября 1801 года. Англія должна оберегать, во время мира, Цейлонъ, взятый у Голландіи. Тринидадъ, взятый у Непаніи. Каномъ она будетъ владѣть въ *condominium* (въ совладѣніи) съ Голландіей. Она возвратитъ прочія колоніи, взятые у Франціи и ея союзниковъ. Мальта будетъ возвращена рыцарямъ, подъ гарантіей какой-нибудь великой державы. Пункты, занятые англичанами на берегахъ Адриатическаго и Средиземнаго морей, будутъ эвакуированы. Египетъ будетъ возвращенъ туркамъ. Будетъ гарантирована цѣлость Португаліи; будетъ признана независимость Ионическихъ острововъ. Франція эвакуируетъ Неаполь и римскія государства.

Вопросъ о рыбныхъ ловляхъ Нью-Фаундленда будетъ отложенъ. Ни слова о торговлѣ. Ничего о границахъ Франціи, признанныхъ люневильскимъ миромъ; ничего ни о Сентъ-Доминго, ни о Луизианѣ; ничего о Пьемонтѣ, ни объ упроченіи французовъ въ Флессингѣ, ни о военной оккупации Голландіи, Цизальпиніи, Швейцаріи, ни объ Ганноверѣ, ни относительно реорганизации Германіи.

Пожертвованіемъ со стороны Франціи было отреченіе отъ великихъ плановъ на Востокъ; потеря Ионическихъ острововъ, Мальты, Египта, позицій, занятыхъ на Средиземномъ морѣ, на пути въ Индію. Но она приобрѣла Луизианну, увеличила Гвинею, и Бонапартъ сейчасъ же нашелъ тамъ диверсіи. Сентъ-Доминго опять получаетъ важное значеніе съ этого времени. 6 октября Бонапартъ организовалъ колоніальныя войска «для американскихъ острововъ»; онъ приказалъ отправить въ Сентъ-Доминго двѣнадцать кораблей съ 7000 человекъ и увѣдомилъ Деклерка, чтобы онъ «какъ можно скорѣе возвратился со своими адъютантами въ Парижъ». Онъ удержалъ для него командованіе экспедиціей.

Предварительны давали Бонапарту свободу въ Швейцаріи, въ Италіи, гдѣ нужно было укрѣпиться противъ всякаго возвращенія Австріи къ наступленію, и упрочить французское главенство въ Германіи, гдѣ подготавлилось капитальное дѣло—уменьшеніе предѣловъ Австріи, расширеніе французскихъ привилегій въ имперіи, перемѣны и территоріальныя и въ конституціи, долженствовавшія привести къ возобновленію рейнской лиги Людовика XIV, гарантирующей передачу всего лѣваго берега, подобно тому, какъ лига Магарины гарантировала передачу Эльзаса. Но и въ той, и въ другой странѣ, въ Италіи и въ Германіи, Бонапартъ долженъ былъ считаться съ Россіей. Александръ подъ тѣмъ предлогомъ, что его бабушка принимала участіе въ тешенскомъ договорѣ какъ посредница, объявилъ себя защитникомъ имперской конституціи и хотѣлъ вмѣшаться въ регламентированіе люневильскаго договора. Въ Италіи, подъ предлогомъ защиты независимости государствъ и правъ государей, онъ собирался основаться на берегахъ Средиземнаго моря.

Онъ оспаривалъ у Франціи ея гегемонію на полуостровѣ при помощи тѣхъ же средствъ, какими пользовалась королевская Франція, оспаривая гегемонію Австріи. Между тѣмъ миръ заключался не съ Россіей. Переговоры велись одновременно съ лондонскими: онѣ представляли больше затрудненій и привели къ сдѣлкамъ болѣе сложнымъ.

Марковъ пріѣхалъ въ Парижъ 20 сентября. Это былъ человекъ неспособный ни очаровывать, ни очаровываться. Онъ явился къ республиканцамъ со всѣмъ выекомъ міра министра Екатерины Великой, ведшаго переговоры съ поляками, вырванными изъ ихъ безнадежной анархіи, каковыя-то болѣе удачливый, Косцюжко. Онъ не болѣе цѣнилъ политическій гений Бонапарта, чѣмъ Суворовъ—военный гений генераловъ революціи: побѣдить иѣмцевъ и продиктовать имъ миръ считалось дѣломъ маловажнымъ въ глазахъ этого москвича, впрочемъ очень хитраго, вкрадчиваго, удивительно ловкаго въ свѣтскихъ пріемахъ и піюискихъ махинаціяхъ, тѣмъ болѣе опаснаго, что вѣжливость ничуть не выдавала его. Въ сравненіи съ Теллеграномъ это былъ недавній государственный секретарь Рейбея и Барраса, разстрѣга, человекъ потерявшій свое социальное положеніе, измѣнившій когда-то важному барину. Это былъ императорскій посланникъ, котораго нашли подходящимъ и назначили къ санкюлоту-проходимцу, террористу прикрытому титуломъ, революционеру нерешедшему къ автократіи. «Его лицо, изрытое оспой, всегда выражало иронию и презрѣніе; его круглыя глаза и ротъ съ опущенными углами напоминали тигра. Онъ усвоилъ языкъ и величественныя пріемы стараго версальскаго двора, прибавивъ къ нимъ много энези. Въ его манерахъ было мало вѣжливости и ничего пріятнаго. Онъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ, но его рѣчь, была вообще жесткая, рѣзка и непріятна, не представляла даже тѣни чувства. Наоборотъ, это былъ саркастическій, самый злой языкъ въ салонахъ, и самое ненадежное слово въ дѣловыхъ сношеніяхъ. «Перъ русскихъ дипломатовъ», говоритъ Адамъ Чарторыскій. «Нужно, писалъ Жосифъ де-Местръ, каждой канцеляріи предлагать соответствующую ей приманку; если нуженъ воронъ, отчего бы не поманить его падающею?» «Это былъ, говоритъ шведъ Стедингъ, преступникъ до обогащенія, но я думаю, послѣ этого онъ измѣнилъ свои взгляды»³⁾. Кобенцль, который зналъ его по опыту, сказалъ о немъ Жосифу де-Местру: «Это большой злодѣй», и Строгановъ, знавшій его при Екатеринѣ: «Онъ фальшивъ, какъ жетонъ».

Вотъ какого человека Александръ послалъ къ Бонапарту, чтобы по-

³⁾ Czartorysky, Mémoires, t. I. chap. X.—Joseph de Maistre, Mémoires et correspondance, lettre 29 septembre 1803.

учать его тону стараго режима и предпринять съ нимъ или скорѣе противъ него возстановленіе государей и принциповъ въ Европѣ.

Марковъ очень хорошо понималъ политику своего господина, въ сущности безъ всякаго мистическаго покроя, и онъ служилъ Александру такъ, какъ царь желалъ, чтобы ему служили. Отмѣтимъ еще фактъ, столько же благоприятный русскимъ, сколько вредный интересамъ Бонапарта: полную интимность Маркова съ двумя Воронцовыми—петербургскимъ и лондонскимъ—ярыстными англоманами и наиболѣе ярыстными изъ русскихъ франкофобовъ.

Марковъ былъ представленъ первому консулу Талейраномъ, 24 сентября. Онъ вручилъ Бонапарту письмо Александра. По этому поводу Бонапартъ говорилъ: «объ умершемъ, славою памяти, императоръ Павелъ I»^{*)} то широкимъ и благороднымъ взглядомъ этого государя, виды котораго до такой степени совпадали съ видами Франціи, что онъ первый консулъ ничуть не колебался приводить ихъ въ исполненіе, быть намѣтникомъ Павла I». Это были комплименты, которые Колычевъ, человекъ мало чувствительный, называлъ «лестью». Но, продолжалъ Бонапартъ, императору Александру, вступивъ въ границы политики благоразумія и умѣренности, остается только заключить миръ». И, идя прямо къ спорному пункту: «Нужно заключить миръ, не откладывая дѣла, по соображеніямъ столь же второстепеннымъ какъ интересъ сардинскаго *королька*, котораго, будь онъ даже возстановленъ въ Пьемонтѣ, нужно было бы поддерживать штыками, въ виду того, что его подданные единодушно высказались противъ его возвращенія. «Потомъ онъ приходитъ въ раздраженіе, отвѣчая обвиненіями на предостереженія Колычева и тотъ сильный интересъ, какой этотъ посланникъ выказывалъ къ *корольку*, обнаруживая его въ такихъ выраженіяхъ, словно диктовалъ законъ и третировалъ Францію какъ Лукскую республику. «Онъ указалъ на выгоды отъ возможности, какую онъ далъ бы усилиться Баваріи и Вюртембергу, и заключилъ: «сначала сдѣлаемъ миръ, и потому будемъ говорить объ остальномъ». Марковъ зналъ, что Бонапартъ не выпуститъ изъ своихъ рукъ Пьемонта, онъ говорилъ о немъ изъ простаго приличія, и когда онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что вся Европа воспротивилась бы этому занятію, то ему отвѣтили: «Ну что-жъ, пусть приходитъ, чтобы взять его обратно!»

Онъ откланялся первому консулу и отправился поговорить съ Талейраномъ. «Я попросилъ его, писалъ онъ, позаботиться увѣрить перваго консула, что у насъ точно такъ далеки были отъ мысли третировать французскую республику какъ лукскую, какъ здѣсь далеки отъ опасеній, что Россію желали третировать какъ Этрурію или Цизальпинію».

Талейранъ медлилъ, пока не получалъ извѣстія о подписаніи лон-

донскихъ прелиминарій. Марковъ не противился этому, ибо онъ имѣлъ инструкцію «разводить турпы на колесахъ» до новыхъ обстоятельствъ^{*)}. Узнавъ новость, онъ поспѣшилъ поздравить Талейрана, который скоро заговорилъ о Пьемонтѣ и далъ понять, что его удержатъ, если только Англія не откажется отъ Цейлона; онъ позаботился прибавить, что въ прелиминаріяхъ Англія не сдѣлала на этотъ счетъ никакихъ упоминаній. Марковъ не пропустилъ случая засвидѣтельствовать неизмѣнность намѣреній своего государя относительно короля сардинскаго: императоръ присоединится ко всѣмъ державамъ, которыя заинтересовались бы возстановленіемъ этого государя. «И не окажется ни одной такой державы», возразилъ Талейранъ. Теперь же они условились относительно свиданія, чтобы редактировать договоръ. Марковъ имѣлъ широкія полномочія. Онъ былъ убѣжденъ, что «безусловно выгодно окончить соглашеніе съ Франціей, но онъ хитро дѣлалъ видъ, что приноситъ большую жертву «подвергаясь риску, говорилъ онъ, полнаго неодобренія» сдѣлокъ, согласиться на которыя онъ былъ совершенно достаточно уполномоченъ.

Такъ статьи мира были подписаны 8 октября 1801 года. Франція и Россія представляютъ «совершенный концертъ въ вопросѣ о вознагражденіяхъ Германіи: установить между собою «интимное соглашеніе», чтобы разрѣшить полюбовно послѣдующіе вопросы Италіи и политическіе вопросы Святого престола»; они займуться, «полюбовно и по взаимному соглашенію», интересами сардинскаго короля, во всемъ сообразуясь съ настоящимъ положеніемъ вещей. Франція гарантируетъ владѣнія короля Неаполитанскаго, занимая ихъ «лишь до выясненія судьбы Египта». Россія будетъ посредницей въ мирѣ между Франціей и Турціей. Первый консулъ и императоръ «займутся сообща средствами укрѣпить общій миръ на вышеуказанныхъ основаніяхъ, установить справедливое равновѣсіе въ различныхъ частяхъ свѣта и обезпечить свободу морей».

Послѣднія слова были въ духѣ Бонапарта, который такимъ образомъ старался возбудить въ Россіи соперничество на морѣ противъ Англіи; но они теряли все свое значеніе на другой день послѣ соглашенія, которое Россія заключила съ Англіей и которое разрывало лейтальную лигу. Въ Германіи, Бонапартъ соглашался раздѣлить съ имперіей разныя привилегіи. Въ Италіи онъ заявилъ себя цензоромъ. Но онъ желалъ только непосредственной выгоды, состоявшей въ полномъ изолированіи Англіи и въ быстромъ заключеніи этого славнаго мира, который далъ бы республикѣ главенство на континентѣ, а первому консулу главенство въ республикѣ.

^{*)} Объ этихъ переговорахъ см. Martens, t. XIII. p. 262 и слѣд..

10 октября онъ написалъ царю поздравительное письмо и послалъ его съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ, полковникомъ Колескуромъ. «Условился, писалъ онъ, чтобы островъ Мальту возвратить ордену, подъ покровительствомъ одной изъ великихъ державъ. Я прошу Ваше Величество, сообщите мнѣ о своемъ желаніи... Наканунѣ, были подписаны прелиминаріи съ турецкимъ уполномоченнымъ въ Парижѣ: Франція обязывалась очистить Египетъ и приводила въ дѣйствіе свои старые договоры съ Портой. Бонапартъ написалъ султану, выражая свое желаніе заключить окончательный миръ. Онъ поручилъ передать султану свое письмо кавалерійскому бригадному генералу Себастьяни, проникательному и рѣшительному корреспонденту, котораго онъ считалъ способнымъ видѣть, слышать и судить о явленіяхъ. При помощи этихъ миссій, порученныхъ довѣреннымъ офицерамъ, которыхъ онъ образовалъ на службѣ, онъ получалъ непосредственныя свѣдѣнія, собранныя по его методу, въ виду его плановъ, и такимъ образомъ приготавливалъ себѣ посланниковъ.

III.

Извѣстіе о прелиминарномъ договорѣ было встрѣчено взрывами чрезвычайной радости. Конецъ кошмару вторженія! Англія могла спокойно засыпать и просыпаться небоясь возможныхъ извѣстій о высадкѣ Бонапарта. Дѣла оживали. Французскій рынокъ заплатитъ за англійскіе товары премію, стоящую какихъ угодно военныхъ контрибуцій. «Наша торговля, писалъ лордъ Минто, посланникъ въ Вѣнѣ, проникнетъ въ самую Францію и будетъ процвѣтать даже въ Парижѣ. Наконецъ, Парижъ открывался для скучающихъ и любопытныхъ, Италия—для жаждущихъ солнца, для блуждающихъ меланхоликовъ, которые умирали отъ сыпна въ своихъ окутанныхъ туманомъ замкахъ. Всѣ птицы—пѣленицы страны тумановъ встряхивали свои мокрыя крылья и приготавлились къ своему полету въ области радости и свѣта.

Когда одинъ изъ адъютантовъ Бонапарта, полковникъ Лористонъ, прибылъ съ ратификаціями, энтузіазмъ перешелъ въ безуміе. Толпа отпрягла лошадей и повезла карету съ криками: «да здравствуетъ Бонапартъ!» Англичане толпились по пути проѣзда, чтобы посмотреть на этого, въ блестящей формѣ, республиканскаго офицера, столь близко стоявшаго къ великому человѣку, умиротворителю Франціи и всего свѣта. Но когда лошади Лористона были отведены въ конюшню, коляска поставлена въ сарай, когда торговцы Сити возвратились въ свои конторы, а публика въ свои клубы къ своимъ газетамъ, содержаніе прелиминаріи стало обнаруживаться. «Этотъ миръ, которымъ доволенъ весь свѣтъ, хотя никто не гордится имъ», говорилъ авторъ *Lettres de Junius*, не зная еще ста-

тей договора. Это миръ, можно было сказать на другой день, миръ, котораго стыдится весь свѣтъ и котораго не желаетъ никто. Какъ? Франція сохранила Шельду, Антверпенъ, эти Нидерланды, изъ-за которыхъ бились когда-то ето лѣтъ; изъ-за которыхъ во время Людовика XIV, «палаты сразу рѣшили, что пожертвуютъ всѣмъ до рубашки»; изъ-за которыхъ великому королю продиктовали и Утрехтскій договоръ и Антверпенскій (1713 г.) и возобновляли борьбу въ 1740 и въ 1755 годахъ. Потомъ: за этими Нидерландами, оспариваемыми съ такимъ ожесточеніемъ, Голландія—стражъ, поставленный Англіей, перешла на французскую службу и повернула постановленія договора противъ англичанъ! А Флессингъ и Амстердамъ! А весь берегъ Рейна, Шьемонтъ, Цизальпинія, Лигурія! И Англія отдала свои завоеванія, Антильскіе острова, факторіи въ Индіи, сохранивъ только Цейлонъ и Тринидадъ, вассальные пожитки голландцевъ и испандцевъ. И никакого дослѣха, никакого лоскутка Франціи.

Наконецъ, и это было верхомъ всего, не было ни одного параграфа о торговлѣ, такъ что весь интересъ мира, завоеваніе континентальнаго рынка, пропадалъ. Бонапартъ оставался верховнымъ распорядителемъ режима таможенъ и складочныхъ пунктовъ на громадномъ протяженіи береговъ, и этотъ режимъ онъ сдѣлаетъ обязательнымъ для союзниковъ республики, онъ запретитъ англійскіе продукты, и, благодаря этому, возстановитъ и французскій флотъ и французскую промышленность. Въмѣсто ожидавшихся громадныхъ пунктовъ сбыта, Англія увидитъ континентъ закрытымъ; борьбу тарифовъ болѣе разорительную, чѣмъ война, и эту несприятную потерю—уничтоженіе контрабанды испанской Америки.

Дѣловые люди, а таково все населеніе Сити, объявили себя обманутыми, даже хуже, лишенными всѣхъ выгодъ, которыя уже учли. Въ этой странѣ, трудолюбивой и гордой, гдѣ патріотизмъ и дѣло сливаются, зависть и жадность дѣлаютъ патріотизмъ воннелетвеннымъ. Въ клубахъ, въ газетахъ, въ насквиляхъ, раздался яростный крикъ разочарованія, громадный протестъ противъ правительства. Тѣ самыя лица, которыя всего сильнѣе поддерживали министерство, отказывались вѣрить, чтобы преемники Питта такъ ступшевались, дошли до такого самоуниженія. Въ мнѣніи общества министры упали со всей высоты спекуляцій, которыя общество основывало на мирѣ.

Эдуардъ Кукъ, государственный человѣкъ и публицистъ, бывший младшій государственный секретарь военнаго департамента, другъ Кестльри, адресовалъ ему открытое письмо, надѣлавшее шуму и нашедшее глубокіе отклики: «Война», говорилъ онъ, «предпочтительнѣе мира, который разоритъ Англію, уничтожитъ ея финансы, ниспровергнетъ ея могущество на сушѣ и на морѣ. Франціи, усилившейся Нидерландами, мы позво-

ляемъ образовать политическій и коммерческій союзъ съ Голландіей, Испаніей, Швейцаріей, Италіей, мы отдаемъ ей торговлю Антильскихъ острововъ; это значитъ отказаться отъ семидесяти милліоновъ фунтовъ! Мы имѣли торговые договоры со всѣми этими странами, теперь мы имѣемъ договоръ только съ Испаніей! Франція монополизируетъ торговлю, которая ускользаетъ отъ насъ, разрушитъ нашу промышленность, которая эмигрируетъ вмѣстѣ съ капиталами, ибо деньги не знаютъ отечества. Война, наоборотъ, поддерживала бы нашу торговую монополію, наше главенство въ колоніяхъ: она сохранила бы громадныя пункты сбыта для нашихъ продуктовъ. Испанія стоитъ на краю банкротства: пусть она овладѣетъ Португаліей, отдавъ намъ Бразилію! Три года войны были бы для насъ менѣе тяжелы, чѣмъ этотъ миръ, и они были бы не подъ силу Франціи, ибо она не имѣетъ ни кредита, ни финансовъ!»

Такъ разсуждалъ этотъ политикъ-реалистъ и вмѣстѣ съ нимъ всѣ тѣ для кого богатство и расширеніе страны составляли единственный параграфъ *Великой Хартии* извѣтъ, единственный параграфъ *Правъ человека*—англичанина.

Событія показали вѣрность этого сужденія: тринадцать лѣтъ ожесточенной войны привели Англію къ ея цѣли: Голландія восстановлена какъ стража Нидерландовъ, направленные противъ Франціи условія Утрехтскаго мира возобновлены, французы изгнаны изъ Германіи и Итали, французскій флотъ уничтоженъ, англійская промышленность и торговля владѣютъ половиною свѣта и Англія съ своимъ милліарднымъ догомъ богаче Франціи въ ея триумфальные годы съ ея данью съ завоеванной Европы.

Застынутые этой бурей министры съ трудомъ оправдывались, ссылаясь на смѣчающія обстоятельства. «Они увидѣли», писалъ одинъ русскій, что великія державы, какъ Австрія и Пруссія, которыя могли вернуть Францію въ ея старыя границы, никогда не помышляли ни о чемъ, какъ только о своей взаимной ненависти... и о своемъ собственномъ расширеніи: что Англія, несмотря на свои великія и постоянныя побѣды, не могла, со стороны суши, вернуть французовъ въ ихъ границы, видѣли, что *объектъ* войны больше не существовалъ; что войну надо было прекратить». Такъ говорилъ разсудокъ, такъ говорили министры. Но англичане соглашались съ этимъ, оцѣниваясь, собираясь съ силами, локти къ бокамъ, готовые къ бою. «Пусть французы не злоупотребляютъ этимъ! говорилъ Нельсонъ, въ противномъ случаѣ, Европа, я надѣюсь, вооружится. Я съ удовольствіемъ рискую бы моею жизнью, чтобы непровергнуть это презрѣнное проклятое могущество Франціи!» Извѣстно, какъ онъ умеръ четыре года спустя при Трафальгарѣ.

Фоксъ не соглашался больше ни съ кѣмъ, построивъ себѣ иллюзіи относительно французской республики, какія могли бы имѣть такой либеральной противникъ, какъ напимѣръ, Бенжаменъ Констанъ или м-ме де Сталь,—объ англичанахъ, ихъ конституціи, ихъ парламентѣ, умѣренности, ихъ вкусахъ и ихъ потребности въ мирѣ, который теоретически такъ же необходимъ для свободы, какъ и для торговли. Онъ имѣлъ смѣлость имѣть свое мнѣніе: «Можно сказать, что миръ славенъ для французской республики и для перваго консула, говорилъ онъ на банкетѣ, 11-го октября. Развѣ это несправедливо? Франція противостоитъ конфедераціи всѣхъ великихъ государствъ Европы... Нѣкоторые лица жалуются, что мы не достигли цѣли войны. Конечно, это такъ, и я тѣмъ болѣе люблю миръ».

29-го Октября, въ палатахъ произошла первая схватка по поводу адреса. Виндгамъ заявляетъ себя опечаленнымъ. Онъ не раздѣляетъ надеждъ публики: «Меня охватили самый прискорбный упадокъ духа, самая глубокая подавленность. Я объявляю, что мои почтенные друзья, въ моментъ неблагоразумія и слабости, подписали этотъ роковой договоръ, подписали смертный приговоръ своей страны; они нанесли ей рану, отъ которой она будетъ чахнуть многіе годы. Я не представляю себѣ, какъ можно ее вылѣчить». Адресъ официальныхъ поздравленій былъ вотированъ, но была открыта слабость мира, и когда текетъ конвенція быть внесена въ парламентъ, то возобновились дебаты, на этотъ разъ очень оживленные.

Искали секретныхъ статей, параграфа о торговлѣ—основаніи всякаго англійскаго договора о мирѣ, и ничего не находили. «Истинное обѣдствіе, миръ ненадежный и опасный!» заявилъ Спенсеръ, въ палатѣ лордовъ, 3-го ноября. Ни одна изъ цѣлей войны не была достигнута. Гренвилъ сказалъ еще сильнѣе: «Англія похожа на крѣпость, потерявшую вѣнныя верки». Теперешнее могущество Франціи можно сравнить съ могуществомъ древняго Рима, заявилъ епископъ Рочестерскій, даже выше его: многочисленное населеніе въ распоряженіи правительства болѣе активнаго, болѣе энергичнаго, чѣмъ римское во время самыхъ могущественныхъ цезарей; удивительная береговая линія отъ о. Тесселя до Бреста, которая составитъ страшную опасность для Англіи въ то время, когда у Франціи будетъ флотъ». Аддингтонъ могъ ссылаться только на необходимость, на капитуляцію континента: «Новая коалиція теперь невозможна». Конвенція была одобрена 114 голосами противъ 10, но разочарованный парламентъ сдѣлался враждебнымъ.

Въ тотъ же день въ палатѣ общинъ произошли пренія еще болѣе бурныя, еще болѣе знаменательныя. Гаксбернъ указалъ на выгоды мира:

Цейлонъ и Тринидадъ. Съ этой точки зрѣнія данный договоръ стоилъ Утрехтскаго. Конечно, Франція усилилась, но Россія, Австрія, Пруссія тоже увеличились благодаря раздѣлу Польши. Питтъ повернулъ дебаты къ апологій своей политики: жаль, что Англія не владѣетъ Мальтой, но якобинство побѣждено, лишено своего престижа, оно доказало, что военный деспотизмъ есть его естественный результатъ!—Нѣкоторые представители удивляются молчанію относительно Пьемонта: министры молчатъ. Негодованіе. «Будемъ дѣйствовать по тому же принципу, закричалъ Томасъ Гренвиль, подишемъ окончательный договоръ и черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ мы будемъ имѣть войну съ Франціей» ¹⁾! 4 Ноября Виндгамъ произнесъ свою обвинительную рѣчь: «Конечно, Франція имѣетъ силу насъ разрушить. Будемъ надѣяться, что она не имѣетъ такого намѣренія. Мы народъ завоеванный. Бонапартъ такъ же нашъ господинъ, какъ онъ господинъ Испаніи и Пруссіи». Потомъ воспоминаетъ Мессалину и ссылается на Ювенала:—Думать, что Франція, *tassata sed non satiata*, остановится, почтѣтъ на лаврахъ, значить не знать свойства честолюбія, въ частности честолюбія французскаго. Думать, что Бонапартъ не будетъ дѣлать новыхъ завоеваній, — есть негѣность. «Война не заvientъ ни отъ конвенцій, которыя будутъ подписаны двумя правительствами, ни отъ враждебныхъ актовъ, могущихъ произойти между двумя народами, на сушѣ или на морѣ, она всецѣло заvientъ отъ того, живъ ли или исчезъ твердый умыселъ, вкоренившійся въ сердцахъ французовъ, и относительно котораго у насъ нѣтъ никакого основанія думать, что отъ него отказались: уничтожить навсегда могущество нашей страны». Умыселъ тѣмъ болѣе страшный, что «если французы завоевали міръ, то благодаря качествамъ, которыя дѣлали ихъ достойными завоевать его». И онъ указалъ какъ на урокъ, какъ на угрозу, на «величіе революціонныхъ замысловъ, на благоразуміе французскихъ плановъ, на ихъ послѣдовательность въ исполненіи, на ихъ презрѣніе къ мелкимъ препятствіямъ». Трактаты были приняты но далеко раздавались крики негодованія, крики реванша. Они сопровождали на материкъ лорда Корнваліса, котораго министерство отпустило для переговоровъ о мирѣ, украшенномъ проническимъ эпитетомъ «окончательнаго», и который лордъ Фицъ-Вильямъ, выражая мысли большинства своихъ современниковъ, квалифицировалъ какъ «переміріе ненадежное и обманчивое».

¹⁾ Онъ не ошибся. Увидимъ, какъ война должна была вспыхнуть въ октябрѣ 1802 года.

IV.

Парижъ не восхищался такими перемѣнами: показать себя холоднымъ съ самаго начала и такимъ и оставался. Критика низведенная до шепота, за которымъ слѣдили, который сдерживала полиція, критика безъ трибуны, безъ газетъ, «фруктидоризированная», съ 1797 года она выражалась лишь сдержанностью и отсутствіемъ энтузіазма. Конечно, эти перемѣны давали нѣкоторое удовлетвореніе, удовлетвореніе видѣть конецъ нѣкоторымъ явленіямъ; но всего этого было ровно столько, чтобы отвлечь вниманіе публики отъ канитуляціи Александрій, отъ потери Египта, которыя стали извѣстны почти въ то же самое время ¹⁾. Иностранцы изумленные, но восхищенные, слѣдять отмѣнить эти симптомы непопулярности консула. «Парижъ, писалъ прусскій уполномоченный Люкесини, не проявилъ ни чувствительности, ни благодарности по поводу этого благотѣльного факта». «Возвѣщеніе мира, сообщаетъ Марковъ, не произвело благоприятнаго вліянія на государственныя бумаги». И тѣмъ не менѣе, такая правительственная программа, когда нибудь давала или обѣщала равное тому, что развернула, какъ совершившіеся факты, рѣчь произнесенная Бонапартомъ 19 брюмера X года—10 ноября 1801 г., и отчетъ данный нами 22 поября, въ формѣ доклада о положеніи республики? «Французы! наконецъ, вы имѣете въ полной мѣрѣ тотъ миръ, который вы заслужили столь благородными успѣхами!» Естественныя границы, поясь пзъ союзныхъ республикъ, Пьемонтъ, составляющій 28 военную дивизію; легаціи вошедшія въ составъ Цизальпиніи, колоніи завоеванныя или возвращенныя. «Франція воспользуется миромъ, возродитъ свой флотъ, реорганизуеъ свои колоніи, воспроизведетъ все то, что разрушила война. Внесемъ въ земледѣліе и въ ремесла тотъ пылъ, то постоянство, то терпѣніе, которыя при трудныхъ обстоятельствахъ удивили Европу. Объединимъ усилія гражданъ и правительства, чтобы обогатить, сдѣлать плодородными всѣ части нашей территоріи, Промышленность, флотъ, колоніи, вотъ основныя начала этого великаго акта—мира: «зрѣлица нашихъ радостей», говоритъ Бонапартъ.

Недоставало конкордата въ перечнѣ этихъ блестящихъ сдѣлокъ. Первый консулъ ограничивается, возвѣщеніемъ «свободы совѣсти»: мѣры предпріятыя въ согласіи съ палой и съ лютеранскими и кальвинистскими пасторами «объединять въ однихъ чувствахъ, признающихъ одно вѣрованіе», — «всебъмъ обезпечать принадлежащую имъ свободу».

Тотъ важный политическій актъ, котораго онъ такъ ожидалъ, отъ

¹⁾ Они произошли 27 іюня 1801 года.

котораго онъ въспѣдствія и такъ быстро получилъ благодѣтельные результаты, тоже, такъ сказать проникать въ эту политическую картину, составляя въ дѣйствительности одну изъ главныхъ ея частей: дѣло въ томъ, что каждый день приносилъ новыя доказательства отпора со стороны государственныхъ корпорацій. Бонапартъ могъ составить себѣ понятие объ оппозиціи, которую встрѣтитъ въ трибунатѣ конвенція съ Римомъ по оппозиціи, которую вызывали трактаты о мирѣ впрочемъ столь выгодномъ и славномъ для республики. Въ этихъ актахъ критики отъбѣчали не гордый духъ, не стремленіе къ расширенію, а наоборотъ, уступки, отсутствіе республиканской гордости. Такъ въ договорѣ съ Россіей извѣстная статья о польскихъ и французскихъ эмигрантахъ квалифицируетъ ихъ «обоюдными подданными». Трибунатъ призналъ эту статью неумѣстной, въ сущности не потому, что она грозила полякамъ, о которыхъ онъ мало заботился, и эмигрантамъ, которыхъ не переставалъ ненавидѣть, но изъ-за формы: «Наши арміи, говоритъ Шенье, сражались десять лѣтъ для того, чтобы мы были гражданами, а мы сдѣлались подданными. Это осуществившееся желаніе двойной коалиціи!» Этотъ ропотъ среди всеобщаго молчанія казался порицаніемъ. Бонапартъ былъ пораженъ имъ больше, чѣмъ казалось, и это впечатлѣніе утвердило его въ его убѣжденіи, что республика, чтобы существовать, фатально должна расширить свое господство.

Какъ ни былъ славенъ миръ, онъ только отвѣчалъ національной гордости, а эта гордость была лишь страстнымъ выраженіемъ вѣрнаго инстинкта. Это показывала война, продолжавшаяся уже десять лѣтъ: уступить на одномъ пунктѣ значило потерять все. Республиканская политика была склонна къ отступленію не больше, нежели республиканская война: она желала наступать вездѣ и всегда. Какъ только отступала республика, сейчасъ же опять составлялась коалиція. Порвисъ хотѣлъ одно кольцо въ цѣпи отъ Неаполя до Тесселя, сейчасъ же надо бросать желѣзо въ огонь, чтобы соединить цѣпь тѣмъ же молотомъ, который ее выковалъ. «Миръ, писалъ проникательный Люкезини, только тогда благопріятствуетъ сохраненію его силы, когда онъ становится общимъ». Итакъ, не смотря на оппозицію парламента, Бонапартъ рѣшилъ навязать его англичанамъ, взять его приступомъ, и когда онъ будетъ подписанъ, онъ заставитъ уважать его, изолировавъ ихъ, запрещая имъ всякую новую коалицію. Онъ имѣлъ только одно средство, именно то, которое привело его на данную степень его силы, и которое онъ желалъ продолжать: посты неодолимой войны онъ организуетъ грозный миръ.

V.

Дѣло шло о томъ, чтобы прелиминарныя статьи, подписанныя 1-го октября передѣлать въ формальный трактатъ. Чтобы принудить къ этому Англію, осенью и зимою отъ 1801 по 1802 годъ Бонапартъ употреблялъ тѣ средства, къ которымъ онъ долженъ былъ обратиться позже для возстановленія нарушеннаго мира. Эти пять мѣсяцевъ представляютъ, такъ сказать, въ сокращенномъ видѣ всю политику имперіи: резюмируютъ ея условія, показываютъ ея необходимость; они показываютъ также парадоксальность мыслей, которыя Бонапартъ получилъ отъ директоріи и въ значительной степени отъ комитета общественнаго спасенія. Придумывая средства, чтобы принудить принять миръ, въ то же время онъ притомляетъ средства, чтобы эксплоатировать этотъ миръ къ наибольшему благополучію и къ наибольшему могуществу Франціи на континентѣ, въ Германіи и въ Италіи, особенно въ Средиземномъ морѣ и въ обѣихъ Индіяхъ.

Одно изъ этихъ средствъ, на которомъ часто настаивали монархическіе публицисты, состояло въ томъ, чтобы Португалія перестала быть политической и торговой колоніей Англіи. Мадридскимъ трактатомъ, 29 сентября 1801 года, Бонапартъ обязалъ португальцевъ закрыть ихъ порты англичанамъ. Было важно, чтобы эта мѣра строго исполнялась; кромѣ того, чтобы извлечь изъ этого всю необходимую выгоду, было важно обезпечить французской торговлѣ эти самые порты, открытые въ Южной Америкѣ, въ Гвинее, которые Португалія уступила Франціи, въ Луизианнѣ, которую недавно уступила Испанія, въ Мексикѣ, которая была въ состояніи броженія и казалась готовою сдаться; наконецъ, на Антильскихъ островахъ, гдѣ Франція открыла вновь свои владѣнія. Съ миссіей въ Лиссабонъ Бонапартъ послалъ одного изъ своихъ самыхъ блестящихъ генераловъ, на которыхъ онъ больше всего рассчитывалъ на войнѣ и къ которымъ онъ наиболѣе чувствовалъ расположеніе—Ланна—ставшаго, одно время въ Парижѣ, неудобнымъ. Миссія въ Португалію была бы для него чистилищемъ, очень позолоченнымъ, очень мягкимъ, лестнымъ и выгоднымъ проконсульствомъ. Онъ держалъ бы португальцевъ въ рукахъ и образумилъ бы ихъ.

Въ то же время Леклеркъ готовился къ отправкѣ въ Сень-Доминго съ 35,000 человекъ превосходнаго войска, возвратившагося изъ Испаніи, изъ Египта, смѣлаго, но также буйнаго и совѣмъ неподходящаго для гарнизонной жизни. Бонапартъ больше любилъ видѣть ихъ за дѣломъ, чѣмъ праздыми, и не столько солдатъ, сколько даннаго имъ генерала Леклерка, своего шурина, котораго считалъ помѣхой во Франціи, но сто-

ящимъ на высотѣ какой угодно военной задачи, способнымъ рѣшать ка-
кія угодно политическія затрудненія. Французская колонія Сентъ-Доминго
послѣдовательно была потеряна и вслѣдствіе войны съ Англіей и вслѣд-
ствіе возстанія черныхъ. Конвентъ не завоевавъ обратно французской
части, уступилъ испанскую. Теперь нужно было утвердиться на всемъ
островѣ. Предпріятіе было, по мнѣнію Бонапарта, вполне серьезное и,
сообразно его тогдашнимъ намѣреніямъ, оно должно было имѣть большія
послѣдствія. Этотъ островъ, на которомъ когда-то разбогатѣло много фран-
цузовъ, недавно потерявшихъ свое состояніе, на которомъ наши западные
судохозяева вели столь выгодныя дѣла; богатство и здоровый климатъ
котораго восхваляли креслы и особенно люди стоявшіе близко къ первому
консулу—Жозефина, ея родня, ея кліентела; островъ, на который доста-
точно показаться, говорили, чтобы стать его хозяиномъ, достаточно при-
коснуться къ его почвѣ, чтобы, оплодотворить ее,—двойко интересовалъ.
Бонапартъ: онъ сразу являлся вознагражденіемъ за потерю Египта и стан-
ціей на пути въ Луизианну. Въ этомъ островѣ и въ этой Луизианнѣ,
возвращенныхъ Франціи, онъ найдетъ возбужденія и источникъ питанія
для торговли и флота; для притекающихъ эмигрантовъ—почву для дѣ-
ятельности, случай поднять ихъ благосостояніе; наконецъ, для неспокой-
ныхъ умовъ, для недовольныхъ военныхъ элементовъ, которыхъ мирные
досуги грозили бросить въ политику и заговоры, онъ найдетъ здѣсь за-
нятіе для ихъ буйства, пищу для ихъ страстей. Впрочемъ здѣсь онъ
лишь продолжалъ планъ, составленный комитетомъ общественного спасе-
нія, когда, въ 1795 году, этотъ комитетъ потребовалъ отъ Испаніи Лу-
изианну и испанской части Сентъ-Доминго: Бонапартъ намѣревался вы-
полнить то, что эти члены конвента имѣли въ проектѣ ¹⁾.

Онъ могъ бы попробовать сговориться съ Туассанъ-Лувертюремъ, ко-
торый завладѣлъ островомъ и учредилъ тамъ республику, надѣясь быть
ея чернымъ Бонапартомъ. Онъ предпочелъ завоевать островъ, воображая
себѣ, что люди, побѣдившіе мамелюковъ, легко подчинятся этимъ рабамъ;
быть можетъ достаточно будетъ угрозы; сила же навѣрно успѣетъ. «Кто
осмѣлится отдѣлаться отъ намѣстника, тотъ будетъ измѣнникомъ отечеству,
и гнѣвъ республики уничтожитъ его, какъ огонь уничтожаетъ ваши су-
хіе тростники» ²⁾. Это было заблужденіемъ и Бонапартъ призналъ это.
«Это самая большая ошибка, какую я допустилъ въ администраціи, го-
ворилъ онъ на островѣ святой Елены. Я долженъ былъ войти въ сно-
шеніе съ вождями черныхъ» ³⁾.

¹⁾ Cf. t. IV. p. 312, 378.

²⁾ Прокламация къ жителямъ Сентъ-Доминго, 8 ноября 1801.

³⁾ Замѣтки для составленія инструкцій, предназначавшихся для намѣстника,

Но для экспедицій, для провіанта, нужны корабли. Бонапартъ тре-
буетъ ихъ у Испаніи. Онъ требуетъ ихъ также и для того, чтобы сдер-
живать англичанъ въ Средиземномъ морѣ, выгнать ихъ оттуда, если
это возможно. Испанія, связанная продажнымъ правительствомъ, вопреки
ея интересамъ, ея безопасности, даже ея достоинства; идя на буксиръ;
раскачиваемая волнами въ линіи корабельнаго пути она старается пере-
рубить канаты, направиться къ берегу и выброситься на мель. Бонапартъ
говоритъ властно, требуетъ, угрожаетъ. Онъ подозреваетъ, онъ обвиняетъ
Годоя въ томъ, что тотъ, подъ рукою, обдѣлываетъ какое-то соглашеніе съ
англичанами, которое позволило бы галіонамъ уйти, Испаніи разоружиться.
Официальный посланникъ Люсьенъ занимается только тѣмъ, чтобы обо-
гатить свою казну двуголѣдными камнями, чтобы увеличить свои картин-
ныя галлерей. Бонапартъ отзываясь его и замѣчаетъ генераломъ Гувіонъ-
Сентъ-Сиромъ, который съумѣетъ заставить себя слушать. «Я желаю, пи-
салъ онъ 1 декабря этому генералу, чтобы вы передали Ихъ Величествамъ
мое крайнее недовольство несправедливымъ и легкомысленнымъ поведеніемъ
принца—Мира... Все что онъ могъ сдѣлать противъ Франціи, онъ сдѣ-
лалъ. Если такъ будетъ продолжаться, то скажите смѣло королевѣ и прин-
цу—Мира, что все это окончится страшнымъ ударомъ».

Италія въ этотъ же самый періодъ времени. Луккезини писалъ 26 но-
ября: «Три республики, цизальпинская, лигурійская и луккская должны
будутъ войти какъ части въ великую итальянскую республику, которая,
согласно прежнему проекту, должна простираться до Адриатическаго моря
до Альпъ Краины и Триеста». Старый проектъ принадлежитъ директоріи,
и Бонапартъ долженъ былъ въ Кампо-Форміо и Люневилѣ, разорвать эту
великолѣпную страницу: Венецію, ея лагуны, ея адриатическіе берега.
Онъ придавалъ тѣмъ больше значенія тому, чтобы сильно сплотить осталь-
ное, обезпечить тамъ французское господство, сдѣлать невозможнымъ новое
нападеніе со стороны Австріи.

VI.

На сѣверѣ и въ центрѣ Италіи царилъ глубокое возбужденіе совсѣмъ
такое же какъ въ 1798 и 1799 г., которое подготовило паденіе столь
многихъ импровизированныхъ правительствъ. Вожаки оставались тѣ же:
горячіе сторонники освобожденія при помощи Франціи, превратившіеся
въ противниковъ Франціи, послѣ того какъ она помогала, если не за-
воевать и присоединить, то по крайней мѣрѣ организовать подъ своимъ

31 окт. 1801. Archives nationales, texte publié par Roloff, *Die Kolonial Po-
litik Napoleons I.*

покровительствомъ республики Италіи, приобщить ихъ къ своей судьбѣ и пользоваться ими для своей политики. Они требовали отъ Франціи, чтобы она сдѣлала для нихъ, и притомъ безъ всякой жертвы съ ихъ стороны, то, что она сдѣлала сама для себя, путемъ столькихъ усилій, съ 1792 года: чтобы обезпечила имъ національную независимость, чтобы устроила имъ политическое единство. Эти *унитаристы* тѣмъ болѣе заявляли себя враждебными французамъ, что заранѣе проникались ихъ примѣромъ и болѣе прямолинейно переносили на итальянскую почву революцію а la française, то есть дѣлая ее насильственно національною, а слѣдовательно антифранцузскою. Указывали на заговоры, на эмисаровъ, открыли «страшный планъ» возстанія всей Италіи, съ цѣлю изгнать всѣхъ французовъ, низложить всѣхъ монарховъ и изъ всей страны сдѣлать одну Итальянскую республику¹⁾».

«Громаднѣйшее большинство вмѣстѣ съ прежними правительствами опять начинаютъ цѣнить французовъ», писалъ 23 декабря Какольтъ, который съ своего поста въ Римѣ наблюдалъ за всей страной. «Но такъ какъ итальянцы злопамятнѣе всѣхъ другихъ народовъ, то мы долго будемъ жить среди людей раздраженныхъ, готовыхъ къ яростной вѣнчѣ противъ насъ, если бы они посмѣли. Какъ всегда бываетъ на войнѣ, имъ причинили неизбежное зло, съ ними были несправедливы. Теперь цѣлю, чтобы скромность и правосудіе—заставили ихъ все это позабыть. Цизальпинія должна особенно ярко практиковать справедливость и вниманіе, чтобы сдѣлаться достойною уваженія. Это должно начаться съ ліонскаго собранія, отъ котораго въ Италіи ждутъ результатовъ, довѣряя гению перваго консула».

Это ліонское собраніе, этотъ громадный арбитражъ а la Цезарь былъ средствомъ, которое придумалъ Бонапартъ, чтобы организовать Сѣверную Италію, умиротворить ее, и съ французскимъ суверенитетомъ, надѣлать ее независимостію, совместию съ этимъ суверенитетомъ, защитить ее отъ всякихъ притязаній со стороны Австріи, чтобы устроеной такимъ способомъ Цизальпиніей дать итальянцамъ образецъ переходнаго управленія—полу-республиканское національное управленіе, полу-протекторатъ, которые путемъ практики, привели бы ихъ къ полной самостоятельности. Встрѣтивъ тѣ же трудности, что и во Франціи, получивъ въ Италіи то же наследство неопытности, обязанный ликвидировать то же банкротство смутянонъ и политическихъ ажіотеровъ, онъ нашелъ въ ней тѣ же средства, извлеченныя не изъ системы какой нибудь, а изъ данныхъ обстоятельствъ. Если въ будущемъ онъ и предусматривалъ объединенную Италію, съ

¹⁾ Cf. t. p. 317, 321, 362, 412.

Римомъ—столицей, то, въ настоящемъ, ни для Франціи, ни даже для Италіи, онъ не желалъ этого единства, преждевременнаго для Италіи, компрометирующаго для Франціи. Вѣрный въ этомъ старымъ французскимъ государственнымъ традиціямъ, не менѣе чѣмъ духу революціи, онъ заявилъ себя, какъ и комитетъ общественнаго спасенія и директорія, столько же сепаратистомъ или федералистомъ въ Италіи и въ Германіи сколько унитаристомъ и централистомъ во Франціи. Но дальновиднѣе своихъ предшественниковъ онъ понималъ тогда, что французская революція, распространившись по Европѣ, обратилась бы противъ Франціи, если бы французы не сумѣли довести революцію до ея предѣла и отказались признать свое дѣло; если бы націямъ, которыя они разбудили, упорно отказывали въ томъ національномъ единствѣ, которое составляетъ для нихъ, какъ и для французовъ, гарантію и форму независимости. Онъ мечталъ приготовить къ этому итальянцевъ тѣми же средствами, которыя приготовили французамъ: «единствомъ принциповъ и законодательства, единствомъ мысли и чувства, которыя вѣрно и прочно скрѣпляютъ человѣческіе аггломераты²⁾».

Въ іюнѣ 1801, на другой день послѣ Маренго, Бонапартъ сымпровизировалъ для Цизальпиніи временное правительство: *советъ*, то есть собраніе назначенныхъ имъ нотаблей, находящихся подъ председательствомъ француза Петье, военнаго министра при директоріи. Цизальпинцы имѣли представителя въ Парижѣ, Марескальчи. Подъ разными предлогами они отправили къ первому консулу депутатовъ, первыхъ изъ своей среды, людей умныхъ, либеральныхъ дворянъ, ставшихъ республиканцами подъ вліяніемъ «свѣтилъ» просвѣщеннаго деспотизма, итальянцевъ 1789 года: Брюмерьянцевъ Италіи, которыхъ Бонапартъ зналъ и цѣнилъ въ 1796 году: Альдини, Сербелони, Мельци. Онъ ихъ выслушалъ, поговорилъ съ ними и рѣшилъ созвать въ Ліонѣ большой *советъ* цизальпинцевъ. Черезъ своихъ искусныхъ «мастеровъ», Марé и Редерера, онъ приготовилъ проектъ конституціи. Редереръ сообщилъ свой планъ Таллейрану. «Нужно, говорилъ онъ ему, «чтобы конституція была кратка и...» хотѣлъ прибавить: ясна. «И темна», сказалъ Таллейранъ, прерывая его.

«Немного, въ конвентѣ, были въ состояніи предвидѣть результаты и чувство гуманности всегда господствуетъ надъ воображеніемъ», говорилъ Бонапартъ Тибодо, по поводу свободы негровъ, и замѣчаніе было еще болѣе умѣтнымъ относительно декрета 16 ноябля 1792 года объ освобожденіи народовъ. «Но, продолжалъ онъ, держаться этихъ принциповъ теперь! Въ нихъ нѣтъ неискренности! Въ нихъ есть только самолюбіе и фальшь.

²⁾ Campagne d'Italie. *Oeuvres*, t. XXIX, p. 76, 283; XXXII, p. 305.

Чтобы не идти такъ далеко: желали ли бы вы, потеряли ли бы мы, чтобы французы были подчинены итальянцамъ, пьемонтцамъ? Они бы славно съ нами расправились. Они сдѣлали бы съ нами то же, что негры сдѣлали съ бѣлыми ³⁾. Наоборотъ, мы должны были принять большія мѣры предосторожности и держать ихъ въ зависимости; и если бы нужно было погубить всю Италію или пожертвовать двумя солдатами моей арміи, я погубилъ бы всю Италію; ибо прежде всего я принадлежу къ моей арміи и существую для моей арміи. Еще и теперь нужно быть осторожнымъ съ этой страной, не смотря на то, что они бѣлые, какъ мы, что они побѣжденные нами, цивилизованные народы!»

Чрезвычайный совѣтъ заключалъ въ себѣ всѣ дѣйствующие совѣты епископовъ, прелатовъ, судей, депутатовъ отъ академій и университетовъ, знатныхъ жителей, всего четыреста итальянцевъ, которые отравились въ Мюнхъ, одни съ большой охотой, съ довѣріемъ, увлекаемые патріотизмомъ; другіе побуждаемые тщеславіемъ, многіе изъ любопытства; большинство же обманываясь въ консулѣ, въ Италіи, въ самихъ себѣ. «Идите», говоритъ имъ кланяющійся при отъѣздѣ Соммарива, идите основать наши благотѣльные учрежденія среди великой націи, на глазахъ у того, кто создавъ нашу республику возвысилъ ее... Пусть Цизальпинія будетъ обязана своими учрежденіями самой себѣ!» Какова бы ни была здѣсь театральная сторона, зрѣлище поражало воображеніе итальянцевъ, французовъ, европейцевъ. Нація славная между всѣми, но также между всѣми униженная, поработенная, расчлененная, словно разбросанная въ изгнаніи на собственной землѣ, лишенная имени между народами, поднявшаяся отъ толчка французской революціи, отправлялась къ французскому консулу съ просьбою устроить сея судьбу, дать ей законы.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ начались переговоры объ «окончательномъ» мирѣ между Франціей и Англіей. Миръ постигнутый на такой венчикъ могъ дать при сборѣ только новыя войны. Зерно было уже испорчено, прежде нежели успѣло прорости подъ землей. Однако косари и жнецы готовились собирать его. Какъ въ Лондонѣ такъ и въ Парижѣ эта иллюзія мира считалась необходимою для управленія людьми; считалось, что это есть время жертвоприношенія богамъ, и что нужно, по крайней мѣрѣ въ эти нѣсколько дней праздника, оказать этотъ косвенный почетъ труду и человѣчеству.

³⁾ И они сдѣлали это въ Веронѣ, въ Неаполѣ, въ Абрुццахъ, въ 1796 въ 1799 гг. см. t. v, p. 88, 157, 323, 412, 424.

ГЛАВА II.

Амьенскій миръ 1801—1802.

Бонапартъ, естественно, поручилъ переговоры своему брату Іосифу, который былъ *grand signataire* консулата. Іосифъ удостоился согласиться, считая себя, впрочемъ, выше всякой задачи, какъ онъ считалъ себя выше своего брата, и по заслугамъ и по рожденію. Никакая высокая должность, даже само консульство, не могла сравняться съ высотой его скромности, ни смутить его безкорыстіе. Впрочемъ его состояніе было такъ же широко, какъ его философія: онъ владелъ въ Морфонтенѣ прекраснымъ имѣніемъ, которое постоянно округлять; въ Парижѣ въ предместьѣ Сент-Онорѣ онъ имѣлъ великолѣпный домъ ¹⁾; въ сущности это человѣкъ скрытный, тщеславный и лукавый, мелкаго ума выскочка, который никогда не находится на своемъ мѣстѣ, ставитъ себя выше всякаго положенія и этой лукавой независимостью пользуется для того, чтобы принимать всѣ посты, отклонять всѣ обязательства и быть свободнымъ отъ всякой отвѣтственности. Онъ уже обѣщалъ или возвѣщалъ черезъ своихъ довѣренныхъ благотѣльный и двусмысленный либерализмъ въ противоположность захватывающей автократіи брата; давалъ понять, что если какайнибудь случайность, смерть консула на войнѣ или отъ руки убійцы, или просто отъ чрезмѣрной неводержанности въ жизни, дадутъ ему верховную власть, то возжи будутъ ослаблены, и люди въ родѣ Бенжамена Константа могли надѣяться на трибуну и парламентскую интриганскую дѣятельность, какъ въ Лондонѣ; какайнибудь М-ше де-Ставъ могла надѣяться на салонъ, который будетъ ономъ политики; генералы—на менѣе бдительный надзоръ; идеологи могли надѣяться на вліяніе въ сенатѣ. Таковъ былъ Гастонъ Орлеанскій, наканунѣ Фронды, между Ретцемъ, М-ше Лангевилль, среди принцевъ и господъ парламента.

Наружно весь «европеецъ», весь на сторонѣ мира, мира легкаго и сладостнаго; допускавшій, что только честолюбіе его брата обезкураживало благожелательную Европу; льстившій иностраннымъ дипломатамъ, въ дѣйствительности обманываемый ими, но ласкаемый, словно цвѣтами осыпавый комплиментами, и за тѣ намеки, которые прорываются въ его рѣчахъ и потому, что его личность служила для нихъ драгоцѣннымъ орудіемъ. Онъ очень расположенъ къ Англіи, и по естественной склонности и также по положенію кандидата. Онъ простодушно вѣрилъ, что если Франція покажетъ себя умѣренной, то Англія сейчасъ покажетъ

¹⁾ Frederic Masson, Napoléon et ses frères, t. I, ch. VII.—T. II, chap. VIII.

себя безкорыстно. Онъ нисколько не сомнѣвался—это былъ у него одинъ изъ членовъ символа вѣры—или вѣрнѣе главнымъ сусвѣрѣмъ—что Англія искренно согласилась на «границы». Его друзья, и съ ними либералы, сохранили эту иллюзію до 1814 года. «Когда генераль Бонапартъ возвратился изъ Египта, пишетъ М-не де-Сталь, Швейцарія, Голландія и Пьемонтъ еще находились подъ французскимъ вліяніемъ: рейнскій берегъ, завоеванный республикой, нисколько не былъ оспариваемъ у нея... Въ самомъ дѣлѣ, чтобы содѣйствовать доброй волѣ австрійцевъ и привести ихъ въ Люневиль, нужны были только двѣ кампаніи, Маренго и Гогенлинденъ! Что касается англичанъ, то достаточно было не противорѣчить имъ на морѣ и въ колоніяхъ, чтобы навсегда примирить ихъ съ расширеніемъ республики! Иосифъ думалъ, что онъ предназначенъ судьбою, чтобы скрѣпить печатью это славное примиреніе. «Волны, говорили онъ въ 1799 году, одному изъ своихъ друзей, выбросили нашу семью на французскую почву. Мы пойдемъ на большія жертвы, чтобы сохранить наше положеніе: союзъ съ Англіей есть наше первое желаніе; объединенныя—Англія и Франція предпринимуть миръ всему свѣту».

Первый консулъ нисколько не вѣрилъ въ эти химеры. Онъ бралъ вещи, какими онѣ были въ дѣйствительности. Его инструкціи Иосифу совершенно положительны. Иосифъ будетъ прикладывать подписи и хранить протоколы. Бонапартъ будетъ все вести черезъ Таллейрана, и Таллейранъ, подъ его диктовку, редактировалъ планъ переговоровъ.—Англичане, по всей вѣроятности, постараются безъ выстрѣла занять Мальту въ день возобновленія войны. Главной заботой Бонапарта было помѣшать имъ въ этомъ. Прелиминаріи говорили, что островъ будетъ оставленъ англійскими войсками и возвращенъ Ордену, подъ гарантіей какой нибудь могущественной державы.

Бонапартъ находилъ Россію слишкомъ отдаленною, а Австрію опасною, онъ предлагалъ Испанію, и еще охотнѣе Неаполь, занимавшій болѣе удобное положеніе и болѣе доступный его захватамъ. Онъ желалъ нѣсколькихъ статей относящихся къ Индіи и могущихъ обезпечить тамъ полное пользованіе возвращенными учрежденіями, возможность укрѣпить ихъ и разумную свободу навигаціи и торговли», то есть онъ желалъ вмѣсто убогихъ, ненадежныхъ, возстановленныхъ Англіей конторъ, довольно широкій округъ, чтобы тамъ построить города, укрѣпиться въ нихъ и открыть пути. Желалъ также нѣсколькихъ сдѣлокъ относительно Нью-фаундленда, лучшихъ чѣмъ сдѣлки 1783 года. Въ общемъ, достаточно было одного почерка пера: пересмотрѣть прелиминаріи статьи и «будущее перенести въ настоящее».—«Что же касается возможнаго намѣренія со стороны англійскаго правительства внести на обсужденіе во-

просъ о сардинскомъ королѣ, объ упроченіи французовъ въ Флессингъ, о навигаціи по Шельдѣ, о содержаніи нѣкотораго количества французскихъ войскъ въ республикахъ батавской, цизальпинской, и пр., чтобы, наконецъ, попытаться ослабить связи съ германскими дѣлами, то все это пункты, которые еще впереди: впрочемъ надо приготовиться отвергнуть, на этотъ счетъ, всякое обсужденіе, всякую вставку въ договоръ».

✓ Эти инструкціи были адресованы Иосифу 15 ноября 1801. 20 Таллейранъ повторилъ ему: «Вы будете держаться какъ положительнаго факта, что правительство не хочетъ разговаривать ни о сардинскомъ королѣ, ни о штатгалтерствѣ, ни о внутреннихъ дѣлахъ Батавіи, Германіи, Гельвеціи и итальянскихъ республикъ. Все эти предметы не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ нашимъ спорамъ съ Англіей».

Ни англичане, ни кто бы то ни было изъ дипломатовъ ни мало не обманывали себя на счетъ этихъ главъ. «Вы мнѣ говорите о сардинскомъ королѣ, писалъ Кочубей Воронцову въ Лондонъ, но что мы можемъ сдѣлать для него... Если французское правительство насъ не слушаетъ, то нужно это оставить такъ». Это тонъ, который далъ англійскій уполномоченный, лордъ Корнвалисъ, по своему прибытіи въ Парижъ.

Филиппъ Кобенцль, замѣтившій, въ Парижѣ, въ сентябрѣ, своего кузена Луи, возвратившагося въ Вѣну, чтобы занять тамъ министерскій постъ, удивлялся важнымъ умолчаніямъ въ прелиминаріяхъ: Италія, Голландія, Швейцарія, Пьемонтъ! Конечно, существовали секретныя статьи? «Къ несчастію, отвѣтилъ ему Корнвалисъ, положеніе Англіи было таково, что она не могла заниматься дѣлами континента, хотя, нѣтъ сомнѣнія, она была очень заинтересована въ нихъ; нельзя было долѣе откладывать дѣло мира: Англія одна находилась въ войнѣ съ Франціей. Было бесполезно принимать участіе въ дѣлѣ сардинскаго короля; такъ какъ Франція безповоротнo рѣшила сохранить за собой Пьемонтъ.—Но, возразилъ Кобенцль, французы владѣя Пьемонтомъ, имѣя армію въ Цизальпиніи останутся господами королевства неаполитанскаго и всей Италіи.—Я понимаю это очень хорошо, отвѣтилъ Корнвалисъ, но какъ помѣшать этому? Мы ничего не можемъ на континентѣ²⁾».—«Я спрашивалъ у лорда Корнвалиса», писалъ Марковъ, «имѣетъ ли онъ распоряженіе, чтобы дѣйствовать въ пользу короля сардинскаго. Онъ мнѣ сказалъ, что имѣетъ, но что эти инструкціи предписываютъ ему очень большую осторожность³⁾».

Объ этомъ говорилось въ одной бесѣдѣ, которую первый консулъ имѣлъ съ Корнвалисомъ. Говорили также объ Индіи. Бонапартъ высказалъ свое

²⁾ Rapport de Cobenzl, 21 novembre 1801. Boulay de la Meurthe.

³⁾ Rapport de Markof, 13 novembre 1802.

намѣреніе вступить съ какимъ нибудь набобомъ въ переговоры объ уступкѣ земли вокругъ Пондишери. «Нѣтъ набоба, отвѣтилъ Корнвалисъ, съ которымъ Франція могла бы вести переговоры, и дѣло могло бы привести только къ одному результату — поссорить двѣ аціи». — «Съ вами трудно разговаривать», возразилъ Бонапартъ. Относительно Пьемонта онъ не оставлялъ никакой надежды: эта страна послужитъ для увеличенія французской республики. Разговоръ происходилъ 28 ноября. Уполномоченные имѣли предварительную конференцію 24. Переговоры были перенесены въ Амьенъ.

Обмѣнъ полномочій происходилъ 3 и 4 декабря. Конференція началась 5. На нихъ явился Шиммельпенникъ, который долженъ былъ вести переговоры о мирѣ съ Голландіей, но онъ уже съ самого начала поднималъ затрудненія. Азара, представитель Испаніи, не явился, что вызвало жалобы Корнвалиса. Бонапартъ не обращалъ вниманія на протесты этихъ союзниковъ республики. Онъ пригласилъ Шиммельпенника «формально заявить, что его правительство присоединяется къ прелиминарнымъ статьямъ»; что же до Испаніи, то «миръ тамъ объявленъ; присутствие Азары есть лишь простая формальность; ибо французское правительство заявляетъ, что оно готово «заставить Испанію принять и выполнить какъ прелиминарныя статьи такъ и окончательный договоръ»⁴⁾.

Въ интересахъ Бонапарта было расчистить почву и прекратить въ корнѣ всѣ вмѣшательства, которыя были бы предлогомъ для новыхъ отсрочекъ, для дополнительныхъ процедуръ. Напротивъ, въ игру англичанъ входило осложнить дѣло; дожидаться испанца, жаловаться на его медлительность; слушать батавца и ксатати ободрять его въ его требованіяхъ; вызывать наружу противоположность интересовъ Франціи и Голландіи, жестоко дать почувствовать голландцамъ тѣ жертвы, которыя потребовались отъ нихъ французскій союзъ. Корнвалисъ хотѣлъ пригласить даже португальца. Бонапартъ не согласился: это значило бы очень простые и формальные переговоры превратить въ конгрессъ морскихъ державъ⁵⁾. Потомъ спорили относительно дипломатическаго языка: постоянно ставился этотъ вопросъ, всегда онъ оставался открытымъ на всѣхъ конгрессахъ, давая замѣчательно удобный предлогъ для уклоненій въ сторону. Корнвалисъ писалъ и говорилъ по французски. Несмотря на это онъ поддерживалъ свое право употреблять, сообразно съ своими удобствами, англійскій языкъ, и онъ потребовалъ актовъ трактата на англійскомъ языкѣ. По всякому поводу онъ сносился съ Лондономъ. Иосифъ,

⁴⁾ Talleyrand à Joseph, 7 décembre 1801.

⁵⁾ Cornwallis à Joseph, 13 décembre; Talleyrand à Joseph, 14, 15, 16 décembre 1801.

къ своему большому неудовольствію, видѣлъ себя принужденнымъ дѣлать то же самое въ Парижѣ. Не было недостатка въ его жалобахъ и сътованіяхъ по поводу суфлеровъ. Его оставляли въ невѣдѣніи! Ему недоставало даже Бадахоскаго трактата! Судя впрочемъ о Корнвалисѣ по себѣ, онъ рисовалъ его Таллейрану «въ трудномъ положеніи между своимъ личнымъ характеромъ и намѣреніями своего правительства».

Эти задержки не обманули Бонапарта. Таллейранъ могъ ему припомнить пріемы Мальмесбюри въ Лилль, въ 1797 году. «Сопоставляя массу трудностей съ простотой вопроса, данного для разрѣшенія, нельзя не предположить, что какая то тайная причина мѣшала заключенію окончательныхъ сдѣлокъ»⁶⁾. Тайную причину Таллейранъ зналъ очень хорошо во время директоріи. Это была надежда на кризисъ, на покушеніе, своевременную болѣзнь, въ виду того, что все основывалось на жизни одного человѣка. Филиппъ Кобенцль сообщаетъ⁷⁾: «Броженіе увеличивается со дня на день». Генералы строятъ ковы, демократы волнуются. «Дороговизна хлѣба, раздражающая народъ, помогаетъ имъ возбуждать недовольство, которое громко высказывается. Въ разныхъ мѣстностяхъ поджигали мельницы, чтобы поднять цѣну на муку. Полицейскихъ не хватаетъ, чтобы срывать со стѣнъ наклеиваемые на нихъ памфлеты, и множество бюстовъ Бонапарта брошено въ рѣку... Умножены патрули, снующіе по улицамъ Парижа, и Бонапартъ, который долженъ былъ отправиться 12 декабря въ Ліонъ, не поѣдетъ такъ скоро, и вѣроятно совѣтъ не поѣдетъ».

Таллейранъ имѣлъ основанія—основанія *Чернаго Кабинета*—подозрѣвать, что лица освѣдомлявшія Кобенцля давали ему также корреспонденціямъ М. Гаммона, младшаго государственнаго секретаря, который въ своемъ департаментѣ въ Лондонѣ имѣлъ парижскихъ агентовъ. Онъ писалъ Отто 22 декабря: «Сообщено, что въ Лондонѣ распространяють въ высшей степени достойные смѣха слухи о внутреннемъ состояніи Франціи; говорятъ о безпорядкахъ, которые вотъ вотъ разразятся, о недовольствѣ среди генераловъ, о тревогахъ по этому поводу, о другихъ тревогахъ по поводу зерна; говорятъ, что поѣздка въ Ліонъ не состоялась. Истина же такова, что никогда Франція не представляла больше единства, больше спокойствія внутри, что первый консулъ отправится 27 или 28—отстаивая Парижъ въ настроеніи, которое есть результатъ самаго полного довѣрія къ правительству».

Отто съ своей стороны отмѣчалъ возрастающее недовольство въ Англіи

⁶⁾ Bonaparte à Joseph, 2 février 1802.

⁷⁾ Au vice—chancelier, 15 décembre 1801.

и затрудненія кабинета: «Онъ не можетъ сдѣлать шагу, не посоветовавшись съ дюжиной комитетовъ: негодяевъ и судохозяевъ, ревнивыхъ къ своимъ правамъ, справедливымъ или узурпированнымъ; готовыхъ атаковать правительство, позволившее себѣ обидѣть ихъ; такъ что можно бы сказать, что вѣра общества этой страны имѣетъ своимъ центромъ не Сепъ-Джемсъ, а Лондонскую биржу».

Бонапартъ приготовилъ «проектъ договора объ окончательномъ мирѣ», 5 пунктъ котораго, относящійся къ возстановленію конторъ и факторій въ Индіи, говорилъ: свободное плаваніе «въ моряхъ Индіи, въ Гангъ и ея разныхъ устьяхъ»; «прямая и непосредственная торговля французомъ всѣми предметами»; торговля всякими пищевыми припасами «на основаніяхъ одинаковыхъ» съ англичанами. Отто, которому было поручено это дѣло, наткнулся на непреодолимое препятствіе. Англичане вовсе не отказывались остановить и даже расширить кое-какія французскія владѣнія въ Индіи, но подъ условіемъ, чтобы эти владѣнія открыли мѣста сбыта для торговли англійской, но не французской ⁹⁾. Они соглашались, чтобы Франція заводила административныя колоніи, которыя разбрасываютъ силы, дорого стоятъ, ничего не производятъ и во всемъ требуютъ иностраннаго ввоза. «Если бы Франція не имѣла этихъ владѣній въ Индіи, говорилъ Отто одинъ «очень образованный» англичанинъ, то мы должны были бы дать ихъ ей... Особенно потому, что мы нуждаемся въ покупателяхъ, и потому, что французы намъ очень полезны для процвѣтанія нашей торговли и нашихъ мануфактуръ». Но не нужно ни торговли ни промышленности, процвѣтающихъ во Франціи и распространяющихся въ колоніяхъ! «Опасаются не владѣній французскихъ, сообщаетъ Отто, а французской торговли»... Аддингтонъ ничего не хотѣлъ и слышать объ этой статьѣ, а также относительно Ньюфаундленда. «Онъ постарался овладѣть довѣріемъ публики, особенно коммерсантовъ, и на этомъ довѣріи держится его авторитетъ»... Онъ считалъ бы себя обезцѣненнымъ, если бы онъ навлекъ на себя порицаніе Сити, и эта преданность простирается даже на нѣкоторые коммерческіе предрасудки, которые онъ самъ признаетъ таковыми, но уважаетъ ихъ потому, что они принадлежатъ громадной массѣ жителей, оберегать которую онъ поставилъ для себя закономъ».

Контръ-проектъ относительно Индіи, говорилъ онъ, Отто, произвелъ въ Лондонѣ «живѣйшую сенсацію». Онъ говорилъ о немъ съ «какой-то тревогой въ глазахъ». — «Всѣ статьи относительно рыбной ловли, уступки части Ньюфаундленда и о свободной навигаціи въ Индіи тоже

⁹⁾ Rapport d'Otto, 4 Janvier 1802.

казались ему недопустимыми и настолько противными мнѣнію и намѣреніямъ англійской пубрики, что кабинетъ не могъ бы принять ихъ, не погубивъ себя... Допуская даже, что отказъ кабинета былъ бы причиной новой войны, онъ мнѣ заявилъ, что война вообще была бы одобрена и парламентомъ и народомъ. Такого рода сдѣлки, продолжалъ онъ, могутъ стать предметомъ переговоровъ между двумя правительствами въ болѣе спокойное время ⁹⁾. Идетъ торгъ о возвращеніи плѣнниковъ. Отто желалъ бы, чтобы это произошло до подписанія трактата. Англійскій министръ ставитъ этому свою цѣну: уступку Табаго въ уплату расходовъ по содержанію этихъ несчастныхъ. «Невозможно», сообщаетъ Отто, 4 января 1802 года, смотрѣть на мѣста, гдѣ содержатся наши плѣнные, не содрогаясь отъ ужаса: но когда я увидѣлъ, что Табаго должно быть цѣной этой мнимой жертвы, то я долженъ былъ разсматривать плѣнныхъ, уже какъ солдатъ, находящихся въ осадѣ, лишенія и страданія которыхъ, конечно, чрезмѣрны, но которые отдають себя въ жертву славы и чести своей страны».

Испанія оснаживаетъ изъ Амьенъ уступку Тринидада. Голландія требуетъ компенсаціи за Цейлонъ. Англичане отвѣчаютъ требованіемъ вознагражденія королю сардинскому, «за что, писалъ Іосифъ, они открытой статьей признали бы всѣ сдѣлки, которыя французская республика считала бы кетати устроить въ Италіи». Іосифъ спрашиваетъ Таллейрана: «Составляетъ ли условіе sine qua nonъ окончательнаго договора признаніе Цизальпинія и короля Этрурїи?» Наконецъ, постоянно спорятъ о Мальтѣ, тносительно которой сейчасъ же расходятся, какъ только покажется, что достигли соглашенія ¹⁰⁾.

Бонапартъ находитъ неблагоприятнымъ настаивать на уступкахъ, которыхъ онъ потребовалъ въ Индіи. «Нужно все сдѣлать, писалъ д'Оттеривъ Іосифу, чтобы получить возможность улучшить и расширить наше положеніе въ этой части свѣта, какъ оно было опредѣлено въ 1783 году, но не нужно дѣлать изъ этого предлогъ, могущій помѣшать миру или отерочить его» ¹¹⁾.

Первый консулъ имѣлъ для этого другіе резоны — торговая статья возобновленіе трактата 1786 года, о которомъ онъ не хотѣлъ и слышать. Англичане дали ему урокъ политической экономіи и предоставили лучший предлогъ, чтобы уклониться отъ всякаго соглашенія по этому предмету; впрочемъ, онъ твердо рѣшилъ, не превращать расширенную Фран-

⁹⁾ Rapport a'Otto, 6 Janvier 1802.

¹⁰⁾ Rapports de Joseph, 19 et 22 janvier 1802.

¹¹⁾ 29 décembre 1801, sur les instructions du premier Consul.

цію въ одну изъ тѣхъ торговыхъ британскихъ колоній, которыя Англія сумѣла устроить себѣ въ Индіи.

18-го Января, уполномоченные могли считать свою миссію удачною. Иосифъ предложилъ, чтобы Мальта была возвращена ордену «подъ покровительствомъ и гарантіей Франціи, Великобританіи, Австріи, Россіи, Испаніи и Пруссіи». Корнвалисъ «ничуть не скрывалъ, что этотъ проектъ кажется ему надлежащимъ». Иосифъ присовокупилъ, что французскія войска очистить Неаполитанское королевство лишь во время эвакуаціи Мальты англичанами. Корнвалисъ обо всемъ сообщалъ въ Лондонъ и 30 числа получилъ слѣдующій отвѣтъ: Аддингтонъ «очень сѣтовалъ на соглашеніе, которое Корнвалисъ, кажется, далъ относительно проекта на счетъ Мальты».

Опять повели переговоры, уклоняясь въ сторону, избѣгая ясныхъ выраженій. Это указывало на то, что тутъ отсутствовала рука Бонапарта. Сначала онъ надѣялся все покончить однимъ почеркомъ пера, перемѣнивъ время глагола, и онъ отложилъ свою побѣдку въ Ліонъ. Подписавъ миръ, онъ явился передъ итальянцами въ качествѣ верховнаго рѣшителя дѣлъ. Съ отступленіемъ англичанъ, онъ измѣнилъ тактику, повернулся къ нимъ спиною, предоставивъ имъ развивать въ деталяхъ свои возраженія, самъ приготовился показать имъ новый примѣръ того, какъ опасно медлить съ такимъ человекомъ, какъ онъ, человекомъ, который умѣетъ извлекать выгоды изъ времени.

II.

Бонапартъ послалъ Таллейрана въ Ліонъ 18 декабря 1801 года. Таллейранъ долженъ былъ повліять на итальянскихъ депутатовъ, устроить все включительно до союза двухъ республикъ, и собрать *советъ* лишь тогда, когда будетъ увѣренъ въ большинствѣ. Прибывъ въ послѣднихъ числахъ декабря, онъ разбросалъ массу депутатовъ по комитетамъ, гдѣ они занимались спорами о статьяхъ конституціи. Онъ отбѣдилъ главныхъ, лишь довѣренныхъ, и настроилъ ихъ. Конституція, выработанная по плану, утвержденному Бонапартомъ съ *четырьмя* въ Парижѣ, учреждала сенатъ изъ восьми членовъ, государственный *советъ* изъ десяти, законодательный корпусъ изъ семидесяти пяти членовъ, непознательный—изъ президента и вице-президента, избираемыхъ на десять лѣтъ и избирающихъ министровъ. Выборы должны были совершаться въ будущемъ постояннымъ избирательнымъ корпусомъ, раздѣленнымъ на три коллегіи, составленныя изъ собственниковъ, коммерсантовъ и *dotti* или гражданъ свободныхъ профессій. Но въ настоящее время и для открытія дѣйствія конституціи Бонапартъ оставилъ за собой право назна-

чить президента, вице-президента, членовъ правительства, сената и законодательнаго корпуса, судей, главныхъ чиновниковъ.

Вся хитрость заключалась въ выборѣ президента. Прислушиваясь къ словамъ Таллейрана, онъ хотѣлъ, ради Европы, довѣрить Иосифу проконсульство Италіи. Этотъ братъ кобенился. «Правда, рассказывалъ онъ послѣ, что *онъ* предложилъ мнѣ этотъ блестящій постъ, благопріятствовавшій всѣмъ моимъ желаніямъ, но въ то же время онъ хотѣлъ связать меня этимъ постомъ, заставить играть роль подобную роли де-Мельци. И я, зная въ совершенствѣ моего брата, зная все, что есть тяжелаго въ его игѣ, предпочитая вести неизвѣстное существованіе, лишь-бы не быть политическимъ манекеномъ я долженъ былъ отказаться». Однако онъ высказалъ свои условія и спорилъ о цѣнѣ, которою онъ опредѣлялъ «свое неизвѣстное существованіе» и «свои соображенія человека простаго и скромнаго»:—«Я требовалъ, чтобы Пьемонтъ былъ присоединенъ къ итальянской республикѣ; чтобы мнѣ дали свободу возстановить тамъ главныя крѣпости¹²⁾; чтобы съ территоріи республики были отозваны французскія войска и, особенно, генералъ Мюратъ. Добившись такихъ уступокъ, я былъ бы дѣйствительнымъ хозяиномъ. Я зависѣлъ бы отъ Франціи въ министерствѣ, въ политическихъ сношеніяхъ, но былъ бы независимъ матеріально. Мой братъ, честолюбіе котораго не имѣетъ границъ, не согласился...»

Бонапартъ вовсе еще не былъ такъ слѣпъ, чтобы на мѣсто побѣжденныхъ и сметенныхъ республикою королей ставить новыхъ, взятыхъ изъ рядовъ республиканцевъ, болѣе пустыхъ и упрямыхъ, чѣмъ другіе, ибо въ свое господство они вносили революціонную гордость въ соединенія съ корсиканскою надменностью. Иосифъ хотѣлъ играть въ Италіи роль перваго консула. Бонапартъ же сохранилъ эту роль самъ для себя. Комбинація болѣе простая и безконечно болѣе надежная. Но нужно было, чтобы, по крайней мѣрѣ, для видимости, цизальпинцы дали ему это консульство. Таллейранъ подготовилъ къ этому умы. «Я встрѣтился, рассказываетъ онъ, съ де-Мельци, котораго—зналъ давно и которому открылся не о томъ, чего желалъ первый консулъ, а о томъ чего должна была пожелать цизальпинская республика». 3 Января 1802 года онъ писалъ Бонапарту: «Они сдѣлаютъ то, чего вы пожелаете, и вамъ нѣтъ нужды даже показывать имъ ваше желаніе. То, что они почтутъ за *ваше* желаніе, тутъ же станетъ закономъ... Вы во главѣ страны съ делегатомъ, поставленнымъ вами же,—это было бы лестно для очень многихъ, я думаю, для боль-

¹²⁾ То есть крѣпости со стороны Франціи, такъ какъ Бонапартъ и не думалъ уничтожать крѣпость со стороны Австріи. Сравни. ниже, кн. III, гл. II: le royaume d'Italie, 1805.

шинства. Иосифа приняли бы съ удовольствіемъ. Мельди отчасти... Все можно сдѣлать въ двадцать четыре часа».

6 Января 1802 года, Бонапартъ сказалъ швейцарскому посланнику Редингу: «Гражданинъ, ваши соотечественники уже второй годъ иногда совѣщаются со мною объ ихъ дѣлахъ. Я говорилъ съ ними, какъ это сдѣлало бы первое чиновное лицо Галліи въ то время, когда Гельвеція была ея частью». Такъ представлялъ онъ собою Цезаря, говоря съ представителями цизальпинской Галліи, собравшимися въ Ліонѣ, въ Галліи Заальбийской. Онъ прибылъ туда 11 января, предшествуемый министромъ внутреннихъ дѣлъ, сопровождаемый Жозефиной, которая мало-по-малу втиралась въ республику; эскортируемый своєю гвардіей, окруженный своими гражданскими чинами, какъ первое чиновное лицо и какъ глава арміи. Ліонскій гарнизонъ состоялъ изъ войскъ «вовсе недурныхъ, но немного болтливыхъ»; изъ солдатъ, возвратившихся изъ Египта, дурно одѣтыхъ, еще болѣе дурно настроенныхъ. Бонапартъ объявилъ, что сдѣлаетъ имъ смотръ 12 числа. Жители обѣгались на это зрѣлище, заявившее мѣсто революціонныхъ процессій съ ихъ символами изъ картона и гипса, съ ихъ дефилирующими фигурантами, съ ихъ театральными перекрашиваніями и приспособленіями. Здѣсь все было реальное и живое, все говорило народу о его собственной славѣ. Это была «великая нація», которая показывала себя въ самомъ блестящемъ своемъ видѣ, въ этомъ зрѣлищѣ, устроенномъ для нея самой.

23 Января вся конституціонная работа была окончена. Оставалось назначить президента. Таллейранъ созвалъ конституціонный комитетъ для официальной баллотировки. Урны дали имя де-Мельди. Таллейранъ поздравилъ депутатовъ съ ихъ выборомъ: но сказалъ имъ: «вы могли бы сдѣлать выборъ еще болѣе удачный, цѣликомъ обезпечивая Мельди роль, которая ему приличествуетъ». Эти итальянцы, услужливые и хитрые, поняли, что Бонапартъ желалъ быть президентомъ. Они предложили ему президентство, и онъ принялъ его, «пока онъ не найдетъ удобнымъ назначить себѣ преемника». Списки были готовы: онъ организовалъ правительство и администрацію. 26 января произошло торжественное собраніе совѣта, на которое явился Бонапартъ. Встрѣченный громкими привѣтствіями цизальпинцевъ, онъ сказалъ имъ по итальянски: «Цизальпинская республика, признанная со времени Кампо-Форміо, уже испытала много превратностей. Поддержка Франціи одержала верхъ. Вы дали мнѣ указанія, необходимыя для выполненія священной задачи, къ которой обязываетъ меня мое положеніе, какъ перваго гражданина французскаго народа, какъ чловѣка, который больше всего содѣйствовалъ вашему бытію.

«Вы имѣете только частные законы: съ этого времени вамъ нужны

законы общіе. Вашъ народъ имѣетъ только мѣстные привычки, нужно чтобы онъ возымѣлъ привычки національныя. Наконецъ, вы не имѣете арміи..., но вы имѣете то, что можетъ дать се—многочисленное населеніе, плодородныя поля и примѣръ, показанный первымъ народомъ Европы во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ».

Итальянцы приняли на свой счетъ эти послѣднія слова и сразу увидѣли себя равными римлянамъ, «ихъ отцамъ въ прошломъ», и равными великой націи, своей сестрѣ и попечительницѣ въ настоящемъ. «Эта пышная рѣчь, сообщаясь одинъ итальянецъ, была встрѣчена много разъ повторяющимися кликами французовъ и итальянцевъ. Чувство подчиненія у французовъ было смягчено чувствомъ господства надъ иностранцами. итальянцамъ же оно должно было казаться болѣе горькимъ!» Но этого не было замѣтно. Первой главой исторіи новой Италіи была возможность самого ея существованія, и Бонапартъ давалъ ей эту возможность.

Стали читать конституцію. *Costituzione della Repubblica... cisalpina?.. Italiana?..* «Хотите вы», сказалъ Бонапартъ этимъ итальянцамъ, приглашая ихъ на ихъ языкѣ сдѣлаться націей»; «Хотите вы, чтобы было написано *цизальпинская* или *итальянская*?..» Нѣкоторые, хлопая въ ладоши, кричали: «Итальянская, итальянская!» И читавшій продолжалъ: «Конституція *итальянской* республики». Такъ была она объявлена, и патриоты видѣли въ этихъ словахъ цѣлую программу будущаго, начало времени предсказанныхъ Алфіери: *Italia virtuosa, magnanima, libera é una!*—Добродѣтель, дѣлающая народы свободными, великодушіе, дѣлающее ихъ славными, единеніе, дѣлающее ихъ могущественными.

«Въ этомъ засѣданіи было что-то величественное», сказалъ Бонапартъ своимъ товарищамъ, консуламъ Камбасересу и Лебрену. И прелаты папѣ: «Мы были призваны въ Ліонъ первымъ консуломъ, безсмертнымъ Бонапартомъ, провозглашеннымъ во славу и къ пользѣ мира, президентомъ нашей республики... Это герой въѣха!» Бонапартъ извѣстилъ пану объ основаніи республики: «Было признано, что религія католическая, апостольская и римская была и религіей государственной...» Мельди онъ назначилъ вице-президентомъ «для выполненія функцій, принадлежащихъ президенту», и Марескальки министромъ внѣшнихъ сношеній.

III.

Тогда онъ возвратился къ Амьену, но не пыталъ сопротивленіе, какого не ожидалъ. Въ то время какъ онъ поручилъ Иосифу заявить Кориналеу объ учрежденіи итальянской республики, чтобы самому извѣстить объ этомъ Александра, чтобы сообщить этому императору о предстоящей эвакуаціи Швейцаріи, о передачѣ Мальты Ордену, о близкомъ подписа-

ни мира ¹⁾: Иосифъ, не смотря на свой оптимизмъ, принужденъ былъ написать 12 февраля: «Мои предъидущія депеши должны были дать вамъ возможность оцѣнить тѣ трудности, которыя замедляютъ заключеніе мира. Статія о Мальтѣ еще не вырѣшена. Лордъ Коривансъ предложилъ мнѣ объявить трактатъ общаго мира и для Турціи. Эти трудности являются результатомъ, который произвели въ Англіи лонскій совѣтъ, президентство итальянской республики, занятіе острова Эльбы ²⁾, экспедиція въ Сентъ-Доминго, особенно же слухи о морскихъ приготовленіяхъ во Франціи и Голландіи и отзвуки колоніальныхъ предпріятій, замыслы которыхъ возвысило занятіе Луизианы.

Англичане разрушили эти планы Бонапарта относительно мира: они считали ихъ безконечно болѣе опасными, чѣмъ сама война. Какъ! Онъ завладалъ этими прекрасными Нидерландами и лѣвымъ берегомъ Рейна, достигъ главенства въ Италіи и Голландіи только для того, чтобы развивать французское владычество въ обѣихъ Индіяхъ! Онъ устроилъ миръ только для того, чтобы въ сто разъ увеличить выгоды войны! Послѣ завоеваній торговля; послѣ материка острова—факторіи; послѣ Шельды и Рейна—Миссисипи! Французовъ изгнали изъ Египта, они основались въ Ливорно и Генуѣ; возвративъ Мальту, они взяли островъ Эльбу! Слабость лондонскаго кабинета позволила имъ послать армію въ Сентъ-Доминго. съ отнимъ изъ лучшихъ генераловъ, шуриномъ консула, заставившимъ португальцевъ закрыть къ себѣ доступъ англичанамъ. Такой выборъ указывалъ на широкіе планы. Это былъ французскій Кливъ, будущій Воллеслэй, предназначенный завоевать другую имперію, имперію Западныхъ Индій. Послѣ Сентъ-Доминго и Луизианы, Гвинея, Флорида, Мексика, громадный заливъ, соприкасающійся со всеми берегами, захватывающій весь острова! Чтобы запретить имъ Нидерланды и изгнать ихъ изъ Индіи. Англія выдержала двѣ большихъ войны, взяла у нихъ Канаду: и все это для того, чтобы видѣть ихъ основавшимися теперь въ Антверпенѣ, въ Новомъ-Орлеанѣ! Что остается отъ трактата 1763 года, единственнаго истиннаго трактата британскаго мира? Хотъ бы они согласились, для компенсаціи, возобновить коммерческій договоръ 1786 года, который въ глазахъ англичанъ стоилъ другой индійской имперіи, другой Канады, хотъ бы эта обширная береговая линія, которую они должны признать за Франціей, была своего рода поглощающимъ фильтромъ, хотъ бы эти устья рѣкъ, какъ громадныя воронки, были открыты для англійскихъ продуктовъ? Но Бонапартъ не соглашается на это.

¹⁾ Talleyrand à Joseph, 14 février, Bonaparte à Alexandre, 16 février 1802.

²⁾ Удержаннаго Бонапартомъ въ то время, когда Тоскана была въ вѣдѣніи инфанта Пармскаго. De Clercq, t. I, 431.

Бонапартъ, унаслѣдовавшій властный духъ комитета общественнаго спасенія и директоріи, унаслѣдовалъ также ихъ экономическія системы. Въ то самое время, когда «естественныя границы» онъ дѣлалъ закономъ для Европы, онъ поддерживалъ драконовскій законъ 10 брюмера V года, усиленное воспроизведеніе, если можно такъ сказать, террористическаго закона 19 вандемьера II года, объ экономическихъ подозрѣніяхъ, который сравнивалъ англійскихъ коммерсантовъ съ эмигрантами, объявляетъ ихъ товары непріятельскими, запрещаетъ ихъ ввозъ и продажу «на всемъ протяженіи французской республики» ¹⁾.

Аддингтонъ и его товарищи убѣждаются, что имъ не добиться отъ парламента ратификаціи трактата, если они не заставятъ французовъ отказаться отъ нѣкоторыхъ важныхъ статей прелиминарнаго договора: они думаютъ, что могутъ принудить къ этому французовъ опасностію, въ которую неожиданное возобновленіе войны поставило бы французскій флотъ, находящійся на пути къ Антильскимъ островамъ и не могущій получить помощи.

Бонапартъ видитъ опасность, но онъ предпочитаетъ немедленную войну хищнической сдѣлкѣ, которая скоро подвергнетъ сомнѣнію весь трактатъ: ибо при малѣйшемъ надрѣзѣ съ боковъ вся основа ткани разорвется и англичане будутъ тянуть все сильнѣе и сильнѣе, пока не разорвутъ матерію ²⁾. Онъ приказываетъ Иосифу редактировать проектъ *ne varietur*, и насколько возможно держаться въ немъ прелиминарій. Онъ ищетъ или диктуетъ ноты относительно Мальты, Порты, Берберъ, какъ послѣднюю инструкцію Иосифу и Отто ³⁾. Въ одной онъ ставитъ принципъ, который есть и будетъ однимъ изъ руководящихъ принциповъ его политики, и который онъ заимствуетъ у Кольбера и у комитета общественнаго спасенія: «Средиземное море принадлежитъ Франціи и Испаніи по ихъ топографическому положенію». Онъ оказывается болѣе сговорчивымъ въ сдѣлкѣ о Мальтѣ. Онъ ищетъ своего рода *mezzo termine*, чтобы возвратить островъ Ордену подъ покровительствомъ неаполитанскаго короля. «Англія могла бы держать этотъ островъ еще шесть мѣсяцевъ послѣ подписанія договора; само собою понятно, что съ нашей стороны мы будемъ держать Тарентъ». Онъ не говоритъ больше о факто-

¹⁾ См. прецедентъ Директоріи во время переговоровъ Мальмсбюри, Т. V, p. 116.

²⁾ *Journal de Malmesbury*. Замѣтки 2 мая 1802 года относительно рѣчей Жаксона, бывшаго въ Парижѣ во время переговоровъ.—Boulay de la Meurthe, t. V, p. 220, note.

³⁾ Talleyrand à Joseph; Notes de Bonaparte pour Otto, Bonaparte à Talleyrand, 19 février 1802.

рѣхъ въ Индіи, ни о Гангѣ, ни о Ньюфаундлендѣ. Что касается новыхъ государствъ Италіи, итальянской республики, Лигурии, Этрурии, то онѣ на нихъ не настаиваетъ, но предупреждаетъ: Англія можетъ исключить ихъ изъ трактата, пусть. Онѣ будутъ исключены изъ мира *).

«Если Англія отказывается признать три державы, занимающія такое почетное мѣсто, то стало бытъ она отказывается принимать какое бы то ни было участіе въ народахъ, составляющихъ три государства. Но какъ же допустить, чтобы англійская торговля относилась безразлично къ торговлѣ Генуи, Ливорно, устьевъ По и республики итальянской? И если ея торговля будетъ страдать отъ препятствій въ этихъ трехъ государствахъ, то кого будетъ обвинять его британское величество?»

«И если эти три державы, пораженные тѣмъ, что великія державы ихъ не признали, сдѣлаютъ перемѣны въ своей организаціи и поищутъ убѣжища въ присоединеніи къ какой-нибудь великой континентальной державѣ, то откажется ли тогда его британское величество отъ своего права жаловаться?»

Онъ закончилъ словами, чреватыми будущимъ, напоминающими его деклараціи Кобленца, когда въ Люневилѣ Австрія продолжала ускользать: «Не смотря ли на миръ какъ на перемиріе? Прискорбная, обезкураживающая перспектива для человѣка благomyслящаго, но которая безонпобочно могла бы произвести такіе результаты, которые не поддаются вычисленію». Галлейранъ прибавилъ слѣдующій многозначительный комментарий: «Мы податливы на всѣхъ пунктахъ, но не изъ боязни. Посылаю вамъ *Moniteur*, изъ котораго вы узнаете новость о прибытіи флота въ Сень-Доминго... Итакъ, оканчивайте, оканчивайте!» *).

Но до конца было далеко, хотя прибытіе Деклерка въ Сень-Доминго лишило англичанъ грозной опоры. Спорили о замѣчаніяхъ представленныхъ Юсифомъ, и недѣля ушла на разбивчатые протоколы, на разъѣзды курьеровъ между Амьеномъ и Парижемъ. 6 Марта былъ сообщенъ Корнвалису проектъ одобренный Бонапартомъ: онъ состоялъ изъ preliminary статей, къ которымъ были присоединены статьи формально постановленные въ Амьенѣ. Корнвалисъ составилъ контръ-проектъ относительно Мальты. Конференція продолжалась около семи часовъ. Корнвалисъ нисколько не скрывалъ, что «его инструкціи были гораздо болѣе точны, чѣмъ нѣскольکو дней тому назадъ, и что ему предоставили гораздо меньше свободы». Министры, прибавилъ онъ прислали ему проектъ статьи о вознагражденіи принца Оранскаго, но что онъ даже не пока-

*) *Projet de note pour Joseph, à insérer au protocole, 19 février 1802.* Въ протоколъ отъ 21 оно приведено вкратцѣ.

*) A. Joseph, 22 février 1802.

завъ его изъ духа миролюбія: ибо проектъ осуждалъ французскую революцію.

Бонапартъ терялъ терпѣніе. Онъ надѣялся имѣть миръ 10 марта и опубликовать его вмѣстѣ съ конкордатомъ. Эта конвенція, наконецъ, заняла бы свое мѣсто рядомъ съ другими статутами государства, получивъ имя *органическихъ статей*; но Бонапартъ хотѣлъ показать ее республиканцамъ въ великолѣпной рамкѣ — европейскомъ мирѣ въ границахъ Цезаря. «Если лордъ Корнвалисъ добросовѣстенъ, то миръ долженъ быть подписанъ раньше 19 вантаза—10 марта», писалъ онъ Юсифу 8 числа. Итакъ англичане сошли съ ума! Если мира не будетъ сейчасъ же, я не боюсь войны. Объясните настойчиво, и чтобы 19-го, въ полдень (10 марта) я зналъ, что мнѣ дѣлать, ибо я долженъ принять мѣры предосторожности относительно нашихъ флотовъ, ввиду того, что англичане, кажется, дали въ Плимутъ приказъ вооружаться». Въ этотъ день онъ еще не соглашался включать Турцію въ трактатъ, внося въ него гарантію цѣлости этой Имперіи. На слѣдующій день онъ согласился написать: «Высокая Порта приглашается присоединиться къ настоящему трактату», и прибавилъ: «Я даю вамъ всю нужную свободу, чтобы подписать почью. Итакъ, дѣлайте все возможное, чтобы окончить и подписывайте...» — Если курьеръ, который принесетъ извѣстіе, прѣдетъ въ Парижъ 10-го, раньше девяти часовъ, то онъ получитъ шестьсотъ франковъ».

Но 10-ое число прошло безъ извѣстій. 11-го Марта въ пять часовъ вечера еще ничего не было изъ Амьена. Пришли, наоборотъ, рапорты отъ Отто, изъ Лондона, помѣченные 6 и 8 марта: оппозиція обвиняла министровъ въ парламентѣ. Въ порты были посланы приказы вооружаться: газеты ринулись въ ярость; онѣ опубликовали письмо одного изъ уполномоченныхъ въ Амьенѣ, Мерри, который обвиняетъ Бонапарта въ томъ, что онъ не желаетъ мира. Гаксбери, будучи спрошенъ, отвѣтилъ, что переговоры дальше не могутъ быть задерживаемы, что правительство было «обязано принять мѣры предосторожности». «Моя обязанность прибавить, пишетъ Отто, что мнѣніе людей самыхъ вліятельныхъ и наиболѣе образованныхъ таково, что война непременно начнется въ эти десять дней, если только окончательный договоръ не будетъ подписанъ въ этотъ промежутокъ времени».

Бонапартъ чувствуетъ, что всѣ нити въ его рукахъ натягиваются. Въ сношеніяхъ съ Марковымъ—тревога, подозрѣнія, даже тяжелыя. Россія ускользаетъ, отношенія портятся: высказываются предостереженія, угрозы. Опять говорятъ о заговорахъ въ арміи. Первый консулъ взялся за сложное дѣло *чистки* трибуната и законодательнаго корпуса, преобразования своей власти.

Замедленіе мира компрометируетъ его. Но онъ понимаетъ, что нужно, какъ сказалъ онъ объ англичанахъ, «быть охваченнымъ безуміемъ», чтобы броситься въ войну. Онъ много говоритъ о своихъ вооруженіяхъ. «Въ дѣйствительности онъ не готовъ и даже не готовится, ограничиваясь тѣмъ, что побуждаетъ Отто въ Лондонъ, Иосифа въ Амьенъ. «Малѣйшее замедленіе вредно и можетъ имѣть важныя послѣдствія для нашихъ эскадръ и нашихъ морскихъ экспедицій.» Онъ требуетъ двухъ курьеровъ ежедневно, ибо и самъ безпокоится и также хочетъ безпокоить. Онъ отправляетъ въ Лондонъ, печатаетъ въ *Moniteur* 13, 14 и 17 марта, ноты имѣющія своею цѣлію взволновать общественное мнѣніе въ Англіи: — ни одна держава не расположена поддерживать англичанъ; организація итальянской республики одобрена Наполеономъ, Австріей, Россіей, Пруссіей. Луккезини сообщилъ объ удовольствіи, которое доставилъ его королю дѣйствіе Ліонскаго Совѣта; Кобенцль заявляетъ, что его императоръ одобряетъ все то, что сдѣлано въ Цизальпиніи, Гельвеціи, Батавіи. Отвѣты русскаго императора «еще болѣе удовлетворительны». Въ нихъ намѣчаются указанія на возможность новыхъ союзовъ. Императоръ Александръ, пишетъ Бонапартъ Иосифу, расположенъ болѣе чѣмъ когда бы то ни было идти въ согласіи съ Франціей во всѣхъ важныхъ дѣлахъ Европы».

Нѣтъ ничего менѣе точнаго, менѣе сообразнаго съ инструкціями данными Маркову, какъ нѣтъ ничего положительнаго въ корреспонденціяхъ Кобенцля и Луккезини; но въ то время не было электрическаго телеграфа, чтобы выдержки изъ этихъ статей послать утромъ въ Петербургъ, Берлинъ, Вѣну, а вечеромъ получить въ Парижѣ опроверженія изъ офиціозовъ этихъ столицъ. Впрочемъ Австрія и Пруссія были тогда очень заинтересованы въ дѣлѣ вознагражденій въ Германіи и имъ было вполнѣ некстати ссориться съ консуломъ, прежде чѣмъ получить свои доли.

Послѣ нѣсколькихъ послѣднихъ схватокъ по поводу редакцій статей о Мальтѣ и Голландіи, трактатъ въ черновомъ видѣ былъ подписанъ 25, и въ подлинникъ 26 марта, за малыми исключеніями сходящій съ тѣмъ, который былъ предложенъ Иосифомъ 6 числа. Онъ резюмируется слѣдующимъ образомъ:

Существуетъ миръ между Французской Республикой, Испанскимъ Королемъ, Батавской Республикой съ одной стороны и съ королемъ Великобританіи и Ирландіи съ другой стороны. Англія сохраняетъ Цейлонъ и Гриннады, возвращаетъ остальные колоніи Франціи и ея союзникамъ. Цѣлостность Порты гарантирована. Принцъ Оранскій получить вознагражденіе. Мальта будетъ возвращена Ордену, нейтральная и независимая. Англія эвакуируетъ островъ въ три мѣсяца, которые послѣдуютъ за ратифика-

ціей договора. Франція эвакуируетъ Тарентъ и Римскія государства. Англія эвакуируетъ все пункты, которые она занимаетъ на Адриатикѣ; Средиземное море черезъ мѣсяцъ послѣ ратификаціи; колоніи черезъ шесть мѣсяцевъ.

IV.

Общій миръ заключенъ. Онъ проливаетъ новый блескъ на республику, но въ сущности это театральное зрѣлище, одна иллюзія: вниманіе человѣка, читающаго исторію, имѣетъ свои границы, и оно любитъ остановиться на какомъ-нибудь красивомъ образѣ; многіе историки закончили свои книги этой страницей и, написавъ внизу слово *конецъ*, воображаютъ себѣ, что исторія тоже останавливается, и что какое-нибудь дѣло заканчивается въ этотъ день, который увѣчивая зданіе, можетъ и долженъ имѣть прочную силу. Это такая же тщетная иллюзія какъ иллюзія машиниста, который, потянувъ шнурокъ и опустивъ запавшій, закрывающій сцену, вообразилъ бы, что онъ привелъ пѣсню къ развязкѣ. Эту иллюзію раздѣлялъ и самъ Наполеонъ. «Въ Амьенѣ, говорилъ онъ позже, я очень искренно считалъ судьбу Франціи и мою упроченными... Я думалъ отдаться исключительно внутреннему устройству Франціи, и думаю, что я совершилъ бы чудеса. Я завоевалъ бы Европу морально, какъ я это сдѣлалъ оружіемъ...» Онъ говорилъ такъ на островѣ Святой Елены, гдѣ снова переживать въ воображеніи потерянные битвы, Лейпцигъ и Ватерло, выигрывать ихъ и пересоздавать свою жизнь въ мечтаніяхъ изгнанника. Такъ народъ, вѣчный мечтатель и творецъ своей собственной легенды, воображаетъ въ прошломъ свою исторію такою, какою ему желательна, складывая свою судьбу по своему желанію, отрекаясь отъ своихъ страстей, которыя онъ больше не понимаетъ, ставя на своемъ пути картонныя украшенія, какъ это дѣлали для Екатерины Великой, когда она отправлялась обозрѣвать края, завоеванные Петемкинымъ.

Конечно, моментъ былъ красивый и радостный; но если можно было желать, чтобы этотъ моментъ продолжался, то этимъ нельзя было остановить ходъ природы и повторить чудо Иисуса Навина. Бонапартъ пытался, и въ этомъ былъ его интересъ, удержать континентъ въ томъ подчиненіи, въ какое онъ поставилъ его, и воспользоваться добытой свободой движеній, чтобы искать въ Индіи и въ Америкѣ выгоды мира. Онъ пытался сдѣлать это; но именно это усиліе остановиться на Амьенскомъ мирѣ въ Европѣ и развивать его во Франціи при помощи торговли и промышленности и увеличенія колоній, именно это усиліе и побудило Англію нарушить миръ. Изъ того факта, что война была необыкновенна, вовсе не слѣдовало, что и миръ долженъ быть такимъ же.

Амьенскій трактатъ, подобно многимъ другимъ, былъ созданіемъ ненадежнымъ, глиняной постройкой на движущемся пескѣ. Чтобы судить о немъ, нужно поставить его въ надлежащую перспективу, между его причинами и его слѣдствіями. Онъ есть лишь моментъ въ исторіи Франціи, ступень прогресса въ дѣлахъ, на которую взошли на мигъ. Достаточно слѣдить за переговорами, чтобы видѣть, какъ этотъ миръ былъ нарушенъ. Все пути, которыми пришелъ миръ, продолжаясь, становятся выходами, черезъ которые онъ уходитъ.

Чтобы Амьенскій миръ былъ продолжителенъ, нужно было, чтобы Европа признала за нимъ такой характеръ, какого не имѣлъ ни одинъ изъ предыдущихъ трактатовъ: ни Нимвегенскій, ни Ризвицкій, ни Утрехтскій, Ахенскій, Парижскій и другіе, ни Кампо-Формійскій и Люневильскій. Нужно было, чтобы эта Европа, трижды составившая лигу противъ Людовика XIV, такъ какъ этотъ государь претендовалъ на части завоеваній, осуществленныхъ въ 1802 году, — нужно было, чтобы эта Европа составившая новую лигу въ 1792 году, съ цѣлью оттолкнуть Францію назадъ, и, по выраженію одного австрійца, переломить пружину этой страшной государственной машины, получила, какъ окончательное учрежденіе, то противъ чего она билась, какъ противъ нѣкоего чудовища, противъ левіафана, въ его планахъ и попыткахъ.

Нужна была бы Франція, которая, находясь въ революціонной экзальтаціи, сразу бы обуздала и успокоила страсти, толкавшія ее въ продолженіе десяти лѣтъ противъ Европы, страсти которыя — и только онѣ — привели ее къ этому триумфу: нужно было, чтобы она превратила свой энтузіазмъ въ мудрость, свою гордость въ скромность, свою пылкость въ благоразуміе; чтобы она думала объ одномъ: о пользованіи на своей великозвонной территоріи, благами свободы, продуктами своего труда, гениемъ своихъ народовъ, чтобы обогащаться, создавать чудеса искусства; чтобы она не интересовалась даже своими побѣдами; чтобы она отказалась отъ Египта, отъ Индіи, отъ Антильскихъ острововъ, отъ Средиземнаго моря, чтобы не пугать англичанъ: чтобы, въ силу торговаго трактата открыла свой рынокъ для англійской промышленности, не разрушая впрочемъ своей, съ цѣлью утѣшить англичанъ за Антверпенъ и Кельнъ; чтобы она ушла изъ своихъ арсеналовъ, вернула свои флоты, отступая передъ Англіей на ~~всѣхъ~~ океанахъ; отступая передъ Австріей въ Италиі и возвращая ей Ломбардію; отступая передъ Пруссіей въ Германіи; оставляя за Россіей главенство въ Святой Имперіи и покровительство Оттоманской Имперіи. И, что еще неслыханнѣе, нужна Европа очарованная такой умѣренностію, Европа, которая отказалась бы вторгаться по слѣдамъ отступающей Франціи. Нужны

Франція обладающая достаточнымъ престижемъ и Европа достаточно осторожная, чтобы французы-республиканцы и короли, составившіе коалицію противъ революціи сложили оружіе, каждый на своемъ берегу Рейна, уважая указанія «природы» такія, какія ихъ предписалъ конвентъ.

Нужна была бы Австрія, не сожалеющая о потерѣ Бельгіи, не претендующая на главенство въ Италиі; Пруссія не корыстолюбивая и не ищущая гегемоніи въ Германіи; Россія отворачивающаяся отъ Европы, чтобы отдать все вниманіе Азіи; и самая парадоксальная изъ всѣхъ метаморфозъ — нужна Англія, перестающая быть англійскою, исключительной и озлобленной, чтобы сдѣлаться пріятно-космополитической, не домогаться ни владычества надъ Средиземнымъ моремъ, ни суверенитета надъ морями; нужно было бы парализовать эту Англію, слишкомъ богатую силами и дѣятельностію, съ ея традиціями, страстями, гордостью, съ ея банками, рудниками, заводами, съ ея тысячами эмигрантовъ, флотами, негодьями, съ ея торговымъ Сити, съ ея ревущею чернью, и съ ея парламентомъ, который требуетъ безпощадной войны, съ ея неисчерпаемымъ кредитомъ, съ ея контрабандой столь же богатой, какъ открытая торговля, съ ея неустранимымъ упорствомъ, съ ея гениемъ предпримчивости и комбинированія: Англію Столѣтней войны, Вильгельма III, Чатама, Питта. То есть были бы нужны другая Европа, другая Франція, другіе народы, другія правительства; нужно было бы, чтобы Европа уклонилась съ пути, по которому шла съ четырнадцатаго вѣка, а французская революція, возвратилась въ свое русло.

Прибавимъ, наконецъ, человека, Бонапарта, личность и характеръ котораго столько же значатъ въ этихъ обстоятельствахъ, какъ личности Питта въ Англіи и Александра въ Россіи. Его нельзя отдѣлать какъ отъ событій послѣдующихъ, такъ и отъ событій предыдущихъ: итальянскихъ кампаній, экспедиціи въ Египетъ, Маренго и Люневильскаго мира. Философы-дилетанты, которые такъ легко распоряжаются его гениемъ, требуютъ отъ этого гения чуда большого чѣмъ все тѣ, которыя онъ совершилъ: чтобы не только онъ самъ сталъ другимъ, но чтобы онъ перемѣнилъ природу вещей, чтобы онъ сдѣлался другимъ человекомъ, въ другой Европѣ. «Это чудеса, говорилъ онъ Директоріи, и я не могъ бы ихъ сдѣлать!» И позже, въ далекой дали: «Я могъ имѣть планы, но я никогда не имѣлъ свободы выполнить хоть одинъ изъ нихъ. Достаточно было съ меня держать руль: какъ ни сильна была рука, волны были еще гораздо сильнѣе. Никогда я не былъ себѣ настоящимъ господиномъ; мною всегда правили обстоятельства».

Обстоятельства! Онъ цѣнилъ ихъ по ихъ дѣйствительному значенію, убѣжденный, что сдѣлай онъ одинъ шагъ назадъ, и тотчасъ же Европа

нахлынетъ на него, а Франція отречется отъ него. Его главенство въ Европѣ и его популярность во Франціи казались ему неразрывно связанными. Его гений былъ не таковъ, чтобы дожидаться тѣхъ событій, которыхъ онъ опасался. Его искусство состояло въ томъ, чтобы предупреждать ихъ. Политика Франціи во время революціи, которая создала его, дала ему славу и составляла его *raison d'être*, неизбежно ставила его лицомъ къ лицу съ Англіей. Вотъ почему, чтобы сохранить грозный миръ, онъ, подобно Людовику XIV, долженъ былъ обращаться къ завоеваніямъ. «Превеличивать есть законъ и несчастье человѣческаго духа: чтобы достигнуть цѣли, надо, говорить одинъ философъ опережать ее. Самые важныя дѣла полководца послѣдствія, сказать одинъ военный, всегда согласовались съ обстоятельствами ¹⁾».

У.

Встрѣча, оказанная миру въ Лондонѣ, не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія относительно слѣдующаго фундаментальнаго пункта: нужно, чтобы Амьенскій миръ далъ Англіи всѣ торговыя выгоды, какихъ отъ него ожидали; въ противномъ случаѣ, черезъ короткій срокъ, наступитъ война. Всѣ обвиняють министерство, возражають противъ трактата, противъ его пустоты. Это рѣшено, черезъ которое уходитъ морское, промышленное и колоніальное главенство Англіи. Министры убѣждены, что Бонапартъ возобновитъ войну, какъ только его флотъ и флоты испанскій и голландскій будутъ готовы. Онъ велъ переговоры лишь для того, чтобы выиграть время. Они съ своей стороны стараются о томъ же, чтобы предупредить его, чтобы опять начать континентальныя диверсіи, чтобы поднялась Австрія, чтобы Россія возвратилась къ своимъ истиннымъ интересамъ и къ своей традиціи: торговому и политическому союзу съ Англіей. Въ ожиданіи событій, чтобы успокоить общественное мнѣніе, Гаксбери пытается показать приманку въ виду коммерческой сдѣлки. Нѣтъ больше вѣры. «Когда-то я говорилъ вамъ, сказалъ онъ Отто ²⁾, не о трактатѣ коммерческомъ — это невозможно — а объ установленіи нѣкоторыхъ частныхъ коммерческихъ сношеній между двумя націями. Дѣло идетъ не объ открытіи новаго рынка для нашихъ мануфактуръ, а о томъ, чтобы заинтересовать въ сохраненіи мира нѣкоторые многочисленные классы». Потомъ, стараясь польстить воображенію перваго консула, онъ намекаетъ на идею громаднаго *condominium'a*, охватывающаго весь свѣтъ. «Мы не можемъ вредить вамъ существеннымъ образомъ. Вамъ предназначено судьбой быть преобладающей державой на материкѣ, каковы мы — на морѣ».

¹⁾ Taine, *Essai sur Tite Live*. Castellane, *Mémoires*.

²⁾ Rapport d'Otto 10 avril 1802.

Трактатъ скоро будетъ представленъ на обсужденіе въ парламентъ. Нужно найти аргументы, которые можно было бы противопоставить критикѣ, которая становилась все болѣе и болѣе яростною, которая поднималась со всѣхъ сторонъ. «Министерство, пишетъ Отто, чувствуетъ себя сильнымъ на всѣхъ пунктахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые относятся къ торговлѣ... Общее мнѣніе въ Англіи таково, что миръ будетъ лишь перемиріемъ, если индійская торговля не будетъ основана на справедливыхъ началахъ, если таможенные надсмотрщики и контрабандисты двухъ странъ продолжаютъ между собою войну на смерть, если въ настоящемъ столѣтіи, въ которомъ все ново, политическій и торговый кодексъ не будутъ совершенно реформированы, если новыя принципы не займуть мѣста тѣхъ, которые постоянно нарушали вокой націй... Аддингтонъ видитъ, какъ и мы, что попытка торговаго трактата была бы абсурдомъ, но онъ горячо желаетъ постепеннаго сближенія съ нами при помощи частныхъ и ограниченныхъ обмѣновъ, при помощи временныхъ, отмѣняемыхъ по желанію соглашеній». Но относительно этихъ коммерческихъ «прелиминарій» не пришли ни къ какому соглашенію. Гаксбери спрашивалъ у Отто, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, «не получилъ ли онъ какого нибудь отвѣта относительно предложеній, которыя онъ проситъ его сдѣлать по этому предмету ²⁾».

Больше не говорили о трактатѣ. Амьенскій актъ опредѣляли какъ перемиріе. «Позорный миръ теряетъ своихъ поклонниковъ, писалъ русскій посланникъ, Симонъ Воронцовъ, всѣ видятъ, что онъ плохъ. Вездѣ передавались слѣдующія слова Нельсона: «не важно какъ кладутъ кочергу». Если бы Бонапартъ сказалъ: нужно дать ей такое положеніе; то мы должны были бы сейчасъ же настаивать, что ей должно быть дано другое положеніе». 8-го Апрѣля Питтъ встрѣтилъ Мальмесбюри: «Съ Бонапартомъ, сказалъ онъ ему, нельзя положиться ни на что, однако хорошо сдѣлали, что вели съ нимъ переговоры. Англіи нуженъ былъ отдыхъ, какъ бы коротокъ онъ ни былъ. Но хотя общество на сторонѣ мира, надо, чтобы все было какъ на войнѣ: въ нашей дипломатіи, и, особенно, въ нашихъ военныхъ и морскихъ средствахъ: чтобы Бонапартъ хорошо зналъ, что Англія не потерпитъ ни оскорбленія, ни обиды, то есть ничего, что могло бы прямо или косвенно вредить ея достоинству, ея чести, ея безопасности, ея истинному величію». Когда Мальмесбюри попросилъ его объяснить эти выраженія, онъ продолжалъ: «Бездѣйствіе и позоръ великихъ европейскихъ дворовъ не позволяютъ намъ противодействовать попыткамъ Бонапарта къ континентальному расширенію; но всякая попытка сно-

²⁾ Rapport d'Otto 2 mai 1802.

рять, захватывать, всякое предприятие против наших интересов коммерческих или колониальных, прямых или косвенных, как узурпация Голландии, республики Цизальпинской, как нападение на Испанскую Америку, должны вызывать с нашей стороны немедленное противодействие и рассматриваться как действительная причина войны. Несколько летъ мира, прибавилъ онъ, достаточно, чтобы привести Англию въ такое состояние, что она сможет вести войну въ продолженіи многихъ летъ, и можно надѣяться, что въ продолженіе этого времени нѣсколько великихъ континентальныхъ державъ настолько будутъ чувствовать свое достоинство и свои интересы, что окажутъ намъ помощь, которой намъ не достаетъ въ настоящій моментъ».

Что «общество было на сторонѣ мира», эти слова представляли смущенное официальное выраженіе государственнаго человѣка, который всегда говоритъ, какъ человѣкъ стоящій у власти, даже удаленный отъ нея. На самомъ дѣлѣ Питтъ съ каждымъ днемъ приближался къ ней. Его несла реакція противъ мира. Несмотря на безпорядокъ въ его дѣлахъ, говорили, что королю должна принять его, какъ единственнаго человѣка, способнаго спасти страну, проницательно замѣчалъ Шериданъ. Парламентскіе дебаты о трактатѣ являлись оправданіемъ войны и апологіей Питта³⁾. Его друзья противопоставляли его непреклонную гордость малодушной уступчивости его преемниковъ. И чего они добились этой уступчивостью? Мы подтвердили, закричалъ Гревиль, за Франціей ея обладаніе Италіей и ея господство на континентѣ! Онъ показываетъ опасности, вытекающія изъ трактата, средства, остающіяся для спасенія: министры ничего не сдѣлали, чтобы ослабить Францію на континентѣ, они дали ей возможность разорить наши колоніи. Этотъ миръ хуже войны». Онъ требуетъ «военныхъ мѣропріятій пропорціональныхъ опасности, которой подвергается отечество». Мы, прибавилъ лордъ Карнавалъ, наживали позоръ за позоромъ: такой миръ противорѣчитъ безопасности и чести страны.

Въ палатѣ общинъ Виндгамъ является столь же агрессивнымъ, столь же яростнымъ. Лордъ Гревиль и онъ, сообщая, что 10 мая, «старались доказать, что политическая война была окончена лишь для того, чтобы лучше начать войну коммерческую и таможенную; что первый консулъ имѣетъ намѣреніе изгнать англійскую торговлю изъ всѣхъ частей Европы, куда можетъ простираться наше вліяніе, и что теперешній миръ есть только перемиріе, дающее Франціи время и средства для реорганизации своихъ колоній».

Гаскери доказывалъ лживость, нападая въ своихъ противникахъ

³⁾ 29 апрѣля и 13 мая 1802.

неизбѣжныхъ преемниковъ: «стоило ли продолжать войну изъ за итальянской республики? Но эта республика была признана въ Вѣнѣ, Петербургѣ, Берлинѣ... Кромѣ того, даже при Бурбонахъ Франція была нашимъ врагомъ. Каково бы ни было ея правительство, ея честолюбіе осталось неизмѣненнымъ». Кестлеръ былъ на сторонѣ трактата. «Война, говорилъ онъ, могла бы быть возобновлена въ благоприятныхъ условіяхъ лишь въ томъ случаѣ еслибы въ Европѣ произошли перемѣны. Аддингтонъ говоритъ о горѣ, которые ему причинили французскія расширенія; но не дѣло Англии было поправить эту бѣду. «Въ настоящій моментъ наша обязанность, беречь наши силы. Сохранимъ ихъ для будущихъ случаевъ, когда можно будетъ опять перейти къ наступленію съ надеждою на успѣхъ... Не будемъ расточать нашихъ силъ безъ всякаго выгоднаго шанса. Трактатъ былъ ратификованъ».

VI.

Если правда, что Бонапартъ ни мало не вѣрилъ въ продолженіе мира, то никто больше его не былъ заинтересованъ, насколько возможно, продолжить его, затянуть по крайней мѣрѣ разрывъ. Ему нужно было вступить во владѣніе завоеванными или возвращенными колоніями, упрочить свое господство въ Италиі, окончить дѣла въ Германіи и дополненія къ трактату Люневильскому; возвыситься и такъ сильно укрѣпиться на материкѣ, чтобы новая коалиція сдѣлалась, если не невозможной, то по крайней мѣрѣ очень трудной. Ему предстояло упрочить свою власть во Франціи: онъ былъ на пути къ тому, чтобы отъ пожизненнаго консульта подняться къ верховной власти.

Национальная ратификація достигнется только благотѣльными фактами: миръ былъ первымъ изъ нихъ. Вся Франція отдавалась работѣ съ такимъ же пыломъ, какой она вносила въ войну, такъ же снѣшила опять сдѣлаться богатою, какъ она снѣшила стать независимою, такъ же жаждала «пользоваться революціей», какъ когда то она жаждала совершить эту революцію, защищать ее и распространять. Бонапартъ побуждалъ Францію къ ея дѣлу. Вездѣ и одновременно онъ возобновлялъ орудія національнаго труда: дороги, каналы, порты. Морскія верфи покрывались огромными дѣсами. Видѣлись поднимающіеся остовы кораблей. Только и говорили о морскихъ экспедиціяхъ, на «Острова», въ Луизианну, на Иль де Франсъ, на Мадагаскаръ, въ Индію. Все надо было переустроить, переорганизовать, корабли и экипажи. Морская война все разбила. Бонапартъ думалъ, что выиграетъ время, чтобы приготовиться. Онъ держалъ въ зависимости материкъ благодаря дѣламъ Германіи, которая открывала собою громадный людской и земельный рынокъ. «Утверждать, что Фран-

ція можетъ имѣть флотъ равный англійскому раньше десяти лѣтъ, это химера», писалъ онъ Декре¹⁾. Франція истощила бы на это свои ресурсы, мало заботилась бы о своей арміи и скомпрометировала бы свое преобладаніе на континентѣ, чтобы добиваться преобладанія на морѣ, котораго она вовсе не достигла бы, потому что въ случаѣ возобновленія войны съ Англіей, Франція должна окончить эту войну опять таки на материкѣ.

Но занимаясь этими дѣлами, нужно занимать вниманіе англичанъ диверсіями. Онъ не предвидитъ, что Англія нарушитъ миръ раньше XIII года (сентября 1804), онъ думаетъ, что тогда она будетъ очень занята въ Индіи, въ Америкѣ, на собственномъ побережьи, чтобы держать въ Средиземномъ морѣ больше тридцати пяти кораблей. «Итакъ, на что мы можемъ надѣяться, такъ это на то, что Франція, Испанія и Голландія, соединенныя вмѣстѣ, могутъ бороться, раньше десяти лѣтъ съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ». Три націи имѣли бы въ морѣ сто кораблей. Англичанъ можно было бы держать въ страхѣ и «при нѣкоторомъ перевѣсѣ на сушѣ, было бы легко, во второй кампаніи, сдѣлать бесполезнымъ ея вмѣшательство въ Средиземномъ морѣ». Тогда, мы «владе́ли бы Венеціей», что было бы результатомъ первой кампаніи, были бы «увѣрены въ нейтралитетѣ Неаполя или владе́ли бы имъ, и Англіи не было бы никакого интереса жертвовать сотней милліоновъ, чтобы безъ всякой цѣли держать въ своихъ рукахъ Средиземное море».

Миръ, продолженный такимъ образомъ, долженъ былъ вести къ главенству Франціи на континентѣ, поднятію ея промышленности и ея торговли. Вотъ почему Бонапартъ упорно отказывался отъ всякихъ сдѣлокъ, которыя открывали бы англійскимъ продуктамъ рынки—французскій и союзныхъ республикъ. Англичане требовали торговаго трактата, потому что считали его способнымъ обогатить Англію, и потому что въ этомъ для нихъ заключалась и главная цѣль мира; Бонапартъ не соглашался на этотъ трактатъ потому, что считалъ его способнымъ привести Францію къ обѣднѣнію, отерочить и остановить возрожденіе ея промышленности. Договоръ 1786 года оставался однимъ изъ самыхъ непопулярныхъ дѣлъ стараго режима, признаннаго столь же злочестнымъ какъ австрійскій союзъ. Въ области кредита и торговли взгляды Бонапарта были чисто эмпирическіе. Относительно кредита: деньги въ погребѣхъ, наличная звонкая монета, военные контрибуціи. Относительно промышленности и торговли: протекціонизмъ, запрещеніе. Въ этихъ вопросахъ

¹⁾ Note pour le ministre de la Marine, 1802. Correspondance, № 5968.

онъ держался примѣровъ данныхъ учителями и мастерами государственнаго благосостоянія: Ринселье, Кольберомъ, Фридрихомъ Великимъ.

Ни декретъ вандемьера года II-го—10 октября 1793, изданный конвентомъ; ни законъ брюмера года V-го—16 ноября 1796 г., ни законъ племіоза года V-го—февраля 1797 г.—настоящій запретительный кодексъ на англійскіе товары—не были отмѣнены, и отмѣна ихъ не приходила на умъ Бонапарту. Единственная вѣжливость, которую онъ оказывалъ англичанамъ, состояла въ томъ, что эти законы были лишены характера военныхъ мѣръ, направленныхъ противъ однихъ англичанъ: законъ отъ 19 мая 1802 года давалъ правительству право временно поднимать или понижать таможенный тарифъ, открывать или закрывать склады, запрещать или позволять ввозъ или вывозъ всякаго рода товаровъ. 20 мая, амьенскій трактатъ, прикрытый такимъ образомъ и огражденный своими «органическими статьями», былъ объявленъ во Франціи. 18 іюня, генераль Деканъ былъ назначенъ намѣстникомъ французскихъ владѣній въ Индіи; старый членъ конвента Кавеньякъ былъ посланъ 20 іюня уполномоченнымъ при имамѣ Маскатскомъ. Война окончена, объявили консулы, «но другіе успѣхи должны отмѣчать существованіе націй, особенно же существованіе республики. Вездѣ поднимается промышленность, вездѣ торговля и ремесла дѣлаютъ совмѣстные усилія, чтобы загладить бѣдствія войны... Правительство постарается успѣшно выполнить эту новую задачу»²⁾.

«Франція, пишетъ одинъ англійскій историкъ, оставалась опасно сильной, и не одинъ только завоевательный пылъ Бонапарта придавалъ дѣламъ мрачный видъ, это производило также соперничество Франціи и Англіи, проявлявшееся яростнѣе чѣмъ когда бы то ни было»³⁾.

Какъ ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ Англія эвакуировала Мальту? Какіе министры осмѣлились бы оставить эту господствующую позицію на Средиземномъ морѣ и отдать французамъ это море, ключъ къ которому—Гибралтаръ—они держали въ своихъ рукахъ? Изъ за эксплоатации мира предвидѣлась борьба болѣе ожесточенная чѣмъ сама война. Борьба, чтобы открыть рынки для сбыта англійскихъ продуктовъ, чтобы отгнѣнить французскую торговлю и чтобы раздавить возрождающуюся французскую промышленность, эта борьба становилась болѣе рѣзкою, болѣе популярною, чѣмъ борьба противъ революціи. «Англія, сообщаетъ Отто, будетъ меньше волноваться, когда постепенное уменьшеніе ея ба-рышей уменьшитъ ея средства начать новую войну».

²⁾ Message au Corps législatif, 16 mai 1802.

³⁾ Seeley, Napoleon I-ee.

Это руководящая идея Бонапарта. Какъ ожидать послѣ этого, чтобы онъ лишилъ себя тѣхъ средствъ, которыя онъ добылъ себѣ, чтобы довести англичанъ именно до этого пункта и чтобы заставить ихъ отказаться отъ соперничества? Онъ ихъ держитъ Голландіей, Испаніей, Португаліей, Германией, Италіей, и наконецъ, Швейцаріей и Швейцаріей, которые владѣютъ проходами изъ Франціи и Германіи въ Италію. Онъ обѣщаетъ русскому императору, которымъ дорожить, эвакуировать Римъ и Неаполь; онъ исполняетъ это. «Всѣ французскія войска, писалъ онъ ему 23 мая, въ этотъ моментъ эвакуировали неаполитанское королевство и владѣнія папы». Это даетъ ему еще одно основаніе требовать, чтобы англичане, по формальному условію трактата, эвакуировали Мальту. Онъ поступилъ сообразно съ требованіями трактата, пусть и англичане дѣлаютъ тоже. Относительно остального не дано никакихъ обѣщаній, ничего не написано. Такимъ образомъ всѣ дебаты сводятся къ вопросу объ островѣ Мальтѣ. Борьба изъ за этой скалы сдѣлается символомъ вѣчного соперничества возбужденнаго революціей, воспламененнаго конкуренціей національной работы. Мальта есть тотъ слабый пунктъ, взятіе котораго, въ большихъ сраженіяхъ рѣшаетъ побѣду.

ГЛАВА III.

Соперничество среди мира 1803 г.

I.

Только перспектива, историческая даль, комбинаціи сравненій позволяютъ видѣть все величіе зрѣлища 1802 года, когда Франція достигла апогея своего міроваго могущества, когда французское правительство устроилось въ своихъ гражданскихъ законахъ, въ своей администраціи и въ своихъ финансахъ почти на цѣлый вѣкъ. Читая письма современниковъ, удивляешься, какъ мало вліяли вокругъ себя тѣ явленія, которыя издали кажутся столь великими. Современники сначала отказываются вѣрить въ этотъ миръ столь желанный, столь славный; потомъ, едва ощутивъ его, привыкаютъ къ нему, не думаютъ о немъ; онъ кажется столь естественнымъ, что они полагаютъ, что заключить этотъ миръ было легко, и что еще легче сохранить его. Главное дѣло Бонапарта, стоящее рядомъ съ миромъ, государственное дѣло болѣе прочное и глубокое—*Гражданскій кодексъ*—то есть революція осуществленная въ своемъ основномъ элементѣ, въ свободѣ личности и имущества, останавливается, какъ во время директоріи, среди юридическаго бюрократизма, въ деб-

ряхъ юриспруденціи. Ветунительный отдѣлъ и три первыхъ книги, составляющія сущность труда, приготовленные въ государственномъ совѣтѣ подѣ председательствомъ и при постоянномъ участіи Бонапарта, были оспариваемы въ трибунахъ и отвергнуты законодательнымъ корпусомъ. Эти нѣмые говорятъ знаками, и въ этихъ знакахъ ихъ—оппозиція. Величественная церемонія въ Notre-Dame, Te Deum конкордата, въ сущности же молебень по случаю заключенія мира, обставленный 18 апрѣля, въ день Пасхи, со всею внушительностью церковнаго и военнаго торжества, совершается какъ торжественное представленіе, какъ священный официальный спектакль передъ толпою зѣвакъ. Все принужденно, всѣхъ любопытство; никакихъ изліяній, никакого порыва. На всѣхъ перекресткахъ жандармы, «которые гораздо внушительнѣе, говоритъ одинъ дипломатъ, чѣмъ при старомъ порядкѣ»;—«спокойствіе, молчаніе», такъ мало напоминающее старое шумное время».—«Какое издѣвательство, сказалъ одинъ генералъ Бонапарту. Не достасть здѣсь только милліона людей, убитыхъ за разрушеніе того, что вы возстановляете!»

Удовлетвореніе, благодарность всеобща: въ широкихъ кругахъ Франціи, среди маленькихъ людей, крестьянъ, трудящихся буржуа. Эти молчатъ. Они составляютъ силу консулата. Иностранцы наблюдатели и корреспонденты ихъ совѣтъ не знаютъ⁴⁾. Они обращаютъ вниманіе, и это составляетъ интересъ ихъ профессіи, только на Парижъ, и въ Парижѣ на такъ называемый «свѣтъ», на міръ официальный, на міръ дѣльцовъ, на главные штабы. Неудовольствіе существуетъ только тамъ, но тамъ оно въ первыхъ рядахъ, оно выставляется на показъ и описывая его, вдаются въ преувеличенія. «Нѣсколько генераловъ, которые считаютъ себя недостаточно оцѣненными, сообщаютъ Кобенцль⁵⁾, нѣсколько хищниковъ, которымъ мѣшаютъ въ ихъ спекуляціяхъ, якобинцы, противящіеся возстановленію религіи, крайніе демократы, кричащіе противъ возвращенія эмигрантовъ, трибуны... все это тайно соединяется и враждуетъ противъ Бонапарта».—Мы въ такой степени обременены долгами вслѣдствіе возвращенія всѣхъ войскъ на территорію республики, что не можемъ послать вамъ ни одного су», писалъ Бонапартъ 5 апрѣля 1801 года по поводу жалобъ Мюрата на нищету. Съ общимъ миромъ увеличи-

⁴⁾ См. корреспонденцію роялистовъ, обнародованную Remacle'емъ и приписываемую вѣрою Veldené; les lettres de l'amie et de l'amie de d'Antraiguos, у Pingaud; бюллетени Джексона у Martel, *Conspiration de Georges*, донесенія Кобенцля, Лунжезани, Маркова, обнародованные Boulay de la Meurthe, Baillen. Трачевскимъ; этюды Guillon, Henri Welschinger, рассказы Gilbert Augustin-Thierry.

⁵⁾ 15 декабря 1801.

ваются затрудненія, а вслѣдствіе этого и недовольство. Луккезини доносилъ въ сентябрѣ: «генералы, которые возвратясь припуждены были передъ гражданскими властями отказываться отъ привычекъ десятилѣтней независимости и казнокрадства, громко требуютъ у своего бывшего товарища по оружію и военнымъ удачамъ, или войны, или вознагражденій въ утѣшеніе имъ за ту высоту, на которую они подняли его вліяніемъ войска.

Военные, больше всѣхъ другихъ, выражаютъ свой республиканизмъ; но ихъ гражданскія добродѣтели состоятъ въ безвѣріи, и ихъ либерализмъ заключается въ томъ, что они громко бряцаютъ по мостовой саблями и шпорами. При старомъ порядкѣ армія не отличалась благочестіемъ, офицеръ корчилъ изъ себя вольнодумца. Революція окончательно сдѣлала его нечестивцемъ, и послѣ 1800 года многіе изъ нихъ, съ ихъ ненавистью и съ ихъ завистью къ эмигрантамъ, видѣли въ нечестіи самое яркое изъ своихъ республиканскихъ чувствъ. Имъ гордились завоеватели, побѣдители королей, истребители священниковъ, преслѣдователи монаховъ, грабители монастырей, люди, готовые на всеобщую ликвидацію, изъ которыхъ нѣкоторые уже начали составлять коллекцію изъ иконъ, картинъ, церковныхъ принадлежностей; хулители вѣры и явные атеисты, столько же по склонности, сколько по солдацкому бахвальству. Устраивая свою судьбу на счетъ Бонапарта, угождая его фаворитамъ, они желали, чтобы Бонапартъ заставилъ вѣроломныхъ открыть свои миллионы. Они не могутъ простить ему, что онъ держитъ ихъ въ строю, подъ ружьемъ, сажаетъ ихъ подъ арестъ. Они еще примирились бы съ командованіемъ товарища по оружію, но ихъ оскорбляетъ самый характеръ новой власти. Если они *вымели* клишійцевъ въ фруктидорѣ, если въ брюмерѣ ни повывбрасывали въ окно («defenestré») адвокатовъ, то сдѣлали это не для того, чтобы надъ арміей поставить римскаго чиновника, окруженнаго недавними королевскими чиновниками, министрами, легистами, контролерами;—чтобы онъ одѣвался какъ членъ института и унижалъ военныхъ, подчиняя ихъ гражданской власти. Въ сущности, это козни всѣхъ, такъ сказать, неудавшихся Бонапартовъ противъ Бонапарта удачника. Они считали, что онъ обидѣлъ ихъ, узурпировалъ ихъ мѣсто въ республикѣ. «Нѣтъ ни одного генерала, который не считалъ бы себя въ такихъ же правахъ на престолъ, какъ я», скажетъ впоследствии Наполеонъ. И если они мечтаютъ о неспроверженіи его, то съ цѣлью возвратиться къ директоріи, открытой факціямъ, правительству легко низлагаемому, связанному съ проконсульствами. Если они думаютъ дать власть одному изъ своихъ, то потому, что считаютъ его мягкимъ, слѣпымъ, добродушнымъ, готовымъ отдаться въ ихъ руки, походить на праздлюбиваго польскаго короля

среди магнатовъ. Когда они говорятъ о возстановленіи республики и низложеніи тирана, то вовсе не имѣютъ въ виду основать царство законности, терпимости или мира; цѣль ихъ одна: вслѣдствіе анархін и безсилія гражданской власти дать генераламъ перевѣсъ и свободу дѣйствій, которые добывались для нихъ факціями съ 1795 года,—словомъ, дать диктатуру республики⁶⁾.

Миръ! Это доводъ противъ Бонапарта, доводъ безъ возраженій, на который ссылался авторъ Пасквили 1802 года⁷⁾: «Казалось, что генералы и войска, одержавшіе побѣды въ Италіи, въ Гельвеліи, при Гогенлинденѣ, исчезли, разсѣялись какъ дымъ: первый консулъ, Люневиль, Амьенъ; Амьенъ, Люневиль, первый консулъ: вотъ все, что составляетъ французскую націю... Солдаты! У васъ больше нѣтъ отечества, республика больше не существуетъ, и ваша слава помрачена, ваше имя не имѣетъ ни блеска, ни почета!» Итакъ, эти буйные люди толкаютъ къ войнѣ; они требуютъ войны и дѣлаютъ ее необходимой, чтобы было чѣмъ занять ихъ, чтобы освободить отъ нихъ республику, и чтобы бросить ихъ въ дѣла героическія и завоеванія, составляющія ихъ стихію. Если амьенскій миръ имъ не нравится, то это потому, что имъ нельзя воспользоваться, что это миръ праздный, особенно потому, что онъ не общается никакихъ авантуръ, кромѣ колоніальныхъ, которыхъ они не желаютъ. Достаточно было имъ Египта. Когда Деклеркъ былъ отправленъ въ Сень-Доминго, на его миссію смотрѣли въ оппозиціонной средѣ какъ на убійство. Когда генералъ Декенъ отправился въ Индію на островъ Маврікія, его другъ Моро сожалѣлъ о немъ, какъ будто онъ поѣхалъ въ ссылку. Это было потерей милости, если не пожизненнымъ изгнаніемъ, своего рода Синнамари «фруктидоризированныхъ» военныхъ.

Но если фрондировали, если продолжали заговоры въ консульской арміи, подобно тому, какъ во всѣ времена бывали заговоры въ арміи королевской, то значительное большинство уже перешло и все больше и больше переходило на сторону консула, потому что онъ былъ высшей славой арміи, велъ армію къ славіи и потому, что имъ казалось, что судьба военныхъ и ихъ собственная тѣсно связаны между собою. За исключеніемъ нѣсколькихъ мужественныхъ философовъ, какъ Поль-Луи-Курье, нѣсколькихъ непримиримыхъ героевъ, какъ Лекурбъ, нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ мыслителей, а la Катина, какъ Друо,—тѣ и другіе впрочемъ, граждане и люди долга, скоро не осталось никого, для веденія военной фронды кромѣ главарей, которые надѣялись отдѣлаться отъ Бонапарта и завладѣть кон-

⁶⁾ Ср. т. IV, стр. 289, гл. V.

⁷⁾ *Appel aux armées françaises par leur camarade*. Mai—juin 1802.

Сорель, т. VI.

сулатомъ. Эти оставались непримиримыми, гнать ли ихъ Бонапартъ, какъ Моро, или угождать имъ, какъ Бернадотту.

Бернадоттъ, это Пишегрю, но умѣвшій себя держать и бывший удачникомъ. Этотъ старый сержантъ, ставшій посланникомъ и министромъ директоріи, держался насторожѣ 19 брюмера, готовый начать дѣло сначала съ якобинцами и привести къ другому фруктидору. Онъ изображаетъ изъ себя жертву государственнаго переворота и выставляетъ себя мстителемъ за республику. Онъ льститъ, объединяетъ, воодушевляетъ все недовольные элементы арміи, прежнихъ клубовъ, прежнихъ салоновъ, гдѣ ведутся интриги, чтобы всѣхъ обмануть, отъ всѣхъ отдѣлаться когда ударъ будетъ нанесенъ. Впрочемъ, онъ боится довѣриться сообщнику, и не отказывается отъ милостей. Онъ чистокровный гасконецъ и лучше всѣхъ на свѣтѣ способенъ найти пути, во-время начать, во-время окончить, обойти всѣ помѣхи, найти хорошій пунктъ, занять его и удержаться на немъ. У Моро нѣтъ ни этой напыщенности, ни этой воинственности, ни этой хитрости. Это колеблющійся и упрямый бретонецъ, очень честолюбивый про себя, но который всю жизнь будетъ мечтать, дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ. Онъ играетъ такую же роль, какъ Бернадоттъ, но угрюмо, сердито, выслушивая шепоты своихъ близкихъ, но не желая имъ довѣриться. Впрочемъ, онъ находитъ удовольствіе во всемъ поступать обратно консулу. Бонапартъ держитъ себя какъ государственный человѣкъ, говоритъ о законодательствѣ, о финансахъ, о высшей политикѣ. Моро, невзрачной наружности, ступаетъ столько же изъ боязливости, сколько изъ гордости. Военный республиканецъ, но человѣкъ чисто военный, онъ показываетъ свои достоинства лишь тогда, когда говоритъ о своихъ походахъ. «Въ политикѣ, говоритъ о немъ одинъ хорошо знавшій его роялистъ, онъ не имѣлъ никакихъ притязаній. Правда, онъ не имѣлъ никакой склонности къ политикѣ, считая ее гораздо ниже военного искусства». Будущее должно было высказать свой судъ относительно этихъ двухъ генераловъ, которые составляли надежду «патріотовъ» въ 1802 году и считались выразителями духа революціонныхъ войскъ. Толкая другъ друга во вражескій станъ, они кончили тѣмъ, что повторили роль Дюмурье, неудавшуюся ему въ 1792 году, одинъ въ качествѣ государя, ставшаго на сторону коалиціи, другой въ качествѣ совѣтника главнаго штаба коалиціи. Мы увидимъ, какими окольными путями, но по какой постоянно наклонной плоскости они пришли туда.

Впрочемъ, большинство этихъ военныхъ противниковъ, если и критикуетъ политику консула, то не потому, чтобы они находили ее очень наступательною и особенно очень враждебною по отношенію къ англи-

чанамъ. Нельзя этого сказать про котеріи и про сборища, гдѣ критикуютъ Амьенскій договоръ, потому что онъ тяжелъ для Англіи, и гдѣ открыто становятся на сторону неудовольствій Лондона противъ Парижа. Эти противники встрѣчаются, толкутся въ салонахъ, на обѣдахъ, на биржѣ, сливаясь въ своихъ жалобахъ. Но важно раздѣлять въ этихъ козняхъ мотивы и поступки. Тутъ есть люди *иллюзи* и люди *интереса*, которые не имѣютъ между собой никакой другой связи, кромѣ общій ненависти къ консулу и рѣзкаго осужденія его поступковъ.

Люди *иллюзи*, это—тѣ, которые одновременно удивляются въ Англіи конституціи, которой они желаютъ для Франціи, и хотятъ, чтобы король былъ замѣненъ какимъ нибудь Вашингтономъ въ парижскомъ духѣ, Моро или Бернадоттомъ и которые, сочинивъ Англію сообразно своимъ идеаламъ, ничего не желаютъ знать кромѣ Фокса и его благородныхъ рѣчей. Они переносятъ на англичанъ и ихъ парламентъ то благоволеніе, какое «философы» и «просвѣщенные умы» времени Людовика XV высказывали по отношенію къ Фридриху Великому, Пруссіи и ея правительству. Читая ихъ, читая историковъ, сдѣлавшихся ихъ учениками, думаешь, что читаешь Фавье, перестраивающаго Европу къ наибольшему стыду австрійской системы и *безславнаго* договора 1756 года^{*)}. Они упорно держались химерической мысли, оставившей ихъ только въ 1815 году, послѣ опыта и разочарованія въ двухъ нашествіяхъ: Англія только и думаетъ о томъ, какъ бы дать Франціи миръ съ границей по Рейну. Послѣ того какъ англичане такъ жертвуютъ своими традиціями, своими страстями, своими инстинктами, въковой завистью и соперничествомъ, какихъ жертвъ не въ правѣ они ожидать, требовать со стороны Франціи? Всякій отказъ будетъ несправедливостью, почти неблагодарностью, и не имѣетъ другого побужденія, кромѣ непомятаго честолюбія Бонапарта. Всѣ вины падаютъ на его личность, какъ въ свое время падали на личность Людовика XIV во время борьбы съ Вильгельмомъ Оранскимъ, возстановителемъ англійскихъ свободъ, который утишилъ Европу, умиротворилъ континентъ.—«Я была, рассказываетъ г-жа Сталь, у англійскаго посланника (въ Швейцаріи), когда онъ получилъ условія мира. Онъ читалъ ихъ всѣмъ, кого пригласилъ къ себѣ на обѣдъ, и я не могу высказать, какъ изумляла меня каждая статья. Англія возвращала все, что завоевала. Я отложила свое возвращеніе въ Парижъ, чтобы не видѣть большого праздника мира». Впрочемъ, эти люди были убѣждены въ полной искренности Англіи. «Бонапартъ могъ бы удовольствоваться націо-

^{*)} «L'infame traité d'Amiens», писалъ Іосифъ де-Местръ, — *Mémoires et correspondance*, p. 94.

нальными гвардейцами для защиты Рейна и Альп... Уверенная въ достиженіи своей независимости съ барьеромъ въ видѣ Рейна и Альп Франція желала только спокойствія». Такова среда, въ которой находилась г-жа Сталь, и среда, въ которой находился Иосифъ, среда, состоявшая изъ людей, какъ Бенжаменъ Констанъ, какъ Редереръ, какъ Міо и все извѣстные подъ именемъ «довѣренныхъ» Таллейрана, которые подхватывали изрѣченія министра и, въ случаѣ пужды, могли инсинуировать, что онъ все предвидя, съ начала войны совѣтовалъ отказаться отъ Нидерландовъ и заключить торговый договоръ съ Англіей, то есть, противоположное тому, что дѣлали конвентъ и первый консулъ.

Жозефъ гордился, что въ такомъ именно духѣ онъ велъ переговоры, и онъ надѣялся, что въ такомъ духѣ онъ будетъ примѣнять трактатъ, если событія поставятъ его у власти. Онъ долженъ былъ быть консуломъ въ силу амьенскаго мира, какъ позже во время Карла X, Луи-Филиппъ объявить себя королемъ въ силу харти. Эта салонная оппозиція могла быть и была полезна для англійской политики; но эти наивные люди, вѣрившіе въ британское безкорыстіе, воображали, что они работаютъ въ правильно понимаемыхъ французскихъ интересахъ. Если иностранцы и пользовались ими, то они нисколько не служили иностранцамъ сознательно.

✓ «Довѣренные» Таллейрана участвовали въ другомъ противномъ лагерѣ, безконечно болѣе опасномъ, состоявшемъ изъ дѣльцовъ, изъ *заинтересованныхъ*, изъ тѣхъ, которыхъ вообще называли «друзьями Англіи»⁹⁾. Они составляютъ группу беспокойную, активную, дѣлающую свою работу въ подпольѣ, коварно приготовляющую мину, которая, рано или поздно, взорветъ консула и консульство, имперію и императора. «Постыдныя богатства, рассказываетъ одинъ современникъ¹⁰⁾, такъ или иначе имѣвшія отношеніе къ эшафоту, или къ проконсульствамъ, или къ бражамъ, или къ злоупотребленіямъ довѣренностями эмигрантовъ, или наконецъ къ торговлѣ человѣческой кровью, были пріобрѣтены людьми, смѣло и умно эксплуатировавшими, учтившими, ликвидировавшими обстоятельства». Это спекуляторы, разбогатѣвшіе благодаря поставкамъ и общественнымъ бѣдствіямъ, и которые, наживъ богатство, желали, чтобы оно сохранялось, и чтобы «имѣло цѣну» добро, пріобрѣтенное дурными путями. Это была партія, которая имѣла сообщниковъ и союзниковъ вездѣ, гдѣ можно помѣстить деньги, эксплуатировать національное богатство; партія людей опытныхъ и искусныхъ, которые, благодаря казая и ея безчисленнымъ отдѣламъ, держатъ въ

⁹⁾ О происхожденіи этой факціи, см. т. V.

¹⁰⁾ Norvins, *Mémoires*.

своихъ рукахъ все пути; благодаря своимъ банкамъ они имѣютъ корреспондентовъ во всѣхъ размѣнныхъ центрахъ, служащихъ въ то же время конспиративными центрами; они имѣютъ доступъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, благодаря векселямъ дипломатовъ, въ министерство финансовъ, благодаря займамъ, въ военное и морское, благодаря торговымъ сдѣлкамъ; наконецъ, имъ открытъ доступъ въ посольство, гдѣ торгуютъ новостями такъ же какъ деньгами, продаютъ предупрежденія и объясненія. Они составляютъ тотъ большой источникъ, изъ котораго черпаютъ свои справки¹¹⁾ Сандозъ, затѣмъ Луккезини, потомъ Марковъ.

Таковъ Уваръ, а такихъ былъ легіонъ, говорившій Норвинсу: «Я могу однимъ почеркомъ пера послать два или три мильона въ Англію». Таковы довѣренные Фуше, которыхъ постоянно соблазнили полицейскія экскурсіи въ области дипломатіи, и которыхъ притягивалъ къ себѣ Лондонъ¹²⁾. Таковы интимные знакомые Таллейрана: Лабори, Монترونъ. Таковъ таинственный Ваннелэ, парижскій корреспондентъ д'Антрэга, во время директоріи, называвшій себя то военнымъ комиссаромъ, то приѣзчикомъ взносовъ при касѣ текущихъ счетовъ, который хвастается, что помѣстилъ 1,500,000 франковъ въ Англіи¹³⁾. Таковъ загадочный *ami de Paris*, во время консульства, исполнявшій роль Ваннелэ¹⁴⁾ и говорившій, что онъ имѣетъ получить два мильона. Въ своихъ письмахъ онъ показываетъ близкое знакомство съ начальникомъ, по внѣшнимъ сношеніямъ, первой сѣверной дивизіи, Дюраномъ; съ Таллейраномъ, у котораго онъ былъ, утверждалъ онъ, агентомъ. Онъ пишетъ д'Антрэгу для Россіи письма, которыя получалъ Чарторыйскій. Но эта корреспонденція есть лишь дубликатъ «лондонской работы», какъ онъ называетъ ее. «Англичане, говоритъ онъ, первый народъ въ свѣтѣ, для установленія и поддерживанія дружбы и сношеній, имѣютъ здѣсь наилучшимъ образомъ налаженную организацію, существованіе которой надежно¹⁵⁾. Ничто не заставило бы ее уйти изъ своей орбиты и изъ рукъ перваго государственнаго под-секретаря (Гаммонъ).—Въ этомъ здѣсь увѣрены. Пред-

¹¹⁾ См. выше.

¹²⁾ Уваръ всегда имѣлъ короткія знакомства въ Англіи. Это мы увидимъ въ 1809 и 1810 году, во время таинственныхъ интригъ Фуше. См. MABELIX, *Fouché; Mémoires de Pasquier*; DE MARTEL, *Walcheren*. Это мы увидимъ другой разъ въ 1815 г. См. донесенія Поццо ди Борго, Октябрь—Ноябрь 1815 г., *Correspondence diplomatique*, изданныя Русск. Истор. Обществомъ.

¹³⁾ Ср. т. V.

¹⁴⁾ Léonce PINGAUD, *Un agent secret*, 2 édition. Appendic. p. 368, 395.—См. мои *lectures historiques: Une agence d'espionnage sous le Consulat*.

¹⁵⁾ «Лондонскій дворъ тратитъ громадныя суммы на секретные расходы, то есть, на подкупъ чиновниковъ». Панинъ Воронцову 21 августа 1801 года.

принимая что нибудь, они никогда ни въ чемъ и ни за что не вмѣшиваются въ дѣло главы организаціи: глава всегда остается неприкосновеннымъ и изолированнымъ, такъ что *нѣтъ физической возможности, чтобы онъ могъ быть скомпрометированъ*. «Нѣкій Латуръ, называющій себя другомъ Фокса, служить посредникомъ между Лондономъ и Парижемъ» ¹⁶⁾.

Имъ нуженъ миръ съ Англіей и миръ продолжительный. Амьенскій же миръ не таковъ. Англія, они знаютъ это, не будетъ соблюдать его. Вотъ почему они упрекаютъ Бонапарта за этотъ анти-англійскій миръ; особенно упрекаютъ они его за то, что при помощи результатовъ извлекаемыхъ имъ изъ этого мира, онъ дѣлаетъ его невыносимымъ для англичанъ: границы, поясъ изъ республикъ, захваты на Средиземномъ морѣ, все это Англія хочетъ уничтожить. Они желали его паденія, чтобы, наконецъ, миръ окрѣпъ и сталъ продолжительнымъ. Англія, которая для людей, пережившихъ 1789 годъ, какъ Сталь какъ Бенижаменъ Констанъ, остается святымъ ковчегомъ свободы, для «новыхъ богачей есть центральная касса европейской казны, она — священна. «Могущественная Англія, писалъ *другъ*, необходимо, чтобы помѣшать Бонапарту быть больше въ своей странѣ и въ другихъ». Первый параграфъ ихъ политическаго плана — ниспровергнуть Бонапарта, живое преніятство англійскаго мира. И они считаютъ это легкимъ. Ихъ убѣдили Гаммонъ, ихъ Лондонскіе друзья, д'Антрегъ и Чарторыйскій ихъ петербургскіе друзья второго ранга, что разрывъ амьенскаго трактата нанесетъ Бонапарту смертельный ударъ, и тѣмъ болѣе вѣрный, что сумѣютъ устроить дѣло такъ, чтобы всю отвѣтственность свалить на его ненасытное честолюбіе ¹⁷⁾. Консулъство, приводившее въ трепетъ Европу, въ ихъ письмахъ представляется какъ правительство авантюристовъ, презираемое, ненавистное, непрочное, какъ призракъ и политическій фокусъ, подрываемый заговорами; Бонапартъ представляется какъ ничтожный человѣкъ, непризнанный, обманчивый геній, счастливый игрокъ, нечестный въ побѣдахъ; запуганный, дрожащій при мысли объ убійцахъ, окруженный стражей, забаррикадировавшійся въ своемъ дворцѣ ¹⁸⁾, упивающійся самъ собою,

¹⁶⁾ Ср. Alfred Stern, *Briefe von Gentz, 1805—1808: Mittheilungen für oesterreichische Geschichtsforschung*, t. XXI. Свои письма Генцъ адресуетъ Гаммону.

¹⁷⁾ Колычевъ писалъ 25 марта 1801 года: «Благонамѣренные люди желали бы, чтобы Франція, обезпечивъ продолжительный миръ Европы, вступило въ интимное соглашеніе съ Россіей и посвятила свою свободу расширенію богатствъ при помощи земледѣлія и торговли. Безграничное честолюбіе Бонапарта преслѣдуетъ иную цѣль.

¹⁸⁾ Переписка Луккезини;—Fournier, t. II, ch. II.—Письма изданы Pingaud.

безумно-гордый человѣкъ, потерявшій равновѣсіе; его жена—какъ запутавшаяся въ долгахъ, тяготящаяся своимъ положеніемъ, желающая возвращенія королей, хорошаго прочнаго положенія для своего мужа и для себя; родня его представлялась какъ люди нуждающіеся, жадные, моты, женщины безпутныя, мужчины продажныя, разъединенные, раздѣленные, завидующіе другъ другу, беспокоящіеся насчетъ завтрашняго дня; прислуга, близкіе знакомые какъ измѣнники или готовые измѣнить; Франція избражалась расположенною привѣтствовать какъ освободителей королей Европы, которые обезпечатъ ей миръ; благосостояніе рисовалось кажущимся и очень обманчивымъ; финансы—разстроеными; армія недисциплинированной, разбѣдаемою факціями. Короче: эта власть столь страшная, пока она держится, такъ же легко можетъ разрушиться, вслѣдствіе смерти консула, случится ли она въ бою, или произойдетъ отъ его пороковъ и излишествъ.

Бонапартъ подозрѣвалъ не разъ чувствовалъ эту скрытую конспирацію; но никогда не добрался до нея. Оппозиція выводитъ его изъ терпѣнія. Онъ понимаетъ, что его планамъ — измѣнили, и это раздражаетъ его. Постоянныя угрозы убійствомъ дѣлаютъ его нервнымъ. «Всегда говорятъ мнѣ о моей смерти, сказалъ онъ Редереру. Странная мысль, постоянно напоминать мнѣ объ этомъ». Прибавьте къ этому нападки англійской прессы, парижскія салонныя сплетни, о которыхъ доносятъ ему полиція и черный кабинетъ, и которыя онъ принимаетъ къ сердцу: «Я солдатъ, дитя революціи, я вышелъ изъ нѣдръ народа и не потерплю, чтобы меня оскорбляли, какъ какого нибудь короля» ¹⁹⁾. Онъ хочетъ оградить себя священнымъ страхомъ, подобно членамъ конвента,—издать законъ объ оскорбленіи величества, который, если и не спасаетъ его отъ кинжала, то освободитъ по крайней мѣрѣ отъ вѣчнаго шепота о заговорахъ. За невозможностью имѣть иллюзію жизни недоступной нападенію, онъ хочетъ удовольствоваться по крайней мѣрѣ иллюзіей неногрѣшимой полиціи, за невозможностью быть господиномъ своей жизни, онъ хочетъ протянуть легальную продолжительность, перспективу своей власти ²⁰⁾. Наконецъ, онъ хочетъ заглушить критику. «Она вовсе не нужна, говоритъ онъ въ государственномъ совѣтѣ, 7 января 1803 года... Оппозицію дѣлаютъ бывшіе привилегированные и якобинцы» ²¹⁾.

Légit, p. 248—Письма роялистскаго агентства. — Holzhausen, *Der erste Consul und seine deutschen Besucher*. Bonn, 1900.

¹⁹⁾ Roederer, t. III, p. 515, 377.

²⁰⁾ Thibaudeau, *Consulat*, p. 226, 230.

²¹⁾ Aulard, 4-e partie, chap. IV.

II.

Противъ факцій, козней, заговоровъ онъ зналъ одно дѣйствительное средство, то, которое ему завѣщали предшествовавшіе правительства—отъ комитета общественнаго спасенія II года до конституціонной республики III года—«почистить» государственныя учрежденія, «сосредоточить» власть въ своихъ рукахъ. Съ народомъ совѣтовались по слѣдующему вопросу: быть ли Наполеону Бонапарту пожизненнымъ консуломъ? Народъ отвѣтилъ: да, и сенатъ явилъ волю народа сенатскимъ рѣшеніемъ, 2 августа. «Дѣло въ моей волѣ. Этого достаточно, чтобы удовлетворить сенатъ»¹⁾. Сенатъ становится первымъ учрежденіемъ государства. Теоретически онъ есть охранитель институцій, въ дѣйствительности же онъ будетъ законнымъ, рабскимъ и торжественнымъ образомъ разрушать всѣ эти институцій, начиная съ консульства и кончая даже Имперіей, которую онъ получить, послѣ чего ему останется только одно,—уничтожить самого себя, что онъ и сдѣлаетъ, чтобы исполнить свое назначеніе. Онъ есть въ одно и то же время и королевскій судъ, т. н. *lit de justice*, въ которомъ король приказывалъ парламенту регистрировать высочайшіе эдикты, и *день брюмера*, ставшій институціей. Въ дѣйствительности же это своего рода періодически воскресающій конвентъ, въ которомъ дремлетъ самодержавіе народа. Онъ дѣйствуетъ при помощи *сенатскихъ рѣшеній*—величественный терминъ, заимствованный у Рима—которые въ сущности не что иное какъ тайные приказы объ арестованіи, только безмѣрно расширенныя. Трибуналы были сведены къ пятидесяти членамъ, избирательныя коллегіи были объявлены пожизненными. Первый консулъ представляетъ своего преемника сенату, который его назначаетъ²⁾.

Конституція X года—4 августа 1802 года дѣлала Бонапарта господиномъ республики, пожалуй, можно сказать самою республикою: онъ и представлялъ ее и въ то же время владѣлъ ею. Онъ считалъ себя вошедшимъ въ традиціи французскаго государства³⁾. Съ своей національной арміей, іерархіей военной; съ своими судьями и чиновниками, іерархіей гражданской, постоянно подновляемой государствомъ, съ своимъ почетнымъ легиономъ⁴⁾, іерархіей декоративной, открытой для всѣхъ; съ своимъ духовенствомъ, назначаемымъ и оплачиваемымъ государствомъ, и

¹⁾ Шекспиръ, Юлій Цезарь, актъ II, сцена II.

²⁾ Постановленіе сената 16 гермидора X года—4 авг. 1802 г.—См. Frédéric Masson, *Napoléon et ses frères*, t. II, chap. XIII: la Lutte pour l'hérédité.

³⁾ См. I стр. FUSTEL DE COULANGES, *Gaule romaine*, p. 149.

⁴⁾ 19 мая 1802 г.

служащимъ для социальнаго умиротворенія⁵⁾; съ своей высшей всесвѣтной полиціей, съ своей цензурой сочиненій, съ своими промежуточными подчиненными учрежденіями, съ своими государственными совѣтниками въ командировкѣ⁶⁾, съ своими префектами и адъютантами, скачущими по всѣмъ дорогамъ республикъ, консулъ, думающій обо всемъ, все предусматривающій, вездѣ присутствующій, реализуетъ нѣкоторую степень никогда недостигнутого имъ совершенства той монархической диктатуры, которая установилась во Франціи послѣ всѣхъ большихъ кризисовъ, обезпечила возможныя реформы и привела государство въ равновѣсіе. Достаточно сравнить консульство X года съ королевской демократіей, которую Мирабо предложилъ Людовику XVI, чтобы понять, какъ Бонапартъ могъ вѣрить, могъ говорить, и другихъ увѣрить, что, онъ вовсе не сбивалъ революціи съ пути, а слѣдовалъ за нею, приводилъ въ порядокъ ея теченіе и опять направлялъ это теченіе на путь стараго французскаго правленія⁷⁾. Государственная польза служила руководящимъ принципомъ всей революціонной политики: первый консулъ воплотилъ государственную пользу въ своей личности. «Идеи централизаціи, писалъ одинъ бывшій членъ конвента, были въ такой славѣ, что если бы рѣшились, или если бы первый консулъ пожелалъ, то и теоретически и на дѣлѣ, объединили бы всю власть въ немъ одномъ»⁸⁾. Цезарь былъ *imperator*. Первый консулъ, облеченный достоинствомъ *imperator'a*, пользуясь его властью, естественно долженъ былъ принять и титулъ. Республика, имѣвшая консула, могла имѣть Императора, и слово Имперія, издавно употреблявшееся для обозначенія государства, въ языкѣ и пѣсняхъ народныхъ такъ же, какъ и въ официальной риторикѣ смѣшивалось съ словомъ республика. Слова *Имперія Галловъ*, успѣвшія проскользнуть, сразу вошли въ употребленіе. Появилась брошюра, которая не была задерживаема полиціей, и которая убѣждала Бонапарта объявить себя *Императоромъ Галловъ*. Марковъ сообщаетъ 5 іюня 1802 года: «Многіе убѣждены, что послѣ этого шага Бонапартъ приметъ другой титулъ и назовется *Императоромъ Галловъ*. Этотъ титулъ не былъ бы пустымъ, ибо, нѣ самомъ дѣлѣ, Бонапартъ объединилъ ихъ всѣ во имя французскаго владычества». Жозефина открыто говоритъ объ этомъ Тибодо: «Я сказала Бонапарту: Ну! когда же ты сдѣлаешь меня импера-

⁵⁾ Письмо его архіепископу лонскому 2 ноября 1802 г.

⁶⁾ Декабрь 1802 г. *Corr.* t. I, p. 137. Ср. т. I, стр.

⁷⁾ См. т. I, т. II, планы Мирабо.

⁸⁾ ТИВАУДЕАУ, *Consulat*, chap. XIX.—Онъ больше всего заботился о томъ чтобы римляне не отвѣдали блаженства власти». SAINT—ÉVREMOND, *Réflexions sur le génie du peuple romain*, ch. XVI, объ Августѣ.

трицей Галловъ»? Прусскій уполномоченный Луккезини писалъ, 20 июля: «Онъ хочетъ повторить Карла Великаго, просвѣщеннаго свѣточами нашего вѣка... Нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ такое намѣреніе, но не избралъ опредѣленнаго времени для осуществленія его».

Онъ возвращается къ гражданскому костюму, оставленному имъ со времени Маренго ⁹⁾. Замѣтили, что во время дипломатической аудіенціи, на которой онъ возвѣстилъ Амьенскій миръ онъ былъ въ шелковомъ фракѣ, въ бѣлыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками. Было заявлено, что съ этого времени онъ будетъ такъ одѣваться. Въѣстъ съ одѣваніемъ онъ возобновляетъ и рѣчи, отъ которыхъ онъ, впрочемъ, никогда не отказывался ¹⁰⁾. «Первый консуль, я управляю, но не какъ военный, а какъ гражданскій чиновникъ... Командуютъ благодаря гражданскимъ качествамъ... Достоинство генерала заключается въ умѣнь вычислять, въ знаніи людей, а это гражданскія качества... Я управляю потому, что нація думаетъ, что во мнѣ есть гражданскія качества, годныя для власти. Если бы она не думала такъ, правительство не удержалось бы... Я хорошо зналъ, что дѣлалъ, когда, будучи военнымъ генераломъ, принялъ званіе члена института; я былъ увѣренъ, что меня пойметъ послѣдній барабанщикъ». — «Нужно, чтобы военный элементъ помогъ гражданскому. Слѣдовательно нужно организовать гражданскій элементъ». И намекая на заговоры: «Цезарь былъ убитъ потому, что желалъ возстановить гражданскій порядокъ при помощи объединенія всѣхъ партій»...

Это была эпоха засѣданій Государственнаго Совѣта длившихся по пяти, шести часовъ, эпоха редактированія кодекса, выработки важныхъ регламентовъ общественной администраціи. Онъ спрашиваетъ: «Какъ это было раньше? Какъ оно обстоитъ теперь? Что оно представляетъ въ другихъ мѣстахъ?» — «Справедливо ли это, полезно ли это?» И все идетъ ему на пользу. Сенатское рѣшеніе 26 апрѣля, согласившееся на условную амністію эмигрантамъ, отдаетъ въ руки консула судьбу роялистовъ, ихъ возвращеніе въ отечество, ихъ принятіе на службу, ихъ браки, ихъ карьеру. Онъ пользуется этимъ, и эмигранты также удовлетворены. Повидимому все подчиняется. Огромное большинство народа завоевано. Тѣ, которые видятъ его вблизи, поддаются его вліянію и очарованы имъ ¹¹⁾. Безпокойные боятся. Народъ удивляется. Бонапартъ «овладѣлъ довѣріемъ ¹²⁾». Къ своимъ услугамъ онъ имѣетъ ни съ чѣмъ несравнимую расу государственныхъ слугъ, скромныхъ, упорныхъ, способныхъ,

⁹⁾ Кобенцль Коллоредо 27 марта 1802 г.

¹⁰⁾ Государственному Совѣту 4 мая 1802 г. ROEDERER, t. III; — THIÉBAULT, chor. V, p. 78; St. chor. XIV. — CHARTAL.

¹¹⁾ Выраженіе г-жи Ремюза.

преданныхъ до самоотрицанія, которые приносятъ республикѣ, государственному блеску, преданность, усердіе, гордость старыхъ слугъ важныхъ домовъ, старыхъ фабричныхъ подмастерьевъ, банковыхъ счетчиковъ. Это гренадеры и ворчунъ гражданской власти, столь же вѣрные и сильные какъ и военные ¹²⁾.

Франція заняла свое прежнее мѣсто среди націй, пишетъ Редереръ; все вошло въ свою колею во Франціи. Всѣ руины поднимаются, всѣ осколки прилаживаются. Герцогъ Викторъ де-Брольи, очевидецъ, историкъ, государственный человѣкъ, человѣкъ старой Франціи и слуга новой, — даетъ рѣшающее сужденіе: «Эти четыре года съ десятью годами царствованія Генриха IV — лучший, самый славный отдѣлъ исторіи Франціи» ¹³⁾. Иностранные дипломаты, такъ охотно предсказывавшіе злосчастныя событія, разореніе и банкротство, принуждены согласиться въ слѣдующемъ: «Онъ удивительно знаетъ и понимаетъ націю, которою управляетъ, пишетъ Луккезини. Онъ ихъ удерживаетъ и всѣми править, вліяя одними на другихъ». — «Говорятъ о партіяхъ, о факціяхъ, о ненависти и зависти, пишетъ Марковъ. Но все молчитъ, все гнется подъ волею самаго абсолютнаго властителя»... Ни одна факція не можетъ свалить Бонапарта, нѣтъ ни одного бунтовщика, который былъ бы ему по плечу, чтобы занять его мѣсто... Въ Европѣ думаютъ, что легко его ниспровергнуть. Въ Парижѣ смотрятъ на это иначе: «Онъ человѣкъ революціи» и этимъ говорятъ, что онъ «первый человѣкъ во Франціи» ¹⁴⁾.

Но это дѣло которое отчасти есть результатъ мира, требуетъ продолженія мира, чтобы окрѣпить. Никто не извлекаетъ изъ него большей выгоды чѣмъ Бонапартъ; никто не заинтересованъ больше, чѣмъ онъ, въ сохраненіи и укрѣпленіи мира, въ томъ, чтобы добиться всѣхъ преимуществъ, которыя онъ дѣлаетъ возможными.

¹²⁾ BALZAC: *Un Ménage de garçon*. Bridau le père. Срав. съ MISNU, *Une Ténébreuse affaire*. Это все тотъ же духъ, это превосходство француза, человѣка изъ народа, будетъ ли это слуга, подчиненный или гражданинъ. — BIRÉ, *Balzac Historien*, p. 48 et suiv.

¹³⁾ *Souvenirs*, t. I, ch. 1. Срав. PASQUIER, *Mémoires*, t. I, ch. VII: «Никогда Бонап. не казался мнѣ болѣе великимъ»... — ROEDERER, *Tableaux de l'an X*, t. III, p. 385 et suiv. «Онъ такъ пользовался своимъ авторитетомъ, что дѣлалъ его полезнымъ, даже заставлялъ любить его. Его благотвительное вліяніе давало консульству въ Европѣ прочность прежняго правительства». Talleyrand, *Mémoires*, t. 1, p. 287. см. SAINT-BEUVE, *Nouveaux Lundis*, t. XII, статья о Camille Jordan, p. 284. — NORVINS, t. I, p. 295 et suiv, prospérité publique: «самый славный годъ исторіи», и проч.

¹⁴⁾ Донесеніе Луккезини въ апрѣль 1802 г., Маркова 13 октября, 25 декабря 1801 г.

III.

Чтобы продлить и эксплуатировать миръ, прежде всего нужно было, насколько возможно, расширить и укрѣпить контрефорсы и передовые посты Франціи въ Германіи. Нужно было продолжать работу Вестфальскаго мира, взятаго во всемъ его объемъ, и окончить ее согласно «свѣтиламъ вѣка» въ пользу вяпаго усиленія главенства республики. «Желаете вы, говоритъ Тюренъ, защищать лѣвый берегъ Рейна, переходите на правый берегъ». Мазарини составилъ свою Рейнскую Лигу съ цѣлю сохранить Эльзасъ. Бонапартъ, слѣдуя планамъ Комитета III года и директоріи, хотѣлъ при помощи конфискаціи церковныхъ земель составить республикѣ систему союзниковъ, кліентовъ, разбогатѣвшихъ и округлившихъ свои состоянія, нѣчто въ родѣ недавнихъ полковъ Королевскаго—Баварскаго, Королевскаго—Цвейбрюкенскаго и другихъ достойныхъ наемниковъ, преобразованныхъ во вѣшнія арміи, въ военно-пограничную армію, которая на собственной территоріи несетъ сторожевую службу по довѣренности республики. Все протягиваетъ руки, Парижъ дѣлается громадной биржей церковныхъ земель, на которой германскіе принцы продаютъ съ публичныхъ торговъ наслѣдство священной Имперіи. 23 Мая Бонапартъ подписалъ превосходный «арбитражъ» съ Бельгіей, которая совершила выгодную сдѣлку: она отдавала на лѣвомъ берегу 12,000 квадратныхъ километровъ и 700,000 жителей, отдѣленныхъ отъ ея государственнаго организма, и которымъ грозили захваты со стороны Франціи. Она получила на правомъ берегу 17,000 квадратныхъ километровъ и 900,000 населенія, смежнаго съ границами и однороднаго ¹⁾). Точно также Вюртембергъ получаетъ девять новыхъ городовъ и много аббатствъ. Точно такъ же Баденъ и Гессенъ. Но особенно это относится къ Пруссіи: въ уплату за 2750 квадратныхъ километровъ и приблизительно за 125,000 подданныхъ, разбросанныхъ небольшими группами въ низовьяхъ Рейна, вдали отъ столицы и отъ государственнаго ядра, онъ присоединяетъ къ себѣ 12,000 квадратныхъ километровъ и 500,000 жителей въ сердцѣ Германіи, образуя въ Вестфалии, такъ сказать, вторую Пруссію, спутницу первой, охватывая, огибая всю сѣверную Германію и угрожая Южной Германіи. Кромѣ того она получаетъ 2600 квадратныхъ километровъ и 120,000 жителей—Фульду и Дортмундъ—для своего кліента—Оранскаго дома. Только Фридриху Вильгельму, насытившемуся епископствами и аббатствами, не дали захватить еще больше. Таллейранъ гово-

¹⁾ См. HImly, *Histoire de la formation territoriale des États de l'Europe centrale*, t. II.

рилъ Луккезини, снова касаясь предмета, который, не смотря на неоднократные отказы Пруссіи, упорно развивали всѣ французскія правительства, начиная съ 1792 года: «Проекты вашего расширенія входятъ въ наши расчеты. Вы должны господствовать на сѣверѣ Германіи... Нужно бы передѣлать всю эту Германію». И Бонапартъ писалъ королю, 23 мая. «Я всегда буду видѣть въ томъ выгоду Франціи и мнѣ особенно пріятно способствовать росту могущества и силы королевства (Вашего Величества) и болѣе тѣсному единенію—Пруссіи съ Франціей». Въ тотъ же день онъ писалъ Императору Александру, который тогда долженъ былъ встрѣтиться съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Мемелѣ: «Германскія дѣла были обдуманы и обсуждены съ уполномоченнымъ Вашего величества, и я надѣюсь, что черезъ немного дней мы вмѣстѣ представимъ Регенсбургскому сейму ноту, въ которой потребуемъ избирательнаго права для маркграфа Баденскаго и герцога Вюртембергскаго, и всего того, что можетъ помирить различныхъ государей».

Актъ, подписанный Марковымъ и Таллейраномъ 3 іюня, былъ представленъ въ Сеймъ 18 августа и составилъ основаніе пресловутаго *Имперскаго протокола* отъ 25 февраля 1803 года ²⁾). Церковные князья были упразднены за исключеніемъ трехъ: Майнцаго курфюрста, барона Дальберга, которому были оставлены владѣнія только на правомъ берегу съ епископствомъ Регенсбургскимъ и съ предѣтельствомъ въ Сеймѣ; гротесмейстера тевтонскаго ордена и мальтійскаго пріора. Вольные города были уменьшены съ пятидесяти одного до шести, вслѣдствіе ихъ присоединенія одного къ другому. Взамѣнъ этого число курфюрстовъ было повышено до десяти, изъ которыхъ четыре новые: Зальцбургъ-Госкана, Баденъ, Вюртембергъ, Кассель. Въ итогѣ: шесть протестантовъ противъ четырехъ католиковъ. Германія выходила такимъ образомъ значительно сконцентрированной; Государственная пыль накоплялась въ рукахъ свѣтскихъ князей, и всѣ эти «новые богачи», щедро надѣленные республикой и землями и людьми, казалось, были во власти Франціи.

Мнѣніе Россіи много значило въ этихъ сдѣлкахъ. Бонапартъ зналъ, что именно въ ту пору должны были встрѣтиться Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ, и онъ старался, чтобы дѣла были окончены къ выгодѣ Пруссіи и въ согласіи съ Россіей. Быть можетъ, думалъ онъ, это приведетъ къ тройственному союзу, направленному противъ Англіи и благопріятному видамъ Франціи на Средиземное море.

Пруссійскій король былъ въ Мемелѣ, когда онъ получилъ письмо отъ Бонапарта и конвенцію, подписанную Луккезини. Не было сомнѣнія,

²⁾ См. HImly, t. I, p, 292, 321 et suiv.

имперія существовала только по имени; но Пруссія, усилившаяся, окруженная, съ аванпостами на югъ, съ крѣпостями въ центрѣ Германіи, чувствовала себя свободно; она могла расширяться, возобновить свои планы относительно гегемоніи въ Сѣверной Германіи, и въ полученныхъ ею отъ Франціи владѣніяхъ, найти средство для того, чтобы освободиться отъ французскаго главенства. Фридрихъ-Вильгельмъ рассчитывалъ на Россію, чтобы обезпечить Пруссію ея новыя приобрѣтенія, и на дружбу Александра, чтобы защититься отъ высокомерія и властнаго духа Бонапарта. Эта дружба, думалъ онъ, избавитъ его въ глазахъ собственныхъ подданныхъ и въ глазахъ Европы отъ непріятной роли кліента, до которой его унижилъ его прибыльный нейтралитетъ³⁾.

Фридрихъ-Вильгельмъ и Александръ встрѣтились первый разъ 10 іюня 1802 года, въ тѣхъ мѣстахъ восточной Пруссіи, названія которыхъ — Мемель, Полагенъ, Тильзитъ, должны такъ часто фигурировать въ ихъ исторіи⁴⁾. Фридриху-Вильгельму было тогда тридцать два года; боязливый и очень шепетильный, государь незамѣтный, нерѣшительный, самолюбивый во власти, довольно неуклюжій, обладающій тѣмъ добродушіемъ, которое въ Германіи присуще всякаго рода людямъ кромѣ умовъ à la Мефистофель и à la Фридрихъ Великій. Королевѣ Луизѣ было двадцать шесть лѣтъ. Она была гордостью германскаго двора. Хвастались ея превосходнымъ воспитаніемъ во французскомъ духѣ, то есть тѣмъ, что она правильно писала и говорила по французски. Это въ душѣ чистѣйшая нѣмка, какая когда либо бывала. Она любила литературу, занималась искусствами и обожала свою домашнюю жизнь: она была прекрасная мать, но она знала, что хороша собою, ей часто повторяли, что она непреодолима. Она обладала тѣмъ кокетствомъ, которое Коринна называетъ «кокетствомъ энтузіазма»; она отличалась еще и другимъ кокетствомъ, «ея ангельской формой», кокетствомъ «небеснаго видѣнія» своей личности, своихъ чаръ, своего величія, наконецъ, своей «добродѣтели», которая позволяла ей безнаказанно смущать сердца и очаровывать свѣтъ⁵⁾.

Александру было двадцать пять лѣтъ. Чувственный, страстный, нѣжно привязанный къ одной русской дамѣ⁶⁾, очень капризный, высокій, строй-

³⁾ Памятная записка Гаугвица 21 мая 1802 г.

⁴⁾ Воспоминанія королевы Луизы изданныя BAILLEU: *Correspondance inédite du roi Frédéric-Guillaume et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I-er*. Воспоминанія графини де Фоссъ.

⁵⁾ Выраженія Гете, Сегюра, Mme Вижі-Лебрэнъ, Арнима. — Arthur-Lévy: *Napoléon et la Paix*, p 55-79.

⁶⁾ Къ Нарышкиной. См. *Mémoires de Meviolles* стр. 250 ес. — Czartoryski, *Mémoires*, Слова, сказанныя Наполеономъ Гурго по поводу Тильзита: онъ, большой материалистъ.

ный, фигура ангела, немного женственная, немного щеголеватая, ангельскаго салона или іезуитской церкви: завитые и напудренные волосы; лобъ точно поднимающійся въ Эмпирей или въ облака кадилаго дыма, въ глазахъ выраженіе меланхолии и скорби; взглядъ, уходящій въ даль, и какъ бы отуманенный чувствомъ; что-то волнистое во всей фигурѣ; открытыя движенія, пріятная, очаровательная улыбка, внутренняя разсѣянность. та сосредоточенность, которая замѣчается у глуховатыхъ людей; видъ, который говорить, что онъ мыслями въ другомъ мѣстѣ, вопреки самому себѣ, несмотря на усиліе быть здѣсь, цѣлкомъ съ тѣми, съ кѣмъ разговариваетъ; позволяющій любить себя и быть имъ любимымъ, получать изъ его рукъ счастье; смѣшивающій въ чувствѣ какого-то почтенія къ себѣ самому и свою славу и свою миссію и любовь; почти извиняющійся въ томъ, что онъ самодержавно правитъ могущественнѣйшей имперіей на землѣ; въ порывахъ гуманности показывающій высшее искусство — вносить сердце въ дипломатію и воображеніе въ политику; смѣсь хорошихъ качествъ государя и жалкой слабости; насыщенный теоріями; недовѣряющій людямъ, туманный въ своихъ рѣчахъ; тонкій и послѣдовательный въ своихъ поступкахъ; болѣе склонный слушать любимцевъ нежели совѣтниковъ; подвижный, какъ облака, и, какъ они, дающій причудливыя фигуры во время движенія, открывая безконечныя перспективы: идеи у него не противорѣчатъ одна другой; онъ колеблется, сливаются, сгущаются, полукрываются, какъ бы образуя свѣтовые полосы, исчезаютъ; въ основѣ всего инстинктъ, вкусъ, геній обольстителя.

Пруссійскій король завоевалъ его, пожалуй, своею науклюжестью, замѣшательствомъ, которое сказывалось въ его личности, въ его царствованіи, въ его государствѣ, въ его политикѣ; этимъ видомъ «простака», этой натянутой честностью, наконецъ, которая дѣлала его невыносимымъ Наполеону. Александръ почувствовалъ къ нему особаго рада тайное влеченіе, происходящее изъ того же чувства, изъ котораго происходила его антипатія къ Бонапарту. Онъ завидуетъ первому консулу и, когда думаетъ объ этомъ соперникѣ, чувствуетъ себя ученикомъ, персонажемъ второго разряда: этотъ выскочка открываетъ ему, что въ немъ дѣйствительно нѣтъ качества, дающаго право на удивленіе людей, на управленіе міромъ. Съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ онъ чувствуетъ себя императоромъ, и ему очень лестно, это щекочетъ его самолюбіе, — съ этимъ престижемъ ранга, покровительства, замаскированного формой союза — войти во дворецъ, гдѣ Фридрихъ Великій такъ долго и съ такою гордостью велъ дѣла Сѣвера. Два государя обязались быть друзьями на всю жизнь. Священный союзъ завязался между ними самъ собою, послѣ первыхъ объятій и съ тѣми отбѣнками, которыя онъ

всегда будетъ сохранять: съ нѣжной угодливостью со стороны прусскаго короля, съ умилениемъ превосходства со стороны Александра. Они начали ту систему интимной переписки и прямыхъ переговоровъ, которые столько разъ приводили въ замѣшательство ихъ собственныхъ министровъ. Они разстались восхищенные другъ другомъ ⁷⁾; убѣжденные, что свиданіе, продолжавшееся нѣсколько часовъ, разрѣшило между ними все вопросы, запутанные дипломатіей; что одно данное слово стоитъ всехъ трактатовъ міра; Александръ, убѣжденный, что Фридрихъ-Вильгельмъ всюду пойдетъ за нимъ, находясь съ его лѣвой стороны, какъ вѣрный рыцарь; Фридрихъ-Вильгельмъ, что Александръ будетъ его вѣрнымъ спутникомъ справа какъ лояльный собратъ по оружію, и никогда не оставитъ его.

Что касается королевы, думавшей поразить императора, то она была очарована имъ. «Я не видѣла Альпъ, писала она своему брату; но я увидѣла людей, или вѣрнѣе человека, въ полномъ смыслѣ этого слова... Мемельское свиданіе было божественно. Два монарха любятъ другъ друга нѣжно и искренно» ⁸⁾. «Прилагаю мой маленькій *дневникъ*, самое священное сокровище, какимъ я владѣю. Сейчасъ же возврати мнѣ его; умоляю тебя, во имя ранъ Христа».

Тонъ королевы—сентиментальный мистицизмъ съ примѣсью легкой взволнованности, нѣжности; нѣкоторый видъ ревности, очень женственной, простодушной, ревности старшей сестры. Все это было перетолковано пошлыми писаками. Бѣдная прусская королева съ своимъ «кокетствомъ энтузіазма» была такъ же непризнана и оклеветана, какъ Марія Антуанетта была непризнана и оклеветана за свою шутливую веселость, за свою беззаботность и непринужденность истой вѣнки. Мы легко поймемъ фальшивыя сужденія о ней, распространенныя ея врагами, когда увидимъ, какъ говорили о ней слуги, имѣвшие наибольшую возможность узнать ее. «Вы понимаете, писалъ о «божественномъ свиданіи», Пьеръ Ломбаръ, братъ личнаго секретаря короля, «Вы понимаете, что *чародѣйка* не мало содѣйствовала скрѣпленію узъ, которыя связываютъ теперь двухъ государей: это фея, которая подчиняетъ все силѣ своихъ *чаръ*». Очень вѣроятно, что это письмо было перехвачено парижскимъ чернымъ кабинетомъ, которому оно, впрочемъ, по всей видности, и предназначалось. Этого достаточно, чтобы понять, какъ позже

⁷⁾ 16 июня 1802 г.

⁸⁾ Ср. съ Мемельскимъ *Дневникомъ* у Baillon, впечатлѣнія г-жи Сталь въ 1812 г.: «*Есть гений въ добродѣтели...* Императоръ говорилъ мнѣ съ энтузіазмомъ о своей націи... Государь, сказала я ему, вашъ характеръ есть конституція для вашей имперіи, а ваша совѣсть есть ея гарантія». *Dix années de l'exil*.

Наполеонъ, сравнивавшій Марію—Каролину Неаполитанскую съ *Медеей* сдѣлать изъ королевы Луизы прусской *Армиду*.

Императоръ и король говорили объ общей опасности, которою угрожали имъ расширеніе французской республики и честолюбіе перваго консула. Они взаимно обѣщались безусловно вѣрить другъ другу, оставаться вѣрными до конца. Однако ихъ взгляды оставались замѣчательно различными. Александръ смотрѣлъ и видѣлъ далеко; Фридрихъ-Вильгельмъ не мѣтилъ далеко. Его политика была, по нѣмецкому выраженію, чисто территориальная, то есть, ея цѣль была, сохранять и округлять. Фридрихъ-Вильгельмъ все свои планы сосредоточивалъ на присоединеніи Ганновера. Все его искусство было направлено къ тому, чтобы овладѣть Ганноверомъ, не ссорясь съ Англіей, чтобы это сдѣлала ему Франція, и чтобы Россія гарантировала это, чтобы все произошло безъ пролитія крови, безъ траты талеровъ, исключительно при помощи ловкой процедуры, которую давалъ нейтралитетъ. Александръ желалъ гегемоніи въ Европѣ и возстановленія въ своихъ рукахъ Польши. Онъ сдѣлался бы ея королемъ, и, такимъ образомъ, была бы заглажена, думалъ онъ, гнусность раздѣла. Это была его манера возстановлять справедливость въ Европѣ и возвращать націямъ ихъ независимость. Эта комбинація позволила бы ему отнять у своего брата и друга, по крайней мѣрѣ, путемъ обмена, часть его польскихъ владѣній: Познань и особенно Варшаву. Но Фридрихъ-Вильгельмъ ничего этого не подозрѣвалъ, и увѣренный въ своемъ нейтралитетѣ, который укоренилъ въ своей душѣ, увѣренный въ своей защитѣ, которую онъ думалъ подпереть Россіей, увѣренный, наконецъ, что Александръ обезпечитъ ему выгоды, которыя призналъ за нимъ трактатъ съ республикой, онъ вступилъ во владѣніе ими, даже не дожидаясь ратификацій имперскаго сейма ⁹⁾.

Александръ шелъ къ разрыву съ Франціей, убѣжденный, что увлечетъ съ собою Пруссію. Австрія держалась въ сторонѣ съ благоразуміемъ, которое ей внушало воспоминаніе о недавнихъ неудачахъ и желаніе извлечь изъ міра всевозможныя выгоды и получить насколько возможно большую часть при большомъ раздѣлѣ Германіи ¹⁰⁾. Заднія мысли просвѣчиваютъ въ инструкціяхъ, данныхъ молодому графу Клименту Меттерниху, который начиналъ тогда свою карьеру въ Дрезденскомъ посольствѣ. Повидимому онъ самъ редактировалъ ихъ, и то, что онъ написалъ по этому поводу ¹¹⁾, есть предисловіе его будущей политики. «Мы далеки отъ того,

⁹⁾ 3 апрѣля 1802 г. Твентснске, t. I, p. 183. Ломбаръ Луккезини 12 июля 1802 г., письмо Кочубея къ Воронцову изъ Мемеля, 14 июня 1802 г.

¹⁰⁾ Парижское соглашеніе 26 дек. 1802 г. Нимхъ, t. I, p. 447.

¹¹⁾ *Mémoires de Metternich*, édition française, t. II, ноябрь 1801.—Это почти дословная программа 1809 года.

чтобы видѣть возстановленіе европейскаго равновѣсія и вмѣстѣ съ нимъ общаго покоя. Нужно, чтобы чрезмѣрное расширеніе Франціи подверглось измѣненіямъ... Хорошо округленные мы вступаемъ въ совершенно новыя условія. Теперь нашъ политическій долгъ состоитъ въ томъ, чтобы завязать новыя сношенія, полезныя..., возстановить наши силы, занять положеніе, которое оставляетъ насъ свободными, насколько это позволяютъ обстоятельства, которыхъ теперь нельзя предвидѣть, избрать себѣ роль соответствующую величинѣ и положенію первокласснаго государства. «Въ Италіи противодѣйствовать Франціи, волновать Цизальпанию; по поводу выполнения Люневильскаго мира повторить приемы Раштада и Зельца, и опять основаться въ Легатствѣ, вотъ пока и весь планъ дипломатіи. Когда имъ сталъ извѣстенъ Амьенскій трактатъ, они рѣшили, что этотъ трактатъ будетъ мертвой буквой, и что возвышенный имъ миръ есть лишь официальная маска очень короткаго перемирія¹²⁾. Изъ Вѣны писали Кобенцию въ Парижъ: «Какъ вес, что остается въ Италіи чуждаго Франціи, надѣется ускользнуть отъ ея владычества? Гдѣ же остановится этотъ потокъ, болѣе быстрый и болѣе ошустошительный во время мира, чѣмъ во время войны?»

IV.

Опустошительный миръ! вотъ страшное консульское пугало и важная новость 1803 года, X года республики, какъ еще выразились. Европа, питавшая страхъ и ужасъ къ революціи, тѣмъ болѣе желала ея конца, чѣмъ сильнѣе былъ ужасъ, и чѣмъ продолжительнѣе былъ страхъ. Но она удивлялась тому, что одинъ человѣкъ могъ упорядочить этотъ хаосъ, потушить этотъ вулканъ, грозившій засыпать старый міръ лавой и пепломъ. Она продолжала изумляться этому обновленію Франціи, которая по всѣмъ предвидѣніямъ давно должна была исчезнуть въ пучинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это зрѣлище, такъ понимаемое, было достаточно, чтобы изумить и поставить въ тупикъ.

Нация, о которой недавно говорили, что она понизилась вълѣдствіе абсолютной монархіи, износилась отъ удовольствій, изнѣжилась роскошью, пришла въ разстройство отъ излишествъ мысли, развратилась литературой, нація безъ религіи, безъ обычаевъ, развлекающаяся теоріями о человѣчествѣ, забывающая суровыя условія государственной жизни, чтобы отдаться мечтамъ о химерической свободѣ, о еще болѣе химерическомъ космополитизмѣ; нація, которую ея разстроенные финансы, злоупотребленія и неопытность ея правительства привели къ всеобщей революціи; которая если и вырвалась изъ утопій, то упала въ кровавую анархію; испытала нашествіе всѣхъ

окужавшихъ ее государствъ, которыя уже два вѣка завидовали ея величію и поджидали ея паденія; эта нація оказывается на своемъ мѣстѣ, объединяется, возрождается при помощи той самой революціи, которая, казалось, должна была разрушить ее; изъ анархіи она извлекаетъ власть самую централизованную, какую только знала старая Европа со времени римскаго сената: изъ космополитическихъ доктринъ она извлекаетъ самое конкретное, самое реальное и самое простое понятіе о патриотизмѣ, утопія братства приводитъ ее къ завоевательнымъ арміямъ; она защищается, вторгается въ чужіе предѣлы въ свою очередь; своимъ примѣромъ показываетъ міру, какъ народъ спасаетъ свою независимость, требуетъ своихъ правъ, заставляетъ своихъ враговъ признать эти права и предлагаетъ ихъ другимъ народамъ: соединяя на войнѣ гуманный энтузіазмъ съ великолѣпіемъ завоеванія, и возстановляя у себя въ своихъ законахъ и въ своихъ социальныхъ учрежденіяхъ, обновленныхъ принципомъ гражданской свободы и равенства, власть самую дѣятельную и самую сильную, какую когда-либо она имѣла и шириною и глубиною своихъ реформъ и размѣрами завоеваній, а основывая демократическую республику въ рамкѣ Имперіи Карла Великаго, которою правитъ консулъ, тридцати-трехъ лѣтъ, полный гениальныхъ порывовъ, во всемъ блестя чарующей молодости. «Эта нація снова создаетъ міръ¹⁾». И это зрѣлище разворачивается передъ людьми, для которыхъ Вольтеръ былъ пророкомъ, а Фридрихъ полу-богомъ.

Правительство, установленное Бонапартомъ во Франціи, являлось осуществленіемъ излюбленныхъ понятій государственныхъ людей континента: ²⁾ просвѣщенный деспотизмъ въ рукахъ выдающагося человѣка. Французская революція, сдерживаемая и регулируемая Бонапартомъ, опять становится понятною для нихъ. Чудовище принимаетъ человѣческую фигуру, тайна разсыпается, Франція вступаетъ въ историческій порядокъ, доступный ихъ пониманію. Но понимая ее, они еще болѣе боялись ея. Прибавьте къ этому сравненіе съ монархіями—разстроенными, сгнившими, инертными. Одна Англія была наготовѣ, несмотря на своего безумнаго короля; но именно потому что она, какъ и Франція, получила революціонную закалку, которую ея великіе правители, отъ Кромвеля до Вильгельма Оранскаго, до Чатама и Вильяма Питта, обратили на благо государства. Но другія страны: Испанія—гниль Годоевъ,—Австрія безъ императора, безъ совѣта, раздираемая, въ изъянахъ; Италія вся изъ кусковъ; Неаполь, которымъ управляютъ при помощи сѣкиры; Пруссія находящаяся въ состояніи упадка; Россія брошенная скоропостижной смертью царя въ руки молодого нерѣшительнаго человѣка; нигдѣ не видно ни шпоръ, ни вожака-всадника.

¹⁾ CHATEAUBRIAND, *Mémoires*, t. II, p. 220.

²⁾ См. т. I, стр. 91—97. Ср. RANKE, *Hardenberg*, t. I.

¹²⁾ См. MARTENS, t. XI, p. 67.—Кобенцль Коллоредо 31 мая 1802 г.

Какъ только Франція была опять открыта, въ нее потекли иностранцы, нетерпѣливо желавшіе увидѣть, что еще осталось послѣ столькихъ катастрофъ, и что могло быть измѣнено этими столь славными и удивительными происшествіями. Изумленіе, удивленіе, несловность, зависть суть преобладающія впечатлѣнія въ запискахъ нѣмцевъ³⁾. Они воображали себѣ другую Францію, болѣе удобную для Германіи, болѣе удобную для ихъ самолюбія, особенно менѣе господствующую, не столь «великую націю». Эти перспективы Карла Великаго, это напоминаніе о Западной имперіи смущаютъ ихъ, беспокоятъ и приводятъ въ негодованіе. Не этого они ожидали отъ революціи, не это привлекало ихъ сюда. Франція, приносящая себя въ жертву ради возрожденія народовъ, жертвующая своею гордостью и своимъ честолюбіемъ дѣлу міровой справедливости; дѣлающая своего рода ночь 4 августа изъ своей славы, своихъ политическихъ традицій, изъ своей страсти къ главенству, изъ своихъ притязаній на имперію Галловъ, на Рейнскую границу; затѣмъ, по освобожденіи народовъ, скромно уходящая, смиренная передъ установленными въ Европѣ властями; Франція—искупительная жертва древняго міра, священная, безоружная и чарующая жрица новаго бога, Ифигенія націй, радующая глаза, утѣшающая сердца, олицетворенный призывъ къ идеалу,—вотъ та Франція, какую они желали. Изъ этого же возникло со дня первой встрѣчи, въ 1792 году, большое недоразумѣніе и майнцскихъ республиканцевъ съ комитетомъ общественнаго спасенія и пререйнцевъ съ директоріей, и столь многихъ «просвѣщенныхъ» по истыхъ нѣмцевъ—съ первымъ консуломъ. Другіе подъ обаяніемъ: «Тюильри, пишетъ одинъ, есть сердце Парижа, Парижъ въ Парижѣ. Тамъ сказывается, открыто и замѣтно, центральная сила новаго солнца».—«Тамъ, пишетъ другой, добрый отецъ народа, умнотворитель раздоровъ, Генрихъ IV, призналъ бы свой духъ».—«Первый человѣкъ первой монархіи въ свѣтѣ».—«Самый необыкновенный человѣкъ»,—«самый великій человѣкъ въ свѣтѣ».

Утверждаютъ, что одно время, во Франціи, въ 1802 году, было около 20,000 иностранцевъ сразу. Въ этомъ числѣ считали 16,000 англичанъ⁴⁾. Они спѣшатъ, привлекаемые одни—лучшіе, какъ Фоксъ, сочувственнымъ любопытствомъ, желаніемъ узнать вблизи, въ реальной жизни, тѣхъ республиканцевъ и ту республику, которымъ они удивлялись издали,

³⁾ Paul Holzhausen, *Der erste Consul Bonaparte und seine Deutschen Besucher*, по письмамъ и дневникамъ путешественниковъ.—Reichardt, *Lettres traduites par Laquante*.—*Denkwürdigkeiten des Grafen de Bray*.

⁴⁾ Carr, *les Anglais en France après la paix d'Amiens*, traduction française. Remacle, *Correspondence royaliste*.—Reichardt, *Un Hiver à Paris sous le Consulat*.

въ идеалѣ. Большую часть изъ нихъ толкалъ сплинъ, скука ихъ острова, ротофѣйство вышенаго порядка. Они пришли смотрѣть на руины и женщинъ, лишившихся своего соціальнаго положенія, на консульскій смотръ на Карусельской площади и на деревянныя галереи ех-Пале-Ройяля. Они не находили того, чего искали. Парижъ ничему не научилъ ихъ ни по части дебоша, ни даже веселаго пьянства. Если тамъ хорошо ѣли, много пили, то мало смѣялись. Привыкнувъ устранять нѣмецкихъ дворянъ и занимать ихъ мѣсто въ столовой и въ спальнѣ, французская молодежь переняла нравы дворянчиковъ, грубыхъ и невосдержныхъ. Кромѣ того сверху приказывалось на все смотрѣть серьезно. Правительство Бонапарта не было, подобно директоріи и Баррасу, правительствомъ кабака и игорнаго дома: консульская республика не была республикой для иностранцевъ, то есть, страной, которую можно презирать, развращая ее. Собственно говоря, то, что они испытывали, не было разочарованіемъ, это было удивленіе, досада, тревога вслѣдствіе того, что они нашли страну и людей не такими, какими они рисовались ихъ воображенію: страну опустошенную и покрытую кабаками; дорогія гостиницы, публичные балы, игорные дома; дефилирующія полуголыя нимфы, кортежи щеголей; банда флибустеровъ, въ оргіяхъ тратящая богатства, наворованныя по всей старой Европѣ. Въмѣсто того имъ пришлось увидѣть обработанные поля, много скота и притомъ хорошо содержимаго, чистенькія домики, строящіяся фабрики: вездѣ порядокъ, работа, честное довольство, возрождающееся благосостояніе, роетущая нація, здоровое тѣло, могучіе, легко работающіе органы. Консула они представляли себѣ воиномъ, которому повезло, подобнымъ было большинству его генераловъ, съ волочащейся саблей, съ развѣвающимся султаномъ. Въмѣсто военнаго авантюриста они видятъ государственнаго чловѣка, и съ самыми благородными манерами. Предубѣжденные въ наилучшую сторону ожидали чего-то средняго между Кромвелемъ и Вашингтономъ; самые образованные и умные охотно рисовали себѣ корсиканскаго дворянчика въ видѣ итальянскаго кондоттьери четырнадцатаго вѣка, сдѣлавшагося какой-то странной игрой волшебства диктаторомъ революціи, возникшей во Франціи изъ дыханія Жанъ-Жака, Дидеро и Вольтера. Они начинаютъ понимать то, что безконечно болѣе естественно во Франціи, государственный геній—вѣчной соперницы, олицетворившейся въ чловѣкѣ, пахочащегося на пути къ возстановленію государства Людовика XIV, къ наибольшей славѣ «великой націи».

Англичане наилучшимъ образомъ расположенные къ республикѣ и миру, наилучшіе знатоки государственнаго управленія, удивляются, но тревожатся. Таковъ Фоксъ «болѣе англичанинъ еще, чѣмъ вигъ и филантропъ», рѣшающій, что Франція быстро идетъ къ могуществу, и что государь, котораго она

дала себѣ, очень наступать не только на земли континента, но и въ область государственной экономіи, въ ремесла, въ область труда, который производить богатство. И Англія настораживается, рѣшившись практиковать въ промышленной борьбѣ ту же самую систему, что и въ борьбѣ колониальной,—предупредительную войну.

V.

Бонапартъ не зналъ могущества кредита; ¹⁾ онъ не признавалъ перемены, совершившихся въ англійской промышленности; не давалъ себѣ отчета въ страшной силѣ великаго англійскаго народа; онъ не вѣдалъ, какое большое значеніе, какой національный характеръ представляла для англичанъ торговля, и какъ она была способна вызывать у нихъ ту же энергію, какую вызываетъ и независимость духа, честолюбіе завоеваній, пропаганда вѣры и идей, честь, благородство. Онъ не воображалъ, кромѣ того, чтобы миръ могъ быть нарушенъ до 1804 г., и надѣялся, что до этого времени онъ успѣетъ привести континентъ въ коалицію, передѣлать французскій флотъ, организовать французскую мануфактуру, благодаря Шапталю и Бертолу, сдѣлать ее способною къ конкуренціи, и, пока выяснятся событія, снова завладѣть Сантъ-Доминго, снова основаться въ факторіяхъ Индіи и въ Луизианѣ. Слѣдовательно, онъ заботился объ установленіи правильныхъ сношеній съ Англіей. Подражая самимъ англичанамъ, имѣвшимъ во Франціи справочное бюро и хорошо организованное агентство эмиссаровъ, онъ учредилъ французское бюро въ Англіи и назначилъ туда толпу политическихъ и торговыхъ наблюдателей—въ числѣ ихъ умнаго путешественника Фіеве, полицейскихъ и контръ-полицейскихъ для наблюденія за Лондонскими эмигрантами ²⁾. Нуженъ былъ титулованный посланникъ. Онъ выбралъ генерала Андреосси, и Таллейранъ занялся составленіемъ инструкцій ³⁾.

Первый заботой Андреосси будетъ «ежедневно стараться требовать и обѣщать буквального исполненія условій, установленныхъ» Амьенскимъ договоромъ. Что касается Мальты, то ему «будутъ даны спеціальныя и послѣдовательныя инструкціи». Вторымъ предметомъ его миссіи будетъ «при всякомъ случаѣ устранять какое бы то ни было вмѣшательство британ-

¹⁾ См. Thibaudeau, Miot. Рѣчь Б. въ Государственномъ Совѣтѣ 8 февр. 1802 г.

²⁾ Посланіе 6 мая 1802 года.—Письмо къ Декрѣ, 15 апрѣля; къ Таллейрану, 21 апрѣля 1802 г.—*Souvenirs de Chaptal*.

³⁾ Sainte-Beuve, *Causeries du Lundi*, t. V, статья о Fiévée.—Roederer, t. I, p. 468.—Lettres à Roederer 16 mars 1802. Lanfrey, t. II, p. 467.

⁴⁾ Онъ помѣченъ 1 іюля 1802 г.

скаго правительства въ континентальныя дѣла». Третьимъ пунктомъ будетъ торговля. Первый консулъ думаетъ, что торговый договоръ «можетъ быть дѣломъ лишь долгихъ размышленій и времени». Онъ отказывается отъ всякой конвенціи этого рода, но онъ расположенъ вступить въ переговоры «относительно цѣлага ряда частныхъ сдѣлокъ и компенсацій, имѣющихъ въ своей основѣ взаимные торговые интересы обѣихъ націй... Французское правительство не можетъ сразу отмѣнить всѣ запрещенія, относящіяся къ англійской торговлѣ, и открыть доступъ продуктамъ англійской промышленности, не нанося этимъ значительнаго ущерба национальной мануфактурѣ, которая, правда, уже нѣсколько лѣтъ какъ получила благодѣтельный толчекъ, но которая еще не приобрѣла ни въ капиталахъ, ни въ запасахъ сырыхъ матеріаловъ, никакихъ средствъ, которыя бы сдѣлали ее способною хоть соперничать съ англійской мануфактурой». Андреосси долженъ очень внимательно слѣдить за всякимъ движеніемъ торговли, фабрикъ и банковъ въ Англіи. Наконецъ, онъ долженъ найти поводъ для изгнанія принцевъ-Бурбоновъ, Жоржа и его друзей, и епископовъ, не подавшихъ въ отставку; короче, всѣхъ рѣфюжѣ и эмигрантовъ, враждебныхъ республикѣ и первому консулу.

Андреосси не трогался съ мѣста. Англичане не объявляли объ отъѣздѣ своего посланника, и донесенія Отто и выдержки изъ газетъ оставляли все менѣе и менѣе надежды на возобновленіе мирныхъ сношеній. Министры съ нѣкоторою осторожностью, газеты въ выраженіяхъ очень свободныхъ все болѣе и болѣе яростныхъ, жалуются на все, обвиняя мирный договоръ и его послѣдствія. Бонапартъ отвѣчалъ имъ сверху, въ *Moniteur* и въ такомъ же стилѣ, употребляя въ этой полемикѣ, которая отражаетъ мѣстами его приемы, всегда услужливое перо Барера, который доставалъ изъ своихъ ящиковъ свои *carmagnoles*. II года и тонъ, соотвѣтствовавшій первосвященничеству Робеспьера, перекладывалъ въ тонъ Бонапартова консульства. Въ вопросахъ о свободѣ прессы первый консулъ никогда не поднимался выше идей якобинца 1793 года и фруктидорьянца 1797 года; онъ не допускалъ, чтобы иностранная страна имѣла законы, отличные отъ законовъ французской республики, и чтобы принятые условности французской политики не были для иностранцевъ правиломъ общественной свободы. На эти заявленія англійскіе министры отвѣчали ссылкой на свое законодательство, то есть, на свою независимость и на неприкосновенность прессы, нападки которой испытывали они первые; потомъ они протестовали противъ діатрибы *Moniteur'a*, который, говорили они, ведется исключительно для удовольствія консула, и отвѣтственный издатель котораго, стало быть, самъ консулъ. Этимъ обусловливался самый неразрѣшимый конфликтъ, дебаты такъ дурно поставленные, какъ

это только возможно на свѣтъ: каждый требовалъ отъ другого, чтобы онъ перемѣнилъ свой характеръ и свой умъ, чтобы пожертвовалъ тѣмъ, въ чемъ видитъ свое достоинство, чтобы отмѣнилъ свои законы, отказался отъ своихъ обычаевъ. «Французское правительство, говорилъ Гакберн, должно было составить себѣ очень невѣрную идею о характерѣ англійской націи, если оно воображаетъ, что мы могли бы согласиться насиловать права, на которыхъ основана наша свобода».

«Рефюжѣ» не ограничивались одними бумажными пугалами. Бывшій редакторъ *Actes des apôtres*—Цельтс въ своемъ періодическомъ изданіи, пасквильнаго характера, — *l'Ambigu*—призывалъ «послѣднихъ римлянъ». устроить новому Цезарю «апостолъ Ромула».

Жоржъ Кадудаль не желалъ предоставить эту честь «послѣднимъ римлянамъ». Съ 1800 года онъ проектировалъ «рѣшающій ударъ, ударъ на столицу», который пытался выполнить въ 1804 году. Маренго нарушило этотъ планъ. Въ августѣ 1802 года онъ вернулся, чтобы повидать стараго товарища Питта, Виндгэма, съ которымъ онъ находился въ сношеніяхъ, требуя субсидій и барокъ для своей милиціи изъ разбойниковъ. «Очевидно, писалъ Виндгэмъ послѣ его визита, онъ имѣетъ въ виду какую-то перемѣну, которая, по его мнѣнію, должна произойти во Франціи, и ради которой онъ желаетъ, чтобы его офицеры были свободны въ своихъ движеніяхъ». Это была та «перемѣна», которую Жоржъ пытался совершить, два года спустя, на пути въ Мальмезонъ. Въ промежуткѣ между этими обстоятельствами, чтобы предостеречь, быть можетъ, благоприятный результатъ, какъ говорили, скорого прибытія Андреосси, враги Франціи устроили махинацію, аналогичную той, которая въ 1792 году разстроила миссію графа Сегюра въ Берлинѣ. Это были мнимыя инструкціи, данныя Андреосси, и которыя, будто бы вслѣдствіе нескромности, попали въ публику⁵⁾. Въ брошюрахъ онѣ носятъ подпись Таллейрана и дату мессидора X года. Грубо подчеркнутая цѣль ихъ—это задѣть честь англичанъ и въ частности достоинство короны. «Питты, Гренвилл, Виндгэмы, Бурбоны и ихъ друзья шуаны такіе же враги министровъ и враги мира, какъ враги теперешняго правительства». Такимъ образомъ, эта лукавая инструкція съ перваго шага ставила кабинетъ Аддингтона въ положеніе товарища французской республики, приглашая его быть угодливымъ. Вотъ фактъ еще лучшій, подражающій, какъ оказалось, берлинскому апокрифу, который объявлялъ, что въ Пруссіи все продажно, предписывалъ Сегюру все покупать и называть имена, если не самыя важныя, то по крайней мѣрѣ самыя продажныя. Принцъ

⁵⁾ Ар. Мин. Иностр. Дѣлъ. Переписка съ Англіей, копія: *Extrait des papiers anglais*. См. т. II, стр. 320—329.

Уэльскій, говоритъ инструкція, живетъ безпорядочно: его долги громадны и скандальны даже въ Лондонѣ. Андреосси долженъ опутать этого принца; намекнуть, что ему тяжело смотрѣть на принца, находящагося въ такомъ далеко не блестящемъ положеніи, и что онъ, хотя и не имѣетъ на это полномочій, но, зная чувства перваго консула, и если принцъ согласится на это,—испросить сумму, указанную его королевскимъ высочествомъ, какъ заемъ, который будетъ выплаченъ принцемъ по вступленіи его на престолъ». Во время первой уилаты, когда принцъ предложилъ подписать свое обязательство, Андреосси, великолѣпный, какъ подобаетъ быть вѣстнику Цезаря, долженъ вскричать: «Первый консулъ всецѣло полагается на честь принца!» Во всякомъ случаѣ, воздавъ должное благородству, онъ скажетъ, что «первый консулъ былъ бы въ высшей степени доволенъ, если бы его королевское высочество завѣрилъ его собственноручнымъ письмомъ, въ томъ, что онъ постепенно порветъ всякую связь съ Бурбонами, и что при своемъ вступленіи на тронъ не позволитъ ни имъ, ни другимъ эмигрантамъ оставаться дольше въ его государствѣ».

Дальше слѣдовали статьи, также вѣроломно скомбинированныя: собирать всевозможныя свѣдѣнія относительно уязвимыхъ пунктовъ Индіи, относительно ненависти, какую питаютъ тамъ къ англичанамъ, относительно расположенія, которое взаимнѣ этого существуетъ къ французамъ; о настроеніи Канады, о надеждѣ на возстанія въ случаѣ войны. Канадцамъ можно бы указать на возвращеніе Луизианны, какъ на примѣръ и гарантію. Андреосси долженъ былъ добывать все планы, все карты англійскаго побережья,—шпіонить, какъ слѣдуетъ, относительно флота, арсеналовъ, войска; наконецъ, онъ долженъ былъ стараться при встрѣчахъ, вызывать англичанъ, на разговоры, особенно долженъ былъ избѣгать пить за столомъ, «лить воду въ стаканъ. тогда какъ другіе будутъ пить чистое вино»; долженъ былъ льстить недовольнымъ, жалѣть ихъ, говорить имъ, что «въ республикѣ», они, быть можетъ, были бы главою государства;—ласкать иллюзіи генераловъ: Бонапартъ, «если провидѣніе сохранило ему жизнь, поставитъ себѣ за честь «не оставить въ Европѣ никакого другого правительства, кромѣ всемірной республики».

Кисть подражателя груба, но эта работа предназначена не для знатоковъ. Нужно только бросать хворостъ на каменный уголь, горящій въ англійскихъ очагахъ, и разжигать сильное пламя, чтобы оно виднѣлось далеко.

VI.

Франція очень сильна своими завоеваніями, своими внутренними ресурсами, своимъ консуломъ; таковъ послѣдній выводъ. Изъ этого прорете-

касть зависть, тѣмъ болѣе не спокойная, что нельзя надѣяться, какъ при Людовикѣ XIV, на пѣкоторое ослабленіе пружины, на то, что машина разстроится вслѣдствіе роскоши двора, излишка построекъ, расточительности любовницъ. Тутъ все государство, все сила, все польза. Продолжайся такъ—а это будетъ продолжаться, если консулъ не умретъ отъ какой нибудь неожиданной болѣзни или отъ какого нибудь покушенія на его жизнь и Европа будетъ подъ игмомъ, и Англія будетъ грозить излишкомъ силъ, апоплектичскій ударъ, конкуренція и, быть можетъ, революція. Консульская республика производитъ на англичанъ неожиданное дѣйствіе сближенія новыхъ интересовъ: городской индустріи—со старыми интересами, интересами землевладѣльцевъ; и вотъ благосостояніе и сила Франціи стали не менѣе страшны аристократамъ и олигархамъ, чѣмъ негодьямъ и мануфактуристамъ.

Правящій классъ, классъ крупныхъ собственниковъ, завладѣвъ важными привилегіями и важными должностями, связанными съ собственностью. Они проникаютъ въ палату лордовъ, они правятъ въ палатѣ общинъ, они господа государства, благодаря парламенту, они распоряжаются мѣстной юстиціей, благодаря мѣстнымъ властямъ. Они умѣютъ сохранять свои преимущества, свои мѣста, свои земли, пожирать Ирландію и править народомъ, патріотическимъ и христіанскимъ, при помощи великихъ словъ: честь, независимость, христіанство, свобода. Они яростно боролись противъ революціонной Франціи; но революція, организованная, упорядоченная, кажется имъ врагомъ несравненно болѣе опаснымъ, чѣмъ революція анархическая, съ пиками, въ лохмотьяхъ, революція съ своимъ верховнымъ существомъ, съ своими гильотинами и съ своими празднествами. Антихристіанская, нивелирующая, опустошительная, она поднимается какъ страшилище. Консульская республика выдѣляется заразу болѣе угрожающую, болѣе злокачественную. Данный Франціей примѣръ законнаго отнятія крестьянами и мелкими буржуа земель у аристократіи, громадная передача собственности, раздѣленной, демократизированной, является для англійскаго народа реальной пропагандою, гораздо болѣе привлекательной, чѣмъ равенство въ пицетѣ. Интересы англійскихъ крестьянъ и буржуа были противъ французской революціи; теперь они грозятъ быть за нее; тѣмъ болѣе, что эта революція съ своими благодѣяніями, практическими и ощутительными, преобразуется въ государственную машину, болѣе продуктивную и лучше скомбинированную для блага простого трудящагося народа.

Англія кажется созрѣвшей для революціи такого рода. «Она была неизбежна, говоритъ одинъ англійскій историкъ. Общественный духъ былъ возбужденъ; демократическія страсти начинали волноваться; желаніе

власти, подъ именемъ реформъ распространилось въ среднихъ классахъ, и учрежденіямъ нашей страны грозилъ ударъ, столь же бурный какъ тотъ, который ниспровергнулъ французскую монархію. Единственнымъ спасительствомъ было вовлечь страну въ какую нибудь вышнюю войну. Это могло бы воскресить старую доблесть и заставить забыть про реформы».

Война эта прежде всего прекратитъ сообщеніе съ Франціей. Аристократія отведетъ, такимъ образомъ, грозящее ей наводненіе. Она объяснитъ фабричному народу, что только война можетъ обезпечить промышленности, которою онъ живетъ, нужные ей рынки на континентѣ и въ колоніяхъ, и необходимое для нея расширеніе. Управляя сообразно съ страстями и непосредственными интересами этого класса, заводчиками и рабочими, негодьями и банкирами, аристократія заинтересуетъ ихъ видами правительства и въ то же время долго будетъ держать ихъ вдали отъ него.

Изъ этой политики произойдетъ новая государственная экономіка: ростъ налоговъ, который ничуть не приводитъ націю къ обѣдненію, когда внутренніе ресурсы страны увеличиваются благодаря труду. Во время Пикта, въ продолженіе войны, обыкновенно, говорили, что если англичанинъ и платилъ болѣе государству, то зато онъ болѣе зарабатывалъ. Начинающійся кризисъ зависить исключительно отъ мира. Англія не можетъ, не разоряя себя, исполнять Амьенскій договоръ. Такъ что миръ оказывается все болѣе и болѣе гибельнымъ, и сила интересовъ оживляетъ старое соперничество, едва заглушное, но вовсе не потухшее. Оно пробуждается какъ во время борьбы пзъ за *трески* и Канады. Это неслучайная тема для оппозиціи; популярная программа для завтрашняго правительства; программа, которой хватить на долго, правительство, которое долго будетъ продолжаться, такъ долго, какъ власть Бонапарта, а вслѣдствіе ея и благосостояніе Франціи. Чѣмъ богаче и могущественнѣе будетъ казаться Франція, тѣмъ болѣе Англія будетъ считать себя оскорбленною и угрожаемою. Въ дѣйствительности Англія начала эту безпощадную борьбу не для «освобожденія» континента, который никогда не былъ свободнымъ; не для «освобожденія» народовъ, независимость которыхъ мало ее интересовала, только бы ихъ правители открыли свои порты: она начала эту борьбу, чтобы вырвать у Франціи великолѣпную береговую линію, устья столькихъ рѣкъ, такое множество корабельныхъ верфей, склады столькихъ продуктовъ, рынки для такого количества товаровъ, и чтобы, воспользовавшись каналами Голландіи, Рейномъ, Шельдой, Средиземнымъ моремъ, заставить принять монополію британской промышленности и торговли.

Но комбинаціи войны имѣютъ свои предѣлы, свои границы. Для

коммерческой войны они будутъ тѣ-же, что были при Людовикѣ XV, для войны изъ за колоній, это будутъ континентальныя диверсии. Именно со стороны континента Франція грозитъ Англіи, изолируетъ ее, пожелаетъ блокировать ее и взять голодомъ. Лѣкарство указывается самой же болѣзнию. Нужно связать Францію съ континентомъ; нужно заставить ее распасться по причинѣ самага ея протяженія, разориться по причинѣ постоянныхъ завоеваній. Ей не по плечу двойное нашествіе: одновременно и съ берега и съ восточной границы. Прежде чѣмъ ея флотъ будетъ въ состояніи выйти въ море, сухопутная война остановитъ всѣ государственныя реформы, и море останется свободнымъ для Англіи. Обезкураженная коалиціями, разочаровавшись въ субсидіяхъ послѣ Люневильскаго мира, Англія возвращается къ нимъ по мѣрѣ того, какъ она замѣчаетъ въ Вѣнѣ и Петербургѣ тѣ же жалобы и неудовольствія противъ мира Люневильскаго, какія въ Лондонѣ сказывались противъ мира Амьенскаго. Какъ только окончится торговля аббатствами и вольными городами, когда Австрія получитъ свою долю, когда Пруссія получитъ свой залогъ, — произойдетъ поворотъ, и эти дворы постараются извлечь изъ компенсацій и пррпростовъ, которыя имъ доставилъ ихъ миръ съ Франціей, средства, чтобы отнять отъ Франціи тѣ территоріи, за которые она такъ щедро заплатила. Пруссакіи косятся на низовья Рейна, Голландію и даже Бельгію; Австрія оставила Бельгію не безъ задней мысли вернуть ее назадъ, или по крайней мѣрѣ перепродать. Она думаетъ и будетъ думать съ этого момента о присоединеніи Ломбердіи, которой владѣла, къ Венеціи, которую она получила въ замѣнъ, — о своемъ распространеніи на легатства, которыхъ она такъ жадно хочетъ, съ тѣхъ поръ какъ республика отняла ихъ у папы и, такимъ образомъ, бросила ихъ на европейскій рынокъ; она мечтаетъ объ этомъ, какъ во время Маріи-Терезіи, всегда берущая и всегда увѣряющая, что «раздѣлъ несправедливъ, и неравенъ!»

«Филиппъ Кобенцль вторично позволялъ играть собою, какъ ребенкомъ, какъ то позволялъ Гаугвицу при второмъ раздѣлѣ Польши», писалъ, по поводу трактата о компенсаціяхъ въ Германіи, Тугутъ вышедшій въ отставку, но продолжавшій интересоваться дѣлами. Онъ прибавлялъ, дойдя въ своихъ воспоминаніяхъ до трактата Люневильскаго: «Никогда намъ не давали возможности имѣть миръ въ слѣдующихъ двухъ условіяхъ: порвать съ нашими союзниками; согласиться на уступку лѣваго берега Рейна. Я лично никогда не имѣлъ смѣлости посовѣтовать Его Величеству слѣпо подчиниться условіямъ столь же гибельнымъ, сколько оскорбительнымъ¹⁾».

¹⁾ Тугутъ Коллоредо 23 янв. 1803 г.

Въ Россіи, партія «англомановъ» господствуетъ въ интимномъ кругу императора. По мѣрѣ того какъ Александръ зрѣетъ, въ немъ сказывается честолюбіе въ формѣ ревности, которая окрашивается показнымъ либерализмомъ. Этотъ самодержецъ разсуждаетъ о французской свободѣ въ выраженіяхъ, отъ которыхъ не отказался бы Бенжаменъ Констанъ. Можно было бы подумать, что вы слышите одного изъ застольниковъ г-жи Сталь, осуждающаго посягательства диктатора. «Я опять схожусь съ вами, мой дорогой, въ нашемъ мнѣніи о первомъ консулѣ», пишетъ онъ своему воспитателю, республиканцу, швейцарцу Лагарпу, 7 іюля 1802 года. «Со времени его пожизненнаго консульства заставъся упалъ... Онъ лишился самой лучшей славы, какая назначена для человѣка, и которой одной ему не доставало: доказать, что онъ работалъ безъ всякой личной цѣли, для блага и славы своего отечества, и оставаясь вѣрнымъ конституціи, которой онъ самъ присягалъ, возвратитъ черезъ десять лѣтъ власть, которую имѣлъ въ рукахъ. Въмѣсто этого онъ предпочелъ подражать дворянъ, совершенно нарушая конституцію своей страны. Теперь это самый пресловутый изъ тирановъ, какихъ производила исторія». И эта фраза есть самое забавное изъ подражаній, какія могли быть внушены литературнымъ обезьянничаньемъ!

Сообразно съ этимъ дѣйствовала русская дипломатія. «Было бы очень странно, писалъ Кочубей Воронцову въ Лондонъ, если бы въ Европѣ еще продолжали работать, чтобы привести въ прежнѣе состояніе морское могущество Франціи. Одни только англичане, благодаря своимъ преимуществамъ въ этой области, уравниваютъ французское главенство на сушѣ. Исчезли это равновѣсіе, и нѣтъ больше сопротивленія этому гиганту. «Вѣря Воронцову, русскіе видятъ въ Амьенскомъ договорѣ дѣло слабости, «трусости», непопулярное въ Англіи, опасное, невыполнимое. Они поручаютъ Маркову строго слѣдить за консуломъ, особенно, что касается статьи о Средиземномъ морѣ. Марковъ, очень враждебный французамъ, считаетъ честью для себя, внести въ это какъ можно меньше изыщества. Читая его разговоры въ 1802 году съ Бонапартомъ, кажется, что ошибаешься на счетъ даты, и думаешь, что держишь въ рукахъ томъ, обнимающій 1808 годъ. Это сплошные упреки благодарностями и протесты по поводу недостаточной благодарности. Потомъ въ изобиліи слѣдуютъ предостереженія о чрезмѣрности завоеваній, объ уваженіи правъ и трактатовъ. Вержелъ, неподкупный министръ добродѣтельнаго Людовика XVI, не могъ бы убѣдительно уговаривать дѣлившихъ Польшу. Бонапартъ отвѣчаетъ тономъ великой Екатерины, отдѣлывающей представителя французскаго короля, когда этотъ представитель позволилъ себѣ разговаривать подобнымъ образомъ. «Сардинскій король, возстановленный

въ своихъ владѣнiяхъ, былъ бы не болѣе какъ французскiй префектъ, которому грозитъ отставка по поводу перваго неудовольствiя, чего же хотятъ отъ консула? «онъ еще оставляетъ ему островъ Сардинiю», — «онъ позволилъ» жить королевству Неаполитанскому; въ Германiи онъ уравновѣсилъ могущество Австрiи и Пруссiи, образовавъ третью державу, Баварию: Австрiя, впрочемъ, прибавляетъ онъ «уже и такъ очень могущественна, и она сдѣлается еще могущественнѣе, когда будетъ призвана къ участию въ раздѣлѣ оттоманской имперiи, которой грозитъ скорое распаденiе ²⁾». Другой разъ, потому же вопросу о Пьемонтѣ, онъ сказалъ: «Справедливость государствъ составляетъ ихъ выгода, ихъ польза ³⁾». «Я не откажусь отъ Пьемонта до тѣхъ поръ, пока австрiйцы будутъ владѣть въ Италiи хоть одною пядью земли ⁴⁾». На что Александръ отвѣчалъ ему 21 октября 1802 года: «Пока это будетъ продолжаться, мнѣ будетъ невозможно признать короля Этрурскаго и Итальянскiя республики какъ бы впрочемъ, ни было искреннимъ мое желанiе быть вамъ прiятнымъ».

VII.

Это уже намеки на войну, предвѣстники коалицiи. Бонапартъ укрѣпляется, обезпечиваетъ сообщенiя между *этанами* республики, подвигаетъ дальнѣйшую обложенiя, предмостовыя укрѣпленiя, свои передовыя караулы. И вотъ онъ отброшенъ на материкъ и неудачей своихъ колониальныхъ диверсiй и политикой государствъ, составлявшихъ вчерашнюю коалицiю и готовыхъ вступить въ завтрашнюю коалицiю. Экспедицiя въ Сантъ-Доминго приняла гибельный оборотъ. Въ iюлѣ армiя дошла до 8000 человекъ, обезсиленныхъ, изнуренныхъ лихорадкою. Въ сентябрѣ ихъ осталось не больше 3,000. Леклеркъ умираетъ, доведенный до отчаянiя. Бонапартъ не хочетъ больше и слышать о Сантъ-Доминго. Это ошибка, которой онъ себя не прощаетъ. вмѣстѣ съ этой экспедицiей падаютъ большiе планы относительно Луизианы и Миссиссиппи. Онъ можетъ теперь бороться съ Англiей только посредствомъ Европы. Онъ долженъ предупредить здѣсь подвохи англiйской и русской политики, за сближенiе которыхъ говорятъ всѣ данныя. 11 сентября онъ объявляетъ присоединенiе Пьемонта, подготовленное и заявленное еще годъ тому назадъ. Батавцы требуютъ, что бы французскiя войска оставили ихъ республику, ибо оккупация ея должна

²⁾ Донесенiе Маркова 20 окт. 1802 г.

³⁾ «Польза Европы есть право», скажетъ Александръ Таллейрану въ Вѣнѣ, въ 1814 году, по поводу Польши, которую онъ хочетъ взять себѣ, и Саксонiи, которую хочетъ конфисковать для Пруссiи.

⁴⁾ Донесенiя Маркова 11 апр., 5 iюня 1802 г.

прекратиться вмѣстѣ съ англiйской войной. Ихъ поддерживаютъ англичане и Россiя. Бонапартъ отвѣчаетъ, что онъ отзоветъ свои войска только тогда, когда англичане исполнятъ Амьенскiй договоръ, и когда онъ будетъ увѣренъ, что англичане не ведутъ никакихъ интригъ въ Гаагѣ. Онъ приглашаетъ батавцевъ остерегаться, какъ остерегается онъ самъ, всякаго рода опасностей, которыя могъ бы вызвать неожиданный уходъ французскихъ войскъ ¹⁾.

Эта опасность сказалась въ Швейцарiи. Французскiя войска, занимавшiя эту республику, ушли въ iюлѣ. Тотчасъ же вспыхнула тамъ анархiя: аристократы и демократы, федералисты и унитаристы спорятъ изъ-за власти, и начинаются происки иностранцевъ, австрiйцевъ, особенно англичанъ. Бонапартъ не могъ этого терпѣть. Швейцарцы держатъ одинъ изъ ключей къ Италiи: кто хочетъ господствовать на полуостровѣ и управлять Цизальпиннiей, тотъ долженъ имѣть въ своихъ рукахъ Пьемонтъ и быть увѣреннымъ въ Кантонахъ. Это побужденiе для англичанъ имѣть тамъ друзей, возвести тамъ нѣсколько баррикадъ и закрыть проходы. Швейцарiя, по мнѣнiю англiйскихъ агентовъ, есть классическое мѣсто шпионства и заговоровъ, удивительно удобное, чтобы наблюдать за Италiей, Южной Германiей и Восточной Францiей, чтобы объединять недовольныхъ, распространять манифесты, отправлять эмиссаровъ.

Бонапартъ зналъ важность этого пункта. Онъ вспоминаетъ Викгэма: заговоры, которые съ 1794 по 1799 годъ угрожали Франшъ-Конте, и тѣ усилiя, которые долженъ былъ употребить Массена, чтобы очистить эту границу ²⁾. «Что касается Швейцарiи, пишетъ онъ Таллейрану, мы не потерпимъ, чтобы сюда вмѣшцывалась Англiя, ибо здѣсь она только и дѣлала бы, что сѣяла безпорядки. Это былъ бы новый Жерсей, гдѣ разжигали бы смуту противъ Францiи» ³⁾ — «Я пуждаюсь, болѣе всего, въ границѣ, прикрывающей Франшъ-Конте, въ стойкомъ и прочномъ правительствѣ, дружественно расположенномъ къ Францiи. Это первое желанiе, которое я выражаю. Если это невозможно, то интересы Францiи укажутъ мнѣ, что я долженъ дѣлать». Онъ приглашаетъ Бернскiй спасти отправить къ нему посольство. 30 сентября онъ заявляетъ свое ходатайство швейцарцамъ. Ней съ 30,000 человекъ готовъ вступить въ Кантоны. Швейцарцы подчиняются. Немного раньше (28 августа 1802 года) Бонапартъ провозгласилъ независимость Валлиса, гарантированную имъ, независимость Швейцарiи и Итальянской республики. Проходы Симплонскiй и С. Готардскiй были обезпечены.

¹⁾ Таллейранъ Семонвиллю 9 янв. 1803 г.

²⁾ Ср. т. IV, стр. 315, 331 и т. V.

³⁾ Таллейрану 4 ноября 1802 г.

Онъ занимается Средиземнымъ моремъ. Островъ Эльбу присоединяетъ къ Франціи (26 августа 1802 года). Отправляетъ въ Константинополь посланникомъ Брюно, самаго неспокойнаго и самаго стѣнительнаго изъ военныхъ политиковъ. «Намѣреніе правительства, сообщать онъ ему 18 октября, состоитъ въ томъ, чтобы посольство, въ Константинополь, пользуясь всѣми средствами, опять получило то главенство, какое Франція имѣла въ этой столицѣ за эти два столѣтія. Посольство занимаетъ самый красивый домъ. Оно должно постоянно держать свой рангъ выше посланниковъ другихъ націй. Должно опять принять подъ свое покровительство всѣ странопріимные дома, всѣхъ христіанъ Сиріи и Арменіи, и особенно всѣ караваны, посѣщающіе Святыя мѣста. «Онъ грозитъ и образумливаетъ берберовъ и алжирскаго дея, разбойники котораго въ ту пору еще нападали и приводили въ страхъ провансальское побережье. Затѣмъ, такъ какъ Луизіана съ этого времени стала недоступной, то онъ возвращается къ своей любимой, упорной мечтѣ, первой великой мечтѣ, сложившейся съ 1797 года,—къ Египту. Онъ отправляетъ туда офицера, въ которомъ цѣнятъ умъ и ловкость, полковника, корсиканца Себастьяни ⁴⁾. Этотъ посланецъ заѣдетъ въ Триполи, заставитъ принять тамъ флагъ итальянской республики; затѣмъ отправится въ Египетъ, ознакомится съ положеніемъ дѣлъ послѣ ухода англичанъ и возвратится черезъ Сирію. Генераль Деканъ получить подобную миссію въ Индію.

Это были такіа мѣры, какихъ ни Англія, ни Россія не намѣревались терпѣть со стороны какого бы то ни было французскаго правительства, монархіи или республики, но въ особенности республики. Правительство этого имени, казалось имъ, только тогда соответствуетъ своей природѣ, своему *raison d'être*, своимъ вкусамъ, когда оно скромно, даже покорно: когда оно подчиняется какъ низшее. Такова республика Соединенныхъ Провинцій подъ прежнимъ режимомъ: такова въ настоящее время республика батавская. Вотъ истинная причина негодованія Александра противъ пожизненнаго консульства. Вотъ, почему онъ не прощалъ Бонапарту его подражанія дворамъ («*singer les cours*»), и почему этотъ московскій республиканецъ называлъ корсиканца «однимъ изъ самыхъ пресловутыхъ тирановъ». Онъ судилъ о немъ совершенно такъ же справедливо, какъ Петръ Великій о Людовикѣ XIV.

Англичане повышаютъ тонъ. «Мы не сдѣлали половины того, чего отъ насъ желали, говорилъ Гаксбери Отто. Хотя я долженъ успокоить васъ, что касается прошедшаго, я не могу сдѣлать того же относительно будущаго» ⁵⁾. Посланникомъ во Франціи былъ назначенъ лордъ Уайтвортъ.

⁴⁾ Инструкція Себастьяни 5 сент. 1802 г.

⁵⁾ Донесенія Отто 3 и 18 окт. 1802 г.

10 сентября были составлены для него инструкціи. Присоединеніе острова Эльбы, официальное присоединеніе Пьемонта останавливаютъ его отъѣздъ. Воззваніе Бонапарта къ швейцарцамъ 30-го сентября даетъ поводъ все оставить подъ сомнѣніемъ: будутъ спорить о неясности предварительныхъ статей и Амьенскаго договора.

Договоръ, говоритъ Гаксбери, былъ основанъ на системѣ компенсацій и возвращеній. Между тѣмъ, со времени трактата взаимное положеніе постоянно измѣнялось и всегда къ выгодѣ Франціи. «Пьемонтъ присоединенъ. Вы не далеко отъ того, чтобы распоряжаться судьбою Германіи, Швейцаріи, Голландіи. Несмотря на принятое нами рѣшеніе никакъ не вмѣшиваться въ дѣла континента, мы вовлечены въ это противъ нашей воли, столько же поданными намъ жалобами, сколько и общественнымъ мнѣніемъ, которое высказывается здѣсь съ безпримѣрною энергіей».

На самомъ дѣлѣ, они превосходно знали во время предварительныхъ переговоровъ виды Бонапарта на Пьемонтъ. Измѣненіе этой страны въ военную дивизію и въ французскія префектуры, учрежденіе итальянской республики предшествовали Амьенскому трактату. Территориальныя операціи въ Германіи являются исполненіемъ Люневильскаго трактата. Правда въ томъ, что они рѣшили вовсе не исполнять Амьенскаго трактата въ существенныхъ для нихъ параграфахъ, объ Индіяхъ и Мальтѣ. 17 октября, лордъ Говардъ писалъ Велесли, губернатору Индіи: «Извѣстные обстоятельства дѣлаютъ желательной отсрочку для возвращенія нѣсколькихъ владѣній Вестъ-Индіи, которыя, согласно статьямъ Амьенскаго договора, должны быть возвращены правительствамъ французскому и батавскому. Я долженъ объявить вашей милости приказъ Ея Величества, чтобы тѣ изъ этихъ владѣній, которыя еще будутъ заняты нашими войсками въ тотъ моментъ, когда вы получите это письмо, не были эвакуированы впредъ до новыхъ распоряженій». 10 октября отправлена была нота парижскому повѣренному по дѣламъ, Мери, протестующая противъ вмѣшательства въ дѣла Швейцаріи, объявляющая нейтралитетъ Кантоновъ связаннымъ съ миромъ и равновѣсіемъ Европы, и, слѣдовательно, съ Амьенскимъ договоромъ. Отто пишетъ 26 октября: «Общее мнѣніе таково, что эвакуація Мальты будетъ зависѣть отъ швейцарскаго спора».

Таллейранъ имѣетъ хорошія карты въ рукахъ, чтобы отвѣчать на эти доводы: договоръ не говоритъ ни о Швейцаріи, ни о Пьемонтѣ; напротивъ, онъ говоритъ очень точно объ эвакуаціи французами Неаполя и объ эвакуаціи Мальты англичанами. «Вы должны сказать, пишетъ Таллейранъ Отто, что невозможно, чтобы держава не исполняла обязательствъ, обозначенныхъ въ формальномъ договорѣ» ⁶⁾. Франція ушла

⁶⁾ 23 окт. 1802 г.

Сорель, т. VI.

изъ Неаполя, она ожидаетъ, чтобы Англія ушла изъ Мальты: оба акта соотносительны. Такъ открывается конфликтъ между двумя канцеляріями: какъ онъ былъ между лондонской прессой и парижскимъ *Moniteur* омъ. Кромѣ подозрѣваемой имъ коалиціи Бонапартъ испытываетъ еще и личную обиду: не только противодѣйствуютъ его политикѣ, не только оскорбляютъ его личность, но, что болѣе невыносимо, онъ видитъ, что всѣ его планы, что все громадное, будущее задуманное и приготовленное имъ, зависить отъ удачи устроившихъ засаду разбойниковъ, отъ ножа убійцы, или, что еще хуже—ибо это глупо и унижительно—отъ похищенія, отъ какой нибудь секвестраціи, какъ, напримѣръ, было съ сенаторомъ Климентомъ де-Рисъ. Онъ знаетъ, что на него охотятся, и окружаетъ себя полицейскими и часовыми и чувствуетъ себя въ смѣшномъ положеніи передъ Европою. Приличествуетъ ли побѣдителю при Кастильоне и Арколе это положеніе орла въ клѣткѣ? Онъ обвиняетъ англичанъ за вызывающія статьи ихъ газетъ, за ихъ отказъ изгнать Жоржа, за соучастіе, которое онъ приписываетъ ихъ министрамъ, за ярость, которую онъ испытываетъ.

Въ то же время онъ вооружается, но больше на показъ, ибо основательное вооруженіе ему не по средствамъ; и за невозможностью тайныхъ и дѣйствительныхъ приготовленій, которыя могли бы произвести совершенно неожиданный ударъ, онъ желаетъ нагнать страха передвигающимися по дорогамъ пушками и ударами молотковъ арсенальскихъ рабочихъ. «Пыхота, доносить Мармонъ, бывший тогда въ большой модѣ и пользовавшійся большимъ благоволеніемъ, не представляла полного комплекта, кавалеріи не доставало лошадей, артиллерія находилась въ неудовлетворительномъ состояніи». Консулъ надѣется, что Англія, подчиняющаяся только выгодамъ, рѣшитъ, что ей грозитъ опасность, и остановится передъ тѣми предосторожностями, которыя онъ принимаетъ, и передъ тѣми мѣрами, которыми онъ угрожаетъ. Въ его умѣ уже мелькаетъ гиперболическая комбинація, которая въ 1806 году будетъ колоссальнымъ средствомъ его политики. Онъ обдумываетъ ее, видитъ, рисуетъ; но тогда она еще не приводилась въ осуществленіе, онъ надѣялся обойтись безъ этого, онъ запугивалъ ею: это континентальная блокада и, какъ первое условіе ея, главенство Франціи на континентѣ.

Онъ говоритъ австрійскому посланнику: «Англія желаетъ войны, она получить ее!» Онъ льститъ Фоксу, который посѣтилъ его: англійскому министерству онъ противопоставляетъ великаго европейскаго оратора, но при этомъ прибавляетъ: «Есть только два государства на свѣтѣ: имперія Востока и имперія Запада. Кто желаетъ нарушить миръ Европы, тотъ желаетъ междоусобной войны». Какъ бы тамъ ни было, теперь онъ боится

только примиренія Англіи съ Россіей. Онъ надѣется на Люневильскій договоръ и на сдѣлки съ Германіей, чтобы сдерживать Австрію: «Всякая коалиція съ Австріей невозможна въ продолженіе пятидесяти лѣтъ», говорилъ онъ очень громко, для того, чтобы ему повѣрили, и чтобы убѣдить самого себя. И Родереру⁷⁾: «Австрійскій домъ предоставитъ мнѣ дѣлать то, чего я пожелаю». Но горе ему, если Англія введетъ его въ искушеніе и увлечетъ къ новымъ приключеніямъ. И пусть Англія не дѣлаетъ себѣ никакихъ иллюзій: онъ беретъ на себя показать ей то будущее, какое она приготовляетъ для себя и для Европы.

Именно въ это время, подъ влияніемъ какой нибудь ноты Гаксбери или какой нибудь газетной статьи онъ диктуетъ Таллейрану эту депешу, отъ 23 октября, замѣчательно точную, удивительную по силѣ мысли, страшную программу будущаго⁸⁾. Если, какъ онъ часто повторялъ, онъ только подчинился обстоятельствамъ и «слѣдовалъ своей судьбѣ», то никогда человекъ не былъ въ такой степени и съ такой ясностью пророкомъ своей судьбы.

«Всякій разъ, когда министры будутъ прямо или косвенно говорить вамъ о войнѣ, вы должны отвѣчать имъ въ очень повышенномъ тонѣ. Идетъ дѣло о морской войнѣ? Что другое можетъ она сдѣлать, какъ только помѣшать развитію флота, который пока ничто? Говорите вы о войнѣ континентальной? Ужъ конечно не Пруссія и не Баварія пойдутъ вмѣстѣ съ англичанами. Австрія рѣшилась, что бы ни случилось, не мѣшаться ни во что...

И если бы Австрія вмѣшалась во что нибудь, то тогда именно Англія заставила бы насъ завоевать Европу; ибо при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, мы овладѣли бы Швейцаріей, Голландіей, и, чтобы намъ избавиться отъ замѣшательства, источникомъ и поводомъ которыхъ служатъ эти страны, мы могли бы присоединить ихъ къ Франціи. То же самое мы могли бы сдѣлать съ Республиками Итальянскою и Лигурійскою, вмѣсто того чтобы оставлять ихъ въ состояніи какихъ-то убожествъ, которое парализуетъ громадные ресурсы. Равнымъ образомъ были бы потеряны Ганноверъ и Пруссія, и вся Англія должна была бы стать подъ ружье въ противовѣсъ проектамъ высадки, которую непремѣнно попытались бы сдѣлать. И если бы первый консулъ перемѣстился въ Лилль или въ Сень-Омеръ и собралъ всѣ плоскодонныя суда Голландіи и 100,000 человекъ на побережьѣ, то Англія находилась бы въ постоянной тревогѣ, не говоря уже о томъ, что въ два первые мѣсяца войны она потеряла бы Ганно-

⁷⁾ Разговоръ 30 дек. 1802 г.

⁸⁾ Письмо Талейрана Отто: «послѣ разговора съ первымъ консуломъ».

веръ и Португалію и дѣйствительно составила бы эту *имперію Галловъ*, которою она хочетъ запугать Европу».

Первый консулъ не помышляетъ сдѣлать для Швейцаріи то, что онъ сдѣлалъ въ Ліонѣ для Италіи; но, «если британское министерство сдѣлаетъ хоть малѣйшій офиціальныи намекъ, изъ котораго можно было бы заключать, что онъ (первый консулъ) не сдѣлалъ этого потому, что не смѣлъ, то онъ сейчасъ же сдѣлаетъ это». Полагаютъ будто онъ боится войны. Если англичане вѣрятъ этому, то «они узнаютъ на себѣ, что первому консулу по первому призыву легче имѣть 800,000 человѣкъ, чѣмъ, пожалуй, вернуть ихъ къ земледѣльческому труду и къ торговлѣ». Онъ желаетъ мира, «потому что французская нація можетъ найти столько же выгодъ въ торговлѣ, какъ и въ расширеніи своей территоріи»; но онъ не оставитъ Швейцаріи въ рукахъ партіи, находящейся на жалованьи у англичанъ; «онъ не отдастъ зачинщикамъ волнений и войны страшныхъ бастионовъ, которыми не могли овладѣть многочисленныя русскія и австрійскія войска въ продолженіе VII и VIII года».

«Всячески старайтесь показать ту гордость, которая то разсужденіями, то образами должна воодушевлять ваши рѣчи. Намекните, что первый пушечный выстрѣлъ можетъ неожиданно создать *Имперію Галловъ*. Дайте понять, до какой степени новая война можетъ поднять славу и могущество перваго консула. Ему тридцать три года, и онъ разрушилъ пока только второстепенныя государства. Кто знаетъ, сколько ему нужно будетъ времени, если его принудятъ къ этому, чтобы опять измѣнить лицо Европы и воскресить западную Имперію?»

Этотъ удивительный *ультиматумъ* можно было бы принять за чрезмѣрную фанфаронаду какого нибудь политическаго хвастуна, если бы всѣ содержащіяся въ немъ угрозы не были приведены въ исполненіе менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ и не представляли только часть начавшагося великаго разрушенія государствъ. Бонапартъ сказалъ въ заключеніе: *Весь Амьенскій трактатъ, ничего, кромѣ Амьенскаго трактата*, то есть, эвакуація Мальты, о чемъ говоритъ трактатъ, и никакихъ требованій относительно Пьемонта, республики Итальянской, Лигуріи, Этруріи, Швейцаріи, которыя не указаны въ трактатѣ. Когда Отто сообщилъ эту странную ноту Гаксбери, 29 октября, Гаксбери отвѣтилъ на нее не менѣе рѣшительнымъ приказомъ: *Континентъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ тогда* (въ моментъ договора), *и ничего кромѣ этого*; то есть ни присоединенія Пьемонта, ни Лигуріи, ни Гельвеціи въ состояніи опеки; въ противномъ случаѣ Англія удержитъ Мальту.

VIII.

Бонапартъ не зналъ, и никогда не понималъ англичанъ. Онъ доказалъ это въ двухъ торжественныхъ случаяхъ своей жизни: 23 октября 1802 года, когда онъ думалъ напугать ихъ своимъ *Quos ego*, обращаясь съ ними, словно Нептунъ съ низшими морскими божествами, и 14 іюля 1815 года, когда говорилъ съ ними, какъThemistocle, и взывалъ къ ихъ великодушію. Глубокая ошибка съ его стороны было думать, что англичанъ можно устроить словами, сдерживать ихъ угрозами, и довести ихъ до банкротства, закрывъ имъ континентъ. Онъ подумалъ, что дѣйствительно сразилъ ихъ, и воображая, что добился нужной ему отсрочки, онъ снова принялся за дѣло мирной реорганизаціи Франціи, что составляло его главный интересъ. Его правительство углубилось въ эту работу и увлекло за собою страну. Подъ его импульсомъ, его гарантіей Франція оживаетъ, работаетъ, становится предприимчивой.

Во всѣхъ западныхъ портахъ вооружаютъ торговые корабли для далекаго плаванія и для колоній. Казалось, что возвратился тотъ періодъ возрожденія, который, при Людовикѣ XVI, слѣдовалъ за войной Соединенныхъ-Штатовъ и за договоромъ 1783 года. Военныя экспедиціи находятся въ пути или собираются къ отправкѣ въ Индію. Англичане имѣли хорошій случай, чтобы захватить столько добычи! «Я убѣжденъ, что Бонапартъ желаетъ мира», писалъ одинъ нормандскій дворянинъ, мальтійскій рыцарь, перешедшій на баварскую службу; «и что несмотря на отвращеніе къ Англіи, которое вызываютъ въ немъ грубыя оскорбленія, въ большомъ количествѣ распространяемая по его адресу въ этой странѣ, онъ дастъ миръ, если увидитъ, что его искренно желаютъ. — Всѣ данныя, какія я приобрѣлъ, убѣдили меня, что Бонапартъ рѣшительно желалъ мира. — Главнымъ образомъ желалъ онъ его для того, чтобы всецѣло отдаться важнымъ работамъ¹⁾».

Но таковъ рокъ, толкающій Францію и Англію къ возобновленію ихъ снора, древняго, какъ ихъ исторія: главные работы Бонапарта, которыя дѣлали для него миръ особенно драгоценнымъ, какъ разъ по своей природѣ были таковы, что должны были ускорить войну, ибо онъ укрѣпляли Бонапарта въ его упорствѣ противъ всякаго торговаго соглашенія. Въ ноябрѣ 1802 года онъ посѣтилъ Нормандію. Онъ нашелъ эту провинцію богатою людьми, фруктами, лошадьми, всякаго рода скотомъ. Рѣка съ широкимъ устьемъ представляла морской портъ въ нѣсколькихъ часахъ отъ Парижа. Много гаваней, рыбаковъ, лодмановъ, гнѣздъ каперовъ и

¹⁾ Mémoire du comte de Bray, 1803.

рекрутъ для кораблей. Жители—удивительная раса колонистовъ, которые отчасти населили Канаду и Луизиану, которые только и ждали, чтобы отправиться въ далекія страны, чтобы вернуть состоянія, уничтоженныя войной и чтобы завоевать колоніи для французскаго труда; онъ нашелъ здѣсь то согласіе въ работѣ, которое напоминало согласіе въ дѣлѣ революціи 1789 года; «единеніе» силъ отъ богатѣйшаго негодяя до бѣдняка—простолудина; сукно, ткани, фабрики, которыя поднимались бокъ о бокъ съ Англіей и конкурировали съ ней этими продуктами. Нигдѣ, кромѣ Ліона, не видѣлъ онъ такого довѣрія къ своему правленію, такого усердія въ работахъ; нигдѣ не видѣлъ такого упорнаго наследственнаго соперничества съ англичанами, соперничества людей одной съ ними расы.

«Все здѣсь утѣшаетъ и радуетъ, и я истинно люблю эту красивую, добрую Нормандію; это настоящая Франція ²⁾. «Но также духъ протекціонизма нигдѣ не проявлялся съ большей рѣзкостью. Договоръ 1786 года оставилъ здѣсь воспоминаніе о своего рода экономическомъ Росбахѣ ³⁾. «Нужно, говорилъ Бонапартъ руанскому префекту, Беньо, чтобы нація наслаждалась радостями мира». Беньо, какъ послушный чиновникъ восхищался, но сомнѣвался.—Какъ, возразилъ Бонапартъ, вы думаете, что Англія будетъ воевать со мною, вы думаете это серьезно?—Да, я думаю.—Я еще сомнѣваюсь, но если Англія нападетъ на меня, продолжать онъ съ оживленіемъ, она не понимаетъ, чему она подвергается; нѣтъ, дѣйствительно, она не понимаетъ... Вы увидите, какая это будетъ война!

²⁾ Письма его Камбасересу и Иосифу 30 окт., 2, 3, 6 ноября 1802 г.

³⁾ «Англичанинъ, неутомимый и неразвлекающійся наблюдатель, въ совершенствѣ зналъ до заключенія договора наши средства и наши ресурсы, и сравнивая ихъ съ настоящимъ положеніемъ своей страны, онъ легко понималъ ихъ недостаточность... Онъ предвидѣлъ быстрое оскудѣніе нашихъ рынковъ вслѣдствіе роста его рынковъ. «*Observations de la Chambre de commerce de Normandie sur le traité de commerce entre la France et l'Angleterre*. Rouen 1788. Въ *Éphémérides du citoyen*, письмъ въ нормандскую торговую палату, Дюпонъ де-Немуръ защищалъ трактатъ 1786 года, и представлялъ его какъ «можетъ быть единственную гарантію мира между двумя имперіями». Руанская торговая палата отвѣчаетъ ему: Совсѣмъ чуждо французскому сердцу желаніе этой скандальной и преступной компенсаціи! Война, особенно въ наше время, есть лишь временное несчастье, которое даже пробуждаетъ патріотическій духъ и энергію націи. Но налогъ, платимый по трусости или невѣжеству для достиженія мира, скрытымъ образомъ подорвалъ бы нашу промышленность, нашъ флотъ, и унижалъ настоящее поколѣніе, приготавилъ бы для будущаго поколѣнія только инерцію, нищенство, рабскій духъ и вырожденіе». «*Réfutation des principes et assertions contenus dans une lettre qui a par titre. «Lettre à la Chambre de Commerce de Normandie», par la Chambre de Commerce de Normandie Rouen, 1788.*

Я все сдѣлаю, чтобы избѣжать ее, но если мнѣ навязжутъ ее, я ниспровергну все, что встрѣчу на пути. Я высажусь въ Англію, пойду на Лондонъ, и если это предпріятіе не удастся, я потрясу весь континентъ, покорю Голландію, Испанію, Португалію, Италію; нападу на Австрію и дойду до самой Вѣны, чтобы разрушить все поддерживающее эту ненавистную державу: увидать, что я могу сдѣлать, и что я сдѣлаю. Я дрожу заранѣе, но будутъ меня знать». Онъ возбуждался, произнося свою тираду. Успокоившись: «Впрочемъ, я не менѣе буду продолжать работать для благосостоянія Франціи, чтобы процвѣтали ея торговля, ея земледѣліе, ея промышленность, и мы будемъ счастливы на зло нашимъ соперникамъ». Это были тѣ вспышки воинственнаго духа, которыхъ всегда надо было ожидать отъ него. Государственный человѣкъ въ Бонапартѣ это былъ человѣкъ образованный, цивилизованный овладѣвшій самимъ собою, распоряжающійся своимъ гениемъ, и въ этомъ его главная гордость; но воинъ, завоеватель представляли въ немъ первобытное, инстинктивное существо, естественное изліяніе его генія. Онъ чувствовалъ, какъ подъ нимъ готовились коалиціи, какъ про нѣкоторыхъ говорятъ, что они слышатъ ростъ травы. И онъ всегда былъ готовъ къ походу, ибо на войнѣ чувствовалъ себя въ своей стихіи, былъ увѣренъ въ себѣ, держалъ въ своихъ рукахъ дѣло, имѣя передъ собою задачу—битву, и ея рѣшеніе—побѣду. Его противникамъ всегда было легко вызвать его на войну, и самымъ вѣрнымъ средствомъ было показывать видъ, что думаютъ, и, особенно, говорить, что онъ боится борьбы. Англичане съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовались этимъ средствомъ въ 1802 году.

Продолжалась полемика относительно вторженій, въ которыхъ Англія упрекала Бонапарта. «Англіійскій король, отвѣчалъ консулъ, не желалъ признать ни Итальянской республики, ни Гельветической. Англія не могла гарантировать миръ на континентѣ, потому что не знала континента... Во время Амьенскаго мира и мѣсяцъ спустя мы имѣли въ Швейцаріи 10,000, въ Пьемонтѣ 30,000 и въ Итальянской республикѣ около 40,000 чловѣкъ. Слѣдовательно, требуя такого положенія дѣлъ на континентѣ, какое было во время Амьенскаго мира, нельзя имъ жаловаться на сегодняшнее положеніе. «Англичане, продолжалъ онъ, со своей стороны не переставали дѣлать перемѣны въ Индіи, съ марта 1802 года. Слѣдовательно, было бы справедливо въ такомъ случаѣ потребовать, чтобы и Индія представляла то положеніе, въ которомъ она находилась въ эпоху мира. Онъ продолжалъ: «Что касается Швейцаріи, то она намъ необходима. Это былъ бы новый Джерсей, но и одного очень достаточно съ эмигрантами, которые тамъ замышляютъ заговоры, съ покровитель-

ствомъ, оказываемымъ разбойникамъ, непокорнымъ епископамъ, Бурбонамъ»⁴⁾).

Швейцарія представляла слабый пунктъ его аргументаціи, ибо если въ трактатѣ ничего объ ней не говорится, то его предпріятіе относится явно ко времени послѣ мира. Англичане не упустили случая извлечь изъ этого возраженіе. Но они не чувствовали себя въ состояніи объявить войну; они надѣялись, что принудятъ Бонапарта сдѣлать это, и что, такимъ образомъ, отвѣтственность за войну падетъ на его беспокойный нравъ и честолюбіе. Чтобы довести его до этого, они рассчитывали на инциденты процедуры, и прежде чѣмъ взяться за оружіе, рѣшили продѣлать торжественныя формальности. Вотъ какимъ образомъ послѣ перваго кризиса, наполнившаго лѣтніе и осенніе мѣсяцы 1802 года, приходятъ къ обоюдному назначенію посланниковъ. Уайтвортъ и Андреосси отправились къ своимъ постамъ, но не столько вѣстниками мира, сколько герольдами войны, которые сейчасъ начнутъ словесный поединокъ, или точнѣе—они отправились какъ судебные пристава, торжественно несущіе съ одной и другой стороны повѣстки, приказы и грозныя объявленія.

ГЛАВА IV.

Разрывъ. 1802—1803.

I.

Прибывъ въ Лондонъ, Андреосси узнаетъ, что министры потребовали субсидію, чтобы увеличить число моряковъ съ 30,000 на 50,000. 14 ноября 1802 года Гексбери писалъ Уайтварту¹⁾: «Если французское правительство начинаетъ съ вами разговоры по поводу острова Мальты, то въ высшей степени важно, чтобы вы избѣгали указывать какое бы то ни было изъ намѣреній его величества относительно острова». 16 Ноября король заявляетъ, что онъ опредѣлитъ свое отношеніе къ положенію Европы. При обсужденіи адреса въ палатѣ лордовъ, Гренвиль говоритъ: «Королевство находится въ самомъ страшномъ, въ самомъ критическомъ положеніи. Передъ нимъ только двѣ альтернативы: или готовиться къ войнѣ, или склониться передъ волею того, кто правитъ судьбами Франціи». — Лучше, говоритъ Виндгемъ, въ палатѣ общинъ, предупредить ударъ, чѣмъ отразить его». Каннингъ требуетъ энергичныхъ оборонительныхъ

⁴⁾ Таллейрану 4 ноября 1802 г.

¹⁾ Oscar Browning, *England and Napoleon in 1803*, Despatches of lord Whitworth. Londres, 1887.

мѣрь. Фоксъ осмѣливается доказывать, что расширеніе французской державы было предвидѣно лицами, которые вели переговоры; что тутъ нѣтъ ничего новаго; что это естественный ходъ вещей. Его не слушаютъ. Министерство требуетъ, 8 декабря, чтобы армія на мирномъ положеніи была увеличена до 130,000 человекъ. «Разрушеніе нашей страны есть первое видѣніе, которое проникаетъ къ Бонапарту вмѣстѣ съ первымъ утреннимъ лучомъ, восклицаетъ Шериданъ; это его послѣдняя вечерняя мысль, къ какому бы божеству ни обращался онъ: Юпитеру, Магомету, богинѣ войны или Разума». Питтъ еще не возвратился въ парламентъ, но онъ опять появляется на сценѣ, пишетъ, бесѣдуетъ. Онъ говоритъ Мальмсбюри: «Франція держава искусственная, такъ продолжаться не можетъ, возвратится мое время. Какой бы великой ни могла быть Франція, нашъ доходъ равенъ доходу Европы, нашъ флотъ превосходитъ флотъ всей Европы». Каннингъ обвиняетъ министерство: «Рано или поздно оно должно будетъ дѣйствовать, иначе страна погибла... Мы видимъ уступки, уступки и уступки!»²⁾.

Между тѣмъ Уайтвортъ пріѣзжаетъ въ Парижъ. Это человекъ пятидесяти лѣтъ: благообразной наружности, съ благородными манерами, истинный представитель богатой и надменной страны. Одно изъ первыхъ его донесеній указываетъ на упорные виды Бонапарта на Египетъ и рекомендуетъ бдительность. Онъ сторонникъ беспокойнаго мира. «Каждый новый годъ мира, пишетъ онъ 1 декабря, ослабляя консульское правительство, даетъ силу и смѣлость тѣмъ, чья цѣль и интересы ниспровергнуть это правительство. Сохраняя миръ, мы будемъ поддерживать военное положеніе противъ этого правительства, что является само по себѣ болѣе рѣшительнымъ и опаснымъ, чѣмъ объявленныя враждебныя дѣйствія.

Бонапартъ на этотъ счетъ не ошибается: Англія не возвратитъ Мальты. Предлоги для этого мѣняются со временемъ: прежде это была итальянская республика, теперь это будетъ Швейцарія. Бонапартъ узнаетъ, что въ Лондонѣ бывшіе поддѣльватели бумажекъ принимаются за дѣло болѣе опасное, собираются фабриковать фальшивые билеты французскаго банка, что эмигранты въ Жерсеѣ замышляютъ заговоры, что англійскіе эмиссары развѣзжаютъ по итальянскимъ портамъ; что сторонники Англіи приходятъ въ волненіе въ Голландіи и подъ прикрытіемъ подозрительнаго нейтралитета работаютъ для разрыва французскаго союза. Онъ возбуждаетъ свою политику, приписываетъ своимъ шпионамъ; онъ не хочетъ и слышать о торговыхъ сношеніяхъ. «Наше положеніе не похоже на миръ», пишетъ онъ Таллейрану. Поведеніе Англіи есть «безпрерывное оскорбленіе французскаго народа». Но нужно покончить съ этимъ. Вотъ фраза,

²⁾ Каннингъ Мальмсбери 19 дек. 1802.

которая повторяется во всѣхъ его рѣчахъ: «Время спокойствія наступило въ Европѣ» ³⁾. Онъ говоритъ Маркову: «Волны, поднятыя послѣднею бурей, еще не улеглись въ достаточной степени, для того, чтобы нельзя было опасаться новой бури; и, въ случаѣ новаго взрыва, мое рѣшеніе принято заранее: объявить имперію Галловъ и идти противъ нашихъ враговъ». Это цезарево страшилище: онъ надѣется навести имъ ужасъ на континентъ.

Актъ соглашенія съ Швейцаріей готовится открыто. 10 декабря Бонапартъ обращается къ делегатамъ съ рѣчью, которая мѣтитъ далеко: «Только нейтралитетъ сообразенъ съ природою вашей страны и съ вашими интересами;—но, прибавляетъ онъ,—я долженъ говорить съ вами какъ должностное лицо великой страны и не скрывать отъ васъ, что никогда Франція и Итальянская республика не потерпятъ, чтобы у васъ установилась система, могущая благопріятствовать нашимъ врагамъ». Исторія поставила Швейцарію между Итальянской республикой и Франціей; Англіи тутъ не на что претендовать. «Я не потерплю, чтобы Швейцарія была другимъ Джерсеемъ со стороны Эльзаса. Нужно, чтобы Англія не могла держать въ Швейцаріи ни одного подозрительнаго человѣка».

Во всякомъ случаѣ онъ вѣритъ, что, если нельзя избѣжать войны, по крайней мѣрѣ—можно отдалить ее. Онъ отправляетъ экспедицію въ Индію, и въ послѣднихъ числахъ января 1803 г. онъ даетъ слѣдующія инструкции Декану, командующему экспедиціей: «Намѣстникъ прибудетъ въ страну, гдѣ наши соперники господствуютъ, но гдѣ они также ложатся бременемъ на народы этихъ обширныхъ областей. Итакъ, онъ постарается не дать имъ... никакого повода къ спорамъ и постарается, сколько возможно, скрывать виды правительства». Всячески стараясь завязать сношенія «съ народами или государями, которые съ наибольшимъ нетерпѣніемъ несутъ иго англійской компаніи», онъ постарается ни чѣмъ не встревожить эту компанію. «Англичане—тираны Индіи; они безпокойны и завистливы; нужно обращаться съ ними мягко, притворно, съ простоватостью». Деканъ укажетъ, какія нужны силы, чтобы помочь индійскимъ князьямъ изгнать англичанъ. Затѣмъ, возвращаясь къ датѣ, на которую онъ указывалъ не разъ: «Если война будетъ раньше 1 вандемьера XIII вѣка—23 сентября 1804 года..., намѣстнику дастся полная свобода и онъ уполномочивается отступить на Иль де-Франсъ». Онъ заканчиваетъ слѣдующими словами, выдающими его тайную мысль: «Миссія намѣстника есть прежде всего миссія наблюдательная, но первый консулъ, хорошо освѣдомленный имъ и благодаря точному исполненію предшество-

³⁾ Бонапартъ Таллейрану 18 и 26 дек., донесенія Маркова 23 дек., Витворга 23 дек. 1802 г.

вавшихъ наблюденій, можетъ поставить его въ возможность приобрести когда-нибудь ту славу, которая сохраняетъ память о людяхъ дольше многихъ вѣковъ» ⁴⁾.

Распространяется слухъ, что десантный корпусъ въ 8000 человекъ собирается въ Корсикѣ, ядрѣ будущей египетской арміи. Возвращеніе Себастіани подтверждаетъ эти извѣстія. Себастіани, важный, говорящій про себя, надменный, охотно разглаговствующій о своей личности, напыщенный въ своихъ рѣчахъ, блистательно исполнилъ свое порученіе. Онъ возвращается съ шумомъ. Его изреченія ходятъ по всему Парижу. 30 января 1803 года *Moniteur* публикуетъ отчетъ, который онъ составилъ о своей миссіи, для перваго консула. Въ немъ онъ обвиняетъ англичанъ въ томъ, что они нарочно медлятъ съ эвакуаціей Александріи, генерала Стюарта онъ обвиняетъ въ томъ, что тотъ хотѣлъ убить его; онъ изображаетъ англійскую армію, какъ сборище людей, дурно вооруженныхъ, не дисциплинированныхъ, износившихся отъ чрезмѣрнаго разврата.—Шесть тысячъ французовъ достаточно теперь, чтобы завоевать обратно Египетъ. Эта страна остается очень расположенною къ Франціи. Наканунѣ, Бонапартъ обратился съ слѣдующею рѣчью къ швейцарскимъ делегатамъ: «Англіи нечего дѣлать въ Швейцаріи; если бы она высказала опасеніе, что я желалъ бы сдѣлаться вашимъ *ландамманомъ*, я сдѣлался бы имъ. Говорили, что Англія была заинтересована послѣднимъ возстаніемъ: если бы ее кабинетъ сдѣлалъ по этому поводу официальное представленіе, если бы на этотъ счетъ оказалось хоть одно слово въ «Лондонской Газетѣ», я присоединилъ бы васъ».

Эти слова разносятся по всѣмъ посольствамъ. Результатъ получается плачевный и отличный отъ того, какого ожидалъ Бонапартъ. «Вообще согласны, пишетъ Марковъ, приписывать эти несообразности тому настроенію, которое клонится къ полному помѣшательству. Въ общемъ это мнѣніе главнаго министра и исполнителя всѣхъ его политическихъ плановъ». Особенно въ Англіи ударъ оказался напраснымъ.

Политики видятъ, что Египетъ находится подъ угрозою, что Швейцарія закрыта, то есть, что закрыта боковая дверь, черезъ кособорую они подматривали и дѣлали свои махинаціи во Франціи. Негоціанты видятъ, что для дѣла потеряно еще одно складочное мѣсто. Сити читаетъ рѣчи къ швейцарцамъ и рапортъ Себастіани: корсиканецъ вызываетъ ихъ на бой здѣсь, грозитъ низложить ихъ и въ другомъ мѣстѣ! Кровь ударяетъ въ голову Джонъ-Булю, онъ злится, сжимаетъ кулаки, и сэръ Джонъ Фальстафъ наноситъ такіе удары шпагою по кирасѣ, что звуки ихъ приведутъ

⁴⁾ Henri PRENTOUT, *l'Île de France sous Decaen*. Paris, 1901.

въ обморокъ континентальнаго хвастуна! Министерство Аддингтона поднимается на высоту публики. Гаксбери пишетъ 9 февраля Уайтворту что онъ долженъ заявить, что Англія не отдаетъ Мальты, пока не будетъ успокоена относительно намѣреній Бонапарта на счетъ Египта и Оттоманской имперіи. Мальта есть всеобщій залогъ и гарантія всякаго требованія. Уайтвортъ, настроенный въ Лондонѣ Семеномъ Воронцовымъ, съумѣлъ войти въ довѣріе къ Маркову, совѣтовался съ нимъ, сообщалъ ему все, и Марковъ изъ этихъ дружескихъ сообщеній черпалъ матеріалъ для своихъ донесеній, разжигая зависть Александра, усиливая враждебное настроеніе министровъ.

Уайтвортъ имѣлъ конференцію съ Таллейраномъ относительно своихъ инструкцій отъ 9 февраля. 18-го Бонапартъ пригласилъ его въ Тюильри⁵⁾. Это была одна изъ тѣхъ сценъ исторической трагедіи, которыми Бонапартъ такъ восхищался у Корнеля и которыми выдавалъ себя и давалъ потомкамъ зрѣлище, часто тайну своей жизни. Франція, говоритъ онъ, имѣетъ армію въ 480,000 человекъ, готовую на самыя смѣлыя предпріятія. Англія владѣетъ флотомъ, который дѣлаетъ ее владычицей морей, и равнаго которому Франція не можетъ имѣть раньше десяти лѣтъ. Эти двѣ державы могутъ править миромъ, находясь въ согласіи, и разрушать его своими раздорами. «Со времени Амьенскаго мира, при всякомъ случаѣ, я замѣчаю вражду. Чтобы имѣть войну, достаточно сказать, что ее желаютъ»... Онъ перебираетъ одну по одной жалобы Англіи:—Пьемонтъ, Швейцарія—это пустяки. Все это было естественно, и это легко было предвидѣть, когда договаривались въ Амьенѣ; или тогда не надо было договариваться, или надо исполнять обѣщанное, именно относительно Мальты. Относительно Египта: «Если бы я имѣлъ хоть малѣйшую склонность овладѣть имъ силою, я сдѣлалъ бы это мѣсяцъ тому назадъ. Но рано или поздно Египетъ будетъ принадлежать Франціи, или вслѣдствіе паденія Оттоманской Имперіи, или благодаря какой нибудь сдѣлкѣ съ Портой. «Франція имѣетъ тамъ дружескія связи, для поддержанія которыхъ и былъ отправленъ Себастиани. Миссія эта была необходима вслѣдствіе препятствій, какія Англія ставитъ миру, то есть вслѣдствіе отказа эвакуировать Мальту. Эти слова приводятъ его къ разговору о войнѣ: высадка была бы единственнымъ средствомъ побѣдить англичанъ; но какъ повѣрить, что, достигнувъ до той высоты, на которой находится, онъ рисковалъ бы своей репутаціей, своей жизнью въ столь смѣломъ предпріятіи. Во всякомъ случаѣ, если его на это толкнуть, это будетъ истребительная война, въ которой вся Франція пойдетъ за нимъ. Затѣмъ онъ перешелъ

⁵⁾ Донесенія Уайтворта 21 февр., Маркова 28 февр. 1803 г. на основаніи личнаго разсказа Уайтворта.

къ континенту, показалъ Англію безъ союзниковъ, нарисовалъ покоренную имъ Европу: русскій императоръ очень миролюбивъ; Австрія не имѣетъ никакого значенія! «Отъ меня зависѣло спать въ Вѣнѣ въ императорской постели!» Такъ онъ болталъ почти два часа. Уайтвортъ едва успѣлъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, но очень категорическихъ. «Мнѣ казалось болѣе правдоподобнымъ, рассказываетъ онъ, что я слышу не главу могущественнѣйшаго изъ государствъ Европы, а драгунскаго капитана».

Наполеонъ импровизируя свою роль, ушелъ дальше, чѣмъ требовала изображаемая имъ личность. Таллейранъ, въ качествѣ его комментатора, старался смягчить выходку, но, тѣмъ не менѣе, отправленная имъ въ тотъ же день депеша Андреосси заключала очень сильныя требованія: эвакуировать Мальту и Александрію, изгнать Жоржа, обуздать печать. На другой день, 20 февраля, *Moniteur* напечаталъ *Acte de médiation du premier Consul entre les partis qui divisent la Suisse*. Имперскій протоколъ, актъ которымъ Германскій Сеймъ утверждалъ передѣлку Германіи, былъ готовъ, и подписаніе его составляло лишь одну формальность⁶⁾. Въ тотъ же день, 20 февраля, Бонапартъ опубликовалъ, въ формѣ посланія къ сенату и законодательному корпусу, отчетъ о положеніи Франціи.

Это самый блестящій политическій обзоръ, какой когда нибудь дѣлалъ въ Европѣ глава государства. Во всякомъ случаѣ, великолѣпный миръ, представлялся имъ лишь въ видѣ надежды. «Правительство обезпечиваетъ націи лишь миръ континентальный, и ей позволено надѣяться и на миръ морской». Правительство принесетъ всѣ жертвы совместныя съ честью. Но, если одна партія, въ Англіи, заключила миръ и желаетъ поддерживать его, другая «покаялась въ непримиримой ненависти къ Франціи»; вслѣдствіе чего получается положеніе одновременно мирное и угрожающее.—«Пока будетъ продолжаться эта борьба партій, нужны мѣры, какихъ благоразуміе требуетъ отъ правительства республики; 500,000 человекъ должны быть и будутъ готовы, чтобы защищать республику и метить за нее». Впрочемъ онъ отвѣчалъ за окончательный триумфъ, какъ видно изъ его фразы, столько же говорящей объ его увѣренности въ себя, сколько выражающей презрѣніе къ англичанамъ: «Какое бы ни былъ въ Лондонѣ успѣхъ интриги, она не увлечетъ другихъ народовъ въ новыя лиги; и правительство говоритъ это съ справедливой гордостью: одна Англія не въ состояніи теперь бороться противъ Франціи». И Англія будетъ бороться одна!

⁶⁾ Онъ былъ подписанъ 25 февраля 1803 года.

II.

Однако, въ тотъ же самый день Бонапартъ получилъ знаменательное предостереженіе въ видѣ ноты Маркова касательно полученныхъ этимъ дипломатомъ инструкцій изъ Петербурга. Императоръ, удивленъ тономъ, принятымъ первымъ консуломъ. «Такой тонъ неумѣстенъ въ сношеніяхъ независимыхъ державъ. Его величество не хочетъ ни приказывать, ни получать отъ кого бы то ни было приказаній». Затѣмъ слѣдуетъ прямой намекъ на Египетъ: «Императоръ, будучи доволенъ долей, назначенной ему провидѣніемъ, не замышляетъ расширять своихъ владѣній ни съ какой стороны и желаетъ, чтобы и другіе не усиливались подобнымъ образомъ на счетъ Турціи, пусть первый консулъ успокоитъ его въ этомъ отношеніи, и дѣло заключенія мира съ Англіей будетъ облегчено». А пока что, Россія успокоиваетъ англичанъ. Канцлеръ имперіи пишетъ въ Лондонъ Семену Воронцову: «интересы Россіи и Англіи совпадаютъ въ столь многихъ пунктахъ, что обѣ эти державы могутъ считать себя въ союзѣ другъ съ другомъ, не имѣя надобности выражать это на бумагѣ! ¹⁾».

«Друзья Англіи» стараются разсѣвать тревоги, убѣждать въ неизбежности войны, возлагая всю отвѣтственность за нее на Бонапарта, и имъ это удается. Талейранъ, который подстрекаетъ ихъ посредствомъ своихъ «повѣренныхъ» мирволить Лондону и особенно усиливается вкратъ въ довѣріе Александра, они выставляютъ, какъ и самъ онъ въ послѣдствіи будетъ выставлять себя въ своихъ мемуарахъ, «человѣкомъ очень большого ума, съ тѣмъ мужествомъ въ головѣ, которое у другихъ въ сердцахъ», благоразумнымъ, но мало вліятельнымъ совѣтникомъ очень опрометчиваго властителя, представителемъ умѣренности въ политикѣ Франціи и Европы, порицающимъ дѣла, которымъ онъ сотрудничаетъ, политику, которой онъ служитъ орудіемъ, и думающимъ, что сопротивление со стороны Англіи и особенно Россіи было бы, всеобщимъ благодѣяніемъ и обезпечило бы миръ въ интересахъ самой Франціи.

Иосифъ Бонапартъ, всегда стоявшій на сторожѣ дипломатіи и стонущій подъ игомъ своего младшаго брата, порицаетъ подъ сурдинкой невоздержность рѣчей и запальчивость полемики перваго консула. Онъ осуждаетъ войну, угрожающую залить кровью Европу, войну, которой можно было бы избѣжать, и которой, скажетъ онъ вскорѣ, «безъ сѣмсабродной миссіи Себастіани совсѣмъ и не случилось бы». Онъ не мѣшаетъ фрондировать вокругъ себя. Онъ охотно выслушиваетъ своего

¹⁾ Ноябрь 1802. Мартенсъ, т. XI.

друга и наперсника Міо, постоянно говорящаго ему: «Франція не раздѣляетъ этой политической шепетильности, которая оказывается единственнымъ поводомъ, угрожающимъ возжечь новый пожаръ... Истинная цѣль стремленій націи заключается въ мирѣ». И вотъ Іосифъ чувствуетъ себя человѣкомъ націи. О немъ шепчутся въ салонахъ, посѣщаемыхъ дипломатами; и это ему нравится. «Амьенскій трактатъ, пишетъ г-жа Сталь, былъ заключенъ, когда итальянскія побѣды Бонапарта дали ему господство надъ континентомъ; условія этого мира были очень невыгодны для англичанъ, и въ продолженіе года его существованія, Бонапартъ позволилъ себѣ такіе страшные захваты, что послѣ ошибки подписанія этого трактата самая большая ошибка заключалась въ томъ, что онъ не былъ нарушенъ».

Англичане увѣрены, что война разрушитъ чары и разорветъ покрывало, скрывающее отъ глазъ французовъ эгоизмъ и чрезмѣрное честолюбіе Бонапарта; они перестанутъ видѣть въ немъ наслѣдника революціи и разглядятъ кондотьера, злоупотребляющаго ею. Этимъ очень облегчится дѣло составленія заговоровъ противъ его управленія и его личности. Говорятъ, что въ арміи уже возникаютъ партіи, именно въ арміи запада, которой командуетъ Вернадотъ, а въ эти-то страны, гдѣ духъ возмущенія никогда не умираетъ, эмигранты и замышляютъ сдѣлать высадку и готовятъ тайное нападеніе на Брестъ. Англія тамъ возобновитъ игру, которую она вела въ 1793 г. въ Тулонѣ. При такихъ обстоятельствахъ ей совсѣмъ не кстати изгонять Жоржа и его «офицеровъ». Мегде ля Тушъ, агитаторъ, интриганъ и полиціантъ, является въ министерство иностранныхъ дѣлъ, видится съ Гаммономъ, передаетъ бумаги, выкраденныя имъ въ Парижѣ и предлагаетъ свои услуги. Онъ отвергнутъ «по причинѣ мира»; однако, «если бы обстоятельства измѣнились», его предложенія были бы приняты съ удовольствіемъ. Но обстоятельства готовы измѣниться. Могутъ ли англичане изгонять Бурбоновъ, зная, что такое множество французовъ готовы принять миръ даже безъ Бельгіи и Рейна, что «партія прежнихъ границъ» дѣйствуетъ въ союзѣ съ партіей «друзей Англіи», и что всѣ противодѣйствующіе консулы республиканцы, роялисты и конституціоналисты проникнуты общей имъ всѣмъ вѣрой въ Англію и угодливостью къ ней? Этотъ «англійскій миръ» могутъ заключить только одни Бурбоны, и Англія по отношенію къ Людовіку XVIII и Бонапарту находится въ томъ положеніи, въ какомъ нѣкогда былъ Людовикъ XIV по отношенію къ Іакову II и Вильгельму III: священное право гостепріимства устраняетъ расчеты политики. 1-го марта Талейранъ въ адресованномъ имъ къ Андреосси мемуарѣ указываетъ на мѣры, потребованныя Англіей отъ Франціи для изгнанія Стюартовъ

въ силу 19-го параграфа ахенскаго трактата и прибавляетъ: «Вамъ будетъ легко въ вашихъ собесѣдованіяхъ установить аналогію обстоятельствъ». Самая ясная аналогія состояла тутъ въ томъ, что послѣ заключенія мира 18 октября 1748 г., англійское адмиралтейство 16 апрѣля 1755 г. не объявивъ еще войны, уже дало своимъ морякамъ приказъ нападать, забирать и уничтожать всѣ французскіе корабли, которые попадутся имъ на встрѣчу²⁾.

Дѣло идетъ уже не о Канадѣ и даже не объ Индіяхъ; англичане уже господствуютъ тамъ; но они хотятъ владѣть пристанями и путями, ведущими туда: Амстердамомъ и Антверпеномъ со стороны Вестъ-Индіи и Средиземнымъ моремъ и Египтомъ со стороны Остъ-Индіи. Для Нельсона истинная причина столкновенія, предметъ спора и поле битвы есть Средиземное море. Онъ видитъ, онъ указываетъ на картѣ три пункта: Гибралтаръ, которымъ англичане владѣютъ, Александрію, которую они не должны выпускать изъ рукъ и Мальту, которую они не возвратятъ. «Я считаю, говоритъ онъ, Мальту одной изъ самыхъ важныхъ станцій на дорогѣ въ Индію... я надѣюсь, что мы никогда не покинемъ ее». А вотъ что говоритъ Семенъ Воронцовъ: «Каково бы оно ни было (англійское министерство), оно всегда будетъ стараться уничтожить Францію, какъ своего единственнаго соперника, чтобы затѣмъ деспотически царствовать во всемъ мірѣ. Оно не мѣшаетъ дѣйствовать Бонапарту, чтобы получить отъ него предлогъ для объявленія войны. Оно хочетъ владѣть Мальтой и будетъ владѣть ею, а послѣ разрушенія Оттоманской имперіи оно завладѣетъ Египтомъ». Наконецъ, послѣ того какъ ожидаемое совершилось, и англійскій посолъ былъ отозванъ изъ Парижа, Маркизъ говоритъ: «теперь я убѣдился вполне, что Англія сильно желала если не войны, по крайней мѣрѣ, уничтоженія Амьенскаго договора, которое было бы неминуемымъ слѣдствіемъ перваго обмѣна пушечными выстрѣлами между обѣими сторонами».

III.

Очень взволнованный донесеніемъ о происшествіи 18 февраля, Гоксбери подумалъ было обнародовать его. Мальмсбери ему отсоветовалъ, считая достаточнымъ лишь возвысить голосъ и оскалить зубы. «Бонапартъ, сказалъ онъ, не болѣе какъ рубака; онъ отступаетъ, когда на него нападаютъ и наступаютъ, когда передъ нимъ отступаютъ». — Онъ, должно быть, сумасшедшій «рѣшилъ Гоксбери». «Сумасбродство и наглость, обнаруживающіяся въ его рѣчахъ, управляютъ его поведеніемъ и

²⁾ RICHARD. *Waddington Louis XV et le renversement des alliances.*

доведутъ его до послѣднихъ крайностей, быть можетъ, вопреки его собственному разсудку» писалъ Питтъ. Прочитавъ уже донесеніе Себастіани, онъ сказалъ: «Вотъ истинное и публичное изложеніе плановъ Бонапарта и питаемой имъ надежды властвовать... Если мы уступимъ ему, намъ слѣдуетъ ожидать, что черезъ нѣсколько времени мы увидимъ себя вынужденными отдать ему Египетъ и семь острововъ... не могу не сказать, что немедленная война была бы меньшимъ зломъ въ сравненіи съ такими опасными и постыдными уступками». И онъ заключаетъ: «мы должны приготовиться къ возможности внезапнаго разрыва, а вскорѣ вслѣдъ за этимъ, или точнѣе въ то-же самое время, къ попыткѣ съ его стороны нанести намъ немедленно ударъ въ какое нибудь чувствительное мѣсто»¹⁾.

Отсюда до рѣшенія предупредить врага—одинъ только шагъ. Они и сдѣлали его съ тѣмъ большей рѣшительностью, что уже были извѣщены Семеномъ Воронцовымъ о нотѣ, врученной Марковымъ Галейрану: они знали, что Россія ихъ поддерживаетъ, и не сомнѣвались въ возможности завлечь ее. Прибавьте къ этому «друзей» въ Парижѣ, и донесенія Уайтворта. Самъ Андреосси признается, что народъ противъ войны, что половина арміи проникнута якобинскимъ духомъ, и что Бонапартъ не въ состояніи вести войну. Обстоятельства благоприятны, замѣчаетъ Мальмсбери въ своемъ «Дневникѣ».

Министры, которые съ тѣхъ поръ ничего не дѣлаютъ безъ Питта, раскрываютъ свою игру. Александрія очищена, но они, въ качествѣ вознагражденія и залога, требуютъ Мальту, которую будутъ держать до тѣхъ поръ, пока консулъ не успокоитъ ихъ на счетъ Египта²⁾. Заговариваютъ о новомъ министерствѣ Питта. Въ отвѣтъ на посланіе Бонапарта отъ 10 февраля, на его угрозы 500,000 войскъ, на его дерзкое заявленіе о томъ, что Англія, одна, не въ силахъ противустать ему король 8 марта испрашиваетъ новыя субсидіи. Зная отъ самого Уайтворта, что въ портахъ Франціи никакихъ вооруженій не происходитъ, они 10 марта созываютъ милицію, а 11-го парламентъ вотируетъ призывъ къ оружію 10,000 моряковъ. Эмигранты шутятъ, волнуются, парадируютъ. Графъ д'Артуа разыгрываетъ среди своихъ окружающихъ роль государя, находясь въ постоянномъ ожиданіи героическихъ подвиговъ, высадки, реставраціи. Бонапартъ сдѣлалъ эмигрантамъ довольно странныя предложенія: онъ общалъ имъ вознагражденіе и, кое-какое удовольствіе деньгами, съ тѣмъ чтобы претендентъ формально отка-

¹⁾ Питтъ своему брату, 28 февраля; 2 марта; *Journal de Malmesbury*, 16, 20, 26, 27 февраля; 2, 9 марта 1803.

²⁾ Донесенія Андреосси, 24 февраля, 1 марта; Гоксбюри Уайтворту, 28 февраля 1803.

заяся отъ своихъ правъ, а его братья и племянники переселились бы куда-нибудь подальше, какъ можно дальше, — въ Москву. Вопросъ объ этомъ предложеніи уже обсуждался въ 1802 г. между Талейраномъ и Марковымъ, а въ 1803 г. оно сдѣлано снова черезъ посредство прусскаго короля. Но не такое теперь время, чтобы Бурбоны стали отказываться отъ своихъ притязаній и ополчили себя, какъ рѣзко выразился Талейранъ, осуждая этимъ словомъ то самое предложеніе, которое онъ обязался доставить по назначенію. Они все отвергли, пишетъ прусскій король ³⁾.

Андреоси, будучи еще новичкомъ въ дипломатическихъ стычкахъ, путается и колеблется. Впрочемъ, лично онъ склоняется къ мнѣніямъ партизановъ Юсефа, къ мыслямъ Міо, и его собственныя задушевные предложенія очень странно согласуются съ тѣми, которыми его вѣнскій коллега Шампаньи обмѣнивался въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ съ самымъ отчаяннымъ и неумолимымъ врагомъ республики и Бонапарта — графомъ д'Антрэго. Однажды товарищъ юности Андреоси и довѣренный человѣкъ Людовика XVIII заходитъ къ нему въ его посольство. Андреоси сообщаетъ ему свои опасенія относительно неустойчивости положенія вещей во Франціи. Онъ думаетъ, что въ случаѣ чего, якобинцы снова захватятъ власть, если роялисты не будутъ въ состояніи завладѣть ею. Онъ возлагаетъ большія надежды на Пинегрю. Во всякомъ случаѣ, слѣдую буквальному смыслу получаемыхъ имъ въ Лондонѣ декларацій, онъ полагаетъ, что одинъ только Бонапартъ могъ бы отвратить войну, и что только онъ одинъ стремится къ ней, играя такимъ образомъ въ руку Англіи. «Такое, гражданинъ-министръ, пишетъ онъ Талейрану 17 марта 1803 г., положеніе дѣлъ и умовъ. Отъ мѣры, которая приметъ Франція, и отъ рѣшенія перваго консула зависитъ участь міра».

IV.

Послѣ разныхъ промедленій, Бонапартъ рѣшился отправить экспедицію генерала Декана. Этотъ генералъ выѣхалъ изъ Парижа 16 февраля, а 6 марта изъ Бреста, съ небольшимъ отрядомъ для принятія во владѣніе факторій, которыя англичане обязались возвратить Франціи. Изъ этого видно, что Бонапартъ еще вѣрилъ въ продолженіе мира, и, конечно, ужъ не думалъ нарушить его, такъ какъ это значило бы выдать англичанамъ Декана, его солдатъ, всю эскадру. 11-го марта утромъ онъ получилъ королевское посланіе отъ 8-го. Въ немъ была война и очень близкая. Изъ быстроты распоряженій Бонапарта и слож-

³⁾ Доклады Маркова, 21 апрѣля, 16 октября 1802 г., письмо Фридриха-Вильгельма къ Александру, 11 февраля, 29 марта 1803 г. *Baillon*.

ности мѣры, принятыхъ имъ въ это утро 11-го, видно, что онъ былъ захваченъ врасплохъ. Онъ топталъ ногами, какъ бы желая вызвать изъ земли моряковъ, солдатъ, союзниковъ. Онъ приказываетъ Декрѣ собрать плоскодонныя суда и къ концу сентября сосредоточить ихъ въ Дюнкирхенъ. Онъ собираетъ по частямъ тяжелую машину войны и шаткн, вѣчно распадающійся механизмъ союзовъ, стараясь разрушить ковы англійской дипломатіи и повсюду предупредить ихъ. Онъ пишетъ королю Испаніи, торопить его поставить на военную ногу его разоруженный флотъ: «Англія, говоритъ онъ, всегда на сторожѣ; она не успокоится, пока не завладѣетъ торговлей и колоніями міра». Онъ тормозитъ батальоны: онъ предостерегаетъ Мелли, находя его слишкомъ вязкимъ.

Но не достаточно кричать союзникамъ: берегитесь! Надо еще занять позиціи для наступленія. Бонапартъ не намѣренъ пренебречь совѣтами, которые Фридрихъ давалъ въ 1755 г. слѣпымъ и глухимъ министрамъ Людовика XVI: «Вся ихъ умѣренность, внушалъ онъ, не отсрочить и не устранивъ всеобщей войны, къ которой ведетъ ихъ Англія... Знаете ли, что-бы я сдѣлалъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, если бы былъ королемъ Франціи? Велѣлъ за объявленіемъ войны, или послѣ того какъ англичане совершили бы какія-нибудь враждебныя дѣйствія противъ Франціи, я послалъ бы большое войско въ Вестфалію, чтобы тотчасъ-же двинуть его оттуда на курфюршество Ганноверское. Вотъ единственный способъ образумить этого»... Тутъ слѣдуетъ довольно откровенное слово по адресу англійскаго короля. Въмѣсто того, чтобы разбрасывать свои войска и уводить ихъ въ сѣверную Германію, Бонапартъ предпочелъ бы — это одна изъ традицій Комитета общественного спасенія — водворить тамъ прусскаго короля, чѣмъ онъ разомъ привязалъ бы его къ Франціи и противопоставилъ Англіи. Онъ шлетъ Дюрока въ Берлинъ со слѣдующей инструкціей: «Надо сказать прямо, что въ случаѣ упорства со стороны Англіи, консулъ намѣренъ тотчасъ же овладѣть Ганноверомъ». При этомъ Дюрокъ долженъ поставить на видъ одну изъ существенныхъ сторонъ дѣла, — объяснить сокровенный смыслъ слѣдующихъ строкъ письма, адресуемаго первымъ консуломъ къ Фридриху Вильгельму: «Вашему Величеству извѣстно, какъ велико мое желаніе быть ему пріятнымъ при всякихъ обстоятельствахъ...»

Рядомъ съ мѣрами для Балтики идутъ мѣры и для Средиземнаго моря. Здѣсь, если Англія не очиститъ Мальту, Бонапартъ снова занимаетъ Отрантъ и Тарентъ. Король обѣихъ Сицилій уже увѣдомленъ объ этомъ, а генералъ Кольберъ отправляется въ Петербургъ съ письмомъ, которое увѣдомляетъ о томъ же Александра и вызываетъ «къ внимательству съ его стороны».

Всѣ эти письма: къ королю Испаніи, Пруссіи, къ русскому императору, къ Мельци написаны въ утро 11 марта. Въ этотъ день Талейранъ обѣдалъ у прусскаго посла Луккезини вмѣстѣ съ Уайтвортомъ, Бертье и Декрѣ. Когда встали изъ-за стола, Талейранъ не безъ нѣкоторой преднамѣренной торжественности пригласилъ военнаго и морскаго министровъ возвратиться въ свои министерства, гдѣ ихъ ожидаютъ приказы, не терпящіе отлагательства; затѣмъ онъ увелъ Уайтворта въ сосѣднюю комнату и заявилъ ему, что если Англія не представитъ объясненія своимъ вооруженіямъ, то первый консулъ пошлетъ 20,000 человекъ въ Голландію, образуя одинъ лагерь на границахъ Ганновера, другой въ Кале и займетъ Тарентъ. Было замѣчено, что возвратившійся въ салонъ Уайтвортъ казался очень смущеннымъ ¹⁾.

Марта 13-го у г-жи Бонапартъ былъ пріемъ. Уайтвортъ явился туда въ полной готовности къ бою, съ видомъ джентльмена, идущаго на поединокъ, совершенно спокойный, надменный, съ дерзостью, едва прикрытой формами безупречной вѣжливости; рѣчь его была медленна, жесты умѣренны, одежда великолѣпна, видъ полнъ достоинства, — словомъ лордъ съ головы до ногъ ²⁾.

Бонапартъ набросился на него съ раздраженіемъ: «Итакъ вы хотите войны!»—Нѣтъ, первый консулъ, мы слишкомъ цѣнимъ благодѣянія мира. Мы сражались въ продолженіе пятнадцати лѣтъ.—Этого уже слишкомъ много.—Но вы хотите новой пятнадцатилѣтней войны и вынудите меня къ ней... Король Англіи говоритъ въ своемъ посланіи, что Франція вооружается для наступленія; онъ обманутъ; въ портахъ Франціи нѣтъ ни одного значительнаго военнаго корабля, такъ какъ всѣ они отправлены въ Сень-Доминго. Онъ говоритъ также, что между обоими кабинетами существуютъ недоразумѣнія. Не вижу ни одного. Правда, что Англія должна очистить Мальту; его величество обязался къ этому договоромъ». Уайтвортъ объясняетъ намѣренія короля: посланіе, говоритъ онъ, есть конституціонная формальность, въ немъ нѣтъ никакого вызова; онъ надѣется, что все уладится посредствомъ дружескихъ разъясненій. «Условія амьенскаго договора такъ ясны и такъ положительны, что не

¹⁾ Донесеніе Луккезини, 12 марта; нота Талейрана Уайтворту, 12 марта; Талейранъ Андреосси, 12 марта 1803.

²⁾ Донесенія Уайтворта, 13 марта; Маркова, 16, 17 марта; Талейранъ Андреосси, 13 марта, къ Гедувиллю, 16 марта; Бишопу, въ Берлинъ, 16 марта. *Mémoires de la Duchesse d'Abrantès*. Существенные тексты принадлежатъ Уайтворту и Талейрану, отъ 13 марта и написаны тотчасъ же подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ. Остальные передѣланы на основаніи пересудовъ. Портретъ Уайтворта, писанный Тернеромъ, находится въ Луврѣ.

требуютъ никакихъ разъясненій»,—говоритъ консулъ и, отворотившись отъ Уайтворта восклицаетъ: «Очень хорошо! мы будемъ драться черезъ двѣ недѣли!» Марковъ который находился близъ него и все слышалъ, произноситъ нѣсколько вѣжливыхъ фразъ въ примирительномъ духѣ. Испанскій посолъ Азара былъ близъ Маркова. Бонапартъ обращается къ нимъ обоимъ: я не желаю ничего лучшаго, говоритъ онъ, но Мальта или война! И затѣмъ какъ бы охваченный негодованіемъ возвышаетъ голосъ: «Англичане хотятъ войны, но если они первые обнажатъ мечъ, то я вложу его въ ножны послѣдній. Они не уважаютъ трактатовъ. Отнынѣ надо покрывать трактаты чернымъ крепомъ». Послѣ этой выходки онъ смягчается, вступаетъ съ Марковымъ въ разговоръ объ отъѣздѣ Колюбера въ Петербургъ и, снова обратившись къ Уайтворту, вѣжливо спрашиваетъ о здоровьи лэди Уайтвортъ. «Она осталась дома ухаживать за своимъ большимъ ребенкомъ», отвѣчаетъ посолъ. Вы провели здѣсь дурной сезонъ, говоритъ Бонапартъ, желаю, чтобы вы остались у насъ на хорошій. «Но, говоритъ онъ, снова впадая въ раздраженіе, нельзя этого ожидать послѣ всего, что случилось», и уже совсѣмъ не сдерживаясь болѣе, продолжаетъ: «Зачѣмъ вооруженіе? Противъ кого эти мѣры предосторожности? У меня нѣтъ ни одного линейнаго корабля въ портахъ Франціи; но если вы хотите вооружаться я тоже буду вооружаться; если вы хотите воевать, я тоже буду воевать. Вамъ, можетъ быть, удастся убить Францію, но никогда не удастся заугать ее.—Ни то, ни другое не желательно, говоритъ Уайтвортъ,—желательно было бы жить въ добромъ согласіи съ нею. «Такъ надо соблюдать трактаты. Горе несоблюдающимъ трактаты! Они будутъ ответственны передъ всею Европой». Съ этими словами онъ быстро выходитъ изъ составившагося около него круга, и, «задыхаясь отъ гнѣва», удаляется съ крикомъ: «Мальта или война, и горе нарушающимъ трактаты!»

Болѣе пятидесяти человекъ присутствовали при этой сценѣ. Курьеры дипломатовъ принесли извѣстіе о ней въ Берлинъ, Петербургъ и Вѣну. Въ Парижѣ только и было толковъ, что объ этомъ. 15 марта въ государственномъ совѣтѣ обсуждали проектъ закона для французскаго банка. Дефермонъ—бывшій членъ Комитета года III-го, человекъ очень умѣренный, выразилъ опасеніе, какъ бы обстоятельства не повредили дѣламъ банка. «Римляне, находясь въ осадѣ, послали армію въ Африку, сказалъ Бонапартъ. Если у насъ будетъ война, что не кажется вѣроятнымъ, то мнѣ хотѣлось бы убавить налоги на тридцать милліоновъ. Мы стали бы жить въ Европѣ, въ Ганноверѣ». Англійскій король уплачивалъ бы издержки войны. Онъ повторилъ слова, сказанныя имъ Уайтворту, и прибавилъ: «Франція не можетъ отступиться отъ Мальты, не отступаясь

отъ всего остального. Это было бы противно чести. Лучше погибнуть. Если мы уступимъ имъ въ этомъ пунктѣ, они потребуютъ отъ насъ Дюнкирхена. Но эти времена прошли, мы уже не тѣ, чѣмъ были. Мы не будемъ вассалами Англіи... Англичане привыкли распорядиться континентомъ и теперь не выносятъ ни малѣйшаго сопротивленія. Тѣмъ хуже для нихъ!»

Въ то же время Марковъ, послѣ разговора съ Шуазель-Гуффье, однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ Талейрана, писалъ въ Петербургъ: «Вскорѣ произойдетъ *взрывъ*, и все ограничится шумомъ. Бонапартъ не въ состояніи нанести своему врагу никакого прямого удара. Все, что онъ можетъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ году, это потревожить неаполитанское королевство, поставивъ туда военный отрядъ. Англичане не пойдутъ на уступки ³⁾. «Я думаю, говорилъ Уайтвортъ своему русскому коллегѣ, что мой дворъ, можетъ быть, не прочь воспользоваться выгодами своего настоящаго положенія, позволяющаго ему безъ всякой опасности для себя нанести очень чувствительные удары Франціи,—чтобы потребовать болѣе сноснаго порядка вещей для Италіи и даже не для нея одной. Вполнѣ убѣжденный въ обширныхъ замыслахъ, внушаемыхъ Бонапарту его ненасытнымъ честолюбіемъ, онъ рѣшился не упускать настоящаго момента, чтобы положить ему предѣлъ». Іосифъ Бонапартъ того же мнѣнія. «Мой братъ, говоритъ онъ Уайтворту, слишкомъ злоупотребилъ своимъ вліяніемъ». Іосифъ попытался было его образумить, но его выпроводили, и онъ долженъ былъ удалиться въ Мортфонтенъ. Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ Марковъ, положеніе, принятое Англіей, привело уже къ двумъ очень хорошимъ результатамъ: «оно сбавило спеси съ Бонапарта и разубѣдило державы въ томъ, что ему ничто не можетъ противиться».

Въ перепискѣ роялистовъ (4—12 апрѣля) читаемъ: «все получаемыя извѣстія говорятъ о войнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Бонапартъ ее не желаетъ, но ее, повидимому, желаетъ Англія». 2 апрѣля Бонапартъ писалъ къ Мельи: «говорю вамъ, и только вамъ одному, что я не думаю, чтобы эта начавшаяся ссора имѣла послѣдствія: по моему мнѣнію, все уладится согласно смыслу аміенскаго трактата». Тѣмъ не менѣе онъ послалъ въ догонку за Декапомъ корабль съ приказомъ этому генералу остановиться у Иль-де-Франса (25 марта 1803). Въ половинѣ апрѣля Марковъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «Я очень склоненъ думать, что по вопросу о Мальтѣ онъ уступитъ Англіи изъ опасенія войны, которой онъ страшится потому, что рѣшительно не имѣетъ никакихъ средствъ отразить первые

³⁾ Донесенія Маркова 17 марта, 4 апрѣля 1803.

удары врага, которые поставили бы въ величайшую опасность остальные морскія силы Франціи и ея владѣнія, особенно въ Испанской Америкѣ... Фонды продолжаютъ падать».

Все взоры Европы сосредоточились на Мальтѣ, на этой скалѣ, гдѣ собирались тучи, то или другое направленіе движенія которыхъ предвѣщало тишину или бурю. Если Англія покинетъ Мальту, то Франція раздавитъ Европу и Бонапартъ провозгласитъ себя императоромъ запада. Если Бонапартъ оставитъ ее въ рукахъ англичанъ, то это будетъ началомъ его отступленія, а вскорѣ и окончательнымъ пораженіемъ революціи: стоило только, какъ иодъ Сентъ-Жанъ-д'Акромъ дать ему рѣшительный отпоръ, чтобы разоблачить эту маріонетку и уничтожить пугало. Престижъ переходить къ Англіи, которая крѣпче уцѣпилась за добычу и говорить съ меньшей напыщенностью, но съ большимъ авторитетомъ. Пусть Англія еще изолирована, но Европа уже склоняется къ благосклонному для нея нейтралитету. Дюррокъ получилъ въ Берлинѣ очень вѣжливый отказъ. Но тамъ уже пресыщены и желаютъ лишь спокойнаго пищеваренія. Гаугвицъ сказалъ: «Я вижу большое неудобство въ томъ, что англичане деспотически властвуютъ на моряхъ, но деспотизмъ континентальный безконечно опаснѣе». Такъ вотъ они плоды, отнынѣ совсѣмъ уже зрѣлые, столькожъ домогательствъ, предложеній верховенства и даже императорства; всѣхъ этихъ обѣщаній такого-то количества квадратныхъ миль нѣмецкой земли и такого-то числа нѣмецкихъ душъ, обѣщаній, которыя въ продолженіе десяти лѣтъ дѣлались всѣми правительствами республики и затѣмъ приводились въ исполненіе Бонапартомъ.

Пруссія остается такою же, какою она была всегда. Россія указываетъ на то, чѣмъ она будетъ. Александръ откладываетъ свой отвѣтъ, то по случаю великаго поста—поры воздержанія, то по причинѣ слѣдующихъ за нимъ благочестивыхъ обязанностей пасхальной недѣли! Въ концѣ апрѣля онъ пишетъ, но только для того, чтобы уклониться отъ прямого отвѣта: «хотя поведеніе Англіи и кажется мнѣ теперь противнымъ буквальному смыслу аміенскаго трактата, но я не позволю себѣ ни защищать, ни порицать ее». Во всякомъ случаѣ, онъ сожалеетъ, что она дала право обвинять себя, и пишетъ Семену Воронцову: «Я долженъ признаться, что англійское правительство въ этомъ случаѣ, повидимому, поступало въ противность буквѣ аміенскаго трактата, и что, обязавшись очистить Мальту въ сроки, уже исполнившіеся, и не желая сдѣлать это теперь, оно, говоря юридически, не имѣетъ на своей сторонѣ права». Онъ предлагаетъ посредничество, которое было бы вполнѣ «искреннимъ, если бы императоръ не поддавался вліянію своихъ министровъ», пишетъ Эдувиаль, обольщенный лестнымъ пріемомъ и любезностями, которыя встрѣчаютъ все фран-

цускiе посланники при Александрѣ, и упорствующій въ своемъ химерическомъ представленіи о двухъ Россіяхъ—одной, враждебной Франціи и состоящей изъ всѣхъ русскихъ, а другой—благосклонной къ ней и представляемой однимъ только Императоромъ. На самомъ-же дѣлѣ этотъ самодержецъ по самому характеру своему не былъ самостоятеленъ ни въ своихъ желаніяхъ, ни въ исполненіи своихъ желаній.

Въ Батавіи Франція пожинаетъ то, что посеяно съ тѣхъ поръ, какъ Нишегрю ее завосвалъ, а Сійеэ управляетъ этой республикой. Батавцы мечтаютъ только о нейтралитетѣ, а подъ сурдинкой сносятся съ Лондономъ. Семовиль подозрѣваетъ ихъ въ желаніи отдать англичанамъ Вальхернъ. Это не союзникъ внушающій довѣріе; это аванпостъ, который французская армія должна занять и сильно укрѣпиться тамъ, если не хочетъ быть выбитой оттуда.

Итакъ надо приступить къ громаднымъ вооруженіямъ на сушѣ и на морѣ: высылать въ Голландію и Тарентъ плоскодонныя суда, пушки и войска; производить, въ случаѣ континентальной войны классическую диверсію между Австріей и Россіей; для этого потребуются миліоны, а въ казначействѣ ихъ нѣтъ. Чрезвычайные ресурсы истощены войной. Французская нація, только что возвратившаяся къ мирному труду, возстанетъ противъ новыхъ налоговъ. Все финансовое зданіе, только что сооруженное, рухнетъ. Банковые билеты подвергнутся банкротству, упадутъ до цѣнности ассигнацій. Есть только одно средство добыть деньги—продажа земель. Ресурса національныхъ имуществъ у Бонапарта уже нѣтъ, но за то у него есть земли завоеванныя. Неудача санъ-домингской экспедиціи отвратила его отъ Америки навсегда, и онъ уже совсѣмъ не интересуется Луизианой. Соединенные Штаты подозрѣваютъ его въ видахъ на Мексику, а онъ нуждается въ Соединенныхъ-Штатахъ противъ Англіи. «День, въ который Франція завладѣетъ Луизианой, сказалъ президентъ Джефферсонъ, она произнесетъ надъ собою приговоръ, запрещающій ей переступать линію мелководья своихъ морскихъ береговъ; она запечатлѣтъ союзъ между двумя народами, которые въ соединеніи могутъ быть исключительными господами океана; она вынудитъ насъ заключить брачный союзъ съ англійской націей и ея фактомъ». Бонапартъ нуждался въ деньгахъ, они нуждались въ выгодномъ помѣщеніи для своихъ денегъ и опредѣлили ихъ на покупку земель, а Бонапарту было что продать. Такъ 28 апрѣля 1803 г. былъ заключенъ въ Парижѣ трактатъ объ уступкѣ Луизианы Соединеннымъ Штатамъ за 80 миліоновъ франковъ. Бонапарта много укоряли въ томъ, что онъ продалъ людей; но надо тоже сказать, что Джефферсонъ купилъ ихъ; одинъ взялъ деньги, другой души: произошелъ обмѣнъ, въ которомъ никогда не бываетъ менѣе по крайней

мѣрѣ двухъ участниковъ, и весь интересъ этой сдѣлки въ томъ, что ее заключили двѣ республики, обѣ демократическія и обѣ вывѣсившія на стѣнахъ, въ самый моментъ ихъ появленія на свѣтъ, заявленіе о правахъ человѣка! Рѣшительно, раздѣлъ Польши, замысленный и совершенный двумя государями-философами, Фридрихомъ и Екатериной, былъ въ области публичнаго права послѣднимъ словомъ вѣка просвѣщенія. Французская республика, усвоивъ себѣ эту политикъ въ Раштадтѣ, освятила ее въ Германіи великой *переступкой* Регенбурга, и это была единственная, связующая нить права между государствами, порожденными старымъ порядкомъ, и государствами, вышедшими изъ революціи, между старой Европой и молодой Америкой.

Уступка Луизианы, проданной янки, прежде чѣмъ Франція вступилъ во владѣніе ею, показалось обидной испанцамъ, которые по своему дворянскому благородству возвратили ее Франціи... въ обмѣнъ на Этрوریю. Она послужила имъ лишнимъ поводомъ уклониться отъ союза, столь же, какъ думали они, унижительною для ихъ чести, сколько невыгоднаго для ихъ финансовъ и опаснаго для ихъ господства въ южной Америкѣ. Годой торговался на манеръ Бомарше: этотъ услужливый, болтливый, неумовный и хвастливый человѣкъ показывалъ пустые арсеналы и полуразрушенные корабли, выставляя на видъ нищету государства, какъ другіе свои богатства, а изиодтишка переговаривался о нейтралитетѣ съ агентами Англіи. Все это побуждало Бонапарта затягивать переговоры и отсрочивать разрывъ, Англію же спѣшить съ нимъ.

V.

«Я замѣчаю у Бонапарта сильное желаніе продолжать переговоры и по возможности избѣжать разрыва ¹⁾», писалъ Уайтвортъ. Но англійскій кабинетъ ставилъ ему такія условія, на которыя онъ, какъ въ этомъ былъ увѣренъ въ Лондонѣ, никогда не согласится ²⁾. «Ему предлагали—уступку Англіи Мальты навсегда; очищеніе Франціей Голландіи и Швейцаріи въ обмѣнъ за признаніе со стороны Англіи французскихъ пріобрѣтеній острова Эльбы, королевства Этруріи и республикъ Итальянской и Лигурійской, съ условіемъ вознагражденія короля Сардиніи въ Италіи ³⁾, Бонапартъ не согласился отдать Мальту, но намекнулъ черезъ Талейрана и Іосифа о своей готовности уступить какой-нибудь другой островъ: Лампедузу, Корфу и даже Кипръ. Англійскій кабинетъ возразилъ, что Мальта ему нужна, чтобы быть спокойнымъ на счетъ Египта, и предложилъ или

¹⁾ Донесенія 27, 29 апрѣля, 4 мая 1803 г.

²⁾ Донесенія отъ 27, 29 апрѣля и 4 мая 1803 г.

³⁾ Нота къ Андреосси, 2 апрѣля, и Гоксбюри къ Уайтварту, 4 апрѣля 1802 г.

возстановить на этомъ островѣ гражданское управленіе Ордена съ правомъ Англіи содержать тамъ гарнизонъ, или просто и безусловно уступить его Англіи на десятилѣтній срокъ, при чемъ въ обоихъ случаяхъ Бонапартъ обязывался предоставить Англіи Лампедузу ⁴⁾). Въсѣтъ съ этими официальными сношеніями происходили тайные переговоры, показывающіе, какъ много англійскіе министры полагались на усердіе и вліяніе своихъ сторонниковъ въ Парижѣ.

Нѣкто Гюберъ, швейцарскій гражданинъ и другъ Лорда Окленда, поступившій впоследствии на службу въ казначейство, проживавшій тогда въ Парижѣ и пользовавшійся большою извѣстностью въ тамошнемъ кругу *друзей Англіи*, былъ уполномоченъ намекнуть, что если бы Бонапартъ согласился на уступку Мальты, то лондонскій кабинетъ не воспротивился бы превращенію его пожизненнаго консульства въ наслѣдственное; съ этимъ предложеніемъ была соединена задняя мысль о торговомъ договорѣ. Гюберъ заявилъ это предложеніе Реньо де Сентъ-Жанъ-д'Анжели и Иосифу Бонапарту, который, по его мнѣнію, былъ особенно заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ, въ случаѣ успѣха, онъ изъ брата консула, гражданина-брата сталъ бы высочествомъ, принцемъ крови, братомъ государя! Но Бонапартъ ничего не захотѣлъ слушать. Ему казалось, что эта смѣсь короны съ тарифами, спекуляцій династическихъ съ коммерческими уронила бы его во мнѣніи націи, и что Франція, которая, быть можетъ, возведетъ его на тронъ для того, что бы биться съ англичанами и особенно за побѣду надъ ними, не простила бы ему желанія цѣною уступки Мальты купить себѣ у Англіи признаніе своего «производства» въ императоры: *Гальская Имперія* представлялась ему огромной военной машиной противъ англичанъ, а не пышнымъ титуломъ, дарованнымъ ему королемъ Георгомъ. Наконецъ, убѣдившись, что англичане не отдадутъ Мальту, онъ заподозрѣлъ въ этомъ предложеніи ловушку. «Мальта или ничего»—осталось поэтому его девизомъ.

23 апрѣля Гоксбери возобновилъ свои требованія въ депешѣ, облеченной въ форму *ультиматума*. Въ случаѣ отказа Уайтвортъ долженъ потребовать свои паспорта. Консулу данъ срокъ до 2 мая для сообщенія отвѣта.

Уайтвортъ получилъ эту депешу 25 апрѣля, а 26 онъ сообщилъ ее содержаніе Талейрану. 28 апрѣля былъ изданъ законъ о таможенныхъ, не подававшихъ никакихъ надеждъ на улаженіе коммерческихъ отношеній съ Англіей. Онъ произвелъ всеобщій переналомъ въ дѣловомъ мірѣ и среди

⁴⁾ Донесеніе Уайтворта, 11 апрѣля; Гоксбюри къ Уайтворту 13 апрѣля 1803 г.

друзей Англіи.—«Всѣ еще существовавшіе друзья свободы, говорятъ Мю, отъ неудачной войны не ожидали ничего, кромѣ разрушенія и гибели, а война побѣдоносная могла лишь послужить первому консулу новымъ средствомъ для достиженія цѣлей его честолюбія».—«Повсюду, пишутъ Луккезини, только и слышишь что «упреки» противъ слишкомъ обширныхъ замысловъ властолюбія консула», только на него одного падаютъ эти упреки, а нота Уайтворта вызываетъ «болѣе сомнѣнія, чѣмъ вражды».—«Англійское правительство, пишутъ нѣсколько мѣсяцевъ познѣе другой другъ Иосифа, является единственнымъ препятствіемъ къ выполненію честолюбіевыхъ замысловъ: надо его низвергнуть!» ⁵⁾). И вотъ весь этотъ народъ начинаетъ интриговать и суетиться.

Гюберъ, послѣ своего объѣзда сторонниковъ мира, пишетъ о нихъ 3 мая Уайтворту: «Вашей милости извѣстно, что по своему характеру, положенію и способностямъ они образуютъ очень сплывную фалангу и очень полезную ассоціацію. Иосифъ Бонапартъ—лучшій изъ семьи... Реньо де Сентъ-Жанъ д'Анжеан, его закадычный другъ и напереникъ, горятъ негодованіемъ противъ перваго консула... Малуэ, человѣкъ высокой нравственности и твердаго характера, принадлежитъ къ вліятельнѣйшимъ членамъ фаланги. Сенаторъ Фуше, очень разнищійся отъ предыдущихъ съ точки зрѣнія нравственности, выдается по своимъ способностямъ, энергіи и независимости своего ума; въ настоящемъ случаѣ онъ явился великимъ и смѣлымъ поборникомъ мира и отважился одинъ бороться съ смѣлою гордостью и честолюбіемъ консула. А что касается Талейрана, то вы знаете милордъ, что его личный титулъ, какъ министра и человѣка, такъ неразрывно связанъ съ миромъ, что на его содѣйствіе всегда можно разсчитывать, если только какой нибудь случай дастъ ему возможность оказать то вліяніе, которымъ онъ не пользуется по недостатку энергіи».

Луккезини въ то же время и въ томъ же смыслѣ пишетъ: «Талейранъ не одобрялъ порученія даннаго полковнику Себастиани и, и еще менѣе могъ онъ одобрить обнародованіе оскорбительныхъ и безразсудныхъ донесеній». Онъ сопротивлялся, даже до подачи въ отставку, проекту о президентствѣ въ гельветической республикѣ; онъ убѣждалъ вычеркнуть въ *изложеніи положенія* мѣсто, содержащее вызовъ Англіи. «Нѣтъ ни одного министра, продолжаетъ Луккезини, ни одного государственнаго совѣтника и почти ни одного генерала, которые не были бы удручены перспективой морской войны... Оба брата консула и особенно старшій, часто порицавшій слишкомъ горделивые порывы генерала, желаютъ, чтобы отказались отъ Мальты»... И Луккезини приводитъ слова Талей-

⁵⁾ Станиславъ Жипарденъ Редереру, іюнь, 1804.

рала о высадкѣ Бонапарта, въ которыхъ заключается весь смыслъ его будущаго поведенія въ Эрфуртѣ и все основаніе его будущей апологін: «она будетъ столь же гибельной для него при неудачѣ, сколько роковой для Европы въ случаѣ удачи». Обращаясь къ одному изъ предполагаемыхъ друзей республики, Луккезини заключаетъ: «государственное казначейство не можетъ выдать ни малѣйшихъ авансовъ. У союзниковъ Франціи нѣтъ ни средствъ, ни расположенія, ни интереса пособить ей. Въ Голландіи французовъ ненавидятъ. Швейцарія еще не успокоена». Бонапартъ стремится къ войнѣ, потому что, будучи первымъ на континентѣ, онъ не хочетъ быть вторымъ на морѣ. Такъ думаютъ о текущихъ дѣлахъ люди, на мнѣнія которыхъ не имѣютъ вліянія ни *нелегальность пріемовъ* дипломатіи англійскаго министерства, ни *неопровержимыя обвиненія* послѣдняго правительствомъ Франціи.

Итакъ, по признанію самихъ сторонниковъ Англіи, дѣло идетъ о войнѣ предупредительной, подобной той, которая была ведена съ Людовикомъ XV въ 1755 г. и которую въ 1756 г. Фридрихъ велъ противъ Франціи и Австріи. Но ободренные этими прецедентами, давшими имъ Парижскій миръ 1763 года — этотъ поистинѣ англійскій миръ; чувствуя за собой поддержку со стороны Петербурга, Берлина, Вѣны, Гаги, даже Мадрида, наконецъ, въ Парижѣ, со стороны почти всего правительства консула, его семьи, арміи и того, что они почитаютъ общественнымъ мнѣніемъ; видя, что Бонапарта порицаютъ, что за нимъ шпионятъ, что его обманываютъ, если еще не измѣняютъ ему въ настоящемъ смыслѣ этого слова; убѣжденные, что неудача погубитъ его, что война, если не сокрушитъ его, то подорветъ его власть; будучи, наконецъ, увѣрены, что она доставитъ имъ выгоды, которыя не дастъ замиреніе; а именно торговую монополію и верховенство на моряхъ — англичане настаиваютъ на своихъ требованіяхъ и пытаются, полагая это легкимъ, запугать Францію и унижить и смутить Бонапарта.

1 мая былъ день обычнаго пріема дипломатовъ. Уайтвортъ воздержался отъ визита. Заговорили, что онъ готовится къ отъѣзду. Бонапартъ желалъ бы задержать его: еслибы Уайтвортъ отложилъ свой отъѣздъ, то можно бы еще сдѣлать кое-какія предложенія. Онъ сказалъ это Маркову, прибавивъ однако при этомъ: «Англія поступаетъ съ Франціей, какъ съ самой ничтожной изъ державъ». Затѣмъ онъ сказалъ Луккезини: «Сень-Джемскій кабинетъ принялъ тонъ и манеры, которые послужили ему на пользу во время переговоровъ объ Утрехтскомъ трактатѣ. Что бы успокоить его опасенія, мы бы должны были снова допустить англійскаго комиссара въ Дюнкирхенъ и Булонь, разрушить порты Франціи и сжечь всѣ мастерскія ея мануфактуръ; надо предположить, что у французовъ

нѣтъ крови въ жилахъ и грязь вмѣсто души, чтобы обращаться съ ними такимъ образомъ»...

Потомъ, когда дипломаты удалились, Бонапартъ, задержавъ сенаторовъ и государственныхъ совѣтниковъ, обратился къ нимъ съ пламенной рѣчью: «Англійскіе министры, говорилъ онъ, хотятъ заставить насъ перескочить черезъ ровъ, и мы перескочимъ... Независимость государства предшествуетъ свободѣ и процвѣтанію торговли и промышленности... Допустить передѣлку аміенскаго трактата значитъ сковать первое звено цѣпи... Отдача Мальты — сдѣлать намъ полное порабоженіе, возвратъ къ трактату 1786 г., отягощенному новыми условіями, право осмотра! мы приобрѣли береговую линію грозную по своей обширности; мы еще увеличимъ ее, мы усовершенствуемъ нашу береговую систему и Англіи, наконецъ, придется оплакивать кровавыми слезами затѣянную ею войну».

Все это означало блокаду, т. е. возвратъ къ страшной политикѣ комитета общественнаго спасенія, войну безъ конца, ассигнаціи! Всѣ, которые устроились и разбогатѣли во время революціи и упрочили свое положеніе во время кансульства и также всѣ, полагавшіе, что для склоненія Англіи къ миру достаточно будетъ уступить ей Мальту, которую Франція не съумѣла заимѣть, и Египетъ, который она была вынуждена очистить, бросились съ новой энергіей хлопотать объ удержаніи Уайтворта.

Этотъ посланникъ потребовалъ свои паспорта къ 2 мая. Талейранъ задержалъ его до вечера и вмѣсто паспортовъ послалъ ему ноту, касающуюся процедуры: прежде чѣмъ отвѣтить на ультиматумъ, говорилось тамъ, и разорвать миръ, Франція должна посоветоваться со своими союзниками — Испаніей и Голландіей, которыя вмѣстѣ съ нею подписались подъ трактатомъ, и со своими друзьями — Россіей, Пруссіей и Австріей, которыя поручились за возвращеніе Мальты рыцарямъ. 3 мая, въ полночь, Уайтвортъ, все еще ожидавшій паспортовъ, бесѣдовалъ со своими секретарями и нѣкоторыми другими лицами. Вдругъ входитъ слуга и вызываетъ бывшаго тамъ Губера для свиданія съ какими-то лицами. Губеръ выходитъ и встрѣчаетъ Малуэ и Реньо съ порученіемъ отъ Юсифа: они предлагаютъ отдать Мальту на храненіе Россіи. Губеръ передаетъ ихъ предложеніе Уайтворту, который отвѣчаетъ: «Англія желаетъ имѣть Мальту ради собственной безопасности, а вовсе не для того, чтобы отдать ее какой-нибудь другой державѣ, хотя бы и самой дружественной. Такое предложеніе не даетъ ни малѣйшаго права на какое-либо отклоненіе отъ приказовъ Его Величества». Ночные посѣтители уходятъ въ смущеніи. 4 марта Талейранъ приглашаетъ Уайтворта на собесѣдованіе; онъ предлагаетъ передать Мальту одной изъ трехъ поручившихся державъ и требуетъ, чтобы Уайтвортъ обратился съ запросомъ объ этомъ въ Лондонъ.

Уайтвортъ отказывается, но, видя, что его антагонисты отступаютъ, настаиваетъ на передачѣ Мальты Англіи на десять лѣтъ. Талейранъ соглашается, и Уайтвортъ обѣщаетъ послать курьера въ Лондонъ. Но давши обѣщаніе, онъ начинаетъ колебаться и сообщаетъ свои недоумѣнія Маркову. Марковъ отвѣчаетъ, что Талейранъ своимъ предложеніемъ, очевидно, стремится помѣшать достиженію цѣли лондонскаго двора: это лишь новое доказательство колебаній перваго консула, являющихся естественнымъ послѣдствіемъ его желанія избѣжать войны въ настоящій моментъ». Уайтвортъ все-таки послалъ курьера.

Бонапартъ далъ царю, и его министры и агенты волей-неволей повторяютъ его. Вездѣ только и разговоръ, что о блокадѣ. Франція единогласно признаетъ необходимость закрыть для Англіи все порты европейскаго континента и прервать все ея торговыя сношенія съ нимъ. Излюбленная первымъ консуломъ система, пишетъ Луккезини, имѣетъ цѣлью исключить всякую другую державу, кромѣ Франціи, изъ области иностранной торговли и національной промышленности. 9-го Уайтвортъ получаетъ отвѣтъ Англіи и тотчасъ-же сообщаетъ его Іосифу Бонапарту: Англія настаиваетъ на своемъ ультиматумѣ, т. е. она отказывается вручить Мальту Россіи; хочетъ сохранить за собой этотъ островъ до тѣхъ поръ, пока Ламедуза не будетъ ей передана и укрѣплена; требуетъ очищенія Швейцаріи, Голландіи; вознагражденія королю Сардиніи. Іосифъ передаетъ на память этотъ отвѣтъ Бонапарту. Уайтвортъ проситъ у Талейрана аудиенціи на 10. Тотъ не отвѣчаетъ. Онъ посылаетъ ультиматумъ съ секретаремъ. Талейрана нѣтъ дома. Секретарь передаетъ документъ Дюрану. Въ четыре часа выведенный изъ терпѣнія Уайтвортъ самъ отправляется въ министерство. Талейранъ уѣхалъ на дачу и неизвѣстно когда вернется. Возвратившись въ посольство, Уайтвортъ получаетъ тамъ обратно переданный имъ Дюрану документъ нераспечатаннымъ. Дюранъ спрашиваетъ, слѣдуетъ ли его послать Талейрану на дачу. Тогда Уайтвортъ пишетъ этому министру, столь внезапно увлеченному буколическими фантазіями и веселымъ настроеніемъ, что онъ отправится въ путь въ четвергъ 12, утромъ, если до тѣхъ поръ переговоры не получатъ благоприятнаго исхода.

11 Талейранъ, вернувшись въ городъ съ лона природы, принимаетъ поочередно Уайтворта, который вручаетъ ему ультиматумъ, и Маркова, который предлагаетъ посредничество царя. Бонапартъ собираетъ приватный совѣтъ изъ двухъ консуловъ, министровъ военнаго, иностранныхъ дѣлъ, морского и Іосифа Бонапарта. Онъ громитъ ультиматумъ. Талейранъ и Іосифъ высказываются въ пользу мира. Бонапартъ обѣщаетъ ихъ бранью. Вертисъ какъ добрый вояка, и Декрѣ, какъ человѣкъ, который, не имѣя къ

услугамъ Бонапарта ни кораблей, ни моряковъ, долженъ служить ему словами, поддерживаютъ консула и кричатъ еще сильнѣе его. Ультиматумъ отвергнутъ, паспорта подписаны, и Уайтвортъ, повидавшійся съ Іосифомъ, который просилъ его ѣхать не скоро и не уѣзжать далеко, ночью съ 12 на 13 выѣзжаетъ въ Шантильи, гдѣ и останавливается.

Бонапарту желательно бы освѣдомиться о русскомъ посредничествѣ, о томъ, пожелаетъ ли царь взять на сохраненіе Мальту; но обстоятельства торопятъ его. Между тѣмъ, какъ Тайлеранъ объясняется съ Марковымъ, ему нужно составить памятную записку, сваливающую всю вину разрыва на Англію. Онъ отдаетъ приказъ не допускать англійскія суда къ выходу изъ портовъ Голландіи, Тосканы и Лигуріи. *Moniteur* 14-го извѣщаетъ объ отъѣздѣ англійскаго посланника и печатаетъ чрезвычайное сообщеніе Сенату и законодательному корпусу. Потомъ созывъ ихъ отменяется. Уайтвортъ, добѣжавшій не торопясь до Бретейля, получаетъ тамъ ноту, помѣченную 13 мая, съ предложеніемъ послѣднихъ уступокъ: Мальта дается англичанамъ на десять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ французы владѣютъ Тарентомъ и Отрантомъ. Въ то же время имъ получаютъ письма Гюбера, Кенью и нѣсколько строчекъ Іосифа: «ни въ чемъ еще не надо отчаиваться... При всей рѣшимости къ войнѣ, все-таки желаютъ мира, какъ бы ни мало ни надѣялись на него». Уайтвортъ посылаетъ все это въ Лондонъ и нескѣпко продолжаетъ свой путь.

Но терпѣнію Бонапарта наступилъ конецъ. Эти маленькіе мирные маневры кажутся ему компрометирующимъ вздоромъ. Онъ созываетъ государственныя совѣты, извѣщаетъ главнѣйшія государственныя учрежденія о состояніи переговоровъ и выслушиваетъ оптимистическія восхваленія Фонтана, этого академическаго Баррера новаго порядка: «Великій народъ подъ предводительствомъ великаго человѣка способенъ на все подвиги». Обманутый въ ожиданіяхъ Іосифъ возвращается въ свой Мортфонтэнъ. Тайлеранъ говоритъ Гюберу: «Повторяю вамъ, что мы желаемъ мира больше чѣмъ когда-либо, и если мира не будетъ, то по простой и единственной причинѣ вашего неосторожнаго обращенія съ самолюбіемъ перваго консула... Онъ не можетъ терпѣть, чтобы ему что-либо предписывали, и безпрестанно повторяетъ, что Англія обращается съ нимъ, какъ съ просиющимъ о канитуляціи гарнизонамъ. Оскорбленное самолюбіе—вотъ что будетъ причиной войны, по существу же дѣла намъ нельзя не столкнуться, и мы столкнемся»... Но швейцарецъ Гюберъ уже видитъ пустоту этихъ рѣчей. Уайтвортъ уѣхалъ, разрывъ совершенъ, и этотъ честный маклеръ мѣняетъ тонъ: «Какой смыслъ, говоритъ онъ Тайлерану, могутъ имѣть ваши слова теперь, когда вы дали уѣхать милорду Уайтворту? Развѣ консулъ ребенокъ, котораго надо кормить конфетами, чтобы

онъ не зажегъ пожаръ въ Европѣ. Я оставилъ лорда Уайтворта пресмыщеннымъ до отвращенія вашими поступками съ нимъ, которые такъ не похожи на его собственные и не имѣютъ другого смысла, кромѣ простого желанія выиграть время». — Выиграть время! восклицаетъ Тайлеранъ и съ видомъ совершенной наивности спрашиваетъ: «А для чего же это? — Да, признаться сказать, я и самъ не знаю для чего, если только вы не обольщали себя надеждою, что Англія дастъ вамъ время вернуть вашу эскадру изъ Сантъ-Доминго».

«Меня довели до крайности», пишетъ Бонапартъ напѣ 17 мая. 19-го получается извѣстіе, что оба посла переѣхали проливъ: Андреосси на возвратномъ пути изъ Лондона, а Уайтвортъ — изъ Парижа. 21-го въ *Moniteur* опубликованы посланіе консула къ высшимъ государственнымъ учреждениямъ и документы, относящіеся къ переговорамъ. Затѣмъ, узнавъ, что еще прежде официальнаго объявленія войны нѣсколько французскихъ судовъ были 21 мая захвачены англійскими кораблями въ Одіернской бухтѣ, что кромѣ того въ Англіи наложено амбарго на французскія суда, и къ 26-му мая будутъ выданы каперскія свидѣтельства, Бонапартъ 22 мая налагаетъ амбарго во Франціи и въ итальянской республикѣ на англійскіе товары, выдаетъ каперскія свидѣтельства, приглашаетъ корсаровъ гоняться за англійскими кораблями и всѣхъ находящихся во Франціи англичанъ отъ 18 до 60-ти-лѣтняго возраста объявляетъ военнопленными.

Парижъ не протестовалъ. Лишь кое-гдѣ на рынкахъ послышался ропотъ. Правительство не порицало изъ страха жандармовъ, но его и не одобряли, и полиціи пришлось употребить чрезвычайныя усилія, чтобы вызвать подобіе благопріятной для него демонстраціи. Масса, которая по преданію была враждебна англичанамъ, какъ къ врагамъ и завистникамъ благосостоянія Франціи, позволила безъ сопротивленія, какъ въ 1797 г., послѣ Кампо-Форміо, увлечь себя къ войнѣ, дабы покончить съ нею. Но будетъ ли ей конецъ? и не придется ли снова, какъ въ 1799 г., начать войну на материкѣ для того, чтобы довести Англію до капитуляціи?

VI.

Въ Лондонѣ страсти забушевали съ необычайною силою, воинственныя, надменные, корыстныя. 16 мая король возвѣстилъ о разрывѣ, объявилъ амбарго и выдачу каперскихъ свидѣтельствъ. Это не вызвало ни ужаса, ни даже тревоги въ Англіи. Тамъ, при громѣ орудій, затѣвалось громадное коммерческое предпріятіе, продолжалась борьба за существованіе, обратившаяся въ борьбу за верховенство. Политики порицали кабинетъ за его сдѣшквмъ долгую уступчивость: онъ очень уже снисходи-

тельно поддавался игръ французовъ. «Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ Мальмесбери, что Бонапартъ все еще пламенно желаетъ мира, и у меня есть предчувствіе, что даже теперь 17 мая, въ 9 часовъ утра онъ согласится на всѣ наши предложенія, и мы пока отложимъ войну, *отсроченную, но не проигранную* нами». Прибывшій тѣмъ временемъ Уайтвортъ говорилъ, что Франція не готова и уступила бы Мальту, при большей мягкости обращенія и уступчивости со стороны Англіи. Онъ свидѣтельствуетъ о неурядицахъ, которыя начались бы въ республикѣ вслѣдствіе смерти перваго консула. 10-го мая Бонапартъ упалъ изъ кареты и жизнь его считалась въ опасности; Люсьенъ тотчасъ же созвалъ на совѣтъ своихъ сторонниковъ: ихъ было человекъ пятьдесятъ; изъ нихъ отъ 20 до 25 высказались за кандидатуру Люсьена; отъ 10—12—за иностраннаго принца, остальные—за Камбасереса... Анархическая борьба партій, неспособные правители, по всей вѣроятности — директорія, триумvirатъ генераловъ, можетъ быть, желаемый военными, своеволие послѣднихъ—вотъ перспективы, открывающіяся на другой день послѣ этой столь желаемой смерти. Директорія была бы спасеніемъ и вмѣстѣ возмездіемъ Европы; возвратъ отъ заключеннаго въ Люневилѣ мира къ распущенному въ Раштадтѣ конгрессу; Рейнъ подъ угрозою, Италия въ огнѣ, захватъ Швейцаріи, высадка въ Голландію...

23 мая, въ отвѣтъ на королевское посланіе лордамъ, Стангопъ выразилъ сожалѣніе, что кабинетъ не принялъ предложеніе уступки Мальты на десять лѣтъ. Палата почти единодушно протестовала противъ этого мнѣнія. «Надо наказать французовъ! воскликнулъ лордъ Кларенсъ.— Надо, прибавилъ герцогъ Кумберландскій, воспротивиться порывамъ разнузданнаго честолюбія». Лордъ Мельвилъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу того, что статья 10-я аміенскаго трактата не будетъ исполнена: Англія естественный сторожъ Мальты, а Мальта стоитъ того, чтобы добиваться ея даже путемъ войны. Возвратить Мальту Ордену, значить отдать Египетъ французамъ; надо хранить Мальту для англичанъ; всѣ разсужденія, вѣрнѣе всѣ восклицанія, вращались около этихъ двухъ идей. Герцогъ Норфолькскій пробуетъ предложить русское посредничество. «Война неизбежна», возражаетъ лордъ Спенсеръ. Война — сама *необходимость*, прибавляетъ Гренвилль. «Если у насъ уже нѣтъ героевъ Креси и Азенкура, то у насъ еще есть герои Нила и Сень-Жанъ-д'Акра», говоритъ лордъ Эленборо. Кастльри немного послѣ, писалъ: «Трудно будетъ убѣдить міръ, что мы боремся не изъ за одной только Мальты».

Война готовила для Питта триумфальное выступленіе на сцену. Онъ уже многіе мѣсяцы не появлялся въ палатѣ общинъ. 24 мая тамъ обсуждался отвѣтныи адрестъ на королевское посланіе. Гоксбери говорилъ

уже цѣлый часъ въ защиту кабинета. Вдругъ входитъ Питтъ. «Высокій и худой, въ черномъ фракѣ, при шпагѣ съ стальною рукояткой, съ шляпой подъ рукой, онъ поднимается къ своему мѣсту, перешагнувъ разомъ черезъ двѣ, три ступени; надменный взглядъ, печальный и насмѣшливый видъ блѣднаго лица... высоко поднятая голова небрежная одежда, безрадостный и безстрастный, онъ жаждетъ только власти, презирая почести и не желая быть ничѣмъ, какъ только Вильямомъ Питтомъ» ¹⁾... Таковъ былъ тотъ, кого звали властителемъ королей Европы. Послѣ Гоксбери палата слушала съ нетерпѣніемъ рѣчь Уайтбрида. Вотъ поднимается Питтъ, и со всѣхъ сторонъ слышатся клики: «сэръ Питтъ, сэръ Питтъ!» И Питтъ сталъ говорить. Рѣчь его монотонна, жестовъ почти никакихъ; но «гибкость его мыслей и логичность его сужденій, какъ бы внезапно озаряемыхъ молніями, придаютъ его ораторскому таланту какую-то несравненную силу» ²⁾. И хотя онъ видимо утомленъ, и въ груди у него недостаетъ воздуха для «тѣхъ удивительныхъ фразъ, которыя нѣкогда вылетали оттуда безъ всякаго усилія, и для которыхъ у другихъ не хватало ни ума, чтобы ихъ задумать, ни силы, чтобы ихъ произнести», рѣчь его показалась одною изъ самыхъ прекрасныхъ, когда либо слышанныхъ парламентомъ. Онъ говорилъ о «Бонапартѣ, поглощающемъ въ своемъ лицѣ всю власть надъ Франціей; о текущемъ пламени якобинскихъ принциповъ, разрушающемъ міръ». Осыпалъ безжалостными сарказмами Эрскина и его щепетильную совѣстливость. Рѣчь его продолжалась около часа съ половиною; когда онъ сѣлъ на мѣсто, его привѣтствовали тройнымъ залпомъ рукоплесканій—знакъ одобренія необычный и самый шумный изъ всѣхъ, когда либо на памяти человѣческой слышанныхъ въ палатѣ общинъ.

На другой день Питту возражалъ Фоксъ; но возвышенное краснорѣчіе его рѣчи не вызвало отзыва. Напрасно Фоксъ и его друзья указывали на то, что присоединеніе Пьемонта есть фактъ предшествовавшій трактату, а донесеніе Себастьяни не болѣе какъ отвѣтъ на политику англійской печати; все это было не ново для ихъ парламентскихъ сотоварищей, но большинство уже не допускало возраженій. «Война за Мальту, воскликнулъ одинъ депутатъ, не война за Мальту, а за Египетъ; не за Египетъ, а за Индію; не за Индію, а за Англію, за дѣло справедливости, блага, чести и свободы міра». Затѣмъ выступилъ Каннингъ: «Амьенскій миръ, сказалъ онъ, изо всѣхъ своихъ многихъ и столь прославленныхъ на разные лады выгодъ, нынѣ сохранилъ только одну, доказывающую намъ, что подобный миръ и на такой системѣ основанный

¹⁾ Chateaubriand, Mémoires.

²⁾ Разсказъ очевидца у Stenhope, William Pitt.

міръ не сообразенъ съ интересами нашей страны».—Въ такомъ случаѣ, воскликнулъ Фоксъ, всякій прогрессъ, сдѣланный Франціей внѣ или внутри ея границъ, въ ея торговлѣ и мануфактурѣ, будетъ для насъ оскорбленіемъ и поводомъ къ войнѣ съ нею!» Фоксу рукоплещутъ, уважая въ немъ человѣка съ горячимъ сердцемъ и пламенной рѣчью; но голосованіе, давшее за него лишь 67 голосовъ изъ 367, доказало ему, что онъ, думая своей пропіей образумить своихъ соотечественниковъ, на самомъ дѣлѣ только выразилъ ихъ истинныя чувства и страсти.

Дабы понять, что эта борьба, въ силу самыхъ своихъ причинъ, причинъ вѣковыхъ, не могла найти себѣ исхода въ одномъ примѣненіи силы; что ни одна изъ двухъ націй не можетъ ни уничтожить, ни даже довести до разоренія другую; что имъ необходимо слѣдовало бы примирить свои разногласія; познавать другъ друга, вмѣсто того, чтобы шпионить другъ за другомъ, почаще посѣщать другъ друга, а не дѣлать взаимныя нашествія; уважать у другого то, что желаешь, чтобы у тебя уважали; согласовать взаимный трудъ, ремесла и банки, вмѣсто того, чтобы поражать другъ друга блокадами, банкротствами, запретами или монополіями, подобно тому, какъ нѣкогда поражали другъ друга посредствомъ мятежей и выставленія претендентовъ, шотландцы, ирландцы, вандейцы, Бургундцы и Стюарты; замѣнить, наконецъ, соперничество за торговое или политическое верховенство соревнованіемъ въ области идей и труда въ интересахъ интеллектуальнаго развитія и матеріальнаго снабженія цивилизованнаго міра—чтобы понять все это, необходимы были годы кровавыхъ испытаній, и предрасудки могли разсѣяться лишь послѣ громадныхъ жертвъ людьми и деньгами. Такой порядокъ мыслей былъ столь же чуждъ Вильяму Питту и Бонапарту, какъ и огромному большинству людей, принимавшихъ участіе въ политикѣ обѣихъ странъ. Вильямъ Питтъ понималъ, что Англія обязана признать за Ирландіей ея право на отечество, на вѣру и правосудіе, и въ этомъ отношеніи онъ явился первымъ государственнымъ человѣкомъ современной Англіи. Бонапартъ понималъ, что вышедшая изъ революціи Франція не перестала быть Франціей, и что революція должна организоваться въ ней въ правительство мощное и благодѣтельное, способное дать ей обаяніе передъ лицомъ чужихъ странъ, внутренній миръ общественный и религіозный, обезпечить ея національный трудъ, и потому что онъ понималъ это, онъ сталъ императоромъ. Но, говоря о мирѣ и торговлѣ между Франціей и Англіей, и Питтъ и Бонапартъ имѣли въ виду лишь добиться преобладанія одной страны надъ другою посредствомъ договоровъ мирныхъ и торговыхъ; одинъ для того, чтобы захватить французскій рынокъ и задушить возрождающуюся французскую промышленность; а другой для того, чтобы закрыть французскій рынокъ для англійскихъ

товаровъ, погасить огни англійскихъ мануфактуръ и подорвать англійскіе банки.

Борьба эта кончилась, но кончилась она на условіяхъ, поставленныхъ въ ультиматумъ 1803 г., которыхъ Англія рѣшилась добиваться съ 1792 г., т. е. на условіяхъ, предписывавшихъ возвращеніи Франціи ея прежнія границы; водвореніи Англіи на Мальтѣ; удаленіе французовъ изъ Нидерландовъ 1814 г.; удаленіе французовъ изъ Египта, 1840 г.; замѣна Франціей политики континентальнаго верховенства безкорыстной войной за равновѣсіе, 1853 г. и наконецъ заключеніе торговаго договора 1860 г. Чтобы отвести въ эти затворы и держать въ нихъ въ спокойномъ состояніи тяжелыя и столькими бурями возмущенныя воды, какое множество надо было затратить усилій, испытаній, упорства съ одной стороны и катастрофъ, разочарованій и вынужденной покорности съ другой стороны. Но что касается до катастрофъ, то въ 1803 г. Франція сама подвергала имъ своихъ непріятелей, а по части покорности она признавала лишь ту, которой требовала отъ другихъ.

Одинъ только человекъ, Талейранъ, предвидѣлъ и предсказалъ условія англійскаго мира: прежнія границы и торговый договоръ; онъ былъ министръ бонапартовской политики, но не остался бы имъ ни на минуту, былъ бы отосланъ своимъ господиномъ и отвергнутъ общественнымъ мнѣніемъ, еслибы осмѣлился воспроизвести въ качествѣ программы консульства тотъ свой мемуаръ, который въ 1792 г. былъ посланъ имъ изъ Лондона Дантону.

Въ сущности своей эта война есть продолженіе борьбы семисотлѣтней исторіи Англіи съ семисотлѣтней исторіей Франціи. Дальнобойность оружія увеличивалась, работа машинъ ускориалась, виды вождей государствъ стали обширнѣе, и массы людей, которыми они орудуютъ, громаднѣе; но сущность дѣла, его начальный поводъ и общее направленіе остались тѣ-же. Питтъ и Бонапартъ не болѣе какъ новыя имена корифеевъ семивѣковой войны, которые назывались Вильгельмъ Завоеватель и Генрихъ Плантагенетъ, Черный принцъ и Дюгескленъ, Людовикъ XIV и Вильгельмъ Оранскій, Чатамъ и Лафайетъ. Мятельный духъ стараго міра, проявившійся во французской революціи, консервативный духъ «благоустроившейся Европы», водворившійся въ Англіи; завоевательный прозелитизмъ Франціи, коммерческое и меркантильное развитіе Англіи только возобновили въ еще болѣе страстной формѣ это вѣковое соперничество.

КНИГА III.

Ко а л и ц і я.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Европа и разрывъ мира 1803—1804.

I.

Война не была неожиданностью ни для кого въ Европѣ, и каждому государству, желавшему принимать въ ней участіе или дать себя привлечь къ этому участію, оставалось только продолжать ту политику, которой оно слѣдовало съ самаго заключенія мира; но война была для всѣхъ преждевременной, къ ней не были готовы: отсюда продолженіе дипломатическихъ маневровъ въ теченіе цѣлаго года. Событія этого періода довольно однообразны. Со стороны Бонапарта совершаются приготовленія къ грозному наступленію и розыскиваются разсчитанныя на долгое время диверсіи; а со стороны Англіи, Россіи и Австріи происходитъ обходное движеніе, постепенная осада Франціи. Интересъ этого періода въ томъ, что онъ нѣкоторыми выдающимися своими эпизодами свидѣтельствуетъ о непрерывномъ существованіи коалиціи, которая угрожала Франціи въ 1793 и 1798 гг.; которая будетъ угрожать ей въ 1805, 1809 и 1813 гг., постоянно возобновляясь до самой катастрофы, въ всегдашней зависимости отъ генія человека, отъ стойкости арміи и результата битвы.

Англія нанесла первые удары; она напала на союзниковъ Франціи, захватила голландскіе корабли, пригрозила испанцамъ и стала подыскивать союзниковъ. Прежде всего она обратилась къ Россіи ¹⁾. Адмиралъ Гарренъ былъ посланъ ею въ Петербургъ съ порученіемъ доказать русскимъ, что «Мальта должна навсегда остаться за Англіей, какъ пунктъ, необходимый для ея торговли, ея владѣній въ Индіи и для ея сближенія съ югомъ Европы». Кромѣ того Мальта не менѣе необходима «для благополучія Италіи и не-

¹⁾ LEFEBVRE, t. II, chap. VII и VIII.—ОПСКЕН, t. II, liv. VI, chap. 1.

зависимости Средиземного моря и Леванта». Въ июнѣ Гюксберги повѣдали все это Семену Воронцову, прибавивъ ²⁾, что «Франція не уступастъ этого острова Англіи, Англія же не выпускаетъ его изъ своихъ рукъ потому, что въ случаѣ новой попытки французовъ захватить Египетъ и Сирію, англійская эскадра можетъ легко остановить ихъ изъ Мальты, такъ какъ она лежитъ на дорогѣ къ этимъ странамъ. Находясь въ рукахъ англичанъ, этотъ островъ будетъ защитой для Египта, Сиріи, Морен, Архипелага, Южной Италіи и всего Средиземного моря отъ французовъ». Да и для кого еще не будетъ онъ защитой?

Это заявленіе пришлось очень кстати; Александръ находился въ условіяхъ и въ расположеніи духа весьма для него благопріятномъ. Онъ попробовалъ управлѣть своимъ государствомъ согласно своимъ мечтамъ, при содѣйствіи своихъ друзей. Освѣдомившись понемногу о лицахъ, бывшихъ въ спальнѣ его отца въ ночь на 11-е марта, онъ удалялъ ихъ отъ правленія. Но его новые министры были не болѣе какъ носители пустыхъ титуловъ, вся же дѣйствительная власть заключалась въ негласномъ комитетѣ, «комитетѣ общественнаго спасенія», какъ царь называлъ его—состоявшемъ изъ довѣренныхъ лицъ, работавшихъ непосредственно вмѣстѣ съ императоромъ ³⁾, ихъ было четверо: Адамъ Чарторыйскій, Новосильцевъ, Кочубей, Строгановъ. Чарторыйскій, большо й политикъ и и прирожденный дипломатъ, не зналъ Россіи, мало уважалъ ее и все клонилъ къ иностранной политикѣ, въ сторону Польши, которая составляла главную и господствующую мысль всей его жизни; Кочубей, учившійся въ Лондонѣ и Женевѣ смотрѣлъ европейцемъ, имѣлъ хорошія манеры, кроткій нравъ, практическій смыслъ, но ему недоставало знанія. Строгановъ побывалъ въ Парижѣ и Женевѣ и былъ ученикомъ бывшаго монпаньяра Ромма. Самый талантливый изъ четверыхъ—Новосильцевъ, бывший военный, прожилъ долгое время въ Англіи и возвратился оттуда англоманомъ. Завистники прозвали его въ насмѣшку «великимъ человекомъ, человекомъ универсальнымъ, гениемъ на всѣ лады». Онъ создавалъ обширные проекты, затѣвалъ коренное переустройство законодательства, составленіе русскаго свода законовъ и долгое время обѣщалъ блестящую но никогда не осуществленную имъ эру. Всѣ четверо—въ думѣ, сторонники учредительнаго собранія, люди принциповъ и *декларации правъ*. Они предла-

²⁾ Донесенія Воронцова, 24 іюня 1803. Мартенсъ, т. XI, стр. 74.

³⁾ Мемуары Чарторыйскаго, Bernhardt, Rambaud; письма Воронцова и Ростопчина; *Revue historique*, t. XXXII: статья о книгѣ Пыпина: общественное движеніе при Александрѣ I. Le Grand Duc Nicolas de Russie, Stroganof: французскій текстъ протоколовъ совѣщаній съ императоромъ, апрѣль 1801, и комитета реформъ, іюнь 1801—ноябрь 1803.

гали, по словамъ одного изъ нихъ, содѣйствовать императору «въ систематической работѣ надъ реформой безобразнаго зданія администраціи имперіи», «обуздать деспотизмъ нашего правительства», «увѣичать зданіе конституціей, согласованной съ истиннымъ духомъ націи». Они сходились на совѣщанія, составляли протоколы своихъ засѣданій, редижировали мемуары и произвели реформы: уничтоженія тѣлеснаго наказанія для сословія благородныхъ и нѣкоторыя смягченія крѣпостнаго права для низшихъ классовъ народа; императоръ обѣщалъ не раздавать болѣе «душъ»; заговаривали даже о вѣротерпимости. Сдѣлана была попытка преобразовать сенатъ изъ чисто юридическаго учрежденія въ собраніе, напоминавшее разомъ и старинный парижскій парламентъ, и палату лордовъ, и государственный совѣтъ Бонапарта; но такъ какъ сенатъ, по совершенной непривычкѣ къ какой либо самодѣятельности, оказался способнымъ къ одному повиновенію, то изъ этого ничего и не вышло. Наконецъ кругъ вѣдомства каждаго министра получилъ опредѣленіе и границы, и было создано министерство народнаго просвѣщенія, что уже одно являлось открытіемъ новаго міра.

Но для приверженцевъ старины все это было не болѣе какъ гибельная бездна. Они, въ особенности духовенство, порицали эти реформы, заимствованныя у иностранцевъ, слѣдствія «гибельныхъ заблужденій»; по словамъ Ростопчина, они укоряли императора за такія его склонности, за его «республиканизмъ», за выказываемое имъ презрѣніе къ древне-національному сѹмбурѣ, за его дружбу съ явными франкмасонами, за его религіозность безъ догматовъ и почти безъ соблюденія церковныхъ обрядовъ; они винили его въ томъ, что онъ не поклоняется иконамъ, избѣгаетъ становиться на колѣни въ церкви и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, и эти пророки прошлаго приводили въ укоръ ему примѣръ знаменитой бабки, которая была другомъ Вольтера, Даламбера и Дидро! Вельможи строили козни противъ иностранцевъ, овладѣвавшихъ благоволеніемъ государя и служебными мѣстами: противъ поляка Чарторыйскаго, противъ французовъ Ришелье, Сенъ При и Ланжерона и противъ всей породы балтійскихъ пѣмцевъ. Они указывали на возмутительный, революціонный духъ молодежи, «болѣе пагубный чѣмъ французскій», на «адское общество петербургскихъ юношей», «этихъ духовныхъ сыновей Робеспьера и Дантона и, еще хуже того—почитателей Бонапарта! «Вы будете поражены изумленіемъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, писать Ростопчинъ, и заключалъ свое письмо словами: за исключеніемъ шалуновъ... всѣ у насъ недовольны» ⁴⁾.

⁴⁾ Письма Ростопчина къ Воронцову, сентябрь 1803 г. — См. «Война и Миръ», первая часть: Пьеръ Безуховъ.

«У императора, писалъ Жозефъ де Местръ, представитель лишеннаго своихъ владѣній сардинскаго короля, только двѣ идеи: миръ и экономія... не всѣ добродѣтели по силамъ всякой націи» Но вышерѣченные добродѣтели не ладили съ традиціями Россіи, и Александръ на третьемъ году своего царствованія сталъ совершенно непопулярнымъ. Ни національное тщеславіе, ни жадность вельможъ, ни буйственное своеволие всѣхъ не находили себѣ пищи въ этомъ правленіи чувствительныхъ филантроповъ. «Вокругъ Константина, писалъ одинъ изъ французскихъ агентовъ, образовывается партія преданныхъ ему людей... Въ Россіи можетъ произойти новая революція». Повсюду повторяли слова Маркова, сказанныя имъ по поводу иностранной политики: «У императора свое мнѣніе, а у русскихъ свое». Александръ не только любилъ популярность, но и кокетничалъ ею. Онъ почувалъ опасность. Медленное исполненіе и неудача его реформъ охладили его рвеніе. Онъ не отказался отъ своихъ прекрасныхъ идей, но отложилъ ихъ въ сторону: онѣ стали для него почти тѣмъ, чѣмъ была для Людовика XVI его слесарная мастерская, онѣ обратились для него въ орудіе престижа и въ средство обольщенія по отношенію къ французамъ.

Мало по малу онъ измѣнилъ основу своего правленія, и, выражаясь словами Маркова, все болѣе и болѣе склонялся къ мнѣнію русскихъ. Онъ далъ новый курсъ своему честолюбію; направилъ свой путь по новымъ звѣздамъ. Онъ возвратился къ внѣшнимъ формамъ политики Екатерины, которая въ свою очередь привела его къ политикѣ самодержавія. Священная Имперія разрушается, а выходящая изъ хаоса Галльская имперія, о которой такъ много говорятъ ⁵⁾, скоро опять разложится въ этомъ хаосѣ. И вотъ на русскаго царя возлагается миссія упорядочить старый міръ, Западной имперіи онъ противопоставитъ имперію Восточную; корсиканскому Карлу Великому—русскаго самодержца. Эта политика будетъ столь же популярна въ Россіи, какъ мало популярна была политика мира и реформъ. «Теперь мы всѣ хотимъ войны, писалъ 23 апрѣля Кочубей Семену Воронцову, а императоръ такъ увлеченъ ею, что онъ, кажется мнѣ, былъ бы огорченъ, если бы она не случилась. Военственное движеніе можетъ произвести великое благо уже однимъ обнаруженіемъ того, что у императора болѣе энергіи, чѣмъ вообще предполагаетъ и думаетъ г. Дюррокъ ⁶⁾ Къ тому же русскіе ставили ни во что Бонапарта съ его гренадерами и генералами. Вся причина его торжества, говорили они, объясняется единственно его коварствомъ, низостью и слабодушіемъ фран-

⁵⁾ REMACLE, *Correspondance royaliste*, juin et juillet 1803: «L'Empire de Charlemagne...» «Napoleon, Empereur», p. 330, 363.

⁶⁾ Слова Воронцова.

цузскаго народа и глупостью его противниковъ. Столкнувшись съ Суворовымъ, онъ погибъ бы, такъ какъ «и какой нибудь Жюберъ былъ талантливѣе его». «Всей своей политической и военной славой, пишетъ С. Воронцовъ, онъ одолженъ измѣнительской и недѣльной политикѣ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, безтолковому поведенію Испаніи и соединенной съ измѣною тупости австрійскихъ генераловъ, съ которыми ему приходилось сражаться...»

При встрѣчѣ съ мужественнымъ сопротивленіемъ, какъ подъ Сентъ-Жанъ-д'Акромъ, онъ не устоялъ противъ небольшой кучки людей, защищавшихъ ничтожную крѣпость... При всѣхъ качествахъ настоящаго изверга, которыми онъ владѣлъ въ совершенствѣ, онъ кончитъ плохо, за отсутствіемъ здраваго разсудка». А съ его исчезновеніемъ, отъ Франціи, ея революціи и республики не останется ничего: французская армія... въ которой господствуетъ ужасающее развращеніе нравовъ... не болѣе какъ армія убійцъ и поджигателей, и ея солдаты такъ малоотважны, что генераламъ приходится напавать ихъ до пьяна, когда они поставлены въ необходимость сражаться съ непріятелемъ, рѣшившимся на отчаянное сопротивленіе!».

Въ такое-то время и были получены предложенія англичанъ. Англія выдѣлилась на первомъ планѣ. «Съ удовольствіемъ повторяю, пишетъ де-Местръ, что объявленіе войны смываетъ безславіе Амьенскаго трактата». Если русскіе страшились «несправедливаго ограбленія Оттоманской имперіи, то Александръ страшился того же по отношенію къ Греціи, Албаніи и странамъ придунайскимъ. Онъ уже видѣлъ Германскую имперію, низведенную, подобно Италіи, на ступень французскаго вассала. Франція становилась въ его глазахъ тою «чудовищной державой», которою въ глазахъ французовъ семнадцатаго столѣтія была Австрія. Занятіе войсками Ганновера раздражило его и послужило новымъ побужденіемъ къ войнѣ. Въ принципъ онъ уже рѣшился на нее, но еще не чувствовалъ себя готовымъ и старался выиграть время, необходимое для того, чтобы собрать войска и образовать коалицію».

Онъ предложилъ англичанамъ «союзъ безъ договора» ⁷⁾, имѣющій въ урочный часъ превратиться въ «договоръ о субсидіяхъ», а въ ожиданіи этого часа предлагаетъ посредничество, имѣющее обратиться въ вооруженное вмѣшательство, когда состоится вооруженіе. Затѣмъ онъ обратился къ прусскому двору, который уже домогался его содѣйствія. Получивъ отъ Бонапарта свои вознагражденія, этотъ дворъ желалъ, чтобы Александръ обезпечилъ ихъ, питая намѣреніе съ помощью русскаго союза

⁷⁾ Мартенсъ, т. XI, стр. 68.

взять обратно провинции, за которые онъ только что получилъ лихвенную плату отъ Франціи. Занятіе войсками Ганновера, оскорбившее Петербургъ, напугало Берлинъ. Ганноверъ былъ тою заработною платою, которую Пруссія назначала себѣ за свою измѣну Европѣ, въ случаѣ, еслибы она приняла сторону Бонапарта, или за свою измѣну Франціи, еслибы она приняла сторону Англіи и Россіи. Овладевъ Ганноверомъ, Бонапартъ захватилъ этотъ «залогъ» Пруссіи и въ добавокъ поставилъ ее подъ угрозу своихъ пушекъ. «Какъ избѣжать, говорилъ Гаугвицъ, опасной чести быть союзникомъ республики, когда французы будутъ у воротъ Магдебурга?» — «Я не скрываю отъ себя, признавался онъ Аллопеусу⁸⁾, опасности, которой всѣмъ намъ угрожаетъ безмѣрное честолюбіе Бонапарта. И вся выгода Пруссіи тутъ лишь въ томъ, что она будетъ съѣдена послѣднею... Утвержденіе новаго порядка вещей въ Германіи и участь Европы зависятъ отъ рѣшенія, которое будетъ принято вашимъ августѣйшимъ повелителемъ».

Въ Петербургѣ осмѣивали не стѣсняясь «двузначное поведеніе и пошлое раболѣпіе Пруссіи передъ Франціей». Александра это не обижало. Ему нравилось видѣть въ Фридрихъ-Вельгельмѣ своего кліента и спутника, и его дружба къ нему нисколько не страдала отъ жалкой или жалостной личности друга. Онъ всегда былъ великодушнѣе политично и съ выгодою для себя. Онъ сообщилъ Аллопеусу, что раздѣляетъ опасенія Гаугвица, и приказалъ своему посланнику «въ виду прямой опасности, угрожающей этой части Европы, немедленно вступить въ переговоры съ берлинскимъ кабинетомъ относительно общаго плана противодѣйствія Франціи»⁹⁾. 4-го іюля онъ писалъ королю: «Въ этотъ важный и критическій моментъ, отъ котораго столь много будетъ зависѣть будущее положеніе Европы... Я умоляю васъ обратить серьезное вниманіе на мои предложенія и не отвергнуть ихъ... Я не могу видѣть равнодушно весь Сѣверъ Германіи ограбленнымъ, разореннымъ и перебудораженнымъ изъ-за ссоры столь ему чуждой»... 30-го іюня Аллопеусу былъ посланъ рескриптъ, а 5-го іюля даны полномочія: Россія обязывалась выставить 25,000 человѣкъ, а въ случаѣ нужды отъ 50 до 60,000; Пруссія — столько-же; Саксонія — отъ 10 до 20,000; Кассель отъ — 12 до 13,000 и другіе соотвѣтственно этому. Обѣ державы обезпечиваютъ другъ другу неприкосновенность ихъ территорій.

Австрія, въ то же время зондируемая Англіей и Россіей, потребовала отсрочки. Она желала, чтобы Россія дала ей время для вооруженія и чтобы Англія снабдила ее для этого средствами. До тѣхъ же поръ она

⁸⁾ Донесеніе Аллопеуса, 19 мая 1803 г. Мартенсъ, т. VI, стр. 309 и слѣд.

⁹⁾ Мартенсъ, т. XI, стр. 299, и 313 и слѣд. Письма у BAILLEU.

можетъ лишь стараться усыплять бдительность Бонапарта посредствомъ разныхъ дружелюбныхъ заявленій и завѣреній въ нейтралитетѣ¹⁰⁾.

II.

Но эта бдительность не засыпала ни на минуту, и не такими ходами и приемами можно было обмануть или предупредить ее. Бонапартъ предчувствовалъ эти приготовленія и разсудилъ, что если онъ не прерветъ ихъ, то Франція снова придется бороться съ коалиціей 1798 года. Въ такомъ случаѣ ему, для сохраненія Люневильскаго мира, нужно будетъ вести ту самую борьбу, которую онъ велъ тогда для достиженія мира въ Кампо-Форміо. И вотъ, несмотря на переустройства Имперіи и знаменитыя секуляризаціи, которыя, по мнѣнію столькихъ мыслителей, должны были скрѣпить миръ, Франція очутилась бы въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ она находилась пять лѣтъ тому назадъ, когда возвратившійся изъ Рапштадта Бонапартъ принималъ предводительство надъ собранной противъ англичанъ арміей. И ему предстояло бы, какъ тогда: угрожать нашествіемъ Англіи, отклонять Россію, застраивать Австрію, господствовать въ Неаполѣ, защищать Италію, охранять Швейцарію, нейтрализировать Германію, привлечь къ себѣ Пруссію и увлечь за собою Испанію и Голландію. Но положеніе, занимаемое теперь Бонапартомъ, было посильнѣе того, которое онъ занималъ во времена директоріи и его дѣятельность повнушительнѣе тогдашней. А затѣмъ передъ нимъ все та же шахматная доска, тѣ же на ней фигуры и такая же ведется игра.

Онъ воспретилъ ввозъ во всѣ порты республики и союзныхъ съ нею странъ товаровъ и колоніальныхъ произведеній, вывозимыхъ непосредственно изъ Англіи или ея колоній¹¹⁾. Онъ старался возмутить Ирландію. Онъ обратилъ морскіе берега въ непрерывный рядъ верфей для постройки плоскодонныхъ судовъ. Онъ образовалъ въ Булони лагерь и собралъ въ немъ армію нашествія. Съ конца мая вся его корреспонденція поглощена этими заботами. Только одна русская кампанія съ конца 1811 до начала 1812 г. занимаетъ въ ней столько же мѣста по части разнообразныхъ, безконечныхъ подготовительныхъ мѣръ и кропотливыхъ распоряженій. Онъ думалъ, что эта экспедиція можетъ, однимъ ударомъ, увлечь навсегда его предпріятія.

Но успѣхъ ея зависѣлъ отъ измѣнчивыхъ и неодолимыхъ капризовъ моря и вѣтра. Преслѣдуя свой рискованный планъ, Бонапартъ не упускалъ изъ виду и возможную неудачу, предвидѣлъ со стороны Авліи контръ-

¹⁰⁾ BEER; correspondance de Starenberg. Mars—Mai 1803.

¹¹⁾ LEFEBVRE, t. I, chap. VII и VIII. Arrêtés des 10 et 20 juin 1803 г. *Memoire d'un Irlandais*, 25 mai; Талейранъ Бонапарту 5 августа 1803 г.

маневры, отвѣтную высадку и нашествіе на Францію, диверсію на континентъ со стороны Германіи и Италіи. Булонскій лагерь былъ для него мѣрой разсчитанной на двойную цѣль; въ случаѣ коалиціи, онъ приготовился предупредить соединеніе ея членовъ: Австріи, Россіи и, можетъ быть, Пруссіи; выступить противъ нихъ съ войскомъ такъ, чтобы разбить ихъ порознь. Но всего болѣе онъ задумывалъ составить самъ континентальную систему противъ англичанъ, образовать противъ нихъ коалицію въ великолѣпной формѣ Имперіи Запада. Англія сохраняла на морѣ превосходство для нападенія; надо было парализовать ее, закрывъ ей доступъ къ возможно большому количеству береговъ, портовъ и рѣчныхъ устьевъ. «Оксанъ, грозный придверникъ короля, казалось, открывалъ ему путь», говорилъ Шекспиръ о королѣ Генрихѣ V. Бонапартъ готовился возвести въ мѣстахъ высадки грозныя баррикады.

Онъ вынудилъ у Батавовъ ²⁾ 38,000 человекъ, весь ихъ флотъ и верфи для плоскодонныхъ судовъ. Онъ понуждаетъ испанцевъ; приказываетъ Гувіону Сень-Сирю занять тринадцать тысячами человекъ Отрантъ, Тарентъ и Бриндизи: позиціи, очищенные имъ согласно амьенскому замиренію, но гдѣ онъ останется до тѣхъ поръ, пока англичане останутся въ Мальтѣ. Онъ объявляетъ Ливорно въ осадномъ положеніи и занимаетъ 20,000 войскомъ Вадтландтъ. «Эта война, говоритъ онъ Филиппу Кобенцлю ³⁾, повлечетъ за собою неизбежно войну на континентѣ; въ такомъ случаѣ я долженъ имѣть за себя Австрію или Пруссію; не трудно будетъ привлечь къ себѣ Пруссію, давъ ей поглотить какую-нибудь кость, и кромѣ Австріи мнѣ некого опасаться въ Европѣ... Россія будетъ продолжать бездѣйствовать... Тамъ уже не появится новаго Павла, чтобы повторить его безумную посылку войскъ въ Пьемонтъ».

Предоставленная Пруссіи кость—это Ганноверъ ⁴⁾. Для начала консулъ овладѣваетъ имъ. 16,000 войско этой страны отступаетъ передъ 12,000 солдатъ Мортве. 3-го іюня оно удаляется къ Эльбѣ, и Мортве водворяется въ Ганноверъ. Тамъ не было ни правительства, ни націи, никакого соглашенія между регентствомъ курфюршества и лондонскимъ кабинетомъ, никакой связи народа съ государемъ; это страна въ нѣкоторомъ родѣ вакантная, которою можно располагать и которую можно дѣлить, нѣчто въ родѣ прежнихъ епископствъ и аббатствъ. Въ Парижѣ и Берлинѣ пруссаковъ осыпаютъ любезностями и пріятными для нихъ внушеніями. Талейранъ въ своемъ письмѣ къ Лафорэ отъ 17 мая говорить:

²⁾ Конвенція отъ 25 іюня 1803 г.

³⁾ Донесеніе Филиппа Кобенцля 1 іюня 1803 г.

⁴⁾ Тимме, *Die inneren Zustände des Kurfürstentum Hannover*, 1806—1813. Т. I, введеніе.

«Мы желаемъ самаго тѣснаго союза съ Пруссіей. Это постоянная цѣль нашей политики»... Камбасересъ вызываетъ передъ Луккезини воспоминанія о комитетѣ III года, на которомъ онъ председательствовалъ. Лебрень заявляетъ: «Ганноверъ будетъ намъ завоеванъ для его прусскаго Величества». Наконецъ вотъ слова перваго консула ⁵⁾: «Мы приближаемся къ катастрофѣ, несравнимой ни съ одной изъ прежнихъ революцій. Я затѣваю предпріятіе самое трудное и по страшнымъ послѣдствіямъ своимъ самое грозное изъ всѣхъ когда либо замысленныхъ политикой. Я могу потерѣть неудачу, судьба оружія переменчива, но мнѣ можетъ послужить и удача, и тогда, благодаря туману и сколько нибудь благопріятнымъ обстоятельствамъ, я въ три дня стану владыкой Лондона, парламента и банка. Представьте себѣ хаосъ, въ который будутъ тогда повергнута торговля и богатства частныхъ лицъ!.. Завоевать Лондонъ не значитъ подчинить себѣ Англію; для подчиненія націи необходима революція, исходящая изъ ея столицы... Революція! при этомъ словѣ я заранѣе трепещу какъ за Францію, такъ и за всю Европу. Послѣдствія неисчислимы, я это знаю, но что же дѣлать!»

Онъ упорствовалъ въ старой иллюзіи конвента о томъ, что при появленіи французской арміи передъ Лондономъ, тамъ немедленно произойдетъ революція, конечно, не для того, чтобы, какъ 10-го августа въ Парижѣ, отвѣтить на манифестъ герцога Брауншвейгскаго, но для того, чтобы отворить двери иностранцамъ; онъ воображалъ, что нашествіе вмѣсто того, чтобы соединить англичанъ, разъединитъ ихъ. Словомъ онъ разсуждалъ, какъ разсуждали русскіе, вступившіе въ Польшу и пруссаки, вступившіе во Францію въ 1792 г., «Повѣрьте, говорилъ онъ одному посланнику, что ничего нѣтъ легче, какъ вступить въ Лондонъ, съ помощью множества негодяевъ, которыми кишитъ этотъ городъ!» ⁶⁾— «Мое предпріятіе можетъ быть не удастся... это большой соблазнъ для враговъ Франціи»... Затѣмъ, возвращаясь къ пруссакамъ: «Мнѣ нечего опасаться васъ, говоритъ онъ, я это знаю; но Австрія (можетъ воспользоваться роковымъ моментомъ, чтобы предаться Англіи. Поэтому мнѣ предстоитъ настоятельная необходимость или въ союзѣ съ Пруссіей, который обезпечилъ бы меня отъ нападенія со стороны Австріи, или въ союзѣ съ Австріей, который обезпечилъ бы меня отъ самой Австріи... Сношенія-же мои съ Россіей—это уже роскошь... Что можно думать о дворѣ, министры котораго думаютъ иначе, чѣмъ ихъ государь, и гдѣ они съ каждымъ годомъ мѣняются?»—«Эта снѣжная гора не можетъ насъ запугать» ⁷⁾.

⁵⁾ Донесеніе Луккезини 16, 29 мая, 9 іюня 1803 г.

⁶⁾ Разговоры съ Марковымъ, 12 іюня 1803 г.

⁷⁾ Разговоры, представленные Луккезини 30 мая, и Ломбаромъ, 30 іюля 1803 г.

Онъ старался привлечь ихъ къ русскому посредничеству и такимъ образомъ повернуть это посредничество на свою сторону. «У меня нѣтъ выбора средствъ. Я желалъ бы, чтобы Россія и Пруссія избавили меня отъ этой страшной необходимости, объявивъ мнѣ свою волю, но объявивъ ее въ то же время и Англіи». Онъ высказался объ этомъ Маркову 12-го іюня послѣ спектакля, гдѣ была пропѣта кантата «правительственного поэта» Фонтана о завоеваніи Ганновера. Разговоръ съ Марковымъ продолжался отъ полуночи до трехъ часовъ утра ⁸⁾, Бонапартъ предложилъ замиреніе на слѣдующихъ условіяхъ: отдача Мальты Россіи на сохраненіе, отдача Лампедузы англичанамъ; очищеніе Голландіи, Швейцаріи и неаполитанскаго королевства, какъ скоро будетъ очищена Мальта, вознагражденіе королю Сардиніи. Онъ согласился бы на все, даже на нѣчто въ родѣ конгресса, гдѣ засѣдали бы Россія, Австрія, Англія и Пруссія и т. д., но особенно на третейскій судъ царя, «самый неусловленный», лишь бы *statu quo* Франціи осталось неизмѣннымъ въ его существенныхъ пунктахъ. Если бы императоръ присудилъ Мальту Англіи навсегда или временно, сказалъ онъ Маркову, то онъ помирился бы съ этимъ рѣшеніемъ, какъ люди мирятся съ проигрышемъ процесса, который казался имъ справедливымъ; но онъ считаетъ дѣломъ своей чести и долга не дѣлать такихъ уступокъ по своему собственному побужденію и рѣшенію». Почему же вы, спросилъ его Марковъ, имѣя столько береговъ и портовъ на Средиземномъ морѣ, хотите, чтобы англичане не имѣли тамъ ни одного? — «Потому, отвѣчалъ онъ, что англичане разорили бы тогда нашу торговлю съ Левантомъ; потому что они изъ всѣхъ побережныхъ пашей надѣлали бы нобобовъ... которые стали бы творить всякія непріятности нашимъ комерсантамъ и наконецъ совсѣмъ изгнали бы ихъ; потому что это возбудило бы ропотъ противъ меня, и я рисковалъ бы потерять свое мѣсто...». «Я веду войну съ сожалѣніемъ и ужасомъ... такъ какъ, говоря болѣе какъ европеецъ, чѣмъ французъ, я былъ бы огорченъ не менѣе васъ, если бы вы, проснувшись въ одно прекрасное утро, узнали бы, что Англія болѣе не существуетъ... Я не увѣренъ въ мирѣ и долженъ готовиться къ войнѣ. Но французовъ располагаютъ къ ней не разсужденіями, надо ихъ воспламенить, раздражить всякаго рода обвиненіями противъ враговъ, съ которыми имъ предстоитъ сражаться; словомъ, надо пустить въ дѣло ихъ страсти. Меня считаютъ сумасшедшимъ, непоследовательнымъ, но я знаю, что надо дѣлать, лучше тѣхъ, которые меня осуждаютъ...».

⁸⁾ Марковъ С. Воронцову, 13 іюня; официальное сообщеніе, 24 іюня 1803 Трачевскій.

Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Россія поймала его на словѣ; это было бы для него неожиданнымъ счастіемъ, такъ какъ при этомъ онъ сразу достигъ бы и униженія британской гордости, и обезпеченія аміенскаго мира, и федеративной системы противъ Англіи. Въ случаѣ же отказа со стороны Россіи, онъ поставилъ бы себя за честь передъ французами свою умѣренность, отбросилъ бы всю вину войны на Англію и ея союзниковъ, разоблачилъ бы коалицію и ясно показалъ бы, что члены ея покушаются на существенныя основы *statu quo* Франціи, т. е. на ея естественныя границы и Средиземное море.

По его предложенію, Марковъ написалъ обо всемъ этомъ Семёну Воронцову, и для большей точности своего изложенія отдалъ его на просмотръ Талейрану. Отвѣтъ перваго консула по вопросу о Мальтѣ, писалъ, онъ «показался мнѣ столь благороднымъ, лояльнымъ и великодушнымъ, что я съ удвоеннымъ рвеніемъ и жаромъ выполняю данное имъ мнѣ порученіе». Но въ то же время въ тайномъ отдѣленіи его портфеля находилось слѣдующее донесеніе, изображенное секретѣйшимъ шифромъ: «Чѣмъ либеральнѣе кажутся мнѣ предложенія перваго консула, тѣмъ болѣе подозреваю я ихъ искренность. Въ его предложеніи отдать себя на безусловный третейскій судъ императора я вижу лишь желаніе превзойти Англію, соединенное съ надеждой, что она не согласится на это, вслѣдствіе чего онъ получитъ новый случай выставить себя въ выгодномъ свѣтѣ и передъ своей націей и передъ Россіей. И такъ думаютъ всѣ, потому что это предложеніе арбитража получило всеобщую извѣстность и вѣдомо всему дипломатическому корпусу». Посылая подробный отчетъ императору о своемъ разговорѣ съ консуломъ, Марковъ съ тѣмъ же курьеромъ отправилъ разныя свѣдѣнія о состояніи французской арміи, затребованныхъ отъ него Александромъ, прибавивъ при этомъ, что надо хранить ихъ въ строжайшей тайнѣ отъ Эдувиалля (посланца республики), «потому что здѣсь нетрудно будетъ обнаружить канцелярію, откуда я извлекъ эти свѣдѣнія и даже заведенныя мною тамъ связи» ⁹⁾.

⁹⁾ «Я имѣлъ случай сойтись съ однимъ чиновникомъ канцеляріи военнаго министра, чрезъ посредство котораго я могъ ознакомиться съ разными рапортами, составленными первымъ консуломъ, съ положеніемъ военныхъ силъ республики отъ начала движеній, вызванныхъ настоящей войной...». Капцлеру Воронцову, 12. 14 іюня; императору, 14 іюня 1803. Трачевскій, т. II, стр. 201—202. Сравнить съ Ringauid, стр. 231.—Въ сентябрѣ 1803 г. былъ арестованъ секретный русскій агентъ Christin, что произвело большой скандалъ въ Россіи. Марковъ протестовалъ. «Отличный въ сущности шпионъ», писалъ Жоз. де Местръ, по поводу ноты «imperantissima» Маркова. См. Трачевскій, т. II, стр. 349 и слѣд.

III.

Дѣло объ этомъ русскомъ посредничествѣ наполняетъ собою все карты министерства, утомительное и крючкотавое, какъ судебная процедура ¹⁾. Англичанъ оно ни на минуту не ввело въ заблужденіе, Марковъ писалъ изъ Парижа, что въ требованіи посредничества у Бонапарта не было искренности; адмиралъ Гарренъ писалъ изъ Петербурга, что не было ея и у Александра, предлагавшаго свое посредничество. Со всехъ сторонъ вооружаются, призываютъ волонтеровъ. Питтъ снаряжаетъ на свой счетъ 3,000 добровольцевъ и въ качествѣ полковника обучаетъ ихъ. Берега покрываются батареями и палисадами, и, что всего удивительнѣе—коммерція и банкъ радуются этому: дѣловыя операціи оживляются! «пріѣзжай же сюда, пишетъ С. Воронцовъ своему сыну ²⁾, и ты будешь имѣть удовольствіе видѣть какъ Джонъ Буль защищаетъ свою страну и свою свободу. Ты увидишь войска, которыя побили французовъ въ Египтѣ и относятся къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ».

Этотъ русскій даетъ англичанамъ хитрый совѣтъ принять посредничество по отношенію къ тѣмъ его пунктамъ, «которые не подлежатъ воздѣйствію Англіи, которыми она не владѣетъ и которыми владѣетъ Франція»: Пьемонтъ, Италія, Голландія; напротивъ того, «Мальту вы во всехъ возможныхъ случаяхъ исключаете изъ сферы посредничества и даете императору случай разоблачить корсиканца». Такъ 27-го іюня и было сдѣлано. На другой день Воронцовъ получилъ изъ Петербурга депешу, которой царь извѣщалъ свое согласіе принять Мальту въ качествѣ залога. Но англичане не согласились на это, и вскорѣ Гакебернъ писалъ Гаррену, что Англія рѣшилась удержатъ Мальту, и что если Россія, Австрія и Пруссія хотятъ заключить союзъ противъ Франціи, онъ подпишетъ договоръ о субсидіяхъ ³⁾.

Между тѣмъ какъ въ Англіи занимались организаціей волонтеровъ, во Франціи воодушевляли добровольцевъ. Механика заговоровъ и диверсій заработала снова. Аддингтонъ замышлялъ высадку 20,000 человекъ въ Португалію. Графъ д'Артуа требуетъ 40,000 фунтовъ, чтобы набрать армію и возстановить монархію. Онъ оказалъ Моро компрометирующую честь, обративъ на него вниманіе и указавъ на него англичанамъ. Одинъ изъ агентовъ роялистовъ писалъ своему другу въ Парижъ: Англія увѣ-

¹⁾ MARTENS, t. XI, p. 53, 14 et suiv. — Донесенія Семена Воронцова. — Jacques PORTET, *La Russie et la rupture de la paix d'Amiens*. Неизданные русскіе и англійскіе документы. Annales de l'Ecole des Sciences Politiques, 1897.

²⁾ Іюнь, 1803.

³⁾ 12 іюля 1803.

рена въ содѣйствіи Россіи и Австріи, она поведетъ войну съ революціей и внесетъ ее въ самое сердце Франціи съ помощью арміи, составленной изъ англичанъ и вѣрныхъ монархіи французовъ, состоящей въ распоряженіи графа Артуа и подъ командой Пишегрю; Австрія вступитъ въ Италію и отрѣжетъ путь отступленія войскамъ, занимающимъ Неаполь; вовлеченная въ движеніе Пруссія двинется въ Голландію и Бельгію, пренебрегши арміей въ Ганноверѣ; русскіе сдѣлаютъ высадку въ Вандею ⁴⁾. А что касается мира, долженствующаго увѣнчать эту новую коалицію, то это будетъ миръ 1713 г., тотъ, который одержалъ верхъ въ 1814 г. Условія мира Утрехтскаго уже считались недостаточными. Изъ соединенныхъ Голландіи и Бельгіи будетъ образовано королевство Нидерландское, отданное подъ защиту Пруссіи; Австрія получитъ вознагражденіе въ Ломбардіи, а Россія—гдѣ пожелаетъ ⁵⁾.

Проницательный Талейранъ запросилъ Маркова, что значатъ эти оговорки въ условіяхъ о посредничествѣ, эти заключающіеся въ немъ пункты, которыхъ избѣгали выяснять: не касаются ли они, напримѣръ, Бельгіи, областей на лѣвомъ берегу Рейна или тѣхъ, которыя вошли въ составъ италіанской республики? ⁶⁾. Марковъ всячески избѣгалъ отвѣта на этотъ неудобный вопросъ. Онъ казался больнымъ. Въ самый день запроса со стороны Талейрана онъ уѣхалъ въ Пиренеи. Онъ чувствовалъ себя разоблаченнымъ. Его тайныя затѣи съ Воронцовымъ выведены на свѣжую воду. Бонапартъ уже ничего не ожидалъ отъ Россіи. Гнѣвъ его снова обрушился на Маркова, на его слишкомъ явную англomanію, его подозрительныя знакомства въ Парижѣ. Талейранъ внушалъ, что отозваніе этого посланника выяснило бы намѣреніе царя ⁷⁾.

Бонапартъ въ это время совершалъ свой инспекторскій обѣздъ береговъ и верфей сѣвера и посѣщалъ соединенныя Бельгію и Голландію ⁸⁾. Нигдѣ благодѣянія его правленія не обнаруживались съ большимъ блескомъ. Народы этого государства казались были покорены навсегда; они не только подчинялись необходимости, но и возлюбили другъ друга: они какъ бы вошли въ область римскаго мира, возвратились въ свое отечество. Связи образовавшіяся между нѣмецкими странами на лѣвомъ берегу Рейна, начали завязываться въ эту именно пору. Прирейнское населеніе оказалось зрѣлымъ для свободы по французскому образцу го-

⁴⁾ 4 іюля 1803. REMACLE.

⁵⁾ *Journal de Malmesburg*, 12 juillet 1893, t. IV, p. 28.

⁶⁾ Маркову, 22 іюля 1803.

⁷⁾ Бонапартъ Александру, 29 іюля; Талейранъ Эдувилю, 18 іюля 1803.

⁸⁾ *Mémoires du comte de Bray*: Бонапартъ въ Амьенѣ, сборное донесеніе обо всемъ 30 іюня 1803 г.

довъ IX и X. Долгое упорство бельгийцевъ видимо смягчалось. Одинъ изъ префектовъ извѣщаетъ, что по прѣздѣ своемъ въ эту страну, онъ нашелъ въ ней только *вѣрнопопданыхъ*, и начиналъ чувствовать себя среди французовъ. «Конкордатъ соединилъ всѣ сердца, согласовалъ всѣ умы, примирилъ всѣ мнѣнія». Бонапартъ путешествовалъ какъ государь, съ Жозефиной, двумя консулами, придворными дамами, министрами, генеральнымъ штабомъ и даже съ папскимъ легатомъ. Въ Брюсселѣ онъ нашелъ посланца прусскаго короля, прибывшаго привѣтствовать его на пути. Это былъ тотъ самый Ломбаръ, интимный секретарь короля, который въ 1792 г. пытался вступить съ Дюмуре въ переговоры о союзѣ.

Въ Берлинѣ былъ большой переполохъ. Король былъ подавленъ русскими заботами объ его безопасности. Онъ не жаловался на излишекъ гарантій и желалъ ихъ какъ можно больше, а что касается союзовъ, то ихъ онъ совсѣмъ не хотѣлъ ни съ Петербургомъ, ни съ Парижемъ. Его нейтралитетъ приносилъ ему слишкомъ много выгодъ, чтобы не опасаться утратить ихъ. Онъ писалъ Гаугвицу 8 іюня: «Предложенія Россіи неоправданны; въ настоящую минуту, когда выборъ меньшаго зла изъ всѣхъ угрожающихъ мнѣ такъ затруднителенъ, они обезпечиваютъ меня всѣми средствами, находящимися въ распоряженіи моего могущественнаго союзника... Но... признаюсь вамъ... только одни дѣйствительныя враждебныя дѣйствія противъ территоріи Пруссіи могутъ побудить меня взяться за оружіе»... Французы воспользовались этимъ расположеніемъ короля для того, чтобы завоевать Ганноверъ, водвориться въ немъ и жить на его счетъ, какъ въ Голландіи ⁹⁾. Они заняли Ритцельбюттель и Фуксгаузенъ—эти устья, которыя Фридрихъ-Вильгельмъ такъ желалъ держать открытыми. Они поставили гарнизонъ въ Гамбургъ, вытребовали у ганзейскихъ городовъ ссуду въ три милліона и наложили секвестръ на англійскіе товары и фонды. Пруссійскій король съ безпокойствомъ и не безъ нѣкотораго тайнаго стыда спрашивалъ себя, куда приведетъ его снисходительное отношеніе къ совершившимся фактамъ и постоянные отказы на предложенія Бонапарта о союзѣ; какая же это политика—отъ всего отказываться и ни во что не вмѣшиваться? Въ видахъ, разъясненія своихъ сомнѣній, онъ написалъ консулу письмо въ стилѣ высшей вѣжливости, но робкое, мягкое, даже смиренное и поручилъ Ломбарду вручить его ¹⁰⁾.

Бонапартъ принялъ этого секретаря въ Брюсселѣ 23-го іюня: онъ понялъ, съ какимъ официальнымъ ротошемъ ему приходится имѣть дѣло. Фридрихъ довелъ до совершенства игру въ лукавство, и не одинъ фран-

⁹⁾ Капитуляція ганноверской арміи, 5 іюля 1803 г. Меньше, чѣмъ въ одинъ годъ въ маѣ 1804 г. Ганноверъ уплатилъ 25.597,000 франковъ.

¹⁰⁾ 7 іюля 1803 г.

цузъ, и притомъ изъ самыхъ остроумныхъ, попадался въ его сѣти. Бонапартъ притворился, что относится къ этому человѣку съ совершенной серьезностью и довѣріемъ, онъ посвящалъ его въ свои намѣренія, что, изъ всѣхъ его оболочекъ было самымъ неотразимымъ. Ломбаръ—незначительный писарежъ, маленькій кабинетный суфлеръ съ натурой интимнаго совѣтника и темпераментомъ камердинера, напыщенный своей важностью, нетерпѣливо жаждущій повидаться съ нужнымъ ему лицомъ и возвыситься надъ всѣми прежними легкомысленными послами,—былъ совсѣмъ ошеломленъ «великимъ человѣкомъ»; любясь имъ, по еще болѣе своей собственной персоной, удостоенной столь важныхъ сообщеній, касаясь съ многозначительной улыбкой очень тонкихъ вопросовъ, вызывавшихъ столь знаменательные отвѣты, онъ, конечно, былъ ослабленъ консуломъ, но еще болѣе былъ ослѣпленъ своею собственной фигурой, отражавшейся тамъ и сямъ въ зеркалахъ. Бонапартъ совсѣмъ очаровалъ его своимъ «тономъ добродушія и благородной откровенности». Онъ принялъ его въ другой разъ и довершилъ свое очарованіе, давъ полную волю рѣчамъ Ломбары и показывая видъ, что онъ интересуется его тонкими и педантичными разсужденіями. «Напрасно его обвиняютъ, писалъ секретарь ¹¹⁾, въ буйности характера и опрометчивости сужденій. При обсужденіи онъ обнаруживаетъ спокойствіе, вниманіе, желаніе выслаивать совѣты и не раздражается, когда ему противорѣчатъ. Таковъ онъ былъ, по крайней мѣрѣ, постоянно въ отношеніи меня». Онъ только и думаетъ, что объ Англіи, о той войнѣ, которая, по его мнѣнію «будетъ послѣдней», а единственное средство однимъ ударомъ образумить Англію онъ видитъ въ закрытіи Зунда. Это начало *блокады*, мысль о которой онъ преслѣдуетъ съ «ожесточеніемъ». А отсюда только одинъ шагъ до союза: отвергнувъ послѣдній, Пруссія лишится всякаго значенія въ Европѣ и вынудитъ Францію обратиться къ Австріи: «Я предвижу это, говоритъ Бонапартъ, и это повергаетъ меня въ отчаяніе, такъ какъ изъ всѣхъ державъ міра, я дѣйствительно уважаю и люблю только одну—Пруссію».

29-го онъ вручилъ Ломбару письмо къ Фридриху-Вильгельму, полное дружескихъ изліяній и желанія союза. Въ тотъ же день онъ написалъ Александру письмо сухое, обнаруживавшее обманутыя надежды. 30 іюля онъ уѣхалъ изъ Брюсселя, полный недовѣрія къ Австріи, раздраженія противъ Россіи и съ мыслью о настоятельной необходимости союза съ Пруссіей.

Ломбаръ уѣхалъ отъ него «исполненный иллюзій, съ миниатюрой Бонапарта работы Исабэ, и въ Парижѣ былъ осыпанъ любезными привѣ-

¹¹⁾ Доклады Ломбары 24, 30 іюля 1803 г. Виллеу.

тами Талейрана. Онъ совершалъ свой путь медленно, «какъ человекъ, везущій реликвию, и пріѣхалъ въ Потсдамъ только въ концѣ августа. Тамъ онъ цѣлыхъ три дня рассказывалъ Фридриху-Вильгельму о Бонапартѣ и пришелъ къ заключенію, что «слѣдуетъ консулу довѣриться, и что въ случаѣ грозы всегда будетъ время повернуться къ Россіи». Затѣмъ начались совѣщанія. Король настаивалъ на постоянномъ и безусловномъ нейтралитетѣ. Королева и Гарденбергъ, — въ сущности большой сторонникъ Ганновера и потому благопріятствующій англичанамъ, — склонялись на сторону Россіи; Ломбаръ тяготѣлъ къ Франціи; а дворянство, генералы и дворъ придерживались своихъ антиреспубликанскихъ предубѣжденій. Старикъ Меллендорфъ, потерявшій по милости блокады 33,000 ливровъ дохода и ощутившій въ себѣ приступы героическихъ доблестей временъ Фридриха великаго, громилъ Англію и Россію, поддерживающую Англію: «Такъ какъ Франція всѣхъ сильнѣе, говоритъ этотъ воинъ-философъ, то не зачѣмъ тутъ больше лавировать» ¹²⁾. Гаугвицъ представилъ 12 августа записку, въ которой предлагалъ обезпечить Францію отъ Австріи съ тѣмъ, чтобы Бонапартъ обезпечилъ нейтральность Сѣверной Германіи, Луккезини сообщалъ изъ Парижа, что Франція больше чѣмъ когда-либо благоволитъ къ пруссакамъ ¹³⁾: «республиканцы, говоритъ онъ, вслѣдствіе ли своей враждебности къ послѣднимъ союзникамъ монархіи т. е. къ Австріи или по болѣе разумнымъ расчетамъ, популяризировали во Франціи мысль о союзѣ съ Пруссіей, и первый консулъ, примкнувшій къ этой мысли однимъ изъ послѣднихъ, повидимому осквернилъ ее своими секуляризаціями. — Система политическихъ соглашеній Пруссіи съ Франціей является фактомъ, открывающимъ наиболѣе надежную перспективу постоянной устойчивости, основанной на единодушномъ желаніи націи, всѣми силами стремящейся къ ней ¹⁴⁾».

¹²⁾ Докладъ Лафорэ, 2 августа 1803 г.

¹³⁾ Ranke, *Hardenberg*, т. V, стр. 111. — Документы.

¹⁴⁾ Луккезини вѣрно судилъ о прошломъ и предусматривалъ будущее. См. т. I, стр. 21: мемуары Фавье; т. II: миссіи Сегюра и Кюстина, т. III: планы союза въ 1792 г., прослѣдить эти предложенія въ 1795 г., потомъ при директоріи тт. IV и V. Извѣстно, что иллюзія продлится долго. Въ 1815 году многіе, въ томъ числѣ Прадтъ, Шатобріанъ, Паскье и др. станутъ упрекать Талейрана за то, что онъ противился прусской политикѣ. Въ 1829 Пруссія была *столпомъ* великаго замысла Польняка. Республиканцы послѣ 1830 г. утверждали, что одна Пруссія могла намъ доставить лѣвый берегъ Рейна (Louis Blanc, *Histoire de dix ans*). Въ 1848 г. они стали заискивать передъ Пруссіей, Людовикъ Наполеонъ ласкаетъ Пруссію и вводитъ ее въ Парижскій конгрессъ. Въ 1860 г. Гьеръ возобновляетъ нападки на политику Талейрана *le Consulat et l'Empire*, т. XVIII, и ослѣпленіе, правившее политикою 1865 — 1866 гг., продолжалось до 1867 (дѣло о Люксембургѣ).

Гарденбергъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку на этой запискѣ: «Все вознагражденіе, полученное Пруссіей, заключается въ ничтожныхъ и разбросанныхъ кускахъ территорій, которые, вмѣсто того, чтобы укрѣплять, только компрометируютъ ее». — Моущество Пруссіи прежде всего и сверхъ всего!... Союзъ, не имѣющій въ виду увеличенія Пруссіи — одна иллюзія... *Hinc illos lacrimae!*.. Надо стать настолько сильнымъ, чтобы всегда быть независимымъ и грознымъ даже для нашего союзника... безъ того нѣтъ спасенія! Не разрывать съ Англіей, не довѣрять Бонапарту и вступать съ нимъ въ соглашенія лишь для того, чтобы еще болѣе укрѣпиться противъ него — такъ спекулировали эти почтенные негоціанты, промышленніе союзы и торговшіе территориями; но, желая выигрывать навѣрняка, ничѣмъ не рискуя, они вездѣ видѣли соблазны и все имъ казалось пріятнѣе, почему и оставались они при своемъ колеблющемся нейтралитетѣ.

Между тѣмъ Александръ поспѣшилъ выслать Маркову проектъ всеобщаго замиренія при русскомъ посредничествѣ ¹⁵⁾ на слѣдующихъ условіяхъ: англичанамъ — Лампедуза; сардинскому королю — королевство въ Италіи; нейтрализація республикъ батавской, швейцарской, итальянской, лигурійской и іонической; гарантіи для королей Сардиніи, Этруріи, обѣихъ Сицилій и для германскихъ государствъ; очищеніе французами Ганновера, Голландіи и королевства неаполитанскаго; очищеніе англичанами батавскихъ колоній; неприкосновенность Оттоманской имперіи и созваніе генеральнаго конгресса, чтобы уладить все это. Курьеръ отправился къ Маркову въ Барезъ, а оттуда возвращался въ Бурбонъ-Аршамбо, гдѣ находился на курсѣ лѣченія Талейранъ. Талейранъ 21 августа переслалъ эти безполезные документы Бонапарту. «Было бы смѣшно, отвѣтилъ Бонапартъ, если бы этотъ проживающій на барезжскихъ водахъ проказникъ сдѣлался центромъ всѣхъ нашихъ дѣлъ. Я не такой трусъ, чтобы заключить вѣроломный миръ, который не будетъ одобренъ націей, и брошу это отнынѣ уже ни къ чему не ведущее посредничество ¹⁶⁾».

Вскорѣ Марковъ возвратился въ Парижъ. Онъ услышалъ тамъ всеобщіе толки о томъ, что Бонапартъ потребовалъ его отозванія ¹⁷⁾, и спѣшилъ убѣдиться въ ихъ достовѣрности. Получивъ приглашеніе на обѣдъ въ Тюильери, онъ отправился на предшествовавшій этому обѣду дипломатическій пріемъ. Онъ опасался быть принятымъ подобно Уайтворту. Бонапартъ обратился къ нему съ вопросами о его здоровьѣ, о его поѣздкѣ, а потомъ, когда Марковъ уже началъ успокаиваться, вдругъ перемѣнилъ тонъ и яростно набросился на него, съ лицомъ, искаженнымъ гнѣвомъ, дрожащими губами, подавленнымъ бѣшенствомъ голосомъ, и заставилъ его

¹⁵⁾ 19 іюля 1803.

¹⁶⁾ Талейрану, 23 августа 1803.

¹⁷⁾ Докладъ 30 сентября 1803.

выдержать «грозу, возможности которой, по словам Маркова, онъ въ качествѣ русскаго посла, никакъ не допускалъ». Бонапартъ дошелъ до крайности: онъ заговорилъ о Польшѣ! Маркову это все же не помѣшало обѣдать, но какъ только встали изъ за стола, онъ удалился изъ Тюильри.

Гроза миновала, и на сцену выступили официозы и политики. Одни изъ нихъ пытались смягчить послѣдствія гнѣва перваго консула, другіе старались выгородить себя изъ нехорошаго дѣла въ видахъ будущаго. Талейранъ послалъ свою жену, даму весьма способную для такихъ порученій — позавтракать вмѣстѣ съ дочкой Маркова, пятилѣтнимъ ребенкомъ, а Люсьенъ Бонапартъ заявилъ русскому послу, что онъ съ своимъ братомъ Іосифомъ сдѣлали все возможное, чтобы удержать перваго консула отъ войны, совѣтуя ему даже не настаивать на Мальтѣ. Затѣмъ Люсьенъ воздалъ Маркову хвалу за то, что онъ одинъ изъ всего дипломатическаго корпуса не гнется передъ консуломъ, «одинъ исполняетъ свой долгъ; и преслѣдованія, которымъ онъ подвергается со стороны консула и Талейрана, являются лишь величайшимъ свидѣтельствомъ уваженія къ нему»...

Такому прожженному плуту, какъ Марковъ, было чѣмъ потѣшиться насчетъ этихъ любезностей. Но не время было забавляться игрою въ пронию. Марковъ чуюлъ, что за нимъ слѣдятъ, и находился подъ страхомъ ужаснаго скандала, который разыгрался бы, если бы были обнаружены происки въ канцеляріяхъ военнаго министерства. Къ тому же, какъ человѣкъ вовсе не расположенный къ мѣрамъ насилія и предпочитающій шпионовъ рубакамъ, онъ спрашивалъ себя: ограничатся-ли Бонапартъ и Талейранъ одними оскорбленіями и полицейскими мѣрама... «Я считаю ихъ способными на самыя крайнія средства, чтобы избавиться отъ меня»... Онъ ходатайствуетъ «о своемъ избавленіи». «Смѣю просить объ одномъ, чтобы мнѣ дозволили распрощаться съ этой адской кликой»...¹⁸⁾ А что касается выбора его замѣстителя, то: «единственно ваша снисходительность ко мнѣ, говоритъ онъ, побуждаетъ васъ думать, что замѣстить меня трудно. Обязанности моего поста нисколько незатруднительны. Что касается до фактовъ, то всѣ они столь же публичны, какъ и порождающіе ихъ замыслы. А что касается до настроеній и стремленій, то высѣживать ихъ бесполезно и невозможно. Бесполезно потому, что они порождаются фантазіями и экзальтированнымъ воображеніемъ, предусмотрѣть дѣйствія которыхъ не въ состояніи никакая человѣческая мудрость. Невозможно, потому что едва замысленные они тотчасъ же приводятся въ исполненіе. Вообще же всѣ эти стремленія сводятся къ одной цѣли — надѣ всѣмъ господствовать. Люсьенъ сказалъ мнѣ, что въ этомъ братъ его походитъ на

¹⁸⁾ Докладъ 1 октября 1803.

Александра Великаго. Что же до силы и средствъ, то все это вычислено, и остается только или трепетать, или, не теряя ни одного мгновенія, принять дѣятельныя мѣры для сопротивленія».

Въ Петербургѣ умы оказались достаточно зрѣлыми для воспріятія такого мнѣнія. Однажды, когда Эдувиаль присутствовалъ на большомъ воскресномъ парадѣ, гдѣ онъ держался поодаль отъ царя, Александръ подозвалъ его: «почему вы не подойдете ко мнѣ г. Эдувиаль? Я не сдѣлаю вамъ сцены, подобной той, которую первый консулъ сдѣлалъ моему послу въ Парижѣ». Эдувиаль передалъ царю письмо Бонапарта съ жалобой на Маркова. Оно удивило Александра: «я не замѣчалъ въ поведеніи моего посла ничего несогласнаго съ данными ему инструкціямъ». Онъ отозвалъ Маркова, но съ тѣмъ же курьеромъ послалъ ему знаки ордена св. Андрея Первозваннаго во всенародное изъявленіе своего одобренія и милости. Вскорѣ были даны приказы о вооруженіи, и заговорили о сближенія съ Вѣной. «Дѣла портятся», писалъ Кочубей¹⁹⁾.

Александръ разсуждалъ, что прежде чѣмъ отвергнуть его посредничество и «рѣшиться сбросить личину», Бонапартъ, конечно, обезпечилъ себя со стороны Пруссіи. 6-го октября онъ написалъ объ этомъ Фридриху-Вильгельму, стараясь раскрыть ему глаза: «Государь, вы благопріятствуете честолюбію Бонапарта. Обезпеченный со стороны континента, онъ будетъ имѣть возможность обратить всѣ свои силы противъ Англіи. Желаю, чтобы завѣренія и обѣщанія, доставленные вамъ Г. Ломбаромъ, не оказались обманчивыми, и чтобы вамъ не пришлось раскаться въ принятой вами системѣ». Затѣмъ онъ обратился къ Австріи. Его посланецъ Анштетъ получилъ приказъ «вступить въ переговоры съ австрійскимъ правительствомъ о принятіи совмѣстно съ Россіей мѣръ противъ общаго врага». А канцлеръ Воронцовъ писалъ въ Лондонъ: «Опасность, которою Франція угрожаетъ всей Европѣ, еще болѣе скрѣпляетъ дружбу, соединяющую Россію съ Англіей»²⁰⁾. Агентъ Талейрана доложилъ ему, что царъ объявилъ наборъ по два человѣка съ пятисотъ.

Марковъ, въ ожиданіи «избавленія», занималъ свои досуги и разгонялъ свои страхи и тоску ожиданія происками, которые онъ съ большимъ усердіемъ велъ противъ консула, вмѣстѣ съ довѣренными людьми Талейрана: Шуазелемъ Гүффье, Міо и Іосифомъ. Шуазель Гүффье передавалъ ему комплименты Талейрана, касающіеся его посредничества, умѣняя дер-

¹⁹⁾ Докладъ Эдувиалю, сентябрь, 11 октября, 1 ноября; консулъ Маркову 24 октября; Александръ Бонапарту, Александръ Маркову 28 октября 1803. Письмо Кочубея 11 ноября 1803.

²⁰⁾ Канцлеръ Анштету 18 октября; Семену Воронцову 9 ноября 1800. — Мартенсъ, т. III, стр. 299; т. XI стр. 76 и слѣд.

жать себя и изящнаго стиля его нотъ. При этомъ, умывая себѣ руки по отношенію къ нотамъ своего собственнаго сочиненія, Талейранъ намекалъ Маркову, что русскій императоръ можетъ найти въ Парижѣ человѣка, способнаго понять и оцѣнить его. Марковъ очень искусно поддерживалъ у всѣхъ, и особенно у братьевъ консула, иллюзію, что *не будь* Бонапарта, и Россія и Англія были бы лучшими друзьями республики умѣренной, мирной и благоденствующей. Получивъ распоряженіе о своемъ отозваніи, онъ вручилъ его консулу, украшенный орденомъ св. Андрея, аккредитовалъ д'Убриа въ качествѣ исполняющаго должность и 18 декабря выѣхалъ изъ Париза. «Мнѣ казалось, что я убѣждалъ не изъ Франціи, а изъ Корсики, Алжира, Туниса или Марокко, до такой степени настоящее правительство Франціи напоминаетъ своимъ дѣйствіями эти варварскія страны; тамъ только и видишь, что произволъ да развращеніе нравовъ...²¹⁾». Этому государственному мужу Великой Екатерины легко было такъ говорить. Убѣжая, онъ оставлялъ послѣ себя, какъ все позволяеть подозрѣвать это, хорошо организованную развѣдочную часть, которая оказала не мало услугъ его преемникамъ во времена союза; группу *друзей Россіи*, по вліянію и энергіи почти не уступавшихъ *друзьямъ Англіи*, и секретную переписку, вѣренную имъ баденскому послу Дальбергу, уже находившемуся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Талейраномъ²²⁾.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Гексбери, бесѣдуя съ С. Воронцовымъ, высказалъ мораль и конечный смыслъ всей этой комедіи арбитража и посредничества въ слѣдующихъ словахъ: «Англія должна воспользоваться всѣми средствами, пригодными для борьбы съ Наполеономъ. Было бы грѣхомъ передъ Господомъ и стыдомъ передъ людьми и потомствомъ, если бы Англія, обладающая по милости провидѣнія силами достаточными для сопротивленія Франціи, стремящейся господствовать надъ міромъ, не употребила ихъ для ниспроверженія колосса, готоваго попить ногами угнетенную и страждущую Европу». — «Какой бы системѣ ни слѣдовала Англія, говорилъ Ростопчинъ, цѣлью ея всегда будетъ уничтожить свою единственную соперницу Францію, чтобы послѣ этого деспотически царить надъ всѣмъ міромъ»²³⁾.

²¹⁾ Докладъ Маркова, 4, 28 ноября; 27 декабря 1803.

²²⁾ VITROLES, *Mémoires*, t. 1, p. 35. — PINGAUD, *D'Antaignes*, p. 235, 292, 384, 392; 231. *Lettre de l'amie de Paris*, 6—11 decembre 1804. — *Mémoires de Pasquier*, t. 1, p. 519. — Дальбергъ имѣлъ аудіенцію 19 іюня 1803.

²³⁾ Мартенсъ, т. XI, стр. 77. — Письмо Ростопчина, августъ 1803. — *Архивъ кн. Воронцова*, т. VIII

IV.

Бонапартъ серьезно вѣрилъ въ возможность сдѣлать нашествіе на Англію: «Этотъ ровъ будетъ перейденъ, говорилъ онъ, лишь только осмѣлятся на такую попытку». — «Онъ желалъ этого всего болѣе на свѣтѣ¹⁾», заявлялъ Мармонъ, и вотъ причина того пыла, съ которымъ онъ исправляетъ, чинитъ и пытается привести въ порядокъ великую машину войны, постоянно шатающуюся и разваливающуюся зданіе союзовъ, которое должно обезпечить ему миръ на континентѣ, за все время, необходимое для того, чтобы воспользоваться туманомъ и восточнымъ вѣтромъ. Но чѣмъ выше поднимается эта постройка, тѣмъ все болѣе и болѣе трещать и разползаются ея составныя части подъ самую тяжесть требуемой отъ нихъ работы. Союзъ съ нимъ для этихъ странъ — Испаніи и особенно Голландіи — это — блокада, разореніе торговли, призы, корсары, опустошенная казна, исчерпанные доходы, усиленные контрибуціи; это вооруженіе кораблей, содержаніе на свой счетъ оккупационныхъ армій, недовольство изнеможеннаго, униженнаго и разореннаго народа; непопулярность правительства, обвиняемаго въ рабствѣ передъ иностранцами, единодушное желаніе пораженія ненавидимому союзнику и побѣды врагамъ — врагамъ-пріятелямъ! И Бонапарту нечего противопоставить этому, кромѣ утешенія, насилія, конфискацій, присоединенія и тому подобныхъ средствъ, которыя, заглушая жалобы и вынуждая повиновеніе, раздуваютъ духъ мятежа. Ему нужны союзники, чтобы побѣдить Англію и Европу, и въ то же время ему нужно побѣдить Англію и Европу для того, чтобы сохранить за собою этихъ союзниковъ. Таково основное противорѣчіе, которое лежитъ съ 1795 года въ его отношеніяхъ къ Голландіи, а съ 1796 г. въ его отношеніяхъ къ Испаніи, и оно съ теченіемъ времени все будетъ увеличиваться, такъ какъ Бонапартъ и Франція дѣйствуютъ въ силу парадокса, на основаніи котораго, чѣмъ болѣе они побѣждаютъ, тѣмъ имъ труднѣе пользоваться плодами своихъ побѣдъ.

Этотъ результатъ обнаруживается въ Испаніи²⁾, гдѣ Годой до нельзя затягивалъ всякіе переговоры; а агентъ Англіи Фреръ склопалъ на ея сторону дворъ, министровъ и сановниковъ, раздувая огонь, разсыпая деньги, обольщая обѣщаніемъ нейтралитета. У испанцевъ было одно желаніе — отмяна С. Ильдефонскаго трактата; но Бонапартъ предупредилъ ихъ, что на это не будетъ его воля. Если Карлъ IV послушается «коварныхъ внушеній людей, которые въ ненасытной жадѣ золота продали

¹⁾ Камбасересу 16 ноября 1803 г.

²⁾ LEFEBVRE, t. 1, chap. VIII. — BAUMGARTEN, t. 1, liv. 1, chap. III. — GRANDMAISON, chap. VIII. — FOMIER, t. 11, chap. I.

Англіи интересы своего государя и своей родины»; если французская эскадра, стоящая въ Короньѣ, подвергнется оскорбленію, это будетъ отомщено паденіемъ испанской монархіи»; 20,000 чел. вступятъ въ Наварру, а 15,000 въ Каталонію при тридцатипятидесяти тысячомъ резервѣ; въ октябрѣ же тамъ будетъ 100,000 чел. ³⁾ Тактика Бонапарта въ этомъ первомъ занятіи Испаніи та же самая, которая въ 1808 г. довершитъ паденіе этой монархіи, и которой въ 1806 г. онъ будетъ слѣдовать по отношенію къ Пруссіи и Неаполю. Онъ требуетъ, чтобы испанцы отдались ему со связанными руками и всѣми своими ресурсами, арміей, флотомъ, казной, угрожая, что въ случаѣ отказа или замедленія онъ потребуетъ разрушенія ихъ страны, займетъ ее войсками, обезславитъ испанцевъ безпощадными обличеніями, повергнетъ ихъ въ прахъ, безпомощныхъ униженныхъ, опозоренныхъ, поразитъ ихъ политической смертью, изгнаніями, лишеніемъ свободы.

Въ своемъ письмѣ къ Карлу IV отъ 18 сентября онъ указываетъ ему на уничтоженіе его короны, на поведеніе «князя Мира», который любитъ выставять своего короля передъ иностранными правительствами чѣмъ-то въ родѣ развѣчаннаго государя». Онъ требуетъ удаленія Годоя, распущенія милицій, враждебныхъ Франціи, открытія для французскаго флота Ферроля, войны съ Англіей или ежемѣсячной уплаты по шести милліоновъ. и даетъ восьмидневный срокъ для отвѣта. 2-го октября Годой, узнавъ объ этомъ письмѣ и ультиматумѣ, принимается за свои обычные увертки, оговорки, оттяжки и, истощивъ всѣ эти средства, 7-го сент. соглашается на все съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ отказаться ото всего. Бернонвиль, до сихъ поръ старавшійся быть безупречно вѣжливымъ, сердится и, воздавъ волю своимъ обычнымъ солдатскимъ пріемамъ, принимается разговаривать съ Годосомъ по-своему. Онъ обходится съ нимъ какъ равный съ равнымъ, какъ бывший унтеръ-офицеръ съ такимъ же унтеръ-офицеромъ, какъ удалецъ французской казармы съ хидальго казармы мадридской. Будущій маркизъ напираетъ на новоиспеченнаго князя, поноситъ его, доводитъ его до изнеможенія и уходитъ, не простившись съ нимъ. Онъ требуетъ аудіенціи у короля для врученія ему ужаснаго письма и получаетъ ее на утро 11-го окт. Комедія принимаетъ оборотъ трагическій, но испанская сцена богата самыми неожиданными превращеніями, и развязка совершается въ духѣ Фигаро. Годой забѣгаетъ впередъ и, условившись заранѣе съ королевой, преподаетъ Карлу IV слѣдующій совѣтъ: «Если ваше величество прочтете письмо перваго консула, то вамъ придется или отказаться исполнить его требо-

³⁾ Приказы Талейрану 14, 16, 18, авг. 1803. О письмѣ 14 авг. см. Fournier, *zur Textkritik*.

ванія—и значить погубить Испанію, или согласиться на нихъ и—унизить вашу корону. Государь, примите это письмо, но не читайте его».

11 октября Бернонвиль явился на аудіенцію въ парадной формѣ и былъ принятъ съ обычнымъ для торжественныхъ аудіенцій церемоніаломъ. Королева стояла рядомъ съ королемъ. Карлъ IV принимаетъ письмо и, не развертывая его, произноситъ слѣдующія слова, сопровождая ихъ тѣмъ величественнымъ и почти внушительнымъ своимъ логическимъ равнодушіемъ жестомъ, которымъ отличаются въ такія минуты Бурбоны, даже изъ самыхъ выродившихся: «Скажите первому консулу, что я люблю Францію гораздо больше Англіи и дамъ все, что буду имѣть возможность дать;...но я не согласенъ на удаленіе Эммануэля (т. е. Годоя), потому что нельзя отъ меня требовать, чтобы я пересталъ любить человека, который ведетъ себя хорошо и въ обществѣ котораго я чувствую потребность».

Годой спасенъ, но Испанія должна расплачиваться за это: 19-го октября въ Парижѣ была подписана конвенція, которой она обязалась внести по шести милліоновъ франковъ въ мѣсяцъ и открыть свои порты французскимъ кораблямъ. Это значило платить за то, чтобы не быть нейтральной и, желая развязать себѣ руки, еще крѣпче связывать себѣ ихъ. Бонапартъ дополнилъ это соглашеніе другимъ, заключеннымъ 19-го октября съ Португаліей, условія котораго слѣдующія: 16 милліоновъ франковъ; нейтралитетъ, выгодныя преимущества для французской торговли. Изъ Генуи онъ извлекъ 6,000 матросовъ, а изъ итальянской республики отъ пяти до шести тысячъ солдатъ и деньги. Онъ угрожаетъ неаполитанскому двору: «Напишите Алькье, говоритъ онъ, что въ Италіи у меня войска больше, чѣмъ надо для того, чтобы покорить ее всю... Особо же важно то, чтобы не снабжали оружіемъ калабрійскихъ крестьянъ, и, если неаполитанскій король не обратитъ на это вниманіе, ему придется лишиться Неаполя» ⁴⁾. Нельзя отказать Бонапарту въ вѣрности взгляда, такъ какъ изъ Калабріи-то именно и вышелъ въ 1799 г. этотъ «потокъ революцій», который выгналъ французовъ изъ Италіи, и тамъ же должна была вспыхнуть та крестьянская война противъ Франціи, которая распространилась на Тироль, Испанію, подрывала основу грознаго зданія союзовъ, наносила ему раны въ ноги — самыя опасныя изъ всѣхъ.

Онъ продолжаетъ свою игру съ Пруссіей, и 27-го ноября, задержавъ послѣ вечерняго бала у г-жи Бонапартъ Луккезини, проводитъ часть ночи въ разговорѣ съ нимъ ⁵⁾: «Чего хочетъ Пруссія? Нейтралитета Гер-

⁴⁾ Талейрану, 8 ноября 1803.

⁵⁾ Донесенія Луккезини, 30 ноября; Талейранъ къ Лафоре, 30 ноября 1803.

мані: онъ былъ бы гибелемъ для Франціи». Французы должны идти по дорогѣ, ведущей отъ Страсбурга въ Вѣну, чтобы принудить Австрію къ миру, и эту-то дорогу вы хотите заградить намъ, лишивъ насъ нашихъ естественныхъ союзниковъ: Бадена, Виртемберга и Баварии...» ... «Но такъ какъ Франція никому ничѣмъ не обязана, то надо имѣть въ виду, что она не пощадитъ и Пруссію, какъ и всякое другое государство». Наоборотъ, союзъ съ Франціей обѣщаетъ Пруссіи всякія выгоды: «Полученныя Пруссіей вознагражденія меня не удовлетворили. Мнѣ хотѣлось, чтобы она получила однимъ милліономъ душъ больше, но ваши друзья-русскіе и ваша соперница Австрія воспротивились этому...» Въ заключеніе Бонапартъ предлагаетъ Пруссіи: искренній союзъ, который обезпечилъ бы Францію отъ нападеній русскихъ и австрійцевъ въ Италиі и Германіи и предоставилъ бы Пруссіи выгоды, соотвѣтственныя его услугамъ, которыя были-бы ею оказаны.

Но съ Пруссіей ему никогда не удастся столкнуться. Подобно комитету общественнаго спасенія и директоріи, онъ охотно соглашается уступить Пруссію для того, чтобы обратить ее въ свой авангардъ противъ Россіи, въ своего союзника противъ Австріи, въ крыло своей арміи, въ сторонника своей таможенной системы и въ свою береговую стражу противъ Англіи; если Пруссія отдастся ему, если она заключитъ съ нимъ «союзъ ясный, полный и крѣпкій, такой союзъ, одно оглашеніе котораго послужило бы для континентальной Европы залогомъ устойчивости и утвержденія *status proesens'a*, составляющихъ ее партій, то «онъ сдѣлаетъ изъ нея первостепенную державу, объявитъ себя за партію протестантовъ, обезпечитъ имъ преобладаніе, рѣшитъ судьбу Ганновера сообща съ Пруссіей и даже секретнымъ пунктомъ договора пообѣщаетъ отдать ей эту страну; мало того, въ случаѣ вакантности императорскаго престола, онъ расположенъ оказать свое вліяніе на избирателей, дабы... имперская корона была возложена на голову короля Пруссіи»; при этомъ въ засвидѣтельство искренности своихъ измѣненій онъ готовъ вывести свои войска изъ устьевъ Эльбы и Везера, но для этого Пруссія должна предварительно заключить съ нимъ союзъ и обезпечить его со стороны Италиі⁶⁾.

Что же касается прусскаго короля, то онъ, наоборотъ, желалъ бы, чтобы Бонапартъ началъ съ эвакуаціи. Онъ совсѣмъ не хочетъ быть въ Германіи вице-королемъ французской республики, проконсуломъ Бонапарта; ему хотѣлось бы утвердить въ ней свое верховенство въ награду за благодѣянія нейтралитета, обезпеченнаго имъ нѣмцамъ, сдѣлаться

⁶⁾ Денеша къ Луккезини и проектъ трактата, 15, 17 декабря 1803.—Докладъ Луккезини, 30 декабря. Докладъ Лафорэ, 30 декабря 1803, 21 января 1804. Докладъ Луккезини, 4 февраля 1804. BAILLEU.

вице-императоромъ или, по крайней мѣрѣ, викаріемъ имперіи и ея протекторомъ противъ Франціи, получивъ въ то же время утвержденіе со стороны государей Германіи всѣхъ приращеній, сдѣланныхъ имъ своему государству въ ущербъ имперіи. Въ крайнемъ случаѣ онъ согласенъ на ничто въ родѣ союза, но безъ всякихъ обязательствъ и въ особенности безъ самаго этого слова. Оно-то, это слово, заявлялъ Гаугвицъ, всего болѣе смущаетъ короля. Бонапартъ заключилъ, что король чувствуетъ себя несвободнымъ со стороны Россіи, и онъ былъ правъ. 21-го февраля Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ царю слѣдующее: «Я почти совсѣмъ утратилъ надежду сговориться съ первымъ консуломъ... До какой степени могу я, государь, рассчитывать на вашу помощь и содѣйствіе вашихъ союзниковъ?.. Я положусь на одно ваше слово больше, чѣмъ на всѣ торжественныя обѣщанія трактатовъ, и буду спокоенъ на счетъ судьбы Пруссіи, какъ только Россія соединитъ съ ней свои собственныя». Не отдаваясь еще вполне, пруссаки уже тяготѣли къ Россіи; они все болѣе удаляются отъ Франціи и все болѣе и болѣе приближаются къ Россіи,—попытка прусскаго союза не удалась Бонапарту, какъ и всѣ прочія его десятилѣтнія попытки этого рода.

Но Пруссію не любятъ, и не боятся, а потому и не уважаютъ. Сила вліянія перешла къ Бонапарту. Германія еще безмолвна: вся жизнь ея сосредоточена въ области мышленія, литературы, поэзіи, музыки и философіи. Ея пытающійся пробудиться патріотизмъ находится на ступени археологизма, анахронизма; онъ живетъ и сознаетъ себя только въ прошломъ. Бонапартъ, довершая внѣшнее дѣло революціи, уничтожаетъ границы, засыпаетъ рвы, разрушаетъ крѣпости и стѣны, устраняетъ препятствія къ единенію народовъ; онъ даетъ народамъ возможность матеріальнаго сближенія, а ученые и мыслители создаютъ имъ общую душу, которая дастъ имъ возможность сближенія моральнаго. Но это дѣло будущаго; завоеватель расчищаетъ и вспахиваетъ почву, а мыслители, поэты и художники обѣмняютъ ее. Въ Германію ѣздитъ для того, чтобы научиться мыслить вмѣстѣ съ Кантомъ и Гердеромъ; наслаждаться романтической поэзіей вмѣстѣ съ Гете и Шиллеромъ; послушать Бетховена и его поэмы базъ словъ, уносящія душу далеко за грани того міра, гдѣ пресмыкаются дипломаты, для того, чтобы «лицезрѣть великихъ геніевъ», обновить свой умъ, освѣжить кровь на вольномъ воздухѣ мысли, подѣ впечатлѣніями великихъ контрастовъ. Всѣ тоскующіе объ утраченной свободѣ, объ исчезнувшей прекрасной утопіи 89 г. и угнетаемые образомъ возникающей имперіи Галловъ, отправляются туда, чтобы увидѣть живую ту *Германію*, которую послѣдніе республиканцы Рима могли посѣщать только воображеніемъ въ книгахъ Тацита. Эта Германія почер-

пасть свою прелесть изъ самой своей политической слабости и подчиненности. Народы опечаленные, царство которыхъ уже не отъ міра сего, находятъ себѣ утѣшеніе въ идеалѣ. За поимкомъ его и отправляется г-жа Сталь въ Германію, страну, которая ищетъ величія только въ разумѣ, гдѣ нѣтъ ни разукрашенныхъ воиновъ, ни кирасъ, ни пушекъ, ни римлянъ, ни эгоизма государственныхъ соображеній, но крайней мѣрѣ въ сферахъ интеллектуальныхъ.

За то въ сферахъ нравительственныхъ эти государственныя соображенія царятъ властно и безраздѣльно. Вся цѣль государей увеличивать территорию и силу государства: пріобрѣтать, округляться, получать земли изъ рукъ Франціи и управлять на французскій манеръ—таковы ихъ заботы. Они законодательствуютъ, регламентируютъ, облагаютъ налогами, устраиваютъ арміи, подражая во всемъ этомъ Бонапарту, подобно тому, какъ въ продолженіе семнадцатаго вѣка они воздвигали дворцы, разорялись на постройки и разыгрывали роль абсолютныхъ монарховъ въ подражаніе Людовику XIV. Это весенняя пора французскаго верховенства. Отъ Франціи можно еще много получить, а именно: всѣ сеньоріальныя земли, земли рыцарскія и имперскаго дворянства ⁷⁾; обширныя пространства Швабіи и Франконіи кишатъ сеньоріями. Баварцы, вюртембергцы, гессенцы, баденцы и саксонцы горятъ желаніемъ довершить дѣло «вѣка просвѣщенія» и вдохновляются разомъ примѣрами королей Франціи и идеями французской революціи, подражая Бонапарту, который является въ ихъ глазахъ полнымъ выразителемъ стараго и новаго порядка. Овладевъ церковными землями, они жаждутъ поглощенія государствомъ безчисленныхъ графствъ, бароній и сеньоріальныхъ владѣній, посредствомъ обращенія почти самодержавныхъ сеньоровъ въ подданныхъ: послѣ *секуляризаціи* принимаются за *медіатизацію*.

Баварскій курфюрстъ первый открываетъ кампанію: онъ овладѣваетъ вкрапленными въ его государство имперскими сеньоріями, прекращаетъ дѣйствіе сеньоріальнаго суда и присваиваетъ доходы ⁸⁾. Но это наноситъ большой ущербъ интересамъ Австріи, такъ какъ имперскіе дворяне были ея кліентами. Послѣдніе апеллировали въ имперскій судъ; императоръ оказалъ имъ поддержку и въ свою очередь занялъ своими войсками сеньоріи Баваріи и Вюртемберга. Затѣмъ, такъ какъ въ дѣлахъ государственныхъ юстиція всегда идетъ по слѣдамъ любостыжанія, австрійскія

⁷⁾ Т. е. земли графовъ, бароновъ и членовъ рыцарскаго ордена, зависѣвшихъ непосредственно отъ имперіи.

⁸⁾ Lefebvre, t. I, p. 337 et suiv.—Häusser, t. II, p. 480 et suiv.—Ranke, t. I, p. 492 et suiv.

войска наводняютъ Тироль, угрожая съ одной стороны Баваріи, а съ другой итальянской республикѣ.

Бонапартъ заявилъ вѣнскому правительству, что 40,000 французовъ вступятъ въ Германію, если Австрія не отмѣнитъ принятія ею мѣры и не отзоветъ своихъ войскъ. Вѣнскій дворъ оробѣлъ, естествомъ и сталъ изворачиваться ⁹⁾. Силы его поправлялись очень медленно, несмотря на всѣ его богатые ресурсы въ народахъ и въ ихъ безпрекословномъ послушаніи, а его финансы, съ ихъ упавшими въ кредитъ бумажными деньгами были позоромъ государства. Чтобы дѣйствовать, ему нужны были деньги, которые могъ дать только Лондонъ и союзникъ, котораго онъ могъ найти только въ Петербургѣ. И вотъ въ погонѣ за тѣмъ и другимъ среди австрійской аристократіи образовались двѣ партіи — англійская и русская, которыя сообща вели интриги и втихомолку толкали къ войнѣ. Англоманы сплотились вокругъ бывшаго русскаго посла Панина, который, проживая въ Вѣнѣ, разглашествовалъ тамъ противъ Люневильскаго мира и проповѣдывалъ войну; а партизаны Россіи собирались у посланника Александра Разумовскаго и у посѣщаемыхъ имъ русскихъ и польскихъ великосвѣтскихъ дамъ. Англійскій посолъ сэръ Пажэ вступилъ въ сношеніе съ этими кружками, гдѣ онъ встрѣчалъ шведскаго генерала Армфельда, преданнаго Густаву IV агента, челоуѣка пылаго, искренняго и умнаго; агента орлеанскихъ принцевъ Фроберга; французскихъ эмигрантовъ, роялистовъ, работавшихъ въ пользу претендента и между прочими Поццо ди Борго и разныхъ швейцарцевъ и нѣмцевъ, людей безъ отечества и національнаго духа. Фридрихъ Гентцъ, отъявленный англоманъ и корреспондентъ Гаммонда ¹⁰⁾, былъ душою этого маленькаго безпокойнаго мірка, видѣвшаго спасеніе лишь въ коалиціи Англіи и всего континента противъ Франціи. Д'Антрэгъ держалъ на чеку свои глаза, уши и руки, чтобы знать обо всемъ, что тамъ говорится и дѣлается и при случаѣ выкрадывать государственныя бумаги. Іоганнъ Мюллеръ, замѣчательный историкъ и извѣстный писатель, но челоуѣкъ продажный, низкій, безнравственный «грекъ въ дѣлѣ любви», по собственному его циническому признанію, былъ съ нимъ въ перепискѣ; онъ доносилъ французскому посланнику Шампини на австрійцевъ, австрійцамъ на французовъ и посредствомъ д'Антрэга—русскимъ на всѣхъ ¹¹⁾. Бонапартъ не столь хорошо былъ освѣдомленъ посредствомъ Шампини объ этомъ очагѣ интригъ, какъ, помимо его вѣдома, посредствомъ того-

⁹⁾ Fournier, *Napoléon*, t. II, p. 55.—Beer, p. 40. Fournier, *Gentz und Co-beuzl*, p. 50, 103 et. suiv.—Penthes, t. II, liv. V, chap. 1.

¹⁰⁾ Письма опубликованныя Стерномъ.

¹¹⁾ Pingaud, 2 edition, chap. V, paragraphe 3.

же Шампаньи были осведомляемы русскіе о намѣреніяхъ Бонапарта и тайныхъ слабостяхъ его правительства. Но первый консулъ зналъ достаточно для того, чтобы не спускать съ Австріи глазъ, будучи, впрочемъ, убѣжденъ, что безъ Россіи она ни на что не отважится. Въ это-то время предложеніе союза съ Россіей и было получено Австріей.

V.

«Въ концѣ 1803 г. мы, говорится въ одной русской нотѣ 1805 г., предложили Австріи согласиться съ нами относительно мѣръ для противодѣйствія Франціи, но нашли въ ней лишь одни признаки безсилія и уклончивости»¹⁾. Бонапартъ, внушая ей русскіе, не можетъ остановиться на наклонной плоскости, по которой онъ катится; сила вещей заставляетъ его подвигаться впередъ, пока онъ не наткнется на непреодолимое препятствіе: Россія предложила выставить 90,000 человекъ съ 80,000-мъ резервомъ. При этомъ она не забыла и существенной статьи о вознагражденіяхъ, предлагая получить ихъ на счетъ республикъ Италіи, гдѣ сардинскій король снова обратится въ «охранителя Альпъ»²⁾. Австрійцы потребовали времени на размышленіе. — «Всѣ эти народы, конечно, утомлены французскимъ игомъ, говорилъ Кобенцль, но безъ музыки они все-таки плясать не станутъ»... «Мы стоимъ у самого жерла пушекъ, и будемъ уничтожены прежде, чѣмъ вы успѣете прійти къ намъ на помощь». Тѣмъ не менѣе они стали приготовляться: къ началу 1804 г. они наберутъ 385,000 чел.³⁾; но при малѣйшей угрозы со стороны Бонапарта эти рекруты будутъ тотчасъ-же распущены съ тѣмъ, чтобы немедленно снова собраться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Австрійцы усиленно угодничали передъ Бонапартомъ, отказывали въ выдачѣ паспорта г-жѣ Сталь, сочиняли по старымъ образцамъ депеши, назначенныя для чернаго парижскаго кабинета⁴⁾. А Шампаньи, полагаясь въ простотѣ души, на ихъ льстивыя рѣчи, писалъ въ концѣ 1803 г.: «Императоръ Францъ и его министры, полные непререкаемаго благоговѣнія къ особѣ перваго консула, согласны предоставить ему скиптръ міра, лишь бы онъ соблагволилъ пощадить монархію и даровать ей свою дружбу».

Въ то-же время графъ Климентъ Меттернихъ водворился въ Берлинъ въ качествѣ австрійскаго посла. Совершенно враждебный Пруссіи, презирающій пруссаковъ, ихъ монархію и ихъ дворъ, но еще болѣе враждебный Франціи, онъ вѣрилъ въ войну и старался привлечь къ ней Пруссію, осла-

¹⁾ Мартенсъ, т. II, стр. 399 и слѣд. — Трачевскій, т. II и III.

²⁾ Воронцовъ Анштетту, 30 Дек. 1803 г.; нота Воронцова, 1 Янв. 1804.

³⁾ Донесеніе Анштетта, 16 Ноября 1803; Разумовскаго, 22 Марта 1804.

⁴⁾ Кобенцль Коллоредо 21 дек. 1803 г. — Fournier, *Gentz und Cobenzl*.

бивъ ее въ то-же время въ Германіи и лишивъ кредита въ Россіи, словомъ, обративъ ее въ простого прислужника обѣихъ имперій⁵⁾. Надо принудить ее дѣйствовать. Россія убѣждена въ этомъ, и Анштеттъ прямо заявляетъ Кобенцлю: «Никакіе родетвенные и всякіе другіе связи не помѣшаютъ Россіи признать, что наши арміи, вступивши въ Германію, должны будутъ дѣйствовать тамъ, по образцу французовъ, т. е. существовать на средства страны и употреблять насиліе для привлеченія всѣхъ на нашу сторону. И это особенно по отношенію къ королю Пруссіи... Не надо вступать въ переговоры съ Берлиномъ и даже ни о чемъ не предупреждать его заранее; но въ моментъ, когда русскіе войска готовы будутъ нагрянуть на его страну, надо поставить его въ альтернативу или присоединиться къ двумъ императорскимъ дворамъ, или отойти къ Франціи, не допуская нейтралитета⁶⁾».

Планы, вырабатываемые въ Петербургѣ зимою 1803—1804 г., череваты будущимъ: русская политика обрисовывается въ своихъ главныхъ замыслахъ и руководящихъ линіяхъ. Мысль, объединяющая всѣ отдѣльныя части ея, повидимому, принадлежитъ Чарторыжскому. Онъ будетъ всемогущъ, писалъ о немъ де-Местръ, отзывающійся о немъ какъ о «непосредственной и довольно противной личности»⁷⁾. Помощникъ министра иностранныхъ дѣлъ сначала, исправляющій должность министра съ февраля 1804 г., Чарторыжскій является повѣреннымъ государственныхъ тайнъ, поборникомъ и инициаторомъ тайственныхъ замысловъ. Онъ получаетъ корреспонденцію д'Антрэга и управляетъ движеніями «машинъ», воздвигнутой парижскими *друзьями*⁸⁾. Онъ внушаетъ грандіозныя химеры и приводитъ въ дѣйствіе практическія предпріятія. Это человекъ, спекулирующій въ идеальной области и дѣйствующій въ реальной⁹⁾. «Я твердо вѣрилъ, заявилъ Чарторыжскій, что мнѣ удастся согласовать русскія стремленія съ великодушными идеями, обративъ такимъ образомъ на благо человечества жажду славы и верховенства, испытываемую русскими. Мнѣ хотѣлось, чтобы Александръ сталъ орудіемъ мира и для цивилизованныхъ націй, покровителемъ слабыхъ и угнетенныхъ, охранителемъ справедливости въ международныхъ отношеніяхъ, чтобы, наконецъ,

⁵⁾ См. его инструкціи. — Fournier, *Gentz und Cobenzl*, 5 ноября 1803. — Онскен, т. II, стр. 167. *Мемуары Меттерниха*, т. I, стр. 37.

⁶⁾ Кобенцль къ Коллоредо, 24 янв. 1804 г. — См. слѣдующее за симъ выполнение этого плана въ 1805 г., стр. 443.

⁷⁾ 29 сент. 1803 г. — *Memoires et correspondance* par Charles Blanc.

⁸⁾ Rigaud, p. 229, 395, 411, 413.

⁹⁾ Мемуары Чарторыжскаго, т. I, гл. XI. — Онскен, т. II, стр. 144, 155 et suiv.

съ царствованіемъ его началась новая эра европейской политики, отнынѣ основанной на общемъ благѣ и правѣ каждаго». Эта система логически приводила его къ возстановленію Польши. Но въ своемъ прекрасномъ изложеніи этой системы онъ поостерегся упомянуть въ ней имя Польши: онъ, такъ сказать, растворялъ послѣднюю въ общей политикѣ Россіи на Востокѣ. Ясно же и опредѣленно онъ говорилъ лишь о «постепенной эманципаци» народовъ, несправедливо лишенныхъ своего политическаго существованія — грековъ и *славянъ*, поработенныхъ турками. Система предполагала слѣдующія четыре условія: неизбѣжную войну съ Франціей; необходимый союзъ съ Англіей; желательное соглашеніе съ Австріей и вѣроятную вражду къ Пруссіи. Эта послѣдняя гипотеза, тягостная для «сердца» Александра, оказывала, однако, весьма существенное содѣйствіе видамъ Чарторыйскаго на Польшу, значительной частью которой и особенно ея столицей владѣла Пруссія. Въ основу будущаго преобразованія Европы была положена идея — независимости государствъ и концентраціи территорій. При образованіи этихъ государствъ слѣдовало «придерживаться естественныхъ границъ, которыя сама природа обозначила то горными хребтами, то морями, то рынками»... имѣя при этомъ въ виду «однородность ихъ населенія». При этомъ Чарторыйскій совѣтъ не имѣлъ въ виду признать за Франціей «естественныя границы» въ томъ видѣ, какъ онѣ были опредѣлены Конвентомъ. Онъ находилъ старую Францію достаточно однородной и видѣлъ въ Пиренеяхъ, Альпахъ и Рейнѣ до Лафтера пограничныя черты, сообразныя съ интересами Европы.

Чарторыйскій представилъ эти планы на разсмотрѣніе своихъ сотоварищей-министровъ. Они, говоритъ онъ, выслушали благосклонно все, что касалось до эманципации грековъ, турецкихъ славянъ, расширенія Россіи и ея преобладанія въ мірѣ; но когда рѣчь зашла объ обязанностяхъ, уваженіи къ чужому праву, обузданіи властолюбія каждаго и о покровительствѣ слабымъ, то «я замѣтилъ, что одобренія съ ихъ стороны становились рѣже, холоднѣе и сдержаниѣе». Въ томъ видѣ, какъ эта система была въ тотъ день принята, она была выражена въ статьяхъ трактата въ 1805, 1807, 1813 г. и воспреобладала въ 1814 г. Этотъ планъ, справедливо говоритъ государственный мужъ, бывший его авторомъ, содержалъ пункты, которые были воспроизводимы всякій разъ какъ заходилъ вопросъ о передѣлѣ карты Европы. Въ Германіи, Нидерландахъ и въ Италіи, нѣсколько разъ, возвращались къ этимъ идеямъ. Будучи въ природѣ вещей, онѣ, естественнымъ образомъ, должны были повторяться».

Въ то же самое время Питтъ, еще находящійся въ оппозиціи, но уже приготавливаційся снова вступитъ во власть, устанавливаетъ свои виды. По

отношенію къ Франціи они совершенно согласны съ петербургскими. Онъ набросалъ ихъ на бумагу въ послѣдніе мѣсяцы 1803 г.¹⁰⁾: надо объединить неаполитанцевъ, высадить въ Италію 15,000 англичанъ и столько же русскихъ; поднять возстаніе въ Албаніи, набирать полки изъ волонтеровъ; двинуть въ сѣверную часть полуострова 60,000 русскихъ; въ сѣверную Германію 40,000 русскихъ, корпусъ ганноверцевъ, шведскую армію и англійскую дивизію; идти походомъ на Нидерланды. Что же касается до вознагражденій, то онѣ будутъ распределены согласно съ условіями устойчивости будущаго строя Европы по усердію каждаго изъ союзниковъ. Пруссія, въ то время нейтральная, не получитъ ничего, кромѣ территорій на лѣвомъ берегу Рейна, нѣкогда уступленныхъ ею Франціи; Австрія, — какъ не участвовавшая въ войнѣ, — удовольствуется округленіемъ своихъ границъ со стороны Италіи и Германіи; король Сардиніи будетъ возстановленъ на престолѣ, и его государство увеличено; то же относительно Швейцаріи и Голландіи; Германія сплотится въ конфедерацію болѣе тѣсную, чѣмъ прежде.

Вотъ что думали въ мартѣ 1804 г. Россія и Англія, и вотъ какова была цѣль ихъ союза. Онѣ уже вели тайные переговоры другъ съ другомъ, какъ вдругъ произошелъ одинъ изъ тѣхъ трагическихъ инцидентовъ, которые разомъ привлекаютъ вниманіе зрителя, всецѣло сосредоточивая его на себѣ, потому что они внезапно обращаютъ исторію въ драму, опрокидывая все ея обычныя перспективы. Этотъ инцидентъ, ужасъ котораго не можетъ быть смягченъ, но политическое значеніе котораго было слишкомъ преувеличено, далъ противникамъ Бонапарта и Франціи возможность объявить, во имя благородныхъ побужденій справедливости и права, проекты уже заранѣе замысленные, но еще не заявленные ими; онъ позволилъ имъ свалить на Бонапарта, болѣе чѣмъ когда либо отождествляемаго съ революціей, ужасы войны, которой они желали не только для того, чтобы обуздать честолюбіе копеула и ограничить могущество республики, но и для того чтобы отбросить Францію въ ея границы Утрехтскаго мира и приковать ее къ нимъ.

VI.

Идея общественнаго спасенія господствовала въ канцеляріяхъ. Все думали, что зло заключается цѣлкомъ въ одномъ Бонапартѣ и вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ: «Я вижу, говорилъ Питтъ, все великія и малыя страсти, пагубныя для свободы, сосредоточенными въ груди одного един-

¹⁰⁾ СТАНБОРЕ, т. IV, р. 223—224. Воен. Министерство. Бумага помѣчена 1803 г. Отд. Германія, бумага помѣчена 1803 г.

ственного человека» ¹⁾). И вот стараются вырвать зло съ корнемъ: для этого остается облегчить совершение судебъ, а не то, такъ вступать въ соглашеніе съ убійцами — (прямо объ убійствахъ въ англійскомъ министерствѣ не было рѣчи) — поспособствовать «счастливой случайности», которая довела бы Францію до крайности и загѣмъ однимъ щелчкомъ обратить въ прахъ глинянаго колосса. Жоржъ, котораго въ послѣднее время не хотѣли слушать, 1 июня 1803 г. появляется снова на сценѣ, предлагая услуги свои и своихъ приспѣшниковъ; эти авантюристы, подобно знаменитому шуану, не выдаютъ своихъ заднихъ мыслей и не требуютъ предварительнаго одобренія своихъ намѣреній; они рекомендуются зачинщиками гражданскихъ войнъ, вольными стрѣлками политики; а имѣть на своемъ изживеніи и такого рода помощниковъ всегда считалось хорошимъ. Это будетъ война посредствомъ революціи. «Нѣтъ сомнѣнія, писалъ въ послѣдствіи *парижскій другъ*, что если бы штука удалась и пожелали бы имѣть короля, то дѣло было бы удобоисполнимо; но главная цѣль Англіи была не эта *штука*, а желаніе избавиться отъ Бонапарта и договариваться о мирѣ съ новымъ правительствомъ, не стѣсняя его въ установленіи желательныхъ для него порядковъ ²⁾).

Съ 31 августа 1803 г. Жоржъ находится въ Парижѣ. Онъ взялся напасть на перваго консула по дорогѣ въ Мальмезонъ, похитить его и перевоза похищеннаго отъ одного убѣжища къ другому, доставить его къ берегу, у котораго крейсируютъ англійскіе корабли. Графъ д'Артуа, извѣщенный объ этомъ намѣреніи, одобрилъ его. Онъ даже обѣщалъ заговорщикамъ послать къ нимъ, когда дѣло ихъ достаточно созрѣетъ, своего сына—герцога Беррійскаго. Присутствіемъ этого принца крови западня, дѣйствіемъ королевской благодати, обратиться въ единоборство, а убійство въ политическій актъ ³⁾). Всѣ эти люди по состоянію духа напоминали тогда Палена или Панина наканунѣ смерти Павла, и не было между ними недостатка и въ Беннигсенѣ для нанесенія удара. Тѣ тоже не говорили другъ другу, чѣмъ должно кончиться дѣло, а только заставляли его отказаться отъ престола, но Павелъ вынудилъ ихъ сдѣлать то, чего они не желали. То же было бы и съ Бонапартомъ: если бы онъ вздумалъ сопротивляться, то нападающіе сочли бы себя въ положеніи дозволенной закономъ самозащиты.

¹⁾ PINGAUD, p. 314.—STANHOPE, t. IV, p. 224.

²⁾ Письмо отъ 14 февр. 1804 г. Папика въ 1803 г.; главный ударъ въ 1800 г. См. выше.

³⁾ Рассказываютъ, что когда герцогъ Орлеанскій въ разговорѣ съ Людовикомъ XVIII завелъ рѣчь объ убійствѣ герцога Гиза, тотъ остановилъ его словами: говорите не *убійство*, а *умерщвленіе*, мой кузень.

Роялистскіе агенты были единодушны въ своемъ мнѣніи о томъ, что Франція ожидаетъ только сигнала для своего освобожденія: но кто же подастъ этотъ сигналъ? Тутъ нуженъ какой нибудь генералъ. Но какой же? Указывали на всегда фрондирующаго Массену, на Сюше, имя котораго д'Антрэ въ вѣсткахъ въ свои интриги; но они уклонялись при первомъ же подходѣ къ нимъ съ такими предложеніями. Непзмѣнно осторожный Бернадотъ отказался, предпочитая ожидать завтрашняго дня, какъ во время брюмера. Болѣе всѣхъ на виду былъ Моро, и его считали самымъ доступнымъ ⁴⁾).

Опала Моро, очень впрочемъ, позлащенная, и его расчетливое уединеніе возвеличивали его по контрасту съ Бонапартомъ; чѣмъ болѣе консулъ овладевалъ властью и пользовался ею, тѣмъ болѣе Моро становился популярнымъ за то, что не гонялся за нею. «Защитникъ народовъ, другъ солдатъ, сочетавшій военную славу съ скромностью и честностью съ прямою, Моро былъ любимцемъ французской буржуазіи, съ гордостью узнававшей въ немъ бывшаго студента права, который, опоясавшись рыцарскимъ мечомъ, побѣждалъ эрцгерцоговъ» ⁵⁾)... Люди съ характеромъ нерѣшительнымъ и коварнымъ, всегда и всюду стоящіе въ оппозиціи, обыкновенно имѣютъ свойство возбуждать всевозможныя ожиданія и надежды. И вотъ Моро скоро сталъ человѣкомъ необходимымъ для всѣхъ партій; всякій приписывалъ ему свои собственные намѣренія: одни подозревали его въ желаніи возстановить конституцію III-го года, другіе въ стремленіи возстановить монархію. Даже самъ Наполеонъ, ставя себя въ положеніе Моро и ретроспективно конспирируя противъ самого себя, создалъ изъ этого фантома заговорщика подобнаго себѣ, т. е. по образцу Рима, Италіи и времени Возрожденія ⁶⁾).

Руководителемъ заговора былъ Пишегрю. Онъ беретъ возстановить Бурбоновъ съ помощью Моро и коалиціи противъ Бонапарта всѣхъ недовольныхъ въ арміи. Это предпріятіе нельзя назвать невозможнымъ, судя по тому, что оно въ 1814 г. осуществилось; но пока ему предстояло испытать пораженіе. Нѣкто Давидъ, аббатъ, ставшій потомъ медикомъ, а за тѣмъ адвокатомъ, вздорный и беспокойнаго характера человѣкъ, беретъ сблизить Пишегрю съ Моро. Явившись во Францію, онъ увѣряетъ, что Моро склоняется къ проектамъ Пишегрю, по крайней мѣрѣ во всемъ,

⁴⁾ См. FAUCIEL, *les Derniers jours du Consulat*. Эта хроника очень распространенной литературы относится благосклонно къ Моро.

⁵⁾ *Mémoires de madame de Chastenay*, t. II, p. 474.

⁶⁾ См. *le Journal de Gourgand*, t. I, p. 39, 399. Нѣтъ ничего своеобразнѣе этого сочиненнаго заново Наполеономъ заговора.—*Revue historique*, 1901, p. 262 и слѣд. Etude de Gaudrilier.

что касается низверженія Бонапарта. Пишгрю сообщает свои виды англичанамъ; дѣло налаживается. 6 сентября С. Воронцовъ посылаетъ слѣдующую записку Аммону: «Графъ Воронцовъ, пріивѣтствуя Г. Аммона, покорнѣйше проситъ его увѣдомить милорда Гокебери, что онъ принимаетъ его приглашеніе прибыть въ ближайшую пятницу въ Соотбе-Wood для свиданія съ генераломъ Пишгрю. Онъ, согласно желанію г. Аммона, отправляетъ съ курьеромъ письмо къ этому генералу... По-сылая вамъ, какъ другу, эту конфиденціальную записку, позвольте мнѣ по дружески же спросить васъ, справедливъ ли слухъ о прибытіи сюда Дюмуре. Можетъ ли быть, чтобы вы оказали довѣріе подобному мошеннику?» ⁷⁾ Оказать довѣріе? Раммонъ слишкомъ политическій человѣкъ, чтобы дать такого маху, а слову *мошенникъ* онъ, конечно, не могъ придавать большого значенія, такъ какъ для подобнаго рода полицейскихъ пренековъ честные люди не годятся. Пишгрю взялъ на себя привлечь Моро или по крайней мѣрѣ такъ ловко запутать его въ свои сѣти, чтобы всѣ сочли его участникомъ заговора, и онъ уже не могъ бы отказаться вести его» ⁸⁾, когда приступить къ выполненію задуманнаго. Но самую тонкую игру вели въ этомъ дѣлѣ, съ одной стороны, Людовикъ XVIII, желавшій и пользоваться услугами Моро и въ случаѣ чего избавиться отъ него; а съ другой—Фуше, заставившій погубить этого генерала и выдать его обезчещеннымъ Бонапарту.

Въ Европѣ тогда только и было разговоровъ, что о заговорахъ, засадахъ и шпіонахъ. Англическій агентъ Дракъ, бывший консуломъ въ Ливорно, будучи переведенъ въ Мюнхенъ, старался тамъ снова связать нити интригъ, нѣкогда завязанныхъ Уингэмомъ въ Швейцаріи. Онъ служилъ посредникомъ д'Антрэгу, дѣйствовавшему въ Дрезденѣ подъ покровомъ Россіи. Онъ заводилъ интригу съ Метэ, а черезъ этого двусмысленнаго литературника съ французской полиціей, которую думалъ одурачить, по которой его самого водила за носъ. *Парижскій другъ* 29 декабря 1803 г. ⁹⁾ писалъ д'Антрэгу: «Англія имѣетъ здѣсь способныхъ сторонниковъ, изъ числа лицъ, занимающихъ важные посты въ арміи, которые проклинаютъ эту войну съ цѣлью высадки и желали бы воспринять ее, чтобы вызвать ее на континентъ, гдѣ они могли бы грабить, ра-

⁷⁾ Jacques PATHEL, *la Russie et la rupture de la paix d'Amiens*. (*Annale de l'Ecole des sciences politiques*, 15 janvier, 1897).

⁸⁾ См. у Ремасля, письма въ январѣ, февралѣ, 14 марта, и письма Мернега у Трачевскаго.

⁹⁾ Сообщеніе Pingaud, — DE MARTEL, *Conspiration de Georges*. — Ремасль. — Въ моихъ *Lectures historiques*, этюды, озаглавленные: *Une agence d'espionnage sous le Consulat, le drame de Vincennes, Talleyrand et ses memoires*.

зорять и обогащаться съ меньшими рисками. Они угадываютъ общій планъ Бонапарта по извѣстнымъ имъ даннымъ и сообщаютъ объ этомъ въ Лондонъ». Бонапартъ, писалъ Убриль 26 декабря, не смотря на всѣ свои успѣхи, не можетъ закончить своихъ приготовленій къ походу противъ Англіи: «Въ войскахъ обнаруживается общее неудовольствіе. Увѣряютъ, что вандейскіе мятежи принимаютъ очень серьезный характеръ... Третьяго дня арестовали одного эмиссара графа д'Артуа». Онъ несъ съ собою 200,000 фунтовъ стерлинговъ золотомъ. «Заговоръ далеко подвинулся впередъ». Луккезини писалъ 6-го сентября: «внутри государства происходитъ сильнѣйшій кризисъ. Консулъ затѣваетъ войну, чтобы задуть подъ новыми лаврами неудовольствіе своихъ многочисленныхъ не-пріятелей». Одной знаменитой женщиной приписывали слѣдующія слова: «Франція погибла, если не погибнетъ вскорѣ Бонапартъ... Пожертвовать своею жизнью, своимъ состояніемъ... да! О, великодушный смертный, который поразилъ бы этого тирана, зачѣмъ я не могу предложить тебѣ ничего, кромѣ своего сердца? Я обожаю тебя, я буду твоею женою!...» Г-жа Сталь, которой приписывали такіа рѣчи, охотно разыгрывала салонныя трагедіи, и въ этихъ словахъ ея можно было усмотрѣть лишь одно натянутое и довольно дурнаго вкуса подражаніе классическимъ рѣчамъ Химены. Но Барра, малосвѣдующій въ классической литературѣ, принялъ ихъ за правду ¹⁰⁾. Носилась слухи о страшныхъ заявленіяхъ со стороны самого брата Бонапарта... Если нужно, сказалъ будто бы Иосифъ, то я вступаю въ союзъ съ Сійэсомъ и даже съ самимъ Моро и со всѣми какіе только остались во Франціи патриотами и друзьями свободы, чтобы избавиться отъ такой тиранніи ¹¹⁾.

16 января Пишгрю высадился въ Гаврѣ и 24-го былъ въ Парижѣ. Тамъ онъ увидѣлся съ Жоржемъ. Черезъ Лажолэ, посредника болѣе чѣмъ подозрительнаго, онъ устроился на счетъ встрѣчи съ Моро. Онъ обѣщалъ прійти на свиданіе одинъ, но явился съ Жоржемъ. Моро удалился. Они видѣлись наединѣ 2 февраля и затѣмъ еще одинъ разъ въ самомъ домѣ Моро. Противъ Бонапарта—*да*; за Бурбоновъ—*нѣтъ*, былъ отвѣтъ Моро на намеки Пишгрю. Полиція, слѣдившая за Пишгрю, не спускала глазъ съ Моро, и о заговорѣ говорили во всѣхъ канцеляріяхъ.

¹⁰⁾ Atons vos cavaliers je demande sa tête,
Oui, qu'un d'eux me l'apporte, et je suis sa conquête;
Q'ils le combattent, sire, et, le combat fini,
J'épouse le vainqueur...

Barra, *Memoires*, t. IV, p. 184. Правду сказать г-нь де-Сталь умеръ въ маѣ 1802 г. такъ что слова: *je l'épouse* (я буду его женою) были возможны. А касательно тона сравн. la lettre de l'amie, Pingaud, p. 376.

¹¹⁾ Miot, t. II, p. 104.

Въ Германіи гадаютъ о днѣ, въ который Франція погрузится въ анархію. Въ Берлинѣ говорятъ другъ другу на ухо, что движенія австрійскихъ войскъ въ Тиролѣ и Швабіи производятся съ одной цѣлью—быть готовымъ къ нанесенію удара, лишь только узнается о происшествіи въ Парижѣ—о смерти или похищеніи Бонапарта ¹²⁾.

Въ Англіи успѣхъ заговора считается неизбежнымъ, и какъ только позволятъ обстоятельства, на сцену выступаютъ спеціальныя посланцы отъ лорда Гертфорда для переговоровъ о мирѣ и восстановленіи династии; а по нанесеніи удара, герцогъ Англемскій явится во Францію ¹³⁾. Судя по корреспонденціямъ того времени, весь свѣтъ, какъ и во времена Брюмера, замѣшанъ въ заговоръ; въ немъ участвуютъ офицеры, чиновники, спекуляторы, Сійэсъ и Массена, Сугамъ, Лекурбъ, Дельма, Лабори, Сюше, Дессоль, и часть Сената, цѣлая коалиція Брюмера, Фруктидора и Термидора и даже сама полиція, такъ какъ Реаль болѣе всякаго другаго запуталъ себя своими собственноручными письмами къ Пишегрю ¹⁴⁾. Что же до русскихъ, то вотъ какія извѣстія сообщаетъ имъ парижскій другъ въ своемъ письмѣ къ д'Антрэгу: «Что Жоржъ въ Парижѣ, это вѣрно... Я его знаю... это голова самая сильная и находчивая, сердце самое возвышенное изъ всѣхъ, которыя я зналъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ вижу людей и могу судить о нихъ; было бы несчастіемъ, если бы его арестовали... Это человѣкъ единственный... Здѣсь только онъ одинъ нѣсколько больше другихъ извѣстенъ друзьямъ Англіи. Онъ знаетъ тайны всѣхъ, но, навѣрно, никто не знаетъ его собственной тайны. Никогда не будутъ узнаны наши сторонники, находящіеся въ министерствѣ ¹⁵⁾, государственномъ совѣтѣ и сенатѣ. Не узнаютъ и наши сторонники въ арміяхъ... Это не заговоръ для романа; основа его тверда... На этотъ разъ Бонапартъ правъ, опасность дѣйствительно велика!...» ¹⁶⁾.

¹²⁾ LEBEVRE, t. II, p. 107.

¹³⁾ MALMESBURY, *Journal*, janvier—février 1804.—*Memoires de Guilhermy de Tercier*.

¹⁴⁾ См. de-MARTEL, *Conspiration de Georges*, p. 42, 46, 49, 53, 71.—PINGAUD, 2-e édition, p. 250.

¹⁵⁾ Рѣчь идетъ не о Талейранѣ, такъ какъ выше онъ говоритъ «Талейранъ не знаетъ ничего».

¹⁶⁾ Сравните съ письмомъ Жозефа де-Местра въ Петербургъ отъ 3 апрѣля 1804 г.: «Въ Европѣ много будутъ насмѣхаться надъ парижскимъ заговоромъ; и однако это была хорошо устроенная махинація. Люди, деньги—все было готово. Предстояло похитить Бонапарта живымъ и довести его съ быстротою молнии черезъ рядъ поставъ до моря къ англійскому флоту... Я въ отчаяніи отъ неудачи».

Дѣло, дѣйствительно, совсѣмъ созрѣло, и полиція поднесла его Бонапарту въ надлежащемъ видѣ и съ подходящей приправой. Бонапартъ разсвирѣбѣлъ и рѣшился однимъ ударомъ избавиться отъ пизановъ, роялистовъ и республиканцевъ, уничтожить Жоржа, сокрушить Пишегрю и погубить Моро. Последнія педѣлы были самымъ худшимъ, неспособнымъ и унижительнымъ временемъ его жизни: «Я живу въ постоянныхъ подозрѣніяхъ, говоритъ онъ Иосифу; каждый день возникаютъ новые заговоры на мою жизнь; каждый день я получаю тревожные доклады. Сторонники Бурбоновъ и якобинцы сдѣлали изъ меня свою единственную мишень» ¹⁷⁾.

Хладнокровіе, которое онъ совершенно естественно обнаруживалъ въ великой игрѣ сраженій, покидало его тутъ, какъ оно покинуло его въ Сентъ-Клу 19-го брюмера и позднѣе на пути къ острову Эльбѣ. Его возмущала жизнь, проходящая въ постоянной тревогѣ, въ томительномъ ожиданіи удара, неизвѣстно откуда направленнаго; въ ожиданіи непріятеля, котораго онъ не можетъ предупредить, окружить, раздавить; въ мелочныхъ опасеніяхъ взламывающихъ замки воровъ, похитителей документовъ, убійцъ. Читая полицейскіе доклады, онъ выходилъ изъ себя, поднималъ облавы, билъ на удачу, отдаваясь неудержимому бѣшенству и въ то же время стыдился своего безсильнаго гнѣва. Другъ д'Антрэгу изображаетъ его трепещущимъ во дворцѣ, несмотря на тройную цѣпь карауловъ, преданную ему стражу въ его спальнѣ, вооруженную свиту, сопровождающую его и рои полицейскихъ, всюду спующихъ вокругъ него ¹⁸⁾. Онъ описываетъ его бѣшенныя порывы раскрыть замыслы измѣнниковъ и убійцъ, стремительный потокъ его мыслей, распоряженій и намѣреній. Подумаешь, что онъ сошелъ съ ума. «Все это естественно: онъ видитъ, что Англія узнаетъ все его планы, и не можетъ добраться до источника предательства. Въ какомъ секретѣ онъ ни держалъ бы свои бумаги, хотя бы онъ составлялъ ихъ самъ безъ всякаго посторонняго содѣйствія, часть ихъ всегда улетучивается изъ его кабинета». Онъ подозреваетъ роялистовъ, англійскихъ агентовъ, Вернега, Дрэка, Румбольда, слѣдитъ за дѣйствіями Викгема, д'Антрэга, епископовъ и проживающихъ въ Испаніи эмигрантовъ ¹⁹⁾. Узнавъ о высадкахъ на берегахъ Нормандіи въ Бивиллѣ, онъ поднимаетъ на ноги всю свою отборную жан-

¹⁷⁾ MIOT, t. II, p. 122.—MENEVAL, t. I, p. 264.

¹⁸⁾ Cf. lettres de l'ami, 29 decembre 1803; de l'amie, 4 février 1804. PINGAUD: de MARTEL, p. 17—19. Ср. письма Бонапарта къ Барбье-Марбуа 18 марта; Талейрану, 23, 31 марта 1803 г.

¹⁹⁾ Письмо его Талейрану 10 февр. 1804; о поискахъ эмигрантовъ въ Европѣ. Сказать Годю «что если онъ вздумаетъ возбуждать мятежи во Франціи, то онъ будетъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, который сумѣетъ вызвать ихъ въ Испанію». Cf. supplement à la correspondance et à Réal, 8 février 1804.

дармерію ²⁰⁾ и 13 февр. пишет Сульту: «Мы вотъ уже восемь дней какъ гоняемся за сорока разбойниками», т. е. Жоржемъ и его шайкой, которые высадились въ три приѣма между Трепоромъ и Діэппомъ. Противъ англійскихъ шпіоновъ, въ Булони, онъ предпринимаетъ террористическія, даже свирѣпыя мѣры; чувствуетъ, что въ своемъ нестерпимомъ обнаруженіи тайну онъ, можетъ быть, не остановится и передъ «пыткой».

14 февраля, послѣ трехдневныхъ колебаній, онъ приказываетъ арестовать Моро; и въ тотъ же день дѣлаетъ сцену д'Обрилю, требуетъ признанія д'Антрэга изъ Дрездена и осужденія его дѣйствій со стороны Россіи. 15-го Моро былъ приведенъ въ Тамплъ и допрошенъ. Онъ «имѣетъ недостойное и вредное для него малодушіе» отрицать доказанные факты, которые долженъ будетъ признать впоследствии. Обвинительный актъ уличаетъ его въ тяжкихъ преступленіяхъ; но публика отказывается признать его виновнымъ и въ основѣ всей этой торжественной сцены суда видятъ лишь одну зависть Бонапарта къ Моро. Она не вѣритъ въ заговоръ: это полицейская выдумка! «Моро, пишетъ *другъ* д'Антрэга, имѣетъ множество друзей, которые не перестанутъ быть его друзьями, до тѣхъ поръ, пока не явятся очевидныя доказательства его преступности». Но юридическія доказательства отсутствуютъ: письменныхъ уликъ нѣтъ, и свидѣтели и участники преступленія еще ускользаютъ. За поимку ихъ назначены награды. Парижскія заставы запираются. Совершается возвратъ къ худшимъ временамъ террора. Укрыватели Жоржа подлежатъ смертной казни ²¹⁾. 29 февр. арестовали Пишегрю.

Но надо еще разыскать того Бурбона, присутствіе котораго должно было замѣшать въ заговоръ переть провидѣніи придавъ дѣлу видъ суда Божія, и вотъ 1 марта получается рапортъ полиціи, доносящій о предполагаемыхъ проекахъ герцога Ангіэнскаго въ городѣ Баденскаго герцогства Эттенгеймъ. Этотъ герцогъ былъ очень подозрителенъ въ глазахъ Бонапарта. При своей репутации героя и рыцаря онъ былъ способенъ вліять на французовъ и потому, конечно, долженъ былъ имѣть свое заранее назначенное ему мѣсто и роль въ предпріятіи, отнынѣ оглашенная цѣль котораго заключалась въ совершеніи контръ-революціи и восстановленіи Бурбоновъ ²²⁾.

²⁰⁾ Его письма Сульту, находившемуся тогда въ булонскомъ лагерѣ, являются чѣмъ-то въ родѣ назначеннаго для арміи бюллетеня о заговорѣ. См. добавленія къ этой корреспонденціи, сдѣланныя de Leicester, т. 1, стр. 43—44.

²¹⁾ См. подробности о его арестѣ у Ленотра. «Онъ былъ выданъ однимъ изъ своихъ друзей, продавшимъ его за 100,000 экию». Письмо Бонапарта Гурго, т. 1, р. 190.

²²⁾ Henri WELSCHINGER, *le Duc d'Enghien*. Paris, 1888. — BOUAYE DE LA MEURTNE, *les Dernières années du Duc d'Enghien*. Paris, 1886.

На самомъ же дѣлѣ этотъ принцъ велъ въ Эттенгеймѣ жизнь, погруженную въ безмятежныя чары любовнаго романа. Онъ имѣлъ свою роль въ гражданской войнѣ, которая должна была послѣдовать за мальмезоскимъ «днемъ»; но приглашать его къ участию въ засадѣ остерегались. Все это, — обыкновенно отвѣчалъ онъ на подобнаго рода проекты, — мѣры, недостойныя дѣла, которому мы служимъ». Бонапартъ велѣлъ произвести слѣдствіе. Жандармъ, которому оно было поручено, развѣдалъ, что принцъ держалъ при себѣ нѣкоего Тюмери, эмигранта, котораго называли генераломъ. Баденское произношеніе нѣсколько переначило это имя. Въмѣсто неизвѣстнаго Тюмери жандарму послышалось громкое Дюмурье, и онъ сообщалъ объ этомъ въ Парижъ. И такъ послѣ Пишегрю и Моро, еще и Дюмурье! И полиція ничего не подозрѣвала, и дипломатія ничего не вѣдала! Бонапартъ напустился на Реалъ: «Развѣ я собака, которую можно убивать на улицѣ? Развѣ личности моихъ убійцъ священны?» Реалъ не былъ спокоенъ за самого себя; носился слухъ, что онъ замѣшанъ въ заговоръ Пишегрю. Желая облить себя отъ этихъ подозрѣній усиленной преданностью Бонапарту, онъ извлекъ изъ своего портфеля донесеніе, гдѣ Эттенгеймъ изображался очагомъ заговора. Съ Талейраномъ вышла еще хуже; но что же онъ дѣлалъ? Что дѣлали его агенты?

Положеніе Талейрана было весьма щекотливое: онъ слишкомъ много покровительствовалъ роялистамъ, слишкомъ часто посредничалъ въ разныхъ рискованныхъ сдѣлкахъ, слишкомъ много наговорилъ двусмысленныхъ рѣчей Маркову и Луккезини, среди его приближенныхъ и приспѣшниковъ было слишкомъ много лицъ скомпрометированныхъ или компрометирующихся. И однако онъ далеко не былъ сторонникомъ Бурбоновъ, и въ то же время, не прозрѣвалъ тѣхъ тайныхъ путей, которые впоследствии привели его къ сближенію съ ними. Проницательный умъ его еще не проникалъ въ такую даль. Онъ заботился о ближайшемъ. Онъ связалъ свою судьбу съ судьбою перваго консула. Смерть Бонапарта повела бы къ возврату Бурбоновъ, чего онъ опасается, или вѣроятнѣе, къ врату къ директоріи, чего онъ опасается еще болѣе. Онъ не станетъ воздерживать Бонапарта—это значило бы лишь бесполезно погубить себя. И такъ какъ Бонапартъ уже рѣшился свирѣпствовать, то онъ поставилъ себя въ заслугу помогать ему въ этомъ, придумывая подходящіе мотивы. Наступилъ часъ, когда онъ долженъ дать непререкаемый залогъ своей вѣрности, долженъ *вотировать* смерть, подобно столь многимъ друзьямъ своимъ въ день 20 января. И онъ даетъ такой совѣтъ Бонапарту 7 марта, во время своего разговора съ нимъ. Мало того, 8 того же мѣсяца, онъ въ собственноручной нотѣ совѣтуетъ ему показать устрашающій при-

мѣръ. Какъ Мазарини и Ретцъ, его политическіе предки, онъ знаетъ, гдѣ слѣдуетъ пускать въ дѣло огонь и гдѣ даже кровь ²³⁾: спасеніе государства, говоритъ онъ, предписываетъ хватать повсюду и истреблять безъ милосердія зачинщиковъ преступленія, которое по самой природѣ своей ставитъ виѣ законовъ человѣческихъ «всякаго, кто принималъ въ немъ явное участіе» ²⁴⁾.

Такіе же совѣты, хотя и по совѣмъ различнымъ мотивамъ, дасть и Фуше. Положеніе его было иное. Ему не было надобности защищать себя отъ соучастія съ роялистами. Онъ *вотировалъ*, терроризовалъ и уже никакъ не заслуживалъ упрека въ томъ, что мало пролилъ крови. Онъ даже боялся, что его могутъ упрекнуть въ противномъ, и старался обезопасить себя. Онъ видѣлъ, что Наполеонъ идетъ къ имперіи, и готовъ былъ слѣдовать за нимъ, но самое важное для него заключалось въ томъ, чтобы въ будущемъ государственномъ строѣ были надежныя мѣста и для царевубійцы. надо было скрѣпить связи Бонапарта съ революціей, наложить на него ея неисгладимую печать, заставить его собственными руками принести ей въ жертву Бурбона. Наконецъ, выказавъ свою проницательность и ставъ необходимымъ Бонапарту, онъ прокладывалъ себѣ путь въ министерство, гдѣ и укрѣнился бы. У него съ Талейраномъ было слишкомъ много ума и дипломатической прозорливости, чтобы считать возможнымъ привязать къ своей фортунѣ Бонапарта одною только преданностью, въ которую и сами они не вѣрили. Нужно было соучастіе въ преступленіи. Къ этому представлялся случай, и этотъ случай предписывалъ имъ дѣйствовать въ духѣ своихъ интересовъ ради собственной безопасности. Таковы были политическіе мотивы событія 20-го января. Бонапартъ пришелъ къ нему своимъ особеннымъ путемъ.

Объявлять рѣшеніе, принятое имъ, преимущественно его нетерпѣливыми заботами о собственной безопасности, его завистью къ Бурбонамъ и каждой мести—значило бы мало знать его. Конечно, онъ человѣкъ и корсиканецъ, но не въ этомъ сила. Дѣло въ томъ, что онъ хочетъ царствовать, и можетъ царствовать, только поработивъ Европу и подчинивъ своей власти Францію. Въ Европѣ онъ долженъ считаться съ дворами, а во Франціи съ роялистами и республиканцами. Дворами онъ управ-

²³⁾ Объ этой нотѣ 8 марта, столь оспариваемой, чит. *Lectures historiques*, р. 52—56 и столь основательное, по моему мнѣнію, изслѣдованіе Н. Welschinger. Cf. *Mémoires du chancelier Pasquier*.

²⁴⁾ Сравнить по духу и тону также слѣдующую фразу Шампаньи въ его письмѣ отъ 30 марта къ Талейрану: «Арестъ Жоржа совершенно оправдываетъ арестъ герцога Ангіанскаго. Врага арестуютъ тамъ, гдѣ находятъ, особенно, если его застаютъ съ рукой уже поднятой для нанесенія удара».

ляетъ посредствомъ страха и ихъ жадности, но не можетъ считать себя безопаснымъ съ ихъ стороны, пока не принудитъ ихъ открыто порвать всякія связи съ Бурбонами. «Кто не за меня, тотъ противъ меня!»— вотъ что скажетъ онъ королямъ Европы и роялистамъ Франціи. Отихъ роялистовъ, которые гнутся передъ нимъ, но не подчиняются ему, выпрашиваютъ у него милостей, но не примиряются съ нимъ, берутъ у него деньги, но не отдаются ему, онъ заставитъ ихъ рѣшиться наконецъ на выборъ между разорительною для нихъ вѣрностью къ падшимъ принципамъ и слѣлымъ подчиненіемъ новому владыкѣ. Онъ обезсилитъ и унизитъ этихъ людей, принудивъ ихъ обезславить себя скандальнымъ отступничествомъ. Что-же до республиканцевъ, сторонниковъ консульта, то для привлеченія ихъ на сторону имперіи, достаточно убѣдить ихъ, что она будетъ непреодолимымъ препятствіемъ къ возвращенію Бурбоновъ. Всего этого можно достигнуть убійствомъ Бурбона. Одинъ изъ нихъ въ рукахъ Бонапарта, и онъ приговоритъ его къ смерти. «Я велѣлъ арестовать и судить герцога Ангіанскаго потому, что этого требовали интересы и безопасность французскаго народа. Въ то время графъ д'Артуа, по собственному его признанію, содержалъ въ Парижѣ шестьдесятъ убійцъ. При такихъ обстоятельствахъ иначе нельзя поступать ²⁵⁾». Наконецъ примѣръ Моро послужитъ предостереженіемъ для арміи.

8-го марта Моро обратился изъ своей тюрьмы къ Бонапарту съ письмомъ, въ которомъ онъ признавался въ сношеніяхъ съ Пишгрю и въ сдѣланныхъ ему предложеніяхъ. Онъ отклонилъ эти предложенія. Моро умалиетъ себя: «Я, частный, изолированный человѣкъ, не желавшій имѣть никакихъ отношеній съ арміей!... Мои поступки и сношенія, можетъ быть, неосторожны, но нисколько не преступны, навлекли на меня много напрасныхъ и ложныхъ обвиненій, и если бы вы потребовали отъ меня объясненій этихъ фактовъ, то я, безъ всякаго сомнѣнія, поспѣшилъ бы доставить вамъ ихъ... Я не заговорщикъ...» Такое приниженное оправданіе уничтожило въ Моро римлянина и гражданина безъ страха и упрека, а признаніе, которыя будутъ сдѣланы въ этомъ процессѣ со стороны Пишгрю и его соучастниковъ, довершатъ его гибель. Если ему и удастся оправдаться въ государственной измѣнѣ, то онъ не очистится отъ обвиненія въ вѣроломствѣ.

9-го марта былъ арестованъ Кадудаль. Онъ признался въ намѣреніи совершить нападеніе на перваго консула, и ждалъ «для приведенія его въ исполненіе, чтобы какой-нибудь принцъ возвратился въ Парижъ, а его еще тамъ не было». Бонапартъ рѣшилъ, что ожидаемый принцъ есть

²⁵⁾ Завѣщаніе Наполеона, 15 апрѣля 1821 г.

герцога Англенский. «Онъ чистокровный потомокъ Конде, послѣдній представитель самаго славнаго имени этого дома, говорилъ Бонапартъ: онъ молодъ, храбръ, обаятеленъ, и потому онъ самый опасный врагъ мой и самая необходимая жертва моему величію и безопасности»²⁶).

10 марта собрался государственный совѣтъ: консулы, верховный судья Ренье и Талейранъ. Рѣшено было похитить герцога Англенскаго. Колонкуру дано порученіе повести патрули въ Эттенгеймъ и разъяснить баденскому герцогу причины нарушенія границъ его территории. Послѣ ареста принцъ долженъ быть преданъ военному суду, который, признавъ въ немъ безъ дальнихъ разсужденій эмигранта, поднимавшаго оружіе противъ своего отечества, приложить законъ, т. е. приговорить его къ смерти. Такъ совершится юридическое убійство, въ отвѣтъ на такъ называемую юридическую дуэль Кадудали, которая была такой же пародіей на дѣло чести, какъ и судъ надъ герцогомъ пародіей на правосудіе. Все предложенное было исполнено съ 14 на 15 марта. 20-го въ 5 часовъ вечера герцога Англенскій былъ приведенъ въ Венсеннъ; въ 9 часовъ собрался военный судъ; произнесли приговоръ, вырыли ровъ. Процессъ начался въ одиннадцать часовъ вечера; въ два съ половиной часа принца привели въ ровъ замка, гдѣ его ожидать назначенный для разстрѣла взводъ. Принцъ потребовалъ священника. «Ужъ не желаетъ ли онъ умереть монахомъ?» воскликнулъ одинъ офицеръ, пользовавшійся авторитетомъ въ этомъ зловѣщемъ мѣстѣ. Вотъ одна изъ черточекъ, въ которыхъ еще сказывалась оппозиція конкордату и отвращеніе отъ *Te Deum*. Но этимъ старымъ волякамъ изъ террористовъ было чѣмъ утѣшиться: Венсеннъ зачеркивалъ Notre-Dame, Бонапартъ снова становился ихъ человекомъ. Что же касается до епископовъ, то они произнесли свой затверженный урокъ: «Богъ караетъ на томъ свѣтѣ, а Цезарь долженъ карать на этомъ»²⁷)... Вѣчное евангеліе всѣхъ тиранній.

21-го Парижъ узналъ объ опасности, которой подвергалась республика, и о мѣрѣ, которой она была спасена. Царедворцы и члены главныхъ государственныхъ учреждений устремились въ Мальмезонъ, съ той же пошлостью, съ которой бывало, послѣ дней проскрипціи жирондистовъ, Гебера, Дантона, Робеспьера секціи являлись дефилировать передъ Конвентомъ и произносить свои напыщенные рѣчи. Вечеромъ Бонапартъ замѣтилъ въ своемъ интимномъ кругѣ, среди наиболѣе ему преданныхъ и имъ уважаемыхъ, признаки растерянности, неодобренія и даже ужаса. Всѣ они молчали. Говорилъ только одинъ, долго, словами Дантона: «Эти

²⁶) Разговоръ съ Иосифомъ Мюот, t. II, p. 215.

²⁷) A. Regnier, о возмущеніи нѣсколькихъ священниковъ, 7 апрѣля 1804.

люди хотѣли повергнуть Францію въ безпорядокъ и убить въ моемъ лицѣ революцію; я долженъ былъ ее защитить и мстить за нее. Я показалъ имъ къ чему она способна... Время этикетовъ прошло... Я пролилъ кровь, я долженъ былъ пролить ее и, можетъ быть, пролью и еще... Я человекъ государственной, я—революція, и я поддерживаю ее...» Иосифу онъ сказалъ: «я не успокоюсь, пока будетъ существовать хоть одинъ Бурбонъ, а съ этимъ—однимъ изъ нихъ стало меньше». Затѣмъ онъ свалилъ всю вину на Англію: полиція захватила бумаги Дрэка, полныя обличеній и заговоровъ; 23-го марта онъ велѣлъ сообщить ихъ сенату и извѣстить объ этомъ иностранныхъ дипломатовъ²⁸).

Въ консульскомъ мірѣ Парижа замѣчалось нѣчто въ родѣ того остолебѣнія, которымъ были поражены люди регентства, при извѣстии о заговорѣ Челламаре, о королевскомъ засѣданіи и объ арестѣ герцога и герцогини Дюмэнъ. Среди эмигрантовъ возвратившихся и друзей Англіи сначала господствовалъ страхъ. Каждый думалъ только о себѣ. Всѣ трепетали, многіе сочли себя погибшими. Только одинъ изъ примиренныхъ Шатобрианъ, отважился на порицаніе, —подачей въ отставку. Прочіе сложили головы. Не прощая ни страха, ни униженія, испытаннаго ими, считая себя отнынѣ свободными отъ всякой признательности они, отложивъ въ сторону спесь, возвратились къ своимъ должностямъ, вѣжливые, лѣтпвые, готовые на всякія услуги²⁹), но съ душою полною отчужденія и предательства. Якобинцы торжествовали. Консулъ снова возвращался къ нимъ, и они подняли головы. Хуже всего чувствовали себя умѣренные: они поняли, что отнынѣ уже не будетъ ни смяченія, ни удержу. Затѣмъ люди пытались облегчить свою мучительную тревогу напештываніемъ другъ другу разныхъ остроумныхъ словечекъ:—«Это болѣе, чѣмъ преступленіе, говорили они,—это ошибка!» Наконецъ, стали приспособливаться къ забвенію прошлаго. Декретируемъ забвеніе!—Эти слова всегда слышались на другой день послѣ государственнаго переворота. Да никто же вѣдь и не зналъ этого Бурбона, и мало ли другихъ эмигрантовъ погибло въ эти десять лѣтъ! успокаивали они себя. «Вы съ ума сошли, говоритъ Талейранъ Готериву. Можно ли поднимать изъ за этого такой шумъ? На границѣ арестуютъ заговорщика, привозятъ его въ Парижъ и разстрѣливаютъ: что же тутъ необычайнаго?» Бонапартъ появился въ оперѣ; опасались, что онъ будетъ встрѣченъ какой-нибудь манифестаціей, но ничего подобнаго не произошло. «Быть можетъ, писалъ Луккезини³⁰), что Бонапартъ знаетъ французовъ лучше, чѣмъ они сами себя знаютъ, и что примѣръ Ришелье

²⁸) Miot, t. II, p. 215. *Memoires de madame de Remusat*, t. I, p. 328, 340.

²⁹) SAINT-SIMON, *Conspiration de Cellamare*.

³⁰) 24 марта 1804.

доказалъ ему, что во Франціи самые смѣлые государственные удары не потрясаютъ, а только укрѣпляютъ верховную власть».

Однако, заговоръ могъ бы и удался, и тогда не герцогъ Ангіанскій былъ бы разстрѣлянъ въ венсенскомъ рву, а самъ Бонапартъ могъ бы пасть въ одномъ изъ рвовъ мальмезонской дороги подъ пулями шуановъ, быть задушеннымъ во время похищенія, упасть нечаянно въ воду или отвѣдать англійскаго гостепріимства.

Но то, что не удалось въ мартѣ 1804 г., можетъ совершиться позднѣе. Поэтому люди ловкіе—а они были всего болѣе скомпрометированы—старались поставить себя такъ, чтобы на всякій случай имѣть возможность оправдать себя не передъ Бурбонами, въ которыхъ они уже не вѣрили, а передъ канцеляріями европейскихъ дворовъ, съ которыми они желали продолжать сношенія, основанныя на взаимныхъ услугахъ и вѣжливости. Таковы были Мюратъ, комендантъ Парижа, созвавшій военный судъ³¹⁾, таковъ Коленкуръ, который всю свою жизнь не могъ успокоиться. «Самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, внушалъ благоразумный Камбасересъ своему собесѣднику Мола, это забыть все, что дѣлалось въ это время». Самъ же Камбасересъ даже не вотировалъ *смертнаго приговора* «Совѣсть моя говоритъ, что я не вотировалъ его, Богъ мнѣ свидѣтель, что я не думалъ вотировать этого...» Онъ будто бы даже отговорилъ Бонапарта отъ преданія казни герцога: «Что думаете вы дѣлать?» спрашиваетъ онъ Мола, «будучи, къ счастью, чуждымъ преступленій революціи, вы будете приняты всѣми»³²⁾... Талейранъ внушилъ *другу* д'Антрага письмо, которое, какъ онъ зналъ, будетъ прочтено Чарторыжскимъ и Александромъ. По разсказу этого письма Талейранъ не только не принималъ никакого участія въ похищеніи принца, но, напротивъ, вмѣстѣ съ вѣрнымъ Дюраномъ, старался спасти его; онъ даже посылалъ къ принцу эмиссара, племянника *друга* съ предупрежденіемъ «уѣзжайте сейчасъ же». Объ ужасной нотѣ 8 марта тамъ нѣтъ и помину; она замѣнена чѣмъ-то въ родѣ ходатайства, изложеннаго въ «горделивомъ письмѣ» къ консулу. Затѣмъ выступаетъ на сцену Іосифъ, который «съ львинымъ мужествомъ»³³⁾ говоритъ консулу: «Вы станете для Франціи Робеспьеромъ и Маратомъ...» Общее равнодушіе къ личности герцога Ангіанскаго послужило къ выгодѣ Моро: если было опасно обнаруживать ужасъ, внушаемый венсенскимъ процессомъ, то можно еще было, не слишкомъ компрометируя себя,

³¹⁾ Frédéric Masson, t. II, chap. XIII et XIV, p. 319, 397 et suiv.

³²⁾ *Fragments de mémoires du comte Molé*, publiés par la Revue de la Revolution.

³³⁾ Это письмо есть у Pingaud, p. 251. *Lectures historiques*, p. 145, 148 et 59, note.—*Mémoires de Pasquier*, t. I, p. 198—199.

пожалѣть въ этомъ республиканцѣ героя Гогенлиндена. Моро сталъ очистительною жертвою права, на немъ облегчали свою совѣсть. Самая слабость, съ которой онъ защищалъ себя, возбуждала состраданіе: этотъ воинъ, запутавшійся въ сѣтяхъ полиціи, вызывалъ сочувствіе; располагало въ его пользу само наивное довѣріе его къ Бонапарту. Онъ до конца имѣлъ на своей сторонѣ «общественное невѣріе». Полицейскій романъ, всегда бродящій въ воображеніи парижанъ, обратился въ его пользу. Наконецъ, единственный опасный для него свидѣтель исчезъ.

Утромъ 16 апрѣля разнесся слухъ, что Пишегрю былъ найденъ мертвымъ въ своей тюрьмѣ. Полиція объявила, что онъ удавился. Весь Парижъ воскликнулъ, что его удавила полиція. На другой день посѣлъ венсенскаго дѣла Бонапартъ съ его сбирями казались способными на все, и всѣ обвиняли ихъ³⁵⁾. Впечатлѣніе было громадное. Большая часть парижанъ ничего не знали о заговорѣ 1795 г., и Пишегрю оставался въ ихъ воображеніи легендарнымъ покорителемъ Голландіи, генераломъ, берущимъ въ плѣнъ флоты посредствомъ кавалеріи, на замерзшихъ заливахъ; преслѣдованія, которымъ онъ подвергался, почти примирили его съ якобинцами; умѣренные *либералы* и роялисты еще возлагали на него надежды.

Удавился ли Пишегрю или былъ удушенъ? Не былъ ли онъ убитъ какимъ-нибудь слишкомъ ревностнымъ агентомъ, съ цѣлью предупредить разные скандальныя разоблаченія касательно участія споспѣшниковъ Фуше въ этой части заговора? Можетъ быть и такъ; но позволительно тоже думать и то, что Пишегрю, видя свою игру безвозвратно проигранной, все свое будущее окончательно погубленнымъ, отчаялся въ самомъ себѣ, въ своей отнынѣ ненужной и невозможной жизни. Жить для него значило разорвать завѣсу, которая еще укрывала его измѣну отъ глазъ публики; разсѣять всѣ ея иллюзіи относительно себя; разоблачить униженія и послѣ-

³⁵⁾ См. FAUGRIEL, *les Mémoires de Marlout, de madame de Rémusat, de madame de Charpenay, de Barante, de Pasquier*. Gauguand на о-вѣ Св. Елены вѣрилъ въ убійство. Т. I, стр. 63—64. «Я рѣшительно опровергаю Ласъ-Каза; я никогда не одобряю смерть герцога и Пишегрю». Бонапартъ спросилъ Рейбелля: «знаете ли вы его; способный онъ человекъ?—Не думаю, что онъ вовсе лишенъ способностей, отвѣчалъ Рейбелль, но подъ маской молчаливости скрывается много пустоты. Наконецъ, это гадкій развратникъ, проводящій жизнь въ обществѣ шлюхъ, жидовокъ и въ грязномъ пьянствѣ. Я думаю, что хорошая репутація его непомѣрно раздута и, можетъ быть, что и одоженъ онъ ею только тѣмъ, что записался въ армію короля. Оставаясь онъ республиканскимъ генераломъ, о немъ, вѣроятно, не было бы и рѣчи». *Conversations avec Bonaparte, de 3 ventôse au X, 22 février 1802*. Manuscrit de Reubell. Cabinet de M. Victorien Sardou.

довательный рядъ недостойныхъ дѣлъ жизни солдата стараго порядка, которому революція проложила путь къ славѣ; раскрыть козни, которыя онъ устраивалъ съ Сень-Жюстомъ противъ Гоша, проски, которыя онъ затѣвалъ вмѣстѣ съ Конде противъ Журдана, и наконецъ увѣнчать все это появленіемъ на скамьѣ подсудимыхъ среди эмигрантовъ и шуановъ, рядомъ съ наемными убійцами, которыхъ Англія содержала для того, чтобы они избавили ее отъ побѣдителя при Маренго. Самоубійство являлось единственно приличнымъ концомъ блестящей, но готовой погрузиться въ безславіе жизни.

Вѣрно то, что смерть Пишгрю была большимъ выигрышемъ для Моро, и что всего менѣе могъ желать этой смерти Бонапартъ. Съ исчезновеніемъ Пишгрю исчезали доказательства вины Моро, и на консула пала бы тѣнь приговора произвольнаго и не имѣющаго никакихъ видимыхъ основаній, кромѣ зависти и ненависти. А если бы Пишгрю остался жить и сталъ дѣлать показанія, то раскрылись бы тогда скандальныя интриги 1796 г., панибратство Моро и его граничащая съ соучастіемъ снисходительностью наканунѣ фруктидора ³⁶⁾; какая-то тѣнь непрямодушія и коварства, отброшенная этимъ прошлымъ, омрачила бы образъ Моро и тогда гонимый все болѣе и болѣе укрѣпляющимися уликами, доведенный ими не до эшафота, а до полной безвыходности, обрызганный грязью и увязшій въ ней, повергнутый въ прахъ съ высоты иллюзіи публички и, къ довершенію позора, отданный на милость Бонапарта,—Моро обнаружилъ бы всю жалкую основу своего нравственнаго существа, которая предстала передъ глазами всѣхъ только десять лѣтъ спустя, когда онъ, возвратившись изъ ссылки, нарушилъ возвеличившее его молчаніе для того, чтобы броситься въ тѣ же, и на этотъ разъ окончательно погубившія его приключенія, довершить предательство и заявить себя тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности—хорошимъ генераломъ и дряннымъ человекомъ.

VII.

«Надо было, говорилъ Бонапартъ ¹⁾, показать Бурбонамъ, лондонскому кабинету и всѣмъ дворамъ Европы, что это—не дѣтская игра. Обстоятельства, въ которыхъ мы находились, не позволяли намъ обходиться съ ними по-рыцарски. Въ дѣлахъ государственныхъ это было бы ребячествомъ». «Но изъ показаннаго примѣра слѣдовало извлечь и оформить поученіе. Талейранъ, который двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ составилъ апологію 10-го августа, взялъ на себя трудъ сочинить, приличное мѣ-

³⁶⁾ См. томъ V, *Bonaparte et Hoche*, стр. 101.

¹⁾ Слова, сказанныя Куттѣ де Кантелѣ вице-президенту сената. Boulay de LA MEURTHE.

стамъ и лицамъ, оправданіе, объясненіе или простое заявленіе относительно такихъ некорректностей, которыя, какъ напр., нарушеніе границъ имперіи и правъ баденскаго герцога, были въ глазахъ канцеляріи даже хуже убійства. Онъ превзошелъ себя въ этой дипломатической схваткѣ величавой дерзостью, съ которой онъ противопоставилъ упрекамъ старыхъ канцелярій ихъ единственное правило, на которомъ зиждется все ихъ право и вся ихъ справедливость—государственный интересъ ²⁾. Смѣло перейдя въ наступленіе, онъ обличаетъ проски Дрэка и англійскихъ шпионовъ, обличаетъ д'Антрага, Вернега и требуетъ изгнанія эмигрантовъ; словомъ, старается извлечь, по методу своего повелителя, изъ венсенскаго дѣла «максимумъ послѣдствій».

Въ Парижѣ, въ дипломатическихъ корпусахъ, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія заговорили о войнѣ. Тамъ уже мерцало возбужденіе въ Россіи и подготовка военныхъ операцій въ Австріи. Надо было плохо знать Европу, чтобы не видѣть всего этого ³⁾. 24 марта Луккезини писалъ: «Талейрану поручено дать нынѣшнимъ вечеромъ большой балъ; иностранцы явятся на приглашеніе съ стѣпеннымъ сердцемъ, и довольно странно будетъ видѣть на этомъ балу маркиза де-Галло, посланника изъ семьи родственной убитому герцогу (изъ Неаполя), который могъ бы явиться туда не иначе какъ въ траурѣ». Они всѣ явились туда, стараясь превзойти другъ друга въ осторожной сдержанности. Къ тому же они были озабочены не вопросомъ о траурѣ, а слухами, которые носились въ Парижѣ въ качествѣ довольно страннаго комментарія къ сообщеніямъ Талейрана. Бонапартъ будто бы заявилъ въ тотъ же самый день государственному совѣту: «Если бы герцогъ Беррійскій и какой бы то ни было Бурбошъ былъ скрываемъ у Кобенцля, то я не только что велѣлъ бы схватить его, но велѣлъ бы немедленно разстрѣлять и его и самого Кобенцля» ⁴⁾. Угрозы правамъ дипломатовъ въ Парижѣ; нарушеніе территоріи за Рейномъ—всего этого было довольно для того, чтобы привести въ сильное возбужденіе дворы и канцеляріи.

Но на практикѣ они подчиняли свои принципы интересамъ своей политики, и это знаменитое покушеніе подняло такой шумъ лишь потому,

²⁾ См. т. I, стр. 6.—Чит. интересныя депеши марта и апрѣля 1804. у Boulay de MEURTHE и WELSCHINGER, *le duc d'Enghien* и также интересное приложеніе: *L'Europe et l'exécution du duc d'Enghien*.

³⁾ Донесенія Луккезини. 24 марта; Кабенцля, 22 марта; д'Убриля, 23 марта 1804.

⁴⁾ Мюот, т. II, стр. 145. Донесенія д'Убриля, 24 марта 1804: «Если посланникъ или всякій другой дипломатическій агентъ позволилъ бы себѣ принять участіе въ затѣвующихся во Франціи заговорахъ, то онъ велѣлъ бы его разстрѣлять какъ простое частное лицо».

что оно было искрой, вызвавшей взрывъ мины уже заряженной прежде. Оно дало поводъ къ разрыву тѣмъ, которые стремились къ нему; оно тѣснѣе сблизило тѣхъ, которые желали сблизиться; оно усилило колебаніе колеблющихся и подтолкнуло каждаго въ ту сторону, къ которой онъ склонялся. Проническій элементъ также нашелъ себѣ мѣсто въ этой исторіи. Дѣло въ томъ, что негодованіе, возбужденное преступленіемъ оскорбленія величества священной имперіи, возрастало по мѣрѣ удаленія отъ мѣста, гдѣ это преступленіе совершилось⁵⁾. Государь, болѣе всѣхъ имѣвшій право жаловаться, герцогъ Баденскій, высказалъ свою претензію съ чрезвычайной скромностью и большими извиненіями за свою смѣлость; онъ заявлялъ протестъ противъ нарушенія своей территоріи, но при этомъ еще болѣе заявлялъ свои чувства уваженія и преданности къ особѣ перваго консула. Курфюрстъ баварскій изгналъ Дрэка. Вюртембергскій герцогъ поздравилъ Бонапарта съ избавленіемъ отъ кинжала убійцъ и сѣтей заговорщиковъ: всѣ они были слишкомъ близко къ Бонапарту, слишкомъ боялись его, слишкомъ много могли потерять отъ его вражды и слишкомъ много выиграть отъ его благосклонности.

Въ Вѣнѣ обнаружилось нѣкоторое состраданіе къ принцу и, можетъ быть, сожалѣніе о неудачѣ конспираціи. Но официально всѣ молчали. «Въ Вѣнѣ должны знать, писалъ Талейранъ къ Шампаньи⁶⁾, что, согласно постоянной политикѣ французскаго правительства, войска его должны перейти за Рейнъ въ тотъ самый день, когда войска императора перейдутъ за Иннъ...» Кобенцль разсыпался въ любезностяхъ и завѣреніяхъ. Императоръ сказалъ Шампаньи: «если вы недовольны моими министрами, такъ скажите мнѣ, я направлю ихъ...» Эмигранты изъ наиболѣе скомпрометированныхъ изгнаны, войска распущены. «Да мы совсѣмъ подъ игомъ Франціи», раздавался ропотъ въ салонахъ, посѣщаемыхъ друзьями Россіи и Англіи. Но это былъ только ропотъ.

Въ Берлинѣ, на первыхъ порахъ, проглянули признаки осужденія. Г-жа Сталь, бывшая проездомъ въ этомъ городѣ, рассказываетъ, что однажды утромъ ей вручили записку, начинавшуюся словами: «никто *Людовикъ Пруссскій* проситъ г-жу Сталь...» То былъ принцъ Людовикъ-Фердинандъ, остановившійся верхомъ на конѣ подъ ея окнами и приглашавшій ее выйти поговорить съ нимъ. Она поспѣшно встаетъ и выходитъ. «Онъ былъ очень хорошъ на своемъ конѣ, и волненіе, выражавшееся въ чертахъ его лица, придавало особенную прелесть всему его благородному облику...» — «Знаете ли вы, что герцогъ Ангіанскій схваченъ

⁵⁾ Ranke, t. I, p. 486. — Oncken, t. II, p. 110. — Pertz, t. II, p. 233. — Häusser, t. II, p. 498.

⁶⁾ Денеша отъ 19 и 23 марта 1804.

на баденской территоріи, преданъ военному суду и разстрѣлянъ?» Она отказывается вѣрить. «Я вамъ пришлю *Moniteur*», сказалъ принцъ. Она прочла въ этой официальной газетѣ приговоръ, состоявшійся надъ *именуемымъ Людовикомъ Ангіанскимъ*...⁷⁾ Королева, до крайности возбужденная, умираетъ отъ нетерпѣнія облечься въ трауръ. «Англійская колонія виѣ себя отъ ярости», пишетъ Лафорэ. Гаугвицъ переговаривается съ французскимъ посланникомъ о смягченіи формъ выраженія, могущихъ вызвать неудовольствіе, хотя въ Германіи есть всякіе прямѣры: король предписываетъ своему посланнику повторить выраженіе своего желанія, «чтобы Бонапартъ вырвалъ съ корнемъ ужасный заговоръ, направленный противъ его лица и правительства».

Но всѣ эти заявленія сочувствія, очень впрочемъ небольшого, отнынѣ уступаютъ мѣсто отвращенію. 15-го марта Фридрихъ-Вильгельмъ получаетъ отъ Александра письмо, которое, будучи написано ранѣе венсеннскаго дѣла, бросаетъ своеобразный свѣтъ на значеніе послѣдняго. «Не скрою отъ васъ, что я на одной сторонѣ вижу честь, славу и дѣйствительный интересъ вашей короны; а на другой, послѣ столькихъ дорогихъ уступокъ, сопровождаемыхъ вѣчнымъ упрекомъ въ предоставленіи всеобщей монархіи лицу, столь мало достойному этого — я вижу полную и неизбежную гибель вашей собственной монархіи». Но, «если бы ваше величество встало на защиту независимости и блага всей Европы, то вы можете быть вполне увѣрены въ томъ, что я тотчасъ же пошлю бы объ руку съ вами». Эти слова были бальзамомъ для короля, постъ только что полученной имъ отъ Лафорэ угрожающей деклараціи⁸⁾. Онъ пишетъ царю 8 апрѣля: «Ваше письмо дышетъ чувствомъ, которое осчастливило меня. Оно побудило меня тотчасъ же принять свои рѣшенія. Нѣтъ уже болѣе вопроса о соглашеніи съ Франціей. Въ недопускающихъ сомнѣнія выраженіяхъ я заявилъ первому консулу о томъ, какъ я отнесся бы къ новымъ узурпаціямъ съ его стороны... Идя рядомъ съ вашимъ величествомъ, я уже не опасаясь будущаго...» Прусское министерство *тянуло* переговоры о «гигантскомъ союзѣ», предложенномъ Бонапартомъ, лишь для того, чтобы выждать прибытія курьеровъ изъ Петербурга; переговоры были прерваны. Венсеннское событіе сообщило этому перерыву нѣкоторую окраску монархической лояльности; но само по себѣ не имѣло никакого рѣшительнаго значенія⁹⁾. «Такъ какъ Пруссія не желаетъ себѣ болѣе блестящаго будущаго... и предпочитаетъ свой праздный нейтралитетъ, то

⁷⁾ *Dix années d'exil*, chap. XV. — WELSHIGNER, p. 20 — 22. — Ranke, t. I, p. 475. — Донесеніе Лафорэ, 3 апр. Ломбара 1804. BAILLEU.

⁸⁾ Талейранъ и Лафорэ, 24 марта 1804. BOULAY DE LA MEURTHE.

⁹⁾ Гаугвицъ королю, 30 марта 1804.

останемся по отношенію къ ней тамъ, гдѣ мы были прежде», писалъ Талейранъ 21-го апрѣля.

Русскій дворъ, болѣе всѣхъ дворовъ свѣта имѣлъ причины быть сдержаннымъ. День венсенскаго происшествія какъ разъ совпадалъ съ днемъ происшествія, случившагося три года тому назадъ въ Михайловскомъ дворцѣ. Но, говоритъ Чарторыжскій, всѣ дѣйствія кабинета были основаны на убѣжденіи въ неизбежности войны... въ необходимости не дать предупредить себя Бонапарту... Съ Англіей уже договаривались о субсидіяхъ. «Всѣ наши приготовленія къ войнѣ почти уже окончены», писалъ Кочубей Воронцову¹⁰⁾: 50.000 чел. стоятъ на границѣ Пруссіи, 40.000 могутъ двинуться на Варшаву и Краковъ; резервы готовы къ выступленію, какъ только наступитъ благоприятное время года; 6000 чел. садятся на суда для отплытія въ Корфу... Нуженъ былъ только поводъ для разрыва, какой нибудь благородный и громкій мотивъ, достойный крестоваго похода, предпринимаемаго во имя «охраненія порядка, правосудія и мира въ Европѣ»¹¹⁾, подъ верховенствомъ Россіи.

Получивъ 17 апрѣля зловѣщее извѣстіе, Александръ повелъ рѣчь о немедленной отсылкѣ Эдувиля и объ отозваніи Убриля. Въ Зимнемъ дворцѣ былъ тотчасъ же созванъ совѣтъ, на которомъ Чарторыжскій прочелъ слѣдующую наскоро составленную ноту¹²⁾: «Его величеству противно продолжать сношенія съ правительствомъ, которое не признаетъ никакого сдерживающаго начала, никакого долга, и которое, запятнавъ себя ужаснымъ смертоубійствомъ, является лишь вертепомъ разбойниковъ». Однако, по полученнымъ извѣстіямъ, войска еще не были готовы къ немедленному выступленію въ походъ, и полученіе субсидій еще не было обезпечено. Венсенское покушеніе оказывалось несвоевременнымъ. «Если бы дѣло, подобное случившемуся, говорилъ Чарторыжскій, произошло тремя мѣсяцами позднѣе, то, какъ бы оно ни было само по себѣ печально и прискорбно, оно явилось бы въ моментъ самый благоприятный для торжественнаго и громкаго заявленія со стороны Россіи. Въ то время чувства Австріи и Пруссіи успѣли бы болѣе выясниться и опредѣлиться...»

Но такъ какъ моментъ не оказался благоприятнымъ для «благороднаго отмщенія», то совѣтъ рѣшилъ умѣрить знаки официальнаго негодованія и

¹⁰⁾ Воронцову, въ Лондонъ, 23 апрѣля 1804. *Архивъ кн. Воронцова*, т. XVIII.—Мартенсъ, т. XI, стр. 78 и слѣд.

¹¹⁾ Александръ Фридриху-Вильгельму, 21 апрѣля 1804.

¹²⁾ Мартенсъ, т. II, стр. 402; т. XI, стр. 78.—Фурнье, т. II, стр. 54.—Ранке, т. I, стр. 501.—Lefebvre, т. I, стр. 366—7.—*Revue historique*, т. XLIX, стр. 236.—*Mémoires de Czartoryski*, т. I, гл. XII. Донесенія д'Убриля и ноты Талейрана, 12 мая и слѣд.; депешы и ноты петербургскія; донесенія Гедувиля, 17 апрѣля 1804 и слѣд. Трачевскій.

въ имѣющихъ быть разосланными по канцеляріямъ протестахъ ограничиться пока лишь указаніемъ на похищеніе принца на нейтральной территоріи. Имѣлись основательныя причины умалчивать о венсенскомъ рвѣ, такъ какъ «нашъ дворъ, говоритъ Чарторыжскій, никогда не признавалъ насильственной смерти Павла... Онъ все еще придерживался официальной *apoplexie*. Царь и его министры разсчитывали, что французское правительство не согласится унижить себя, давъ удовлетвореніе, которое было бы косвеннымъ признаніемъ въ его виновности: что Бонапартъ самъ возьметъ на себя отвѣтственность разрыва, но что тѣмъ не менѣе можно будетъ затянуть переговоры около двухъ мѣсяцевъ и воспользоваться этимъ временемъ для того, чтобы еще болѣе укрѣпиться на сѣверѣ и югѣ Европы», но эту комбинацію постигнуть неудача, если «допустить Бонапарта предупредить Россію принятіемъ рѣшенія, подобнаго задуманному Его Величествомъ, и если вмѣсто того, чтобы выказать смущеніе, онъ въ глазахъ своей націи и всей Европы явится по отношенію къ намъ съ видомъ высокомернаго пренебреженія». Намъ предстоитъ, заявилъ министръ торговли и будущій канцлеръ Румянцевъ, принять рѣшеніе не ради отвлеченныхъ идей, а ради предусматриваемыхъ выгодъ».

Но такъ какъ русскій дворъ былъ внѣ опасности отъ Бонапарта, то тамъ не скупились на демонстраціи. На другой день, въ воскресенье, дворъ торжественно облекся въ трауръ, императрица мать со слезами; всѣ прочіе для торжественнаго выхода послаѣ заунывойной обѣдни. Александръ намѣрено не замѣчалъ Эдувиля, придворные и генералы избѣгали его; вечеромъ явно отворачивались отъ его жены, которая «имѣла наглость явиться къ князю Блоссельскому»¹³⁾. Носился слухъ, что Людовикъ XVIII получилъ приглашеніе пріѣхать въ Москву; было оповѣщено о скоромъ пріѣздѣ въ Петербургъ Беннигсена. Требовался человѣкъ надежной руки для отмщенія за поруганныя права государей, и Беннигсенъ казался всего болѣе предназначеннымъ для возмездія убійцѣ герцога Англенскаго. Царь въ письмѣ къ прусскому королю испрашивалъ его союза и предлагалъ ему свой: «панический страхъ, который Бонапартъ сумѣлъ внушить всѣмъ правительствамъ, составляетъ главную основу его могущества...» писалъ онъ.

Эдувиль повелъ рѣчь съвысока; онъ потребовалъ удаленія съ русской службы эмигрантовъ: Вернега въ Римѣ и д'Антрэга въ Дрезденѣ. Чарторыжскій, при полномъ соблюденіи всѣхъ формальностей—такъ какъ онъ старался выиграть время—отказался исполнить его предложеніе. Получая письма отъ парижскаго друга и лучше всякаго другого зная въ чемъ

¹³⁾ *Письма отъ 21 апрѣля и 4 мая 1804.*—BAILLEU.

состояла служба д'Антрэга въ Дрезденѣ, онъ не безъ нахальства отвѣчалъ: «императорское министерство удостовѣряетъ, что д'Антрэгъ не вмѣшивался ни въ какія интриги противъ Франціи съ тѣхъ поръ, какъ онъ состоятъ на русской службѣ».

Убриль получилъ приказъ истребовать «удовлетворительное объясненіе», которое, какъ признавался Чарторыжскій, «было очевидно невозможно дать». На эту кичливую нескромность Бонапартъ отвѣтилъ жесточайшимъ оскорбленіемъ¹⁴⁾: «жалоба предъявляемая нынѣ Россіей, наводитъ на вопросъ: развѣ не поспѣшили бы тотчасъ овладѣть людьми, которые, по подговору Англіи, замыслили бы убить Павла I-го, если бы стало извѣстнымъ, что эти люди находятся на одной мили разстоянія, отъ русской границы». На завтра онъ приказалъ Эдувилю взять обратно свои паспорта и сдать дѣла секретарю посольства Рейнсвалю. 7-го іюня Эдувиль выѣхалъ изъ Петербурга.

Папа былъ опечаленъ — у него стало еще одной иллюзіей меньше относительно Бонапарта. Въ Неаполѣ, гдѣ не были такъ щекотливы относительно убійствъ юридическихъ и другихъ, король, въ сущности добрякъ, пожалѣлъ о смерти принца. «Я знала этого бѣднягу; изъ всѣхъ французскихъ принцевъ одинъ только онъ обладалъ мужествомъ и благородствомъ души, сказала Марія-Каролина.. Но тѣмъ не менѣе я нахожу утѣшеніе въ надеждѣ, что это дѣло повредитъ консулу»... Они воздержались отъ траурной демонстраціи и умно сдѣлали, такъ какъ при малѣйшемъ знакѣ враждебности съ ихъ стороны, Бонапартъ объявилъ бы имъ войну¹⁵⁾. Испанскій дворъ оказался достойнымъ Годоя. «Англоманы пошумѣли, пишетъ Бернонвиль, а князь мира сказалъ мнѣ по этому поводу старинную поговорку о томъ, что, если есть дурная кровь, надо ее выпустить. Изъ этого ясно, что испанскій дворъ взглянулъ на дѣло съ той точки зрѣнія, которую я, согласно вашей инструкціи, былъ обязанъ рекомендовать ему¹⁶⁾... Людовигъ XVIII отослалъ орденъ Золотого Руна Карлу IV-му, этому выродившемуся Бурбону. Въ свою очередь дворы Вѣны и Берлина отсылали ему обратно нераспечатанными его письма съ протестами, очень, впрочемъ блѣдными и чисто церемонального характера.

Смерть герцога Ангіэнскаго осталась одной изъ тѣхъ тайнъ, относительно

¹⁴⁾ Ноты д'Убриля, 12 мая; донесеніе д'Убриля, 13 мая; Бонапартъ Талейрану, 13 мая; Талейранъ къ Убрилю, 16 мая; къ Эдувилю, 17 мая. Чарторыжскій, т. I, стр. 379 и слѣд.

¹⁵⁾ WELSHINGER, p. 32, d'après les rapports d'Alquer.—HELFERT, p. 8, 117.—Бонапартъ Талейрану, 20 апр. 1804.

¹⁶⁾ 12 апр. 1804. Grandmaison.

которыхъ принцы Бурбонскаго дома всегда сохраняли глубочайшее молчаніе¹⁷⁾. «Его Величество пожелалъ предать забвенію прошлое», отвѣчалъ въ 1823 г. Виллель Талейрану, который, будучи обвиняемъ публично, домогался производства слѣдствія. Не скрывается ли, быть можетъ, причина равнодушія короля и вражды Бонапарта въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ въ 1802 г. Шампаньи къ д'Антрэгу: «Я видѣлъ многихъ сенаторовъ, министровъ и генераловъ... предпочитающихъ того или другого Бурбона; выборъ ихъ всегда останавливался только на двухъ лицахъ: герцогъ Ангіэнскомъ и герцогъ Орлеанскомъ... Но они предпочли Ангіэна. Ему даже намекали на это: Бартеlemi напелъ возможность пощупать его»¹⁸⁾.

Оставался вопросъ о нарушеніи правъ Имперіи. Императоръ Александръ, одинъ на свѣтѣ былъ еще озабоченъ этимъ. 6-го мая онъ послалъ въ германскій сеймъ ноту, вызывавшую на энергическій протестъ въ защиту правъ и государственнаго строя Священной Имперіи. Но нѣмецкіе государи въ то время думали только о томъ, какъ бы оказать возможно болѣе услуги Бонапарту, а сеймъ, подобно Сійэсу во времена террора, лишь о томъ, какъ бы обезопасить свое существованіе. Герцогъ Баденскій, по внушенію Талейрана, предложилъ Собранію переходъ къ очереднымъ дѣламъ, что и было исполнено 2 іюля. Въ это самое время во Франціи произошла новая перемѣна, послѣдствія которой должны были отразиться и на Германіи. Республика получила Императора, и нѣмецкіе государи надѣялись, что этотъ Императоръ выкажетъ такую же щедрость по части раздачи коронъ и медиатизаціи дворянскихъ земель, какую выказала республика по части секуляризаціи церковныхъ имуществъ.

VII.

Императорская корона ускользнула отъ Бонапарта послѣ нивоза; онъ протянулъ къ ней руку послѣ заговора Жоржа. «Французская нація нуждается въ наследственномъ главѣ государства», сказалъ онъ 29 марта вице-президенту сената—Лекуте. На другой день сенатъ въ полномъ составѣ явился просить Бонапарта быть такимъ главою. Онъ изъявилъ согласіе. Кровь моя, во всякомъ случаѣ, стоила ихъ крови», выразился онъ въ послѣдствіи, говоря о бурбонахъ. Предстояло сдѣлать ее кровью Франціи, обратить ее въ священную кровь самодержавнаго народа и самой великой націи. Умы съ такой нечувствительной постепенностью подготавливались къ этой перемѣнѣ, что она казалась послѣдней и естествен-

¹⁷⁾ Бальзакъ, *Une Tenebreuse Affaire*.

¹⁸⁾ Разговоръ Шампаньи съ д'Антрэгомъ у аббата Maydiel въ Вьнѣ 21 авг. 1802 г. Pingaud.

ной метаморфозой. Въ 1792 г. народъ очистилъ мѣсто; онъ передалъ свою верховную власть конвенту изъ семисотъ членовъ; конвентъ передалъ ее комитету изъ девяти членовъ; затѣмъ рядомъ публицитовъ пришли къ директоріи изъ пяти членовъ, консульству изъ трехъ: эволюція завершалась однимъ.

«Имперія, сказалъ одинъ изъ самыхъ глубокомысленныхъ историковъ Рима, была собраніемъ интересовъ всѣхъ подъ управленіемъ одного человека. Ее называли *respublica*... Въ этомъ словѣ заключалась цѣлая идея... Его употребляли, говоря объ императорахъ, его употребляли и сами императоры. *Respublica* была терминомъ столь же официальнымъ, какъ и *imperium*. Оба означали одно и то же правительство, разсматриваемое съ двухъ разныхъ сторонъ. Власть принадлежала одному, а правленіе было дѣломъ всѣхъ ¹⁾. *République française, Napoléon Empereur* (французская республика, Наполеонъ императоръ): эта надпись на монетахъ Имперіи опредѣляетъ ея духъ и кратко излагаетъ ея исторію.

По мысли Бонапарта эта Имперія должна освятить внутри Франціи равенство, а внѣ ея *pax gallica* (галльскій миръ); верховенство Франціи надъ Европой, преобразованной арміями революціи. Такъ на развалинахъ римскаго государства была основана Имперія Запада, когда Карлъ Великій былъ вынужденъ завоевать часть Европы для того, чтобы поставить въ главѣ ея Францію и обезпечить ея безопасность ²⁾.

Затрудненія для осуществленія этой идеи исходили не отъ народа который ни въ чемъ не отказывалъ и не отъ главныхъ государственныхъ учреждений, которые на все соглашались, а отъ семьи консула, и въ этомъ карикатурная изнанка медали ³⁾. Мало было объявить посредствомъ сенатскаго постановленія наследственность верховной власти; оставался вопросъ, кто-же будетъ наследовать? Братья, племянники? Было противорѣчіе между понятіемъ объ Имперіи, исходящей отъ народа, и существованіемъ императорской семьи, основывающей свои притязанія на случайности рожденія. Императоръ республики—эти слова понятны въ примѣненіи къ Бонапарту, побѣдителю при Лоди; но Иосифъ, но Люсьенъ, но Людовикъ, но Жеромъ, почему они, а не любой изъ слугъ республики и воиновъ революціи? Чисто римскій геній Бонапарта склонялъ его къ выбору наследника по усыновленію. Но, задумавъ такое рѣшеніе вопроса,

¹⁾ FUSTEL DE COULANGES, *les Transformations de la royauté*. Lw. I, chap. II.

²⁾ ROEDERER, t. III p. 514. Discours à Joseph, roi de Naples, au nom du Sénat. 1806.

³⁾ Вся эта часть исторіи того времени была въ первый разъ основательно и превосходно выяснена у Фр. Массона, т. II, гл. XIII. *La lutte pour l'hérédité*.

единственно сообразное съ духомъ учрежденія, онъ не имѣлъ мужества настоять на немъ. Онъ сдѣлалъ уступку, обѣзавшись избрать себѣ наследника въ потомствѣ своихъ братьевъ по нисходящей линіи. Это было то наследованіе по праву, котораго они добивались. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ Иосифъ выдалъ, въ принадлежѣ гнѣва, свою тайну: «Онъ, говоритъ одинъ изъ его друзей, видѣлъ въ этомъ разрушеніе всего своего будущаго... Устраненный навсегда отъ дѣлъ, лишенный правъ наследовать своему брату, правъ, которые онъ приобрѣлъ было самъ, благодаря лишь одной привязанности къ нему со стороны сената»... Онъ проклялъ честолюбіе перваго консула и сталъ желать его смерти, какъ событія счастливаго для своей семьи и Франціи ⁴⁾. И онъ держалъ себя наготовѣ въ ожиданіи дня, когда Франція найдетъ нужнымъ, чтобы у Имперіи была своя революція 1688 г. Бонапартъ думалъ было усыновить сына Людовика и Гортензіи, но Людовикъ воспротивился. «Зачѣмъ-же, сказалъ онъ брату, я долженъ уступить своему сыну мою часть вашего наследства? Чѣмъ я заслужилъ это?» Прибавьте каверзные слухи о кровосмѣсительной связи между Бонапартомъ и Гортензіей, которыми объясняли это предпочтеніе консула. Иосифъ напрямикъ повѣдалъ о нихъ Людовику и весь Парижъ потѣшался надъ шумными пререканіями ⁵⁾ братьевъ.

На самомъ дѣлѣ, Бонапартъ, одаряя ихъ деньгами, титулами, а вскорѣ и коронами, только создавалъ противъ своей власти коалицію людей недовольныхъ и ненасытныхъ, заинтересованныхъ въ его смерти, даже въ паденіи его имперіи, готовыхъ возобновить соперничества и пагубныя коалиціи вельможъ старатаго порядка.

Постановленіе сената, изготовленное въ государственномъ совѣтѣ, было предъявлено 17 мая сенату, который вотировалъ его 18-го. Въ тотъ-же день Бонапартъ принялъ титулъ императора вмѣстѣ съ именемъ Наполеона I. Тотчасъ же вослѣдовала почти мгновенная перемѣна въ нравахъ и образѣ выраженія. 18-го Бонапартъ извѣщалъ Камбасереса: «гражданинъ консулъ, вашъ титулъ будетъ измѣненъ»; а 21 мая онъ уже писалъ ему: «мой кузенъ—архиканцлеръ Имперіи». Былъ созданъ дворъ съ этикетомъ очень строгимъ и очень, впрочемъ, необходимымъ при желаніи корректности. Бонапарты стали высочествами, получили дворцы, много денегъ и пышные титулы: Иосифъ титуловался великимъ избирателемъ; Людовикъ—коннетаблемъ; Мюратъ—великимъ адмираломъ; Евгеній Богарне—государственнымъ архиканцлеромъ. Одинъ Люсьенъ остался не причемъ, и только онъ одинъ изъ Бонапартовъ сохранилъ свою свободу и достоинство среди этихъ чудесныхъ превращеній. Для допущенія его

⁴⁾ Miot, t. II, chap. V, p. 170 и слѣд.

⁵⁾ См. донесеніе Убриля, 4 мая 1804.

къ своему двору Наполеонъ потребовалъ, чтобы онъ удалился отъ себя женщину, на которой онъ женился по любви и которую не переставалъ любить. Люсьенъ отказался, уѣхалъ изъ Парижа и такимъ образомъ съ честью удалился со сцены, въ то время какъ другіе приодѣвались за кулисами для своего театрального *выхода*. Изъ двухъ консуловъ одинъ—Камбасересъ сталъ архиканцлеромъ имперіи, а другой—Лебрёнъ архиказначеемъ. Фуше сдѣланъ министромъ полиціи, а Талейранъ сохранилъ за собою министерство иностранныхъ дѣлъ. Талейрану хотѣлось большаго—быть включеннымъ въ число великихъ сановниковъ Имперіи; онъ выказалъ недовольство, но утѣшилъ себя мыслью, что эта несправедливость дастъ ему право на независимость, т. е. на неблагодарность, и что желаемыя имъ почести придутъ къ нему со временемъ, достаточно рано, чтобы воспользоваться ими, и слишкомъ поздно для того, чтобы обязать его на благодарность. Наполеонъ создалъ двадцать должностей маршаловъ Франціи: четыре почетныхъ—Лефевръ, Келлерманъ, Серюрье, Периньонъ и шестнадцать дѣйствительныхъ, изъ которыхъ, на первыхъ порахъ, было роздано только четырнадцать слѣдующимъ лицамъ: Журданъ, Массена, Ожеро, Брюнъ, Вернадотъ, изъ ряда недовольныхъ, а изъ ряда преданныхъ: Бертье, Ланнъ, Ней, Мюратъ, Бессьеръ, Монсэй, Мортье, Сультъ, Даву. Изъ знаменитыхъ воиновъ республики четверо оставались за штатомъ: Макдональдъ и Гувіонъ-Сентъ-Спръ ⁶⁾, «спартанцы рейнской арміи», почитавшіеся фрондерами; республиканецъ Лекурбъ, бывшій въ немилости, и Моро, находившійся въ тюрьмѣ.

Поспѣшное переряживаніе семьи Бонапарта, несмотря на красоту женщины и естественную грацію, съ которой онъ носилъ свои дорогія убранства, налагало на новую Имперію отпечатокъ дурного вкуса. Процессъ Моро прибавлялъ къ этому отбѣнокъ чего-то мелочнаго и пошловатаго. Наполеонъ, ставши милостью меча и по опредѣленію сената императоромъ, окруженный своими маршалами, не имѣлъ уже причины опасаться Моро. Какой маршалъ, какой генералъ захотѣлъ бы ради оказанія услуги Моро отказаться отъ заманчивой перспективы должностей и соединенныхъ съ ними матеріальныхъ выгодъ; перемѣнить Францію Людовика XVI, которую воскресилъ для нихъ Наполеонъ,—на суровую и расчетливую Америку Вашингтона? Наполеонъ обладалъ довольно возвышеннымъ пониманіемъ величія и въ то-же время былъ слишкомъ человѣкомъ театра, въ искусствѣ политическо-сценической постановки равнымъ Корнею и Шекспиру, чтобы не понять, сколько величія могъ бы онъ придать яркимъ блескомъ великодушнаго поступка новопостроенному и

⁶⁾ Оба служили Бурбонамъ; Людовикъ XVIII сдѣлалъ ихъ перами Франціи.

еще неокрѣпшему зданію своей имперіи. Но ему хотѣлось, чтобы Цинна или самъ призналъ бы себя виновнымъ, или былъ бы уличенъ въ вѣроломствѣ. Однако Моро подъ вліяніемъ общественной симпатіи и увѣренности, что за отсутствіемъ Пишегрю уличить его будетъ некому, уже окрѣпъ духомъ. Онъ произнесъ въ свою защиту прекрасную рѣчь въ республиканскомъ духѣ, указывая на свое плебейское происхожденіе, на первые шаги своей службы въ званіи волонтера, на чины, приобретенныя цѣною услугъ, оказанныхъ имъ отечеству; онъ отвергъ приписываемую ему роль Монка и предъявилъ свои права на долю участія, принятаго имъ въ качествѣ республиканца, въ событіяхъ Брюмера. Эта исповѣдь Моро, повидимому, столь искренняя, но столь постыдно опровергнутая имъ въ 1813 г., произвела глубокое впечатлѣніе.

Наполеонъ изъялъ дѣло Моро изъ вѣдѣнія закономъ опредѣленнаго для этого рода дѣлъ суда, и былъ не мало озадаченъ, когда избранные имъ самимъ судьи, послѣ двадцатичасового совѣщанія и скандальнаго вмѣшательства Савари, вынесли приговоръ, осуждавшій Моро на два года тюремнаго заключенія и слѣдующаго за тѣмъ изгнанія на вѣчныя времена изъ Франціи. Высокопоставленные придворные громкогласно заявляли, что этотъ приговоръ, будучи въ сущности замаскированнымъ оправданіемъ, встрѣченъ публикой «съ оскорбительнымъ для императора удовольствіемъ» ⁷⁾; прочіе говорили шепотомъ, что въ немъ сказалось робкое возмездіе произволу со стороны правосудія. 25 іюня *Moniteur* извѣстилъ объ отбѣздѣ Моро въ Америку. Моро уже былъ не болѣе какъ блуждающая тѣнь героя, умершаго на другой день послѣ Гогенлиндена. Жоржъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью своими соумышленниками.

Странное броженіе замѣчалось въ Парижѣ въ теченіе этого процесса. «Я никогда не видалъ, писалъ Редереръ, столь зловѣщаго для правительства настроенія. Оно напоминало хорошо извѣстный мнѣ духъ, господствовавшій въ судахъ и народѣ въ теченіе 87, 88 и 89-го годовъ... ⁸⁾» «говорили, что Пишегрю убить; что подсудимыхъ и свидѣтелей пытали, что судьи были подкуплены и тому подобные ужасы... Всѣ переводы книги. Тацита были быстро раскуплены...» Но времена измѣнились, и то, что въ 1788 и 1789 годахъ могло служить признакомъ глубокаго волненія, въ 1804 г. указывало лишь на мимолетную зыбь на поверхности моря. Наполеонъ былъ не Людовикъ XVI, и дѣло заключалось не въ томъ, чтобы совершить новую революцію, а въ томъ,

⁷⁾ Отвѣтъ г-жи Ремюза. См. FAURIEL, стр. 471.—*Mémoires de madame de Chastenay*, t. I, p. 478.

⁸⁾ Иосифу 14 іюня 1804 г.—*Oeuvres*, t. III, p. 504.—*Le tableau dans FAURIEL*.

чтобы воспользоваться властью плодами революції уже совершенной. Поэтому все спѣшили занимать новыя мѣста и должности: бывшіе республиканцы для того, чтобы въ лицѣ своемъ усадить и закрѣпить тамъ то, что осталось отъ республики, а бывшіе роялисты для того, чтобы возвратившись домой, приготовить помѣщеніе для своего короля⁹⁾. Составлялись легенды о камергерахъ поневолѣ и придворныхъ дамахъ по принужденію, но это не болѣе какъ легенды. «Люди *наивіе*, жаловались, что надъ ними совершено насилие, говоритъ Шатобрианъ, но такъ какъ такому насилию, говорятъ, подвергались только люди съ громкимъ именемъ или важнаго значенія, то каждый, желавшій доказать свою именитость или важность, самъ напрашивался на такое насилие надъ собою и охотно подчинялся ему».

Въ арміи оппозиція постепенно уgomилась. Все рѣже и рѣже встрѣчались философы, способные восклицать вмѣстѣ съ Поль-Луи. «Такой человекъ, какъ Бонапартъ, солдатъ, предводитель арміи, величайшій въ мірѣ полководецъ, гоняется за титуломъ величества! Быть Бонапартомъ и сдѣлаться королемъ! Онъ стремится унижить себя»¹⁰⁾. Большинство офицеровъ думало только о повышеніяхъ. Они были молоды и видѣли впереди «великое множество блестящихъ должностей»¹¹⁾. Дух отрицанія явился лишь послѣ катастрофы. Тѣбо сознается, что только тогда пробудилась его совѣсть... «Кто-же могъ питать такіе мысли въ 1804 г., въ пору, когда чувства изумленія, восторга, довѣрія, покорности и уваженія неудержимо овладѣли сердцами всѣхъ подданныхъ Имперіи? Что за примѣръ подавалъ Мюратъ... Генералъ-анъ-шефъ, маршалъ имперіи, кавалеръ большого ордена почетнаго легіона, великій адмиралъ, принцъ, императорское высочество! Какъ было не ослѣпиться зрѣлищемъ этой блистательной карьеры? Съ этого дня передъ нами раскрывался новый міръ, міръ новой вѣры». Наконецъ, если отцы революції, философы, падали ницъ передъ Фридрихомъ и Екатериной Великой, которые давали пріютъ странствующимъ писателямъ въ Потсдамѣ и Эрмитажѣ, удваивали населеніе Пруссіи и толкали Россію въ самое сердце Европы, то какъ же сыновьямъ ихъ не преклониться передъ Цезаремъ, который дѣлалъ больше этого: дѣлалъ французамъ владыками континента и въ своемъ лицѣ увѣнчивалъ короной ихъ революцію.

Какъ бы то ни было, если прекратились заговоры, то продолжалось

⁹⁾ См. BARANTE, *Mémoires*, t. I, p. 134.—NORVINS, t. III, p. 111.—RÉMUSAT t. I, p. 345 et *passim*.—SÉGUR, t. II, p. 309.

¹⁰⁾ Письмо Поля Луи Курье въ мѣс 1804 г.

¹¹⁾ *Mémoires de Macdonald*, p. 122; *de Thiebault*, t. III, p. 359; *de Marbot*, t. III, p. 204; *de Bigarré*, p. 145; *Corr. de Davout*, t. I, p. 62, 78 et suiv.

дѣло предательства вообще и въ частности переписка между *друзьями* Англіи съ Гаммономъ и *друзьями* д'Антрага съ шефомъ русскихъ шпионовъ во Франціи. Опасный довецъ государственныхъ тайнъ, подписывавшійся *парижскій другъ*, умеръ лѣтомъ 1804. Сынъ его, *сынъ друга*, занялъ его мѣсто, похваляясь, что имѣетъ свободный доступъ къ императору и Талейрану, оказывающему ему полное довѣріе; состоитъ въ интимныхъ сношеніяхъ съ Дюраномъ, который сообщаетъ или позволяетъ ему похищать секретныя бумаги и считается своимъ человекомъ въ канцеляріяхъ военнаго министерства, гдѣ онъ помѣщается въ качествѣ задатка свои деньги по 12 на 100 и имѣетъ возможность схватывать на лету интересныя сообщенія о движеніи войскъ. Что его наталкиваетъ на эти предательства, кто вдохновляетъ его на страшныя дѣла, въ которыхъ онъ рискуетъ своей головой, состояніемъ и честью? Вотъ какъ онъ объясняетъ это д'Антрагу: «отецъ мой питалъ ненависть къ Бонапарту, и она перешла ко мнѣ по наслѣдству. а мой отецъ принадлежалъ къ очень значительной здѣсь партіи, которая думаетъ, что Англія особенно необходима Франціи для того, чтобы возмущать спокойствіе царствованія, которое при мирномъ своемъ теченіи воскресило бы время Нерона... Я крѣпко привязанъ, по принципу и чувству преданности, ко всѣмъ вожакамъ англійской партіи во Франціи, принципы которой сводятся къ слѣдующему одному: безъ Англіи Франція было бы адомъ. Надо быть здѣсь, на мѣстѣ, чтобы оцѣнить это мнѣніе во всѣхъ его изгибахъ; я всегда буду слѣдовать ему, и такъ какъ случай сблизилъ меня съ нимъ, то я и буду служить ему какъ и пока будетъ можно... У меня есть большое состояніе, но оно держится лишь моимъ личнымъ кредитомъ, а кредитъ дается лишь состоящимъ при машинѣ. Вотъ, милостивый государь, нити, связывающія меня съ этимъ дѣломъ». — «Англичанамъ невозможно меня скомпрометировать... Я взвѣшиваю всевозможныя послѣдствія моихъ разговоровъ съ ними, и все, что я имъ сообщаю, можетъ, даже въ случаѣ нескромности самаго общаго и смутнаго свойства, набросить тѣнь подозрѣнія на многихъ людей. Но надо имъ отдать справедливость: всѣ такъ называемыя государственный тайны, проходящія черезъ руки помощника государственнаго секретаря, никогда не обнаруживаются; не было ни одного примѣра этому». Онъ требуетъ такой-же тайны для писемъ, получаемыхъ д'Антрагомъ и передаваемыхъ имъ въ Россію, «такъ какъ я сообщаю вамъ вещи, о которыхъ только я одинъ могъ узнать, то было бы нетрудно добраться до источника этихъ свѣдѣній и окончательно погубить меня»¹²⁾.

¹²⁾ PINGAUD, appendice: lettre du 1-er mars 1805: cf., id., p. 230, 234, 260. Fragments inédits. Ср. съ письмомъ Маркова 12 іюня 1803 г., выше, письмо отца его.

ГЛАВА II.

Трактаты 1804—1805 г.г.

I.

Въ тотъ же мѣсяцъ, въ который Бонапартъ сдѣлалъ себя императоромъ, въ маѣ 1804 г. Питтъ возвратился къ власти, принявъ руководство дѣлами Англіи. Король Георгъ призвалъ его по необходимости, въ виду угрожающей его королевству опасности. Но Питтъ хотѣлъ возвратиться въ полномъ составѣ своего прежняго министерства, съ товарищами борьбы, Грэнвилемъ и Уингэмомъ; онъ желалъ образовать національное министерство съ Фоксомъ и вигами. Король не пожелалъ Фокса, а безъ Фокса Грэнвилъ и Уиндгэмъ не пожелали быть министрами. Такимъ образомъ Питтъ оказался въ своемъ собственномъ кабинетѣ изолированнымъ среди обломковъ министерства Аддингтона. Онъ былъ, видимо, утомленъ; смерть уже подстерегала его, но энергія его души сохранилась во всей своей силѣ. Довѣріе страны возвращалось къ нему безграничное и восторженное, и снова начиналась борьба на смерть между этими двумя островитянами—корсиканцемъ и англичаниномъ, двумя самыми могущественными въ свѣтѣ вождями людей и руководителями государствъ. Питтъ обратилъ противъ Наполеона знаменитое изреченіе: «Во всѣхъ странахъ право силы склоняется передъ правами гражданина; настоящее правительство представляетъ народъ»¹⁾. Наполеонъ велъ за собою Францію, а черезъ нее Европу, потому что онъ олицетворилъ въ себѣ Францію и ея революцію; Питтъ едва не лишилъ Наполеона верховенства надъ Европой и управленія Франціей, потому что онъ явился олицетвореніемъ Англіи.

Питтъ, основываясь на показаніяхъ своихъ корреспондентовъ, былъ убѣжденъ, что упоенный властью Наполеонъ держится однимъ терроромъ; что его обаяніе не переживетъ поражений, что Франція утомлена его тиранніей, его рекрутскими наборами; что все, что въ ней мыслить и любить свободу, находится въ постоянномъ заговорѣ противъ него; что послѣ его паденія, многочисленная партія, во главѣ которой стоитъ Іосифъ и за которой слѣдуетъ весь сенатъ, готова будетъ подписать условія мира, въ полномъ довѣрїи къ великодушію Англіи; что Англія имѣетъ многочисленныхъ и могущественныхъ друзей, дѣйствующихъ въ ея пользу; что она вступитъ въ переговоры, если не съ Іосифомъ, то съ Орлеанами или Бурбонами; что достаточно будетъ объявить торги на

¹⁾ THIBAUDEAU, p. 79, 227.—Ср. выше, стр. 217, 227.

Францію, чтобы тотчасъ же явился охотникъ приобрести ее по цѣнѣ самой пониженной, т. е. съ отказомъ отъ «естественныхъ границъ»; и основываясь на этихъ данныхъ, онъ комбинируетъ ходы своей политики.

Прежде всего надо предупредить нашествіе. Всѣ ресурсы Англіи должны содѣйствовать этому. У министерства есть флотъ, есть Пельсонъ и есть кредитъ. Оно можетъ требовать у англичанъ все нужное, и тѣмъ, что они дадутъ ему, расплачиваться съ Европой за все. Посредствомъ своихъ субсидій оно вооружитъ континентъ; оно станетъ нанимать войска; оно устранистъ нейтральныхъ, пригрозитъ имъ разрушеніемъ ихъ гаваней, конфискаціей ихъ кораблей; оно пуститъ въ дѣло все, что можетъ лишить Францію союзника или доброжелателя; оно подниметъ противъ нея грозную коалицію, прикуетъ Бонапарта къ континенту Европы, гдѣ онъ можетъ побѣждать, но побѣждая, истощать средства для новыхъ побѣдъ; оно не дастъ ему ни одного дня покоя, ни одного надежнаго для него мѣста; оно будетъ держать его въ вѣчной тревогѣ, вынуждать къ постояннымъ диверсіямъ, заставить его разсѣять свои силы. Чтобы переплыть проливъ, Наполеонъ принужденъ постронть такъ сказать, чудовищную колоссальную машину: надо разстроить эту бесконечно сложную, плохо связанную и лишенную единства машину, которой предстоитъ исполнить съ большою точностью и на огромныхъ пространствахъ заранее рассчитанныя движенія, которая должна въ одно и то же время угрожать Индіи, Египту, Антильскимъ островамъ, парализовать Россію, сдерживать Австрію, подталкивать Пруссію, привлекать Испанію, и все это для того, чтобы уловить три дня попутнаго вѣтра при свободномъ проливѣ. Достаточно будетъ перехватить какого нибудь курьера, замедлить переговоры и умножить препятствія для того, чтобы въ день свободного моря не оказалось уже свободы на землѣ. Будетъ ли Наполеонъ остановленъ противнымъ вѣтромъ, или англійскимъ флотомъ, преградившимъ ему путь, или Россіей и Австріей, принудившими его повернуться къ нимъ—онъ, все равно, не перейдетъ пролива.

Первый пунктъ этого плана заключается въ нейтрализаціи Голландіи — для этого достаточно интересовъ и страстей самихъ голландцевъ. Второй предписываетъ парализовать Испанію, не допускать соединенія испанскаго флота съ французскимъ, благодаря которому Наполеонъ могъ явиться однажды въ Ламаншъ съ силами равными англійскому флоту или даже большими. Въ этомъ отношеніи Питтъ возлагаетъ надежды на мелкіе раздоры въ семьѣ короля, на продажность Годоя и на враждебное отношеніе націи къ союзу съ Франціей. Онъ дастъ почувствовать испанцамъ невыгоды этого союза, будетъ захватывать ихъ нагруженные золотомъ суда, и истреблять ихъ корабли, блокировать ихъ

порты, лишая такимъ образомъ Испанію тѣхъ немногихъ выгодъ, которыя она еще извлекаетъ изъ своихъ колоній; и если она не сдастся, и рѣшится на союзъ съ Англіей, или по крайней мѣрѣ на нейтралитетъ, то Англія все таки получитъ пользу въ томъ, что доведетъ до разоренія морское государство, откроетъ новые рынки для англійской торговли, возмутитъ южно-американскія колоніи, подниметъ значительную часть народа противъ Франціи и произведетъ диверсію болѣе опасную для Наполеона, чѣмъ испанскій флотъ для Англіи.

Третій пунктъ — требуетъ привлечь Россію, а посредствомъ Россіи увлечь Австрію, которая будетъ угрожать Италіи; Пруссію, которая будетъ угрожать нижнему Рейну, и Неаполь, который будетъ тревожить Средиземное море; всѣ они, батальонъ за батальономъ окружатъ Имперію полумилліономъ солдатъ и на крайнихъ границахъ ея нанесутъ ей глубокія и смертельныя раны.

Лордъ Горроуби, государственный секретарь при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, содѣйствовалъ Питту своими совѣтами, пользуясь самъ совѣтами Мальмесбери. Дѣло идетъ о возвращеніи Европы въ то состояніе, въ которомъ она находилась во время большихъ коалицій 1689, 1701—1703, 1793 и 1798 г.г. У Наполеона не выходилъ изъ ума Карлъ Великій, а у Питта—Людвигъ XIV и война за испанское наслѣдство.

Александръ уже рѣшился. Онъ замедлялъ свой разрывъ съ Франціей лишь для того, чтобы завершить вооруженіе и начатыя передвиженія большихъ войсковыхъ массъ да установить единство дѣйствія съ двумя сосѣдними державами — Австріей и Пруссіей, на территорію которыхъ онъ поведетъ свои войска²⁾. Онъ полагаетъ, что за исключеніемъ вопроса о нейтральныхъ, который все болѣе и болѣе будетъ отодвигаться на задній планъ и долженъ быть принесенъ въ жертву, политическіе интересы Россіи и Англіи столь же тождественны, какъ солидарны экономическіе интересы этихъ обѣихъ странъ. Онъ раздѣляетъ мнѣніе Воронцова, согласно которому добрый русскій долженъ быть добрымъ англичаниномъ, а добрый англичанинъ таковымъ же русскимъ³⁾, и что соединенными усиліями русскаго и англичанина будетъ низвергнутъ «колоссъ могущества, честолюбія и деспотизма».

²⁾ Коллоредо Меттерниху 15 ноября 1804 г.: взглядъ на прошлое. *Окскен, Oesterreich und Preussen*, t. II, p. 542.

³⁾ «Между этими странами нѣтъ и не можетъ быть столкновенія интересовъ: у Россіи нѣтъ колоній и она не сосѣдка Англіи. Каждая страна производитъ продукты, необходимые для другой и продающіеся съ наибольшей выгодой на ихъ взаимныхъ рынкахъ. Мы сильнѣе всѣхъ державъ на сушѣ, а вы всѣхъ сильнѣе на морѣ». С. Воронцовъ Питту, 3 іюня 1804 г.

24 мая онъ писалъ императору Францу: «преобладающее вліяніе французскаго правительства на сосѣднія государства и занятіе его войсками многихъ странъ, возбуждаетъ справедливыя опасенія относительно общаго спокойствія и безопасности Европы»⁴⁾. Онъ предлагаетъ немедленно установить общій плавъ дѣйствія. Съ своей стороны онъ дастъ 100,000 чел. и свой флотъ; Австрія должна выставить 200,000 чел. и сверхъ того наблюдательный корпусъ для вынужденія Пруссіи къ сохраненію нейтралитета; если же Пруссія атакуетъ Австрію, то онъ двинетъ противъ нее 80,000 чел. Цѣль войны не въ томъ, чтобы вызвать контръ-революцію во Франціи, а «единственно въ томъ, чтобы обезопасить Европу...» Наконецъ онъ обязуется вступать въ переговоры о мирѣ не иначе какъ съ общаго согласія.

Но Австрія созѣмъ не желала спѣшить. «Французы не сдѣлали мнѣ ничего дурного, и я очень доволенъ ими», сказалъ Францъ Разумовскому. Къ тому же онъ не былъ готовъ, а чтобы готовиться ему было нужно предварительно усыпить французовъ. Въ то же время онъ полагалъ, что Наполеонъ никогда не дастъ ему попользоваться чѣмъ нибудь на счетъ Италіи. Поэтому, еслибы Россія и Англія пошли войной на Францію, то и ему слѣдовало бы примкнуть къ этому дѣлу, обезпечивъ себя заранѣе субсидіями со стороны Англіи и «приличнымъ вознагражденіемъ на счетъ Италіи». Это начиная съ 1791 г., всегдашнее предисловіе ко всякому австрійскому союзу. Кромѣ того Францъ не желалъ писаннаго формальнаго союза и предлагалъ замѣнить его простою министерскою деклараціей, которая давала возможность заявлять Наполеону, что никакого союза не существуетъ. Въ заключеніе онъ потребовалъ, чтобы Россія выставила не 100,000, а 150,000 чел.⁵⁾ Будущая судьба италіанской республики стала въ глазахъ Австріи пробнымъ камнемъ намѣреній Наполеона. Если онъ присоединитъ ее къ своей Имперіи или даже отдастъ кому нибудь изъ своихъ братьевъ, что почти одно и то же, то вся Италія, будучи въ его рукахъ, послужитъ ему мостомъ для нашествія на Грецію и Египетъ. Въ такомъ случаѣ необходимо обезпечить себя со стороны Пруссіи⁶⁾.

Александръ хлопочетъ объ этомъ, но между нимъ и его министрами

⁴⁾ Fournier, *Gentz und Cobenzl*, приложенія, стр. 220.—Fournier, *Napoléon*, t. II, p. 56 et suiv.—Beer, *Zehn Jahre*, стр. 48 и слѣд.

⁵⁾ Донесеніе Разумовскаго, 3 іюня 1804. Martens, t. II, p. 404 et suiv.—Окскен, t. II, p. 152 et suiv.

⁶⁾ Записка о сближеніи съ Пруссіей, 1 сент. 1804. Fournier, *Gentz und Cobenzl*.—Окскен, *Oesterreich und Preussen* t. II: донесеніе Меттерниха, 24 сент. 1804.

сказывается довольно существенное разногласіе по этому предмету. Союзъ или принужденіе?—вотъ въ чемъ вопросъ. Александръ предпочелъ бы союзъ съ его рыцарской обстановкой, императорскимъ въѣздомъ въ Берлинъ и триумфальнымъ путешествіемъ по Германіи рядомъ съ другомъ сердца — Фридрихомъ Вильгельмомъ и прекрасной королевой Пруссіи, героиней этого крестового похода. Но Чарторыйскій, всего болѣе думавшій о Польшѣ, предпочелъ бы войну, которая подѣйствомъ поддержать Пруссію, позволила бы занять провинціи, приобретенныя ею въ 1793 и 1795 г., вырвать Варшаву изъ рукъ этихъ пруссаковъ, болѣе ненавидимыхъ поляку, чѣмъ даже русскіе, и подѣйствою Александра возстановить королевство Ягеллоновъ. Поэтому Чарторыйскій въ продолженіе цѣлаго года не перестаетъ обличать двосудшіе Пруссіи, ея вооруженіе, побуждаетъ къ угрозамъ ей и затѣмъ къ выполнению этихъ угрозъ. Александръ, не довѣряющій прусскому министерству, но вполне довѣряющій «своему брату и другу», желаетъ сдѣлать его причастнымъ своей славѣ, и своими интимными письмами старается завязать союзъ, которому его министры усиливается воспрепятствовать своей официальной перепиской.

Затѣваются «безконечные переговоры» для того, чтобы вынудить Фридриха-Вильгельма скомпрометироваться и оторвать его отъ нейтралитета ⁷⁾. Но если Александръ обнадеживаетъ его помощью, то Наполеонъ угрожаетъ ему войною, которая можетъ подвергнуть риску самое существованіе его монархіи: и онъ думаетъ, что быть можетъ путемъ, своевременнаго посредничества между Александромъ и Наполеономъ ему посчастливится приобрести Ганноверъ и гегемонію въ сѣверной Германіи, не подвергая ущербу своихъ великолѣпныхъ гренадеръ и свою роскошную кавалерію. Прусскій король отнюдь не отказался отъ гарантій, предложенныхъ ему Александромъ, но принялъ такое положеніе, которое, въ нужномъ случаѣ, давало ему возможность переменить роль *гарантированного* на роль посредника. По тѣмъ же побужденіямъ малодушія, какъ и Францъ II, онъ прибѣгъ къ процедурѣ *деклараций*. Обмѣнъ послѣдними совершился 24 мая въ Берлинѣ секретнѣйшимъ образомъ ⁸⁾. Согласно имъ должно было «вопреки всѣмъ новому захвату французскаго правительства въ государствахъ сѣвера имперіи. Этимъ признавался совершившійся фактъ—оккупации Ганновера и закрытія рѣчнаго устья». Въ случаѣ же новой узурпации, слѣдовало отбросивъ все «половинчатые мѣры», начать общій походъ «съ силами пропорціональными громадному могуществу республики». Пруссія расчи-

⁷⁾ Александръ Фридриху-Вильгельму, 2 мая 1804.

⁸⁾ Мартенсъ, т. VI, стр. 341 и слѣд.

тывала на 50,000 чел., предложенныхъ Александромъ, и также на исполненіе союзнаго договора ⁹⁾, «который связалъ такими тѣсными узами судьбы обѣихъ имперій, что опасность, угрожающая одной изъ нихъ, налагаетъ на другую ничѣмъ неограниченныя обязанности». Миръ будетъ заключенъ ими не иначе какъ по взаимному соглашенію, а «очистивъ сѣверъ Германіи отъ чужеземныхъ войскъ», они уговорятся установить тамъ порядокъ, препятствующій возобновленію неудобствъ, отъ которыхъ ему приходилось страдать съ начала настоящей войны.

Этимъ былъ сдѣланъ шагъ къ коалиціи, но шагъ еще далеко не рѣшительный. Декларация признавала существующій фактъ относительно Ганновера, и *casus foederis* вступалъ въ силу лишь въ случаѣ перехода Наполеона за Везеръ. Фридрихъ-Вильгельмъ надѣялся убѣдить Наполеона остановиться у этой рѣки, и думалъ, что, будучи отнынѣ защищенъ отъ нападенія со стороны Франціи, онъ будетъ въ состояніи съ большимъ успѣхомъ преслѣдовать свои виды на Ганноверъ.

Его личныя чувства, сила вещей, вліяніе королевы, принцевъ и большей части генераловъ, влекли его къ Россіи. Ганноверъ его соблазнялъ, соблазнялъ до конца. Но онъ ощущалъ грѣховность этого соблазна, все ждалъ пекунителя, который понасиливалъ бы его, и никогда не могъ во-время уступить искушенію. Оно манило его, а онъ въ смущеніи отворачивался, чтобы тотчасъ же послѣ этого снова мучиться вожделѣніемъ. Его терзали поочередно то упреки совѣсти, то стыдъ за свою робость. Таковъ онъ былъ и по отношенію къ Россіи: безъ принужденія онъ не подписалъ бы союза съ нею. Александръ понималъ это. «Фридрихъ II, тонко замѣтилъ Меттернихъ, ¹⁰⁾, не погубилъ бы всей Европы Базельскимъ миромъ, но вышелъ бы изъ неравной борьбы, бывшей слѣдствіемъ этого мира, самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ королей континента». Этому пытается достигнуть самъ авторъ Базельскаго мира—Гарденбергъ, ставшій тогда министромъ вмѣсто Гаугвица; но онъ робко и неловко принимается за это дѣло, которое, быть можетъ, было бы и по силамъ Фридриху, цѣль котораго въ томъ, чтобы оказаться самымъ тонкимъ игрокомъ въ игрѣ съ двумя такими хитрыми дипломатами какъ Наполеонъ и Александръ, и усилиться путемъ посредничества между двумя такими массами какъ Имперіи русская и французская, Востокъ и Западъ, готовыми броситься другъ на друга.

⁹⁾ Т. е. договора 28 іюля 1800.—Мартенсъ, т. VI, стр. 270 и слѣд.

¹⁰⁾ Донесеніе 14 сент. 1804. Охскен.

II.

Вся политика Наполеона и все его приготовленія къ войнѣ имѣли двоякую цѣль: помѣшать образованію коалиціи или замедлить ее; силою своего обаянія и, путемъ обѣщаній, держать Европу въ выжидательномъ положеніи до дня нашествія на Англію; если же послѣднее не удастся, и ему будутъ угрожать на континентѣ, то предупредить непріятелей, броситься на Германію, овладѣть ею, раздавить Австрію, прежде чѣмъ русскіе придутъ къ ней на помощь, сдѣлать навсегда невозможной коалицію противъ Франціи, и за невозможностью сломить англійское могущество въ Лондонѣ, уничтожить всякое вліяніе англичанъ на континентѣ, запереть ихъ на ихъ островѣ и повернуть коалицію противъ нихъ. Онъ извлечетъ изъ союзниковъ Франціи «все, что только можно извлечь отсюда»¹⁾, свяжетъ руки своимъ коварнымъ врагамъ и обезсилитъ ихъ.

Въ моментъ возобновленія войны 1798 г. онъ хочетъ задержать неаполитанцевъ. Алькье заявляетъ ему объ ихъ тайныхъ вооруженіяхъ, о коварствѣ д'Актона, ставшаго болѣе чѣмъ когда либо англо-маномъ; о перепискѣ Вѣны съ Мадридомъ; о женскомъ заговорѣ: Маріи Каролины и ея дочерей, австрійской императрицы и жены астурийскаго принца Фердинанда съ Маріей-Луизой Испанской²⁾—женщинъ съ одинаковымъ темпераментомъ и страстями. Наполеонъ потребовалъ отсылки д'Актона. Англичане и русскіе посовѣтовали исполнить это требованіе. 31-го мая Актонъ выѣхалъ въ Налермо, украшенный титуломъ принца и съ пенсіономъ въ 30,000 дукатовъ. 31 іюля Алькье принятъ въ качествѣ посланника императора Наполеона и начинаетъ свою новую миссію съ заявленія, что, если хоть одинъ русскій высадится въ королевствѣ, Наполеонъ немедленно отвѣтитъ на это объявленіемъ войны.

Съ Швеціей разрывъ уже совершился; она оправилась отъ оскорбленій по античному: ея король Густавъ IV вмѣсто всякаго признанія Наполеона императоромъ, титуловалъ его *господиномъ Наполеономъ* (Monsieur Napoléon), и французскій *Moniteur* отвѣчалъ ему въ томъ же тонѣ.

Съ тѣмъ поръ какъ прусскій король отклонилъ предложеніе quasi-союза и остался глухъ къ намекамъ на императорскій титулъ, Наполеонъ заподозрѣлъ его въ болѣе интимномъ соглашеніи съ Александромъ. Талейранъ поставилъ Луккезини категорическій вопросъ: «обязывается ли король отказать Россіи въ пропускѣ ея войскъ черезъ его государство

¹⁾ Талейрану, 2, 27 авг. 1804.—Ligurie, Hollande, Cisalpine.

²⁾ Письма Маріи Каролины, 16, 24 апр. 1804. HELFERT.

въ случаѣ, еслибы она запросила о томъ?» Луккезини перетревожился: война съ Германіей, нишеть онъ, «представила бы полководцу и государственному человѣку шансы удачи менѣе сомнительные, чѣмъ морскія предпріятія противъ Англіи... Она послужила бы ему почетнымъ предлогомъ отказаться отъ этой столь торжественно готовящейся имъ высадки на ея берега... Она открываетъ генераламъ новую перспективу славы и особенно обогащенія...» Талейранъ сказалъ Убрилю: «Вы объявите намъ войну, пошлете 30,000 чел. въ Германію, и постараетесь образовать тамъ новую коалицію противъ насъ; но Франція употребитъ все свои громадныя силы, чтобы раздавить ее въ зародышѣ. Россія тотчасъ же покинетъ игру, и Германіи придется расплатиться съ нами за нее»³⁾.

Эти донесенія Луккезини были получены въ Берлинѣ въ то время, какъ тамъ происходили переговоры съ Россіей. По своему характеру добродѣтельный преемникъ Фридриха имѣлъ обыкновеніе успокоивать свою совѣсть двоякимъ образомъ: по своимъ вкусамъ онъ любилъ брать подачки обѣими руками, а по своимъ рыцарскимъ наклонностямъ желалъ видѣть себя обезпеченнымъ со всехъ сторонъ отъ опасностей. Его министры и наперсники ставили ему передъ Лафорэ въ особенную заслугу то, что онъ отклонилъ настоятельныя предложенія Россіи и воспрепятствовалъ этимъ войнѣ. 24 мая онъ тою же самою рукою, которою въ этотъ же самый день подписалъ декларацію объ условномъ соглашеніи противъ Франціи, начерталъ для Луккезини слѣдующую инструкцію, являющуюся довольно интереснымъ шедевромъ двуличности и «умолчаній»: «Приписываемый графу Маркову проектъ союза континентальныхъ государствъ противъ Франціи въ видахъ установленія новаго равновѣсія властей въ Европѣ, не существуетъ... Ни черезъ посредство Алопеуса, ни отъ британскаго министерства я не получалъ никакихъ намековъ по этому предмету, и я далъ уже первому консулу мое честное слово и еще разъ подтверждаю его здѣсь, не вступать ни въ какія предпріятія, вредящія моему нейтралитету, если онъ съ своей стороны не уклонится отъ своего обѣщанія по отношенію къ двумъ пунктамъ, на которыхъ покоится мое слово, 1) чтобы французскія войска въ Ганноверѣ не были увеличиваемы въ числѣ и не получали расположенія, угрожающаго сѣвернымъ границамъ Германіи; 2) чтобы тягости настоящей войны не были возлагаемы на нейтральныя государства этой части имперіи». Съ этими ограниченіями онъ обѣщаетъ закрыть свои границы

³⁾ Донесенія Луккезини, 20 апр.; 14, 26 мая 1804: ВАНЛЕТ.

для войскъ, направляемыхъ противъ Франціи, и затѣмъ признаетъ императора Наполеона I-го ⁴⁾.

Талейранъ разсыпался въ любезностяхъ и успокоилъ короля на счетъ расположенія войскъ въ Ганноверѣ и на Нижнемъ Рейнѣ.

Тонкость его увѣреній, безъ сомнѣнія, не была понята пруссаками, не воображавшими, чтобы можно было проникнуть въ хитросплетенныя тайны ихъ двуличности. Расположенія войскъ, говорилъ Талейранъ, «не могутъ имѣть ничего угрожающаго для державы, въ которой Франція видитъ своего союзника, и великія силы которой ей слишкомъ извѣстны для того, чтобы съ легкимъ сердцемъ возстнавливать ее противъ себя» ⁵⁾.

Съ Австріей Наполеонъ заговорилъ рѣшительнѣе. Она медлила своимъ признаніемъ не по воинственности своего настроенія, конечно, а по расчетамъ своей политики. Францъ II распустилъ свою тирольскую армію и отложилъ нашествіе на Баварію. Онъ не могъ отказать Наполеону въ такомъ вниманіи. Но онъ думалъ, что все это значительно ослабляетъ священную имперію, что ей угрожаетъ гибель, и что, еслибы она даже устояла, такъ какъ императорское достоинство поддежитъ въ ней избранію, оно могло бы перейти къ какому нибудь другому, болѣе удобному въ Парижѣ дому, чѣмъ габсбургскій. А въ такомъ случаѣ, обратившись изъ императора въ короля Богеміи и Венгріи, онъ, въ этомъ новомъ качествѣ своемъ, явился бы весьма малозначительной особой между двумя императорами въ Парижѣ и Петербургѣ, не говоря еще о третьемъ императорѣ съ лѣвой стороны въ Берлинѣ. Поэтому 10 августа 1804 г. онъ рѣшился принять, на всякій случай, тѣхъ императора австрійскаго.

Наполеонъ терялъ терпѣніе. 3-го августа онъ писалъ къ Шампаньи: «Вы скажете, что послѣ того, какъ я удовлетворилъ всѣ требованія Австріи, медлительность ея не имѣетъ оправданія; что противъ меня начинаетъ образовываться коалиція, и что я не дамъ ей времени образоваться; что было бы большою ошибкой думать, что я отложу высадку въ Англію до тѣхъ поръ, пока императоръ не пришлетъ мнѣ своего признанія... Если въ Вѣнѣ имѣютъ безразсудство желать возобновленія войны и склоняться къ внушеніямъ Англіи, то тѣмъ хуже для австрійской монархіи»... Наконецъ, какъ всегда, послѣ угрозъ слѣдуютъ обольщенія. Имѣя въ рукахъ Ганноверъ въ качествѣ приманки для Пруссіи, Наполеонъ обѣщаетъ Австріи, если она пристанетъ къ союзу съ нимъ,

⁴⁾ Къ Луккезини, 24 мая; къ Наполеону, 28 іюня 1804 г.

⁵⁾ Донесеніе Луккезини, 20 іюля 1804 г.

Валахію, Боснію и Сербію, въ обмѣнъ на Венецію, которая вернется въ составъ итальянскаго «отечества» ⁶⁾.

Мысли Наполеона о предупрежденіи коалиціи и его расчеты на мѣлкотность и боязливую осторожность государствъ, на ихъ взаимное недоуверіе и тайные умыслы — предусмотрительны и вѣрны; но есть нѣкто, который читаетъ въ его мысляхъ или, по крайней мѣрѣ, прочитываетъ его письма. *Сынъ друга* пишетъ 31 іюля д'Антрэгу: «Ради неба, пусть заключать (имѣется въ виду Россія) союзъ съ Австріей, наступательный или оборонительный — все равно, — эффектъ будетъ одинаковъ. Онъ необходимъ, потому что только его и опасаются. Неужели эти проклятые австрійскіе министры не видятъ, что не пройдетъ зима безъ того, чтобы ихъ не атаковали?.. Умоляю васъ, убѣдите Россію, изъ сожалѣнія къ этимъ глупцамъ, подписать договоръ о союзѣ, въ которомъ ея единственное спасеніе» ⁷⁾.

Машина, занимающаяся производствомъ скандальныхъ хроникъ и выкрадываніемъ документовъ, продолжала дѣйствовать ⁸⁾. Наполеонъ чувалъ потаеннаго врага. «Нѣтъ сомнѣнія, пишетъ онъ Фуше, что въ Парижѣ существуетъ очагъ интригъ, который нужно бы обнаружить». — «Заговоръ спола еще не раскрытъ». — «Не одни только англичане возмущаютъ Францію». — Онъ ищетъ, волнуется и ничего не находитъ: «Полагаю, что вы не затеряли имя банкрота, о которомъ я вамъ сообщалъ изъ Майнца, объ этомъ состоящемъ на службѣ у Дюрана маклерѣ интригъ по вѣшнымъ дѣламъ». Убриль выдалъ паспорта русскимъ офицерамъ, послѣдовавшимъ порты Ламанша. Наполеонъ приказываетъ арестовать этихъ офицеровъ. Онъ гоняется за англійскими шпионами. Курьеръ, везшій приказы относительно одной морской экспедиціи, потерялъ дорогой секретную депешу, и все дѣло придется начинать заново, если она не отыщется ⁹⁾.

Оба предпріятія: высадка въ Англію и грозный натискъ на Германію, развиваются параллельно въ умѣ императора. 27-го іюля онъ пишетъ изъ Па-де-Калэ своему константинопольскому посланнику Брюну: «У меня здѣсь около 100,000 чел. и 3,000 судовъ, ожидающихъ лишь попутнаго вѣтра, чтобы вознести императорскаго орла на лондонскую ба-

⁶⁾ Донесеніе Луккезини, 25 авг. 1804 г.

⁷⁾ PINGAUD, 2-е édition, p. 267.

⁸⁾ См. у Трачевскаго, послѣднія донесенія д'Убриля іюнь—авг. 1804 г. — PINGAUD, стр. 231, 246—247. — *Lettre de l'amie de Paris*, 18 окт. 1804 г., стр. 268. — *Lectures historiques*, p. 122, 144—145. — О Дюранѣ, PINGAUD, p. 407, 413, 418—419.

⁹⁾ Къ Фуше, 6, 10 авг.; 1, 5 сент.; 3, 7 окт. 1804 г.

шню». 3-го сентября онъ пишетъ: «надо переговорить съ Вилленевомъ о великомъ назначеніи его эскадры». Дѣло идетъ объ отдаленной диверсіи для отвлеченія англичанъ отъ Ламанша. Великая армія высадится на берега Кента; Ожеро и Мармонъ — въ Ирландіи; 18,000 чел. отправятся изъ Бреста, 20,000 — изъ Текселя. «Одна изъ двухъ операцій должна удалиться, и тогда будетъ ли у меня 30 или 40 тысячъ чел. въ одной Ирландіи или также и въ Англіи, кампанія будетъ выиграна нами». Въ то же время подъ начальствомъ Лористона будетъ отправлена экспедиція въ Суринамъ, подъ начальствомъ Рейлля — на о. св. Елены и подъ командой Лагранжа — въ Мартинику. «Англичане будутъ атакованы разомъ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, и такъ какъ они уже давно отвыкли отъ военныхъ тревогъ, то эти послѣдовательныя потрясенія пунктовъ ихъ торговли дадутъ имъ почувствовать до очевидности ихъ слабость»¹⁰⁾. Онъ надѣется быть готовымъ къ концу октября.

Но такъ какъ «только время и судьба располагаютъ будущимъ»¹¹⁾, то онъ съ неменьшимъ стараніемъ готовится и къ нанесенію великаго удара въ обратную сторону. «Горе тѣмъ, которые вздумаютъ намъ воспрепятствовать», пишетъ онъ 3 июня Сульту въ лагерь Сентъ-Омера. Онъ разставляетъ всѣхъ вдоль своихъ путей. Онъ предпринимаетъ повидимому безобидную поѣздку въ Рейнскія страны, которая дастъ ему поводъ сдѣлать смотръ своимъ союзникамъ. Отправившись изъ Арраса 21 августа, онъ черезъ Бельгію пріѣзжаетъ 2-го сентября въ Ахенъ. Тамъ онъ узнаетъ, что Убриль выѣхалъ изъ Парижа, потребовавъ свои паспорта, которыхъ онъ ожидаетъ въ Майнцѣ. Задумавшись по этому случаю о томъ, что неизбѣжной войнѣ на континентѣ, онъ пишетъ къ Декрѣ отъ 4-го сентября: «Нельзя предвидѣть всего, что можетъ произойти въ эти три мѣсяца. Отмѣните-же ваши распоряженія по дѣламъ сѣвера и укройте въ надежномъ убѣжищѣ все, что можно». А что же дѣлать въ это время д'Убриль, всегда хорошо освѣдомляемый *друзьями Россіи*?¹²⁾ «Онъ не переставалъ извѣщать о томъ, что Бонапартъ сосредоточиваетъ свои войска на Рейнѣ, что онъ готовъ выступить изъ Булонскаго лагеря» и двинуться на Австрію.

Австрія покорно склоняетъ голову. Она посылаетъ Наполеону свое признаніе императорскаго титула вмѣстѣ съ завѣреніями о своей преданности миру. 21-го сентября, въ Майнцѣ, гдѣ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ священная имперія торжественно привѣтствовала своего послѣд-

¹⁰⁾ Письма его Декрѣ 3 сент., Гантому 6 сент., Декрѣ 27 и 29 сент., Бертье 27 сент. 1804 г.

¹¹⁾ Брюну 27 іюля 1804 г.

¹²⁾ Изъ Майнца, 5 сентября 1804 г.

няго императора, приготовляясь среди этого торжества къ нашествію на Францію¹³⁾, Наполеонъ оказываетъ пышный пріемъ своимъ нѣмецкимъ союзникамъ. Они уже научились понимать его, зная, что онъ ихъ облагодѣтельствуетъ въ случаѣ покорности и уничтожитъ въ противномъ случаѣ, они тихомолкомъ выпрашиваютъ у него королевскія и великогерцогскія короны каждый согласно своему рангу, и заводятъ рѣчь о составленіи Рейнской лиги, подобной той, которая существовала при Людовикѣ XIV. Они отдаютъ себя въ полное распоряженіе этого дѣлателя королей и великихъ герцоговъ; завѣряютъ его въ своей преданности: почтительно-умиленными жестами обозначаютъ желаемыя ими закругленія ихъ владѣній, а потомъ, въ сторонѣ отъ него, въ своемъ интимномъ кругѣ, при запертыхъ дверяхъ и занавѣшенныхъ окнахъ, проклинаютъ узурпатора, умоляя провидѣніе сокрушить его вскорѣ послѣ того, какъ онъ удовлетворитъ ихъ возжеланія. Такимъ является герцогъ Баденскій, этотъ сговорчивый хозяинъ разстрѣлянаго Бурбона, который много получилъ, потому что больше запрашивалъ и потомъ съ рыданіями бросился въ объятія Дальберга, одного изъ будущихъ бенефициаріевъ Наполеона, — оплакивая на развалинахъ нѣмецкаго отечества, корсиканскую пародію на Имперію Карла Великаго¹⁴⁾. Но все это дѣло отдаленнаго будущаго, а такъ какъ настоящее въ рукахъ Наполеона, то выборъ ихъ сдѣланъ: герцоги станутъ великими герцогами, курфюреты — королями, а король будетъ произведенъ въ императоры. Наполеонъ адресуетъ Фридриху-Вильгельму привѣтливое письмо за доброжелательное признаніе его императоромъ¹⁵⁾ и посылаетъ его черезъ д'Арберга, аудитора своего государственнаго совѣта, д'Арбергъ долженъ выразить при этомъ желаніе Наполеона посягнуть на «возвеличенію прусской короны», т. е. въ сущности наметнуть королю, чтобы и онъ тоже принялъ титулъ императора, слѣдуя примѣру короля Венгрии и Богеміи. Чѣмъ больше будетъ такимъ образомъ сдѣлано второстепенныхъ и подручныхъ императоровъ, тѣмъ болѣе понизится престижъ Россіи и Священной Имперіи, и тѣмъ сравнительно величественнѣе явится образъ истиннаго и единственнаго императора, наслѣдника Карла Великаго, императора Запада.

Наполеонъ чувствуетъ себя сильнѣйшимъ и хочетъ быть августѣйшимъ. Ему нужно высшее освященіе его сана — то помазаніе предста-

¹³⁾ См. т. III, стр.

¹⁴⁾ См. объ этомъ путешествіи: RAMBAUD, *les Français sur le Rhin*, chap. VIII et XIV. — PERTHES, t. I, p. 331 et suiv. — HAÜSSER, t. II, p. 520 et suiv. — TREITSCHKE, t. I, p. 117 et suiv. — HESSE, *Bonn*, p. 223. — BOCKHEIMER, *Mayence*, p. 82. — ARXENT, *Wessenberg*, t. I, p. 65 et suiv.

¹⁵⁾ 30 апр. 1804 г. — BAILLEU, t. II, p. LI, 392 et suiv.

вительствъ всемірной церкви, котораго всегда будетъ недоставать у его соперниковъ — московскаго царя, помазаннаго еретическимъ епископомъ; императора Вѣны, возведеннаго въ сей санъ протоколомъ, и императора прусскаго, если таковой образуется, третьекласснаго, еретическаго и полувиваго императорскій титулъ изъ мпlosti. Съ мая мѣсяца Талейранъ ведетъ переговоры съ папой¹⁶⁾: нужно склонить его явиться въ Парижъ для освященія императора, для *освященія и коронованія* его, какъ пишетъ легатъ Капрара¹⁷⁾, т. е. для совершенія двухъ дѣйствій, не лишенныхъ довольно важнаго различія и соответственныхъ затрудненій. Освятить—значитъ помазать святымъ мѣромъ, внушить народамъ и королямъ благоговѣйное почтеніе къ императору и обратить оскорбленіе величества въ святотатство; а короновать значитъ поставить церковь выше государства и предоставить указывать пути провидѣнія единственному представителю Бога на землѣ. Но таковы мысли Наполеона: подобно средневѣковымъ императорамъ, онъ хочетъ держать корону въ своихъ собственныхъ рукахъ, зависѣть отъ одного себя, быть на землѣ намѣстникомъ провидѣнія, избравшаго его на царство и провозгласившаго его императоромъ гласомъ меча: *ore gladii*. Онъ думалъ объ этомъ, какъ Людовикъ XIV¹⁸⁾: «Карлъ Великій, говоритъ этотъ король въ своихъ мемуарахъ, достигъ такой высокой степени славы не вѣдѣвие избранія его какимъ нибудь государемъ, а благодаря своему мужеству и побѣдамъ, которыми само небо отмѣчаетъ человека и подаетъ свой голосъ за него, когда оно рѣшило подчинить всѣ прочія державы одному». Наполеонъ намѣренно смѣшиваетъ оба освященія, подобно тому какъ онъ дѣлалъ прежде, во время установленія конкордата, по вопросамъ о *религии преобладающей*. Двойной характеръ церемоніала побудить папу пріѣхать въ Парижъ, а тамъ уже ему объяснять, что онъ обязанъ священнодѣйствовать лишь въ одномъ, а при другомъ только присутствовать. Къ тому же Капрара уже указалъ по этому случаю на знаменитый примѣръ «перваго короля новой расы, котораго французская нація поставила на мѣсто своего законнаго короля Хильперика, и котораго папа самъ прибылъ короновать»¹⁹⁾.

Но какъ помазать святымъ мѣромъ убійцу, на рукахъ котораго не

¹⁶⁾ Lefevbre, t. I, chap. x.—D'Haussonville, *l'Eglise romaine et le premier Empire*, t. I, chap. XV; négociations du sacre et appendice.

¹⁷⁾ Письмо Капрара 10 мая 1804. Онъ пишетъ, что Наполеонъ сказалъ ему: «всѣ установленныя власти внушаютъ мнѣ, какъ было бы славно, еслибы мое освященіе и коронованіе были произведены самимъ папой».

¹⁸⁾ См. т. I, стр. 12—13.

¹⁹⁾ Письмо Капрара, 9 мая 1804.

остыла еще кровь одного изъ потомковъ Людовика святого! Какъ освятить революцію въ лицѣ человека, объявляющаго себя сыномъ ея! Какъ возвысить этого авантюриста надъ законными государями! И чѣмъ объяснить въ глазахъ католическаго міра такую необычайную снисходительность? Необходимо оправдать ее очень важнымъ религіознымъ побужденіемъ. Папа отдастъ этотъ вопросъ на обсужденіе собранія изъ двадцати кардиналовъ. Эти искусные казуисты прежде всего установили слѣдующее различіе: «признаніе свидѣтельствуетъ лишь о совершившемся фактѣ, между тѣмъ какъ коронованіемъ освящается право и законность». Законность кажется имъ недостаточно очевидной; она нѣсколько затемняется постановленіями сената, изъ которыхъ одно требуетъ «*клятвеннаго обѣщанія уважать и заставлять уважать свободу вѣроисповѣданій*, а другое, еще худшее перваго, обязываетъ къ такому-же *уваженію законовъ конкордата*, включая ихъ, такимъ образомъ, въ число *законовъ органическихъ*. Пусть устраняютъ обѣ эти клятвы, и затуманенный ими принципъ законности начнетъ обнаруживаться. Но для полнаго его проявленія этого все таки мало. Дѣло еще вотъ въ чемъ: «новый императоръ лишилъ папскій престолъ половины его владѣній—трехъ авиньонскихъ легатствъ и графства вискенскаго. Если онъ и былъ при этомъ не болѣе какъ исполнителемъ чужой воли, то, принявъ бразды правленія въ свои руки, онъ все-же не возвратилъ ихъ и не далъ за нихъ никакого вознагражденія». Пусть онъ исправитъ это ушущеніе, и законность его власти станетъ даже въ глазахъ самыхъ щекотливыхъ въ этомъ отношеніи людей вещью, по крайней мѣрѣ, допустимой. Но она станетъ самой очевидностью, если, вмѣсто того, чтобы вызывать папу въ Парижъ, Наполеонъ, по примѣру Карла Великаго, самъ явился бы въ Римъ, *ad limina*, для полученія освященія и короны.

Капрара не добился ничего, кромѣ двусмысленныхъ разъясненій и совѣтъ не двусмысленныхъ требованій. «Всѣ заявленныя препятствія къ прибытію папы въ Парижъ—не болѣе какъ лживыя отговорки», пишетъ онъ 8 іюля къ Гонзальви. Послѣ долгаго препирательства о словахъ и хитросплетенной аргументировки разныхъ тонкостей, папа наконецъ уступилъ, ради блага церкви во Франціи и особенно ради сохраненія за собой благосклонности Цезаря. Онъ льстилъ себя надеждою достигнуть въ Парижѣ разныхъ смягченій въ формѣ и награжденій по сущности дѣла. 2-го сентября онъ объявилъ, что согласно приглашенію Наполеона «онъ отправится въ Парижъ для *освященія и коронованія* императора». Приглашеніе было послано 15 сентября: «я прошу ваше святѣйшество, гласило оно, прибыть для сообщенія церемоніи освященія

и коронованія первого императора французовъ религіознаго характера самой высокой степени». И какъ бы для того, чтобы показать полное значеніе этого акта, онъ пишетъ своему посланнику въ Римѣ—Фешу: «я желаю прибытія папы къ 18 брюмера» ²⁰⁾, и Камбасересу: «мнѣ очень желательно, чтобы церемонія совершилась въ первое воскресенье послѣ 18 брюмера». 18-е брюмера было истиннымъ днемъ его востшествія на престолъ, днемъ рожденія новаго Карла Великаго.

III.

Убриль покинулъ Майнцъ 3 октября; въ то же время Райневаль выѣхалъ изъ Россіи. Официально сношенія были прерваны. Александръ утвердился въ своихъ намѣреніяхъ. Онъ рѣшилъ, что для него пришло время совершать великія дѣла, явить себя міру; привлечь къ себѣ восторженные симпатіи русскихъ, которые скучаютъ имъ, видятъ въ немъ выродившагося потомка прабабки Екатерины, находятъ его слишкомъ слабымъ и безхарактернымъ, какъ нѣмецъ. Говорятъ, что онъ пренебрегаетъ дѣлами, проводитъ время въ ухаживаніяхъ не только за красавицей Нарышкиной, но и за другими второстепенными любовницами изъ французскихъ актрисъ; что онъ дружится съ англійскими негоціантами и унижаетъ себя участіемъ въ ничтожныхъ интересахъ съ ничтожными людьми ¹⁾. На самомъ же дѣлѣ онъ въ ожиданіи убивалъ время, скрывая свою игру, и, быть можетъ, довѣрялъ одному только Черторыжскому свои мысли и тайну своихъ предпріятій. Взглянемъ на нихъ обонхъ—царя и его министра—въ томъ видѣ, какими они являлись тогда во дворцѣ. «Онъ—императоръ—казался смущеннымъ; въ его чрезвычайной вѣжливости было нѣчто банальное, и все въ немъ, даже его закованность въ самое обтянутое изъ военныхъ мундировъ, давало ему болѣе видъ прелестнаго офицера, чѣмъ молодого монарха. Близъ него, мы видимъ «человѣка въ статскомъ платьѣ, высокаго роста, съ интеллигентнымъ лицомъ и выдающеюся челюстью, которая не только не безобразитъ черты его лица, но, напротивъ, придаетъ имъ много оживленія и подвижности... Это одинъ изъ наиболее замѣчательныхъ и антипатичныхъ людей—князь Адамъ Чарторыжскій», говорили русскіе, съ завистью и тревогой видѣвшіе этого поляка въ милости у ихъ повелителя ²⁾.

Состоялось рѣшеніе объ отъѣздѣ Новосильцева въ Лондонъ. Инструкции, составленныя для него, подъ наитіемъ императора, Черторыжскимъ,

²⁰⁾ Фешу 16 сентября, Камбасересу 8 октября 1804 г. изъ Кельна и Трира.

¹⁾ *Mémoires de Moriollès.*

²⁾ *Mémoires de la comtesse Potocka.*— «Война и Миръ», т. I.

содержать сущность всего политическаго плана Александра избавить Европу, сокрушить Наполеона, уничтожить революцію, объявить себя королемъ Польши и стать идоломъ французскихъ либераловъ, урѣзывая границы ихъ государства и низводя Францію на степень спутника Россіи ³⁾. Онѣ составляютъ постоянную подкладку русской политики въ теченіе всего новаго періода готовой начаться войны и при недостаточномъ знакомствѣ съ ними легко подвергнуться заблужденію и видѣть признаніе существующихъ фактовъ въ поверхностныхъ и эфемерныхъ компромиссахъ и результаты заключенныхъ трактатовъ въ простыхъ приостановкахъ военныхъ дѣйствій.

Цѣль переговоровъ состоитъ въ заключеніи союза «дѣйствительно полезнаго и благотворительнаго». Для достиженія этого необходимо смотрѣть дальше близящейся войны, имѣть въ виду будущее Европы и привлечь на свою сторону ея общественное мнѣніе. Самое могущественное оружіе, которымъ доселѣ пользовались французы, и которымъ они еще угрожаютъ всѣмъ странамъ, заключается во внушенномъ ими всеобщемъ убѣжденіи, что ихъ дѣло есть дѣло свободы и благоденствія народовъ». «Отвращаясь отъ намѣренія обращать человѣчество въ пепелъ, продолжаетъ царь, я желаю бы, чтобы оба правительства пришли между собою къ соглашенію о томъ, что, будучи далеки отъ притязанія возстановлять въ странахъ, освобождаемыхъ отъ ига Бонапарта старинныя злоупотребленія и порядокъ вещей, къ которому умы, вкусившіе формы независимости, не могутъ приспособиться, они, напротивъ, постараются обезпечить имъ свободу, утвержденную на истинныхъ основаніяхъ». Сравните эти слова съ тѣми рѣчами, которыя будетъ держать Кутузовъ къ нѣмцамъ въ 1813 г., а также съ тѣми, съ которыми Александръ обратится къ французскимъ либераламъ въ 1814 г., и вы увидите въ нихъ развитіе одной и той же программы. Она же проглядывается и въ мѣрахъ, предложенныхъ въ 1804 и 1814 годахъ, для преобразованія континентальной Европы.

По отношенію къ Франціи она отличается двойственностью, которою коалиція будетъ пользоваться до конца, чтобы привлечь и обезоружить французовъ, обольщая ихъ обѣщаніемъ предоставить Франціи избирать самой ея собственное правительство и признать ея «естественныя границы», т. е. границы Рейна».

Александръ не хотѣлъ возстановленія Бурбоновъ: онъ не любилъ ни личность претендента, ни принципы, представителемъ которыхъ про-

³⁾ Секретныя инструкции Новосильцеву, 23 сент. 1804. — Чарторыжскій, *Мемуары*, т. I, гл. XI; документы, т. II, стр. 29 и слѣд. — Мартенсъ, т. XI, стр. 84 и слѣд. — Ср. BERNHARDI, t. II, p. 514 и слѣд.

возглашалъ себя Людовикъ XVIII. Домъ Бурбоновъ почиталъ себя слишкомъ высокимъ, чтобы стать чѣмъ бы то ни было кліентомъ, и при томъ чистая *легитимность*, не говоря о противорѣчii, въ которомъ она находилась съ порядкомъ наслѣдованія, существовавшимъ въ Россіи со времени Петра Великаго, не ладила съ кліентизмомъ. Александръ, подобно многимъ французскимъ монархистамъ, желалъ короля по своему образцу, такого, который былъ бы ему долженъ всѣмъ: въ этомъ онъ сходилъ съ конституціоналистами, и въ этомъ же пунктѣ его чисто русская политика совпадала съ его свободолюбіемъ. «Считая не подлежащимъ сомнѣнію, что для блага Европы и Франціи французская конституція должна быть монархической, онъ заключалъ, что надо ожидать запроса на такую конституцію со стороны самой націи; можно, конечно, будетъ подготовить появленіе ея, но отнюдь не слѣдуетъ преждевременно объявлять о томъ. Кабинеты должны заранѣе уговориться относительно лица и семьи, которыя могутъ быть призваны царствовать во Франціи. Если это Бурбоны, то слѣдуетъ опредѣлить, которые изъ нихъ будутъ призваны, когда ихъ извѣстятъ объ этомъ, какого рода поведеніе потребуется отъ нихъ, и какія они должны будутъ подписать условія своего избранія, самое существенное изъ которыхъ заключается въ обязательствѣ соблюдать принятую ими конституцію.

Эта конституція будетъ приманкой для французской націи. «Этой націи будетъ объявлено, что враждуютъ не съ ней, а съ ея правительствомъ, столь же тягостнымъ для Франціи, какъ и для остальной Европы. Союзники, скажутъ ей, стремятся не заковать ее, а разбить ея оковы». Обоимъ такимъ рѣчью французы откажутся отъ борьбы безполезной и гибельной и положатся на добрыя намѣренія союзниковъ, покинутъ Бонапарта, и, когда будетъ заключенъ миръ, имъ останется только подчиниться условіямъ, цѣною которыхъ ихъ король долженъ былъ заплатить за свою корону.

А условія будутъ суровыя. Инструкціи 23 сентября ихъ не опредѣляютъ; тамъ просто говорится «о приведеніи французскаго могущества въ должныя границы»; но приложенные къ инструкціямъ параграфъ «объ устройствѣ европейскихъ дѣлъ по окончаніи счастливой войны» и словесныя заявленія Новосильцева позволяютъ узнать ихъ въ точности. «Франція, говорится тамъ, сохранить въ качествѣ своихъ границъ Альпы и Рейнъ до извѣстной высоты». Вотъ и все. Французамъ просто скажутъ: *Рейнъ*, и не будутъ имъ мѣшать понимать его по своему, т. е. отъ Базеля до устья, съ тѣмъ чтобы по завершеніи завоеванія, объявить имъ, что дѣло идетъ о старинной рейнской границѣ—отъ Базеля до слиянія съ Лаутеромъ. *Параграфъ* прибавляетъ:

«Голландія снова станетъ республикой съ наслѣдственнымъ штатгальтеромъ, послѣ присоединенія части Нидерландовъ къ Австріи. Излагая эту комбинацію Питту, Новосильцевъ скажетъ:

«Согласно мысли его императорскаго величества, прежде всего слѣдуетъ вдвинуть Францію въ ея прежнія границы или вообще такія которыя сочтутся наиболее пригодными для общаго спокойствія Европы; затѣмъ слѣдуетъ противопоставить честолюбію Бонапарта естественныя препятствія, которыя, удерживая Францію въ ея границахъ, противились бы ея расширенію въ будущемъ». Ограничивъ Францію, надо еще ее заковать! ⁴⁾. «На сѣверѣ у нея будетъ Голландія, увеличенная Бельгіей и связанная федеративнымъ союзомъ съ Германіей; на востокъ—Швейцарія, также соединенная съ этой новообразованной германской конфедераціей; на юго-востокъ—Цемонтъ, возвращенный сардинскому королю и увеличенный присоединеніемъ Генуи и части Ломбардіи; Пруссія будетъ даны Мекленбургъ, Фюльда, Ансбахъ и т. д. (sic.). Швеція получитъ въ Германіи какое нибудь княжество. Австрія, сохранивъ за собою часть Венеціанской области, получитъ Баварію, какую ей угодно границу въ Швабii и Франконіи съ прибавкой Тироля. Изъ остальной Германіи образуется германская Имперія въ видѣ посредствующей массы между Франціей, Австріей и Пруссіей. Изъ этой массы можно будетъ выдѣлять большіе куски для вознагражденія Австріи и Пруссіи за уступки, которыя онѣ, при случаѣ, могутъ сдѣлать Россіи. *Параграфъ* не объясняетъ о какихъ уступкахъ идетъ рѣчь, но позволительно думать, что и въ то уже время, какъ потомъ въ годахъ 1813 и 1814, имѣлись въ виду польскія провинціи. Турцію, когда пробьетъ ея часъ, можно будетъ расчленивъ на рядъ отдѣльныхъ государствъ, управляющихся сообразно мѣстнымъ условіямъ и соединенныхъ въ общій федеративный союзъ, на который русскій императоръ оказывалъ бы рѣшительное и законное вліяніе, посредствомъ принятаго имъ титула императора славянъ и Востока». Россія взяла бы себѣ Молдавію, Константинополь, Корфу, Каттаро. Австрія, въ случаѣ если бы понадобилось ея согласіе, могла бы получить Хорватію, часть Босніи и Валахii, Бѣлградъ и Рагузу. Что же до Пруссіи, то если бы она не удовлетво-

⁴⁾ Мартенсъ, т. XI, стр. 87. — Идея о закованіи Франціи и стѣсненіи ея границъ носилась тогда въ воздухѣ и до такой степени, что въ 1804 г., Даленбергъ, баденскій посланникъ въ Парижѣ, т. е. представитель одного изъ государствъ, болѣе всѣхъ выпрашивавшаго и получившаго отъ Наполеона, составилъ, говорятъ, записку объ ограниченіи Франціи, которая легла въ основаніе трактата коалиціи 11 апр. 1805 г. и трактата 30 мая 1814 г.—*Biographie Universelle*, статья: Dalberg.

влася своей долей въ Германіи, ей можно бы предложить, «въ случаѣ крайней необходимости», королевство Голландское. Въ заключеніе *параграфа* говорить, что «на ходъ дѣлъ Европы такимъ образомъ переустроенной, Россія получила бы вліяніе преобладающее и тѣмъ болѣе прочное, что Франція и Англія стали бы тогда на перекоръ другъ другу добиваться ея дружбы ⁵⁾».

Все эти комбинаціи должны быть утверждены и обеспечены сплетеніемъ трактатовъ, которая послужила бы основаніемъ для взаимныхъ отношеній европейскихъ государствъ и превосходя своей обширностью трактаты Вестфальскій и Утрехтскій, стала бы хартіей новой Европы. Роль Турціи въ этой системѣ состояла въ томъ, чтобы или подвергнуться расчлененію для возстановленія равновѣсія, или быть охраняемой изъ опасенія нарушенія равновѣсія. Септѣбрь 1804 г. былъ сезономъ охраны, попечительства и опеки.

Въ Петербургѣ все было въ ожиданіи великихъ результатовъ миссіи Новосильцева. Пока онъ приближался къ Англіи, царь, подъ впечатлѣніемъ полученныхъ изъ Парижа извѣстій, предписалъ Разумовскому вывести Австрію изъ бездѣйствія, потребовавъ отъ нея категорическаго и окончательнаго отвѣта. Отвѣтъ былъ данъ. 6 ноября было подписано въ Петербургѣ соглашеніе о союзѣ, облеченное въ форму *декларации*, дабы императоръ и его министры могли, въ случаѣ надобности, поручиться своимъ императорскимъ или министерскимъ словомъ, что никакого трактата не существуетъ ⁶⁾. Въ силу этой *декларации* объ *интимномъ союзѣ* оба государства обязались составить планъ военныхъ операцій; они должны выставить 350,000 чел., состоящихъ изъ 235,000 австрийцевъ, русскаго наблюдательнаго корпуса и 80,000 чел., расположенныхъ на границахъ Пруссіи. Они предоставляютъ себѣ право входить въ соглашенія съ другими державами; должны вѣдать *casus foederis* въ каждомъ увеличеніи французскихъ войскъ въ Неаполь и расширеніи Франціи на счетъ Германіи; гарантировать цѣлость турецкой имперіи и сообща защищать ее. Россія постарается доставить Австріи англійскія субсидіи въ количествѣ по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ фунтовъ для начала войны. Союзники не могутъ прекращать военныхъ дѣйствій и заключать мира иначе, какъ съ общаго ихъ согласія. Цѣль ихъ не въ томъ, чтобы насиловать свободную волю французскаго народа и вызывать контръ-революцію, а единственно въ томъ, чтобы оградить Европу отъ угрожающихъ ей опасностей. Границы Австріи, въ возна-

⁵⁾ Параграфъ объ устройствѣ дѣлъ Европы послѣ счастливой войны, 1804.—Черторижскій, *Mémoires*, т. II, р. 62 et suiv.

⁶⁾ Мартенсъ, т. II, стр. 406 и слѣд.—О Пруссіи см. выше.

гражденіе за понесенныя ею огромныя потери, будутъ расширены на западъ Италіи до р. Адды, а на югъ—до р. По. Великій герцогъ Тосканскій возвратится во Флоренцію или въ какое-либо другое мѣсто Италіи. Зальцбургъ и Пассау достанутся Австріи. Сардинскій король будетъ индемнизированъ. Наконецъ, въ виду того, что союзники находятъ полезнымъ «отодвигать какъ можно далѣе время открытой войны съ Франціей», Россія посоветуетъ нааполитанскому королю, подъ страхомъ лишить его своей защиты, не раздражать французскаго правительства ни прокламаціями, ни вооруженіями, ни возстаніями въ Абрुцахъ и Ангуини.

Между тѣмъ какъ они сдерживали такимъ образомъ нааполитанскаго короля, англичане своими угрозами Испаніи, оскорбленіями ея флага, захватомъ и конфискаціей ея судовъ заставили мадридскій дворъ броситься въ крайности, отъ которыхъ онъ такъ желалъ бы воздержаться. Была оскорблена національная честь, а испанская нація никогда не прощала этого. Годомъ медлилъ разрывомъ съ Англіей только потому, что хотѣлъ выиграть время для пополненія истощенной испанской казны. «Я сяду на коня, воскликнулъ онъ, и самъ поведу армію въ Булонскій лагерь, къ Императору». Съ тѣхъ поръ все устремилось къ войнѣ, которая и была объявлена испанцами Англіи 4 декабря.

IV.

Въ то же самое время, актъ насилія, совершенный Наполеономъ, по такого же рода соображеніямъ, едва не бросилъ Пруссію въ объятія коалиціи. Фридрихъ Вильгельмъ былъ на маневрахъ во время прѣзда Арберга въ Берлинъ. Извѣщенный о намекахъ Наполеона по предмету императорской короны, король прежде всего перетревожился и затѣмъ открылся королевѣ «въ выраженіяхъ величайшей скромности» ¹⁾. Гарденбергъ отозвался политично. «Австрія и Россія, сказалъ онъ, держатся въ своей политики принципа, что Бранденбургскій домъ уже достаточно успѣлся. И только одинъ императорскій титулъ, поднявъ короля на ступень, высшую его настоящаго положенія, можетъ побудить ихъ отказаться отъ этой политики». Все это дало поводъ снова выдвинуть на сцену вопросъ о Ганноверѣ и заявить о постоянномъ желаніи короля получить на храненіе это курфюршество, судьба котораго будетъ уже окончательно рѣшена по согласію съ Англіей во время замиренія. «Король убѣжденъ, что король Англіи, по заключеніи мира приметъ императорскій титулъ, уже принятый его парламентомъ, и

¹⁾ Донесенія Лафоре 16 и 19 октября 1804 г.

откроет переговоры по предмету курфюршества. Ему кажется, что это и будет самый подходящий момент для принятия решения». Это значило снова заводить старую пѣсню о полученіи Ганновера на храненіе, въ залогъ, про запасъ, въ вознагражденіе за нейтралитетъ, при полномъ отказѣ воевать съ Англіей. «При справедливомъ довѣріи къ системѣ короля, писалъ 22 октября Гарденбергъ къ Луккесини, можно бы и даже слѣдовало бы, положаясь на его слово, возвратиться къ плану отдать Ганноверъ на храненіе Пруссіи, или по крайней мѣрѣ значительно уменьшить войска, занимающія эту страну». Съ такими одобряющими задними мыслями Фридрихъ-Вильгельмъ послалъ полковника Кнобельсдорфа представлять его на коронаціи Наполеона, снабдивъ этого посла соответственными инструкціями.

Воображать, что Наполеонъ очиститъ завоеванный его войсками Ганноверъ и отдастъ его Пруссіи изъ вѣжливости и ради одного только желанія заявить довѣріе «къ системѣ короля» значило совсѣмъ не понимать его политики. Осыпая деньгами и награждая людей, Наполеонъ требовалъ отъ нихъ службы себѣ. И онъ имѣлъ случай показать пруссакамъ, какъ далеко могутъ заходить его требованія отъ нихъ, и какимъ образомъ они должны служить ему.

Полицейская война, которую онъ велъ съ корреспондентами, шпионами, эмиссарами и англійскими агентами, оказывалась безсильной. Изгнаніе Дрэка, англійскаго посланника въ Мюнхенѣ, и Смита, англійскаго посланника въ Штутгартѣ, не произвели никакого эффекта. Дрэкъ пріютился въ Дрезденѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ д'Антрэмомъ, прикрываемымъ Россіей и неуловимымъ въ своей берлогѣ. Центральное бюро шпионства и англійскихъ агенцій, напоминавшее собой дѣятельность Викгэма во времена Директоріи, какъ думали въ Парижѣ, переселилось въ Гамбургъ. Наполеонъ уже пригрозилъ отдать этотъ вольный городъ какой-нибудь монархической державѣ, которая «учредила бы тамъ полицейскій надзоръ надъ англичанами» ²⁾. Угроза не подѣйствовала. Англійскіе агенты продолжали свои происки. Наполеонъ вспылывалъ и рѣшился дать новый устрашающій примѣръ, нѣчто въ родѣ 23 марта дипломатическаго свойства ³⁾.

7-го октября онъ писалъ къ Фуше: «я желаю захватить англійскаго посла въ Гамбургѣ, Румбольда, также какъ его бумаги, послѣ чего я

²⁾ Талейрану, 29 авг. 1804.

³⁾ RANCKE, t. I, p. 492 et suiv.; et t. II, *Mémoires de Hardenberg*, p. 51; MALMESBURY, *Diaries*, t. IV, journal de décembre 1804: HÜFFER, *Lombard*, p. 142 et suiv.; ONCKEN, t. II, p. 155; LEFEBURE, t. II, chap. XI; LANG, *Reinhard*, p. 289—292.

немедленно извѣщу дворы Европы объ этомъ похищеніи, оправдывая его ссылками на ноту Гоксберга». Сказанная нота была циркуляръ, которымъ этотъ министръ иностранныхъ дѣлъ пытался оправдать поведеніе Дрэка. Наполеонъ продолжаетъ: Меня увѣряютъ, что онъ (Румбольдъ) квартируетъ у рѣки. Генералу Бернадоту будетъ не трудно похитить его... Для этого достаточно двухъ лодокъ съ нѣсколькими пѣхотинцами и двѣнадцатью или пятнадцатью пересѣтыми жандармами. Мы найдемъ въ его корреспонденціи интересныя разоблаченія». Эти разоблаченія заключались въ оправданіи государственной пользой похищенія австрійцами де-Марэ и де-Самонвиля на нейтральной территоріи Граубиндена въ 1793 г. и французскихъ уполномоченныхъ въ Раштадтѣ на нейтрализованной территоріи, въ 1799 г.

Бернадотъ получилъ это предложеніе съ особымъ курьеромъ, и въ ночь 25 октября похищеніе совершилось. Румбольда привезли въ Ганноверъ, а оттуда, подъ стражей, въ Парижъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ дѣломъ въ Берлинѣ, было гораздо сильнѣе предвидѣннаго Наполеономъ. Онъ полагалъ показать примѣръ, дать предостереженіе, зондировать почву—и чуть не вызвалъ войны. Гамбургъ состоялъ подъ покровительствомъ Пруссіи. Румбольдъ былъ резидентомъ при Нижне-Саксонскомъ округѣ, будучи аккредитованъ въ этомъ качествѣ передъ Фридрихъ-Вильгельмомъ, директоромъ того-же округа. Гамбургское дѣло принадлежало какъ разъ къ разряду тѣхъ дѣлъ, которыя предусматривала секретная русско-прусская декларация 24 мая: оно создавало *casus foederis*. Русское покровительство было обезпечено Фридриху-Вильгельму: но дѣло затрогивало всю прусскую политику въ ея дѣломъ, такъ какъ вся она сводилась къ нейтральности Сѣвера Германіи. Перенесши такое оскорбленіе, Пруссія лишилась бы всякаго престижа въ Имперіи и Европѣ.

Дѣло уже не шло, какъ въ случаѣ съ герцогомъ Ангіапскимъ, обаденскомъ маркграфѣ и французскомъ эмигрантѣ, ничтожномъ князѣ и изгнанникѣ; оно касалось агента одной изъ великихъ европейскихъ державъ, состоящаго подъ покровительствомъ международного права и прямой охраной прусскаго короля; поруганная корона была короной Фридриха Великаго, а прусская армія стояла непочатая и готовая къ бою. Гамбургскій сенатъ воззвалъ къ королевской гарантіи. Англійскій посланникъ въ Берлинѣ потребовалъ удовлетворенія. Русскій посланникъ Алопеусъ, имѣвшій назначеніе стараться всѣми мѣрами скомпрометировать короля, раздувалъ огонь, вопія о скандалѣ и побуждая къ протестамъ. Онъ имѣлъ совѣщаніе съ австрійскимъ посломъ Меттернихомъ, трудившимся надъ одинаковымъ съ нимъ дѣломъ: «настоящій моментъ,

пишетъ Меттернихъ, кажется мнѣ самымъ благопріятнымъ; всякое до-
вѣріе къ обѣщаніямъ французскаго правительства, повидимому, совсѣмъ
разрушено здѣсь, и мнѣ трудно было бы описать во всей его силѣ вне-
счатѣліе, произведенное ужаснымъ событіемъ въ Гамбургѣ» ⁴⁾).

Король и его министры чувствовали себя смѣшными. Вѣрующій въ
свою гениальность Гарденбергъ, въ виду угрожавшаго ему жалкаго наде-
нія передъ лицомъ всей истинной Европы, т. е. Россіи, Австріи и
Англіи, пріосанился и энергически высказался за войну. «Ясно, сказалъ
онъ Меттерниху, что сумасшедшій, стоящій во главѣ самой могуще-
ственной Имперіи континента, стремится къ универсальной монархіи;
онъ хочетъ приучить насъ видѣть въ себѣ людей ему подвластныхъ и
обязанныхъ преклоняться передъ всѣми его нелѣпыми замыслами» ⁵⁾).

Отвѣздъ Кнобельсдорфа былъ отсроченъ. 30 ноября въ Потсдамѣ
созванъ совѣтъ. Гарденбергъ развилъ передъ нимъ энергическій проектъ,
предлагавшій военныя мѣры, настоятельныя протестаціи, требованіе осво-
божденія Румбольда и очищенія Ганновера ⁶⁾. По мнѣнію короля, слѣ-
довало держаться выжидательной политики и ограничиться требова-
ніями отъ Наполеона уваженія королевскаго достоинства и соблюденія
постановленій международного права. Ломбаръ — человѣкъ изворотливъ
и жалобъ, составилъ въ этомъ смыслѣ письмо къ императору, которое
король въ тотъ же день и подписалъ. Письмо было скромное: «Я ском-
прометированъ, милостивый государь, братъ мой, самымъ чувствительнымъ
образомъ. Скомпрометированъ потому, что на мнѣ лежитъ отвѣтственность
за безопасность аккредитованнаго передо мною посланника, и потому что
поддержаніе общаго полицейскаго порядка въ округѣ составляетъ мой
первый долгъ какъ директора послѣдняго. Я скомпрометированъ въ мо-
ихъ отношеніяхъ къ вамъ, потому что мнѣ уже трудно судить ихъ,
скомпрометированъ и передъ другими моими сосѣдями, потому что отка-
завъ, ради васъ, Россіи въ пропускъ ея войскъ, я тѣмъ самымъ пору-
чилъ за безопасность Сѣвера. Эта безопасность не существуетъ болѣе,
а для того, чтобы быть благодѣтелемъ Европы, какимъ вы желаете быть,
вы нуждаетесь, чтобы вѣра въ нее не была утрачена... Этимъ вы да-
дите мнѣ мѣру той цѣны, которую вы придаете дружбѣ Пруссіи и бла-
горазумію системы, которой я слѣдовалъ».

Отославъ письмо, Фридрихъ-Вильгельмъ началъ совѣщаться о послѣд-
ствіяхъ: «Еслибы Бонапартъ отказался освободить Румбольда, то что

⁴⁾ Донесеніе Меттерниха, 29 окт. 1804.

⁵⁾ Донесеніе Меттерниха, 28 окт. 1804: Меттернихъ къ Колларедо, 17 ноября
1804: Веев, стр. 114, примѣч.

⁶⁾ *Mémoires de Hardenberg*, Раппе. t. II, p. 88 et suiv.

должна тогда дѣлать Пруссія для поддержанія своего достоинства, какъ
по отношенію къ Россіи, сообразно существующему соглашенію, такъ и
по отношенію къ государствамъ Сѣвера Германіи?.. Многіе подають го-
лосъ за войну, но я — нѣтъ». Онъ все еще надѣялся избѣжать этой
страшной крайности, и предписалъ Луккезини при его обращеніи къ
Талейрану — тонъ торжественный, но отнюдь не угрожающій, лапонизмъ
рѣчи, видъ человѣка глубоко оскорбленнаго, но «оставивъ честолюбію его
повелителя все его ресурсы». Тотъ же курьеръ везъ слова Гарденберга:
«Неужели великій человѣкъ захочетъ вынудить своихъ лучшихъ друзей
объявить себя противъ него?» Наконецъ Ломбаръ пишетъ къ Луккезини:
«Вотъ моментъ или великаго торжества для васъ, или вашего послѣдняго
дня въ Парижѣ». Словомъ они сами подготовили всю обстановку для
почетной для нихъ сцены великодушія императора, Кнобельсдорфъ довер-
шилъ остальное ⁷⁾.

На этотъ разъ они попали въ цѣль. При первомъ словѣ Талейрана
о возможности сопротивленія Пруссіи, Наполеонъ впалъ въ раздраженіе:—
«Никто не осмѣлится поуждать меня освободить этого интригана: если
бы я считалъ нужнымъ, то послалъ бы десять жандармовъ схватить его
коллегу Джаксона у воротъ Берлина, и прусскій король не послалъ бы
50,000 чел. освободить его» ⁸⁾. Но изливъ гнѣвъ въ словахъ, онъ
одумался. Время коронаціи приближалось. Напа въ эти самые дни выѣз-
жалъ въ Парижъ ⁹⁾. Государямъ уже разосланы приглашенія, посольства
уже были извѣщены. Разрывъ съ Пруссіей во всякомъ случаѣ казался
дѣломъ очень серьезнымъ. Наполеонъ придавалъ большую цѣну прусской
арміи, и нельзя было знать, до чего оскорбленная честь, слава имени и
оружія могутъ довести Фридриха-Вильгельма, этого короля, который, бу-
дучи малодушнымъ въ области дипломатіи, слылъ храбрымъ на войнѣ.
Какъ бы то ни было это значило бросать его въ объятія Россіи. Поли-
тика предписывала сохранить съ нимъ дружественныя отношенія при
малѣйшей его склонности къ этому.

Румбольдъ прибылъ въ Парижъ 9 ноября. Этотъ дипломатъ-баронетъ
человѣкъ лѣтъ 39-ти не чувствовалъ себя рожденнымъ для геройства.
Будучи арестованъ на своей постели, онъ сначала подумалъ, что его на-
мѣреваются разстрѣлять. Офицеръ, исполнившій, по его словамъ, поручен-
ное ему дѣло «съ точностью весьма рѣдкой въ этого рода операціяхъ» ¹⁰⁾,

⁷⁾ Король Луккезини, Гарденбергъ Луккезини, Ломбаръ Луккезини, 2 ноя-
бря 1804 г. Донесеніе Ляфора, 6 ноября 1804 г.

⁸⁾ Разсказъ Луккезини; донесеніе 26 дек. 1804. Нйффе, стр. 153, примѣч.

⁹⁾ Онъ выѣхалъ изъ Рима 2 ноября 1804.

¹⁰⁾ Разсказъ Румбольда у Мальмезбуръ, *Journal* 6 décembre 1804. Доку-

успокоилъ его, «насколько могъ». Въ Парижѣ его сначала помѣстили въ одномъ изъ отдѣленій отеля Фуше, а затѣмъ отвели въ Тампль. Заключение въ этой, пользовавшейся злобной репутаціей, тюрьмѣ, Румбольдъ, пересталъ опасаться участи Энгленскаго герцога для того, чтобы помышлять со страхомъ о «самоубійствѣ» Пиннегрю. Ему грезились убійцы: вотъ они входятъ въ его тюремную келью, убиваютъ его, придаютъ его трупу нужный имъ видъ, вкладываютъ въ его бумаги документы, подѣланные съ цѣлью обезчестить его и объяснить его смерть самоубійствомъ въ припадкѣ отчаянія! Онъ повѣдалъ свои опасенія начальнику Тампля, а тотъ доложилъ о нихъ Фуше. Фуше послѣднимъ успокоить Румбольда. «Я оставляю свои подозрѣнія», отвѣчалъ благоразумный англичанинъ, и въ доказательство своего довѣрія, заказалъ себѣ хорошій обѣдъ, щедро обставленный винами.

Въ тотъ же день Луккезини отправился къ Талейрану и изъяснилъ ему дѣло «съ жаромъ и протестомъ». Талейранъ обѣщалъ ходатайствовать за него передъ императоромъ и даже поручился своимъ словомъ, что прусскому королю будетъ дано удовлетвореніе. На другой день, 10 ноября, Луккезини, получивъ изъ Берлина письма отъ 2 ноября, тотчасъ же снова явился къ Талейрану, который уже успѣлъ получить утромъ въ Сентъ-Клу приказъ Наполеона. Талейранъ въ высшей стѣпени вѣжливо заявилъ, что императоръ готовъ удовлетворить желаніе короля, тѣмъ охотнѣе, чѣмъ менѣе будетъ угрожающаго характера въ его заявленіяхъ. Такого характера въ нихъ совѣтъ не было, и письмо короля походило скорѣе на прошеніе, чѣмъ на угрозу. Наполеонъ прочелъ его вечеромъ, остался доволенъ и тотчасъ же написалъ королю, что единственно изъ уваженія къ нему онъ приказалъ освободить Румбольда. На другой день *Moniteur* категорически заявилъ объ этомъ. Что же до Румбольда, то Фуше извѣстилъ его, что онъ будетъ препровожденъ въ Шербургъ и отправленъ въ Англію, если дастъ обѣщаніе не приближаться болѣе чѣмъ на пятьдесятъ миль къ французскимъ арміямъ во время войны императора съ Англіей. «Это лучше, чѣмъ Тампль, сказалъ ему Фуше, такъ выбирайте одно изъ двухъ». Румбольдъ избралъ удаленіе отъ армій и подписался подъ этия обязательства; но не опасаясь уже своего «самоубійства» и возвративъ себѣ прежнее хладнокровіе, онъ замѣнилъ въ немъ слова: *Его Величество Императоръ французовъ*, словами *французское правительство* ¹¹⁾, такъ какъ въ первыхъ замѣчалось бы

мянты, напечатанные Leon Grassilier, *Revue rétrospective*, juin 1901. Донесеніе Луккезини 12 ноября 1804 г. BAILEY.

¹¹⁾ Въ силу настоящей деклараціи, я обязуюсь честью во все время настоящей войны между французскимъ правительствомъ и его велич. королемъ Великобританіи. — Fait à Paris, le 12 novembre 1809. George RUMBOLD.

начало признанія имперіи. Фуше не обратилъ на это вниманія. Въ Шербургѣ ночью Румбольда усадили на корабль съ песчаного побережья, которое показалось ему недостаточно пустыннымъ для его безопасности. Усмотрѣвъ тамъ караулы таможенныхъ стражниковъ, онъ принялъ ихъ за злодѣевъ, посланныхъ убить его, «рѣшилъ, что его послѣдній часъ пришелъ, и что его разстрѣляютъ» ¹²⁾. 18 декабря онъ высадился въ Лондонѣ цѣлый и невредимый, но облегченный отъ своего портфеля: Фуше считалъ нужнымъ имѣть при себѣ его корреспонденцію.

Въ своемъ письмѣ къ Фридриху-Вильгельму Наполеонъ выразилъ глубочайшее уваженіе къ «лояльности его характера и высокимъ свойствамъ его души». Въ этомъ то письмѣ и находится знаменитая фраза, написанная имъ по поводу политики Александра: «Нѣтъ сомнѣнія, что эта держава (Россія) когда нибудь почувствуетъ, что, если она желаетъ участвовать въ дѣлахъ Европы, ей слѣдуетъ усвоить себѣ разсудочную и послѣдовательную систему политки, оставивъ принципы, создаваемые единственно фантазіей и страстью, такъ какъ политика всѣхъ державъ заключается въ ихъ географіи» ¹³⁾.

Это правило давно уже было въ ходу въ Берлинѣ. Король и его совѣтники увидѣли въ немъ приглашеніе возобновить свои притязанія на Ганноверъ: если географія Пруссіи чему нибудь учитъ, разсуждали они, то, очевидно, присоединенію къ Пруссіи этого курфюршества. Но лишь только Луккезини коснулся этого предмета, какъ Талейранъ тотчасъ же охладилъ его рвеніе «не оставивъ ни малѣйшей надежды на полную эвакуацію». Поэтому Луккезини писалъ съ большимъ благоразуміемъ ¹⁴⁾ слѣдующее: «Событіе произвело здѣсь и произведетъ повсюду живѣйшее впечатлѣніе. Теперь намъ нужно болѣе всего остерегаться, какъ бы не раздражить тщеславіе императора излишнею гласностью нашихъ домогательствъ». Кнобельсдорфъ не былъ такъ скромнъ: 17 ноября онъ добился аудіенціи, и все произошло корректнѣйшимъ въ мірѣ образомъ.

Это былъ первый *понятный шагъ* Наполеона. Человѣкъ, который, по общепотребительной тогда фразѣ, повторенной Луккезини, «встрѣтилъ сопротивленіе лишь въ одномъ отчаяніи защитниковъ Сентъ-Жанъ-д'Акра», смягчился до признанія своей вины передъ «высокими добродѣтелями» Фридриха-Вильгельма и, конечно, какъ съ увѣренностью говорили въ Берлинѣ, тоже и передъ престижемъ прусской арміи. Люди, погрязавшіе въ болотѣ нейтралитета, вдругъ увидѣли себя на огромной высотѣ. «Ко-

¹²⁾ *Rapport de l'adjudant-major de la legion d'élite Meckenem*, 2 frimaire an XIII. GRASSILIER.

¹³⁾ 10 ноября 1804.

¹⁴⁾ 12 ноября 1804.

роль поднялся выше облака!» писал Ломбарь, получивъ письма Луккезини. «Я скорѣе повѣрилъ бы въ паденіе неба, чѣмъ въ такой исходъ». Послѣ полученія письма Наполеона, онъ же восклицаетъ: «Нынѣшняя побѣда превосходить все, чего мы были вправѣ ожидать... Съ Наполеономъ, въ самомъ дѣлѣ, можно имѣть дѣло». Фридрихъ-Вильгельмъ предостерегаетъ: «Всего больше, говорить онъ, слѣдуетъ избѣгать бахвальства и не придавать себѣ вида побѣдителя»¹⁵⁾. Но неужели умѣренность нарушится, если ко всѣмъ этимъ изліяніямъ будетъ присоединена скромная просьба объ эвакуаціи Ганновера французами и о дозволеніи «содержать тамъ небольшой корпусъ нашихъ войскъ для поддержанія порядка и полицейской службы?» «Наблюдайте, писалъ съ тѣмъ же курьеромъ Гарденбергъ къ Луккезини, умоляю васъ, наблюдайте, чтобы Ганноверъ не достался никому, кромѣ Пруссіи, если обстоятельства заставятъ его перемѣнить властителя». «Король очень охотно обмѣнялъ бы его на Вестфальскія провинціи. Это закрѣпило бы наше единеніе съ Франціей».

У нихъ было больше, чѣмъ они думали, причинъ быть скромными. Они показали, чего они стоятъ. Но ихъ раболѣпнымъ привѣтствіямъ, радости, возбужденной въ нихъ тѣмъ, что ихъ не раздавили, по удивленію, вызванному въ нихъ оказаннымъ имъ вниманіемъ и справедливостью, по этой быстротѣ, съ которой ихъ руки покидали эфесы шпагъ для того, чтобы протянуться за подачками, Наполеонъ рѣшилъ, что оказалъ имъ слишкомъ много чести, и поклялся не попадать больше въ такой просакъ. «Пруссійскій король, сказалъ онъ, заставилъ меня провести нѣсколько очень непріятныхъ минутъ, за которыя я могу заплатить ему съ лихвой».

Но день освященія близился, и примѣръ умѣренности, торжественно явленный міру, долженъ былъ возвысить значеніе церемоніала, озаривъ лучомъ великодушія эти торжества, въ которыхъ театральная пышность перемѣшивалась съ дѣйствительнымъ могуществомъ, и гдѣ подъ покровомъ великолѣпной обстановки таилось столько жалкой человѣческой суеты и пошлости.

V.

25 ноября III^й VII прибылъ въ Фонтенбло, откуда императоръ привезъ его въ своей каретѣ въ Парижъ¹⁾. 1 декабря сенатъ торжественно обнародовалъ результатъ народнаго голосованія. Церемонія въ соборѣ Богоматери была назначена на завтра. Днемъ папа извѣстилъ Наполеона, что

¹⁵⁾ Ломбаръ къ Гарденбергу, 19—20 ноября. Король къ Луккезини, 21 ноября 1804.

¹⁾ Frédéric Mussy, t. II, chap. XIV: l'Empire le sacre.—Въ моихъ *Études de littérature et d'histoire*: Napoléon et sa famille.

откажется отъ совершенія обряда, если онъ не освятитъ своего сожительства съ Жозефиною передъ церковью. Жозефина, всегда осторожная, ловкая и даже въ силу своей безвѣности, политичная, нашла такимъ образомъ средство связать съ собою Наполеона бракомъ, хотя совершеннымъ въ ноныхахъ, и такъ сказать, въ антрактѣ, но бракомъ, по ея мнѣнію, истиннымъ, потому что церковнымъ. Говорятъ, что она даже переговорила объ этомъ заранѣе съ папой²⁾. Около четырехъ часовъ послѣ полудня, кардиналъ Фешъ въ качествѣ уполномоченнаго свитымъ отцомъ совершилъ бракосоченіе въ одномъ изъ апартаментовъ Тюильрійскаго дворца, безъ обычныхъ въ этомъ случаѣ публикацій, безъ свидѣтелей и даже безъ присутствія надлежащаго священника; впоследствии все это дало поводъ казуистамъ канцелярій утверждать, что, такъ какъ Наполеонъ былъ поставленъ въ необходимость выбирать между ненавистнымъ ему бракомъ и публичнымъ скандаломъ, наносящимъ ущербъ его чести и безопасности имперіи, то данное имъ согласіе на этотъ бракъ нельзя считать свободнымъ. Однако и Наполеонъ и папа засвидѣтельствовали его дѣйствительность, первый тѣмъ, что представилъ его таковымъ папѣ, а второй потому, что согласился на слѣдующій день священнодѣйствовать. Такимъ образомъ величественной драмѣ освященія новаго Карла Великаго предшествовала сцена изъ комедіи *насильственный бракъ*.

Говорятъ, что 2 декабря, въ галлерей Лувра, когда все уже тамъ было готово и ждали только сигнала для того, чтобы шествіе тронулось въ путь, Наполеонъ обратился къ своему старшему брату и потихоньку произнесъ такіа столь человѣчныя слова, въ которыхъ одновременно сказались его сыновнее благочестіе и гордость и въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, отразилась вся его удивительная судьба, весь чудесный путь, пройденный имъ отъ скромнаго дома въ Аяччіо до базилики Филиппа-Августа: «Жозефъ! еслибы отецъ нашъ видѣлъ насъ!»

Онъ возложилъ на свою голову корону собственными руками, а изъ рукъ папы принялъ только миропомазаніе, исполнивъ такимъ образомъ существенную часть обряда, самъ, а на долю папы оставивъ одни тексты и символы.

Церемонія освященія явилась зрѣлищемъ высокой политики; оно происходило среди театральной обстановки, въ которой трагедія церковнаго ритуала смѣшивалась съ опернымъ блескомъ народныхъ кортежей³⁾. Тор-

²⁾ Объ этомъ бракѣ, его условіяхъ, послѣдствіяхъ и вызванныхъ имъ заключеніяхъ см. HAUSSONVILLE, t. I, chap. XVI.—Henri WELSCHINGER, *le divorce de Napoléon*.—Frédéric MASSON, *Josephine repudiée*.

³⁾ См. FONTAINE et PERCIER: *Sacre de Napoléon*.—DELESCLUZE, *L'Atelier de David*.

жественный фасадъ собора съ рядомъ изваяній королей Франціи исчезалъ за временной пристройкой портика: мистическая готика стрѣлчатыхъ сводовъ, прикрытая сверху кусками расписанныхъ полотень, опускалась дугообразными вырѣзками изъ картона; вдоль тонкихъ колоннъ, принявшихъ видъ тяжелыхъ пилястровъ, тянулась бархатная драпировка, обрамлявшая ложи и два яруса галлерей. Таково обычное убранство соборовъ, когда короли являются туда для освященія своего земного владычества ⁴⁾. Священное величіе храма, гдѣ все говоритъ о ничтожествѣ чловѣка и о величій одного только Бога, нисходитъ въ эти моменты до уровня своихъ мимолетныхъ актеровъ, исчезаетъ въ нестрой мишуру народнаго убранства, и принявъ видъ соотвѣтственный дѣлу, которому служить, профанируется.

Сцены расположены и актеры размѣщены въ группѣ съ величайшимъ искусствомъ. Царедѣйца и террористъ Давидъ далъ намъ по истинѣ образцовую картину, гдѣ вся реальность, вся искусственность и вся пышность этого единственнаго въ своемъ родѣ представленія переданы съ замѣчательнымъ мастерствомъ: несмотря на роскошь тканей и гармонію цвѣтовъ, вы замѣчаете дурной вкусъ, *troubadour* и *гососо*, въ костюмированѣ актеровъ, разряженныхъ подобно собору и какъ онъ же искусныхъ; видите торжествующій образъ Жозефины, въ которомъ рисуется вся тонкая комедія, разыгранная этой превосходной артисткой, видимо занятой своей ролью; кокетливую грацію принцессы, нескромно декольтированныхъ и осыпанныхъ драгоценными камнями, передъ блескомъ которыхъ блѣднѣютъ огни свѣтильниковъ на алтарѣ; далѣе слѣдуютъ новоиспеченные сановники, высокопоставленные должностные лица: вотъ Камбасересъ въ страусовыхъ перьяхъ, съ его большимъ животомъ и огромнымиakraми, обтянутыми въ шелковые чулки и замѣчательнымъ апломбомъ во всей своей персонѣ, напоминающей представителей старинныхъ парламентовъ съ ихъ достоинствомъ въ осанкѣ и раболѣпьемъ въ душѣ. У подножія алтаря рисуется затерянный профиль Талейрана, который одинъ здѣсь не испытываетъ никакого стѣсненія, чувствуетъ себя какъ дома. Невозмутимый и саркастическій, онъ, быть можетъ, вспоминаетъ теперь о своемъ епископствѣ, о нечестивой обѣдѣ, отслуженной имъ на празднествѣ федераціи, и проникая взоромъ въ будущее, предвидитъ тамъ цѣлый рядъ новыхъ паденій и коронованій вмѣстѣ со всѣмъ нечестіемъ, высокомеріемъ и развращенностью стариннаго двора. Вотъ трибуна дипломатовъ, которые съ своимъ блаженно-глуповатымъ и условно проницательнымъ вы-

⁴⁾ Таковъ былъ соборъ Реймса при коронаціи Людовика XV и XVI (рисункъ Моро) и Карла X.

раженіемъ на лицахъ, являются сокращеннымъ образчикомъ Европы, побѣжденной и пораженной, ничего не понявшей, ничего еще не понимающей и усиливающейся прикрыть насмѣшливой улыбкой свою растерянность и смущеніе. Вотъ сенаторы и государственные совѣтники, бывшіе члены комитетовъ Конвента, вонтели героической эпохи, тугіе, напряженные, затынутые, накрахмаленные, поддѣланные, выбитые изъ своей природной колен: всѣ эти разряженные статскіе и вульгарные солдаты, въ своихъ головныхъ уборахъ и шляпахъ съ перьями напоминають рыночныхъ шарлатановъ, но взгляните въ нихъ поближе, и вы различите суровую буржуазную энергію первыхъ и протонародную доблесть вторыхъ; имъ мѣсто не здѣсь: ихъ надо видѣть на трибунѣ, на конѣ, въ полѣ, въ военномъ облаченіи: они сдѣланы изъ матеріала, изъ котораго дѣлаются люди, производящіе революціи, начинающіе новые династіи и предпринимающіе крестовые походы ⁵⁾. Революція сказывается въ рѣзкости ихъ движеній, отъ которыхъ трещатъ ихъ шелковые костюмы, пошатываются ихъ придворные, парадные шнаги и колеблются декораніи величественной живой картины.

Революція торжествуетъ въ жестахъ и образѣ императора, который стоитъ съ обнаженной головой, въ одеждѣ римлянина, между тѣмъ какъ окружающіе его лица напудренные, въ парикахъ и шляпахъ съ плюмажемъ, кажутся выходцами изъ иллюстраціи къ *Генриадѣ*; лицо его сіяетъ умомъ и сознаніемъ собственной силы. *Me, me: adsum qui feci!*— вотъ единственная литургія приличествующая этому дню. И еще болѣе торжествуетъ революція въ лицѣ этого папы, который, явившись сюда благословлять и освящать, сидитъ согбеннымъ, безполезнымъ статистомъ, униженный и въ своей личности, которая ничто, и въ лицѣ своей церкви и своего Бога, которые для него все, совершающій нечестивое дѣло и

⁵⁾ Сравните съ находящейся въ городскомъ парижскомъ музеѣ плохую, но знаменательную живопись коронованія Карла X: какъ всѣ эти фигуранты чувствуютъ себя свободно, какъ дома! Какъ идутъ къ нимъ костюмы и украшения; сколько въ ихъ позахъ достоинства, но также и явной глупости! Что за отпечатокъ какой-то коренной немощности сказывается въ этой граціозной напыщенности однихъ, въ тощей элегантности другихъ; въ этихъ овечьихъ профиляхъ, приплюснутыхъ и какъ бы обточенныхъ чертахъ, въ поразительномъ выраженіи глуповатости у всѣхъ, отъ короля до послѣдняго фигуранта, за исключеніемъ Людовика-Филиппа, являющагося тутъ въ роли, которую разыгрывалъ въ 1804 г. Талейранъ. При сравненіи этого торжества съ торжествомъ коронаціи Наполеона, «преимущество, говорить Шатобрионъ, остается за Наполеономъ, образъ императора господствуетъ надъ всѣмъ. Онъ является въ самой глубокой сущности идей и событій». — *Mémoires: sacre de Charles X.*

выставляющей на позорище передъ невѣрными уничтоженіе папства ⁶⁾. Изгнать его силой изъ Ватикана и привезти сюда съ солдатами, какъ это было сдѣлано во времена директоріи, было еще сполагоръ; онъ являлся тогда изгнанникомъ, почти мученикомъ. Но привлечь его сюда... заставить его священнодѣйствовать передъ богомъ Марсомъ и богиней Разума!

Истинный характеръ событія обнаруживается не въ зрѣлищахъ, а въ словахъ; послѣдніе были правдивы и знаменательны: «Я вступаю на престолъ, сказалъ Наполеонъ сенату, 1-го декабря, съ сердцемъ полнымъ предчувствія великихъ судебъ этого народа, котораго я изъ среды военныхъ лагерей, первый привѣтствовалъ именемъ великаго». Въ этихъ словахъ весь духъ имперіи, а вся реальность ея—заключается въ слѣдующей клятвѣ, произнесенной Наполеономъ 2-го декабря въ соборѣ Богоматери, съ короной на головѣ и рукой, поднятой надъ Евангеліемъ:

«Клянусь охранять неприкосновенность территоріи республики, соблюдать законы Бенкордата и свободы вѣроисповѣданій, равенство правъ, свободу политическую и гражданскую, неотмѣняемость продажи государственныхъ имуществъ, не взымать никакихъ податей, не устанавливать никакихъ налоговъ иныхъ, какъ въ силу закона; не отмѣнять учрежденіе Почетнаго легіона; управлять въ единственныхъ видахъ пользы, счастья и славы французскаго народа» ⁷⁾.

Одно только слово тутъ неумѣстно: *политическая свобода*. Правда требовала, чтобы его не было въ рѣчахъ, какъ не было въ мысли. Черезъ три дня послѣ этого Наполеонъ завершилъ свое вступленіе на престолъ раздачей полкамъ орловъ. Орлы эти были символомъ, полнымъ жизни; эти золотые орлы являлись божествами, подобными римскимъ;—божествами, порожденными человекомъ и вскормленными человеческою кровью, существами, въ которыхъ каждый солдатъ вливалъ жизнь своего духа: «Солдаты! Вотъ ваши знамена; эти орлы будутъ служить вамъ точками единенія; они явятся всюду, куда императоръ сочтетъ нужнымъ призвать ихъ для защиты *своего* трона и *своего* народа» ⁸⁾. И они будутъ для солдатъ богами до тѣхъ поръ, пока солдаты хотятъ и могутъ одерживать побѣды во имя ихъ.

Наполеонъ считалъ полезнымъ дополнить бюллетени освященія, разнесенныя по всей Европѣ *газетами*, особыми посланіями, адресованными имъ къ королямъ. Онъ сдѣлалъ торжественное предложеніе мира: Францу

⁶⁾ «Злодѣяства какого-нибудь Александра Борджиа менѣе возмутительны, чѣмъ это гнусное отступничество его слабодушнаго преемника». — *Lettres de Joseph de Maistre, décembre 1804.*

⁷⁾ Сравните съ рѣчью 27 декабря 1804 г., сказанной при открытіи сессіи.

⁸⁾ «Мой Государственный Совѣтъ», рѣчь 27 декабря 1804 г.

австрийскому, 1-го января 1805 г., Георгу англійскому, Фердинанду неаполитанскому и Маріи-Каролинѣ, 2-го января. Французъ заявилъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ Сѣверной Италіи и образовать изъ нея королевство для Иозефа; но если Австрія вздумаетъ вооружаться, то и онъ станеть вооружаться. Неаполитанскому королю онъ объявилъ, что не выйдетъ изъ Калабріи до тѣхъ поръ, пока англичане не очистятъ Мальты, а русскіе—Корфу; онъ льститъ тщеславію Маріи-Каролины, относится къ ней какъ къ государственной женѣ, какъ къ равной; но при этомъ требуетъ отосланія англійскаго посланника, Эллиона, и угрожаетъ: если королева пожелаетъ разрыва, она будетъ первой его жертвой: «Съ первой же войной, вызванной ею, она и ея потомство перестанутъ царствовать».

Наполеонъ, самъ не вѣруя въ обрядъ, совершенный въ соборѣ, приписывалъ ему таинственное воздѣйствіе на душу другихъ людей. Получивъ признаніе отъ французскаго народа посредствомъ плебисцита и отъ папы посредствомъ миропомазанія, онъ на одно мгновеніе считалъ себя неприступнымъ, защищеннымъ отъ народныхъ революцій національнымъ голосованіемъ, а отъ коалиціи королей—обрядомъ освященія. Онъ сталъ равнымъ королямъ и воплотилъ въ себѣ народъ. Но народъ всегда измѣнивъ а на королей никогда нельзя надѣяться. Думая, что онъ сталъ сильнѣе, Наполеонъ страстнымъ образомъ заблуждался, какъ онъ всегда заблуждался въ своемъ сужденіи о духовномъ настроеніи и профессиональныхъ добродѣтеляхъ королей. Объявивъ себя священнымъ Величествомъ, онъ полагалъ, что *величество* не заключается только въ нѣсколькихъ буквахъ протоколнаго слова, и что слово *освященіе* содержитъ въ себѣ политическую благодать, подчиняющую людей. 3-го декабря онъ увидѣлъ себя въ томъ-же положеніи, какъ наканунѣ передъ пи въ чемъ неизмѣнившейся Европой. Его коронованіе въ глазахъ государей и ихъ министровъ было лишь однимъ изъ многихъ церемоніаловъ, отъ котораго ничего не осталось. Для еретиковъ англичанина и пруссака, для схизматика русскаго римскій епископъ не могъ сообщить парижскому императору дара неприкосновенности, которымъ этотъ епископъ не обладалъ; католики Вѣны и Неаполя видѣли въ обрядѣ освященія одно слабодушіе папскаго первосвященника и поруганіе таинства. *Величество* Наполеона вышло отсюда не болѣе священнымъ, чѣмъ таковое-же Карла I-го, Якова II-го, Людовика XVI-го, Петра III-го и Павла I-го и столь многихъ развѣнчанныхъ и лишенныхъ власти государей, каковы, напр., польскій король, глава Венеціанской республики и самъ папа, освятившій расхитителя его собственной монархіи. Что сдѣлано мечемъ, то нѣкогда отъ меча и погибнетъ; въ этихъ словахъ заключалось для нихъ единственное очевидное указаніе на приговоры провадѣнія, всегда поддежація аппеляціи, если

они осуществлялись въ формѣ нанесеннаго имъ пораженія, и являвшіеся въ глазахъ государей окончательными только тогда, когда они оказывались побѣдителями.

Но ради возстановленія чести, могущества и достоинства французской монархіи и не ради реставраціи Бурбоновъ, вѣкогда внушавшихъ къ себѣ столько зависти и опасеній, собирали они всѣ свои силы для возобновленія великой войны. Освященіе Наполеона было для нихъ случайнымъ поводомъ обнаружить это. Людовикъ XVIII съ его блуждающей монархіей никогда не были такъ заброшены, какъ именно въ это время. Когда изгнанный претендентъ вздумалъ обратиться съ публичнымъ протестомъ противъ парижскаго Узурпатора, онъ не нашелъ такого мѣста, откуда могъ бы выпустить ее, не компрометируя мѣстнаго властителя: «она будетъ пущена изъ самого лона морского», сказалъ онъ. — Это былъ протестъ, извѣстный подъ именемъ кальмарской деклараціи отъ 2-го сентября 1804 г. ⁹⁾ Онъ обѣщалъ въ ней всеобщую амнистію, обѣщалъ должностнымъ лицамъ сохраненіе за ними ихъ должностей; офицерамъ — ихъ чинъ; собственникамъ — пріобрѣтенныхъ ими государственныхъ имуществъ, но о свободѣ тамъ говорилось еще менѣе, чѣмъ въ наполеоновской присягѣ. Онъ разослалъ эту декларацію государямъ, которые отвѣтили на нее молчаніемъ. Даже самъ Александръ, который вступилъ во враждебныя отношенія къ Франціи, открылъ границы своего государства Людовику XVIII-му и дозволилъ ему зимовать въ Митавѣ, отозвался, что онъ рѣшилъ «не принимать никакого участія въ дѣлахъ Франціи.» — Эта осторожность, надменность, эти заднія мысли политики показали Людовику XVIII оскорбленіемъ его личности и отрицаніемъ принципа, котораго онъ былъ представителемъ. Отбросивъ официальную напыщенность условнаго стиля, онъ писалъ этимъ отступникамъ отъ своего собственного дѣла:

«Въ 1793 г., я напрасно усиливался убѣдить императора Франца въ томъ, что, еслибы онъ взялъ Валахсеннъ и Кондэ во имя короля, моего племянника, если бы онъ дѣйствовалъ во имя ихъ настоящаго представителя королевской власти, всѣ добрые французы стали бы его союзниками; тогда какъ, овладѣвъ этими крѣпостями отъ собственного имени, онъ вооружилъ бы противъ себя всѣхъ обитателей Франціи. Въ 1795 г., я возобновилъ мои усилія съ такимъ же неуспѣхомъ. Въ 1797 г. та же самая политика уничтожила эффектъ моего присутствія на берегахъ Рейна. Въ 1799 г. я настоятельно убѣждалъ Павла I-го вѣстать въ пер-

⁹⁾ Ernest Daudet, *les Bourbons et la Russie*, chap. XVI—XVIII, — Oncken, t. II, p. 124.

вые ряды своей арміи... И такъ, никогда не было противопоставлено праву преступленія, представитель послѣднихъ тридцати королей — эфемерному тирану, легитимность — революціи:» ¹⁰⁾.

Но отдавать Польшу полякамъ, возстановлять венеціанскую республику, возвращать напѣ его легатства, а нѣмецкимъ церковнымъ князьямъ — ихъ епископства и аббатства — вовсе не входило въ намѣренія ни царя возстановителя справедливости, ни августѣйшихъ ассессоровъ его трибунала — прусскаго короля и австрійскаго императора. Поэтому всѣ протесты Людовика XVIII противъ освященія Наполеона не имѣли никакихъ послѣдствій, но еще менѣе послѣдствій имѣло и самое событіе, противъ котораго направлены были эти протесты.

VI.

16-го Ноября Новосильцевъ пріѣхалъ въ Лондонъ въ полномъ убѣжденіи, что ему предстоитъ тамъ руководить всѣми дѣлами, внушить свои убѣжденія Питту и располагать англійскимъ кабинетомъ въ интересахъ своей политики и личности ¹⁾. Такая самоувѣренность была не излишней для Новосильцева, такъ какъ сама личность этого русскаго дипломата не заключала въ себѣ ровно ничего чарующаго. «Прямо, говоритъ одна современница ²⁾, обидѣла этого человека, какъ бы желая, чтобы отталкивающее выраженіе его наружности служило предостереженіемъ для тѣхъ, которые могли быть введены въ заблужденіе его ловкостью и двуличностью. Онъ косилъ глазами совершенно особеннымъ образомъ: между тѣмъ какъ одинъ его зрачокъ блуждалъ въ своей орбитѣ, другой впивался въ самую глубину души собесѣдника, стараясь обнаружить его затаенныя мысли».

Въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Гарроуби былъ замѣненъ лордомъ Мюльгравомъ, человекомъ второстепеннаго значенія, предоставлявшимъ наиболѣе важныя дѣла вѣдѣнію Питта. Новосильцевъ обратился прямо къ Питту, оба они были согласны въ томъ, что надо низвергнуть Бонапарта, уничтожить Имперію Запада и сократить Францію, но по вопросу о томъ, что слѣдуетъ дѣлать на другой день послѣ побѣды, у нихъ начиналось разногласіе. Александръ имѣлъ въ виду русскій миръ, который бы замѣнилъ верховенство Наполеона его собствен-

¹⁰⁾ Здѣсь кажется въ первый разъ появляется слово *легитимизмъ* въ томъ смыслѣ, который оно усвоило себѣ въ 1814 г. — Честь изобрѣтенія слова принадлежитъ королю, а не Талейрану, какъ вообще полагають.

¹⁾ Мартенсъ, т. I, XI, стр. 89 и слѣд. — Чарторыйскій, т. II: бумаги, касающіяся миссіи Новосильцева.

²⁾ *Mémoires de la comtesse Potocka*, p. 366.

нымъ, а Питтъ въ дѣлѣ верховенства признавалъ только одно верховенство Англіи на моряхъ и въ обѣихъ Индіяхъ; подѣ англіискимъ миромъ онъ разумѣлъ открытіе всего континента для произведеній англіиской промышленности и преобладаніе британской торговли на всѣхъ рынкахъ, во всѣхъ портахъ и складочныхъ пунктахъ. У Александра была своя задняя мысль—управлять судьбами Востока, а у Питта своя—не допустить этого. Александръ гонялся за своей химерой созданія новаго кодекса международнаго права, особенно морского, для предупрежденія войнъ и защиты правъ народовъ³⁾, и среди этихъ правъ на первомъ планѣ стояло право нейтральныхъ. Александру хотѣлось бы ввести въ международное право пресловутую лигу Екатерины и добиться отъ Англіи гарантіи нейтральныхъ державъ. Съ своей стороны Питтъ желалъ добиться отъ Россіи гарантіи неприкосновенности Оттоманской Имперіи.

Новосильцевъ началъ переговоры съ «принциповъ», т. е. съ выше-означеннаго кодекса. «Это, сказалъ онъ, дѣло принципа и почти дѣло чести для Россіи, стремящейся къ верховенству на Сѣверѣ, и дѣло прямой выгоды для Англіи, стремящейся къ универсальному господству въ торговлѣ и на моряхъ». Питтъ выслушалъ все это молча, и, когда русскій закончилъ свою аргументацію, ограничился отвѣтомъ, что, устраняя вопросъ о методѣ составленія кодекса и объ основныхъ его принципахъ, онъ долженъ заявить, что Англія этому кодексу не подчинится. Послѣ этого они перешли къ обсужденію вопроса Восточнаго. Питтъ обнаружилъ нѣкоторое сомнѣніе относительно рвенія Александра защищать Турецкую Имперію. «Въ случаѣ нужды, сказалъ Новосильцевъ, онъ сталъ бы защищать турокъ даже противъ ихъ собственнаго желанія», но, прибавилъ онъ, «если бы какая нибудь другая держава завладѣла ими, то тогда дѣло бы измѣнилось изъ чернаго въ бѣлое». Питтъ удовольствовался этимъ объясненіемъ, прежде всего надо было составить коалицію противъ Франціи, а для этого было достаточно соглашенія не затрогивать Восточнаго вопроса въ продолженіе всего времени, которое потребуется для низверженія французской имперіи⁴⁾.

Покончивъ съ предварительными условіями, они перешли къ обсужденію великаго дѣла, передъ которымъ ступевывались всѣ прочіе. Новосильцевъ опредѣлилъ намѣреніе своего повелителя: «Во первыхъ, сказалъ онъ, необходимо вдвинуть Францію въ ея прежнія границы или всякія другія, которыя окажутся иаиболѣе пригодными для спокойствія

³⁾ Сравните конференцію Брюссельскую съ Гаагской, 1874, 1899 г.

⁴⁾ Такъ въ дѣлѣ меньшей важности, въ 1839—1840. Пальмерстонъ и Николай согласились защищать... въ Египтѣ, противъ Франціи, дѣлостъ Оттоманской Имперіи.

Европы; во вторыхъ, слѣдуетъ поставить честолюбію Бонапарта, естественныя препятствія, которые, сдерживая Францію въ ея границахъ, не допускали бы ея расширенія въ будущемъ, и въ заключеніе—закрѣпить имѣющей быть установленнымъ порядокъ вещей заключеніемъ самаго интимнаго и вѣчнаго союза между Россіей и Великобританіей—дабы утвердить наконецъ общее спокойствіе Европы на непоколебимыхъ основаніяхъ». — Европа, говорилъ Питтъ С. Воронцову, испытываетъ переломъ, подобный тому, который она проходила въ шестнадцатомъ столѣтіи въ царствованіе Людовика XIV-го, увлеченнаго *страстью къ завоеваніямъ*. Одинъ только Александръ способенъ стать вторымъ Вильгельмомъ Оранскимъ для Европы. Ему предстоитъ увлечь за собою Пруссію и Австрію; прочія нація послѣдуютъ за этими державами.

Питтъ настаивалъ на необходимости «заковать» Францію «возвращенную къ своимъ прежнимъ границамъ, окружить ее великими и могущественными государствами: союзомъ итальянскихъ государствъ съ увеличенными Швейцаріей и Австріей; союзомъ германскихъ государствъ съ Австріей и Пруссіей, при чемъ послѣднюю надлежало бы усилить присоединеніемъ къ ней «всѣхъ странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Франціи между Маасомъ, Мозелемъ и Рейномъ со включеніемъ Люксембурга». Новосильцевъ считалъ такое увеличеніе Пруссіи чрезмѣрнымъ Питтъ не настаивалъ; но эта же самая комбинація появилась отчасти въ 1814 г. Что же касается до Мальты, то Питтъ уперся, не соглашаясь ни на окончательную, ни на временную уступку этого острова—и это говорилъ онъ, дѣло не зависящее ни отъ Его Величества, ни отъ кого либо изъ его министровъ, такъ какъ парламентъ и нація возстали бы противъ такой уступки... Правительство было бы опрокинуто, трактатъ отвергнутъ, и нація воспылала бы мщеніемъ противъ виновниковъ такого договора. Франція, продолжалъ онъ, распространила свое владычество отъ Кадикса до Чивита-Веккїи; она изъ всѣхъ силъ старается обратить Средиземное море въ замкнутое Французское озеро. Она замышляетъ завоеваніе всей Оттоманской Имперіи и стремится изгнать англичанъ изъ Индіи. Если это удастся французамъ, то Англія будетъ окончательно разорена. Свобода Средиземнаго моря, независимость Леванта и Египта, безопасность Италіи, Ионическихъ острововъ и Оттоманской Имперіи, существенно связаны съ тѣмъ, чтобы Мальта оставалась въ рукахъ Англіи».

Они говорили также, безъ особенной настойчивости, впрочемъ, о договорѣ для установленія равновѣсія въ Европѣ. Питтъ считалъ это дѣломъ будущаго; его рѣшили бы сообразно обстоятельствамъ. Новосильцевъ предпочелъ бы, чтобы и въ настоящее время былъ уже начертанъ планъ «переустройства Европы послѣ избавленія ея отъ ига его корси-

канскаго величества», такъ какъ «уничтоженіе Бонапарта» онъ считать дѣломъ неизбѣжнымъ. Но Питтъ отложилъ разсужденія объ этомъ вопросѣ, а также и о томъ, кого слѣдуетъ посадить на престолъ Франціи послѣ паденія Наполеона. Онъ догадывался, что Александръ предпочелъ бы своего, подручнаго ему, кандидата, короля или президента республики, каковаго нибудь, напримѣръ, Моро, который сдѣлалъ бы изъ Франціи вторую Польшу подъ русской опекой. Новосильцевъ предчувствовалъ, что Питтъ предпочелъ бы кандидата изъ Бурбоновъ, какъ представителей болѣе устойчиваго принципа и единственно, по его мнѣнію, способныхъ искренно и съ достоинствомъ подчиниться условію возвращенія къ прежнимъ границамъ.

Затѣмъ заговорили о субсидіяхъ. Австрія требовала два милліона стерлинговъ для начала кампаніи и по четыре милліона ежегодно въ продолженіе войны. Александръ требовалъ 1.600,000 фунтовъ ежегодно, для 115,000 чел., которыхъ онъ призоветъ къ оружію. Питтъ предложилъ всего пять милліоновъ стерлинговъ.

Потомъ въ видахъ успокоенія совѣсти Александра, «неустойчивая душа» ⁵⁾ котораго была смущена необходимостью объявленія войны и постоянно волновалась химерой арбитражей, онъ согласился на предложеніе царемъ своего посредничества между Франціей и Англіей, которое безъ сомнѣнія, потерпѣло бы неудачу и неизбѣжно привело бы его къ войнѣ. Въ случаѣ-же, если бы Наполеонъ принялъ это предложеніе, Питтъ поручалъ Новосильцеву быть представителемъ англійскихъ интересовъ въ Парижѣ. «Никто, писалъ Новосильцевъ Чарторыжскому, не способенъ болѣе меня къ этому». Онъ поѣхалъ въ Россію, увозя съ собою проектъ трактата, составленнаго имъ вмѣстѣ съ Питтомъ, который уполномочилъ лорда Гоуэра, посланника при русскомъ дворѣ, подписать этотъ трактатъ. 18-го февраля Питтъ потребовалъ у парламента пять съ половиною милліоновъ фунтовъ секретныхъ фондовъ, «что бы дать возможность его величеству оказать дѣйствительное содѣйствіе тамъ, гдѣ оно найдетъ это нужнымъ... «Вамъ извѣстно, милостивые государи, что мы обязаны поддерживать сношеніе и переписку съ континентомъ». — Парламентъ вотировалъ эту сумму.

Между тѣмъ, Англія и Россія, каждая съ своей стороны, договорились о союзѣ и субсидіяхъ съ Швеціей. За 80,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ Густавъ IV отдавалъ въ распоряженіе Англіи Стральзундскій портъ въ Помераніи и островъ Рюгенъ въ качествѣ военной станціи и складочныхъ мѣстъ для товаровъ.

⁴⁾ Чарторыжскій Новосильцеву. Мартенсъ, т. II, стр. 103.

Союзный трактатъ между Англіей и Россіей былъ подписанъ въ Петербургѣ вскорѣ послѣ возвращенія Новосильцева, 11 апрѣля 1805 г. «Этотъ трактатъ, сказалъ Александръ, послужитъ краеугольнымъ камнемъ зданію, которое будетъ воздвигнуто соединенными стараніями Россіи и Англіи для благоденствія Европы» ⁶⁾. И онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ какъ бы образцомъ для всѣхъ прочихъ; въ немъ ихъ прототипъ, ихъ методъ, ихъ разумъ.

Состоитъ же онъ изъ семи статей, назначенныхъ для сообщенія Австріи, Пруссіи, Швеціи и всѣмъ государствамъ, приглашеннымъ присоединиться къ коалиціи, съ прибавленіемъ одиннадцати статей отдѣльных и двухъ отдѣльных и секретныхъ.

Объявленная цѣль союза—«возвратить Европѣ миръ, независимость и благополучіе, котораго она лишена безмѣрнымъ честолюбіемъ французскаго правительства». Союзники образуютъ политическій концертъ и военный союзъ, очевидно назначенный для того, чтобы добиться очищенія Ганновера и сѣверной Германіи, независимости Голландіи и Швейцаріи, восстановленія сардинскаго короля, безопасности Неаполя; полной эвакуаціи Италіи; обезпеченія безопасности и независимости государствъ, установленія надежной преграды противъ узурпацій въ будущемъ ⁷⁾. Союзники, въ этихъ видахъ должны составить лигу изъ 500,000 чел. наличнаго войска, дабы привести «волей или неволей французское правительство къ подписанію условій мира и къ восстановленію европейскаго равновѣсія». Англія доставитъ свои флотиліи и ежегодную субсидію въ 1.250,000 фунт. стерлинговъ на каждые 100,000 чел. (ст. III и IV трактата патентованнаго). Россія обязуется выставить 60,000 чел. на границахъ Австріи, 80,000 чел. на границахъ Пруссіи и сверхъ того нѣсколько корпусовъ резервныхъ и обсервационныхъ. Австрія будетъ приглашена присоединиться къ трактату и по своему присоединенію получить милліонъ стерлинговъ для выступленія въ походъ. Пруссіи будетъ сдѣлано такое же приглашеніе, а въ случаѣ отказа съ ея стороны, союзники будутъ дѣйствовать соединенными силами противъ нея, какъ и противъ всякаго государства, которое «употребленіемъ своихъ силъ или слишкомъ интимнымъ единеніемъ съ Франціей будетъ ставить существенныя препятствія къ развитію мѣръ, принятыхъ союзниками». — Испанія и Португалія будутъ приглашены присоединиться къ союзу черезъ три мѣсяца послѣ начала кампаніи. Швеція включена въ трактатъ. Англія обязывается уплачивать субсидіи «если въ продолженіе *четырехъ мѣ-*

⁶⁾ MARTENS, t. IX, p. 102 и слѣд.—Texte, *id.*, t. II, p. 433 и слѣд.—Сравн. СТАУНОРЕ, t. VI, p. 306.—RANKE, t. p. 504.—ОНСЕН, t. II, p. 177.

⁷⁾ Ст. II трактата. Таковы же условія Праги и Теплица въ 1813 г.

сичевъ, считая со дня подписанія настоящаго акта, Россія и Англія, или одна изъ двухъ, приведетъ въ дѣйствіе свои силы противъ Франціи». Дѣйствіе же это будетъ начато, «какъ только можно будетъ противопоставить Франціи активную силу въ 400,000 чел., а именно: 250,000 австрийцевъ, 175,000 русскихъ съ добавленіемъ извѣстнаго числа неаполитанцевъ, ганноверцевъ, сардинцевъ и англичанъ»⁸⁾.

Изъ числа явныхъ «условіи замиренія» Наполеону будутъ представлены слѣдующія: «установленіе преграды между Франціей и Италіей и между Франціей и Голландіей; признаніе нейтралитета и безусловной независимости всей Швейцаріи, Голландіи, Итали и Германской имперіи», т. е. очищеніе этихъ странъ отъ французскихъ войскъ. Но все это не болѣе какъ минимумъ, однѣ только *основы* переговоровъ, *основы*, которыя могутъ развиваться сообразно случайностямъ войны. Весьма вѣроятно, что Наполеонъ отвергнетъ ихъ, и кромѣ того «переговорами, какъ бы они ни были благоприятны, нельзя достигнуть тѣхъ результатовъ, къ которымъ можетъ привести счастливая война». Въ этомъ предвидѣніи союзники устанавливаютъ данныя, которыя, на общемъ конгрессѣ, имѣющемъ быть созданнымъ послѣ этой войны, послужатъ руководящими принципами для учрежденія новаго европейскаго устройства и равновѣсія⁹⁾.

Инструкціи Новосильцева и его разговоры съ Питтомъ показываютъ, что дѣйствительная цѣль союза была—«возвратить Францію въ ея естественныя границы»; но, хотя эта цѣль была уже тогда и пребывала до конца, именно въ 1813 г., задней мыслью, которая господствовала надъ всеѣмъ остальнымъ и все остальное объясняла, все таки было сочтено несвоевременнымъ и даже опаснымъ включать ее въ текстъ трактата. Какъ и впоследствии, въ 1813 г. туда вносятъ лишь одинъ *минимумъ*, одно только первое слово требуемыхъ уступокъ. Но, заявивъ эти требованія¹⁰⁾, союзники продолжаютъ: «полное удовлетвореніе этихъ пунктовъ не можетъ быть получено, пока границы Франціи не будутъ сведены къ Мозелю, Рейну, Альпамъ и Пиренеямъ»¹¹⁾. Такъ, бывшіе Австрійскіе Нидерланды, Бельгія, будутъ присоединены, цѣликомъ или отчасти, къ Голландіи, которая распространится до Шельды, будетъ владѣть Антверпеномъ и образуетъ могущественную монархію съ линіей крѣпостей. Республика Гельветическая будетъ усилена присоединеніемъ къ ней Женевы и Савойи. Пьемонтъ получитъ территорію Итальянской

⁸⁾ Статьи отдѣльныя 1, 4, 5, 8.

⁹⁾ Ст. отдѣльная 6.

¹⁰⁾ См. выше.

¹¹⁾ MARTENS, t. II, p. 449. Ср. выше, p. 390.

республики до р. По, Парму, Пиаченцу, Геную или какія либо другія области, которыя найдутъ нужнымъ присоединить къ нему. Страны на лѣвомъ берегу Рейна, которыя прежде принадлежали Пруссіи, будутъ ей возвращены съ прибавкой земель, которыя могутъ даже простираться до проведенной для Франціи границы со стороны Нидерландовъ, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы Пруссія и Голландія образовали съ общаго согласія преграду «для распространенія французскаго могущества». Сжатая такимъ образомъ Франція, изъ всѣхъ своихъ прежнихъ завоеваній сохранивъ на сѣверѣ развѣ только линію Шельды, и на востокѣ, быть можетъ, страну между Рейномъ и Мозелемъ, если Пруссія не завладѣетъ ею. Что-же до Итальянской республики, уже обрѣзанной въ пользу Пьемонта, то союзники не прочь образовать изъ нея королевство для одного изъ братьевъ Бонапарта, съ условіемъ, чтобы это новообразованное государство пользовалось безусловной независимостью и никогда не могло бы быть присоединено къ Франціи¹²⁾. Оно было бы наградой Жозефу, мирныя расположенія котораго были извѣстны и оцѣнены по достоинству и въ Лондонѣ, и въ Петербургѣ.

Союзники, въ принципѣ, признаютъ «справедливымъ и полезнымъ» общее возстановленіе на престолѣ государей, лишенныхъ своихъ владѣній; но предоставляютъ себѣ домогаться осуществленія этого принципа, лишь насколько это «дозволяютъ обстоятельства и будущая безопасность разныхъ государствъ Европы». Въ настоящую же пору Англія присоединяетъ Мальту; Австрія, согласно трактату 6-го ноября 1804 г., будетъ вознаграждена за свои огромныя ущербы на сѣверѣ Итали и Зальцбургомъ; Пруссіи можетъ быть дана Фульда и, если бы было необходимо и Англія согласилась бы,—Голландское королевство»¹³⁾.

Что же до Россіи, то она найдетъ нравственное удовлетвореніе въ своемъ верховенствѣ надъ Европой, преобразованной подъ ея руководствомъ, согласно ея политикѣ и удобствамъ; а свои удовлетворенія матеріальныя она можетъ поискать въ Польшѣ, гдѣ царь сталъ бы королемъ, и въ Турецкой имперіи, гдѣ онъ принялъ бы титулъ «императора или покровителя восточныхъ славянъ»¹⁴⁾. Война отдала бы въ его распоряженіе въ Германіи и на берегахъ По достаточное количество итальянскихъ и нѣмецкихъ земель, которыми онъ могъ бы расплатиться съ

¹²⁾ Основы замиренія, установленныя Россіей и Англіей.—MARTENS, t. II, p. 448 и слѣд.

¹³⁾ Основы, Мартенсъ, т. II, стр. 450—455; *id.*, трактатъ 6 ноября 1804 г., ст. XII, стр. 413.—Статьи, касающіяся устройства европейскихъ дѣлъ. Чарторыйскій, т. II, стр. 62—65.

¹⁴⁾ Чарторыйскій, *Mémoires*, т. I, стр. 396—7; т. II, стр. 65.—См. выше.

Австріей и Пруссіей за части Польши, которая она волей или неволей уступила бы ему. Пруссія на Рейнѣ, Австрія въ Миланѣ и Венеціи, русскіе въ Варшавѣ, королевство Нидерландское, какъ сторожевой постъ противъ Франціи, Франція въ своихъ прежнихъ границахъ, и Александръ арбитръ континента—такова существенная сторона вѣнскихъ трактатовъ и неизбежное заключеніе, къ которому должна прійти образующаяся въ 1805 г. коалиція.

И такъ для начала переговоровъ ограничатся требованіемъ эвакуаціи Германіи, Италіи, Голландіи и Швейцаріи, т. е. такихъ излишковъ и крайностей французской политики, которые многими въ самой Франціи считались бесполезными и опасными. Но разъ переговоры будутъ начаты такимъ образомъ, и расположеніе общественнаго мнѣнія Франціи будетъ приобретено «умѣренностью» союзниковъ, постепенно, сообразно ходу войны и возможности, будутъ предъявлены всѣ прочія требованія, одно за другимъ, вплоть до послѣдняго: «прежнихъ границъ или какихъ либо другихъ наиболѣе подходящихъ». Явные условія, повидимому, желаютъ оставить Франціи *границы естественныя*, границы по Люневильскому договору, причемъ, упоминая ихъ, не опредѣляя ее, лишь объ одной оградѣ, подъ которой можно разумѣть ограду изъ крѣпостей 1713 г. Секретныя же статьи отбрасываютъ Францію за Шельду и Мозель. При этомъ трактатъ не вдается ни въ какія разъясненія, дабы оставить французамъ возможность вывести изъ его двусмысленныхъ намековъ заключеніе, что онъ оставляетъ за Франціей ея естественныя границы, и особенно, для того, чтобы оставить французамъ иллюзію, поддерживаемую въ нихъ *друзьями Англіи и друзьями Россіи*, лестную для національнаго самолюбія и полную намековъ на желаніе мира—иллюзію, будто союзники ополчились только противъ личности Наполеона, будто бы они хотятъ подавить только его личное честолюбіе и относятся при этомъ съ полнымъ уваженіемъ къ независимости и неприкосновенности Франціи, не опредѣляя, впрочемъ, значенія этихъ словъ. Съ вопросомъ о границахъ случилось тоже, что и съ вопросомъ о внутреннемъ управленіи Франціи. Въ первой секретной статьѣ говорится, что «они (союзные государи) стараются расположить Францію къ выслушиванію ихъ совѣтовъ посредствомъ воззваній, выпускаемыхъ по мѣрѣ того, какъ обстоятельства войны будутъ придавать имъ надлежащій вѣсъ и значеніе».

Вотъ съ какой незамѣтной постепенностью они совершаютъ переходъ отъ явнаго предложенія Наполеону мира въ границахъ Люневильскаго договора къ ниспроверженію имперіи и миру съ прежними границами. Этотъ коварный приемъ, стремящійся отбѣлить дѣло Наполеона отъ дѣла французской націи, возобновится въ 1813 г. Онъ будетъ вводить въ заблуж-

деніе Францію до вступленія союзниковъ въ Парижъ въ 1814 г., онъ ляжетъ въ основу пресловутыхъ парижскихъ и франкфуртскихъ переговоровъ и раскрывается во всей своей наготѣ въ секретныхъ статьяхъ 11 апрѣля 1805 г.

Въ этомъ трактатѣ 1805 г. слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ приемъ, въ которомъ отразилось все его лукавство. Трактатъ заключенъ между Англіей и Россіей, которые ввели въ него двѣ слѣдующія оговорки. 1) что по окончаніи войны будетъ созванъ «конгрессъ для обсужденія и утвержденія на болѣе прочныхъ, чѣмъ теперь, основаніяхъ предписаній международного права... И для обезпеченія ихъ исполненія посредствомъ образованія федеративной системы, соответственной положенію разныхъ европейскихъ государствъ»; 2) что Англія и Россія не могутъ заключать мира иначе какъ съ общаго согласія всѣхъ участвующихъ въ лигѣ державъ»¹⁵⁾. Отсюда слѣдуетъ то трудно различимое, но юридически правильное послѣдствіе, что, если бы, на примѣръ, Россія или какой другой членъ лиги предложилъ Наполеону, для привлеченія его къ миру, условія болѣе удобопріемлемыя, чѣмъ тѣ, которые внесены Англіей въ трактатъ 5 апрѣля, и если бы они были приняты Наполеономъ, и на основаніи ихъ завязались бы переговоры, то ровно ничего нельзя было бы сдѣлать до тѣхъ поръ, пока прочія воюющія стороны не приняли бы этихъ условій, такъ какъ въ моментъ подписанія договора могла бы явиться Англія и потребовать созванія конгресса на основаніи статьи, согласно которой миръ можетъ быть заключенъ не иначе какъ «съ общаго согласія». Все дѣло надо бы тогда начинать снова, а между тѣмъ оптический эффектъ былъ бы произведенъ, и Наполеонъ не могъ бы возобновить войны, не компрометируя себя.

Поймать Наполеона на эту приманку предстояло Пруссіи или Австріи¹⁶⁾. Но Австрія, бывшая однимъ изъ главныхъ членовъ коалиціи, медлила начинать эту игру. Ей казалось, что для произведенія великой и единственно могущественной и рѣшительной диверсіи,—нападеніе на Нидерланды и Голландію, необходимо пустить въ дѣло всѣ силы Пруссіи, а Пруссія молчала, да, можетъ быть, еще и сносила съ Наполеономъ. Боязнь Австріи, что Наполеонъ можетъ догадаться, предупредить ее и напасть на нее прежде, чѣмъ она успѣетъ приготовиться, заставила ее усыплять вниманіе императора французовъ, не подавать ему никакого повода къ неудовольствію и нападенію до тѣхъ поръ, пока союзники не

¹⁵⁾ Ст. VI трактата, ст. VI отдѣльная. MARTENS, t. II, p. 437, 443.

¹⁶⁾ Это составитъ сущность пресловутаго прусскаго посредничества. Ноябрь 1805 г.

почувствуют себя въ силахъ раздавить его ¹⁷⁾. Если, писалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Кобенцль эрцгерцогу Карлу 4 го декабря 1804 г.: «еслибы императоръ французовъ заподозрилъ, что союзныя государства (Англія, Россія и Австрія) стремятся не только противодѣйствовать новымъ захватамъ съ его стороны, но и подстерегаютъ первый удобный случай, чтобы низвергнуть его и возвратить Францію къ ея естественнымъ границамъ, вслѣдствіе чего онъ былъ бы вынужденъ предупредить ихъ и напасть на насъ, какъ на державу, болѣе всего подверженную его ударамъ... Это обязываетъ нашъ дворъ соблюдать такую умѣренность и осторожность по отношенію къ Наполеону, которыя убѣдили бы его, что Австрія никогда не приметъ участія въ предпріятіяхъ, направленныхъ противъ его лица и имперіи, и что только новыя его захваты могутъ довести ее, «по необходимости, и въ порывѣ отчаянія» до союза съ двумя другими державами. Итакъ австрійцы откладываютъ дѣло, а чтобы лучше «усынить» Наполеона, развлекаютъ его своими ходатайствами и торгуются съ нимъ о разныхъ выгодахъ, которыя онъ могъ бы имъ, при случаѣ, предоставить въ видѣ вознагражденія за ихъ нейтралитетъ. «Не трудно понять, говорится въ одной современной нотѣ, что въ случаѣ, если союзъ съ Берлиномъ окажется невѣроятнымъ или совсѣмъ безнадежнымъ, а Наполеонъ войдетъ съ нами въ переговоры относительно устройства итальянскихъ дѣлъ въ примирительномъ духѣ, въ такомъ случаѣ наши отношенія къ нему не будутъ такими же, какими они были бы въ случаѣ, если бы онъ, отказавшись отъ переговоровъ, прибѣгъ бы единственно къ угрозамъ и вооруженіямъ. Даже если бы дѣло шло только объ одномъ чрезвычайно щекотливомъ вопросѣ исправленія нашей итальянской границы... Уже это одно должно вліять очень различно на наши переговоры съ Россіей, такъ какъ было бы одинаково важно или войти въ сношенія по этому вопросу съ Франціей, въ случаѣ если бы это оказалось возможнымъ, или похоронить его въ глубокомъ молчаніи, въ противномъ случаѣ». Филиппъ Кобенцль, австрійскій посланникъ въ Парижѣ, получилъ порученіе позондировать тамъ почву; ожидали, что «при его умѣ и искусствѣ, онъ сумѣетъ добиться нужныхъ объясненій» ¹⁸⁾. Онъ ничего не добился, какъ это видно изъ того, что 22 апрѣля, несмотря на возраженія эрцгерцога Карла, все еще проповѣдывавшаго осторожность, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ уже является воинственный Макъ, усилившій прослыть совѣмъ великимъ человекомъ и произведен-

¹⁷⁾ См. письма Гентца къ Гаммону. STERN.

¹⁸⁾ BEEK, liv. I, chap. IV.—FOURNIER, *Gentz und Cobenzl*, документы.—*Napoléon*, t. II, chap. II.—ONCKEN, t. II, liv. VI, chap. II.—*Oesterreich und Preussen*, документы, t. II,—*Mémoires de Metternich*.

ный въ генераль-квартирмейстеры. Съ этого дня рѣшеніе уже принято, и если Австрія все еще медлитъ подписаніемъ окончательнаго трактата, то только потому, что она желаетъ сохранить до послѣдняго дня возможность вести свою игру съ Наполеономъ и хотѣть приложить свою подпись къ трактату лишь въ моментъ своего выступленія въ походъ.

Она уже торопитъ Пруссию. «Одна только Россія въ состояніи заставить Пруссию дѣйствовать, помимо ея собственной воли», пишетъ Меттернихъ. Густавъ IV обязался передать англичанамъ Стральзундъ и о. Рюгенъ. Пруссія не можетъ дозволить этого безъ нарушенія даннаго ей Наполеону обязательства обезпечить нейтральность Сѣверной Германіи; она заявляетъ Швеціи, что, если король Густавъ будетъ дѣйствовать противъ Франціи, она займетъ своими войсками Померанію, что, между прочимъ, приблизитъ ее къ Ганноверу. Все это вызываетъ въ Петербургѣ нѣкоторое неудовольствіе, опасеніе относительно соглашенія между Парижемъ и Берлиномъ и разныя подозрѣнія, которыя Чарторыйскій находитъ полезнымъ поддерживать.

«Государь! пишетъ онъ Александру 4 января 1805 г., въ моей политикѣ нѣтъ ни одной сокровенной отъ васъ мысли. Мои обязательства ясны, и я не способенъ нарушить ихъ» ¹⁹⁾. Но его тревожитъ приближеніе русскихъ войскъ. Повсюду только и слышно, что о раздѣлахъ и нашествіяхъ—Россіи на Польшу, Наполеона на Германію. Меттернихъ указываетъ имъ на новаго Карла Великаго, движимаго «тѣми же самыми политическими принципами, которые привели Римскую имперію къ имперіи всемірпой». Но пруссаки разсуждаютъ о Германіи такъ, какъ австрійцы объ Италіи. У нихъ одинаковое желаніе не мѣшать другимъ дѣйствовать съ тѣмъ, чтобы другіе не мѣшали имъ брать. Они всѣ пережевываютъ правило Наполеона: *политика государства лежитъ въ географіи*. Имъ неизвѣстно, что предполагаютъ сдѣлать для ихъ возвеличенія Россія и Англія, но имъ кажется, что такъ какъ въ данный моментъ одинъ только Наполеонъ можетъ много захватить, то только онъ одинъ въ состояніи и много дать. «Бросимъ взглядъ на карту», пишетъ Гарденбергъ Луккезини съ тѣмъ, чтобы написанное имъ было сообщено Талейрану; и мы увидимъ, что «Пруссія не можетъ оставаться какою она есть, не рискуя своимъ существованіемъ. Остановка концентраціи, граница, устраняющая всякое столкновеніе съ Франціей, съ которой мы желаемъ жить въ дружбѣ,—вотъ къ чему мы должны стремиться, если не хотимъ пойти быстро

¹⁹⁾ См. корреспонденцію Фридриха-Вильгельма и Александра, Декабрь 1804—Январь 1805. BAILLET-LATOUR, t. I, chap. XII; t. II, p. 66 et suiv.—ONCKEN, t. II, liv. VI, chap. I.—RANKE, t. I, liv. III, chap. XI.—HUTTEN, *Lombard*, chap. VI. MARTENS, t. II, p. 358, 427 et suiv.

вспять». Затѣмъ рѣчь заходитъ о вѣчныхъ колебаніяхъ короля, и прускій посланникъ дѣлаетъ въ Парижѣ намекъ на то, что нѣкоторыя страны, удобныя для полученія въ залогъ, еще болѣе удобны для удержанія ихъ за собою: таковы, напр., Ганноверъ и Померанія.

Итакъ король займетъ Померанію, причемъ онъ нисколько не нарушитъ своего уваженія и своей вѣрности относительно Россіи, такъ какъ это занятіе есть простое средство для обезпеченія нейтралитета Сѣверной Германіи. Да и можно ли допустить мысль, чтобы король пошелъ противъ друга, съ которымъ онъ надѣлся быть въ полномъ единомысліи²⁰⁾. Король шлетъ къ Александру генерала Застрова для объясненія всего этого. Объясненіе состоитъ въ томъ, что: «надо было дѣйствовать какъ великая держава, диктовать законъ двумъ державамъ—Франціи и Швеціи. Занять Померанію значитъ защищать ее!».

Когда Застровъ пріѣхалъ въ Петербургъ, царь уже принялъ рѣшеніе оказать давленіе на своего друга, предоставляя ему въ то-же время и случай обнаружить эти миролюбивыя стремленія. Въ самый день подписанія своего трактата съ Англіей, онъ писалъ Фридриху-Вильгельму: «Я общалъ Его Британскому Величеству сдѣлать самъ предложенія мира Бонапарту съ полною искренностью и лояльностью... Прошу Ваше Величество увѣдомить Бонапарта, что, если онъ выдастъ надлежащія по этому предмету паспорта, тогда одно, пользующееся моимъ особымъ довѣріемъ лицо, будетъ послано для предложенія ему мира, но только прямо ему самому, безъ посредничества»²¹⁾. Дѣло состояло въ томъ, чтобы предложить Наполеону явныя условія трактата 11-го апрѣля, отвергнувъ которыя, онъ далъ бы поводъ свалить на себя всю отвѣтственность за войну въ глазахъ своего собственного народа. При этомъ прусскій король, черезъ котораго эти предложенія были бы сдѣланы, оказался бы волей неволей ихъ участникомъ и вслѣдствіе отказа Наполеона долженъ былъ бы перейти на сторону Россіи. Могъ ли бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, оставаться нейтральнымъ въ войнѣ, явнымъ поводомъ къ которой служило освобожденіе и независимость Германіи? Но Фридрихъ-Вильгельмъ ничего этого не зналъ. Ему неизвѣстны секретныя статьи и вся изнанка союза 11-го апрѣля, и вотъ онъ при своемъ намѣреніи «дѣйствовать какъ прилично великой державѣ», доведенъ до роли парламентаря, исполняющаго на аван-постахъ данное ему порученіе съ завязанными глазами. Между тѣмъ какъ король старается наладить эти коварные переговоры, 80,000 русскихъ приближаются къ границамъ его государства, чтобы *защитить*

²⁰⁾ Письма отъ 27 января, 16 марта, 12 апрѣля 1805. Вайлеу—инструкція, данная Застрову—у Ранке, t. I, V, документъ.

²¹⁾ Александръ Фридриху-Вильгельму, 11 апрѣля 1805.

его провинціи такимъ же образомъ, какъ онъ самъ *защищаетъ* шведскую Померанію, готовые согласно обстоятельствамъ охранять или расхищать, быть друзьями или врагами и во всякомъ случаѣ рѣшившіеся требовать пропуску и во чтобы ни стало пройти по его владѣніямъ.

VII.

Наполеонъ зналъ игру пруссаковъ и не былъ введенъ въ заблужденіе ею. Но онъ былъ слишкомъ заинтересованъ въ обезпеченіи за собою ихъ нейтралитета, чтобы не стараться привлечь ихъ на свою сторону, привязать ихъ къ себѣ, и до конца искушалъ ихъ разными приманками. Убѣжденный въ коварствѣ австрійцевъ, онъ проникалъ въ тайны ихъ политики и не позволилъ имъ ни усыпить себя дружескими закрѣпленіями, ни запутать себя намеками на соглашеніе. Цѣль послѣднихъ сводилась къ тому, чтобы получить отъ него кусокъ Италіи. Если бы Наполеонъ согласился на это, то австрійцы, конечно, взяли бы все, что онъ далъ бы имъ, а затѣмъ перешли бы на сторону союзниковъ, чтобы закрѣпить за собою полученное и захватить остальное, и наконецъ обратили бы противъ Франціи все отъ нея же полученныя средства. Но интересъ Наполеона былъ не въ томъ, чтобы снабжать Австрію реальными выгодами въ вознагражденіе за живыя общанія, изображенныя на страницахъ утратившаго кредитъ государственнаго документа,—трактата, низведеннаго на степень лишенной цѣнности ассигнаціи, а въ томъ, чтобы ослабить ее и, если можно, заставить ее разоружиться. Достигнувъ этого, онъ одержалъ бы побѣду одною силою своего обаянія, побѣду безкровную, но превосходящую по своимъ послѣдствіямъ, все его наиболѣе дорого купленную побѣду, такъ какъ она разстроила бы коалицію, отдала бы Пруссію и Германію въ руки Франціи и остановила бы шествіе русскихъ. Поэтому онъ обратился къ Австріи съ требованіемъ сложить оружіе, распустить войска и возвратить своихъ рекрутовъ въ ихъ деревни. Если Австрія не послушается, то онъ поразитъ ее прежде чѣмъ она успеетъ приготовиться къ бою, перейдетъ Рейнъ, двинется на Вѣну, послѣ чего, убѣдившись въ прочности произведеннаго имъ моральнаго эффекта, онъ переправится черезъ Ламаншъ и пойдетъ на Лондонъ.

Въ интересѣ обѣихъ этихъ комбинацій Наполеонъ замышляетъ диверсіи противъ Россіи и противъ Англіи. Онъ хватается за все и за всехъ. Онъ пишетъ шаху персидскому: «У меня вездѣ есть люди, извѣщающіе меня обо всемъ, что мнѣ нужно знать. И я знаю, когда и гдѣ могу я обращаться къ близкимъ моему сердцу государямъ и народамъ съ предложеніемъ совѣтовъ моей дружбы и помощи моего могущества». «Совѣты»—внушаютъ вооружаться противъ русскихъ и англичанъ; а

«помощь» — имѣть отношеніе къ въ самомъ дѣлѣ замышляемой имъ экспедиціи. Къ турецкому султану онъ взываетъ въ напыщенномъ, восточномъ, по его мнѣнію, стилѣ: «Я хотѣлъ быть твоимъ другомъ... Или ты уже не царствуешь болѣе? Пробудися, Селимъ. Довѣрься истиннымъ друзьямъ твоимъ, Франціи и Пруссіи. Опасайся русскихъ, которые хотятъ завладѣть Константинополемъ. Помогай Персіи. Если ты покинешь ее, то я пойму, что судьба, столь возвеличившая тебя, хочетъ разрушить имперію Селимана, ибо на землѣ все мѣняется, все погибаетъ. Одинъ Богъ не погибаетъ никогда» ¹⁾).

Онъ послалъ Жюно въ Мадридъ и Лиссабонъ. Жюно потребовалъ отъ Испаніи доставки съ 20 на 30 марта шести кораблей и трехъ фрегатовъ въ Феррольскій фортъ и въ Кадикскій — одного корабля и трехъ фрегатовъ, готовыхъ выйти въ море для соединенія съ французскимъ флотомъ. Отъ Португаліи онъ потребовалъ закрытія ея портовъ для англичанъ и изгнанія англійскихъ агентовъ. Все это должно быть исполнено ранѣе 21 марта; иначе — немедленная война. «Тогда я раньше осени дамъ Испаніи нужныя ей военныя силы, и мы овладѣемъ Португаліей». Въ ихъ видахъ Жюно «уполномочивается войти въ соглашеніе съ Годоемъ относительно будущей судьбы Португаліи...» ²⁾).

Это — комбинація комитета общественной безопасности, когда онъ въ 1795 г., по заключеніи мира съ Пруссіей, замышлялъ напасть на Австрію и произвести давленіе на Англію; это — комбинація директоріи въ 1796 г., замышлявшей походъ на Вѣну черезъ Альпы и на другой день послѣ трактата въ Кампо-Форміо провозгласившей Бонапарта главнокомандующимъ арміи, назначенной противъ англичанъ; это комбинація перваго консула для того, чтобы принудить Англію къ заключенію мира и признанію границъ, опредѣленныхъ Люневильскимъ договоромъ. Наполеонъ возвратился къ нимъ потому, что нѣтъ другого средства принудить Англію, и потому, что миръ, нарушенный ею, можетъ быть возстановленъ только съ помощью тѣхъ-же самыхъ средствъ, которыя заставили ее въ 1802 г. подписать этотъ миръ.

Съ той же самой аналогіей и ритмичностью чередуются въ Голландіи и Италіи мѣры, столько уже разъ поднимавшія вопросъ о судьбѣ бата-

¹⁾ Селиму, 30 янв.; королю Персіи, 16 февр., 30 марта; Талейрану 19, 20 марта; Дебрэ, 28 марта 1805. Наполеонъ отказался отъ этой экспедиціи въ Персію, потому что слишкомъ нуждался въ своихъ корабляхъ. Письма къ Дебрэ, 13 апрѣля 1805.

²⁾ Письма отъ 19 и 22 февр.; инструкціи Жюно, 25 февр. 1805 г.; къ Декрэ, 4 янв.; нота для Gravina, 30 февр.; Талейрану, 12 янв. 1805 г. — *Revue des deux Mondes*, янв. 1894 г.: этюдъ графа де-Муи.

вовъ и раздувавшіе революціи въ цизальпинской Италіи. Но приводятся они въ исполненіе уже не безсвязной и безтолковой дѣятельностью директоріи, а та же рука, которая сформировала изъ французской республики имперію, съ прежнею силою мѣситъ и формуетъ теперь мягкую глину Италіи и Голландіи. Голландія продолжаетъ свои сѣтованія. Законодательный корпусъ отказываетъ императору въ требуемой имъ безвозмездной выдачѣ 40 милліоновъ франковъ. Батавскіе чиновники, фискальные и таможенные, не повинуются гражданскимъ агентамъ Франціи. «Остается только одно, говорить Наполеонъ Мармону, начальствующему надъ оккупационной арміей: или присоединить ее къ Франціи, или дать ей въ государи француза...» ³⁾ То же самое и по тѣмъ же причинамъ замышлялъ и комитетъ общественной безопасности съ 1795 г.: «Французскій государь» Наполеона, это все тѣ-же періодическія отчеты и дни директоріи, но только въ императорской формѣ. Но Европа еще не созрѣла для такой революціи; она только ускорить и распространить войну. Поэтому онъ довольствуется полумѣрой и проектируетъ: образованіе консульства, которое въ надлежащій моментъ естественно превратится въ монархію; уничтоженіе провинцій, а вмѣстѣ съ нимъ и національнаго самоуправленія; раздѣленіе страны на восемь департаментовъ; учрежденіе законодательнаго корпуса, какъ въ Парижѣ послѣ Брюмера: избраніе законодательнымъ корпусомъ великаго пенсіонарія, сосредоточивающаго въ своемъ лицѣ всѣ власти. Эта конституція, подобно предыдущимъ, продиктованная изъ Парижа и подобными-же средствами навязанная, была 22 марта вотирована батавскими депутатами. а 9 и 16 апрѣля подвергнута народному голосованію: изъ 353,322 внесенныхъ въ списки гражданъ, 14,093 вотировали *да*, 136 *нѣтъ* ⁴⁾. Законодательный корпусъ избралъ великимъ пенсіонаріемъ Шиммельпенника, котораго Наполеонъ считалъ покорнымъ своей волѣ человекомъ ⁵⁾. Страна, говоритъ Мармонъ, жестоко страдала, и великій пенсіонарій былъ не въ силахъ помочь ей. Недугъ былъ въ ея сердцѣ и казался неизлѣчимымъ, причина его лежала въ самомъ союзѣ.

Итальянская республика, предметъ вождѣлнй Австріи и объектъ ея армій, была крѣпостью французскаго господства въ Италіи. Наполеонъ задумалъ ввести въ ней такую-же концентрацію власти, какъ въ самой Франціи. Собранныя имъ въ Парижѣ *консульты* работала надъ этимъ дѣломъ. Итальянцы желали «чтобы Ломбардія подъ управленіемъ независимаго государя совсѣмъ отдѣлилась отъ Франціи, будучи ограждена про-

³⁾ Marmont, t. II, liv. VII, — LEGRAND, char. X.

⁴⁾ Ср. т. V, стр.

⁵⁾ Письма къ Шиммельпеннику, 12 мая 1805 г.

тивъ злоупотребленій государя конституціей, а противъ злоупотребленій французскаго верховенства — трактатомъ». Наполеонъ думалъ отдать ее своему брату Иосифу. Любовь къ свободѣ, которую старался выказывать этотъ принцъ, его «республиканскія» чувства и его ревнивая независимость, отстаивающая себя даже передъ императоромъ, должны были успокоить итальянцевъ и по отношенію къ статьѣ о конституціи и по отношенію къ статьѣ о независимости. А для Наполеона это было бы въ одно и то же время и актомъ императорскаго благоволенія, и чѣмъ-то въ родѣ позолоченнаго остракизма. Но онъ ставилъ слѣдующее непремѣнное условіе: согласно прецедентамъ Анжуйскаго дома для Франціи и Орлеанскаго для Испаніи, Иосифъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ видовъ и правъ на Имперію, такъ какъ Иосифъ, какъ братъ императора, обладалъ *правами* на Францію, отъ которыхъ могъ отказаться. Увлеченный на мгновеніе обаяніемъ королевскаго величества, онъ согласился и въ концѣ декабря 1804 г., ⁶⁾ подписалъ нѣчто въ родѣ семейнаго соглашения. 1-го января 1805 г. Наполеонъ извѣстилъ объ этомъ императора Франца: «по соглашенію съ правительствомъ Итальянской республики, я уступилъ все мои права на эту страну моему брату Иосифу, котораго я провозгласилъ ея наследственнымъ королемъ». То-же самое было сообщено русскому императору ⁷⁾.

Но Иосифъ вдругъ передумалъ. Императорское величество окончательно пересилило въ немъ королевское. Ни болѣе ни менѣе какъ корону Франціи жаждетъ этотъ выскочка, который десять лѣтъ тому назадъ такъ гордился своимъ бракомъ съ молодой дѣвушкой изъ Марсея, которая принесла ему 150,000 фр. приданаго, выгодныя торговыя связи въ «Левантъ» и возможность экзигуатировать обширныя владѣнія Оттоманской имперіи. Бывшій негодянтъ уже мечтаетъ о наследіи Людовика XIV-го и упорно стоитъ на этомъ. Второстепенная и подчиненная итальянская корона, полученная въ обмѣнъ за его «право» кажется ему слишкомъ невыгодной сдѣлкой. Онъ предпочитаетъ выжидать случая, «преждевременной» смерти своего младшаго брата, смерти внезапной, безъ завѣщанія и усыновленія. При этомъ онъ сумѣлъ прикрасить свой отказъ мотивами, способными вызвать сочувствіе французовъ, къ его «правамъ». Онъ можетъ царствовать говорилъ онъ, только надъ народомъ ему принадлежащимъ, *своимъ* народомъ, почему, ставши королемъ итальянцевъ, онъ потребовалъ бы удаленія французскихъ войскъ изъ всѣхъ итальянскихъ крѣпостей. Все это было сообщено Кобенцилю, также и другимъ,

⁶⁾ Текстъ: Frederic Masson, t. III, p. II, et suiv.—ROEDERER, t. 520: предложенія, сдѣланныя Иосифу Бонапарту.—Вегер, р. 85.

⁷⁾ Ср. Письмо къ импер. Александру, 4 янв. 1805 г.

и вотъ причина почему, въ трактатахъ 11-го апрѣля. Россія и Англія оказались такъ снисходительными къ этому Бонапарту и столь расположенными выдѣлать ему долю изъ достоянія французской республики и имперіи ⁸⁾.

Обманутый въ своихъ надеждахъ на Иосифа и, по правдѣ сказать, одурченный имъ, Наполеонъ обратился къ Людовику, тотъ, несмотря на свою прохондрію, обнаружилъ такое же рвеніе царствовать надъ французами и такое же пренебреженіе къ желѣзной коронѣ. Видя съ ихъ стороны такъ мало усердія служить ему, пока онъ живъ, и столь много усердія спекулировать на его смерти, Наполеонъ обратилъ свои взоры на Евгения Богарнэ и подумалъ было усыновить его. Онъ уже подготовилъ къ этому умы. 1-го Февраля онъ возвѣстилъ Сенату, что произвелъ Евгения въ должность государственнаго «архикамцлера». Воспитанный нашими попеченіями и подъ нашимъ надзоромъ съ самаго дѣтства... онъ является въ нашихъ глазахъ... одной изъ опоръ нашего трона и однимъ изъ самыхъ способныхъ защитниковъ отечества. Среди заботъ и огорченій, нераздѣльно связанныхъ съ занимаемымъ нами высокимъ положеніемъ, наше сердце испытываетъ потребность искать тихой отрады и утѣшенія въ нѣжной любви и дружбѣ этого названнаго нами сына...»

Но когда наступилъ моментъ подписаться подъ актомъ усыновленія, онъ колебался. Семейные предразсудки, семейная гордость и любовь были у него въ крови, въ головѣ, въ сердцѣ, и все соображенія государственной пользы исчезали передъ этимъ идоломъ. Духъ класса самъ собою преобразовывался у него въ духъ династическій; прибавьте еще къ этому свойственное человѣку пристрастіе къ людямъ, которыхъ онъ извлекаетъ изъ ничтожества. это пристрастіе Людовика XIV-го къ его усыновленнымъ имъ побочнымъ сыновьямъ. Такъ какъ нельзя было, однако, оставлять вопросъ объ Италіи нерѣшеннымъ, то онъ рѣшилъ присвоить ее себѣ, по крайней мѣрѣ временно. Во исполненіе его желанія консульта предложила ему желѣзную корону, и онъ ее принялъ. 17-го Марта онъ извѣстилъ объ этомъ сенатъ и приказалъ опубликовать учрежденіе новаго королевства. «Мы завоевали Голландію, три четверти Германіи, Швейцарію, всю Италію... мы сохранили для себя лишь то что, необходимо для того, дабы удержать Францію на той ступени почета и могущества, на которой она всегда стояла. Раздѣлъ Польши, провинціи, отнятыя у Турціи, завоеваніе Индій и почти всѣхъ колоній нарушили общее равновѣсіе во вредъ намъ...» Онъ надѣнетъ на себя желѣзную корону и сохранимъ ее за собою до тѣхъ поръ, пока «Средиземное море не возвра-

⁸⁾ Ср. *La Republique italienne en 1882*, p. 191.

тится въ свое обычное положеніе». Таковы причины, которыми онъ объяснялъ въ своихъ письмахъ къ государямъ свое восшествіе на престолъ, и во имя которыхъ онъ требовалъ у нихъ признанія новаго Итальянскаго королевства ⁹⁾).

Въ то же время онъ даровалъ своей сестрѣ княжество Піомбино, что было началомъ новаго феодализма, первымъ приложеніемъ системы удѣловъ въ видѣ дополненія къ французской имперіи, потому онъ объявилъ, что пріѣдетъ въ Италію для организаціи тамъ управленія, и рассчитываетъ пробыть тамъ продолжительное время. Онъ такъ дѣйствительно, и располагалъ, но имѣлъ при этомъ двѣ цѣли, изъ которыхъ первая—та, которую онъ уже объявилъ, а вторая, о которой онъ умалчалъ, заключалась въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ войны, уже рѣшенной тогда въ его умѣ, но по необходимости отложенной до лѣта. Эту войну, этотъ *громадный проектъ*, какъ онъ ее называлъ ¹⁰⁾, онъ обдумывалъ цѣлые мѣсяцы и теперь счелъ его уже созрѣвшимъ. Дѣло заключалось въ томъ, чтобы посредствомъ разныхъ морскихъ диверсій, тайственныхъ по цѣли, сбивающихъ съ толку по своему разнообразію, тревожить Англію, угрожать ей отовсюду, заставить ее разбросать свои силы по всѣмъ прибрежьямъ свѣта, въ водахъ Индіи, Антильскихъ острововъ и Египта. И когда она, такимъ образомъ угрожаемая, разошлетъ свои флоты всюду, гдѣ заподозрить французовъ въ намѣреніи ее атаковать, французскіе флоты, послушные заранѣе условленному приказу, вдругъ свернутъ съ своего прежняго пути, и, взявъ новый курсъ, понесутся на всѣхъ парусахъ въ Ламаншъ, гдѣ къ нимъ присоединятся флоты Голландіи, Испаніи и такое множество кораблей и фрегатовъ, что, благодаря этой грозной *армады*, Наполеонъ окажется владыкой пролива, для защиты котораго англичанами будутъ оставлены силы слишкомъ недостаточныя, чтобы оказать ему сопротивленіе.

2-го марта Наполеонъ шлетъ въ Брестъ приказъ Гантому, какъ можно скорѣе сняться съ якоря съ своими двадцатью однимъ кораблемъ и шестью фрегатами направиться съ ними въ Ферроль, снять съ этого порта блокаду, взять съ собой Гурдона съ четырьмя кораблями, двумя фрегатами и всю испанскую эскадру. Все это онъ поведетъ къ Мартиникѣ, гдѣ найдетъ Вилленева и Миссесени. Такимъ образомъ у него бу-

⁹⁾ Письма: Къ прусскому королю, 16 марта; къ австрійскому императору, 17 марта 1805 г.

¹⁰⁾ Письмо его Декрѣ 11 апрѣля 1805 г.—Замыслы Наполеона касательно Остѣ-Индіи лѣтомъ 1804 г., февраля 1805 г. смотри: Ренкотт, *l'Île de France sous Decaen*, Livre III, p. 407 et suiv.—Roloft, *Die Kolonial Politik Napoleons I.* p. 161, 169, 177.

детъ сорокъ линейныхъ кораблей. Онъ тотчасъ же направится съ ними къ Европѣ, «насколько возможно удаляясь отъ обычнаго пути и не приставаая ни къ какимъ берегамъ», отъ 10-го іюня до 10-го іюля онъ пріѣдетъ въ Булонь. Согласно этимъ видамъ инструкціи отпущены въ Булонь Вильеву. Но, опасаясь нерѣшительности этого адмирала, Наполеонъ присоединилъ къ нему генерала Лористона, чтобы поддерживать въ немъ «духъ энергіи и рѣшимости» и направлять его прямо къ цѣли, не давая запугивать себя англичанамъ. Этотъ генералъ будетъ имѣть при себѣ письменное изложеніе тайны экспедиціи, находящаяся въ закрытомъ конвертѣ, который долженъ быть рѣсечатанъ только по выходѣ изъ Средиземнаго моря ¹¹⁾. 3-го марта Наполеонъ предписываетъ Ююно ускорить выступленіе испанскаго флота: «Все предсудетъ, напишетъ ему императоръ; всѣ запечатанные приказы готовы. Эти приказы должны быть переданы секретно и безъ отсрочки». — «Если соединеніе флотовъ состоится, то обѣ націи—французская и испанская—будутъ отпущены за вѣковыя оскорбленія, наносимыя имъ этими гордыми англичанами...» Я задамъ такого страху англичанамъ, что они увидятъ себя вынужденными содержать большія силы въ Средиземномъ морѣ, такъ какъ я стану угрожать Египту съ такой очевидностью и столь различными способами, что они будутъ опасаться какого нибудь рѣшительнаго удара; подумаютъ, что наши эскадры идутъ къ Остѣ-Индіи ¹²⁾.

«Все—и разумъ и обстоятельства, пишетъ онъ Декрѣ, указываютъ, что эскадра Миссесени назначена для Остѣ-Индіи». — Адмиралъ Кокеранъ направится къ Великимъ-Индіямъ, при неизбѣннѣ надлежащихъ свѣдѣній. «Это все, что благоразумный адмиралъ и главноначальствующій должны дѣлать въ его положеніи». Нельсонъ, всегда озабоченный Египтомъ и опасавшійся за Сицилію, будетъ рыскать по Средиземному морю. Когда же англичане увидятъ свое заблужденіе, когда они узнаютъ объ огромномъ сборѣ кораблей у Антильскихъ острововъ, они поспеютъ туда на всѣхъ парахъ, но уже будетъ поздно: французскій флотъ будетъ тогда уже на дорогѣ къ Европѣ. «Главная цѣль этой экспедиціи — доставить намъ на нѣсколько дней перевѣсъ силъ передъ Булономъ. Благодаря господству надъ проливомъ въ теченіе четырехъ дней, 150,000 чел. на 2,000 судахъ завершили бы вполне экспедицію». Надо распустилъ слухъ, что Наполеонъ предпринимаетъ экспедицію въ Остѣ-Индію для обратнаго ея завоеванія. Говорятъ, что Лористонъ направляется въ эти страны, гдѣ служилъ его отецъ; что 10,000 чел. высадилось въ Египетъ. Наполеонъ

¹¹⁾ Лористону, 2, 16, 22 марта 1805; къ Декрѣ, 11 апр., 4 мая 1805 г.

¹²⁾ Къ Декрѣ, 12 апрѣля; 4 мая; Вильеву, 8 мая 1805 г.

пишетъ Камбасересу, который не будучи посвященъ въ тайну его замысловъ, будетъ тѣмъ съ большимъ авторитетомъ распространять сдѣланныя ему сообщенія: «Англичане еще болѣе потревожатся теперь, когда узнаютъ о выходѣ моей эскадры изъ Тулона... Если она достигнетъ назначеннаго ей мѣста, то можетъ надѣлать Остѣ-Индіи много зла, такъ какъ у меня есть тамъ связи съ Магарратами»¹³⁾.

Но для успѣха всего этого, нужна тайна. А тайна выдана. Содержаніе писемъ, подписанныхъ 2 марта и отправленныхъ къ Гантону, Вилльневу, Лористону, Жюно 3-го марта, стало извѣстнымъ: во время снятія съ нихъ копій въ канцеляріяхъ, о нихъ тамъ разговорился кто нибудь, на чье молчаніе Наполеонъ считалъ себя въ правѣ разсчитывать. *Сынъ друга* пишетъ 1-го марта д'Антрэгу извѣщая его о новыхъ намѣреніяхъ относительно итальянскаго королевства, при чемъ прибавляетъ: «Если тулонскій флотъ Вилленева—сможетъ выйти, то онъ пойдетъ на соединеніе съ Гравиной—испанскимъ флотомъ... Если сможетъ выйти рошфорская флотилія, она соединится съ Гравиной... Онѣ должны направиться въ Вестъ-Индію и атаковать Ямайку... Онѣ пойдутъ опустошать и грабить антилльскій архипелагъ и заключать походомъ на Мартинику... Тогда мнѣніе будетъ неумолимо, и Англія не должна заблуждаться, что ключъ отъ Мексики будетъ въ его рукахъ»... Нѣсколько повыше въ томъ же письмѣ находятся слѣдующія строки: «Дней черезъ восемь Англія убѣдится въ точности всего сказаннаго мною... Она вполне довѣряетъ этимъ парижскимъ источникамъ и хорошо дѣлаетъ... Гравина... отдался Бонапарту; онъ послѣдуетъ его инструкціямъ, а онѣ сумасбродны до крайности; онѣ внушены ему только его яростью, и одна только преступнѣйшая небрежность Англіи можетъ обезпечить имъ удачу... Преемникъ Латура¹⁴⁾ поспѣшилъ увѣдомить». Когда предположенныя движенія начались, другое увѣдомленіе, посланное изъ Парижа 23 апрѣля подтвердило то, которое было послано оттуда 1-го марта: «Назначеніе вышедшаго изъ Кадикса тулонскаго флота положительно неизвѣстно; впоследствии намѣрены послать его къ Антильскимъ островамъ»¹⁵⁾. Въ это именно время Наполеонъ отправился въ Италію съ

¹³⁾ Письма его Декрѣ 12 апр., Камбасересу 13 апр., Декрѣ 13 апр., 23 апр., Барбэ-Марбоа 24 апр., Фуше 30 мая 1805 г.

¹⁴⁾ Имя или псевдонимъ шефа англійскихъ шпионовъ во Франціи. Ringaud.

¹⁵⁾ Относительно послѣдствій и вліянія этого увѣдомленія на движенія Нельсона, отправившагося разыскивать Вилльнева къ Сициліи и до 9-го мая блуждавшаго на ложномъ пути, см. интересный и точный этюдъ: *la Campagne maritime de 1805*, опубликованный въ *Revue d'histoire*, изд. франц. генералн. штабомъ августъ—декабрь 1901 г.

намѣреніемъ придать своему пребыванію тамъ всевозможную торжественность и гласность, а на самомъ дѣлѣ готовый при первомъ извѣстіи о возвращеніи флотовъ, скакать на почтовыхъ въ Булонь, гдѣ все приготовлено для перевозки войска.—«Monsieur Декрѣ, писалъ онъ черезъ нѣсколько недѣль, не знаю, зачѣмъ вы такъ желаете моего возвращенія въ Парижъ. Ничто, кромѣ этой моей поѣздки, не можетъ такъ прикрыть мои проекты и ввести въ заблужденіе моихъ непріятелей, которые, узнавъ о моемъ отсутствіи въ продолженіе мессидора и термидора, умѣряютъ свою тревогу и пошлютъ еще нѣсколько лишнихъ кораблей въ отдаленныя моря»¹⁶⁾. А Камбасересу онъ 1-го іюня писалъ: «Боюсь быть задержаннымъ вдали отъ Парижа на все лѣто».

ГЛАВА III.

Война.—1805 г.

I.

Наполеонъ совершилъ свой вѣздъ въ Миланъ 10 мая. Путешествіе его было триумфальнымъ шествіемъ; обстановка его была великолѣпна¹⁾. Въ герцогскомъ дворцѣ тѣснились дипломаты. Луккезини принесъ два прусскихъ орла—краснаго и чернаго. Тутъ же были посланцы отъ Германской имперіи, Ватланда, Испаніи, Лукки, Тосканы Генуи. Императоръ Франціи не отрядилъ никого, но далъ знать о своемъ согласіи на «новый порядокъ вещей въ Италіи»²⁾. Коронація происходила 26 мая въ великолѣпную погоду. Изъ сокровищницы Монца извлекли желѣзную корону. Съ этой желѣзной короною въ рукѣ и съ императорскою короной на головѣ Наполеонъ вошелъ въ соборъ въ сопровожденіи сановниковъ, украшенныхъ орденами Карла Великаго, имперіи и Италіи. Капрара съ своимъ духовенствомъ привелъ его въ святилище; Наполеонъ возшелъ на тронъ и, надѣвъ корону на чело, произнесъ традиціонныя слова, получившія въ его устахъ свой первоначальный, полный реальности смыслъ: «Богъ мнѣ ее далъ, горе тому кто подниметъ руку на нее!» Потомъ герольдъ провозгласилъ: *Наполеонъ, императоръ французскій и король Италіи, коронованъ, освященъ и возведенъ на тронъ. Да здравствуетъ императоръ и король!* Клики толпы, загремѣвшіе въ церкви раздавались на площади и улицахъ. «Женщины и дѣти, рассказываетъ

¹⁶⁾ Къ Декрѣ, 30 мая 1805 г.

¹⁾ Вотта, liv. XXII.

²⁾ Наполеонъ Барбэ-Марбоа 3 мая 1805 г.

французскій солдатъ, бывшій революціонеръ и одинъ изъ «спасителей» республики во время фрутидора ³⁾, плакали на улицахъ; восторгъ былъ неизъяснимый. Важнѣйшіе итальянскіе сановники спорили о томъ, кто первый облобызаетъ руки императора, выходявшаго изъ кареты. Итальянцы изъ простого народа ложились пластомъ на землю по улицамъ, гдѣ проѣзжала его карета, желая быть раздавленными ею... Въ этомъ порывѣ чувствъ не все было раболѣпіемъ: передъ Италіей былъ человѣкъ самый великій изъ всѣхъ, которыхъ она видѣла послѣ Карла Великаго, и этотъ человѣкъ, съ итальянской кровью въ жилахъ, съ итальянскою рѣчью на устахъ, возвращалъ Италіи всемірную славу ея имени. Итальянцы чествовали въ его лицѣ свою будущность, воскресеніе своего отечества. «Въ Миланѣ, говоритъ поэтъ, великій народъ, пробужденный открылъ на мгновеніе глаза. Воспоминаніе о прежней славѣ, какъ дивная греза предстало передъ возставшей отъ сна Италіей» ⁴⁾.

Наполеонъ полагалъ, что Генуя ему столь же необходима для защиты имперіи со стороны моря, какъ Пьемонтъ—со стороны суши ⁵⁾. Генуя въ рукахъ Англіи была бы угрозой Провансу; кромѣ того, онъ нуждался въ опытныхъ матросахъ. Лигурійцы поняли, что имъ предстоитъ или быть уничтоженными, или покориться. Они предпочли покориться и пришли, съ своимъ дожемъ во главѣ, просить Наполеона о присоединеніи ихъ къ Франціи. Наполеонъ мотивировалъ это присоединеніе необходимостью репрессалій противъ Англіи, и тутъ, въ одномъ своемъ манифестѣ, въ первый разъ произнесъ онъ слово—*блокада* ⁶⁾, которому предстояла такая огромная роль въ его политикѣ. «Право блокады, которую англичане могутъ распространить на мѣста неблокированныя и даже на цѣлыя побережья и рѣки, есть не что иное, какъ присвоенное ими себѣ право уничтожать по произволу торговлю народовъ» ⁷⁾. Лукка была присоединена къ удѣлу Элизы. Королевство Этруріи получило французскую организацію и поставлено подъ его господство ⁸⁾. Такъ рисовалась въ его умѣ и осуществлялась его руками идея великой имперіи; этой имперіи

³⁾ *Mémoires de Bigarré.*

⁴⁾ Шатовіанъ, *мемуары*.

⁵⁾ Этотъ взглядъ, согласно Мишле, существовалъ уже во время директоріи. Мишлетъ, т. III, стр. 21.

⁶⁾ Нѣсколько позднѣе Монгаляръ представилъ императору мемуаръ, гдѣ была развита теорія континентальной блокады.—Lumbruso, *Napoleone I et Inghilterra*, p. 107, 111, 113.—Clement Lacroix, *Mémoires de Montgaillard*. — *Mémoire du 25 juillet 1805*, p. 71—72.

⁷⁾ Посланіе сенату, 18 марта; рѣчь къ герцогамъ, 4 іюня; Луккскому гонфалоньеру, 23 іюня; декретъ о Піомбино 18 марта; о Луккахъ, 4 іюня 1805.

⁸⁾ Мармонтан, *le Royaume d'Etrurie*.

западной, которой онъ угрожалъ Англіи въ 1803 г., имперіи, окруженной вассальными государствами, противопоставляющей коалиціи Англіи свою коалицію, ея блокадѣ свою блокаду, блокирующей самихъ англичанъ, закрывающей для нихъ всѣ порты и пристани, уничтожающей ихъ торговлю и отнимающей всякую цѣну у ихъ морского владычества, это—военная мѣра, обращенная въ политическую систему, гдѣ такъ странно переплетаются республиканская пропаганда съ честолюбивыми замыслами императора и гегемоніей французской республики надъ республиками-спутницами «великой націи» и надъ подчиненными ей народами. Формула 1804 г. «*Республика французская, Наполеонъ императоръ*», распространяется, такимъ образомъ, отъ внутренняго управленія Франціи на конституцію Европы подъ французскимъ верховенствомъ. Гара, одинъ изъ тѣхъ идеологовъ, къ которымъ такъ не благоволилъ Наполеонъ, теперь примирившійся съ нимъ и пріютившійся въ сенатѣ, въ бытность свою въ 1789 г. посломъ директоріи въ Неаполѣ, писалъ генералу Бонапарту ⁹⁾: «Признаюсь, генераль, что мысль о революціи въ Италіи, произведенной самими итальянцами, ужасаетъ меня... Все, что можно сдѣлать хорошаго и дѣйствительно хорошаго, заключается въ томъ, чтобы установить здѣсь рѣшительное преобладаніе Франціи... Въ результатъ своихъ размышленій я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что изъ нынѣшняго человѣчества, каково оно есть теперь, возможно создать другое, въ которомъ не было бы нѣпостей и безумія перваго... Вамъ предстоитъ произвести разнообразныя опыты въ этомъ направленіи для выработки надлежащихъ методовъ...» Такъ размышляли, въ героическую пору ихъ жизни, эти люди, которые въ 1805 г. тихомолкомъ оплакивали утраченную свободу и поправляли права человѣческаго рода. Эта философія выражена тѣми же почти словами въ инструкціи, данной Наполеономъ принцу Евгенію въ день 7-го іюня 1805 г., когда онъ провозгласилъ его вице-королемъ Италіи. Онъ изложилъ тамъ въ нѣсколькихъ строчкахъ свой трактатъ о *Государствѣ* ¹⁰⁾:

«Со временемъ вы убѣдитесь, что между однимъ народомъ и другимъ нѣтъ большого различія...

«Выказывайте уваженіе къ націи, которой управляете, и тѣмъ больше выказывайте его, чѣмъ менѣе вы будете имѣть причинъ уважать ее.

«Во всякомъ иномъ положеніи ставьте себѣ въ честь быть французомъ; но въ званіи вице-короля Италіи вы должны постараться, чтобы забыть объ этомъ, и можете имѣть успѣхъ среди итальянцевъ, только

⁹⁾ 30-го іюня 1798. *Corr. inédite: Égypte*, t. I, p. 186—188. cf. t. V.

¹⁰⁾ Рѣчь въ итальянскомъ законодательномъ корпусѣ; декретъ; инструкціи 7 іюня 1805.—Ср. принцу Евгенію, 12 іюня: подробности прикладныя.

увѣривши ихъ въ вашей любви къ нимъ; а они знаютъ, что любятъ только то, что уважаютъ».

Это совѣтъ властвовать надъ народомъ съ тѣмъ же презрѣніемъ къ нему, съ которымъ онъ былъ завоеванъ; но такая власть порождаетъ ненависть, а такое завоеваніе ведетъ къ возстанію. Италія доказала это Наполеону черезъ долгое время, Германія раньше, а Испанія тотчасъ же.

Въ Неаполѣ Марія-Каролина продолжаетъ тревожить Наполеона. Онъ шлетъ «предостереженіе, чтобы усмирить эту фурію»¹¹⁾. Если она пошевелится, онъ поступитъ съ нею, какъ съ какою нибудь г-жей Сталь. Его полиція захватываетъ письма этой королевы къ испанской инфантѣ, женѣ Фердинанда. Наполеонъ сообщаетъ ихъ Годю, а Годой узнаетъ изъ нихъ, что, въ случаѣ смерти Карла IV, король былъ тогда боленъ—онъ черезъ двадцать четыре часа будетъ заключенъ въ тюрьму. Въ Парижѣ французскіе агенты замыслиютъ вмѣстѣ съ Пизкьердо лишеніе наслѣдства Фердинанда.

Однако, Наполеонъ витаетъ мыслью надъ океаномъ, предугадывая, разсчитывая, соображая движенія непріятеля, эволюціи его кораблей¹²⁾. Онъ представляетъ себѣ англичанъ затерявшимися на всѣхъ моряхъ. «Энергично атакованные, они боятся за Индію, за Америку и за свое собственное отечество...»—«Будьте увѣрены, что они пошлютъ войска и корабли въ Америку и не оставятъ передъ Брестомъ болѣе двадцати одного или двадцати двухъ кораблей... Вычтите изъ числа англійскихъ кораблей, находящихся въ Америкѣ, шесть, преслѣдующихъ Миссесси, который, по предположенію англичанъ, находится въ индійскихъ водахъ, и двадцать кораблей, удаляющихся на пятнадцать дней гоняться за Вилленевомъ, и станеть ясно, что англичане не смогутъ собрать въ Ламаншѣ болѣе сорока кораблей, между тѣмъ какъ возвратившіеся изъ антильскаго архипелага французскій флотъ будетъ тамъ въ числѣ шестидесяти пяти кораблей». Но выступилъ ли въ путь Миссесси? Но гдѣ же Вилленевъ? Но почему Гантомъ не двигается? «У васъ все *если*, да *ибо*, да *но*. Я задыхаюсь отъ негодованія. Надо дѣйствовать и дѣйствовать». Надо бросить смущеніе въ ряды англичанъ, откуда и какъ—все равно. «Это правительство, вѣчно занятое внутренними ябедами, бросается туда, гдѣ слышится больше шуму¹³⁾». Но у французскихъ моряковъ нѣтъ того духа предпримчивости, отваги и самоувѣренности, который, благодаря десяти годамъ войны и столькимъ побѣдамъ, одушевляеть генераловъ

¹¹⁾ Тайлерану, 3 іюня 1805 г.

¹²⁾ Amiral Jurien de la Gravière, *Guerres maritimes de la République et de l'Empire*, t. II, chap. IX et suiv.; THIERS, t. V, p. 436 et suiv.

¹³⁾ Къ Декрѣ, 25, 26, 27, 29 мая; 9, 14, 22 іюня 1805 г.

республики. Кромѣ того, тайна предпріятія вышла наружу. 30 марта Вилленевъ выступилъ въ море. Нельсонъ, подстергавшій его у Пальмы, узнавъ объ этомъ, 3-го апрѣля отплылъ за нимъ, оцупью разыскивая его слѣды на пустынной и безсѣдной равнинѣ водъ, изнемогая въ «истощающей тревогѣ сомнѣній, предположеній, гаданій по смутнымъ признакамъ, въ продолженіе болѣе трехъ мѣсяцевъ¹⁴⁾». Онъ предполагаетъ, что Вилленевъ направился въ Египетъ, быть можетъ, угрожая мимоходомъ Сициліи, и отправляется туда за нимъ. 9-го онъ у Палермо. 19-го онъ узнаетъ, что французскій флотъ перешелъ Гибралтарскій проливъ; но куда же онъ направился оттуда? Въ Индію? На западъ? Въ Америку? На сѣверъ? Въ Англію? «Счастье, кажется, совсѣмъ оставило меня, пишетъ онъ 20-го апрѣля. Не могу дожидаться вѣтра, который не былъ бы мнѣ противенъ... Фактъ, что они въ Кадиксѣ присоединили къ себѣ испанскіе корабли, повидимому, показываетъ, что они не имѣютъ намѣренія итти въ Индію или Бразилію, а хотять снять блокаду съ Ферроля и направиться оттуда въ Ирландію или Брестъ». Онъ было рѣшился преслѣдовать ихъ въ этомъ направленіи, но инстинктъ морского охотника указалъ ему на Антильскіе острова. 5-го мая онъ пишетъ изъ Тетуана на мароккскомъ берегу: «Не могу я, однако, итти къ Антильскимъ островамъ на основаніи простыхъ предположеній; а съ другой стороны, не отправься я туда—мы можемъ потерять Ямайку». 10-го мая у мыса св. Винцента онъ получаетъ сообщеніе о томъ, что «мнѣнія о назначеніи непріятельской флотиліи различны: одни полагаютъ, что она направится въ Ирландію, а другіе—въ Вест-Индію и отчасти въ Ямайку». Въ тотъ же день адмиралъ Кэмпбелль, бывшій тогда на службѣ у Португаліи, формально удостовѣрилъ, что Вилленевъ отправился въ Вестъ-Индію. Нельсонъ пересталъ колебаться, и направилъ паруса къ Антильскимъ островамъ. Благодаря попутному вѣтру и своей обычной отвагѣ, онъ настигаетъ Вилленева, приводитъ его въ замѣшательство и преграждаетъ ему путь! Между тѣмъ англичане, одновременно боявшіеся, что будутъ вынуждены снять блокаду, остаются у Бреста. Гантомъ не выходитъ. Англійскіе флоты продолжаютъ крейсировать въ Ламаншѣ, и вмѣсто того, чтобы разсѣяться, сосредоточиваются тамъ. Громадный проектъ Наполеона рушился!

Лондонъ успокоивается. Тамъ была сильная тревога при мысли, что тулонскій флотъ, «освободивъ эскадры кадикскую и феррольскую и снявъ всѣ блокады, можетъ соединиться съ брестскимъ флотомъ и овладѣть Ламаншемъ, между тѣмъ какъ булонская флотилія подвезетъ къ Англіи стотысячную армію». *Morning Chronicle* писалъ 3-го мая, что «въ

¹⁴⁾ MAHAN, *Life of Nelson*.—*Corr. de Nelson*. Revue d'histoire.

продолженіе восьми дней передъ этимъ никто не спалъ спокойно къ Лондонъ».

Но близится время, когда эта комбинація, самая обширная изъ всѣхъ, когда-либо задуманныхъ Наполеономъ, должна исполниться, если онъ рассчиталъ вѣрно, и если Вилленевъ понялъ и выполнилъ его инструкціи. 6-го іюня онъ пишетъ къ Декрѣ: «я буду въ Фонтенбло, но для васъ однихъ, 26-го мессидара—9-го іюля». — «Итакъ я рассчитываю, что Вилленевъ отъ 1-го до 10-го термидора—отъ 20 до 29 іюля, будетъ передъ Ферролемъ, отъ 10-го до 20-го передъ Брестомъ, а отъ 20-го до 30-го—8-го, 18-го августа передъ Булонью»¹⁵⁾. Согласно этому предположенію, онъ дѣлаетъ разныя распоряженія, предписываетъ принять мѣры для посадки войскъ на суда и для произведенія фальшивой посадки, 29-го и 31-го іюля¹⁶⁾.

Тѣмъ временемъ Луккезини вручилъ ему письмо Фридриха-Вильгельма, испрашивающее паспорта для Новосильцева. Наполеонъ отослалъ этотъ паспортъ, но изъ одной только любезности къ прусскому королю. О самихъ же переговорахъ онъ былъ одного мнѣнія съ Петербургомъ. «Переговоры не приведутъ ни къ чему, писалъ Жозефъ де Местръ 11 іюня. Новосильцевъ мнѣ откровенно высказалъ это, а князь Чартеръжскій—еще откровеннѣе, если возможно». 8-го іюля Наполеонъ выѣхалъ изъ Турина, а въ Парижъ пріѣхалъ 11-го, какъ разъ во-время для принятія предупредительныхъ мѣръ противъ коалиціи.

II.

Между тѣмъ какъ Нельсонъ хлопочетъ объ уничтоженіи великаго морского предпріятія, кругъ, въ который союзники заключали Францію, суживается. Ратификаціи трактата 11-го апрѣля затянулись на нѣсколько недѣль, вслѣдствіе затрудненій¹⁾, касающихся Мальты, которую англичане ни подъ какимъ видомъ не хотѣли выпустить изъ своихъ рукъ, а русскіе желали возратить Ордену, сохранивъ, однако, свой протекторатъ, по пресловутому—«международному морскому праву». Питтъ объявилъ, что онъ скорѣе откажется отъ трактата, чѣмъ уступить по статьѣ о Мальтѣ: «То, чего требуютъ отъ короля, сказалъ онъ, не зависитъ отъ его величества и ни отъ кого изъ министровъ, потому что парламентъ и нація не допустили бы этого». — «Франція, прибавилъ онъ, хочетъ обратить Средиземное море во французское озеро, завоевать Оттоманскую имперію, изгнать англичанъ изъ Индіи. Еслибы это французамъ удалось, то Англія

¹⁵⁾ Къ Декрѣ, 28 іюня 1805.

¹⁶⁾ Къ Мармону, 27 іюня; къ Бертѣ, 28 іюня 1805.

¹⁾ Мартенсъ, т. XI, стр. 106 и слѣд.—Стэнгопъ, т. IV, стр. 305 и слѣд.

была бы окончательно разорена. Вотъ почему она обязана сохранить за собою Мальту. Независимость Леванта и Египта; безопасность Южной Италіи, Іоническихъ острововъ и всѣхъ владѣній Оттоманской имперіи требуютъ, чтобы Мальта осталась за Англіей». Мальта необходима и для защиты Египта, который имѣетъ для Англіи значеніе до такой степени важное, что она готова выдержать десять войнъ, чтобы не допустить въ немъ владычества французовъ²⁾. Значить надо отказаться отъ союза, заключеннаго для спасенія всей Европы, сказалъ Воронцовъ. — Значить, воскликнулъ Питтъ, Европа не будетъ спасена... При всемъ нашемъ сожалѣніи... Мы будемъ вести войну одни; она будетъ морская». И Питтъ отказался принять отдѣльную статью въ той редакціи, которую ей хотѣлъ придать Александръ.

А о морскомъ кодексѣ Питтъ не захотѣлъ даже и слушать³⁾. «Эти предлагаемыя права, говорилъ онъ, выведены Гроціемъ въ интересахъ его соотечественниковъ—голландцевъ; онъ сочинилъ свою книгу о свободѣ морей въ интересъ Франціи». Этому *естественному праву народовъ*, существующему только въ книгахъ, Англія противопоставляетъ простое *естественное право*—*salus publica suprema lex*. Англія можетъ погибнуть съ честью и славой, но она никогда не согласится на это отступничество, которое поведетъ ее къ паденію. Какой министръ посмѣетъ даже допустить мысль о такомъ преступномъ уничтоженіи? Такого не найдется, потому что онъ отлично знаетъ, что заплатилъ бы за это своей головой, и самое имя его стало бы ненавистнымъ для потомства».

При чтеніи этихъ докладовъ, Александръ испыталъ горькое разочарованіе и то чувство удивленія, которое уже не однажды ощущали столь многіе союзники Англіи, когда она, не желая измѣнить себѣ, отказывалась отъ всякихъ уступокъ по тѣмъ именно пунктамъ, которые составляли для нея главный предметъ этого союза. Такъ вмѣстѣ съ миссіей Новосильцева разлетѣлась въ прахъ и вся искусственная махинація, изобрѣтенная съ цѣлью заставить Наполеона отступить или взять на себя всю видимую отвѣтственность за войну.

Но непріятное впечатлѣніе скоро улеглось. Не такіе были люди царь и его министры, чтобы изъ за Мальтійскаго рыцарства, столь дорогого Павлу 1-му, и изъ за теоріи морского права, возвѣщенной Екатериной II-й, отказаться отъ великолѣпнаго и выгоднаго намѣренія спасти Европу, поставивъ ее подъ русскую гегемонію!⁴⁾. Польша была дороже ордена св.

²⁾ Донесеніе Воронцова, 5 іюня 1805.—Питтъ Новосильцеву, 7 іюня 1805.

³⁾ Мартенсъ, т. XI, стр. 112—115.

⁴⁾ О состояніи умовъ въ Петербургѣ см. въ романѣ Толстаго «Война и миръ», описаніе вечера у г-жи Шереръ, въ іюль 1805 г. «Россія одна должна

Иоанна. и дѣло «справедливости», которому предстояло совершиться въ Варшавѣ посредствомъ коронованія Александра, вознаградило бы съ избыткомъ за нѣкоторые злоупотребленія правомъ осмотра, задержанія судовъ нейтральныхъ государствъ и фиктивные блокады. Къ тому же умы въ Петербургѣ были сильно возбуждены, и Александръ, обманувъ возбужденныя имъ надежды, могъ не только что лишиться возвращавшагося къ нему обаянія, но и поставить себя въ чрезвычайно опасное положеніе.

Присоединеніе Генуи заставило англичанъ рѣшиться на ратификацію трактата 11-го апрѣля. Генуя въ рукахъ Франціи—это Средиземное море во власти Наполеона. Обмѣнъ ратификацій совершился въ Петербургѣ, за исключеніемъ статьи X-й и приложенія къ ней, т. е. статьи, о Мальтѣ⁵⁾. Новосильцевъ, однако, былъ уже въ Берлинѣ. Но такъ какъ миссія его, никогда не бывшая искренней, уже утратила всякое значеніе, онъ получилъ приказаніе возвратиться въ Россію и 18-го Іюля выѣхалъ изъ Берлина. «Войска быстро подвигаются», пишетъ Чарторыйскій 19-го іюля. «Если бы Бонапартъ, разсуждаетъ Воронцовъ, принялъ предложеніе мира на условіяхъ, которыя будутъ ему предъявлены черезъ Новосильцева, то это до извѣстной степени успокоило бы Европу и оградило бы ее отъ новыхъ потрясеній. Но развѣ одно только чудо могло бы его довести до этого, а въ нашъ вѣкъ чудесъ не бываетъ...» Склонить его волю могло-бы не предложеніе мира, принять который онъ не можетъ, не признавъ себя трусомъ... Одна только счастливая война и обратное завоеваніе всѣхъ присвоенныхъ имъ странъ могутъ принудить его къ такому замрению... Европейскіе кабинеты сами разсудятъ, что Бонапарту нельзя было согласиться на предложенныя ему условія. Что же касается до коалиціи противъ него, то ея необходимость и справедливость вполне оправдывается нарушеніями имъ Амьнскаго и Моневиляскаго трактатовъ, его провозглашеніемъ себя королемъ Италіи, его захватомъ Генуи и, наконецъ, всѣмъ, что только возможно ожидать отъ его дерзкой отваги и отъ огромнаго, гигантскаго могущества, которое онъ создалъ себѣ, и которое угрожаетъ всей Европѣ»⁶⁾. «Не возлагая никакихъ надеждъ на умѣренность со стороны Бонапарта, писалъ царь⁷⁾, надо ему показать,

быть спасительницей Европы. Нашъ благодѣтель знаетъ свое высокое призваніе и будетъ вѣренъ ему... Мы одни должны искупить кровь праведника. Англія со своимъ коммерческимъ духомъ не пойметъ и не можетъ понять всю высоту души императора Александра. Она отказалась очистить Мальту...

⁵⁾ Станфордъ, т. IV, chap. XLIII.

⁶⁾ Канцлеръ Воронцовъ, 15 авг. 1805 г.

⁷⁾ Фридриху-Вильгельму, 19 авг. 1805 г.

что 200,000 пруссаковъ, 200,000 русскихъ и 300,000 австрійцевъ въ соединеніи съ силами Германской имперіи готовы его атаковать»...

Русскіе рѣшительно насаждаютъ на Пруссію, Чарторыйскій—съ тайной мыслью завладѣть ею, а царь съ надеждой привлечь ее къ союзу⁸⁾. Какъ бы то ни было, въ качествѣ друзей или враговъ, а надо обезпечить себѣ право прохода⁹⁾. Это будетъ пробнымъ камнемъ прусской политики. 19-го августа царь пишетъ королю: «Опасность достигла высшей степени... Ваше величество соблаговолили заранѣе увѣрить меня въ вашемъ содѣйствіи при такихъ обстоятельствахъ, а я не колеблюсь просить васъ о немъ въ настоящее время». На случай, если бы Пруссія стала уклоняться, имѣется цѣлый хитрый планъ мѣръ, чтобы заставить ее дѣйствовать. Въ тотъ самый день, когда Александръ обратился къ королю съ вышеуказанной просьбой, Алопеусу была отправлена нота, гдѣ говорилось, что «армія, собранная въ Бродлахъ, назначена для вступленія въ австрійскія земли къ 22 августа. Съ этого именно дня и должны быть соображены всѣ мѣры, какъ военныя, такъ и дипломатическія, для того, чтобы заставить Пруссію присоединиться къ общему дѣлу Россіи и Франціи. Пруссаки узнаютъ о вступленіи русской арміи въ Австрію къ 28 августа. Въ то же время Алопеусъ получитъ письмо императора къ королю съ приложеніемъ копій съ подписанныхъ Россіей трактатовъ. Онъ ихъ прочтетъ, проникнется ихъ духомъ, но никому не долженъ сообщать ихъ. Онъ пригласитъ короля присоединиться къ коалиціи, или, по крайней мѣрѣ, принять вооруженное посредничество. Если король станетъ откладывать или дастъ отвѣтъ съ цѣлью оттяжки, Алопеусъ долженъ отказать въ передачѣ такого отвѣта. Расчитываютъ, что эти переговоры протянутся отъ 28 августа до 16 сентября. Тѣмъ временемъ будутъ приближаться: русская армія—назначенная дѣйствовать въ Ганноверѣ и требующая пропуска для 40,000 чел., а другая въ 60,000 чел., готовая поддержать требованія первой. Эти войска должны быть готовы для перехода черезъ прусскую границу къ 28 сентября. Тогда королю будетъ передано черезъ Алопеуса другое письмо отъ императора; если 23 сентября король не рѣшится пристать къ коалиціи и дать пропускъ, то русскія войска принудятъ его

⁸⁾ Чарторыйскій. т. II, стр. 141 и слѣд.; т. I, стр. 396 и слѣд. Онкенъ, т. II, стр. 159.—Ранке, т. I, стр. 504.—Мартенсъ, т. VI, стр. 360.—Гюфферъ, стр. 11 и слѣд.—Трачевскій, т. IV.

⁹⁾ «Если бы съ Пруссіей произошелъ разрывъ, то надо было бы не только отказаться привести Францію въ надлежащія границы, но и дать иное назначеніе нашимъ арміямъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онѣ были бы направлены на Пруссію съ цѣлью лишить это государство пріобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ въ Польшѣ».—Письма канцлера Воронцова, 6 іюня 1805 г.

къ этому: «Дѣло рѣшено безвозвратно».—Если берлинскій дворъ уступить, пишетъ Чарторыйскій, то русскій проектъ перестанетъ быть проблематическимъ... «Если же онъ воспротивится, то Кутузовъ достигнетъ его врасплохъ, среди полного пейтралитета, «съ арміею на мирномъ положеніи» и займетъ Польшу. Вознаградивъ себя заранѣе, такимъ образомъ, за свой подвигъ *справедливости*, русскіе могутъ спокойно ожидать рѣшенія Бонапарта. Если онъ пойдетъ на помощь Пруссіи, то этимъ раздѣлитъ свои силы и развяжетъ руки Австріи; если же онъ двинется прямо на Австрію, то поставитъ себя въ очень неудобное положеніе, которое можетъ заставить его призадуматься передъ угрожающими ему опасностями. Въ такомъ случаѣ, онъ, быть можетъ, найдетъ лучшимъ вступить въ переговоры съ Россіей и «раздѣлить съ нею владычество надъ Европой». «Съ своей добычею въ рукахъ, Россія будетъ имѣть все выгоды на своей сторонѣ при этихъ переговорахъ»¹⁰⁾. Эту заднюю мысль высшей политики слѣдуетъ особенно отмѣтить здѣсь; она освѣщаетъ будущее; при ея свѣтѣ знаменитая тильзитская революція не удивитъ уже никого, кромѣ зѣвакъ, восхищающихся театральными эффектами.

Оставалось сговориться съ Австріей. 29-го іюня Разумовскій вручаетъ Кобенцлю ноту, убѣждающую слѣшить: критическій моментъ наступилъ; пусть Австрія рѣшится, и Пруссію принудятъ дѣйствовать, будутъ располагать силами отъ 500 до 600,000 человѣкъ. Но австрійцы все еще не рѣшаются. Могутъ ли они вполне положиться на Россію? Не слѣдуетъ ли имъ опасаться, какъ бы Александръ вдругъ не счелъ для себя болѣе выгоднымъ вступить въ переговоры съ Наполеономъ, предоставляя ему власть надъ Западомъ съ тѣмъ, чтобы онъ предоставилъ ему властвовать надъ Востокомъ?¹¹⁾ Присоединеніе Генуи полагаетъ конецъ колебаніямъ. «Мы можемъ дѣлать пріобрѣтенія въ Италіи не иначе, какъ путемъ счастливой войны или выставкой силъ, способныхъ внушить уваженіе Наполеону», пишетъ Кобенцль Колларедо. Но необходимо затягивать дѣло до тѣхъ поръ, пока можно будетъ собрать эти внушительныя силы, нужно поощрить Наполеона къ высадкѣ въ Англію,—что было бы большимъ счастьемъ,—убаюкивая его живыми завѣреніями. Тогда союзники стали бы владыками континента, а Наполеонъ погибъ бы, блокированный въ завоеванной имъ странѣ. Вотъ почему Австрія такъ любезно признаетъ «новые порядки въ Италіи», и такъ слѣшитъ на все тоны успокоивать французскаго уполномоченнаго въ Вѣнѣ—Ларошфуко. Кобенцль пишетъ

¹⁰⁾ Чарторыйскій. Записка Императору отъ 15 апр. 1806 г., ретроспективно, т. II, стр. 145.

¹¹⁾ Кобенцль Колларедо, 12 іюня 1805 г. Fournier, *Gentz und Cobenzl*, p. 153, note.

Гентцу: «Мы высказываемъ такую умѣренность по отношенію къ Бонапарту съ единственной цѣлью скрыть отъ него наши намѣренія и не возбуждать въ немъ опасеній до той поры, когда онъ узнаетъ о движеніи русскихъ войскъ»; а въ одномъ изъ докладовъ Гентца Гаммону находятся слѣдующія строки: «Вамъ извѣстны, милостивый государь, маневры, которыми мы вводимъ въ заблужденіе Бонапарта относительно нашихъ истинныхъ замысловъ, и которые съ такимъ успѣхомъ служили намъ до начала августа»¹²⁾.

Въ Вѣнѣ происходили совѣщанія между Шварценбергомъ и Макомъ, съ австрійской стороны, и Винценгероде—со стороны русской; 16-го іюля тамъ былъ установленъ планъ военныхъ дѣйствій¹³⁾, а 9-го августа Австрія официально примкнула къ трактату 11 апрѣля¹⁴⁾. Союзники были увѣрены въ успѣхѣ. «Если бы Бонапартъ, пишетъ Кобенцль 2-го августа, привелъ свои войска въ движеніе даже въ самый моментъ полученія имъ извѣстія о вступленіи русскихъ войскъ въ наши наследственные страны, то онъ все-таки не дойдетъ до насъ прежде, чѣмъ наши союзники соединятся съ нами на территоріи имперіи. Это такъ хорошо разсчитано, что съ этой стороны опасаться нечего, особенно въ виду того, что огромное количество французскихъ войскъ находятся теперь на берегахъ противоположныхъ Англіи».

Союзники торопили Неаполь приготовиться и высказаться... Русскій посредникъ Ласи пріѣхалъ туда тихомолкомъ въ срединѣ мая, а не много спустя, подъ предлогомъ нездоровья, туда же прибылъ военный Опперманъ¹⁵⁾. Тамъ, какъ и въ 1798 г., очищали армію и волновали народъ. Англичане готовили морскую экспедицію въ Сицилію. Австрійцы разсчитывали, что Неаполь можетъ выставить отъ 30 до 40,000 чел., которые въ соединеніи съ пришедшими изъ Мальты англичанами и пришедшими изъ Корфу русскими составятъ 60,000 ную армію, которой легко будетъ раздавить небольшой корпусъ Гувіонъ-сенъ-Сира. На самомъ же дѣлѣ у

¹²⁾ Письмо къ Кобенцлю, 22 авг.; къ Гентцу, 23 окт. 1805.—Фугнъе, *Gentz*, стр. 175.—Стернь, *письмо Гентца*.

¹³⁾ По русскому плану, выработанному въ іюнѣ и сообщенному Вѣнѣ, Австрія должна была дѣйствовать преимущественно въ Италіи и соединить свои силы съ рускими въ Германіи; другія русскія силы, поддержанныя шведами, имѣли дѣйствовать въ Голландіи и Голландіи; пруссакамъ предстояло осадить Майнцъ и дѣйствовать на Рейнѣ, а послѣ взятія Майнца они двинулись бы въ Бельгію, «если она, какъ предлагалъ лондонскій дворъ, должны быть ихъ наградой.—Трачевскій.—Они вознаградили бы себя этимъ за то, что Россія взяла бы у нихъ въ Польшѣ».

¹⁴⁾ Мартенсъ, т. II, стр. 428 и слѣд.

¹⁵⁾ Гельфертъ, стр. 166 и слѣд.

неаполитанцев не было ничего—ни солдатъ, ни денегъ, и они только компрометировались, подводя себя подъ удары Наполеона, который, послѣ побѣдоносной войны въ Германіи, не пощадилъ бы ихъ. Союзники знали, что имъ уже угрожали этимъ. «По своемъ возвращеніи изъ Милана, Алькье, пишетъ одинъ русскій ¹⁶⁾, испросивъ аудіенцію у королевы..., объявилъ, что, если она не устранилась отъ дѣлъ, генераль Сентъ-Сиръ двинется на Неаполь и провозгласитъ тамъ королемъ наслѣднаго принца или испанскаго инфанта, если принцъ откажется... Въ разговорѣ, происходившемъ у него на дняхъ съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Кауницемъ, онъ предложилъ ему увѣдомить свой дворъ, что, если онъ дѣйствительно интересуется сохранностью королевы, то хорошо бы сдѣлать, посоветовавъ ей перемѣнить свое мѣстожительство».

Такъ, предпріятіе 1798 года возобновлялось во всѣхъ своихъ подробностяхъ въ Петербургѣ и Неаполѣ. Союзники рассчитывали, что разрушеніе имперіи галловъ повлечетъ за собою паденіе Наполеона, что республика—если только она будетъ—не переживетъ утраты Рейна; что одна только монархія способна организовать Францію, достаточно свободную, чтобы не сожалѣть о своемъ умаленіи, и достаточно слабую, чтобы не угрожать Европѣ; при чемъ французская корона должна достаться скромнѣйшему, т. е. тому, который подпишетъ самый суровый для Франціи договоръ и дать самыя удовлетворительныя залого Европы: Бурбонамъ, Орлеанамъ, Бонапарту или кому другому; вопросъ рѣшится на аукціонѣ.

Моро, еще не уѣхавшій въ Америку и въ то время бродившій по Испаніи, предложилъ себя въ командиры вспомогательнаго корпуса «королевской арміи Франціи». Предложенія его были доставлены Новосильцеву въ Берлинѣ, въ іюлѣ; въ апрѣлѣ русскій посланный въ Мадридѣ получилъ приказъ предложить Моро убѣжище и чинъ французскаго генерала въ русскоѣ арміи, приготовлявшейся къ походу ¹⁷⁾. Наконецъ, Дюмурье тоже былъ на чеку. Вся эта грозная машина будетъ пущена въ ходъ черезъ нѣсколько недѣль; 28 августа русскіе будутъ въ Галиціи; 28 септября они насильно перейдутъ черезъ прусскую границу: «Еще три недѣли, и всякая тайна будетъ излишней», заявлялъ Кобенцль. Эти три недѣли приводили Австрію ко дню 12-го септября, а Кобенцль писалъ это строки 22-го августа. Но въ этотъ самый день Наполеонъ уже зналъ, что ему дѣлать—онъ отказался отъ экспедиціи въ Англію и рѣшилъ идти на Вѣну.

¹⁶⁾ Письмо Татищева, 3 авг. 1805 *Архивъ кн. Воронцова*, т. XVIII.

¹⁷⁾ RINGAUD, *Послѣдніе годы Моро* (*Revue de Paris*, 15 decembre 1899).

III.

Наполеонъ не изъ похвалы велѣлъ сказать одному изъ своихъ агентовъ, что: «Императоръ видитъ насквозь замыслы своихъ непріятелей и охватываетъ быстрымъ взглядомъ самыя отдаленныя послѣдствія» ¹⁾. Прежде четырехъ недѣль онъ долженъ былъ въ Англію или двинуться на Дунай. Если онъ пойдетъ въ Англію, то ему нужно сдерживать Австрію; а если онъ пойдетъ на Австрію, то нужно предупредить нападеніе съ ея стороны. Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо утѣшить, привлечь, нейтрализовать Пруссію на все время лондонскаго или вѣнскаго похода, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи уничтожить ее однимъ взмахомъ руки. Всѣ эти три дѣла укладываются въ его умъ въ стройномъ порядкѣ ²⁾. Сначала дѣло о высадкѣ преобладаетъ надъ двумя прочими; затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ назначенный срокъ приближается, а паруса Вилленева все еще не показываются ни на одной точкѣ горизонта, онъ обращаетъ свои заботы на Германію; отливъ великой арміи готовится тихомолкомъ, мѣры предосторожности, приказы о выступленіи слѣдуютъ другъ за другомъ съ медленной постепенностью, потомъ съ той же постепенностью они ускоряются, и наконецъ комбинація, бывшая въ три послѣднія недѣли іюля побочной, становится въ три первыя недѣли августа главной. Всѣ эти движенія совершаются съ безукоризненною правильностью и обнаруживаются съ такой молниеносной быстротою только потому, что они были долго обдумываемы и старательно согласованы. Тутъ не было ни сценическихъ эффектовъ, ни театральныя внезапностей, ни чудеса гениальнаго творчества, а была лишь ясность представленія, вѣрность предвидѣнія и правильная послѣдовательность мышленія. «Я не усиливалъ подчинять обстоятельства моимъ идеямъ; я, вообще, давалъ руководить собою обстоятельствамъ. Кто можетъ заранѣе предвидѣть всѣ случайности, предупреждать всякія неожиданности? Сколько разъ приходилось мнѣ дѣлать существенныя измѣненія. Потому-то я и руководствовался общими воззрѣніями гораздо болѣе, нежели однажды установленными планами!» ³⁾.

20 іюля онъ призываетъ изъ Бреста въ Булонь Гантома ⁴⁾. Все готово

¹⁾ Слова Лафоре, сказанныя Гарденбергу, 5 авг. 1805 г.

²⁾ Le lieutenant-colonel Roussel, *l'Art de Napoléon*.—E. DESBRIÈRE, *Projets et tentatives de débarquement aux îles britanniques*, 1793—1805, t. III et IV.—ALAMBERT et COLIN, *la Campagne de 1805 en Allemagne*.

³⁾ *Mémorial. Corr.*, t. XXXII, p. 313.

⁴⁾ Къ Вилленеву, 16 іюля; къ Гантому 20 іюля; къ Декрѣ, 26 іюля, 27 іюля и слѣд. дни; къ Бертѣ, 25 іюля; къ Вилленеву, 26 іюля 1805 г.—JURIEN DE LA GRAVIÈRE, t. II, chap. X: Движенія Вилленева отъ 12 мая до 25 іюля, битва при мысѣ Финистеръ, 22-го возвращеніе къ Вигу.

къ высадкѣ... «три дня господства надъ проливомъ, и успѣхъ въ сомнѣніи... вы дадите намъ возможность рѣшить судьбу Англіи». 26-го іюля онъ пишетъ Вилленеву: «Соединитесь съ испанцами въ Кадиксѣ и Ферроль и приходите въ Булонь. Если вы доставите мнѣ господство надъ Па-де-Кале только на три дня, то я, съ Божіей помощью, положу предѣлъ судьбамъ и существованію Англіи»... Онъ полагаетъ, что это письмо застанетъ Вилленева въ Кадиксѣ, и что этотъ адмиралъ встрѣтитъ Гантома въ Ламаншѣ.

Между тѣмъ какъ его курьеры спѣшатъ въ Брестъ и Кадиксѣ, самъ онъ обращается къ Германіи. Для него, какъ и для Александра, главнѣе всего заставить дѣйствовать Пруссію; у обоихъ императоровъ одна цѣль: привлечь ее къ себѣ съ тѣмъ, чтобы дорого заплатить ей, если она хорошо послужитъ имъ, или разрушить ее, если она пойдетъ противъ нихъ.

Талейранъ торопитъ Луккезини; онъ предлагаетъ Пруссіи занять Ганноверъ во время войны съ тѣмъ, чтобы сохранить его за собою послѣ заключенія мира; если Россія и Австрія нападутъ на нее, то онъ выдвинетъ на ее защиту 80,000 чел.; но въ вознагражденіе за это онъ требуетъ отъ нея признанія послѣдняго порядка вещей въ Италіи: присоединенія Генуи и права свободного распоряженія участіемъ Пармы и Пиаченцы. Лафорэ написалъ по этому предмету длинный мемуаръ, переданный имъ 8 августа Гарденбергу⁵⁾. «Пруссія, говорится тамъ, не можетъ рассчитывать на роль спокойнаго зрителя событій. Увлеченная вихремъ ихъ и вынужденная сражаться на мѣстахъ, назначенныхъ случайностями войны, потому что ей уже некогда будетъ самой избирать ихъ, она будетъ сожалѣть, что не предупредила золь, которая имѣла возможность предупредить».

Португалія идетъ сама собой, если падетъ Англія; а если Англія устоитъ, то Португалію надо довести до паденія. Наполеону хотѣлось бы, чтобы за это дѣло взялась Испанія, Ласепедъ, продолжатель Бюффона въ естествознаніи, великій канцлеръ почетнаго легіона и ученикъ Кювье въ области политики и высшихъ должностей, совѣщается объ этомъ въ Парижѣ съ Ицкьердо: «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что 60.000 французовъ было бы слишкомъ много; чтобы покончить съ Португаліей будетъ вполне достаточно 16,000 французовъ и 60,000 испанцевъ⁶⁾».

Извѣстій о флотахъ и отвѣтовъ изъ Берлина и Мадрида Наполеонъ рѣшился ожидать въ Булони, среди своей арміи. Время близится, и со-

⁵⁾ Донесеніе Луккезини, 26 іюля; Талейранъ къ Лафорэ, 30 іюля 1805 г.—Мемуаръ Лафорэ, 8 авг. 1805 г.

⁶⁾ Ласепеду, 26 іюля 1805 г.

бытія скоро укажутъ, какое принять рѣшеніе, 2-го августа онъ выѣзжаетъ изъ Парижа, а 3-го плетъ изъ Булони Талейрану конспектъ рѣчи, которую онъ долженъ держать Кобенцлю въ Вѣнѣ:—Австрія вооружается и угрожаетъ границамъ итальянскаго королевства; «мнѣ невозможно добиться мира съ Англіей, если Австрія не будетъ въ самомъ дѣлѣ замирена»; если же она не желаетъ этого, если она не разоружится, то «при невозможности вести свою морскую войну, императоръ пойдетъ на Германію, чтобы заморить Австрію». Пусть вѣнскій дворъ подумаетъ объ этомъ. «Единственно разумные поводы къ войнѣ находятся въ Константинополѣ; это яблоко раздора, для разрѣшенія котораго, по всей вѣроятности, Австрія и Франція соединятъ свои силы»⁷⁾. Къ Берлину онъ обращается съ еще болѣе ясными намеками: «Ничто не можетъ помѣшать Австріи сдѣлать большія пріобрѣтенія при паденіи Оттоманской имперіи; Сербія, Боснія, Горцеговина, турецкая Хорватія лежатъ у нея подъ рукою, составляютъ ея добычу»⁸⁾. Наконецъ, онъ пишетъ принцу Евгенію: «Вы говорите, что вездѣ толкуютъ о войнѣ. Не падо мѣшать этимъ разговорамъ. Всѣ дѣйствія Австріи, по всей вѣроятности, внушены ей страхомъ»⁹⁾. — И такъ надо устранить ее.

Онъ все еще надѣется на высадку. «Часъ Англіи пробилъ, говоритъ онъ 4 августа. Намъ предстоитъ отметить англичанамъ за пораженіе при Пуатье, Креси и Азинкурѣ. Пятисотъ лѣтъ тому назадъ англичане распоряжались въ Парижѣ... Англичане стали владыками міра. Можно въ одну ночь занять ихъ мѣсто. Они завоевали Францію въ царствованіе короля безумнаго; мы завоюемъ Англію въ царствованіе короля помѣшаннаго»¹⁰⁾.—«Если переправа будетъ въ нашихъ рукахъ въ продолженіе двѣнадцати часовъ, то конецъ Англіи!»¹¹⁾. Наконецъ, 7-го онъ узнаетъ, что Вилленевъ 22-го іюля разбилъ англичанъ близъ Ферроля¹²⁾; соединеніе французскаго флота съ испанскимъ совершилось! Въ Ферроль собрано тридцать пять кораблей. «Капитаны и матросы превосходны, пишетъ Лористонъ; но Вилленевъ слабъ, нерѣшителенъ и лишенъ мужества». «А это животное Гравина, напротивъ, весь геній и отвага».¹³⁾ Придутъ ли

⁷⁾ Текстъ, исправленный по находящемуся въ Вѣнѣ оригиналу. FOURNIER, Zur Textkritik der Korrespondenz Napoleons I. Vienne. 1903 г.

⁸⁾ Талейранъ къ Лафорэ, 30 іюля; нота Лафорэ къ Гарденбергу, 8 авг. 1805 г.

⁹⁾ Евгенію, 27 іюля 1805 г.

¹⁰⁾ Séguier, t. II, p. 331—332.

¹¹⁾ Къ Декрэ, 4 авг. 1805 г.

¹²⁾ THIÉBAUDEAU, *Histoire de la France: Empire*, t. I, p. 336 et suiv.—Jurieu de la GRAVIERE, t. II, chap. IX: Villeneuve au Ferrol, 2 août, jusqu'à sa sortie, le 21 août 1805, p. 127—136.

¹³⁾ Шиммельпепинку, Декрэ 11 авг. 1801 г.

они? Выйдет ли изъ Бреста Гантомъ? Дни 9, 10, 11, 12 августа означаютъ высшую точку кризиса и рѣшительный поворотъ вещей.

До 12-го августа Наполеонъ бьется со своими иллюзіями; онъ допрашиваетъ Моро, пытается горизонтъ, засыпаетъ вопросами часовыхъ. Съ 12-го иллюзіи исчезаютъ; онъ обращается къ картѣ Германіи и все болѣе и болѣе сосредоточивается на ней. Вилленевъ не явился; будущее проясняется; вѣроятности обращаются въ сторону континентальной войны, и съ этихъ поръ великій поворотъ, замысленный имъ въ часы сомнѣній, начинаетъ совершаться методически, развивается постепенно ступень за ступенью, подобно волнамъ, наседающимъ другъ на друга, подобно приливу, растущему подъ напоромъ вѣтра и отдаленнымъ вліяніемъ колеблющихся массъ океана.

12-го августа онъ пишетъ Камбасересу: «Австрія вооружается; я хочу, чтобы она разоружилась; если она не послушается, то я съ 200,000 чел. съѣзжаю ей визитъ, о которомъ она долго не забудетъ». Въ тотъ же день онъ посылаетъ Талейрану матеріалъ для ноты, имѣющей быть переданной Филиппу Кобенцлю: «Нельзя такъ продолжать; я жду рѣшительнаго отвѣта, иначе войска мои вступятъ въ Швейцарію, и я сниму свой лагерь съ береговъ океана¹⁴⁾. Затѣмъ слѣдуетъ новая инструкция, уже касающаяся совокупности его политики: «Рѣшеніе мое принято; я хочу напасть на Австрію и быть въ Вѣнѣ раньше ноября, чтобы противустать русскимъ»...

Но ему всетаки болѣе желательно, чтобы Австрія разоружилась. Поэтому Талейрану предписывается соблюдать постепенность въ предъявленіи своихъ требованій. «Вы знаете, что въ мои принципы входитъ подражаніе методу поэтовъ, которому они слѣдуютъ для развитія драматическаго дѣйствія, такъ какъ внезапное не бываетъ правдоподобнымъ»... Пусть Австрія разоружится, выведетъ свои войска изъ Богеміи и Венгріи и предоставитъ намъ спокойно вести войну съ Англіей; иначе она будетъ имѣть войну черезъ мѣсяць. Императоръ не настолько безуменъ, чтобы дать время прійти ей на помощь русскимъ... Если вашъ императоръ хочетъ войны, скажетъ Талейранъ Кобенцлю, то ему не придется провести рождественскіе праздники въ Вѣнѣ». Онъ требуетъ отвѣта въ 15 дней, иначе снимается лагерь. Въ то-же время Талейранъ потребуетъ рѣшительнаго отвѣта отъ Баваріи: «Я не потерплю съ ея стороны нейтралитета». То же и относительно Вюртемберга и Бадена. При этомъ онъ объявляетъ, что не удержитъ для себя ничего за Рейномъ. Надо извѣстить

¹⁴⁾ Ср. ноту Талейрана къ Кобенцлю, 13 авг. 1805 г.—Трачевскій, т. III, стр. 107—114.

всю Германію о положеніи дѣла, дабы всеобщая тревога овладѣла и этимъ скелетомъ Францемъ, посаженнымъ на тронъ за заслуги своихъ предковъ¹⁵⁾.

Договориться съ Баваріей будетъ легко. Курфюреть желаетъ королевской короны; онъ все можетъ выиграть съ Наполеономъ и все потерять если пойдетъ противъ него. То же и Вюртембергъ. Не хотятъ ли «вынудить императора лишить короля неаполитанскаго престола»?—Онъ думаетъ объ этомъ, но предпринять-бы это только въ качествѣ отраженнаго дѣйствія; онъ приказываетъ Алькье удалиться, если не перестанутъ вооружаться. Тяжба начата.

Но вотъ онъ снова начинаетъ надѣяться. «Вилленевъ — бѣдняга, который все преувеличиваетъ; у него больше впечатлительности, чѣмъ характера. У Нельсона не болѣе двѣнадцати кораблей. О, если бы Вилленевъ обладалъ хоть небольшою долей той предпримчивости, какая есть у Нельсона. Наполеонъ пытается гальванизировать его. «За великое дѣло... Мы можемъ умереть всѣ, безъ сожалѣнія о жизни»¹⁶⁾, пишетъ онъ ему. 22-го августа получается отъ адмирала депеша, помѣченная 10-мъ: онъ отказался форсировать входъ въ Ферроль. Наполеонъ думаетъ, что онъ въ Брестѣ и призываетъ его, призываетъ Гантома: съ ихъ пятидесятью линейными кораблями онъ будетъ имѣть перевѣсъ въ силѣ. «Идите, теряйте ни минуты... Вступайте въ Ламаншъ. Англія наша! Мы совѣмъ готовы, посадка закончена. Явитесь въ 24 часа, и все совершится»¹⁷⁾. Но посланная по телеграфу депеша извѣщаетъ, что Вилленевъ укрылся въ Кадиксѣ. Наполеонъ въ попыткахъ пишетъ Декрѣ: «Прошу васъ прислать мнѣ на завтрашній день записку по этому вопросу. Если Вилленевъ останется въ Кадиксѣ, то что слѣдуетъ намъ дѣлать въ настоящемъ положеніи? Держитесь на высотѣ обстоятельствъ... Что до меня—я ищу только одного—удачи»¹⁸⁾.

Въ тотъ же день, 22 августа, курьеръ приноситъ Талейрану извѣстіе изъ Берлина. Пруссія обѣщано все: «Ганноверъ и всякія другія выгоды, округленіе границъ, прерогативы или-какое либо желательное королю вліяніе въ Имперіи». Король слушаетъ, совѣщается и возвращается къ своей маніи: къ нейтралитету, при которомъ можно получать обѣими руками подарки, не входя ни съ кѣмъ въ столкновеніе²⁰⁾. Сдавленный

¹⁵⁾ 1) Талейрану, 16 авг. 1806 г. 2) Талейрану 26 іюля, 4 авг.; Евгению, 9 авг. 1805 г.

¹⁶⁾ Талейрану, 26 іюля, 4 авг.; Евгению, 9 авг. 1805 г.

¹⁷⁾ Декрѣ и Вилленеву, 13 авг. 1805 г.

¹⁸⁾ Вилленеву и Гантому; 22 авг. 1805 г.

¹⁹⁾ ТИВАУДЕАУ; императоръ Декрѣ, 22 авг. 1805 г.

²⁰⁾ Донесеніе Луккезини, 12 авг. 1805 г.

между двумя великанами—Франціей и Россіей—онъ ищетъ ускользнуть отъ нихъ черезъ какую-нибудь щель. Если онъ перейдетъ на сторону Россіи, то получитъ Нидерланды и часть лѣваго берега Рейна; но Наполеонъ можетъ его уничтожить ²¹⁾. Если онъ обратится къ Франціи, то получитъ Ганноверъ, но тогда война съ Россіей, которая готова къ нашествію на его владѣнія и возьметъ у него Варшаву. «Онъ отвѣчаетъ, что готовъ вести переговоры на счетъ Ганновера, но требуетъ объясненій по предмету Голландіи, Италіи, Швейцаріи и льститъ себя надеждою превратить такимъ образомъ устрашающій его союзъ въ столь желательное для него мирное посредничество ²²⁾».

Наполеонъ былъ человекъ, котораго надо было ловить на словѣ; онъ былъ щедръ на даванія, когда ожидалъ взаимъ ихъ многого, но тотчасъ же калялся, желалъ взять свои общанія назадъ или требовалъ за исполненіе ихъ чего-нибудь большаго. «Уступая Ганноверъ Пруссіи,—писалъ онъ,—я дарю ей имущество, которое, говоря безъ преувеличенія, умножить ея военныя силы на 40,000 чел. и улучшить ея положеніе, точно такъ же, какъ присоединеніе Генуи улучшаетъ положеніе Пьемонта... Я гарантирую ей неприкосновенность ея владѣній, но для этого надо, чтобы и Пруссія, съ своей стороны, гарантировала мнѣ неприкосновенность моихъ настоящихъ государствъ, не налагая на меня никакихъ обязательствъ относительно Швейцаріи, Голландіи или Неаполитанскаго королевства... Пруссійскій король долженъ гарантировать мнѣ и моему потомству мое Итальянское королевство... О королѣ Сардинскомъ и о Бурбонахъ, говорю прямо, я не хочу и слышать ²³⁾... Не хочу давать никакой гарантіи и относительно Голландіи... Дней черезъ пятнадцать я уже не возобновлю этого предложенія... Разъ я снимусь лагеремъ съ береговъ океана, я уже не могу останавливаться; мой проектъ морской войны не удался совсѣмъ; тогда у меня уже не будетъ никакого интереса уступать Ганноверъ Пруссіи. Пусть же она поторопится. «Я вынужденъ выступить въ походъ между 7-мъ и 12 сентября: надо, чтобы Пруссія угрожала Австріи и вступила въ Богемію, если Австрія перейдетъ черезъ Иннъ; иначе—ничего!»

23 августа приходитъ отвѣтъ Декрѣ. Онъ мало оставляетъ надежды на выходъ Вилленева изъ Кадикса ²⁴⁾. Однако, все еще остается одинъ

²¹⁾ FOURNIER, t. I, p. 67 et suiv.—HÜFFER, p. 161 et suiv.—BAILLEU, t. II, p. LVI—XLI et pièces.—RANKE, t. I, p. 506 et suiv.; t. II, p. 178 et suiv.; t. V, p. 145.

²²⁾ HÜFFER, p. 112. *Mémoires de Hardenberg*.—RANKE, t. II, p. 143. Инструкція 17 авг., донесеніе Лафора 11 14 авг. RANKE, t. V и BAILLEU.

²³⁾ Ср. замыслы Сійеса въ 1795, т. 10, стр.

²⁴⁾ THIBEAUDAU.—THIERS, t. V, p. 463.

шансъ, и Наполеонъ рассчитываетъ на него; но уже всѣмъ своимъ умомъ и волей онъ обратился къ континенту: «Если моя эскадра исполнитъ данныя ей инструкціи и соединится съ эскадрой Бреста, то время еще не ушло: Англія въ моихъ рукахъ ²⁵⁾». «Но вѣтры все дуютъ противныя, и если они не измѣнятся, и адмиралы замѣшкуются, то: «Я устремлюсь на самое спѣшное: сниму свой лагерь и къ 1-му вандемьеру—23-му сентября, буду съ 200,000 чел. въ Германіи и съ 25,000 чел. въ королевствѣ Неаполитанскомъ. Я пойду на Вѣну и не положу оружія до тѣхъ поръ, пока не овладѣю Неаполемъ и Венеціей и не увеличу государство курфюрста баварскаго до того, что мнѣ уже нечего будетъ опасаться Австріи».

Итакъ его имѣетъ двѣ стороны—политическую и военную. Въ отношеніи политическомъ ему нужно бы выиграть пятнадцать дней; это дѣло поручается Талейрану, его искусству затягивать переговоры. Онъ посылаетъ въ Берлинъ Дюрюка: «Вы, говоритъ онъ ему, постараетесь какъ можно скорѣе заключить проектированный союзъ... Я буду поступать какъ Фридрихъ Великій въ началѣ его первой войны» ²⁶⁾. Отъ Неаполя, гдѣ, какъ его извѣстили, высадилось 6000 англичанъ, онъ требуетъ изгнанія изъ Сициліи Актона и Дама, отдачи неаполитанскаго войска подъ команду французскаго офицера и распушенія милиціи: «Тогда я заключу съ неаполитанской королевой договоръ о нейтралитетѣ, который обезпечитъ спокойствіе». Но онъ ничему этому не вѣритъ и принимаетъ свои мѣры. Цѣль его требованій та, чтобы или заставить неаполитанцевъ пасть къ его ногамъ обезоруженными и обезчеченными, или вызвать ихъ на поступки, которые послужили бы предлогомъ къ объявленію войны; и онъ такъ увѣренъ въ неизбежности войны, что уже и приступаетъ къ ней. Гувіонъ-сень-Сиръ уже предупрежденъ, что ему ранѣе 25 сентября можетъ быть данъ приказъ идти на Неаполь, въ восемь дней овладѣть имъ, разоружить милицію, а регулярныя войска собрать и присоединить къ своей арміи ²⁷⁾. Затѣмъ принимаются мѣры къ походу на Рейнъ. Мармонъ и голландская армія должны быть готовы по первому приказу, въ двадцать четыре часа высадить людей и направиться въ Майнцъ. Но Бернадотъ пойдетъ на Геттингенъ, и всѣ эти движенія должны «происходить въ глубочайшей тайнѣ». — «Если выдастся случай, то я, неожиданно для всѣхъ, вступлю въ самое сердце Германіи съ 300,000 чел.».

²⁵⁾ Талейрану Бертье 23 авг. 1805 г.

²⁶⁾ Талейрану 23 авг., королю прусскому 23 авг. инструкція Дюрюку 24 авг., Талейрану 24 авг. 1805 г.

²⁷⁾ Талейрану, Бертье, 23 авг.; окончательные приказы Гувіонъ-сень-Сира. 2 сент. 1805 г.

Всѣ эти распоряженія сдѣланы 23 августа; въ тотъ же день разосланы и письма къ Мармону и Бернадоту. Дежанъ, товарищъ военнаго министра въ Парижѣ, получилъ приказъ, чтобы заготовка провіанта въ Страсбургѣ и Майнцѣ была закончена къ 23 сентября. 24 августа Наполеонъ посылаетъ Бертѣ подробныя инструкции для сформированія дивизій и ихъ похода на Страсбургъ. Талейрану онъ пишетъ: «Я передвигаю мою армію изъ Ганновера въ Баварію». Пруссакъ, думаетъ онъ, у него въ рукахъ. Онъ рѣшается на большой рискъ: предоставляетъ имъ пожирать свою добычу, отдаетъ имъ Ганноверъ съ тѣмъ, чтобы «умиротворивъ Австрію», съ ними или вопреки имъ, взять у нихъ эту страну обратно и «умиротворить» также и пруссаковъ.

24 августа онъ писалъ: *если выдастся случай*, а 25-го онъ уже полагаетъ, что *этотъ случай представился*: «Всѣ получаемыя мною свѣдѣнія предписываютъ мнѣ не терять ни одного дня. Рѣшительный моментъ наступилъ», пишетъ онъ Бертѣ. Повидимому, все идетъ по прежнему: тѣ же декорации на сценѣ и та же игра фигурантовъ, но существенная часть представленія и все, что скрывается за кулисами, тронулось и поворачиваетъ въ новую сторону. 25-го онъ пишетъ Талейрану: «Рѣшеніе принято, движеніе начато. Съ этого момента я мѣняю свои батареи; нѣтъ болѣе нужды въ отвагѣ, надо выказывать малодушіе, чтобы дать мнѣ время приготовиться. Дѣло въ томъ, чтобы выиграть мнѣ двадцать дней времени и помѣшать австрійцамъ перейти Иннъ, пока я буду переходить Рейнъ». Но его свѣдѣнія о движеніяхъ австрійцевъ отчасти несовершенны: не зная о прибытіи русскихъ, онъ удивляется имъ: «Никогда я не подозрѣвалъ такой рѣшительности со стороны австрійцевъ... Но они не ожидаютъ... какъ быстро я поверну свои 100,000 чел.»... Мюрата, командующаго авангардомъ, онъ посылаетъ, подъ псевдонимомъ полковника Бомона, осмотрѣть пограничныя съ Богеміей страны, разузнать тамошніе проходы, изучить ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, съ картой и описаніемъ Бель-Ильскихъ кампаній въ рукахъ ²⁸⁾

Онъ посылаетъ въ Баденъ Гярда, снабдивъ его инструкціями и полномочіями для переговоровъ. Онъ войдетъ также въ переговоры съ Вюртембергомъ, но не съ самимъ курфюрстомъ, а съ его сыномъ, котораго онъ прочитъ на мѣсто отца: этотъ сынъ получитъ большого орла и чинъ французскаго генерала. «Пріѣхавъ въ Штутгартъ, я все отдамъ въ его руки; дамъ ему всѣ австрійскія владѣнія въ Швабіи». Генералъ Бертрамъ вѣдетъ въ Мюнхенъ съ письмомъ къ курфюрсту; онъ тамъ произведетъ

²⁸⁾ Миссія, аналогичная съ миссіей, данной 28 авг. касательно Дунайской долины.

формальную рекогносцировку путей, ведущихъ въ Ульмъ и Донаувертъ, и во всѣхъ подробностяхъ изучить Ульмскую крѣпость. «Можно ли идти этой дорогой въ Прагу?» Курфюрсту онъ сообщаетъ секретъ, «неизвѣстный ни одному изъ моихъ министровъ, самую сокровенную изъ моихъ заднихъ мыслей». — «Баварія возрастетъ въ величинѣ и блескѣ, которыя пріуготовила ей старинная дружба Франціи и настоящая политика моей имперіи». Поглощенный заботами о Богеміи, онъ такъ мало думаетъ о томъ, что австрійцы могутъ его опередить въ Ульмѣ, и ему придется ихъ осаждать тамъ, что проситъ курфюрста заготовить тамъ пятьсотъ тысячъ раціоновъ сухарей и столько же въ Вюрцбургѣ ²⁹⁾.

26-го онъ велитъ изготавить приказы къ выступленію для Мармона, Бернадота, Даву и принца Евгенія и приступить къ большому перемѣщенію съ кораблей провіантскихъ и военныхъ запасовъ. Полагая, что одного Журдана для Италіи мало, онъ посылаетъ туда Массену. Эти приказы подписаны и разосланы 27-го ³⁰⁾. Свою армію, которую онъ зоветъ великой арміей, онъ раздѣляетъ на семь корпусовъ ³¹⁾: его письмо къ Бертѣ, заключающее необходимыя по этому предмету инструкціи, помѣчено 29-мъ, но эта мѣра была извѣстна Бертѣ уже 28-го, такъ какъ въ этотъ день Наполеонъ писалъ Дежану ³²⁾: «Военный министръ доставитъ вамъ приказъ о раздѣленіи арміи на семь корпусовъ». Дюроку онъ пишетъ: «Армія въ полномъ движеніи... Армія ганноверская еще не получила приказа направиться къ Геттингену. Если я сдѣлаюсь съ Пруссіей, то незачѣмъ будетъ думать о Ганноверѣ; если же не сойду съ нею, то я оставлю въ крѣпости на годъ провіанту да хорошаго начальника артиллеріи, а если кто нибудь-вздумасть осаждать крѣпость, то я возвращусь и ударю на осаждающую армію прежде, чѣмъ она успѣетъ заложить свои траншеи... Успѣвалъ же Фридрихъ переноситься очень быстро изъ Праги въ Росбахъ... Весьма возможно, что дней черезъ пять или шесть я вышлю приказъ корпусу маршала Бернадота отправиться въ Вюрцбургъ. Ему тогда придется проходить по нейтральной странѣ. Приступить къ ходатайствамъ о полученіи права прохода черезъ посредство Пруссіи. Австрія слишкомъ сильно и слишкомъ явно оскорбляетъ меня; въ сущности она уже объявила мнѣ войну!..

Однако онъ медлитъ отправкой этого письма. Чего же ждетъ онъ? Онъ ждетъ извѣстій о флотѣ, извѣстій рѣшительныхъ, послѣднихъ, неотвратимыхъ. 31-го онъ получаетъ ихъ и посылаетъ курьера къ Дюроку

²⁹⁾ Талейрану, Бертѣ, Бертрану, Баварскому Курфюрсту, 25 авг. 1805 г.

³⁰⁾ Къ Бертѣ, 26 авг.; Евгенію, Лебрёну, 27 авг. 1805 г.

³¹⁾ См. объ этомъ этюдъ подполковника Roussel, стр. 541—544.

³²⁾ MÉNEVAL, t. p. 408 et suiv.

съ слѣдующей припиской: «Моя эскадра пришла въ Кадиксъ, держите это въ секретѣ». — «Все двинулось, и 5-го вандемьера—27-го сентября, я буду въ силахъ» ³³⁾. 2-го сентября онъ еще въ Булони; 4-го онъ возвращается въ Мальмезонъ; тутъ то онъ и получаетъ курьеровъ изъ Испаніи, рапорты Декрэ, и раздражается гнѣвомъ. «Адмиралъ Вилленевъ переполнилъ мѣру... Это явная измѣна... Вилленевъ негодай, котораго надо выгнать съ позоромъ. — Ни соображенія, ни мужества... Въмѣсто того, чтобы идти къ Бресту, онъ, вопреки даннымъ ему положительнымъ инструкціямъ, направился къ Кадиксу» ³⁴⁾. — Вилленевъ былъ морякъ безъ генія и смѣлости; но онъ не боялся смерти. Ему было не по силамъ взять отвѣтственность командующаго; онъ не перенесъ подозрѣнія въ трусости, и ужасъ передъ такимъ обвиненіемъ довелъ его до поступка, внушеннаго отчаяніемъ ³⁵⁾. Таковъ былъ конецъ «громаднаго предпріятія», которое должно было въ двадцать четыре часа уничтожить Англію. Отнынѣ Наполеону оставалось только блокировать Англію на ея островѣ, морить ее голодомъ, доводить до разоренія; внутри поражать ее банкротствами, а извнѣ поднимать противъ нея Европу, до Австріи, Польши и Россіи сначала, а потомъ до самыхъ Индій: «Огромная гипербола» начиналась: за фантастической диверсіей черезъ Америку слѣдуетъ обходное движеніе черезъ Азію, не имѣющее конца.

IV.

Прежде всего надо было заключить, и въ случаѣ нужды не безъ насилія, соглашеніе съ Баваріей: со страной, черезъ которую обѣ стороны намѣревались проходить. Курфюрста и зятя Александра, Максимилиана, котораго настраивала жена, тормозили русскій и шведскій посланники, на него насѣдалъ Оттонъ, терзаемый страхомъ и жадностью, онъ-же колебался между желаніемъ королевской короны и своими семейными привязанностями. Наконецъ, онъ склонился къ Наполеону; который казался болѣе страшнымъ и къ тому же не хотѣлъ ничего у него брать, а обѣщалъ ему дать многое. Договоръ о союзѣ съ нимъ былъ подписанъ 24 августа. 6-го сентября Шварценбергъ обратился къ курфюрсту съ требованіемъ соединить свои войска съ войсками Франца, иначе онъ будетъ поступать съ нимъ какъ съ непріятелемъ. Максимилианъ перепуганъ и предается отчаянію. Оттонъ спѣшитъ къ нему на помощь; утѣшаетъ, ободряетъ, увѣщаетъ его, раскрываетъ передъ нимъ перспективу утраченной надежды на королевскую корону, униженія своего курфюршества,

³³⁾ Дюроку, 31 авг. 1805 г.

³⁴⁾ Къ Декрэ, 4 сент., 1805 г.—6 сент., 8 сент. «Гнусный Вилленевъ!»

³⁵⁾ Jurieu de la Gravière, t. II, p. 137, et chap. XII; Вилленевъ въ Кадиксъ.

подчиненности Австріи и мнѣнія Наполеона. Максимилианъ довѣрился ему, и хорошо сдѣлалъ: благодаря этому, онъ сталъ королемъ. Какъ бы то ни было, онъ долженъ начинать съ того, чѣмъ другіе кончаютъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е сентября онъ потихоньку перебрался изъ своей столицы, со своими министрами, дворомъ, казною и войсками ¹⁾; такъ что австрійцы, перешедшіе Иннъ 9-го іюня, нашли только пустые арсеналы и эвакуированную столицу безъ войска и государя. Баварія позволяла похитить себя, ради одного простого обѣщанія брака.

А что касается Пруссіи, то она требовала напередъ опредѣленія вдовьей части, подлежащихъ изытію долей изъ имущества супруговъ, оговорокъ въ виду развода и цѣлаго подъ-контракта на случай второго брака. Въ Берлинѣ, въ арміи и при дворѣ, были двѣ партіи—партія войны и партія союза съ Россіей, этого «великаго союза», который долженъ былъ возродить Европу, очистить атмосферу и поставить на свое мѣсто выскочекъ и узурпаторовъ: къ ней склонялась королева и юный герой королевской семьи—принцъ Людвигъ Фердинандъ, человѣкъ съ горячей головой, пламеннымъ сердцемъ, быстрымъ, но неустойчивымъ умомъ, съ темпераментомъ артиста, чувствительный ко всему, что ему казалось прекраснымъ и великимъ; литераторъ, меломанъ, романтикъ, легкомысленный и восторженный, влюбчивое и непостоянное сердце; онъ походилъ на поляка 1830 г. своимъ щегольствомъ, обольстительностью и проказами, словомъ, имѣлъ все, что нужно для того, чтобы отдаваться безумнымъ увлеченіямъ, снискать прекрасную смерть и улетучиться въ блистающемъ туманѣ надеждъ.

Фридрихъ Вильгельмъ поступилъ, какъ поступаютъ генералы, рожденные для капитуляцій; онъ собралъ совѣтъ и совѣщался съ людьми самыми послѣ него нерѣшительными, каковы были герцогъ Брауншвейгскій, Шуленбургъ и Гарденбергъ, не говоря еще о тайныхъ совѣщаніяхъ съ Гаугвицемъ. Это совѣщаніе происходило 22 августа, послѣ чего Гарденбергъ сдѣлалъ Меттерниху слѣдующее замѣчательное заявленіе:—«Наши принципы непоколебимы. Король не отступится отъ самаго строгаго нейтралитета» ²⁾. Но упорствовать на нейтралитетѣ странѣ, не имѣющей естественныхъ границъ, лежащей между двумя имперіями, устремляющимися другъ на друга, значило неизбежно осуждать себя на конфликты, и прусскій король, самый нерѣшительный изъ государей, стремился къ нимъ въ силу самой своей нерѣшительности.

27-го августа Алопеусъ получилъ, какъ было условлено въ Петербургѣ,

¹⁾ Lefebvre, t. II, chap. XIV.—Cormeau, *Souvenirs des guerres d'Allemagne*. Живописное описаніе переборки.

²⁾ Протоколъ конференціи, Rake, t. V, pièces. — Движеніе Меттерниха, 28 авг. 1805 г.

и о чемъ онъ былъ заранее извѣщенъ, письмо Александра къ Фридриху Вильгельму о скорѣйшемъ его приступленіи къ русскому союзу. Въ то же время Алопеусъ долженъ былъ извѣстить короля о мѣрахъ, политическихъ и военныхъ, имѣющихъ цѣлью убѣдить или принудить его присоединиться къ общему дѣлу Россіи и Австріи³⁾. Русская армія была на ходу и приближалась къ границамъ.

Черезъ три дня послѣ этого, 1-го сентября пріѣхалъ Дюрокъ съ письмомъ Наполеона, который тоже требовалъ союза и пропуска. Дюрокъ по-видался съ Гарденбергомъ 2-го сентября, а 3-го былъ принятъ королемъ⁴⁾. Король былъ очень взволнованъ, но отклонилъ предложеніе: «Этотъ проектъ, говоритъ онъ, былъ сочтенъ совсѣмъ недопустимымъ, потому что онъ стремился ни болѣе ни менѣе какъ приковать меня, связаннаго по рукамъ и ногамъ, къ интересамъ Франціи и вовлечь меня въ наступательную войну, неисчислимую по своимъ послѣдствіямъ и продолжительности»...

Къ тому же, если Наполеонъ предлагаетъ договоръ, то у Александра есть другой: декларация 24 мая 1804 г., въ силу которой «*casus foederis*» наступаетъ съ первымъ враждебнымъ дѣйствіемъ французовъ противъ имперскаго государства, находящагося на правомъ берегу Везера». Связанный такимъ обязательствомъ, могъ ли Фридрихъ-Вильгельмъ, не совершая вѣроломства, соединиться съ Наполеономъ противъ русскихъ или просто оказывать ему содѣйствіе для нашествія, которому соглашеніе 24-го мая имѣло въ виду противудѣйствовать? Въ такой крайности ему оставалось только одно прибѣжище въ Вѣнѣ. Онъ послалъ туда курьера, а Гарденбергъ, въ ожиданіи отвѣта оттуда, старался затягивать переговоры съ Дюрокомъ и Алопеусомъ. Но, если король все еще желѣлъ мысль о нейтралитетѣ, Гарденбергъ уже не обольщалъ себя надеждой на него. Нити его собственной дипломатіи казались ему слишкомъ тонкими, чтобы противустоять такимъ вихрямъ. «Надежды на миръ еще болѣе уменьшились, и война, повидимому, уже рѣшена», пишетъ онъ 8-го сентября Брауншвейгу. «А въ ожиданіи ея мы не можемъ считать себя обезпеченными со стороны Россіи. Кажется, что насъ хотятъ принудить присоединиться къ коалиціи»...

Вообразивъ себѣ, что одинъ воинственный шумъ трубъ, барабановъ и сабель, бряцающихъ по мостовой, можетъ произвести желанное дѣйствіе

³⁾ См. выше стр. 443.—Мартенсъ, т. VI, стр. 364 и слѣд.—Онсken, т. II, стр. 160.—Письма Александра, 19 авг. 1805 г.

⁴⁾ Дюрокъ Талейрану, 3 сент.; депеша къ Луккезини, 9 сент.; Ранке, т. I, стр. 516 и слѣд.; т. II. *Мемуары Гарденберга*, стр. 205 и слѣд.—Левеуве, т. II, стр. 107 и слѣд.—Онсken, т. II, стр. 160.

на обонхъ нарушителей нейтралитета, они 7-го сентября поставили на ногу «армію въ 80,000 чел., которая по первому сигналу можетъ быть очень значительно увеличена. Въ виду такихъ силъ, Наполеонъ, думали они, уже для того, чтобы избавиться отъ нихъ, позволить имъ направиться въ Ганноверъ, и тогда они займутъ эту страну съ его молчаливаго согласія, безъ договора, который только поссорилъ бы ихъ съ Россіей, Но будетъ ли у нихъ время на все это?

Движеніе русскихъ принимало видъ нашествія. Гарденбергъ имѣлъ объ этомъ разговоръ съ Алопеусомъ. «Король сказалъ онъ, никогда не возьметъ сторону Франціи, если его не вынудятъ измѣнить его собственнымъ принципамъ... Кто попытается насиловать его, отъ того онъ, конечно, перейдетъ на сторону его противника». 12-го онъ пишетъ къ Лафору⁵⁾: «Король твердо рѣшился держаться системы нейтралитета, единственно согласной съ интересами какъ его государства, такъ и его сосѣдей... Онъ охранитъ миръ и спокойствіе сѣверной Германіи... Это... система наиболѣе благоприятная Франціи; но нельзя не видѣть, что поддерживать ее становится очень трудно и даже почти невозможно, если французскія войска будутъ оставаться въ Ганноверѣ... Такъ пусть же Франція безъ малѣйшей потери времени передастъ Ганноверъ Пруссіи; пусть она выведетъ оттуда свои войска, которыя съ большою пользою могутъ послужить ей въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ»...

Но этотъ нейтралитетъ, которому они ставили такую высокую цѣну, уже не находился въ ихъ распоряженіи. 15 сентября Алопеусъ получилъ второе письмо Александра къ королю со вторымъ заранее условленнымъ требованіемъ; царь подписалъ его въ Петербургѣ 4-го сентября передъ выѣздомъ изъ своей столицы. Несмотря на настоянія Чарторыжскаго, Александру было не по сердцу насиловать своего друга, столь кроткаго, трогательнаго и грустнаго. Онъ настаивалъ на необходимости угрожать Наполеону, напасть на него разомъ со всѣхъ сторонъ, требуя союза, а въ ожиданіи послѣдняго,—пропуска для его войскъ черезъ прусскія владѣнія; онъ извѣщалъ о своемъ пріѣздѣ и просилъ свиданія, «чтобы установить во всѣхъ его подробностяхъ соглашеніе относительно совокупности нашихъ видовъ... Теперь я ручаюсь вамъ за Австрію... Судьба Европы въ вашихъ рукахъ⁶⁾»... 16-го, это посланіе, этотъ братскій и ласковый

⁵⁾ Король къ Луккезини, 9 сент. 1805 г.

⁶⁾ Ранке, *Мемуары*, т. II, стр. 215; датированная ошибочно 16-мъ числомъ.—Нйфен, стр. 165, примѣч.—Вашлеу, т. II стр. XX.

⁷⁾ Вашлеу.—Славатовски, т. II, стр. 75 и слѣд.; т. I, стр. 398.—Мартенсъ, т. II, стр. 479.—Ранке, т. II, стр. 214. Онсken, т. II, стр. 162, 165 и слѣд.—Донесеніе Меттерниха, 16 сент. 1805 г. Онсken, *Ound P.*, т. II, стр. 579.—Нйфен, стр. 166.

ультиматумъ былъ въ рукахъ Гарденберга. Алопеусъ умолялъ этого министра передать его какъ можно скорѣе королю. Гарденбергъ сдѣлалъ великолѣпный жестъ: «Вамъ издавно уже извѣстны мои принципы, сказали онъ, я заявилъ королю, что ему остается только взяться за оружіе. — Но противъ кого же? прервалъ его Алопеусъ. — О, что за вопросъ! конечно противъ Франціи». Алопеусъ заявилъ, что будетъ ожидать отвѣта до 23-го; таковъ былъ срокъ русскаго плана, выполнявшагося методично во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ Мервельдтъ, посланный изъ Вѣны для заключенія соглашенія, и Меттернихъ воспользовался этимъ, чтобы побудить Гарденберга и его повелителя къ рѣшительному заявленію.

Но на другой день, 17-го сентября, Дюрокъ и Лафорэ получили отъ Наполеона инструкціи, извѣщавшія, что: Бернадотъ во что бы то ни стало пройдетъ черезъ владѣнія кассельскаго курфюрста. «Постарайтесь заключить какое угодно соглашеніе, лишь бы оно не связывало мнѣ руки для немедленнаго выполненія того движенія; все же остальное меня не остановитъ». Пусть Лафорэ не скупится на шпионовъ, пусть онъ разошлетъ для наблюденій прусскихъ или какихъ-либо другихъ офицеровъ и, въ случаѣ надобности, щедро сыплеть деньгами»⁸⁾.

19-го происходили большія совѣщанія между Брауншвейгомъ, Гарденбергомъ, Гаугвицемъ, Меллендорфомъ, Калькрайтомъ и Клейстомъ⁹⁾. На этомъ совѣщаніи рѣшено: вооружаться какъ можно болѣе явно, а остальное отложить; при этомъ: безусловный нейтралитетъ, никакого союза, посредничество *in petto* и Ганноверъ на всѣ руки. Ни Дюрокъ, ни Меттернихъ не могли добиться отъ нихъ ничего больше¹⁰⁾. 21 сентября Фридрихъ-Вильгельмъ послалъ Александру слѣдующія патетическія строки: «И вы, съ которымъ я связанъ торжественными договорами, исполненными мною и дружбой, составляющей мое счастье..., вы станете нарушать самыя несомнѣнные мои права, принадлежащіе мнѣ какъ государю!» Онъ отказывается въ пропускѣ, отклоняетъ союзъ и соглашается на свиданіе, эту «самую дорогую для него мысль» со времени Мемеля. На самомъ дѣлѣ онъ соглашается на свиданіе поневолѣ и отправляется туда со страхомъ, опасаясь вліянія и соблазновъ Александра. Онъ трепещетъ за свой нейтралитетъ, какъ трепещетъ за свою добродѣтель иная недоступная красота, отправляющаяся какъ бы помимо собственной воли на любовное свиданіе.

⁸⁾ Талейрану, 5 сент.; Дюроку, 11 сент.; Талейрану и Дюроку, 4 сент.; донесеніе Луккезини, 13 сент. 1805 г. Ранке, т. II, стр. 217.

⁹⁾ Протоколъ у Ранке, т. V, докум.

¹⁰⁾ Рапорты Дюрока, 18 сент.; Меттерниха, 20 сент. 1805 г.

Не успѣлъ еще курьеръ доставить это письмо Александру, какъ Алопеусъ, исполняя свои инструкціи, извѣщаетъ, что такъ какъ онъ не получилъ пропуска къ назначенному имъ числу, то русскіе пройдутъ, несмотря ни на что; а именно 50,000 чел. направляющихся въ Бреславль черезъ Варшаву; 47,000 черезъ Гродно въ Пруссію и 25,000 въ Померанію моремъ. Гарденбергъ вѣдъ себя отъ смущенія. И такъ, ни моленія короля, ни вооруженія Пруссіи не остановили Александра! Онъ приглашаетъ къ себѣ Алопеуса и умоляетъ его предотвратить «ужаснѣйшую изъ катастрофъ». Алопеусъ отвѣчаетъ, что военныя дѣла его не касаются, и черезъ нѣсколько минутъ прекращаетъ разговоръ¹¹⁾.

Возвратившись домой, онъ находитъ тамъ одного изъ своихъ атташе, только что прибывшаго изъ Петербурга съ приказами, помѣченными 18-мъ числомъ, и все перевернуто вверхъ дномъ. Александръ поручаетъ ему заявить, что «надѣясь на согласіе короля на предложенное ему свиданіе, онъ приостановилъ движеніе своихъ войскъ до этого времени, въ убѣжденіи, что король не замедлитъ присоединиться къ общему съ нимъ дѣлу». Алопеусъ спѣшитъ къ Гарденбергу, къ которому его допускаютъ не сразу, такъ какъ тамъ съ минуты на минуту ожидаютъ посѣщенія Дюрока и Лафорэ. Гарденбергъ принимаетъ Алопеуса въ маленькомъ салонѣ. Онъ находится въ томъ моментѣ перелома, когда каждое облегченіе кажется спасеніемъ. Онъ всячески старается угодить Алопеусу, спѣшитъ высказаться за Россію, говорить, что отнынѣ онъ не постѣнится съ французами, что онъ уже знаетъ, что сказать имъ, и ожидаетъ всего лучшаго отъ свиданія. Видя его столь расположеннымъ къ дружественнымъ изліяніямъ, Алопеусъ спрашиваетъ его, продолжается ли у него съ французами рѣчь о Ганноверѣ: «О, отвѣчаетъ Гарденбергъ, вопросъ зашелъ о гораздо большемъ; намъ обѣщаютъ союзъ и многое сверхъ того!» При этомъ онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ высадки англичанъ: «Никто вѣдъ не можетъ имъ запретить попытаться возвратитъ себѣ свою собственную страну». И, возвращаясь къ свиданію, онъ прибавляетъ: «Надѣюсь, что мы воспользуемся этимъ. Кто знаетъ, не удастся ли увлечь короля?»..

Александръ шелъ черезъ Польшу. По словамъ Чарторыжскаго, Польша была охвачена «всеобщимъ энтузіазмомъ». Поляки готовы были подняться всей массой и провозгласить царя своимъ королемъ. Лордъ Гоуэръ, находившійся тогда въ русской главной квартирѣ, говорилъ, что Англія не воспротивилась бы этому въ случаѣ, если бы дѣло шло о совершенномъ преобразованіи Польши. Александръ размышлялъ о томъ, чѣмъ бы

¹¹⁾ Эти подробности приводятся согласно донесенію Меттерниха отъ 27 сент. 1905 г.

ему вознаградить Австрію за Галицію, которую онъ намѣревался взять у нея. «Если я смогу доставить вамъ Силезію, сказалъ онъ австрійскому послу, то будьте увѣрены, что сдѣлаю это». Но чѣмъ вознаградить Пруссію за Варшаву, Познань и эту Силезію, которую хотятъ взять у нея для того, чтобы отдать ее Австріи? ¹²⁾ Конечно, война можетъ дать возможность вознаградить ее на счетъ Нидерландовъ, въ Голландіи, на лѣвомъ берегу Рейна. Но эти пригодныя для раздѣла страны надо еще завоевать; чтобы изгнать оттуда Наполеона, необходимо содѣйствіе Пруссіи; а между тѣмъ, начавъ съ расчлененія Пруссіи, не заставить ли ее броситься въ объятія Франціи, которая, ничего не лишая ее, доставила бы ей Ганноверъ? ¹³⁾

Въ замкахъ, гдѣ онъ останавливался, Александръ очаровывалъ своихъ хозяевъ вѣжливостью; онъ много говорилъ, никогда не касаясь дѣлъ, и былъ чрезвычайно любезенъ съ женщинами. «Рѣчь его, говоритъ одна изъ нихъ, отличалась простотой и сдержанностью; онъ не блисталъ гениальностью, но нельзя было отказать ему въ возвышенности мыслей и безконечномъ тактѣ», послѣдняго было гораздо меньше у его приближенныхъ; хвастливые и самонадѣянные, они испрашивали у прекрасныхъ полекъ порученій для Парижа... и дальше этого. Но по мѣрѣ своего приближенія къ прусской границѣ, Александръ все сильнѣе и сильнѣе начиналъ ощущать внутреннюю тревогу и угрызенія совѣсти: нарушать право, разрывать узы дружбы, повергнуть добраго короля въ отчаяніе, утратить свою репутацію рыцарства въ глазахъ прекрасной королевы; грубо, по-Бонапартовски наброситься на Пруссію, унижать, исторгать слезы, вмѣсто чувствительныхъ лобызаній, вызывать взгляды, полные ненависти и полные ужаса жесты; вмѣсто нѣжности и великодушія Александра явить макиавелизмъ завоевателя! И для чего? Если поляки расположены отдаться ему, то вѣдь онъ можетъ получить ихъ изъ рукъ самого прусскаго короля, своего союзника, признательнаго и щедро вознагражденнаго на счетъ Франціи и его нѣмецкихъ союзниковъ, измѣнившихъ своему отечеству!

6-го сентября въ Брестѣ Литовскомъ Александръ получилъ письмо, въ которомъ Фридрихъ-Вильгельмъ извѣщалъ его о своемъ согласіи на свиданіе. Съ этихъ поръ послѣднее заняло главное мѣсто среди всѣхъ прочихъ намѣреній царя. Александръ предпочиталъ эти театральныя сцены

¹²⁾ Czartorysky t. I, p. 397—398; t. II, documents Mémoire de 1806, p. 143—147.— Oncken, t. II, p. 164—165. *Mémoires de la comtesse Potocka*, p. 89—Martens, t. II, p. 479.—Beer, p. 172, note.

¹³⁾ Все эти проблемы возникнутъ снова во время похода русскихъ на Германію въ январѣ 1813 г.

всѣмъ дипломатическимъ комбинаціямъ. Онъ любилъ ихъ душевныя волненія, ихъ неожиданности; искалъ наслажденія въ успѣхѣ, достигаемомъ, по крайней мѣрѣ на столько же вліяніемъ его личныхъ качествъ, какъ и обаяніемъ, производимымъ его саномъ государя, силою его армій и ловкостью дипломатіи. Онъ имѣлъ призваніе руководить людьми какъ артистъ. 27-го сентября онъ извѣстилъ «своего брата» — и слово «братъ» далеко не было тутъ простымъ терминомъ церемоніала, что онъ проставилъ движеніе своихъ войскъ, и просилъ короля насколько возможно ускорить срокъ, когда имъ можно будетъ проходить черезъ его государство». Письмо это было имъ послано съ его адъютантомъ княземъ Долгорукимъ. 30-го Александръ былъ въ Пулавѣ у Чарторыжскихъ. Поляки готовили ему восторженный приѣмъ въ Варшавѣ. Ему оставалось сдѣлать одинъ только шагъ, и Чарторыжскій провозгласилъ бы его королемъ Польши, и Пруссія была бы принесена въ жертву. Но у царя не хватило духу для этого. 21-го сентября онъ получилъ письмо Фридриха-Вильгельма, письмо горестное, смиренное, орошенное слезами: «Простите, государь, писалъ король, если я на мгновеніе могъ огорчить васъ; но я не могу таиться передъ вами». Можно ли обижать такого просителя? Нѣтъ онъ его воздвигнетъ, протянетъ ему руки и разомъ привлечетъ къ русской арміи 200,000 пруссаковъ. Тогда конецъ Бонапарту, его ложной славѣ, узурпаціямъ и французской революціи. Александръ размышлялъ о слѣдующей фразѣ Фридриха-Вильгельма, въ которую тотъ вложилъ всю тайну свою: «Къ чему бы ни привелъ онъ (вашъ путь) васъ, никогда не заставлятъ меня опасаться вашего могущества и еще менѣе сомнѣваться въ вашей лояльности», Александръ отвѣтилъ на нее другой фразой, заключавшей въ себѣ все его заднія мысли: «Все мои планы были рассчитаны на совершенномъ согласіи нашихъ принциповъ и на неизмѣнной ко мнѣ дружбѣ со стороны вашего величества. Свиданіе съ вами будетъ одной изъ самыхъ счастливыхъ минутъ моей жизни, но, если сердце мое желаетъ, чтобы оно не было замедлено, того же не менѣе требуетъ и положеніе дѣлъ!».. Нѣсколько дней послѣ этого онъ сказалъ: «будемъ ковать желѣзо, пока оно горячо», и рѣшилъ ѣхать въ Берлинъ. Окруженная русскими войсками и польщеная присутствіемъ царя, Пруссія была у него въ рукахъ; но она еще не сдавалась. Грубый толчекъ, данный ей Наполеономъ, бросилъ ее въ объятія Александра.

V.

Прежде чѣмъ уѣхать изъ Парижа, Наполеонъ организовалъ нѣчто въ родѣ регентства. Онъ рассчитывалъ управлять издалика, на ходу, съ

помощью курьеровъ, посредствомъ портфелей, набитыхъ рапортами и приказами по полиціи, которые доставлялись бы въ государственный совѣтъ аудиторамъ; но могли представиться обстоятельства особенной важности; надо было, *въ случаѣ происшествія*, принять необходимыя мѣры: Подъ словомъ происшествія разумѣли тогда смерть императора. «Великій электоръ» Іосифъ, въ качествѣ предсѣдателя государственнаго совѣта, обладалъ внѣшними признаками власти, а реальность послѣдней досталась бывшему президенту комитета общественнаго спасенія—Камбасересу. 17-го сентября императоръ созвалъ государственный совѣтъ въ чрезвычайное засѣданіе. Рѣчи, которыя онъ держалъ тамъ, напомнили времена революціи и были поистинѣ рѣчами императора французской республики. «Я пойду, говорилъ онъ, во главѣ моихъ армій разрушить этотъ ненавистный австрійскій домъ, который я напрасно пощадилъ. Я низведу Австрію на уровень второстепенной державы... Союзники мои увидятъ, что мое покровительство не пустое слово. Я поставлю между Австріей и мною Баварію, сдѣлавъ изъ нея большое государство, и пойду подписывать условіе мира во дворцѣ императора Германіи». Онъ извѣщаетъ о созывѣ резервовъ, о новыхъ наборахъ о реорганизаціи національной гвардіи; и въ видахъ противодѣйствія политикѣ союзниковъ, старающейся внушить французамъ мысль о несовмѣстимости его честолюбивыхъ замысловъ съ интересами Франціи, произноситъ слѣдующія слова: «У меня есть все, что мнѣ нужно, но необходимо предвидѣть нужды войны, которая можетъ продолжаться два или три года. Пока я буду занятъ въ Германіи, надо, чтобы нація отвѣчала передо мною сама за себя, чтобы она сама охраняла свои крѣпости и, въ случаѣ надобности, отражала непріятельскіе десанты на наши берега. Необходимо, поэтому, пробудить въ ней ея старинную энергію, доказать всей Европѣ, что она заодно со мной... Я на тронѣ по одной только ея волѣ... Я дѣлю рукъ ея, и ея дѣло поддержать меня». Эти слова не были простымъ риторическимъ упражненіемъ. Хотя предусматриваемыя имъ опасности осуществились лишь четыре года спустя, вслѣдствіе первой большой неудачи его оружія подъ Эсселингомъ, но онъ и тогда понималъ, что всегда возможная неудача поведетъ къ этимъ послѣдствіямъ, къ неурядицамъ внутри государства, къ десантамъ англичанъ на берега Франціи, къ необходимости воззванія къ набору и мобилизаціи національной гвардіи.

Кампанія 1798 г. начиналась снова, и какъ тогда, первые удары посыпались на Неаполь. Надо было развязать себѣ руки на окраинахъ и сосредоточиться въ Италіи, гдѣ Евгенийъ и Массена были бы не въ силахъ противиться австрійцамъ. Наполеонъ разсчитывалъ, что Гувіонъ вступитъ въ Неаполь въ то время, какъ онъ самъ перейдетъ черезъ

Рейнъ, между 23-мъ сентября и 7-мъ октября. Гувіонъ, думалъ онъ, овладѣетъ Неаполемъ даже прежде, чѣмъ правительство узнаетъ о началѣ враждебныхъ дѣйствій. Тамъ, держа людей въ страхѣ и подчиненіи, онъ будетъ дожидаться полученія договора, который Талейранъ продиктуетъ въ Парижѣ де-Галло, и который прибудетъ въ Неаполь немного послѣ Гувіона, подготовившаго тѣмъ временемъ умы къ ратификаціи этого договора. Талейранъ призываетъ Галло и ставитъ ему ультиматумъ¹⁾, который обязываетъ неаполитанскаго короля соблюдать строжайшій нейтралитетъ на сушѣ и на морѣ, отражать попытки союзниковъ къ высадкѣ и не терять въ своей арміи ни русскихъ, ни австрійцевъ, ни англичанъ, ни французскихъ эмигрантовъ: на этихъ условіяхъ и въ теченіе мѣсяца Наполеонъ выведетъ свои войска изъ королевства. 21 сентября Галло наскоро подписываетъ и отсылаетъ договоръ, а Наполеонъ, считая дѣло поконченнымъ, шлетъ Гувіону приказъ соединиться съ Массеной, какъ только ратификаціи будутъ подписаны²⁾.

Такъ все и было сдѣлано. Получивъ 7-го сентября свои первые приказы, Гувіонъ тотчасъ же двинулся въ походъ. Приближеніе его устранило неаполитанскій дворъ. Послѣдній въ это время велъ дѣятельные переговоры съ русскимъ посломъ Татищевымъ; 10-го сентября рѣшили сдать всѣ крѣпости союзникамъ, и только и помышлялъ о томъ, какъ бы избавиться отъ Гувіона, отослать его въ армію Массены, на благоусмотрѣніе австрійцевъ. 4-го октября Алькье получилъ подписанный въ Парижѣ договоръ, и потребовалъ его ратификаціи въ двадцать четыре часа. За отказомъ послѣдовала бы немедленная война, а за ратификаціей договора удаленіе Сентъ-Сира, очищающее мѣсто для русскихъ и англичанъ. 8-го октября состоялась ратификація; 14-го Сентъ-Сиръ выступилъ въ походъ къ сѣверу, а 11-го король далъ знать русскому послу, посредствомъ деклараціи, подписанной королевскими министрами Луцци и Чирчелло, что навязанный ему силой договоръ недействителенъ, съ точки зрѣнія права долженъ считаться несуществующимъ, и что, «несколько не желая выполнять его, онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ момента, когда съ помощью своего вѣрнаго союзника, русскаго императора, онъ получитъ возможность оградить свое королевство отъ насилій своего естественнаго врага». Наполеонъ не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій, къ тому-же Алькье уже предупредилъ его³⁾. «Если дѣла идутъ здѣсь дурно, писалъ онъ, то причина этому король. Нельзя тоже ожидать ничего хо-

¹⁾ Талейранъ Наполеону 21 сент.—HELFERT, p. 180 et suiv.—LEFEBVRE, t. II, p. 130 et suiv.—Текстъ у CLEVERQ, t. II, p. 124.

²⁾ Гувіону, 23 сент. 1805 г.

³⁾ Донесеніе 31 авг. 1805 г.

рошаго и отъ наследнаго принца: здѣсь будущее закрыто для насъ; нашей системѣ будутъ постоянно противоѣствовать; поэтому желательно, чтобы управленіе страной перешло въ другія руки». И такъ, надо нанести внушительный ударъ. Гувіонъ идетъ на соединеніе съ Массеной; если они разобьютъ австрійцевъ, то Наполеонъ не затруднится распорядиться по своему съ этими Бурбонами; но если будетъ разбитъ Массена, то неаполитанцы возстанутъ, русскіе и англичане сдѣлавъ высадку, направятся къ сѣверу, и въ результатѣ всего, какъ въ 1799 г. Италія будетъ утрачена.

До 15 сентября Наполеонъ сдѣлалъ лишь распоряженія, касающіяся движенія его арміи на Рейнъ и Майнъ, и только съ этого числа стали складываться въ его умѣ дальнѣйшія комбинаціи кампаніи, согласно съ получаемыми имъ извѣстіями изъ Германіи и тѣми и другими движеніями непріятеля. 27-го онъ пишетъ Бернадоту: «Австрія будетъ уничтожена раньше 12-го октября;» 30-го онъ пишетъ къ Ожеро: «Я уѣзжаю этой ночью... обойти Ульмъ. Горе австрійцамъ, если они дадутъ мнѣ опередить себя на нѣсколько переходовъ;.. Но, я думаю, что они поспѣшатъ эвакуировать Баварію».

Союзники рассчитывали повести атаку разомъ и вездѣ—въ Неаполѣ, въ Ломбардіи, въ Германіи, чтобы такимъ образомъ разбросать силы Наполеона, поразить его полководцевъ, возбудить смятеніе во Франціи; возобновить кампанію 1799 г., сраженіе при Нови, противъ Евгенія и Массены; они уже видятъ Наполеона, окруженнымъ и раздавленнымъ въ Германіи между австрійцами, во время подошедшими русскими и пруссакими, которые, бросившись на его флангъ, отрѣжутъ ему путь къ отступленію; затѣмъ русскіе и англичане двинутся на Голландію; въ Парижѣ произойдетъ революція; англичане сдѣлаютъ высадку, и возстанія, вспыхнувшія, при первыхъ извѣстіяхъ о пораженіяхъ, въ Вандеѣ и Бельгіи, ускорятъ катастрофу.

Въ Италію, гдѣ у нихъ всего 80,000 чел., австрійцы послали своего лучшаго полководца, эрцгерцога Карла ⁴⁾. Въ Германіи во главѣ войска стоитъ Макъ, этотъ кумиръ страны, котораго австрійцы считаютъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ ⁵⁾, русскіе—военнымъ глупцомъ, а Наполеонъ надменнымъ неудачникомъ.

Макъ, размышляя о политикѣ съ прозорливостью великаго человѣка, какимъ онъ себя считалъ, вообразилъ себѣ, что Наполеонъ оставитъ одну

⁴⁾ Какими были въ 1866 г. эрцгерцогъ Альбертъ въ Италіи и Бенедекъ въ Богеміи.

⁵⁾ Письма Гентна, 21 окт. 1805 г.—Стерня.

часть своей арміи въ Булони для воспрепятствованія высадкѣ англичанъ, а другую въ Парижѣ для предупрежденія возстаній, возбуждаемыхъ всѣми агентами. Въ такихъ обстоятельствахъ и по всему этому угрожаемый еще и со стороны Италіи, Наполеонъ не можетъ явиться въ Германію во-время и съ достаточными силами, онъ долженъ будетъ отступать передъ союзниками, которые отбросятъ его за Рейнъ и, можетъ быть, вступить во Францію прежде, чѣмъ французы успѣютъ сосредоточить свои силы ⁶⁾. Наполеонъ не заблуждается на счетъ ихъ намѣреній. Чтобы предотвратить ударъ и «окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ» ⁷⁾, ему нужно пройти въ территорію Вюртемберга и въ прусскую область Анспахъ, и онъ проходитъ. Въ снисходительности Вюртемберга онъ увѣренъ, но Пруссія будетъ, конечно, протестовать, поэтому надо сослаться въ свое оправданіе на прецеденты ⁸⁾. По части нарушенія права такихъ прецедентовъ можно найти великое множество вездѣ, а въ практикѣ Священной имперіи больше чѣмъ гдѣ либо на свѣтѣ. Онъ пишетъ Дюроку и Курфюрсту баварскому Оттону, прося его посредничества по этому предмету ⁹⁾. Онъ не сомнѣвается въ умиротворяющемъ дѣйствіи резонанъ, которые будутъ предъявлены пруссакамъ. Онъ полагаетъ, что угрозы и движенія Россіи чертятъ ихъ на сторону Франціи, онъ считаетъ ихъ нерѣшительными, инертными, малодушными. Дюрокъ писалъ изъ Берлина ¹⁰⁾: «Нѣтъ сомнѣнія, что прусская армія совсѣмъ не готова къ войнѣ». Она, думаетъ Наполеонъ, предоставлена на волю случая, и онъ спѣшитъ подвести ее подъ этотъ случай.

5-го сентября онъ узнаетъ о прибытіи русскихъ въ Вѣну, съ трудомъ вѣритъ этому, но спѣшитъ принять соотвѣтственные мѣры. Въ этотъ самый день онъ подписываетъ договоръ о союзѣ съ Вюртембергомъ, который доставитъ ему отъ 8 до 10,000 чел. ¹¹⁾, а нѣсколько дней спустя ратификуетъ его договоръ съ Баваріей, доставляющей ему вспомогательный корпусъ изъ 20,000 баварцевъ. Но этимъ самымъ онъ возстановилъ противъ себя прусскаго короля. Онъ оскорбилъ въ немъ чувство чести, и оно сдѣлало то, чего не могли сдѣлать ни страхъ, ни выгода.

6-го октября, въ 10 часовъ утра, Фридрихъ-Вильгельмъ въ присутствіи Гарденберга принималъ въ Потсдамѣ Долгорукаго, доставившаго ему

⁶⁾ Fournier, *Napoléon*, t. II, p. 71 et. suiv.

⁷⁾ Бернадоту, 2 окт.; Сульту, 3 окт. 1805 г.

⁸⁾ Относительно этихъ прецедентовъ, см. Oncken, t. II, p. 182 note. — Ранке, t. I, p. 153.—Hüffer, p. 167—168.

⁹⁾ 2, 3, 4 окт. 1805 г.

¹⁰⁾ Донесеніе 18 сент. 1805 г.

¹¹⁾ De Clercq, t. II, p. 126.

письмо Александра отъ 27 сентября¹²⁾. Долгорукийъ обѣщалъ отъ имени своего повелителя англійскую субсидію въ 1,250,000 фунтовъ на 100,000 чел., и просилъ Пруссію о посредничествѣ, а если бы оно не удалось, такъ о ея вступленіи въ союзъ. Король остался непреклоннымъ; ничѣмъ нельзя было оторвать его отъ «дорогой ему мечты о нейтралитетѣ». — «Возвратитесь къ императору, вашему повелителю, и извѣстите его о моемъ непоколебимомъ рѣшеніи, сказалъ онъ Долгорукому. Я буду противъ всякаго, кто насиліемъ моей территоріи нарушитъ мой нейтралитетъ». Гарденбергъ, ручавшійся за посредничество, если не за союзъ, вышелъ изъ этой аудіенціи совершенно обезкураженный.

Проходя по заламъ дворца, онъ размышлялъ о подачѣ въ отставку, какъ вдругъ король снова позвалъ его въ свой кабинетъ. Онъ только что получилъ съ эстафетой извѣстіе о вступленіи французовъ въ Ансбахъ. 3-го октября. «Положеніе дѣлъ измѣнилось, сказалъ онъ Гарденбергу, идите сейчасъ-же къ князю Долгорукому. Я дамъ ему письмо къ императору съ заявленіемъ, что открываю ему границы своего государства»¹³⁾. Онъ воспылалъ гнѣвомъ слабодушнаго чловѣка, чувствующаго, что его раскусили, и менѣе всего переносящаго пренебреженіе къ своей личности. По первому движенію, онъ хотѣлъ было немедленно отослать Дюроку и Лафорэ ихъ паспорта, но Гарденбергъ удержалъ его: армія еще не была на готовѣ, русскіе еще не пришли. Король успокоился, довольный въ сущности тѣмъ, что отнынѣ его уже приходится сдерживать. Наполеонъ принудилъ его рѣшиться, хотя онъ не столько пробудилъ въ немъ волю, сколько помогъ ему обнаружить его затаенную склонность. Конечно, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился подъ вліяніемъ оскорбленія, но оно толкнуло его въ ту сторону, къ которой онъ тяготѣлъ и прежде.

Когда извѣстіе о нарушеніи территоріи распространилось въ Берлинѣ, тамошнее мнѣніе обнаружилось разомъ. Военные высказались противъ французовъ съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ они прежде высказывались противъ русскихъ; гордились и славились тѣмъ, что не захотѣли подражать постыдному поведенію Вюртемберга и Баваріи, что среди этой великой измѣны Германіи со стороны ея государей, по крайнѣмъ Пруссіи осталась вѣрной «отечеству».

На другой день, 7-го октября, былъ совѣтъ министровъ и генераловъ; онъ постановилъ, что поступокъ Наполеона освобождаетъ Пруссію отъ всякихъ обязательствъ передъ Франціей; что это будетъ заявлено Напо-

¹²⁾ *Mémoires de Hardenberg*, RANKE, t. II, p. 253 et suiv. — ONSKEN, t. II, p. 189. — HÜFFER, p. 166 et suiv. — Metternich, *Mémoire*, t. I, p. 44, и донесеніе 7 окт. 1805 г.

¹³⁾ Донесеніе Меттерниха 7 окт.; Алопеуса, 6 окт.; Лафорэ, 9 окт.

леону, и объ этомъ будетъ увѣдомленъ Александръ; что русскимъ будетъ данъ пропускъ, и что прусскія войска займутъ Ганноверъ. 9-го тотъ же совѣтъ высказался за вооруженный нейтралитетъ, и король писалъ Александру: «Неожиданное событіе заставило меня принять новое, но рѣшительное отношеніе къ дѣлу... всѣ мои обязанности измѣнили свое направление, и я утѣшаю себя, государь, тѣмъ, что онѣ отождествляются съ вашими. Не знаю, произойдетъ ли, вслѣдствіе принятыхъ мною мѣръ, формальный разрывъ сейчасъ-же, или я еще буду имѣть время войти съ вашимъ величествомъ въ соглашеніе по этому предмету».

Дюрокъ и Лафорэ, извѣщенные обо всемъ этомъ своими соглядатаями, не смутились. Но прецеденты, приведенные Наполеономъ, показались нахальствомъ, прибавленнымъ къ оскорбленію¹⁴⁾. «Его величество, отвѣтилъ Гарденбергъ Лафорэ, не знаетъ, чему больше удивляться, насиліямъ ли, которыя французскія войска позволили себѣ въ его провинціяхъ, или непостижимымъ аргументамъ, которыми думаютъ оправдать эти насилія... Король считаетъ себя свободнымъ ото всѣхъ обязательствъ, предшествующихъ настоящему моменту... У него нѣтъ болѣе другихъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ предметомъ его собственную безопасность и всеобщую справедливость. Привлечь Европу къ участію въ томъ мирѣ, который онъ желаетъ сохранять за своими народами... Посвятить этому великому дѣлу свое *дѣятельное посредничество* — такова будетъ его первая обязанность». Что же касается до Ганновера, то онъ приказываетъ Брауншвейгу занять его своими войсками и поручаетъ Гарденбергу заявить объ этомъ словесно Лафорэ, когда дѣло будетъ на ходу. Брауншвейгъ тотчасъ-же принимаетъ соответственные мѣры. «Гарденбергъ конфиденціально увѣдомилъ меня, что король перешелъ на нашу сторону со всѣми своими военными силами, писалъ 15-го октября Меттернихъ. Необходимо отъ четырехъ до пяти недѣль для того, чтобы прусская армія могла собраться въ окрестностяхъ Байрейта. Въ это время русское войско, проходящее черезъ Силезію, можетъ достигнуть границъ Богеміи, и соединенныя арміи будутъ въ состояніи начать, съ этой стороны, свои заранѣе условленные наступательныя дѣйствія».

Но они разсчитали безъ Наполеона. 8-го октября онъ подвигался съ такою быстротою и точностью, что Макъ оказался отрѣзаннымъ отъ Вѣны; какъ бы то не было, вѣсть о приближеніи русскихъ подтверждается, и французская армія рискуетъ быть поставленной между двумя огнями. Наполеонъ прикрывается со стороны русскихъ и идетъ на Мака. Дѣло

¹⁴⁾ Письма Наполеона къ Баварскому курфюрсту, къ Дюроку, къ Оттону, 12, 13, окт.; донесеніе Лафорэ, 19 окт. 1805 г. — Прусская нота къ Лафорэ, 14 окт. BAILLEU. Ср. RANKE, t. II, p. 288, 292.

не въ томъ, чтобы разбить непріятеля, а въ томъ, чтобы ни одинъ не ускользнулъ... Этотъ день долженъ быть въ десять разъ славнѣе дня Маренго ¹⁵⁾... 14 октября Ней разбиваетъ австрійцевъ у Эльхингена; Ульмъ осажденъ.

На другой день вечеромъ прибыли въ Берлинъ, посланные изъ австрійской арміи курьеры съ извѣстіемъ о пораженіи подъ Эльхингеномъ и объ осадѣ Мака въ Ульмѣ. Король смущенъ, впадаетъ въ прежнюю нерѣшительность, сожалеетъ о нейтралитетѣ. Гарденбергъ, слишкомъ рѣшительно настаивавшій на войнѣ, чувствуетъ свое положеніе поколебленнымъ. Ломбаръ, напрасно старавшійся уладить несогласія, поднимается въ кредитъ. Гаугвицъ, слышущій сторонникомъ мира, или по крайней мѣрѣ нейтралитета, вступаетъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ помощника министра. Отнынѣ будетъ два министра, потому что есть два направленія: одинъ, Гаугвицъ, для замиренія; другой, Гарденбергъ, для борьбы. Первый будетъ вести переговоры съ Наполеономъ; другой съ Александромъ. Этимъ раздвоеніемъ министерства прилично прикроется двоедушіе политики. Меттернихъ, ведущій сношенія съ Гарденбергомъ, 17-го октября находитъ его совсѣмъ измѣнившимся, склоннымъ къ оттяжкамъ, толкующимъ о посредничествѣ. «О какомъ? спрашиваетъ Меттернихъ. Не о томъ ли, которое мы предлагали, согласно договору 11 апрѣля. Но вѣдь это значило бы, что король желаетъ быть посредникомъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ!» ¹⁶⁾.

«Мы уже и теперь находимся на военной ногѣ относительно Франціи, говоритъ король Ломбару ¹⁷⁾. Но горячія головы настаиваютъ: «приставъ къ союзникамъ, Пруссія обезпечитъ имъ побѣду, а своею мѣшкотностью она отдастъ себя въ жертву мщенія Наполеона. Разоружиться—значитъ отдаться въ руки врагу, обезчестить себя! Такимъ образомъ они влекутся къ войнѣ, вздыхая и отворачиваясь. Фридрихъ-Вильгельмъ даровалъ пропускъ русскимъ и согласился на свиданіе съ Александромъ. Теперь ему хотѣлось бы придержать русскихъ на границѣ и отложить свиданіе. Александръ не позволяетъ этого: «Простите, государь, если я отбрасываю всѣ формальности; но говорить съ вами хочетъ мое сердце... Государь, оно не можетъ отказать себѣ въ наслажденіи выразить вамъ лично (мою признательность)... Я отлично понимаю причины, дѣлающія ваше присутствіе въ Берлинѣ необходимымъ, и чтобы не отрывать васъ оттуда, я самъ, государь, явлюсь посѣтить васъ».

¹⁵⁾ Сульту, 12 окт. 1805 г.

¹⁶⁾ Донесеніе Меттерниха, 18 окт. 1805 г.

¹⁷⁾ Ломбаръ къ Гарденбергу, 19 окт. 1805 г.

Пока онъ туда направляется, Наполеонъ уже нанесъ ударъ. 19-го октября, Макъ капитулировалъ съ 32,000 чел. Планъ австрійцевъ разстроенъ. Они спѣшатъ вызвать изъ Италіи эрцгерцога Карла.

Все это необычайно подняло престижъ Наполеона, и онъ, нѣкоторое время находилъ возможнымъ воспользоваться имъ для того, чтобы въ нѣсколько, можетъ быть, недѣль завершить кампанію и стать распорядителемъ дѣлъ Европы. Капитуляція Мака ввела его въ заблужденіе на счетъ австрійцевъ: онъ считалъ ихъ болѣе обезоруженными и подавленными, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, и думалъ заставить ихъ вступитъ въ переговоры: «Я совѣтую моему германскому брату поспѣшать заключеніемъ мира. Въ настоящій моментъ онъ долженъ вспомнить, что существованіе имперіи имѣетъ предѣлъ; мысль, что конецъ династіи Лотарингскаго дома наступилъ, должна его утратить. Я ничего не хочу на континентѣ. Мнѣ нужны корабли, колоніи, торговля, а въ этомъ также и ваша выгода». Онъ говоритъ это Маку и обнародуетъ это въ IX Бюллетенѣ, 21 октября, не вѣдая, что въ этотъ часъ у Франціи нѣтъ болѣе флота, и что всѣ его колоніальныя замыслы уничтожены подъ Трафальгаромъ ¹⁸⁾. Такимъ образомъ, въ одно и то-же время утрачивая и привлекая Франца II-го, онъ думаетъ отдѣлать его отъ Александра; и тогда, имѣя передъ собой одинъ только русскій корпусъ, по его мнѣнію въ 30,000 чел., онъ уничтожитъ его, предложитъ миръ или даже союзъ Александру, дружбу котораго онъ приобрѣтитъ цѣною Польши и Востока. Чарторыжскій предвидѣлъ это. Что-же до Пруссіи, то, будучи извѣщенъ о ея рѣшительномъ отказѣ въ союзѣ съ нимъ, онъ надѣется сдерживать ее на все время, какое ему потребуется, чтобы покончить съ австрійцами войной или переговорами и парализовать или изолировать русскихъ. «Постарайтесь не нарушать права прусской территоріи, пишетъ онъ Мюрату. У меня уже есть довольно серьезныхъ пререканій съ этой державой... Мои интересы требуютъ не раздражать ее» ¹⁹⁾. И онъ идетъ на Вѣну: 22-го онъ въ Аугсбургъ; 24-го въ Мюнхенъ, общество котораго представляетъ его на оперномъ представленіи; 28-го онъ переходитъ Иннъ, 29-го вступаетъ въ Зальцбургъ.

Но чѣмъ болѣе онъ углубляется въ Австрію, тѣмъ болѣе чувствуетъ онъ себя угрожаемымъ со стороны Пруссіи, и тѣмъ болѣе грознымъ кажется ему непріятель. У русскаго есть порывъ и смѣлость; австріецъ отступаетъ, но не затеривается въ бѣгствѣ. Пруссакъ высокомеренъ.

¹⁸⁾ 20 окт.; Нельсонъ уничтожаетъ французскій и испанскій флоты.

¹⁹⁾ Талейранъ императору, 4 и 10 окт. Bertrand: *Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon*.—Наполеонъ Мюрату, 20 окт. 1805 г.

Войска его непочатая сила. Если онъ не предупредить соединенія русскихъ съ австрійцами, то передъ нимъ будетъ цѣлая армія, при чемъ другая армія, прусская, станетъ угрожать его флангамъ. 27-го октября онъ пишетъ Иосифу: «Раньше пятнадцати дней передо мной будутъ 100,000 русскихъ и 60,000 австрійцевъ, пришедшихъ изъ Италіи или изъ другихъ корпусовъ... Пруссія ведетъ себя довольно двусмысленно... Если война продолжится, надо, чтобы я могъ имѣть сильную армію на сѣверѣ для защиты Голландіи». Изъ Берлина ему уже ничего не пишутъ: вотъ уже пятнадцать дней какъ оттуда нѣтъ извѣстій. Такъ какъ союзъ не состоялся, то онъ рѣшаетъ отозвать Дюрока; но удаляясь, Дюрокъ долженъ сдѣлать послѣднее усиліе къ сближенію, подкрѣпленное угрозами. Онъ испроситъ прощальную аудіенцію и скажетъ королю: «Государь, въ лицѣ императора вы имѣете друга, способнаго посѣлшить къ вамъ на помощь съ края свѣта. Императора мало знаютъ въ Европѣ. Это человекъ болѣе сердца, чѣмъ политики». Лафорэ передастъ Гарденбергу ноту, гдѣ будетъ сказано: «Императоръ можетъ уступить Ганноверъ, но надо это дѣло оформить... Нельзя перечислить всего, что можетъ сдѣлать императоръ... Императору хорошо извѣстно, что Фридрихъ со своей Пруссіей боролся съ цѣлой Европой; но императоръ стоитъ выше Фридриха, а Франція сильнѣе Пруссіи; комитетъ общественнаго спасенія тоже противился всей Европѣ, а весь свѣтъ знаетъ, что армія императора могутъ сдѣлать всѣмъ комитетомъ общественнаго спасенія».

Опасаясь внезапнаго нападенія на Ганноверъ, Наполеонъ приказываетъ командующему тамъ генералу Барбу запереться въ крѣпостяхъ, не позволять никому приближаться къ нимъ и не отдавать Гамельна иначе какъ по его собственному приказу, переданному однимъ изъ его адъютантовъ. — «Я не думаю, пишетъ онъ Оттону въ Мюнхенъ, чтобы пруссаки возымѣли дерзость прійти въ Ганноверъ срывать моихъ орловъ; это не обошлось бы безъ кровопролитія. — Французскія знамена никогда не терпѣли оскорбленія. Я не стою за Ганноверъ, но честью я дорожу больше, чѣмъ жизнью».

Это же самое чувство военной чести, чести монархической, бросило тогда Пруссію въ коалицію.

VI.

Александръ пріѣхалъ въ Потсдамъ 25 октября. Тамъ онъ узналъ о капитуляціи Ульма. Отъ одного его присутствія всѣ пріободрились. Онъ снялъ съ сердецъ тяжесть, давившую ихъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ пресмыкающейся нейтральности! Приливъ гордости, вызванный появленіемъ

нѣмъ этого могучаго союзника, оживить свойственное имъ высокомеріе: капитуляція Мака, заставившая было призадуматься политиковъ, явилась теперь въ глазахъ двора и арміи не болѣе какъ непріятной случайностью, простымъ австрійскимъ злословіемъ. Отнынѣ они уже увѣрены въ томъ, что имъ удастся окружить Наполеона, поставить его между двумя огнями, отрѣзать ему путь отступленія! Фридрихъ-Вильгельмъ, уносимый захватившимъ его вихремъ, еще болѣе, чѣмъ прежде смущенный второстепенной ролью, которую онъ разыгрываетъ въ своемъ собственномъ королевствѣ, лишенный гордости, волн, потому что онъ живетъ только чужою волей, неуклюжій, меланхолическій, занявъ тогда то мѣсто, которое съ тѣхъ поръ онъ всегда будетъ занимать, — мѣсто *свитскаго короля* въ коалиціяхъ и *побочнаго короля* въ свитѣ Александра. Королева, въ своей экзальтаціи, считаетъ его преобразившимся подобно ей самой; восхваляемая и плѣнительная, восхищенная «деликатностью и великодушіемъ обожаемаго государя¹⁾», она устремляется, съ своимъ страстнымъ желаніемъ правиться, въ новую карьеру, льстящую ея сердцу; кокетничая то энтузіазмомъ, то героизмомъ, увлекая короля, дворъ, армію, привѣтствуемая народомъ, она исполняетъ роль, которую такъ желала бы разыграть Марія-Антуанетта для спасенія трона, своего мужа, и наслѣдія своего сына!

Александръ, конечно, тотчасъ же занялъ первое мѣсто въ центрѣ двора, дѣлая пріемы, отдавая приказы и ведя переговоры не въ качествѣ со-сѣда и союзника, но какъ императоръ, сюзеренъ въ гостяхъ у перваго изъ своихъ крупныхъ вассаловъ. Между тѣмъ какъ королевская семья усугубляетъ свою предупредительность, а Александръ свою рыцарственную любезность, министры совѣщаются. Чарторыжскій сопровождаетъ царя, Алопеусъ и Долгорукій работаютъ съ Гарденбергомъ и Гаугвицемъ. Меттернихъ держитъ себя на готовѣ, наблюдая за всѣмъ и помогая своими совѣтами. Преисполненный сознанія собственной геніальности и какъ бы проникнутый уже значеніемъ блестящей карьеры, которую онъ себѣ пріуготовляетъ, онъ, одинъ изъ тѣхъ гибкихъ, умныхъ и цѣпкихъ австрійцевъ, которые никогда не отступаются. Полный презрѣнія къ вѣроломнымъ князькамъ Вюртемберга, Бадена и Баваріи, этимъ отрекшимся отъ Германіи недостойнымъ монархамъ, онъ считаетъ союзъ съ Пруссіей необходимымъ «для великой цѣли всякаго благоразумнаго сообщества противъ Франціи»; полагая, какъ и всѣ въ Вѣнѣ и Петербургѣ, въ Лондонѣ и Берлинѣ, что «безъ полного и постояннаго содѣйствія Пруссіи, Франція не можетъ быть возвращена къ своимъ прежнимъ границамъ; что Франція можетъ пасть только въ томъ случаѣ, если она будетъ атакована одно-

¹⁾ Донесеніе Меттерниха, 29 окт. 1805 г. Ожскен, *Ound p.*, t. II, p. 582 et suiv.

временно на обоихъ своихъ флангахъ Австріей и Россіей въ Швейцаріи, Италіи и южной Германіи, а на сѣверѣ Англіей, Швеціей и 150,000 пруссаковъ; что война должна происходить не для поддержанія *statu quo*, а для его измѣненія, и что это должно быть основнымъ принципомъ всякаго предпріятія Европы противъ Франціи.

Получивъ 26-го съ курьеромъ письмо для царя, онъ испрашиваетъ у него аудіенцію, которая назначается ему на 27-е. Государи прибыли въ Берлинъ, гдѣ «было большое столованіе съ золотымъ сервизомъ, къ которому допускаются всѣ лица, имѣющія титулъ превосходительства». Въ четыре часа у Александра былъ пріемъ, на которомъ Алопеусъ представилъ ему всѣхъ посланниковъ за исключеніемъ французскаго, Вюртембергскаго и Баварскаго. Меттернихъ царь принялъ «въ своихъ анпартаментахъ». Тутъ впервые встрѣтились эти два человѣка, изъ которыхъ одинъ уже всемогущій властитель Россіи, а другой станетъ со временемъ всемогущимъ руководителемъ Австріи; обоимъ назначено бороться съ Наполеономъ, сокрушить его, исполнить замышляемое ими теперь дѣло возвращенія Франціи въ ея прежнія границы и уничтоженія французской революціи въ ея послѣдствіяхъ; дѣйствуя то въ союзѣ другъ съ другомъ противъ Наполеона, то въ союзѣ съ Наполеономъ другъ противъ друга, но никогда не вредя другъ другу и всегда обманывая Наполеона, болѣе быть можетъ опасные для Франціи въ качествѣ ея друзей, чѣмъ враговъ, часто соперничая другъ съ другомъ въ обаяніи и вліяніи, но также и въ хитрости, уклончивости и упорствѣ, одинъ съ наружнымъ видомъ романическаго мистицизма, другой подъ маской свѣтской галантности и суетности, оба они «женолюбывъ» и любители легкихъ связей, но тонкіе политики и въ высшей степени изящные партнеры въ той игрѣ, въ которой вмѣстѣ съ судьбами Европы разыгрывается существованіе многихъ тысячъ европейцевъ.

Александръ вышелъ на встрѣчу Меттерниху. «Вы, государь, сказалъ австріецъ, благодаря одному изъ великодушнѣйшихъ и счастливѣйшихъ вашихъ рѣшеній, находитесь теперь на самомъ мѣстѣ нашихъ долгихъ и безплодныхъ переговоровъ: что не было дано намъ, то должно было быть предоставлено спасителю Европы... Дѣло пойдетъ, отвѣчалъ Александръ... Вы прекрасно управляли баркой; теперь остается дать ей послѣдній поворотъ. Я нашелъ здѣсь много доброй воли. Мелендорфъ отличнаго образа мыслей; даже Гаугвицъ объяснился со мной съ полной откровенностью, онъ восхищенъ вашимъ императоромъ, а въ государынѣ я встрѣтилъ гораздо болѣе мужества, чѣмъ полагалъ... Все должно сладиться. Они настаиваютъ на своемъ посредничествѣ; посмотримъ: это посредничество можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ *ультиматумомъ*, который, конечно,

будетъ отвергнуть Бонапартомъ, и мы въ такомъ случаѣ вынудимъ у него дерзкій отвѣтъ, раньше, чѣмъ пройдутъ три недѣли, которыя имъ необходимы для того, чтобы собрать свои арміи здѣсь въ надлежащихъ мѣстахъ³⁾». Меттернихъ упрасиваетъ царя понудить ихъ: «Этотъ дворъ, говоритъ онъ, имѣетъ постоянную склонность затягивать всякое дѣло, отъ котораго онъ не можетъ отдѣлаться отказомъ». Царь умаляетъ значеніе Эльхингенскаго и Ульмскаго поражений: «Двадцать тысячъ человѣкъ, говоритъ онъ, не исчерпываютъ всего могущества Австріи!»—«Причины всего этого, продолжаетъ Меттернихъ, по большей части заключаются въ невообразимомъ отпаденіи одного изъ могущественнѣйшихъ государей Европы и въ образѣ дѣйствій Бонапарта, за который, надо надѣяться ему будетъ заплачено съ лихвой.—А! съ живостью возразилъ царь, что касается до Баварскаго курфюрста, моего любезнаго родственника, то мы, надѣюсь, хорошенько пощиплемъ его; во всѣхъ лѣтописяхъ войны нѣтъ болѣе гнуснаго примѣра».

Вечеромъ весь дворъ отправился въ оперу, гдѣ давалась *Армида* «со всѣми ея балетами». Публика привѣтствовала царя и короля радостными восклицаніями. Французскій и баварскій посланники присутствовали въ своихъ ложахъ при этой демонстраціи, относительно смысла которой нельзя было заблуждаться⁴⁾. Дюрокъ, впрочемъ, все еще надѣялся на окончательное торжество—умѣренности и на то, что прусское посредничество не потребуетъ отъ Наполеона больше того, что рѣшилъ уступить самъ Наполеонъ, котораго, подобно многимъ другимъ, до конца одурачивали двусмысленными и неопредѣленными выраженіями, цѣль которыхъ была въ томъ, чтобы предъявить въ качествѣ ультиматума къ немедленному заключенію окончательнаго мира то, что въ сущности представляло лишь одинъ минимумъ условленныхъ требованій, заявляемыхъ только для того, чтобы вызвать пріостановку военныхъ дѣйствій и завязать переговоры, въ теченіе которыхъ, смотря по надобности, постепенно раскрывались бы дѣйствительныя требованія. 30-го октября въ Берлинѣ появился эрцгерцогъ Антонъ съ письмомъ отъ Франца II, заключившимъ въ себѣ отчаянный призывъ къ королю. На другой день Дюрокъ получилъ послѣднія инструкціи Наполеона и распрощался съ королемъ въ предписанныхъ ему выраженіяхъ.

Александръ желалъ, чтобы Пруссія просто, безъ оговорокъ, присоеди-

³⁾ Такъ, въ 1813 г. во время перемирія и конгресса, іюль—августъ, совершилась перемѣна ролей между дѣйствующими лицами: Пруссія дѣйствовала тогда за одно съ Россіей, между тѣмъ какъ Австрія вела, но очень искусно, ту игру, которую Пруссія ведетъ такъ слабо и неловко въ 1805 г.

⁴⁾ Письма Дюрока, 27 и 30 октября 1805.

нилась къ договору 11-го апрѣля ⁵⁾. Пруссакѣ упрямо отказывались отъ этого. Ульмское приключеніе заставило ихъ призадуматься. Они стояли за свое посредничество, которое дало бы имъ время вооружиться и предоставило бы возможность вмѣшательства въ удобный для нихъ моментъ и почти навѣрняка, т. е. послѣ какой-нибудь большой неудачи французскаго оружія; въ такомъ случаѣ они рѣшили бы окончательное пораженіе Наполеона и явились бы въ роли умиротворителей Европы и спасителей Германіи. А если бы Наполеонъ продолжалъ одерживать верхъ или, если бы онъ заключилъ съ Австріей миръ для того, чтобы броситься на русскіхъ или вступить съ ними въ переговоры, то это-же самое искусно замаскированное и смягченное посредничество обезпечило бы пруссакамъ возможность безопаснаго, а, можетъ быть, даже и выгоднаго для нихъ отступленія. Дѣлать нечего, надо было принять то, что они предлагали, т. е. посредничество и условное присоединеніе къ союзу, если бы это посредничество было отвергнуто Наполеономъ.

Но и при этомъ выработка договора потребовала немало труда. Дипломаты совѣщались о немъ три цѣлыхъ дня и даже по ночамъ. Въ принципѣ было рѣшено, что Пруссія предложить Наполеону условіе всеобщаго замиренія—существенныя условія договора 11-го апрѣля. Отвѣта отъ Наполеона будутъ ожидать до 15 декабря. Пруссія въ это время успѣетъ поставить на военную ногу 180,000 чел., и, въ случаѣ весьма вѣроятнаго отказа со стороны Наполеона, присоединится къ союзникамъ. Меттернихъ тщетно пытался убѣдить пруссаковъ требовать отвѣта въ 48 часовъ, такъ какъ иначе, говорилъ онъ, Бонапартъ «выкинетъ насъ изъ игры одного за другимъ»; для этого ему останется только «возить за собою прусскаго посланника, притворяясь, что онъ не прочь выслушать наши предложенія и въ тайной надеждѣ, что рѣшимость Пруссіи будетъ ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ ей будетъ предстоять надобность болѣе непосредственной борьбы съ опасностями». Пруссакѣ въ отвѣтъ на это восклицали: «Нельзя же намъ поражать непріятеля, прежде чѣмъ мы достигнемъ до него!» Затѣмъ выступилъ на сцену вѣчный вопросъ о Ганноверѣ: Пруссія, опасавшаяся сосѣдства съ Франціей, предлагала въ обменъ за это курфюршество дать свои вестфальскія провинціи за Везеромъ; при этомъ на долю Англіи достались бы порты Эмдена и побережье Сѣвернаго моря, какъ средства болѣе прямого воздѣйствія на Голландію.

⁵⁾ Меттернихъ къ Коллоредо, 31 окт., 4 ноября 1805. Меттернихъ, т. II.—Опскек, т. II, стр. 191.—FOURNIER, т. II, стр. 77.—HÜFFER, стр. 174—178.—RANKE, т. I, стр. 532, и т. II, стр. 324 и слѣд.—МАРТЕНСЪ, т. II, стр. 479; т. VI, стр. 367 и слѣд.

Условія были подписаны 3-го ноября въ аппартаментахъ Александра. Они заключались въ *декларацияхъ* царя и прусскаго короля, къ которымъ тогда же присоединился Меттернихъ въ составъ же ихъ входили *явныя статьи* соглашенія, съ добавочнымъ *соглашеніемъ* между царемъ и королемъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи; и *добавочная декларация* со стороны Россіи, Австріи и Пруссіи, содержащая статьи отдѣльныя и секретныя.

Явныя статьи постановляютъ прусское посредничество, основанное на договорахъ. Согласно имъ, Франція *можетъ* сохранить за собою границы, установленныя лоневильскимъ миромъ, и все, что ей послѣ этого могло быть уступлено Австріей; сардинскій король долженъ получить вознагражденіе за счетъ Итальянской республики или Генуи, съ Пармой, Пиаченцой, частью Модены и Лукки. Неаполь, Голландія, Швейцарія и Германія должны быть эвакуированы и стать независимыми. Австрія распространить свои границы до Минчіо и получить Мантую; Ломбардское королевство не можетъ быть присоединено къ Франціи. Наполеонъ долженъ дать обѣщаніе не тревожить Оттоманскую Имперію, вслѣдствіе ея соединенія съ Россіей; всеобщее перемиріе положить коонецъ враждебнымъ дѣйствіямъ; конгрессъ постановить условія мира и устроить, для его охраненія, соглашеніе между союзными державами ⁶⁾.

Наполеону будетъ данъ двухнедѣльный срокъ для принятія или отказа. Если онъ приметъ эти условія,—полагается, что онъ слишкомъ проныцателенъ для этого ⁷⁾,—то они все же не будутъ условіями мира, а только условіями предварительными для начала переговоровъ, во время которыхъ и обнаружится слѣдующая сущность дѣла: Англія связана съ Австріей и Россіей договоромъ 11 апрѣля со всѣми его отдѣльными и секретными статьями; она не присоединяется къ берлинскимъ декларациямъ, вмѣшательство Пруссіи не налагаетъ на нее никакихъ обязательствъ; однако, ни Россія, ни Австрія не могутъ безъ нея договариваться о мирѣ, почему они и пригласятъ ее на конференціи по этому предмету. Тогда Англія выскажетъ свои условія, т. е. тѣ, которыя заключаются въ секретныхъ статьяхъ договора 11-го апрѣля, которыя заранее приняты Россіей и Австріей, и которые онѣ, поэтому, обязаны поддерживать. При этомъ *основы*, представленныя Пруссіей, улетучатся или будутъ страннымъ образомъ расширены. Наполеонъ попадетъ въ эти хитрыя сѣти и утратитъ всѣ пріобрѣтенныя имъ оружіемъ выгоды; если же онъ прерветъ переговоры, начатыя при условіяхъ «умѣрен-

⁶⁾ См. выше, разборъ трактата 11 апрѣля и двусмысленность его явныхъ статей.

⁷⁾ См. выше, письмо канцлера Воронцова.

ных», то этого не проститъ ему Франція. Этотъ расчетъ,—тотъ же самый, что въ 1813 г. въ Прагѣ и Франкфуртѣ—могъ осуществиться только вслѣдствіе неудачъ оружія Наполеона. Союзники рассчитываютъ на его отказъ, который сдѣлаетъ войну непопулярной во Франціи, и принимаютъ противъ него принудительныя мѣры въ надеждѣ на содѣйствіе французскаго общественнаго мнѣнія. Пруссія должна выступить въ походъ съ 180,000 чел. Англія будетъ платить ей субсидію. По заключеніи мира «Пруссія, путемъ пріобрѣтенія или обмѣна, получить границы болѣе надежныя настоящихъ». Планъ кампаніи будетъ составленъ, и военныя дѣйствія направляемы изъ какого-либо центрального пункта до тѣхъ поръ, пока отступление непріятели на лѣвый берегъ Рейна дастъ возможность установить съ общаго согласія мѣры, требуемыя тогдашнимъ состояніемъ дѣлъ.

Эти строки, заключающіе въ себѣ тайну союзниковъ, находятъ себѣ комментарий въ договорѣ 11-го апрѣля и въ предшествовавшихъ акту 3-го ноября собесѣдованіяхъ между нѣмцами и русскими: дѣло шло о возвращеніи Франціи «въ ея прежнія границы или какія-либо другія», что окажется возможнымъ только *тогда*, и о чемъ рѣшено повести рѣчь только *тогда же* ⁸⁾. При этомъ въ интересъ Пруссіи предлагали пріобрѣтеніе Ганновера въ обмѣнъ на прусскія владѣнія въ Остѣ-Фрисландіи, чѣмъ облегчилось бы возвращеніе Голландіи, «не говоря, какъ заявляетъ Гарденбергъ, о возможности счастливой войны, которая позволила бы дому курфюрста (Брауншвейгскому) сдѣлать пріобрѣтенія къ сторонѣ Мааса, въ зарейнскихъ провинціяхъ Пруссіи, въ герцогствѣ Юлихскомъ и т. д.». Такъ обнаруживалось притворное уваженіе къ рейнской границѣ и пограничнымъ линіямъ люневильскаго мира ⁹⁾.

Планъ кампаніи предполагалъ: оккупацию Ганновера, блокаду Гаммельна, переговоры о войнѣ съ Гессеномъ и Саксоніей; походъ пруссаковъ изъ Ганновера въ область Фульды, Мейнингена и Кобурга. Согласованныя движенія русскихъ и пруссаковъ въ Ганноверѣ,—гессенцевъ и пруссаковъ—на Рейнѣ около Майнца Саксонцевъ—въ Франконіи.

Въ *декларации прибавочной* указывались выгоды Пруссіи: Россія предлагала ей свое содѣйствіе для пріобрѣтенія Ганновера обмѣномъ или какимъ-либо инымъ способомъ. Если Англія согласится на это и будетъ

⁸⁾ Это именно то, что было сдѣлано въ 1813 г. Акты Калиша, Рейхенбаха и Теплица—не болѣе какъ развитіе таковыхъ 1805 года, и политика союзниковъ въ Прагѣ и Франкфуртѣ не болѣе какъ осуществленіе намѣреній, замысленныхъ въ Петербургѣ и Потсдамѣ.

⁹⁾ HARDENBERG, *Mémoire relatif à l'acquisition du pays de Hanovre à la suite du traité de Potsdam*.—RANKE, t. V. p. 178, pièces.

выдавать субсидіи на всю прусскую армію, то Пруссія обяжется не заключать ни мира, не перемирія безъ взаимнаго согласія съ Англіей. Если же Англія не согласится, то Пруссія все-таки будетъ сражаться, но безъ всякаго другого обязательства относительно Россіи, кромѣ того, чтобы предупредить ее за шесть недѣль, если она, ради своей безопасности или по недостатку въ деньгахъ, будетъ вынуждена договариваться о мирѣ съ Франціей. Меттернихъ скрѣпилъ своею подписью и эту прибавочную декларацию.

Александръ уѣхалъ изъ Потсдама послѣ одной изъ тѣхъ театралныхъ сценъ, которыя онъ, съ тѣхъ поръ, любилъ присоединять, въ видѣ символической развязки, къ каждому изъ «великихъ дней» драмы, которую онъ самъ для себя сочинялъ и выставлялъ на зрѣлище міру. Въ моментъ своего отъѣзда, 3-го ноября, около полуночи, онъ выразилъ желаніе посѣтить гробницу Фридриха. Эта гробница—металлическій саркофагъ безъ украшеній—находится въ узкомъ и темномъ склепѣ, продланномъ подъ кафедрой гарнизонной церкви въ Потсдамѣ; тутъ же другая гробница изъ чернаго мрамора, Фридриха—Вильгельма I-го и шпага великаго короля. Нѣтъ ничего болѣе обнаженнаго и строгаго этой вѣчной усыпальницы короля-философа, являющейся чѣмъ-то въ родѣ чистилища, преддверія небытія. Государи шли къ ней холодной ночью черезъ пустынные дворы. Александръ вошелъ въ сопровожденіи Фридриха-Вильгельма и королевы Луизы; онъ, въ молчаніи, преклонился передъ гробомъ, напечатлѣлъ на немъ поцѣлуй и нѣсколько мгновеній созерцалъ при дрожащемъ и дымномъ пламени свѣтильниковъ эти темныя гробницы, заключавшія въ себѣ изсохшія и лишенныя души тѣла, эту шпагу, которую уже ничья рука не держала, и всю эту неподвижную оболочку и призрачные знаки величія исчезнущаго генія; потомъ онъ «очень просто» простился съ своими спутниками и исчезъ въ ночной темнотѣ.

Брауншвейгъ, этотъ прусскій Макъ, одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, друзей «просвѣщенія», которые считали военную репутацію Наполеона незаслуженной и полагали себя способными показать ея истинную мѣру, не хотѣлъ, чтобы было приступлено къ дѣлу ранѣе 15 декабря. Поэтому Гаугвица, который долженъ былъ доставить ультиматумъ и хлопотать о посредничествѣ, не торопили отъѣздомъ. Ему дали, вѣрнѣе—онъ самъ себя далъ—инструкціи, очень тщательно скомбинированныя ⁹⁾. «Выѣхавъ 13-го, говорится тамъ, и употребивъ двѣнадцать дней на поѣздку, я прибуду къ Наполеону 25-го. Такъ какъ онъ едва ли допуститъ откла-

⁹⁾ Мемуаръ графа Гаугвица, служившій ему инструкціей со времени его поѣздки въ Вѣну.—RANKE, t. V, стр. 185.—Cf. *id.*, t. 1, стр. 540. *Mémoires de Hardenberg*, t. II, стр. 343.

дываніе и затяжки въ переговорахъ, то на сношеніе съ нимъ я полагаю четыре дня. Если онъ отвергнетъ предложеніе, то для воспрепятствованія немедленному разрыву, остается только одно средство — выслушивать предложенія Императора, которыя онъ, конечно, не замедлитъ сдѣлать въ свою очередь, и обязаться предъявить ихъ королю. Въ такомъ случаѣ, употребивъ еще десять дней на обратное путешествіе, я могу вернуться къ 9-му декабря. Въ предположеніи, что этотъ расчетъ оправдается, получится та двойная выгода, что Наполеонъ узнаетъ о рѣшеніи короля на войну только послѣ 15-го декабря, между тѣмъ какъ его величество будетъ извѣщенъ о неизбѣжности этой войны 10-го декабря... Остается предвидѣть фактъ заключенія, доведенными до крайности австрійцами, отдѣльнаго мира съ Франціей... Въ такомъ случаѣ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы употребить всевозможныя усилія, чтобы успокоить раздраженіе, которое овладѣетъ императоромъ французовъ, когда онъ узнаетъ о вооруженіяхъ Пруссіи. Надо всего болѣе стараться выиграть время».

Передъ отъѣздомъ онъ не преминулъ побывать у Лафоре. И такъ какъ этотъ посланникъ уже былъ потревоженъ слухами о русскомъ союзѣ, то Гаугвицъ сказалъ ему, что «Русскіе, дѣйствительно, очень похваляются этимъ союзомъ, но что, на самомъ дѣлѣ, *никакого договора или подобнаго рода соглашеній между обоими государствами не существуетъ*». Не опровергая прямо возможности вынужденныхъ обѣщаній, онъ отдѣлался неопредѣленными намеками на то, что короля пытались было увлечь... Но что онъ никогда не сдѣлаетъ ничего противнаго своимъ выгодамъ... На самомъ дѣлѣ ни договора, ни соглашенія о союзѣ не было, по той причинѣ, что союзнымъ актамъ дали титулъ *деклараций*, а утвержденное подписями *соглашеніе* было чисто военного свойства. Въ довершеніе иллюзіи, Гарденбергъ пишетъ въ Парижъ Луксезини: «До сихъ поръ, ваше превосходительство, вамъ нѣтъ никакой надобности готовиться къ отъѣзду»... Успокоенные такимъ образомъ французы будутъ тѣмъ болѣе озадачены атакой, и 16-го ноября онъ пишетъ Брауншвейгу: «Надо по возможности скорѣе вступить во Франконію, чтобы побѣдить или умереть ¹⁰⁾».

Это весьма классическое коварство позволить выиграть нѣсколько дней времени и маневрировать въ туманѣ. Но оно не обманетъ Наполеона и не будетъ въ силахъ успокоить тревоги совѣсти короля. Очнувшись отъ грезъ, подъ властью которыхъ его цѣлую недѣлю держалъ его обаятельный другъ, онъ снова предался своимъ мучительнымъ сомнѣ-

¹⁰⁾ BAILLEU, t. II, стр. 404.

ніямъ. «Я далъ свою подпись, говоритъ онъ, но сердце мое глубоко смущено при мысли о послѣдствіяхъ ¹¹⁾». И эти предчувствія его очень скоро оправдались. 14-го ноября, въ тотъ день, когда Гаугвицъ сѣлся въ карету, Александръ писалъ Фридриху-Вильгельму: «Дѣла находятся въ состояніи гораздо болѣе печальномъ, чѣмъ мы предполагали въ моментъ моего отъѣзда въ Берлинъ, и теперь всякая минута дорога. Судьба Европы въ вашихъ рукахъ, государь... Я самъ неспокоенъ за своихъ»...

VII.

Наполеонъ шелъ на русскихъ, и комбинируя движеніе своей арміи, въ то-же время размышлялъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять на другой день послѣ побѣды. Онъ размышлялъ о мирѣ, болѣе трудномъ и невѣрномъ, чѣмъ самая война; объ этомъ мирѣ, который отнынѣ будетъ увлекающимъ миражемъ всѣхъ его предпріятій, ради котораго онъ идетъ покорять, громить, потрясать всю Европу, и который всегда будетъ ускользать отъ него. Примириться наскоро съ Австріей, поладить цѣною взаимныхъ уступокъ съ Александромъ и возобновить съ нимъ бывшіе переговоры, прерванные смертью Павла, заплатить Пруссіи за ея бездѣйствіе королевской подачкой, т. е. возобновить условія Кампоформійскаго и Люневильскаго зампренія, базельскій и берлинскій трактаты, восточные замыслы 1801 г., стараясь придать всѣмъ этимъ построєніямъ болѣе связи и устойчивости.—вотъ все, что онъ ожидалъ отъ войны; вотъ комбинація, которую онъ желаетъ осуществить, и которая можетъ осуществиться благодаря какому-нибудь рѣшительному успѣху его оружія. Но какъ организовать Европу, какъ избороздить ее плотинами противъ обратнаго прилива расчлененныхъ и подвластныхъ монархій, противъ покоренныхъ и разобранныхъ по разнымъ рукамъ народовъ; какъ укрѣпить ее заставами, бастіонами и контръфорсами, способными выдержать тяжесть, столь широко распространеннаго французскаго могущества?

Талейранъ обдумывалъ это одновременно съ своимъ поводителемъ. Оставшіеся насторожѣ въ Страсбургѣ, гдѣ Жозефина имѣла свой дворъ, и считая дороги не настолько безопасными, чтобы довѣряться имъ безъ необходимости, онъ составилъ планъ политики, который 17-го октября и послалъ императору. Въ немъ онъ не гонялся за систематическими и тѣмъ менѣе окончательными построєніями, а имѣлъ въ виду лишь одно возможное при настоящихъ обстоятельствахъ и не шелъ дальше нѣкоторыхъ видоизмѣненій существующаго. «Я желалъ бы, пишетъ онъ Готериву 11-го октября, чтобы Императоръ на другой день послѣ большой

¹¹⁾ RANKE, t. I, p. 536.

побѣды, сказалъ принцу Карлу: «Вы въ отчаянномъ положеніи! Я не хочу злоупотреблять своими побѣдами... Я заключу съ вами наступательный и оборонительный союзъ, а мысль о союзѣ съ Пруссіей пошла къ черту»... Союзъ съ Пруссіей въ настоящее время невозможенъ, говоритъ онъ въ своемъ мемуарѣ... Пусть же она остается при своемъ ничтожествѣ, если ужъ не захотѣла воспользоваться предложеннымъ ей случаемъ подняться до величія... Пусть несетъ наказаніе за свое малодушіе! Рѣшеніе «проблемы мира», которое онъ предлагаетъ, какъ наиболѣе прочное изъ всѣхъ допустимыхъ разумомъ, покоится на трехъ комбинаціяхъ, предпринимающихъ: отдѣлить Австрію отъ Англіи, противопоставить Австрію Россіи, примирить съ Франціей Австрію, предоставить ей Валахію и Молдавію, Бессарабію, часть Болгаріи, Дунай и часть Черноморскаго побережья въ обмѣнъ на Венецію, Швабію и Тироль, обращенныхъ въ государства—буферы. Такимъ образомъ цѣль будетъ достигнута: Австрія, не имѣя болѣе ни соприкосновенія, ни соперничества съ Франціей какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи, будетъ соперничать вліяніемъ съ Россіей и преграждать ей дорогу къ Константинополю. Турокъ уже нечего будетъ бояться; ихъ замѣнятъ русскіе, и Австрія все еще останется главнымъ оплотомъ Европы противъ нихъ». Русскіе, зажатые въ своихъ пустыняхъ, обратятъ свой беспокойный духъ и свои усилія противъ южной Азіи, гдѣ теченіе обстоятельствъ приведетъ ихъ къ борьбѣ съ ихъ нынѣшними союзниками—англичанами».

Эти предложенія не соответствовали намѣреніямъ императора, который имѣлъ въ виду лишь нужды войны и справлялся только съ ними. Русскіе въ это время поворачивались спиною къ Азіи и подвигались къ Европѣ по большой дорогѣ азиатскихъ нашествій—по Дунаю, который велъ ихъ къ Альпамъ и Рейну, подступы къ которому были узаны Суворовымъ. Наполеонъ рассчитывалъ подстерегать ихъ на пути и уничтожить по частямъ. Но Кутузовъ не былъ, подобно Макку, расположенъ поддаваться классическимъ обложеніямъ. Рѣшая тактику, которая должна была впоследствии прославить его и погубить Наполеона, онъ не принималъ сраженія, и отступая, сталъ увлекать за собою Наполеона, разстраивая его пути и планы, къ славянскимъ ступенямъ Священной Имперіи—къ Польшѣ и Моравіи, гдѣ главные силы русской арміи соединились бы съ австрійцами. Мюратъ не понялъ его движенія и далъ ему ускользнуть, а Мортъ понесъ отъ него пораженіе. Францъ II предложилъ перемиріе. Наполеонъ отвѣчалъ условіями мира ¹⁾, предлагавшими уступку Венеціи и Тироля и эвакуацію Австріи русскими. Что же

¹⁾ 3 ноября 1805.

до пруссаковъ, такъ «если они хотятъ вмѣшаться въ это дѣло, сказалъ онъ, то пусть объявятъ мнѣ войну ²⁾».

Вѣна была оставлена непріятелемъ. Вступленіе въ нее Наполеона—первое его вступленіе въ большую непріятельскую столицу,—происходило 13-го ноября. Армія въ полной парадной формѣ проходила церемониальнымъ маршемъ, восхищенная своимъ собственнымъ великолѣпіемъ. «Жители обоихъ половъ тѣнились въ окнахъ; красивая національная гвардія, расположенная въ боевомъ порядкѣ на площадяхъ, отдавала намъ честь; ихъ знамена склонялись передъ нашими орлами, а наши орлы—передъ ихъ знаменами. Ни малѣйшій беспорядокъ не нарушилъ этого необыкновеннаго зрѣлища... Наши солдаты какъ бы забыли свои хищническія повадки, чтобы исключительно предаться чувству благородной гордости... Никогда не гордился я такъ, что я французъ какъ именно въ это время». ³⁾ Наполеонъ успокоилъ почтительныхъ вѣнцевъ и наложилъ на Австрію контрибуцію въ 100 милліоновъ. Онъ ночевалъ въ Шенбрунскомъ дворцѣ, гдѣ впоследствии долженъ былъ умереть отъ истощенія, въ бѣломъ эрцгерцогскомъ мундирѣ, его единокровный сынъ! 16-го ноября, ожесточенный и кровопролитный бой при Галлабрюнѣ показалъ, что русскіе 1805 года такіе же грозные противники великой арміи, какими они были, въ 1799 году, для арміи республиканской. Этотъ бой былъ для Наполеона побѣдой и вмѣстѣ неудачей, такъ какъ онъ помѣшалъ осуществленію его намѣреній, а Кутузовъ достигъ своей цѣли, выждавъ подъ пушками Ольмюца появленіе Беннигсена, шедшаго изъ Силезіи, эрцгерцога Фердинанда, шедшаго изъ Богеміи, и эрцгерцога Карла, послѣдшаго вызваннаго изъ Италіи. Передъ Наполеономъ выдвигалась преграда изъ непріятельскихъ армій, а въ тылу у него была Пруссія, угрожавшая его сообщеніямъ. Оказалась необходимость въ большой битвѣ, которая одна могла помѣшать сосредоточенію силъ непріятеля.

Передъ новымъ выступленіемъ въ походъ, Наполеонъ выпустилъ 15-го ноября *XXIV* и *XXV* *Бюллетени великой арміи*,—мастерскія произведенія, гдѣ онъ рассказывалъ исторію своихъ дѣяній, давалъ совѣты королямъ, призывалъ на свой судъ Европу, возвѣщалъ судьбу государствъ, и потомъ вдругъ обратившись къ своимъ солдатамъ и французскому народу, знакомилъ ихъ съ замыслами своей дипломатіи, резюмируя въ нѣсколькихъ характерныхъ чертахъ сущность своихъ переговоровъ, набрасывая характеристики лицъ, разсыпая столь любимые французами анекдоты, примѣшивая къ своей столь безыскусственной и про-

²⁾ 12 ноября 1805. ВЕЕВ, р. 184—185.

³⁾ *Mémoires de Thiebault*, t. III, p. 437, *de Comeau*, p. 233; *de Faustin des Odoards*, p. 61.

стодушной рѣчи, свойственной лишь гениальнымъ писателямъ, тонъ исторической хроники и эпопеи вмѣстѣ съ самой язвительной полемикой по поводу историческихъ событій. Императоръ, говорится въ *Бюллетенѣ*, работаетъ въ кабинетѣ Маріи Терезіи. Увидавъ мраморную статую этой государыни, онъ сказалъ: «Живи эта великая королева теперь, она не позволила бы руководить собою интригамъ такой женщины, какъ г-жа Коллоредо⁴⁾... Она знала бы волю своего народа. Она не допустила бы казаковъ и москвитянъ опустошать свои провинціи». Онъ говоритъ, что Кобенцль «царедворецъ, ослѣпленный иностранкой, императрицей, неаполитанкой; что Колленбахъ измѣнникъ, Ламберъ эмигрантъ, а Макъ—генералъ, указанный англичанами и ведущій этотъ дворъ къ пропасти. «Бѣдствія континента—пагубная работа англичанъ». Онъ излагаетъ дѣло подъ Голлабруномъ въ желательномъ для себя видѣ; извѣщаетъ объ обратномъ взятіи Неемъ изъ Инспрукскаго арсенала двухъ французскихъ знаменъ, утраченныхъ въ войнѣ съ граубинденцами: «Слезы текли изъ глазъ старыхъ солдатъ. Молодые рекруты гордились тѣмъ, что послужили къ возвращенію этихъ значковъ... Знамя—составляетъ предметъ культа для французскаго солдата, подобно подарку, полученному изъ рукъ любимой женщины». Онъ влагаетъ въ уста австрійцамъ, ограбленнымъ и угнетаемымъ своими государями, слѣдующія слова: «Мы и французы, сыны римлянъ, а русскіе сыны татаръ. Французы, враждующіе съ нами, для насъ въ тысячу разъ лучше такихъ союзниковъ, какъ русскіе». И онъ заключаетъ: «Европейскія государства теперь въ послѣдній разъ призываютъ такую губительную помощь. Отнынѣ въ теченіе ста лѣтъ не будетъ въ Австріи такого государя, который былъ бы властенъ ввести русскихъ въ свои государства⁵⁾».

17-го ноября Наполеонъ былъ въ Цнаймѣ. Тутъ-то онъ и узналъ о Трафальгарской битвѣ, о пораженіи *Армады*; Нельсонъ заплатилъ жизнью за свою побѣду, но нѣтъ болѣе французскаго флота, нѣтъ болѣе испанскаго флота; проекты высадки и надежды покончить все однимъ ударомъ откладываются на неопредѣленное время; Англія, безопасная на своемъ островѣ, стала владычицей морей, и рѣшеніе судьбы переносится на континентъ, на ту окраину Европы, гдѣ теперь она вяжетъ свои узлы и нити, и куда углубляется Наполеонъ съ сотнею тысячъ французовъ. Онъ хранитъ молчаніе о роковомъ днѣ Трафальгара и обязываетъ молчать

⁴⁾ Урожденная de Crenneville и очень замѣшанная въ неаполитанскія дѣла.

⁵⁾ XXV *Бюллетенѣ*. Шеннбруннъ, 16 ноября. Сравните, что касается до анекдотовъ, XXVI и XXVII *Бюллетени*, 18, 19 ноября 1805. См. Тигэ-ваулъ, t. III, p. 438; RAMBAUD, *Histoire de Russie* p. 533—539.

о немъ и другихъ. «Геній и фортуна находились тогда въ Германіи», пишетъ ему Талейранъ, пребывающій царедворцемъ даже среди катастрофъ⁶⁾.

Но вокругъ Наполеона слышится шопотъ о роковомъ событіи. Говорятъ, что императоръ, побѣжденный на морѣ, долженъ проявить умѣренность на континентѣ. Наполеонъ, напротивъ, видитъ необходимость въ нанесеніи громкаго, блестящаго удара. Онъ выказываетъ увѣренность и предсказываетъ побѣду. «Я вамъ пишу изъ Моравіи, говоритъ онъ Камбасересу въ своемъ письмѣ отъ 18 ноября, финансовыя дѣла идутъ у васъ плохо; ваши банкиры никуда не годятся. Возвратившись въ Парижъ, гдѣ я буду черезъ нѣсколько недѣль, я постараюсь поправить это»... Такая безграничная заботливость главы государства о всякаго рода дѣлахъ должна свидѣтельствовать передъ его министрами и парижанами о невозмутимомъ спокойствіи его души, XVIII-й *Бюллетенѣ*, отъ 19-го Ноября, извѣщаетъ о пришествіи великой арміи въ Брюннъ; въ немъ говорится объ удивленіи, вызванномъ въ моравянахъ зрѣлищемъ народовъ Украины и Камчатки, сражающихся на ихъ землѣ съ этими невидимыми нормандцами, гасконцами и бургундцами! «Кровь человѣческая стала товаромъ въ рукахъ англичанъ... Германскій императоръ удалился въ Ольмюцъ. Наши передовые посты на одномъ переходѣ отъ этой крѣпости».

Наполеонъ останавливается между Брюнномъ и Ольмюцемъ, чтобы дать необходимый его войскамъ отдыхъ, и занимаетъ центральную позицію между тремя непріятельскими арміями: главной, состоящей изъ русскихъ, соединившихся съ австрійцами на Моравѣ, эрцгерцогомъ Фердинандомъ въ Богеміи и эрцгерцогомъ Карломъ близъ Венгріи. Ограничившись наблюденіемъ за двумя послѣдними арміями, какъ за второстепенными, онъ устремляетъ все свои силы на первую, «чтобы, уничтоживъ ее, покончить войну однимъ ударомъ»⁷⁾. 20-го ноября онъ посылаетъ Сульту, слѣдующую пророческую записку: «Маршалу Сульту приказывается идти въ Аустерлицъ».

Въ этой кампаніи весьма существенную роль играютъ переговоры, настолько же длительные и запутанные, насколько быстры и точны движенія концентracіи армій. Цѣль этихъ переговоровъ—развѣдать намѣренія непріятеля, сущность и степень соглашенія, заключеннаго между выступившими впередъ русскими и австрійцами и коварно подкрадывающимися къ флангамъ и тылу пруссаками; тревожить ихъ, возбуждать взаимныя подозрѣнія между ними, обманывать ихъ надежды, пріостанавливать принятые ими рѣшенія и, можетъ быть, раздѣлить ихъ. Это рядъ полити-

⁶⁾ Наполеону, 12 ноября 1805.

⁷⁾ Roussel, *l'Art de Napoléon*.

ческих диверсій, столько же необходимых для решительного успеха военных действий, какъ и для того, чтобы воспользоваться всеми послѣдствіями войны. Грозная мощь стратегическаго искусства замѣняется здѣсь не менѣе труднымъ искусствомъ проникательнаго лукавства. Тутъ пускаются въ ходъ все пружины, все приобретенныя познанія людей и государствъ: ихъ интересы, затаенное честолюбіе, героизмъ войскъ, національныя чувства, пороки и мелочныя пристрастія отдѣльных личностей. И для того, чтобы уловить въ эти сѣти мелкую душу какого-нибудь Гаугвица, требуется не меньшій даръ проникновенія, какъ и для того, чтобы проникнуть въ тайны разногласія между русскими и австрійцами, въ причины нетерпѣливости Александра, и колебаній французовъ, «запропастившихся» на многія сотни миль отъ своего отечества, повернувшихся спиною къ Англіи, которую они должны были разрушить, и явившихся среди славянъ защищать эту французскую революцію, которая, распространивъ свои границы отъ Франціи до Рейна и имѣя свои аванпосты за Эльбой, повидимому, не должна была бы нуждаться въ защитѣ.

17 ноября, изъ Цвайма, Наполеонъ еще разъ писалъ Францу II-му. Зная, что этотъ государь въ Брюннѣ, онъ отложилъ вступленіе туда своего авангарда. «Моя единственная цѣль, писалъ онъ, преслѣдовать русскую армію и заставить ее очистить государства вашего величества». Онъ умоляетъ Франца отстать отъ русскихъ, которые приводятъ въ отчаяніе его народы. «Пусть русскіе перестанутъ высылать новыя войска, пусть они удалятся изъ Австріи, и я не пойду дальше Брюнна», а не то: «Останется только ввѣриться вполнѣ ходу событій и велѣніемъ судьбы, назначившихъ неотвратимый ходъ каждой вещи».

Союзники по тѣмъ же мотивамъ вели ту же игру, но тяжело и съ сомнѣніями, ихъ генеральные штабы обсуждали планы и ссорились. Русскіе относились съ презрѣніемъ къ сложнымъ выдумкамъ и мѣшкотности *Hofkriegsrath'a*, а Австрійцы, ничего не понимавшіе въ подбитомъ коварствомъ фатализмѣ Кутузова, — къ смѣлой отвагѣ русскихъ. 19-го ноября Александръ пишетъ Фридриху Вильгельму изъ Ольмюца: «Наше положеніе болѣе чѣмъ критическое: мы совершенно одни противъ французовъ, которые слѣдуютъ по пятамъ за нами... Австрійская армія не существуетъ... Графъ Гаугвицъ еще не пріѣхалъ, и кажется, что Бонапартъ хочетъ довести насъ до крайности прежде своего свиданія съ нимъ... Ввѣряюсь вамъ, государь и другъ. Если ваши арміи выступятъ, то положеніе совершенно измѣнится, и я буду въ состояніи снова начать наступленіе»... 20-го онъ пишетъ: «мы не можемъ почитаться недостойными, государь, имѣть союзникомъ» монарха, обладающаго такой славной арміей, какова ваша»...

Францъ II и Кобенцль въ сущности были далеко не прочь возобновить игру, которую Австрія вела во времена Кампо-Форміо, и не вступая въ сраженіе, оторвать нѣсколько кусочковъ отъ Италіи. Дипломатъ Стадіонъ и генералъ Гулай были въ этихъ видахъ посланы въ Брюннъ съ надлежащими полномочіями. Тѣмъ не менѣе, имъ было приказано условиться съ Гаугвицемъ, и переговоры должны были завязаться при посредничествѣ Пруссіи. Наполеонъ предпочелъ бы прямое посредничество, которое возбудило бы въ русскихъ недоувѣріе и послужило бы къ замедленію концентрации; но онъ поймалъ австрійцевъ на словѣ, и, такъ какъ они пожелали переговорить съ Гаугвицемъ, то онъ съ своей стороны, постарался замедлить пріѣздъ этого прусскаго посланника. Онъ заговорилъ о предварительномъ перемиріи и отослалъ обоихъ австрійцевъ въ Вѣну поговорить объ этомъ съ Талейраномъ, котораго онъ вызвалъ туда.

Талейранъ пріѣхалъ въ Вѣну 17 ноября послѣ путешествія довольно безпокойнаго, не ладившаго съ его привычками и лишеннаго всякихъ обычныхъ для дипломатовъ удобствъ. «Необходимо, чтобы ваше величество приказали принять нѣкоторыя мѣры относительно безопасности дорогъ... Въ одной миле отъ Страсбурга въ меня стрѣляли» ⁸⁾... 20-го онъ принималъ обоихъ австрійцевъ. Стадіонъ, человѣкъ медлительный, мнительный, неповоротливый, «олицетворенная австрійская спесь въ ея пышномъ распѣтѣ» ⁹⁾, говорилъ въ духѣ совершенно академическомъ о перемиріи, котораго, повидимому, желалъ Наполеонъ и о полномъ замиреніи, которое Пруссія желала бы устроить между воюющими сторонами. «Такъ какъ Пруссія, сказалъ онъ, не принимаетъ участіе въ войнѣ, то по этой причинѣ только она одна и можетъ привести къ согласію интересы всѣхъ». — «Нѣтъ сомнѣнія, возразилъ Талейранъ, что миръ долженъ согласовать интересы договаривающихся сторонъ, но для такого согласованія не слѣдуетъ усложнять то, что всегда выигрываетъ, оставаясь простымъ». Стадіонъ по поводу этого намека заявилъ съ нѣкоторой аффектаціей, что дѣла Австріи въ настоящее время улучшились. «Судя по тому, замѣтилъ Талейранъ, что австрійскій посланникъ умоляетъ о помощи посланника прусскаго, это улучшеніе должно быть совсѣмъ особаго рода!» Обсужденіе отложено на завтра, когда оно поведется по всемъ правиламъ. Талейранъ получилъ съ курьеромъ извѣстіе отъ Лафорэ о прибытіи въ Берлинъ лорда Гарроуби, но Лафорэ не вѣрилъ, въ соглашеніе короля прусскаго съ союзниками. Наконецъ, Гаугвицъ былъ уже на пути въ Вѣну, и Талейранъ запросилъ императора, что ему дѣлать съ нимъ: удержать ли его въ Вѣнѣ, или отослать въ Брюннъ?

⁸⁾ Талейранъ Наполеону, 17 и 20 ноября 1805. BERTRAND.

⁹⁾ JOSEPH DE MAISTRE, *Mémoires et correspondance*, p. 83.

Наполеонъ отвѣчалъ, 22-го: «Заведите съ нимъ переговоры и постарайтесь узнать, чего онъ хочетъ», въ особенности постарайтесь разслѣдовать, не было ли что нибудь подписано 3-го ноября, какъ о томъ носятъ слухи, какое-нибудь «соглашеніе во всемъ подобное соглашенію о раздѣлѣ Польши; но Франція не Польша!» Однако, «если три державы, раздѣлившія Польшу, вооружатся противъ меня, то что я могу тутъ сдѣлать? Чѣмъ я могу быть обезпеченъ, что первая моя уступка не обяжетъ меня на вторую?» Договоръ, существованіе котораго онъ подозрѣвалъ, имѣлъ именно предметомъ вырвать у него эту «первую уступку» и обязать его затѣмъ на всѣ прочія вплоть до той самой, которая требуетъ возвращенія къ прежнимъ границамъ и отреченія. На другой день Наполеонъ, по поводу незначительныхъ по содержанию писемъ, которыми онъ обмѣнивался съ Францемъ II, говоритъ: «Кобенцль, диктующій ихъ, думалъ меня одурачить, но это ему не удалось. Кажется, что они все еще продолжаютъ обниматься другъ съ другомъ. Парки придутъ нити жизни людей; судьба опредѣляетъ сроки существованія государствъ. Слѣпой рокъ увлекаетъ австрійскій домъ». И, въ виду предстоящихъ договоровъ и военныхъ контрибуцій, онъ предписываетъ Талейрану составить отчетъ о банковской системѣ и состояніи финансовой Австріи.

Стадіонъ и Гюлаи, вмѣсто того, чтобы, по приглашенію Талейрана, открыть протокольные засѣданія въ Вѣнѣ, возвратились въ Ольмюцъ для полученія приказаній своего повелителя ¹⁰⁾. Они получили ихъ 23 ноября, 24 заявили въ Брюннъ, а 25-го Наполеонъ позвалъ къ себѣ Гюлая. Принявъ его во второй разъ вмѣстѣ съ Стадіономъ онъ объявилъ слѣдующія свои условія: уступка Венеціи Франціи, Зальцбурга—Баваріи, независимость Тироля. Въ разговорѣ съ Гюлаемъ онъ далъ понять, что Австрія могла бы въ видѣ вознагражденія получить кое что въ Германіи, но ровно ничего въ Италіи: «Это моя любовница, съ которой я хочу спать одинъ!» Онъ велъ съ ними бесѣду въ тонѣ солдатскаго балагурства, но когда одинъ изъ собесѣдниковъ упомянулъ о Пруссіи, Наполеонъ нахмурился: «Если она хочетъ войны, то у меня есть довольно войска, чтобы помѣряться съ нею»... Затѣмъ онъ отослалъ ихъ къ Талейрану ¹¹⁾: «Я непремѣнно хочу имѣть Венецію и соединить ее съ итальянскимъ королевствомъ». Между тѣмъ его извѣстили, что Гаугвицъ явился на аванпосты; Наполеонъ приказалъ задержать его въ Иглау, а на другой день отправить въ Брюннъ; въ Брюннѣ Гаугвицъ былъ бы 27-го и та-

¹⁰⁾ Веер, р. 191—194.

¹¹⁾ Наполеонъ Талейрану, 25 и 26 Ноября 1805.—Скажите г. Стадіону, что они не одурачили меня своими хитростями, что потому-то я ихъ и отослалъ въ Брюннъ. „Они были слишкомъ любопытны. Талейрану, 3 Дек. 1805.

кимъ образомъ не могъ встрѣтиться съ австрійцами, уѣзжавшими отсюда 26-го. Наполеонъ хотѣлъ самъ пощупать и допросить его; между тѣмъ какъ Талейранъ тянулъ бы тѣмъ временемъ свои протоколы вмѣстѣ съ Стадіономъ и Гюлаемъ.

Наконецъ въ тотъ же самый день, 25-го, онъ послалъ Савари съ письмомъ къ Александру, гдѣ говорилось: «Я поручаю ему выразить вашему величеству все мое уваженіе къ вашей особѣ и желаніе имѣть случай доказать ей какъ пламенно желаю я ея дружбы... Да видитъ она во мнѣ челоуѣка всего болѣе желающаго быть ей пріятнымъ» ¹²⁾. На этомъ заявленіи Чарторыжскій и основывалъ нѣкоторое время свои расчеты. Способъ, которымъ Наполеонъ заявилъ бы свое желаніе быть пріятнымъ, заключался бы, конечно, въ намекъ на раздѣлъ Турціи. Если бы Александръ поддался на эту приманку и вступилъ бы въ переговоры, Наполеонъ повелъ бы ихъ со всевозможной поспѣшностью, и въ то же время, изолировавъ такимъ образомъ Австрію, онъ заставилъ бы ее капитулировать, а затѣмъ имѣя дѣло съ одной только Пруссіей, онъ уже могъ бы или закупить, или разрушить ее, вычеркнуть ее изъ числа государствъ, или подчинить ее себѣ. Если бы ему все это удалось, онъ избѣжалъ бы двухъ лѣтъ войны, такъ какъ задуманный имъ въ то время планъ былъ тотъ же самый, который онъ осуществилъ въ іюлѣ 1807 года.

Гаугвицъ ѣхалъ съ нарочитою медленностью; но между тѣмъ какъ онъ задерживался на станціяхъ, подолгу отдыхалъ и избѣгалъ нежелательныхъ встрѣчъ, его король терзался болѣе чѣмъ когда-либо своими сомнѣніями и, путаясь въ противорѣчащихъ другъ другу мѣропріятіяхъ, топтался на мѣстѣ. Ему нуженъ престижъ и Ганноверъ, особенно Ганноверъ, вотъ что надо имѣть постоянно въ виду, чтобы разобраться въ этой ускользающей политикѣ. Даже въ своемъ посредничествѣ король видѣлъ лишь доведенный до крайности нейтралитетъ, достигнуть котораго онъ не терялъ надежды. За то желанное имъ «округленіе» исчезало. Въ августѣ оно могло осуществиться по одному слову Наполеона, но теперь союзники тянули его къ себѣ. Лордъ Гарроуби, пріѣхавшій въ Берлинъ ¹³⁾, никакъ не соглашался на обмѣнъ Ганновера на Остѣ-Фрисландію и Брауншвейгъ. Онъ завелъ пререканіе о субсидіяхъ и торговался по этому предмету съ осторожною медлительностью мнительнаго и жаждущаго гарантій заимодавца. Гарденбергъ, переставляя вопросъ и роли, въ свою очередь требовалъ залоговъ. Англія, отвѣчалъ Гарроуби, охотно согла-

¹²⁾ Александру, 25 ноября 1805.

¹³⁾ Около 15 ноября. *Mémoires de Hardenberg*, Ranke, t. 11, p. 343, 352 et suiv.; t. V, p. 198 et suiv.—Донесеніе Меттерниха, 20 ноября 1805.

шается на увеличение Пруссии и даже с удовольствием увидела бы ее утвердившеюся в Голландии, в особенности, если бы война позволила ей присоединить к Голландии и несколько бельгийских крепостей. Голландия в соединении с Вестфалией образовала бы государство настолько сильное, что Пруссии уже не захотъ было бы желать Ганновера. Гарденбергу, хранившему в глубинѣ души нѣкоторыя тенденціи ганноверскаго партикуляризма, это предложеніе настолько понравилось, что онъ попытался было убѣдить въ его выгодахъ короля, но король отказался признать ихъ. «Великій Фридрихъ, сказалъ онъ, держался принципа, что Пруссія не должна стремиться стать морскою державой. Гарденбергъ замышлялъ ему, что въ виду того, что королю предлагаютъ государство, имѣющее моряковъ, морскіе порты, флотъ и колоніи, рѣчь уже идетъ не о томъ, чтобы *стремиться*, а о томъ, чтобы *быть*; но, благоразумно прибавилъ онъ, такъ какъ всякія пререканія по этому предмету напоминаютъ споры о шкурѣ еще неубитаго медвѣдя, то всего лучше не предаваться имъ. Такого рода разговоры не могли способствовать ускоренію движенія войскъ. На настоятельныя понуканія Александра Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ: «Раздѣляя съ вашимъ императорскимъ величествомъ заботы о положеніи дѣлъ, я радуюсь вмѣстѣ съ вами славнымъ подвигамъ вашихъ войскъ и съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю первыхъ извѣстій»... Онъ особенно *ожидалъ* результата переговоровъ Гаугвица, и подбодрилъ себя прибавленіемъ слѣдующей фразы: «Это соглашеніе, однако, нисколько не парализуетъ (движенія войскъ) и, въ случаѣ непредвидѣннаго несчастія, не помѣшаетъ мнѣ открыть вашимъ войскамъ Силезію, куда я посылаю подкрѣпленія»¹⁴⁾.

Это прусское *ожиданіе* было на руку Наполеону, Гаугвицъ явился къ нему взволнованный разнообразными опасеніями, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ того, что онъ видѣлъ и наблюдалъ на своемъ пути¹⁵⁾: Выѣзжая изъ Праги, онъ встрѣтился съ Новосильцевымъ, который говорилъ ему о путешествіи Стадіона въ Брюннъ и о возможности соглашенія австрійцевъ съ Наполеономъ. Въ Иглау баварскій генералъ задержалъ его на 48 часовъ подъ предлогомъ скорого пріѣзда Наполеона. Наконецъ, 28-го онъ прибылъ въ Брюннъ и Гаугвицъ получилъ приглашеніе немедленно явиться къ императору. Было это въ три часа пополудни.

Гаугвицъ предсталъ предъ Наполеономъ почтительный, стѣсненный, жеманный, вслѣдствіе усилій придать себѣ видъ достоинства и смущенный въ своемъ тщеславіи самою честью быть представителемъ столь великихъ

¹⁴⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ Александру, 27 ноября 1805.

¹⁵⁾ Рапортъ Гаугвица касательно даннаго ему порученія 2 дек. 1805. Ranke, t. V, стр. 190.— Cf Ranke, t. I, p. 544 et suiv.

интересовъ—интересовъ цѣлой Европы—передъ такимъ великимъ человекомъ—побѣдителемъ континента! Наполеонъ былъ съ нимъ холоденъ, какъ ледъ, и далъ ему высказаться. Переносъ свое смущеніе на свою дипломатію, Гаугвицъ убѣждалъ себя, что какимъ-нибудь однимъ неосторожнымъ словомъ, которое обличало бы съ его стороны желаніе подъ предлогомъ посредничества навязать Наполеону условленныя съ его не-пріятелями статьи, онъ можетъ побудить императора поспѣшить заключить миръ съ Австріей и обратить всѣ свои силы противъ Пруссіи. Поэтому онъ считъ благоразумнымъ сдерживать первые порывы своего недовольства и представить Наполеону въ самомъ подслащенномъ видѣ идею посредничества, которое привело бы ко всеобщей гарантіи, но на счетъ котораго онъ по весьма уважительнымъ причинамъ входитъ въ разъясненіе не можетъ.

Наполеонъ выказалъ согласіе на посредничество, но поставилъ предварительнымъ условіемъ, чтобы «въ теченіе переговоровъ не было дозволено никакимъ войскамъ, будь они русскія, ганноверскія или шведскія, переступать предѣлы Голландіи и вносить туда войну». Гаугвицъ нашелъ это требованіе «вполнѣ справедливымъ». Наполеонъ поступилъ бы не лучше, и въ томъ случаѣ, если бы ему уже были извѣстны разговоры Гарроуби и Гарденберга. Онъ полагалъ этимъ конецъ замысламъ англичанъ. Чтобы избавить Гаугвица отъ неудобствъ пребыванія въ главной квартирѣ наканунѣ сраженія, онъ отослалъ его въ Вѣну, совѣщаться съ Талейраномъ и писать этому министру: «Гаугвицъ вложилъ не мало изворотливости въ свои рѣчи, скажу даже—много таланта... Тѣмъ не менѣе, я остался при мысли... что въ Пруссіи еще не приняли никакого рѣшенія»... Онъ угадалъ также и враждебное намѣреніе, и обходное движеніе, на случай его пораженія.

Послѣ отъѣзда Гаугвица, Наполеонъ получилъ отвѣтъ Александра. Савари представился царю 27-го. Онъ былъ принятъ вѣжливо, но холодно. Царю, возстановителю права монарховъ, было кстати вспомнить, при этомъ свиданіи, роль судьбы, которую Савари игралъ въ Венсенскомъ дѣлѣ, и въ то же время забыть, что корпусомъ союзнаго войска, идущаго метить за права королей, командовалъ Беннигсенъ. Онъ передалъ наполеоновскому адъютанту собственноручную записку съ незначительнымъ содержаніемъ, но весьма не лишеннымъ значенія адресомъ: Она была адресована не государю, не величеству и еще менѣе *брату*, а «главѣ французскаго правительства» и заключалась словами: «съ моимъ высокимъ уваженіемъ», между тѣмъ какъ Наполеонъ завершилъ свое письмо полнымъ изображеніемъ торжественной формулы: «за симъ, умоляя Господа» и т. д... Въ моментъ отъѣзда Савари, Новосильцевъ предложилъ ему сопутствовать,

для исполненія даннаго ему дипломатическаго порученія. Это порученіе требовало, чтобы онъ вошелъ въ сношеніе съ Гаугвицемъ. Савари, свѣдущій въ своемъ ремеслѣ, отказался облегчить ему эту «рекогносцировку». Александръ, столь мнительный прежде, теперь находился подъ вліяніемъ окружавшей его молодежи, которая увлекала его къ наступленію. Бонапартъ, казалось, былъ въ безвыходномъ положеніи. Царь горѣлъ желаніемъ получить огненное крещеніе и дать корсиканцу свой первый пробный урокъ по суворовскому образцу. Онъ писалъ прусскому королю ¹⁶⁾: «Правое дѣло будетъ обязано своимъ спасеніемъ вашему величеству; но осмѣливаюсь еще разъ повторить вашему величеству, что время дорого, и что вѣдѣствіе рискованнаго положенія, въ которомъ находится теперь Бонапартъ, войну, можетъ быть, можно было бы покончить однимъ ударомъ».

Савари передалъ Наполеону свое впечатлѣніе, что Александромъ и его арміями руководятъ «десятка три вертопраховъ» и что «какъ прежде въ дѣлахъ царской политики, такъ теперь въ его военномъ дѣлѣ господствуетъ все то же высокомеріе, безразсудство и легкомысліе». Они считали себя непобѣдимыми и хвастались своимъ численнымъ преобладаніемъ. Въ интересахъ Наполеона было дать немедленно сраженіе, и онъ готовился къ этому. Полагая, что русскіе будутъ стараться отрѣзать его отъ Вѣны, онъ началъ отступать въ расчетѣ увлечь ихъ за собою въ желанное для него направленіе, и заставить ихъ растянуть свои ряды, съ тѣмъ, чтобы въ подходящій моментъ порвать ихъ ¹⁷⁾. Получивъ извѣстіе отъ одного дезертира, что они идутъ въ разставленные имъ сѣти, онъ начерталъ свой «порядокъ боя» и послалъ Даву и Бернадоту приказъ воспользоваться соединить свои силы. «Маршалъ Бернадотъ предупредитъ свою армію, что за Брюнномъ будетъ дано сраженіе, завтра или послѣзавтра онъ поведетъ свою артиллерію въ битву, захвативъ съ собою сколько окажется возможнымъ хлѣба» ¹⁸⁾.

Желая утвердить русскихъ въ ихъ иллюзіяхъ и также наблюдать за ними на близкомъ разстояніи, Наполеонъ снова послалъ къ царю Савари съ предложеніемъ личнаго свиданія на 30 ноября, при чемъ Савари долженъ былъ, между прочимъ, отдать себѣ отчетъ о движеніяхъ войскъ и постараться вывѣдать у дипломатовъ то, что таилось въ портфеляхъ Новосильцева по части переговоровъ. Александръ отклонилъ свиданіе, но въ отвѣтъ на посылку Савари, онъ послалъ къ Наполеону одного изъ

¹⁶⁾ 28 ноября 1805.

¹⁷⁾ Roussel, *l'Art de Napoléon*.

¹⁸⁾ Къ Даву и Бернадоту, 28 ноября 1805.—*Ci. Séguir, Mémoires*, t. II, p. 448.

своихъ адъютантовъ князя Долгорукаго ¹⁹⁾. Долгорукій былъ какъ разъ одинъ изъ тѣхъ «юныхъ вертопраховъ», которые кружили голову Александра своими фанфарадами. 30-го ноября, Наполеонъ, узнавъ о его прибытіи, выѣхалъ встрѣтить его на аванъ-посты, чтобы такимъ образомъ избѣжать разговора имѣющаго, офиціальнаго характера, держать русскихъ на разстояніи отъ своей арміи и придать свиданію видъ случайной встрѣчи. Долгорукій, завидѣвъ его, сошелъ съ лошади; императоръ сѣлалъ то же. Разговоръ произошелъ на дорогѣ и продолжался съ четверть часа. Высокомѣріе и хвастливость Долгорукаго поразили свидѣтелей этой сцены. Подражая своему повелителю, онъ видимо избѣгаетъ титуловать Наполеона.—«Чего хотятъ отъ меня? спросилъ императоръ.—Зачѣмъ императоръ Александръ ведетъ со мною войну? Чего ему надо? Пусть онъ распространяетъ границы Россіи насчетъ своихъ сосѣдей, особенно турокъ, и его размолвка съ Франціей прекратится сама собою». Русский разсыпался въ завѣреніяхъ о безкорыстіи своего повелителя, который поднялъ оружіе единственно за независимость Европы, за Голландію, за сардинскаго короля.—«Россія, возразилъ Наполеонъ, должна слѣдовать совсѣмъ другой политикѣ и заниматься только своими собственными интересами». Потомъ онъ забросалъ его вопросами объ условіяхъ, которыя Новосильцевъ долженъ былъ ему предложить, а союзники хотѣли навязать ему войной. Преисполненный хвастливой увѣренности въ несокрушимость русскихъ силъ и высокимъ достоинствѣмъ политики своего повелителя, Долгорукій не стѣснялся открыть, что условія эти были: соединеніе Голландіи съ Бельгіей подъ властью прусскаго или англійскаго государя, передача желѣзной короны королю Сардиніи и оставленіе французами Италіи и лѣваго берега Рейна.—«Какъ, воскликнулъ Наполеонъ, вы и Брюсселя требуете! Мы съ вами теперь въ Моравіи, но будь вы даже на высотахъ Монмартра, то и тогда вы не получите Брюсселя!» Наконецъ, Долгорукій заявилъ, что Наполеону будетъ предоставлена возможность удалиться въ полной безопасности за Дунай, если онъ дастъ обѣщаніе очистить Вѣну и наслѣдственные области Австріи.—«Если такъ, то мы будемъ сражаться!» отвѣчалъ Наполеонъ и отпустилъ своего собесѣдника.

Наполеонъ все подстроилъ такъ, чтобы Долгорукій вынесъ изъ этого свиданія впечатлѣніе «о сдержанности и робости» предводителя арміи, «находящейся наканунѣ своей гибели».—«Этотъ юный глашатай Англіи, этотъ проказникъ, сказалъ Наполеонъ, принялъ мою чрезвычайную умѣ-

¹⁹⁾ Татищевъ, согласно донесенію Долгорукаго.—Татищевъ, t. III p. 445.—Séguir, t. II, p. 447.—Наполеонъ Талейрану, 30 ноября 1805.—XXX. Бюллетень, 3 дек.; Талейрану 4 дек.; курфюрсту Вюртембергскому, 5 дек. 1805.

ренность за признакъ великаго страха, чего я и добивался»... Онъ написалъ Талейрану смягчить свои отношенія къ австрійцамъ: «Я желаю скораго мира. Я не прочь дать Венецію зальцбургскому курфюрсту, а Зальцбургъ австрійскому дому. Я возьму для присоединенія къ итальянскому королевству всю Верону, весь Ланьяго съ 5000 туазовъ въ окружности и фортъ Кьюза... Намъ останется Парма, Пьяченца и Генуя... Баварское курфюршество будетъ обращено въ королевство, получить Аугсбургъ и Эйхштадтъ, Ортену, Бризгау, *имперское дворянство; а остальное достанется другимъ курфюрстамъ*»²⁰). Здѣсь, въ двухъ строкахъ, заключался конецъ поземельной революціи въ Германіи, предусмотрѣнное и рѣшенное завершеніе ея секуляризаціи. «Изъ моей переписки съ Александромъ, прибавляетъ Наполеонъ, я вижу одно: что это честный и достойный человѣкъ, которымъ руководятъ окружающіе его лица, продавшіе себя англичанамъ... Вы остолбенѣете отъ изумленія, узнавъ, что Новосильцевъ задумываетъ присоединить Бельгію къ Голландіи»... Затѣмъ онъ завершилъ свои диспозиціи, ускорилъ отступление и пошелъ за своими войсками пѣшкомъ съ очевидной торопливостью. Все это ввело солдатъ въ заблужденіе. «Дѣло начинается плохо, говорилъ Сегюру одинъ гренадеръ. Вотъ вы увидите, что значить отступать». Но отступление продолжалось не долго; какъ разъ столько, сколько нужно, чтобы дать время подальше войти въ западную русскимъ, одуроченнымъ на самомъ дѣлѣ не столько Наполеономъ, сколько своимъ собственнымъ высокомеріемъ.

Они были увѣрены, что императоръ робѣетъ передъ воспоминаніемъ о Нови и суворовскихъ натискахъ. Да и что такое этотъ императоръ? Маленькій, неважный человѣкъ, превратившійся изъ лохматой коренканской куклы 1796-го года въ выскочку, напыщеннаго незаслуженной имъ славой, глубоко смущеннаго отказомъ Александра именовать его *государемъ*, нежеланіемъ Долгорукова давать ему титулъ императорскаго величества и, наконецъ, трепещущаго передъ угрожающимъ ему позоромъ²¹).

²⁰) Талейрану, 30 ноября 1805.

²¹) У Толстого (часть 3, глава XI) читаемъ: «Да, я видѣлъ его, сказалъ Долгорукій, и убѣдился, что онъ боится генеральнаго сраженія больше всего на свѣтѣ. Если бы онъ не боялся, то для чего бы ему было требовать этого свиданія, вести переговоры, а главное отступать, тогда какъ отступление противно всѣмъ методамъ войны? Повѣрьте мнѣ, онъ боится, боится генеральнаго сраженія, его часъ насталъ. Это я вамъ говорю. Онъ человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, очень желавшій, чтобы я ему говорилъ *Ваше Величество*, но къ огорченію своему, не получившій отъ меня никакого титула. Вотъ это какой человѣкъ, и больше ничего!»

Напрасно Чарторыжскій, хорошо освѣдомленный своими корреспондентами о состояніи французскихъ дѣлъ, совѣтовалъ лавировать передъ непріятелемъ, утомлять его, изводить его голодомъ, стараться поднять духъ Австріи и выждать пруссаковъ; напрасно онъ указывалъ на «паденіе публичнаго кредита во Франціи, на усиливающееся недовольство и утомленіе французской арміи». Эрцгерцогъ Карлъ приближался, пруссаки не замедляли: «Еще дней восемь и, быть можетъ, конецъ Наполеону»²²). Ничто не могло поколебать высокомерія русскихъ и самонадѣянности австрійцевъ; великій стратегъ послѣднихъ—Вейротеръ—взялся отмстить за Ульмъ, обративъ противъ Наполеона маневръ, погубившій Мака! Русскіе брались все сломить и опрокинуть. Одинъ только Кутузовъ проповѣдывалъ терпѣніе; но этотъ мистикъ былъ очень гибкимъ куртизаномъ: ограничившись подачей своего мнѣнія, онъ затѣмъ возложилъ упованіе на Бога и царя, а царь не смогъ устоять передъ увлеченіемъ славой великаго сраженія, выиграннаго имъ, и приказалъ наступленіе. Русская армія стала развертываться съ цѣлью обойти Наполеона. Видя, какъ она начинаетъ свое фланговое движеніе, «руководимая невѣроятнымъ высокомеріемъ и невѣжествомъ своихъ предводителей»: «завтра ранѣ вечера эта армія будетъ въ моихъ рукахъ», сказалъ императоръ, и подписалъ свои послѣдніе приказы маршаламъ.

Тѣмъ-же самымъ днемъ, 1-го декабря въ Вѣнѣ, Талейранъ предложилъ Стадіону и Гиулаю проектъ договора, составленный согласно инструкціямъ Наполеона отъ 30 ноября²³). Но австрійцы поджидали Гаугвица. Послѣдній пріѣхалъ въ тотъ же день и три часа совѣщался съ Талейраномъ; онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, вѣжливъ до того, что постоянно носилъ орденъ Почетнаго легіона; завѣрялъ въ своей личной преданности къ французской системѣ и въ своемъ уваженіи къ его величеству императору Наполеону «за исключеніемъ, однако, его отношенія къ союзнымъ съ Франціей тремъ курфюрстамъ, такъ какъ это, сказалъ онъ, «разстраиваетъ всю германскую систему» и былъ болѣе, чѣмъ остороженъ касательно соглашенія между его повелителемъ и союзниками. «То, что невѣрно назвали соглашеніемъ 3 ноября, сказалъ онъ, не болѣе какъ простая декларация, съ предложеніемъ услугъ и посредничества, но безо всякой враждебности и угрозъ противъ кого бы то ни было». Талейранъ повѣрилъ ему²⁴). «Я доволенъ г. Гаугвицемъ, дого-

²²) *Mémoires*, t. II, p. 147. Письмо Александру, апрѣль 1806, ретроспектъ.

²³) Талейранъ Наполеону, 1 и 2 декабря 1805. Вейтрахъ.—Талейранъ Готериву, 1 декабря. *Valley*, t. II, p. 610.

²⁴) Лафоре съ 23 сент. уже не вѣрилъ этому; но свѣдѣнія отъ него еще не были получены.

вора 3 го ноября не было», извѣстилъ онъ своего довѣреннаго Готерива. Къ тому же Гаугвицъ нисколько не снѣшилъ. «Онъ повидимому, прѣхалъ болѣе съ цѣлью выжидать событія, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ видахъ»...—«Если вы будете имѣть надобность во мнѣ, сказалъ онъ Талейрану, разставаясь съ нимъ, для сношеній съ вѣнскимъ дворомъ, то я всегда готовъ служить вамъ».

Наполеонъ не отдѣлилъ Россіи отъ Австріи, а Пруссію задержалъ всего на нѣсколько дней. «Съ каждымъ днемъ, говоритъ одинъ свидѣтель, увеличивалась опасность нашего изолированнаго и удаленнаго положенія». У Наполеона 80,000 чел.; непріятель противопоставляетъ ему 90,000. Эрцгерцогъ Фердинандъ съ 20,000 австрійцевъ идутъ изъ Богеміи въ тылъ ему; къ половинѣ декабря подъ Вѣной у эрцгерцога Карла будетъ 80,000 чел.; къ этому же времени будутъ готовы пруссаки: они, вмѣстѣ съ саксонцами и гессенцами выставятъ 240,000 чел., и главное ядро этой арміи, подвигаясь изъ Франконіи къ Игольштадту и зайдя французамъ въ тылъ, загородитъ имъ дорогу къ Дунаю. Отсрочить сраженіе для Наполеона все равно, что проиграть его; а проигранное сраженіе быстро обратится въ бѣгство и приведетъ къ полному разрушенію, къ чему-то въ родѣ континентальнаго Трафальгара. «Никогда еще не было положенія болѣе критическаго, чѣмъ положеніе Наполеона», пишетъ Меттернихъ.—«Вмѣсто того, чтобы предписывать законы непріятелямъ, говорить Талейранъ, Наполеонъ долженъ бы былъ самъ подчиниться ихъ требованіямъ»²⁵⁾.

VIII.

Война во Франціи непопулярна. Тревога и недовольство сказываются въ Парижѣ. Съ отъѣздомъ императора произошелъ финансовый кризисъ, подобнаго которому не было со временъ брюмера, и отъ котораго считали себя избавленными навсегда. Съ банковыми билетами случилась паника, и въ перспективѣ видѣлся призракъ ассигнаціи. Золото и серебро исчезли изъ обращенія. Французскій банкъ сократилъ операціи предъявляемыхъ къ размѣну билетовъ¹⁾. Въ Марсели, при открытіи тамошнимъ префектомъ Тибодо бюста императора въ задѣ театра, публика кричала: «*долой бюстъ! долой императора!*»! Администрація суетится, смущена, оказывается безсильной. Министръ юстиціи Фуше, пользуясь

²⁵⁾ Меттернихъ, т. I, стр. 47; т. II, стр. 93.—Талейранъ, т. I, стр. 297.—Ср. Огскен, т. II, стр. 99.

¹⁾ Мют, т. II, гл. IX.—Донесенія Луккезини, сентябрь—ноябрь 1805.—Madelin, *Fouché*, гл. XVI.—Thiers, т. VI, стр. 24 и слѣд. Ср. у Трачевскаго, т. III, донесенія русскаго агента Вернега, стр. 161 и слѣд.

беспорядками, создать для себя нѣчто въ родѣ диктатуры общественнаго спасенія и усиливаетъ мучительную тревогу общества своими неумѣстными воззваніями къ этому зловѣщему призраку прошлаго. Снова возникаютъ слухи о военныхъ возстаніяхъ, о соперничествахъ, о заговорахъ даже между маршалами; указываютъ на Бернадота, будто бы готоваго замѣнить Моро, потомъ на Массену, который, говорятъ, ненавидитъ императора.

Роялисты, устранимые венсенскою казнью, набираются смѣлости²⁾. Заговорщики запада разсчитываютъ, въ виду пораженія, на счастливый случай хорошо направленной пули. Въ случаѣ новыхъ рекрутскихъ наборовъ предвидятъ крестьянскія возстанія въ Вандѣ и Бельгін. Дюмурсе, почуявъ революцію, готовится къ высадкѣ. Войска для противодѣйствія народнымъ волненіямъ нѣтъ: немного, что отъ него осталось, едва хватаетъ на защиту береговъ отъ англичанъ. Роялистскіе агенты стараются завязать сношеніе съ командующими отрядами, дѣйствуя на нихъ все еще дорогимъ имъ именемъ Моро. Они всюду разносятъ хорошія слова короля, слова лживыя и пустыя, въ родѣ того, что: «гдѣ будетъ король Франціи, тамъ будетъ и граница Франціи... мое присутствіе обезпечитъ успѣхъ»... графъ д'Артуа заявляетъ, что братъ его, безъ сомнѣнія, сохранить за Франціей всѣ ея завоеванія, какъ только будетъ возвращена корона.

Среди этихъ волненій появился манифестъ союзниковъ, составленный согласно духу договора 11-го апрѣля, манифестъ лживый и коварный, но чрезвычайно удачно сообразованный съ французскими иллюзіями. «Главнѣе всего, пишетъ Жозефъ де Местръ, надо убѣдить французовъ въ томъ, что враждуютъ лишь съ однимъ Бонапартомъ... Слѣдуетъ непременно заявить о неприкосновенности люневильскихъ границъ»³⁾. Въ одной изъ явныхъ статей потедамской деклараціи говорится, что: «Все, что Австрія согласилась предоставить въ собственность Франціи по Люневильскому трактату или другимъ соглашеніямъ, *можетъ* остаться за нею». А манифестъ гласитъ: «Союзники берутся за оружіе только для того, чтобы воспротивиться захватамъ Бонапарта въ Италіи и возстановить порядокъ вещей, установленный трактатами, которые нарушены Бонапартомъ. Франція войдетъ въ свои природныя границы, которыми будутъ: лѣвый берегъ Рейна, Альпы, Средиземное море, Пиринеи

²⁾ Въ Нантъ былъ громкій процессъ: 19 обвиненныхъ, пять приговоренныхъ къ смерти.—Guillevin, стр. 162.—Ernest Daudet, *la Police et les chouans*, стр. 159 и слѣд.—О состояніи общественнаго мнѣнія: канцлеръ Pasquier, *Mémoires*, т. I, стр. 225 и слѣд.

³⁾ Королю Сардиніи, 10 іюня 1805.

и океанъ. Она не должна будетъ содержать ни одного солдата за Рейномъ, въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи». Парижъ, въ своемъ нетерпѣніи покончить со всей этой сумятицей, не постоитъ за Швейцарію, Голландію, Пьемонтъ, ни даже за Италію. Онъ читаетъ слова—*природныя границы, лѣвый берегъ Рейна*, и не спрашиваетъ себя, какал тутъ нмѣется въ виду *природа*—германскаго союза или конвента; входятъ ли въ эту природу Шельда, Маасъ, Мозель, и о какомъ Рейнѣ говорится, о томъ ли, который служить границей Эльзасу, или о томъ, который обнимаетъ Тревъ, Майнцъ, Кобленцъ, Кельнъ, Аахенъ, Бельгію, Люксембургъ и часть Голландіи: идетъ ли рѣчь о Рейнѣ 1648 г., или о Рейнѣ года III-го ⁴⁾. Онъ, въ простотѣ души, принимаетъ это слово въ обычномъ для него смыслѣ, вообразивъ себѣ, что союзники, произносящіе его по-французски, по-французски же его и разумѣютъ, т. е. отъ Базеля до устья. И вотъ такъ до самаго 1813 г. во Франкфуртѣ и до 1814 г. въ Лангрѣ, союзники будутъ пользоваться этой двусмысленностью, играть ею на своихъ августѣйшихъ парадахъ, чтобы провести французовъ. При всей своей классической простотѣ ихъ хитроумная выдумка произвела желаемыя послѣдствія. Эти деклараціи ⁵⁾, по словамъ Міо, друга Іосифа Бонапарта, человека очень на виду у людей мира и умѣренности, «должны были привлечь къ коалиціи тѣ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ умовъ, которые не чувствовали никакой необходимости въ веденіи войны изъ за гигантскихъ проектовъ увеличенія государства, даже успѣхъ которыхъ подвергалъ въ будущемъ опасности существованіе націи». Люди стремятся согласовать свои частныя интересы, «дѣла», съ честью и славою Франціи. Начинаютъ находить императора опаснымъ для имперіи. Все, созданное его гениемъ, будетъ испорчено его честолюбіемъ. Самая смерть его была бы теперь, какъ во времена Маренго, простой государственной катастрофой, новымъ трауромъ, и только. Что же до порядка, то онъ возродился бы самъ собою со всеми своими гарантіями. Эти политики предусматриваютъ пораженіе французскаго войска съ легкимъ сердцемъ. Пораженъ былъ бы одинъ императоръ, Франція же возродилась бы сама собою, и это пораженіе императора было бы одной изъ побѣдъ Республики. Своимъ отступленіемъ Наполеонъ обезпечилъ бы за Франціей границы, которыя Моро выигралъ для нея подъ Гогенлиндемомъ. «Французы убѣждены, пишетъ Луккезини, что державы ведутъ войну не противъ ихъ независимости и не противъ французскаго госу-

⁴⁾ См. выше, основанія замиренія, приложенныя къ трактату 11 апр. 1805: „Предѣлы Франціи, ограниченныя Мозелемъ и Рейномъ“... „Уступка Антверпена и области, заключающейся за чертой, проведенной отъ Мэстрихта“.

⁵⁾ 20—25 сентября 1805. Baillet, t. II, p. 384 note.

дарства, а единственно противъ личности Бонапарта и честолюбивыхъ замысловъ его семьи». — «Друзья порядка, благоразумія и умѣренности не только не испугались бы исчезновенія Наполеона, но даже сочли бы за великое благодѣяніе Провидѣнія, если бы смерть его очистила мѣсто для Іосифа» ⁶⁾.

Прибавьте къ этому впечатлѣніе отъ трафальгарскаго пораженія. Приѣздъ австрійскихъ уполномоченныхъ былъ возвышенъ парижской публикѣ въ театрахъ, во время представленія и «вызвалъ настоящіе взрывы восторга».

Полиція Фуше подсказываетъ эти мнѣнія, и потомъ излагаетъ ихъ въ своихъ бюллетеняхъ. Фуше никогда и ничего не понималъ въ дѣлахъ Европы. Всякій разъ какъ этотъ прониравивый полицейскій вѣшивался въ игру дипломатовъ, онъ неизмѣнно проигрывалъ партію. Теперь онъ вѣрить въ миръ, проповѣдуетъ и возвыщаетъ его. Іосифъ ведетъ въ Парижѣ свою кампанію, параллельную съ Наполеоновской. Онъ готовится къ провиденціальной роли *нужнаго* человека. *Нужнаго* для Франціи, стремленіе которой къ миру онъ восхваляетъ вмѣстѣ съ ея иллюзіями относительно границъ; *нужнаго* для Европы, которая найдетъ въ немъ человека, наиболѣе способнаго къ роли, предоставляемой ею Бурбону, наиболѣе склоннаго къ утвержденію европейскаго мира. Ко всему этому и онъ, подобно графу д'Артуа, увѣренъ, что сохранить Франціи ея завоеванія. Зналъ ли онъ, что тайный договоръ 11-го апрѣля уже назначилъ ему, въ будущей, передѣланной Европѣ, тронъ, но только не французскій? Исповѣдуясь передъ Луккезини ⁷⁾, Іосифъ раскрываетъ ему намѣренія, которыя онъ приписываетъ Наполеону, и которыя имѣютъ въ виду Тироль, Венецію, Триестъ, оба берега Адриатики и «наконецъ—Египетъ и старинныя притязанія на Индію». — «Другъ мира, пишетъ Луккезини, вполне сознающій его настоятельную необходимость для Франціи, но придавленный подъ желѣзнымъ скипетромъ, посредствомъ котораго Наполеонъ болѣе сдерживаетъ и угнетаетъ имперію, чѣмъ царствуетъ въ ней и управляетъ ею; опасующійся деспотическаго пыла своего упоеннаго успѣхами брата, честолюбивыхъ совѣтовъ своего зятя Мюрата, ищущаго для себя трона въ этой войнѣ и зажигательныхъ внушеній окружающихъ его генераловъ, для которыхъ война—источникъ обогащенія и почестей,—принцъ Іосифъ показался мнѣ очень неувѣреннымъ въ благопріятномъ исходѣ переговоровъ графа Гаугвица».

⁶⁾ См. у фр. Массона, т. III, стр. 139 и слѣд.—Донесеніе Луккезини, 23 ноября 1805.

⁷⁾ Roederer, *Conversations*, t. III, p. 495.

«Вы думаете, что Людовикъ XIV былъ любимъ? говорилъ нѣкогда Наполеонъ. Думаете ли вы, что вашъ Генрихъ IV пользовался любовью народа и былъ оплаканъ имъ, когда его убили? Нѣтъ... Подождите военной удачи... Все это недовольство разсѣется. Знаете ли вы, что это очень грозная армія?»⁸⁾

Да, эта великая армія была, безъ сомнѣнія, силой грозной, прекрасной, самой усовершенствованной, наилучше подготовленной и снабженной, самой солидной, благоустроенной и послушной изъ всѣхъ армій, которыми когда-либо обладала Франція⁹⁾. Все въ ней приспособлено повиноваться одному, но этотъ одинъ—все, и духъ повиновенія, царящій вокругъ него, вытѣсняетъ духъ личной отваги и самостоятельной предпримчивости: все преклоняется передъ его непогрѣшимостью, но все и поглощается ею. И, однако, Наполеонъ долженъ полагаться на личную инициативу каждаго изъ своихъ подчиненныхъ: простой вѣстовой, обязаный во время доставить порученные ему приказы, уже пугается въ ней для того, чтобы, избѣгая засадъ и разыскивая пути въ незнакомой ему мѣстности, исполнить свое порученіе. И онъ исполняетъ это порученіе не потому, что въ арміи еще не погасло одушевленіе, что въ ней еще кипитъ духъ молодости, что она проникнута любовью къ отечеству, рвеніемъ къ славѣ и честному исполненію служебнаго долга¹⁰⁾.

По мѣрѣ своего удаленія отъ родной страны, эта армія приходитъ въ безпорядокъ и развращается. Несмотря на страшныя репрессіи, дисциплина падаетъ, число отсталыхъ умножается, грабежъ и мародерство свирѣпствуютъ неудержимо, такъ какъ не хватаетъ провіанта и фуража. «Разбитыя дороги, застрявшія въ грязи телеги, отчаянные крики возчиковъ, валяющіяся на землѣ и издыхающія отъ голода и холода лошади, и вездѣ, куда ни взглянешь, солдаты, рыскающіе по полямъ—одни за поискомъ пищи, другіе на охотѣ за дичью... такова картина. «Эти великія арміи, говоритъ Сегюръ, подобно колоссальнымъ статуямъ, хороши только издали».—«Чтобы любить войну, говоритъ молодой солдатъ, одинъ изъ тѣхъ, которые носятъ въ своемъ ранцѣ жезлъ маршала, надо имѣть каменное, чуждое всего человѣческаго, сердце... Ужасы войны, разоренныя деревни, несправедливости, варварство... Ремесло героя такъ

⁸⁾ MABROT, t. I, p. 214.—SÉGUR, t. II, p. 352.—MARMONT, t. II, p. 302.—ROUSSET, *l'Art de Napoléon*.

⁹⁾ SAINT-BEUVE, *Nouveaux Lundis*, t. XIII, статья Jomini, p. 83, 84, 94. FEZENSAC, p. 109—110.

¹⁰⁾ MABROT, t. I, p. 214.—SÉGUR, t. II, p. 352.—MARMONT, t. II, p. 302.—ROUSSET, *l'Art de Napoléon*.

недалеко отъ ремесла разбойника!»¹¹⁾. Иностранцы ошеломлены при видѣ столькихъ бѣдствій, такого безпорядка, такой выносливости и такого великолѣпнаго исполненія самыхъ сложныхъ маневровъ! «Эта великая французская армія, заявляетъ офицеръ старой Франціи, эмигрантъ на баварской службѣ, набѣгала какъ наводненіе... Въ пять часовъ вечера, передъ Ульмомъ, я смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ презрѣніемъ, а въ семь часовъ утра я уже только любовался ею». Движенія этой побѣдоносной арміи похоже на бѣгство отъ непріятеля: бѣгство впередъ, вмѣсто бѣгства назадъ; передъ вами громадная сѣтлока, неизобразимая бѣготня въ перегонку по загроможденнымъ дорогамъ, черезъ поля. Нѣтъ болѣе дѣленія на полки и корпуса, нѣтъ рѣчи о привалѣ и отдыхѣ. Мѣстами зажигаются костры, солдаты грѣются около нихъ, и изъ-за мѣсть у огня происходятъ свалки... Императоръ ѣдетъ на конѣ, взятомъ изъ коюшни вюртембергскаго герцога, офицеры генеральнаго штаба на лошадяхъ, захваченныхъ на почтовой станціи. Но вотъ прискакали адъютанты; они кричатъ: «Стройтесь въ каре», и хаосъ распутывается. «Какъ бы по какому-то волшебству выступаютъ изъ него дивизіи, построенныя въ атаку колонны и возникаютъ стройныя массы, которыми маршалъ Ней управляетъ съ искусствомъ опытнаго вояки. Ни малѣйшаго промедленія»¹²⁾. Это армія, прекрасно организованная для побѣды, но уже готовая рассыпаться въ прахъ послѣ пораженія.

Солдаты ея великолѣпны для большого сраженія, которымъ закончится война, для войны, которая будетъ послѣдней! Но они французы до мозга костей, и какъ всѣ французы, лелѣютъ въ своей душѣ химеру покоя, увлекаются иллюзіей мира. Наполеонъ для нихъ идолъ; но онъ увлекаетъ ихъ за собою разсужденіемъ; онъ еще больше, чѣмъ республиканскіе генералы временъ комитета общественнаго спасенія, посвящаетъ ихъ въ тайну своихъ политическихъ замысловъ и военныхъ комбинацій и относится къ солдату какъ къ человѣку и гражданину. Онъ ласкаетъ народное чувство. «Вы, говоритъ онъ, не болѣе какъ передовой отрядъ великаго народа... Я употреблю всѣ усилія, чтобы добыть побѣду съ возможно меньшимъ пролитіемъ крови; мои солдаты—мои дѣти... Эта битва будетъ послѣдней. Эта побѣда закончитъ нашу кампанію... Тогда я заключу миръ, достойный моего народа, достойный меня и васъ»¹³⁾.

¹¹⁾ SAINT-BEUVE, *Nouveaux Lundis*, t. XIII, статья Jomini, p. 83, 84, 94.—FEZENSAC, p. 109—110.

¹²⁾ *Lettres de Bugeaud*, publiées par d'Ideville; *le Maréchal Bugeaud*.—SÉGUR, t. II, p. 382, 419, 420, 427.—FEZENSAC, p. 58, 69—70.—THIEBAULT, t. III, chap. XIV.—*Correspondance de Davout*, t. I.

¹³⁾ COMEAU, *Souvenirs des guerres d'Allemagne*, chap. XVIII и XIX.

Однажды, когда войска дефилировали передъ нимъ, какой-то нѣмецкій генералъ, желавшій угодить ему какъ царедворецъ, сказалъ: «вотъ самые совершенные солдаты въ мірѣ». — «Да, отвѣтилъ императоръ, — если бы они только могли забыть, что у нихъ есть отечество и семьи». 1-го декабря вечеромъ, бесѣдуя со своими офицерами и вспоминая свои былыя мечты, прерванные подъ Сентъ-Жанъ-д'Акромъ, онъ сказалъ: «виѣсто сраженія въ Моравіи, я могъ бы выиграть сраженіе при Иссѣ, и сдѣлавшись императоромъ Востока, возвратился бы въ Парижъ черезъ Константинополь». — Но, замѣтилъ Сегюръ вполголоса, — если дѣло въ Константинополѣ, то мы еще находимся на дорогѣ къ нему ¹⁴). — Нѣтъ, сказалъ императоръ, я знаю французовъ. Они думаютъ, что хорошо тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Съ ними трудно дѣлать продолжительныя экспедиціи. Да вотъ вамъ: опросите нынче армію, и вы увидите, что всѣ подадутъ голосъ за возвращеніе во Францію... Франція слишкомъ прекрасна; они не любятъ такъ далеко отходить отъ нея, слишкомъ надолго разлучаться съ нею». Жюно указалъ, въ видѣ возраженія, на клики энтузіазма, раздававшіеся въ рядахъ; но Мутонъ, сохранившій республиканскую смѣлость рѣчи, круто прервалъ его: «Эти клики доказываютъ совсѣмъ обратное, сказалъ онъ, — не надо морочить себя. Армія устала, съ нея довольно... Она съ такимъ жаромъ стремится къ бою потому, что надѣется завтра покончить съ войною и возвратиться во-свои» ¹⁵). Бюжо пишетъ своей сестрѣ 1-го декабря: «Онъ обѣщалъ дать намъ миръ послѣ этого сраженія... Мы отвѣтили ему кликами радости... Казалось, что каждый изъ насъ празднуетъ близость возвращенія къ своей семьѣ».

Это признаки времени, которые надо ловить на лету, въ краткіе моменты ихъ появленія; они исчезнутъ послѣ побѣды, но безъ нихъ исторія утрачиваетъ послѣдовательность событій и становится рядомъ необъяснимыхъ случайностей.

Такимъ образомъ, благодаря побѣдамъ своей арміи, Наполеонъ держитъ въ своихъ рукахъ и Францію и самую армію. Тѣмъ же удерживаетъ онъ при себѣ и своихъ союзниковъ, и прежде всего своихъ нѣмецкихъ союзниковъ: Баденъ, Вюртембергъ, Баварію, этихъ южныхъ маленькихъ пруссаковъ, раздувшихся отъ поглощенныхъ ими церковныхъ имуществъ, воспитанныхъ на публичномъ правѣ Фридриха II, покорныхъ слугъ передъ завоеваніемъ Силезіи, измѣнниковъ послѣ этого завоеванія.

¹⁴) Прокламація 30 сент.; V Бюллетень, 12 окт.; прокламація 21 окт. IX-й Бюллетень, 21 окт.; XV-й Бюллетень, 31 окт.; XXVI, XXVII, XXVIII бюллетени, 18, 19, 21 ноября; дневной приказъ, 24 ноября; арміи, 1 дек.; XXX, XXXI Бюллет., 3 и 5 дек. 1805 г.

¹⁵) THIÉBAULT. t. III, p. 394.—SEGUR, t. II, p. 459, 460.

Они измѣнили дѣлу Германіи, чтобы получить отъ Наполеона бранныя останки Германіи; они измѣняютъ Наполеону, чтобы Германія оставила за ними то, что они получили отъ Наполеона. Послѣ пораженія Франціи, всѣ эти нѣмцы, союзники и наемники, сбросятъ маски и обратятся противъ нея. Тоже и въ Италіи. По мѣрѣ удаленія Гувіона изъ Неаполя страхъ тамъ исчезаетъ. Съ 14-го декабря 13,000 русскихъ и 7,000 англичанъ высадились въ этомъ королевствѣ. 20-го ноября неаполитанское правительство совершаетъ разрывъ съ Франціей, потому что Массена разбитъ, и оно чувствуетъ наступающую для французовъ годину бѣдствій, подобныхъ тѣмъ, которыя они испытали въ 1799 г. ¹⁶). Португалія находится въ станѣ непріятелей Франціи. Испанія ей враждебна, она чувствуетъ себя униженной и въ гибели своей Армады съ отчаяніемъ оплакиваетъ утрату своего послѣдняго престижа. Испанскій дворъ дружить съ неаполитанцами, благодаря женщинамъ; Годой отдается всякому, кто ему платитъ; народъ — тому, кто его избавитъ отъ ненавистнаго французскаго союза. Много будетъ уже и то, если этотъ союзникъ не обратится въ непріятеля ¹⁷).

Но все это движенія, совершающіяся лишь на поверхности Европы. Подъ ними, и благодаря примѣру, данному самой Франціей, готовится глубокая, неожиданная и гораздо болѣе грозная революція. Подобно комитету общественнаго спасенія и Директоріи, Наполеонъ воображалъ, «что для народовъ не можетъ быть лучшей независимости и другого болѣе завиднаго счастья, какъ быть подъ властью французовъ, — этихъ революціонеровъ во время III года республики; безтолковыхъ хищниковъ подъ властью и по подобію Директоріи и, наконецъ, во времена Имперіи, — такихъ же законодателей, фискальныхъ администраторовъ и кригсъ-комиссаровъ по отношенію къ другимъ народамъ, какими оказалась имперія по отношенію къ своей собственной странѣ. Онъ не признаетъ традицій за предѣлами Франціи. Нѣтъ націй внѣ Франціи, внѣ этой *великой націи*; она одна обладаетъ истиной и распространяетъ справедливость, говорили революціонеры; она одна устанавливаетъ право и обладаетъ силой, говоритъ Наполеонъ. Однако, сѣмена, заброшенные революціей въ души людей, начинаютъ прорастать: они всходятъ въ Италіи у итальянцевъ, въ Германіи — у нѣмцевъ, въ Бельгіи — у фламандцевъ, въ Батавіи — у голландцевъ.

И между тѣмъ, какъ Наполеонъ старается приурочить знаніе своей имперіи къ королевскимъ сооружеціямъ прежняго порядка и картоннымъ республикамъ Директоріи, почва подъ нимъ колеблется и ускользаетъ.

¹⁶) HELPERT, p. 187—202.—CRESCERY, p. 170.

¹⁷) BAUMGARTEN, t. I, p. 125—126.

Когда онъ падетъ—пламя, скопившееся въ вулканическихъ очагахъ, вырвется наружу, разольется по Европѣ, и «потопъ революціи» поглотитъ великую армію, какъ онъ поглотилъ въ 1799 г. остатки арміи итальянской. Въ то время, какъ замыслы 1813 года уже обнаруживаются въ станѣ союзниковъ, а интриги и заговоры 1814 бурлятъ во Франціи, великій взрывъ народнаго чувства готовится подъ ногами армій.

Италія не измѣнилась: ненависть народа къ иностранцамъ тамъ такъ же свирѣпа, какъ во время Шампюиона и Макдональда ¹⁸⁾. Въ Генуѣ обнаруживается непокорность, въ Пьемонтѣ составляются заговоры. «Тосканцы преданы австрійцамъ». «Въ случаѣ отступленія итальянской арміи, достаточно было бы появленія одного австрійскаго полка, чтобы народъ возсталъ и, можетъ быть, изгналъ бы королеву» ¹⁹⁾.

Въ Германіи, въ первобытныхъ горныхъ странахъ Тироля, народъ возстаетъ точно такъ же, какъ и въ старину, противъ нашествія иностранцевъ по призыву своего государя, духовенства и дворянства. Народы равнины, болѣе повидимому благодарные и къ тому же живущіе подъ опекой полиціи, подчиняются побѣдителю, не мѣшаютъ ему проходить по ихъ странѣ и даже, какъ въ Баваріи, радостно привѣтствуютъ его, когда онъ избавляетъ ихъ отъ ненавистныхъ имъ австрійцевъ; но мало-по-малу хищное и грубое нашествіе производитъ свое дѣйствіе, пробуждая въ душахъ ужасъ къ войнѣ, а затѣмъ и къ людямъ, ведущимъ ее. Французовъ терять и даже любить cadaго въ отдѣльности за ихъ личные качества, но ихъ ненавидятъ въ массахъ. Къ тому же они разсыпаютъ по дорогѣ идеи независимости, хвастливо выставляютъ себя въ примѣръ, и презрѣніе, съ которымъ они относятся къ народу за рабскіе передъ его господами и ими самими, пробуждаетъ въ этомъ народѣ чувство человеческого достоинства, сознаніе, что у него есть отечество, что и онъ принадлежитъ къ націи, и что это отечество и нація созданы не для того, чтобы служить для другихъ полемъ битвы, лагеремъ или казармами ²⁰⁾. Путь отступленія среди этихъ угнетенныхъ народовъ не ознаменуется такими ужасами, какъ въ Италіи, но онъ все же будетъ труденъ: ихъ подчиненіе быстро превратится въ вражду. Моро испыталъ это въ 1796 году, а Журданъ въ 1799 г.

¹⁸⁾ Здѣсь я лишь отмѣчаю мимоходомъ признаки совершающейся эволюціи и дамъ резюме этихъ фактовъ, когда они раскроются во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ.

¹⁹⁾ Талейранъ Наполеону, 7 окт.—BERTRAND, Наполеонъ Ласепеду, 17 сент. 1805 г.

²⁰⁾ См. FOURNIER, *Gentz und Cobenzl*.

Изъ всѣхъ завоеванныхъ французами странъ, лѣвый берегъ Рейна представляется самымъ мирнымъ; народы, обитающіе тамъ, обладая свойственнымъ имъцамъ простодушіемъ и послушаніемъ, не имѣютъ чувства отечества; да и завоеваніе было для нихъ выгодно и благотѣльно. Эти не возстанутъ, но они позволяютъ взять себя обратно своимъ соотечественникамъ, какъ они позволяли взять себя французамъ. Голландія прямо враждебна къ французамъ, тамъ желаютъ англичанъ, призываютъ ихъ, и если батавы не выказываютъ героизма, подвинувшаго ихъ въ былыя времена на борьбу съ Людовикомъ XIV, то они все-таки съ радостью будутъ привѣтствовать своихъ избавителей, откуда бы они ни пришли—съ моря или съ суши, и кто бы они ни были—англичане или русскіе, пруссаки или ганноверцы; а изъ Голландіи возстаніе распространится на Бельгію, гдѣ никогда не пачезалъ мятежный духъ ея фламандской Ванды ²¹⁾. «Слухи о войнѣ, нишеть одинъ префектъ, возбудили не мало сожалѣній и надеждъ. Иллюзіи, неосуществимость которыхъ была столько уже разъ доказана, благодаря генію императора и храбрости нашихъ войскъ, возрождаются снова»... Враги Франціи возвѣщаютъ войну съ Австріей какъ счастливое событіе, имѣющее освободить страну отъ существованія на военномъ положеніи...

Такова Европа, которая поглотитъ Наполеона, если онъ будетъ побѣжденъ въ Моравіи. Но такова и парадоксальная судьба Наполеона, что, въ случаѣ побѣды, онъ окажется въ положеніи еще болѣе затруднительномъ, чѣмъ во время своей борьбы съ коалиціей. Рядомъ боевыхъ ударовъ будетъ онъ продолжать начатое дѣло, и каждая счастливая война только заставитъ его все дальше подвигать свои все болѣе и болѣе слабѣющіе передовые отряды, чрезмѣрно расширяя искусственную ограду Франціи. Такъ народы, отвоевавшіе свою почву у океана, подвигая все далѣе и далѣе свои плотины, которыя по мѣрѣ удаленія становятся болѣе тонкими и менѣе способными противустоять волненіямъ открытаго моря, — только расширяютъ поле для будущаго наводненія, когда ударъ урагана прорветъ эти слабыя загражденія. Чѣмъ болѣе Европа подчиняется владычеству Наполеона, тѣмъ болѣе тяжелой ложится она на его плечи, и тѣмъ тяжелѣе и стремительнѣе обрушится она на Францію, если дрогнетъ рука и ослабѣютъ мышцы поддерживающаго ее колосса.

Онъ сознаетъ это; и наканунѣ битвы, которая, какъ онъ предчувствовалъ, будетъ лишь этапомъ на пути, не имѣющемъ конца, брешью, открывающей ходъ къ недоступному, онъ 30 ноября послалъ Талейрану слѣ-

²¹⁾ См. Lanza de Laborie, *la Domination française en Belgique*, t. II, liv. I, 1804—1809.—POLLET, *l'Esprit public en Belgique*. — Rapports des préfets, octobre—decembre, 1895.

дующія, проникнутыя меланхоліей и почти мучительной тоскою строки: «Завтра, по всей вѣроятности, будетъ большое сраженіе; я много бы далъ, чтобы избѣжать его, такъ какъ это бесполезное пролитіе крови... Я занимаю сильную позицію; жалѣю о дорогихъ и почти безцѣльныхъ жертвахъ». Затѣмъ, рассказываетъ одинъ изъ его адъютантовъ, ударяя хлыстомъ по землѣ, его обычные жесты въ минуты сильной озабоченности, Наполеонъ воскликнулъ: «Чтобы они сдѣлали съ Франціей, если бы я былъ разбитъ? Но такъ какъ они хотятъ этого, то я умываю руки, и если Богу угодно, дамъ имъ суровый урокъ». И затѣмъ онъ сталъ уже думать только о сраженіи.

Одно изъ самыхъ могучихъ свойствъ генія Наполеона заключалось въ его способности сосредоточиваться всею своимъ существомъ на предстоящемъ дѣлѣ, и оно притягивало его неодолимымъ соблазномъ войны: онъ пытался на нѣсколько часовъ держать въ рукахъ свою судьбу. Наканунѣ сраженія, на бивакахъ, его видѣли вполне владѣющимъ собою, спокойнымъ и даже склоннымъ къ экспансивности. Заведя рѣчь о театрѣ и остановившись на Корнелѣ, онъ воскликнулъ: «Какая сила замысла! Онъ могъ бы быть государственнымъ человѣкомъ»... Затѣмъ, не думая о томъ, что самъ онъ, пока будетъ живъ человѣческій геній, явится однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ сюжетовъ для мирового театра, онъ прибавилъ: «Великой пружиной новѣйшей трагедіи должна быть политика. Ей предстоитъ замѣнить на нашей сценѣ роль античнаго рока; того рока, который дѣлаетъ Эдипа преступникомъ, хотя онъ невиненъ... Напрасно думаютъ, что трагическіе сюжеты уже исчерпаны; они кишатъ въ дѣлахъ политической необходимости.., этой другой судьбы, столь же неотвратимой и повелительной, какъ судьба древнихъ... Чувство ужаса, умѣряемое сознаніемъ необходимости!.. Надо хотѣть жить и умѣть умирать»...

Ночью его разбудилъ адъютантъ извѣстіемъ о завязавшемся на аванпостахъ боѣ. Наполеонъ вышелъ, чтобы еще разъ обзрѣть позицію непріятеля по зажженнымъ имъ огнямъ. Солдаты узнали его и свертѣвъ изъ бивуачной соломы факелы, освѣщали ему путь. Другъ за другомъ огни зажглись по всей линіи его пути при кликахъ *да здравствуетъ императоръ!* Завтра годовщина его коронаціи. Совпаденіе было хорошимъ предзнаменованіемъ. Эта иллюминація и этотъ энтузіазмъ привели въ восхищеніе Наполеона. «Это самый лучший вечеръ въ моей жизни», сказалъ онъ. На другой день произошла лучшая изъ его битвъ и была одержана знаменитѣйшая изъ его побѣдъ: Аустерлицъ.